

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 5 (159)
сентябрь — октябрь 2020

СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА

СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ,
СЕКСУАЛЬНОСТЬ

СОЦИОЛОГИЯ
НАУКИ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2020. — № 5 (159). — 648 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Т. А. Нестик, И. В. Задорин

Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз 4

Д. Г. Подвойский

(У)строители тюрем, или Как институты становятся врагами людей? (перечитывая классиков) 29

O. L. Chernozub

Implicit Factors and Voting Behavior Inconsistency: From an Attitude to Behavior 71

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

М. О. Макушева, Е. Г. Чо

Теневой рынок алкоголя: к определению основных типов и мотивов потребителей..... 90

М. Е. Маркин, Е. И. Чефанова

Социальное значение денег для пенсионеров в российской деревне 112

Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская

Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России 130

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

Е. Ю. Рождественская

Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность 155

М. А. Голева

Как молодые люди осмысливают вступление в брак? Истории о знакомстве и свадьбе в интервью молодых супругов 186

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

Л. А. Бархатова

Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества 204

А. В. Ходыкин

Космос глазами социологов: астросоциология как новая социологическая дисциплина 222

А. В. Швецова, А. А. Симонова, Н. Н. Давыдова

Воспроизводство кадрового потенциала науки в оценке молодых российских ученых: результаты прикладного исследования 248

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: сентябрь — октябрь 2020 269

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

П. В. Демин, Е. А. Сорочан

Социальные эффекты онлайн-сообществ: нетнография YouTube-сообщества вышивальщиц 312

Н. В. Корытникова

Оценка информационной наполненности интернет-представительств органов местного самоуправления в Луганской области (Украина)..... 344

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Е. Ю. Мулеев, О. А. Долецкая, Т. В. Глушкова

Изучение пассажирского опыта в результате введения Московского центрального кольца: посещение новых мест, причины выбора железнодорожного транспорта и проверка прогнозов пассажиропотоков..... 379

М. М. Старикова

Рынок жилья как отражение жилищной стратификации городов 403

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

М. С. Соломин

Профессиональный риск: «избежать нельзя, принять» (на примере работников угольных предприятий Новокузнецка)..... 430

А. В. Аникиева

Трудовая мобильность населения моногородов Свердловской области 449

А. А. Подольская

Карьерные стратегии женщин-инженеров на предприятиях ракетно-космической отрасли: цели и возможности реализации.....467

О. В. Вилкова

Гендер как дискриминирующий признак профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков..... 490

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

С. В. Коржук, Э. В. Коротких

«Все ограничения в нашей голове»: опыт профессиональных спортсменов с инвалидностью 517

Н. В. Большаков, А. С. Бабкина

«Нормально мы будем работать»: адаптация незрячих студентов в вузах 540

И. К. Зангиева, К. А. Лесных

Межгрупповые различия в установках к людям с расстройствами аутистического спектра (РАС)..... 559

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

М. G. Kolosnitsyna, N. A. Khorkina, M. V. Lopatina

Factors Affecting Youth Physical Activities: Evidence from Russia 578

О. Г. Исупова

Гендерная специфика жизненных планов молодежи Дальнего Востока России..... 602

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

И. Е. Дискин

Крах и рождение института из взрыва повседневности 629

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1700](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700)

Т. А. Нестик, И. В. Задорин

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗ

Правильная ссылка на статью:

Нестик Т. А., Задорин И. В. Отношение россиян к глобальным рискам: социально-демографические и психологические факторы восприятия угроз // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 4—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>.

For citation:

Nestik T. A., Zadorin I. V. (2020) Russians' Attitudes towards Global Risks: Socio-Demographic and Psychological Factors Affecting People's Perception of Threats. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 4—28. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1700>. (In Russ.)

ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ УГРОЗ

НЕСТИК Тимофей Александрович — доктор психологических наук, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, Москва, Россия
E-MAIL: nestik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>

ЗАДОРИН Игорь Вениаминович — руководитель, Исследовательская группа ЦИРКОН, Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: zadorin@zircon.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

Аннотация. Обоснована актуальность изучения динамики и закономерностей отношения россиян к глобальным рискам в условиях пандемии. На основе анализа результатов международных исследований рассматриваются различия в содержании массовых страхов по поводу глобальных рисков в различных регионах мира, а также социально-психологические типы отношения людей к глобальным рискам. Представлены результаты проведенного в сентябре 2019 г. всероссийского опроса населения ($N = 1600$), направленного на выявление массовых страхов и социально-психологических характеристик отношения к глобальным рискам у представителей разных социально-демографических категорий россиян. Показано, что уверенность перед лицом глобальных угроз под-

RUSSIANS' ATTITUDES TOWARDS GLOBAL RISKS: SOCIO-DEMOGRAPHIC AND PSYCHOLOGICAL FACTORS AFFECTING PEOPLE'S PERCEPTION OF THREATS

Timofei A. NESTIK¹ — Dr. Sci. (Social Psychol.). Head of the Laboratory of Social and Economic Psychology
E-MAIL: nestik@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1410-4762>

Igor V. ZADORIN^{2,3} — CEO; Senior Researcher at the Center for Complex Social Studies
E-MAIL: zadorin@zircon.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

¹ Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² ZIRCON Research Group, Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The paper substantiates the importance of studying the dynamics and patterns of the Russians' attitudes towards global risks in a pandemic. Based on the analysis of international studies the authors examine different components of collective fears related to global risks in various regions of the world as well as social and psychological types of people's attitudes towards global risks. The paper presents the findings of a Russian nationwide survey conducted in September 2019 ($N = 1600$) and aimed at identifying collective fears and social and psychological features of the attitudes towards global risks across various socio-demographic categories of the population. The study shows that confidence in the face of global threats is supported by individual's social resources: higher education, high social

держивается социальными ресурсами личности: высшим образованием, высоким социальным статусом, хорошим экономическим состоянием, проживанием в крупном городе с развитой инфраструктурой, возможностями территориальной мобильности. Предикторами тревоги по поводу глобальных рисков оказались частота просмотра телевидения и внимание к новостям о глобальных катастрофах; чувство уязвимости, связанное с неудовлетворительным материальным благосостоянием и ростом неравенства; групповая и территориальная самоидентификация; а также общий уровень тревоги о будущем. Высокий уровень тревоги по поводу угроз сопровождается низким социальным доверием, консервативными установками и ориентацией на авторитарных лидеров. Анализ динамики восприятия глобальных рисков в 1996, 2006 и 2019 гг. позволяет говорить о росте беспокойства по поводу войны и стабильно высоком уровне тревоги по поводу эпидемий, природных катастроф и бедствий. Выявлены наиболее распространенные среди россиян социально-психологические стратегии реагирования на глобальные риски: ориентация на коллективное противодействие угрозам, фаталистическое игнорирование и религиозный традиционализм.

Ключевые слова: глобальные риски, массовые страхи, пандемия, изменение климата, социальная идентичность, доверие

Благодарность. Исследование выполнено по гранту РФФИ №18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

status, high level of economic well-being, opportunity to live in a large city with good infrastructure, and opportunity for geographical mobility. Predictors for anxiety related to global risks are frequency of exposure to TV watching and focus on the news about global disasters; a sense of vulnerability related to poor financial well-being and rising inequality; group and territorial self-identification; and a general level of anxiety about the future. Higher anxiety levels come with low social trust, conservative settings and orientation towards authoritarian leaders. Analysis of the dynamics in the perceptions of global threats in 1996, 2006 and 2019 points to increasing war-related anxiety and stable levels of disquietude related to epidemics, natural disasters. The study identifies the most common strategies of response to global threats among Russians, more specifically, a focus on collective resistance to threats, fatalistic ignorance and religious traditionalism.

Keywords: global risks, fears, pandemic, climate change, group identity, social trust

Acknowledgments. The study is supported by the Russian Science Foundation grant (project No. 18-18-00439 “Psychology of human beings in conditions of global risks”).

Введение

Пандемия COVID-19, ставшая одновременно беспрецедентным медицинским, социально-экономическим и информационно-политическим явлением, резко обострила вопрос о корректном восприятии населением разных стран глобальных вызовов и угроз. Многолетние разговоры в кругу элит о «едином мире», «общепланетарных рисках» и «глобальных проблемах, затрагивающих всех жителей Земли», для подавляющего числа россиян до последнего времени были лишь внешним информационным фоном, возможно любопытным, но слабо связанным с их реальной жизнью и насущными проблемами. Тотально распространенный среди советских граждан страх мировой ядерной войны уже не доминирует среди граждан, чья социализация проходила после 1985 г. Более поздние угрозы, связанные с изменением климата, истощением природных ресурсов, экологическим загрязнением, при всей их действительной актуальности до последнего времени не казались россиянам повсеместными, требующими коллективных (общемировых) усилий и рассматривались локально (в пределах региона проживания) с соответствующими претензиями к локальным стейкхолдерам.

Угроза заражения коронавирусом SARS-Cov-2, возможно, впервые после холодной войны и связанной с ней ядерной угрозой привела большую долю российского населения в состояние страха перед лицом именно глобальной угрозы, пришедшей в Россию из-за рубежа и требующей серьезных совместных усилий всего общества и государства. Не случайно столь популярной для обозначения неожиданного явления стала метафора войны. Пандемия COVID-19 потребовала от очень многих россиян существенных изменений социального поведения (другой формат трудовой активности, ограничения передвижения, домашняя изоляция, физическое дистанцирование и пр.). Отношение к этим изменениям (в том числе готовность следовать санитарно-эпидемиологическим требованиям) во многом определялось восприятием *серьезности (существенности) угрозы, доверием к действиям властей и ощущением ответственности за здоровье (и даже жизнь) окружающих людей*. Причем оперативные исследования, проведенные с марта по июнь 2020 г., показали широкий спектр возможных реакций на угрозу массового заболевания и требования по обеспечению эпидемиологической безопасности: от полного непризнания (игнорирования) до панического страха и чрезмерной (патологической) самоизоляции. В связи с этим вопрос адекватности восприятия гражданами глобальных угроз перестает быть предметом сугубо академических исследований. Выявление ключевых социально-психологических факторов восприятия глобальных проблем и рисков, а также стимулов ответственного социального поведения в ситуации обострения угрозы, должно стать важным полем прикладных исследований для формирования эффективной информационной и социальной политики государства и общественных объединений в соответствующих чрезвычайных ситуациях.

В настоящей статье авторы хотели бы представить результаты проведенных ими исследований по теме общественного восприятия глобальных рисков, которые могут послужить для постановки вопросов будущих исследовательских проектов прикладного характера.

Глобальные риски в массовом сознании: международные сравнения

Под глобальными рисками принято понимать вероятные события, явления или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно многим странам или отраслям мировой экономики. Согласно отчету Всемирного экономического форума, в 2020 г. в пятерку наиболее вероятных глобальных рисков входят *экстремальные погодные явления, неспособность адаптироваться к изменению климата, природные бедствия, сокращение биологического разнообразия, антропогенные экологические катастрофы* [The Global Risks Report, 2020]. Можно сказать, что судьба человечества все больше зависит от отношения к этим глобальным рискам, то есть от особенностей антиципации, переживания и осмысления как самих глобальных угроз, так и возможной совместной деятельности, направленной на их усиление, использование или предотвращение.

Эмпирические исследования массовых страхов¹, связанных с глобальными рисками, свидетельствуют о том, что острота их переживания различается в разных регионах мира. Это подтверждается результатами около 80 тыс. интервью, проведенных в 40 странах агентством Pew Research в 2015 и 2017 гг.² Итоги опроса 2015 г. показывают, что в Латинской Америке, Южной Африке, Индии и Китае жители считали наиболее серьезной угрозой *глобальное изменение климата*, тогда как у жителей стран Ближнего Востока, США и Европы наибольшие опасения вызывала *угроза международного терроризма*, в Польше и Украине наибольшей угрозой считали *Россию*, в Израиле — *ядерную программу Ирана*, а во Вьетнаме — *Китай*. Есть и угрозы, беспокоящие большинство жителей земного шара. Опрошенными жителями 19 из 40 стран, в которых проводилось исследование в 2015 г., назвали в качестве наиболее серьезной угрозы *глобальное потепление*. В других странах, в том числе в России, наиболее значимой была угроза *экономической нестабильности*³.

Согласно исследованию, проведенному в 2018 г. среди жителей Австралии, Бразилии, Китая, Германии, Индии, России, Южной Африки, Швеции, Великобритании и США агентством ComRes по заказу Global Challenges Foundation, наиболее значимыми для респондентов оказались риски *изменения климата, стихийных бедствий и природных катастроф, политически мотивированного насилия, эпидемий и использования оружия массового уничтожения* [Attitudes to Global Risk..., 2018].

Приведенные данные исследований последних лет подтверждают выводы более раннего пилотного проекта одного из авторов статьи, реализованного с партнерами в 2006 г. на онлайн-платформе GMI. По итогам опросов населения стран

¹ Под *массовыми (коллективными) страхами* в настоящей статье понимаются неспецифичные страхи (тревоги, опасения, беспокойства), охватывающие значительное число лиц под воздействием общих для этих лиц (неиндивидуальных) угроз.

² Carle J. (2015) Climate Change Seen as Top Global Threat Americans, Europeans, Middle Easterners Focus on ISIS as Greatest Danger. *Pew Research Center*. July 14. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/07/14/climate-change-seen-as-top-global-threat/> (дата обращения: 11.10.2020); Poushter J., Manevich D. (2017) Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats. *Pew Research Center*. August 1. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/01/globally-people-point-to-isis-and-climate-change-as-leading-security-threats/> (дата обращения: 11.10.2020).

³ Carle J. (2015) Climate Change Seen as Top Global Threat Americans, Europeans, Middle Easterners Focus on ISIS as Greatest Danger. *Pew Research Center*. July 14. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/07/14/climate-change-seen-as-top-global-threat/> (дата обращения: 11.10.2020).

«Большой восьмерки» был сделан вывод о социокультурных основаниях различий в опасениях и тревогах граждан относительно социальных угроз. «Общий уровень тревожности в странах континентальной Европы (Франция, Германия, Италия) существенно выше, чем в „атлантических“ странах (США, Канада, Великобритания). При этом в первом случае заметно выше актуальность культурной проблематики (традиции, мораль и т. п.), а во втором — респонденты чаще опасаются угроз, связанных с возможной потерей социального комфорта. В известной мере можно говорить о двух типах тревожного сознания — „европейском“ и „атлантическом“» [Задорин, 2006а: 98].

В некоторых из указанных выше исследований было выявлено, что различия в оценке рисков существенно детерминируются идеологическими и политическими предпочтениями. Так, в Европе и США сторонники правых взглядов и партий более высоко оценивали угрозу *вынужденной миграции* и угрозу *со стороны ИГИЛ*, чем представители левого политического крыла. Наоборот, угрозу *глобального изменения климата* респонденты левых политических взглядов оценивают выше, чем сторонники правых. В США 86% опрошенных либералов (сторонников Демократической партии) признали *глобальное потепление* серьезной угрозой, тогда как среди консерваторов (сторонников Республиканской партии) таких оказалось всего 13%⁴.

Кросс-культурные различия в содержании осознаваемых глобальных рисков, а также динамика значимости угроз связаны с тем, что массовые страхи являются своего рода проекцией на будущее тех проблем, которые актуальны для общественного сознания сегодня. Очевидно, что представления о будущем формируются при обсуждении текущей социальной реальности, тех событий настоящего, которые затрагивают интересы крупных социальных групп [Чего опасаются россияне, 2008; Задорин, Шубина, 2009]. С одной стороны, социальные страхи помогают оценивать настоящее, облегчают и легитимируют социальную категоризацию. С другой стороны, они мобилизуют ресурсы социальной группы и, повышая внимание к той или иной информации, дают возможность подготовиться к различным сценариям развития событий. Внимание к рискам зависит от групповых представлений о мире, культурных и политических ценностей, информационных каналов, доверия людей друг к другу и социальным институтам [Kasperson et al., 2003].

Обобщая результаты зарубежных исследований, можно сделать вывод, что среди респондентов наиболее развитых в экономическом плане стран «западного мира» распространен социальный пессимизм. По данным кросс-культурного исследования, 24% опрошенных считают, что в ближайшие 100 лет с вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли [Randle, Eckersley, 2015]. Очевидно, что такого рода фаталистические воззрения влияют на выбор модели социальной реакции на угрозу, причем в большей степени предполагая пассивное реагирование.

Имеющиеся данные об отношении людей к конкретным рискам (ядерной угрозе, изменению климата, терроризму и др.) позволяют с уверенностью говорить

⁴ Poushter J., Manevich D. (2017) Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats. Pew Research Center. August 1. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/01/globally-people-point-to-isis-and-climate-change-as-leading-security-threats/> (дата обращения: 11.10.2020).

о существовании множества типов отношения к глобальным рискам. Например, исследования представлений о глобальном потеплении у американцев позволили выделить несколько сегментов аудитории [Roser-Renouf, Maibach, 2018]: «алармисты» (12%), «озабоченные» (27%), «осторожные» (25%), «безразличные» (10%), «скептики» (15%), «противники» (10%). В своих исследованиях Р. Экерсли выделяет три основных психологических типа отношения к возможному исчезновению человечества с лица земли: нигилистическое, фундаменталистское и активистское [Randle, Eckersley, 2015]. При нигилистическом отношении признание неизбежности катастрофы сопряжено с гедонизмом и стремлением жить во благо близкого круга лиц. Фундаментализм характеризуется убеждениями в том, что мы вступаем в окончательную войну добра и зла и для сохранения человечества необходимо вернуться к традициям и религиозным ценностям. Наконец, активизм предполагает веру в то, что для спасения мира необходимы радикальные изменения и объединение усилий.

Посвященные глобальным рискам популяционные исследования, проводившиеся ранее в России и за рубежом, либо были направлены на выявление содержания и динамики массовых страхов, либо были сфокусированы на изучении представлений о путях предотвращения какого-то определенного типа рисков. Анализ психологических стратегий, используемых россиянами для совладания с информацией о глобальных рисках, с учетом социально-демографических характеристик респондентов ранее не проводился. Между тем эмпирические исследования показывают, что информирование о глобальных рисках требует учета именно такого рода социально-психологических характеристик личности [Leiserowitz et al., 2018; Roser-Renouf, Maibach, 2018].

Дизайн и методы эмпирического исследования

Для выявления связи между обеспокоенностью теми или иными угрозами и социально-психологическими характеристиками отношения к глобальным рискам у представителей разных социально-демографических категорий россиян в рамках проекта Института психологии РАН в сентябре 2019 г. было проведено популяционное исследование в виде всероссийского опроса населения (формализованное интервью face-to-face)⁵. Выборочная совокупность ($N = 1600$) репрезентирует взрослое население России по параметрам пола, возраста, образования, типу населенного пункта и географии (региональной представительности). В исследовании приняли участие жители восьми федеральных округов: Центрального ($N = 430$), Северо-Западного ($N = 174$), Южного ($N = 192$), Северо-Кавказского ($N = 96$), Приволжского ($N = 306$), Уральского ($N = 153$), Сибирского ($N = 174$), Дальневосточного ($N = 75$).

Для выявления представлений россиян о глобальных рисках респондентам опроса предлагалось оценить по 4-балльной шкале свою обеспокоенность 15 возможными негативными изменениями ситуации в России и 15 возможными негативными изменениями в мире (глобальные риски). Для определения отношения к глобальным рискам была использована сокращенная 21-пунктная версия

⁵ Исполнитель опроса — Исследовательская группа ЦИРКОН (<http://www.zircon.ru>). В дальнейшем при ссылке на исследование указывается «Опрос ИП РАН — ЦИРКОН (2019)».

опросника «Отношение к глобальным рискам», ранее использовавшаяся одним из авторов в других исследованиях [Нестик, Журавлев, 2018]. Для измерения *глобальной, гражданской и локальной идентичности* использовались скрининговые вопросы, также апробированные в предшествующих исследованиях («Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством», «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России», «Я связываю свое будущее с судьбой своего города»). Кроме того, респондентам предлагалось выбрать из списка семь социальных категорий (например, россиянин, житель своего города, житель планеты Земля и др.) те самоидентификации, которые они лично считают для себя приоритетными. Для измерения *генерализованного социального и институционального доверия* респондентов просили оценить степень своего согласия с утверждениями «Я считаю, что большинству людей можно доверять» и «Я уверен, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся». Наряду с традиционным социально-демографическим блоком вопросов в анкету были включены пункты, направленные на выявление (1) *религиозной самоидентификации (вероисповедания)*, (2) *ощущения ответственности перед предшествующими и будущими поколениями*, (3) *доверия к СМИ*, (4) *удовлетворенности своей жизнью* и (5) *удовлетворенности текущим экономическим статусом*.

Опасения по поводу глобальных рисков среди представителей различных социально-демографических групп россиян

Рейтинг значимости различных глобальных рисков в массовом сознании россиян в целом представлен в виде частотных распределений ответов респондентов на вопрос: «Сейчас я буду перечислять Вам некоторые возможные негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире, а Вы скажите, в какой мере Вас беспокоят эти явления». Варианты ответов в виде 4-балльной шкалы: 0 — «Совершенно не беспокоит», 1 — «Немного беспокоит», 2 — «Определенно беспокоит», 3 — «Очень сильно беспокоит (вызывает страх)» (см. рис. 1).

Данные опроса ИП РАН — ЦИРКОН (2019) хорошо согласуются с результатами опросов Фонда «Общественное мнение» за 2015—2019 гг., согласно которым наибольшую тревогу вызывают антропогенные экологические глобальные риски: угрозы химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов и засорения планеты отходами. Более того, по данным ФОМ, озабоченность экологическими последствиями человеческой деятельности растет, тогда как значимость экстремальных погодных явлений снижается⁶. Возможно, россияне придают большее значение тем рискам, на которые они могут повлиять через активизм и политические решения. Это может указывать на механизм, аналогичный когнитивному диссонансу: нагнетаемая СМИ тревога по поводу глобальных рисков требует действий, но поскольку граждане не видят способов повлиять на ситуацию, они неосознанно занижают вероятность и последствия глобальных угроз, используя дискурсивные стратегии депроблематизации: «Политики разберутся...», «Этим должны заниматься специальные службы!», «Есть более важные социальные проблемы!», «Природа сама справится!» [Kellstedt, Zahran, Vedlitz, 2008; Нестик, Журавлев, 2018].

⁶ Тревоги и опасения: повседневная жизнь, страна, мир // Фонд «Общественное мнение». 2019. 16 апреля. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14194> (дата обращения: 11.10.2020).

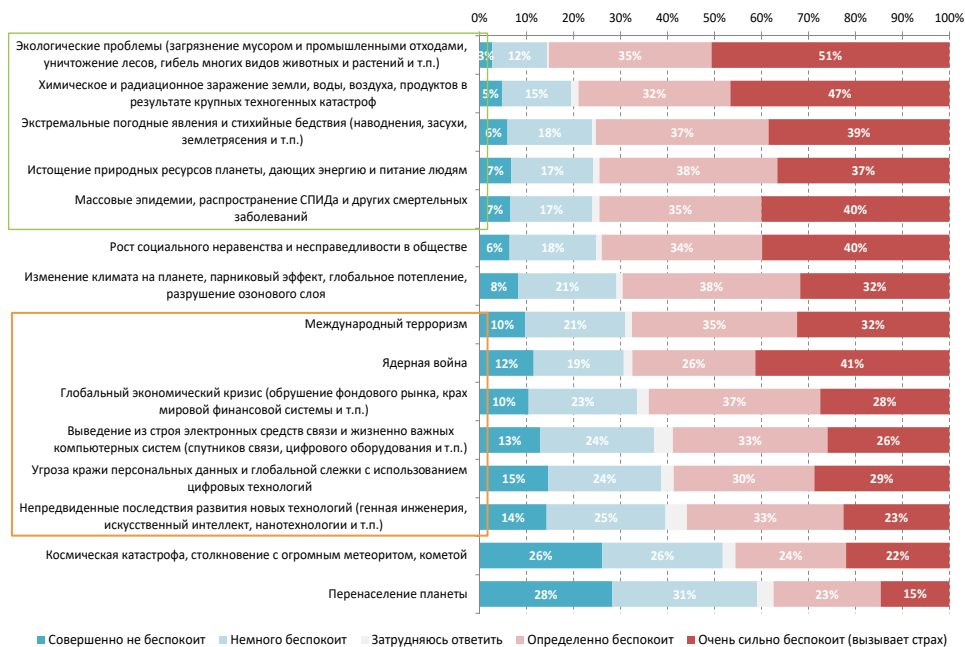

Рис. 1. Уровень обеспокоенности глобальными рисками (в % от всех респондентов)

В контексте пандемии COVID-19 обращает на себя внимание доля респондентов, которых определенно или очень сильно беспокоила в сентябре 2019 г. угроза «массовых эпидемий, распространения СПИДа и других смертельных заболеваний» — 74,5%. Удивительным образом эта доля точно совпадает со средней долей респондентов ВЦИОМ, отвечавших во время пандемии на вопрос «Опасаетесь ли Вы сейчас, что Вы сами или Ваши близкие могут заболеть коронавирусом?» «очень боюсь» и «в какой-то мере опасуюсь» — 74% (данные 10 опросов со 2 апреля по 13 июня). В известной степени этот уровень может считаться оценкой доли российских граждан, в той или иной степени включенных в «дискурс заражения» и чувствительных к соответствующей информации.

Представленный в вопроснике перечень глобальных рисков, судя по результатам факторного анализа (альфа-факторный анализ с вращением varimax, суммарная объясненная дисперсия = 51%), в массовом сознании хорошо разделяется на две группы: (1) риски, связанные с экологическими и природными явлениями, (2) риски, связанные с социальными и технологическими явлениями и процессами. В таблице 1 указаны факторные нагрузки исходных переменных, а также доля респондентов, испытывающих очень сильное беспокойство (страх) по поводу соответствующего явления (угрозы).

На основе указанного разделения были построены две индексные переменные (индексы опасений), каждая из которых представляет собой сумму баллов по восьми исходным переменным (переменная «обеспокоенность ядерной войной» вошла в оба индекса, поскольку имела примерно одинаково высокие нагрузки по обо-

им факторам). Два индекса, значения которых изменяются от 0 до 24, хорошо коррелируют друг с другом (см. рис. 2), что означает сходные оценки степени беспокойства по поводу разных глобальных рисков, которые многие российские респонденты высказывают, не разделяя по существу разные риски и не разбираясь в них. Фактически это делает обоснованным предположение об *общей основе этих оценок — общем уровне тревоги по поводу будущего.*

Таблица 1. Распределение глобальных рисков по факторам — индексам опасений

Исходная переменная (угроза, опасность)	Фактор 1 (нагрузки)	Фактор 2 (нагрузки)	% опасяющихся
Экологические проблемы (загрязнение мусором и промышленными отходами, уничтожение лесов, гибель многих видов животных и растений и т. п.)	,770		85 %
Химическое и радиационное заражение земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф	,733		79 %
Истощение природных ресурсов планеты, дающих энергию и питание людям	,659		75 %
Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний	,609		75 %
Экстремальные погодные явления и стихийные бедствия (наводнения, засухи, землетрясения и т. п.)	,557		75 %
Изменение климата на планете, парниковый эффект, глобальное потепление, разрушение озонового слоя	,624		70 %
Ядерная война	,498	,466	68 %
Рост социального неравенства и несправедливости в обществе		,251	74 %
Международный терроризм		,568	68 %
Глобальный экономический кризис (обрушение фондового рынка, крах мировой финансовой системы и т. п.)		,591	64 %
Выведение из строя электронных средств связи и жизненно важных компьютерных систем (спутников связи, цифрового оборудования и т. п.)		,686	59 %
Угроза кражи персональных данных и глобальной слежки с использованием цифровых технологий		,657	59 %
Непредвиденные последствия развития новых технологий (генная инженерия, искусственный интеллект, нанотехнологии и т. п.)		,488	56 %
Космическая катастрофа, столкновение с огромным метеоритом, кометой	,312		46 %
Перенаселение планеты		,631	37 %

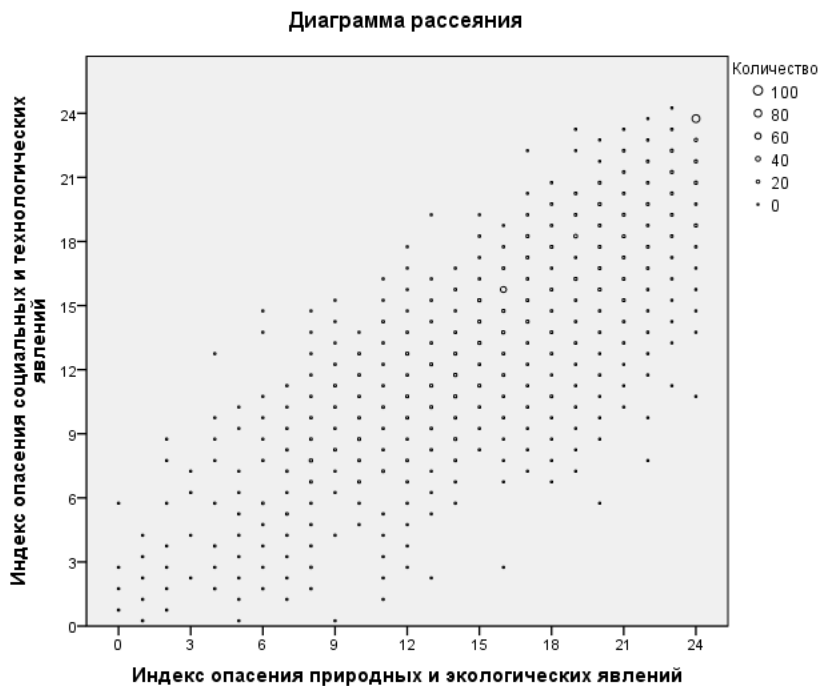

Рис. 2. Диаграмма рассеяния респондентов в пространстве индексов опасений

Далее будут показаны другие общие основания для восприятия разных глобальных рисков.

При детальном анализе распределения значений индексных переменных для различных социально-демографических групп выявились следующие различия:

— женщины и респонденты старшего возраста несколько чаще дают высокие оценки своему беспокойству по поводу глобальных рисков, чем мужчины и молодежь; различия между указанными группами невелики, но статистически значимы;

— лица со средним (и ниже) образованием, со средним экономическим положением и невысоким потребительским статусом заметно более тревожны, чем респонденты с высшим образованием, хорошим экономическим положением и высоким потребительским статусом («можем позволить себе дорогие покупки»);

— жители Москвы, Санкт-Петербурга, городов-миллионников, а также идентифицировавшие себя как «европеец» или «гражданин мира» (глобальная идентичность), существенно менее тревожны, чем жители сёл, небольших городов и лица с региональной идентичностью («считаю себя прежде всего жителем данной области, края...»);

— жители ЦФО, СЗФО и ПФО заметно реже высказывают серьезные опасения, чем жители ЮФО, СКФО, УФО, СФО и особенно ДВФО; территориальные различия индексов опасений довольно заметны и, вероятно, связаны с природными особенностями регионов, в том числе частотой различного рода стихийных бедствий в них;

— респонденты, идентифицировавшие себя как *верующие православные*, чаще выражают высокое беспокойство по поводу глобальных рисков, чем *атеисты* («ответы «Не считаю себя верующим человеком»).

Выявленные различия в оценке глобальных рисков можно обобщить на основе концепции социальных ресурсов индивида. Очевидно, что высшее образование, высокий социальный статус, хорошее экономическое состояние, проживание в крупном городе с развитой инфраструктурой, возможности территориальной мобильности — все это социальные ресурсы человека, позволяющие ему чувствовать себя увереннее перед лицом различных угроз, ощущать себя более защищенным. Напротив, отсутствие таких ресурсов естественно вызывает повышенную тревожность, выражающуюся в том числе в более высокой обеспокоенности далекими и малопонятными глобальными рисками.

Помимо социально-ресурсных факторов, во многом определяющих выраженность тревоги респондентов относительно глобальных рисков, в исследовании был выявлен фактор с самой высокой различительной силой. Им оказался фактор включенности респондента в *информационный поток СМИ*: чем выше частота просмотра ТВ, тем выше оценки опасений. Далее влияние этого фактора на выраженность тревоги по поводу глобальных рисков будет подтверждено и другими данными.

Визуализация вышеуказанных различий представлена на рисунке 3, где в пространстве двух индексных переменных позиционированы различные социально-демографические группы респондентов: координатами каждой группы являются средние значения индексных переменных для данной группы респондентов.

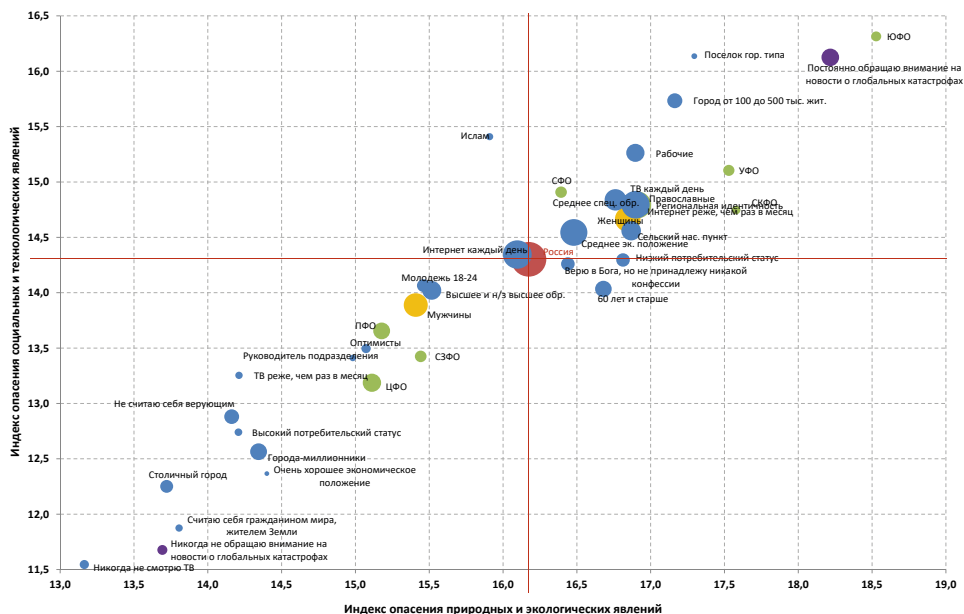

Рисунок 3. Позиционирование различных социально-демографических групп в пространстве индексов опасений по поводу глобальных рисков (средние значения индексов опасений для разных групп)

Динамика тревоги по поводу негативных глобальных явлений

Конечно, можно предположить, что восприятие глобальных угроз (и оценка их «опасности») существенно зависит от того контекста, в котором находится респондент (прежде всего имеется ввиду событийный контекст, текущий информационный фон, наличие/отсутствие собственного опыта переживания соответствующей угрозы). В этой связи любопытно посмотреть, как изменялись оценки тревоги россиян по поводу некоторых глобальных рисков в течение последних десятилетий с учетом изменяющегося контекста. В таблице 2 приведены данные трех исследовательских проектов, разделяемые довольно большими временными промежутками⁷. Следует признать, что все три сравниваемых опроса проводились с несколько различающимся инструментарием и схемами формирования выборки респондентов. Вместе с тем, как нам кажется, при определенной модификации шкалы измерения (приведение к 3-балльной) сравнение вполне возможно на качественном уровне и весьма показательно (см. табл. 2а). Для расширения сравнительного анализа приводим также данные по некоторым «внутрироссийским рискам» (см. табл. 2а)⁸.

Таблица 2. Динамика восприятия некоторых глобальных рисков (% респондентов с соответствующими ответами на вопрос)

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Химическое и радиационное заражение земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф</i>				
Меня это не беспокоит	2	10	5	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	29	32	47	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	68	57	47	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	2	Затрудняюсь ответить
<i>Массовые эпидемии, распространение СПИДа и других смертельных заболеваний</i>				
Меня это не беспокоит	6	12	7	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	30	44	52	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	64	44	40	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	2	Затрудняюсь ответить

⁷ 1996 г. — проект «Катастрофическое сознание в современном мире» (Институт социологии РАН, Мичиганский университет (США), группа ЦИРКОН), всероссийский опрос населения, число респондентов — 1350 человек (проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

2006 г. — проект «Восприятие социальных рисков и угроз населением стран СНГ» (НП МИА «Евразийский монитор»), всероссийский опрос населения России, численность респондентов = 1600 человек (разработка опросника и проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

2019 г. — «Восприятие гражданами России глобальных рисков и угроз» (Опрос ИП РАН — ЦИРКОН), всероссийский опрос населения, численность респондентов = 1600 человек (проведение полевых работ — группа ЦИРКОН).

⁸ Подробнее см. [Задорин, 2006b] и [Задорин, Шубина, 2006].

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Экстремальные погодные явления и природные катастрофы и бедствия (засухи, пожары, наводнения, землетрясения)</i>				
Меня это не беспокоит	17	15	6	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	48	43	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	34	42	39	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	1	1	1	Затрудняюсь ответить
<i>Крупные террористические акты (взрывы, поджоги, захват заложников)</i>				
Меня это не беспокоит	12	8	10	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	41	33	56	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	45	58	32	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	1	1	Затрудняюсь ответить
<i>Ядерная война</i>				
Меня это не беспокоит	25	21	12	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	36	40	45	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	37	30	41	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	8	2	Затрудняюсь ответить

Таблица 2а. Динамика восприятия некоторых внутрироссийских рисков (% респондентов с соответствующими ответами на вопрос)

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Угроза нападения других государств, возможная война России с другими государствами</i>				
Меня это не беспокоит	39	32	13	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	35	38	52	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	22	29	33	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	4	1	2	Затрудняюсь ответить

1996—2006 «В какой мере вас тревожит возможность следующих опасных явлений (событий)?»	1996	2006	2019	2019 «В какой мере вас беспокоят следующие негативные (отрицательные) изменения ситуации в мире?»
<i>Угроза гражданской войны, революции, политические беспорядки</i>				
Меня это не беспокоит	10	33	16	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	40	43	57	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	48	23	25	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	1	2	Затрудняюсь ответить
<i>Угроза диктатуры и массовых репрессий, ограничения демократических свобод</i>				
Меня это не беспокоит	27	46	18	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	39	35	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	28	17	23	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	6	3	4	Затрудняюсь ответить
<i>Рост преступности, криминализация общества</i>				
Меня это не беспокоит	4	5	7	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	28	29	55	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	66	65	37	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	2	0	1	Затрудняюсь ответить
<i>Коррупция, произвол властей и беззаконие</i>				
Меня это не беспокоит	9	11	4	Совершенно не беспокоит
Испытываю некоторое беспокойство	33	34	45	Немного беспокоит + Определенно беспокоит
Испытываю сильную тревогу + испытываю постоянный страх	53	53	50	Очень сильно беспокоит (вызывает страх)
Затрудняюсь ответить	5	1	1	Затрудняюсь ответить

Как видим, за более чем 20 лет общий уровень тревожности по большинству угроз (особенно внутрироссийских) снизился. Однако эти изменения не радикальны и вполне интерпретируются на основе анализа изменения социально-политического контекста. Так, существенное уменьшение уровня страха «химического и радиационного заражения земли, воды, воздуха, продуктов в результате крупных техногенных катастроф» очевидно является следствием постепенного ухода «чернобыльского синдрома» (со скоростью смены поколений) в отсутствие в стране сколь-нибудь сопоставимых техногенных аварий. Также понятно резкое сокращение страха терроризма после окончания чеченской войны (и поствоенного террора) и постепенного ухода в историю терактов 11 сентября 2001 г. Вместе

с тем беспокойство по поводу ядерной войны становится более распространенным, что хорошо коррелирует с ростом уровня беспокойства относительно угрозы возможной войны России с другими государствами после известных событий 2008 г. (российско-грузинский конфликт) и 2014 г. (российско-украинский конфликт). Также обращает на себя внимание стабильность уровня тревоги по поводу природных катастроф и бедствий, поддерживаемого регулярно случающимися в стране наводнениями, лесными пожарами и т. п., хорошо освещаемыми средствами массовой информации.

Социально-психологические стратегии реагирования личности на глобальные угрозы

Несмотря на то что большая часть глобальных рисков вызывает довольно схожую реакцию большинства россиян (две трети и более респондентов выражают обеспокоенность десятью из пятнадцати предложенных к оценке рисков), психологические «основания» этой обеспокоенности весьма различны.

В исследовании ИП РАН — ЦИРКОН (2019) респондентам предлагалось выразить свое согласие/несогласие с суждениями, отражающими определенные психологические установки восприятия глобальных рисков, включая возможное поведение при повышении вероятности угроз. Набор суждений был сформирован на основе опросника «Отношение к глобальным рискам», ранее использовавшегося одним из авторов в других исследованиях [Нестик, Журавлев, 2018]. Степень согласия измерялась по 5-балльной шкале от 1 до 5. Результаты опроса приведены в таблице 3.

Таблица 3. Характеристики отношения к глобальным рискам

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Тревога по поводу глобальных рисков	Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков	11 %	8 %	24 %	21 %	33 %	4 %
	Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества	14 %	11 %	28 %	22 %	21 %	5 %
Необходимость объединения усилий (сотрудничества) для предотвращения угроз	Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо учиться договариваться и понимать друг друга	3 %	5 %	15 %	22 %	49 %	6 %
	Массовые бедствия, техногенные и гуманитарные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям	7 %	8 %	25 %	24 %	27 %	9 %
	Чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности	4 %	5 %	20 %	25 %	41 %	4 %

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благо своих близких перед неизбежной катастрофой	Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно жить сегодняшним днем и получать удовольствие от жизни	16%	12%	23%	18%	24%	7%
	В случае глобальной катастрофы кто-то из людей наверняка выживет, и жизнь будет продолжаться	9%	8%	25%	20%	28%	10%
	Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей	9%	12%	27%	20%	24%	9%
Религиозный традиционализм: возвращение к традиционным религиозным ценностям	Все в руках Божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	19%	12%	21%	17%	21%	11%
	Чтобы предотвратить масштабные угрозы человечеству, нам нужно вернуться к традиционным религиозным учениям и ценностям	17%	12%	26%	18%	17%	10%
Надежда на лидеров: вера в то, что лидеры стран разрешат кризис, принимая решения во благо человечества	В случае мирового кризиса, угрозы «большой» войны или глобальной катастрофы государственные лидеры будут действовать в интересах всего человечества, они не допустят катастрофы	19%	12%	27%	17%	14%	10%
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	Лучший способ предотвратить ядерный удар — нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	50%	11%	12%	9%	8%	10%
	Ради спасения всего человечества можно пожертвовать интересами отдельных стран и категорий людей	31%	13%	22%	13%	11%	10%
Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода	Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет	32%	13%	17%	12%	11%	16%
Авторитаризм: поддержка сильных политиков	Для предотвращения глобальных угроз нужны политики, способные принимать жесткие, непопулярные решения	9%	10%	28%	23%	19%	12%

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Выживание: вера в возможность выживания в глобальной катастрофе при соответствующей подготовке	Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)	18%	12%	25%	19%	17%	9%
Активизм: готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф	14%	11%	27%	20%	18%	10%
Ориентация на самозащиту: готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	Я предпринимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи	39%	14%	20%	12%	8%	8%
	Масштабные катастрофы можно с большой уверенностью предсказать заранее	14%	13%	26%	20%	16%	10%
Отношение к алармизму в массмедиа	Я стараюсь быть в курсе того, что пишут СМИ о глобальных угрозах	15%	15%	32%	20%	15%	4%
	Нагнетание тревоги в СМИ по поводу глобальных катастроф только мешает поиску путей их предотвращения	9%	11%	31%	20%	17%	11%

Как видно из результатов опроса, среди россиян наиболее распространена (по крайней мере на уровне деклараций) ориентация на стратегию **коллективного предупреждения и противодействия угрозам**: «Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо учиться договариваться и понимать друг друга», «чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности». В той или иной степени с этими установками солидаризовались более 2/3 респондентов. Напротив, **индивидуалистические стратегии** («предпринимаю меры для защиты себя и своей семьи») и их радикальная антитеза «**избирательного гуманизма**» («ради спасения всего человечества можно пожертвовать интересами отдельных стран и категорий людей») не получила большой поддержки — несогласных около половины. Довольно распространены установки «**фаталистического игнорирования угрозы**» и «**религиозного традиционализма**» («все в руках Божьих»). Вместе с тем налицо весьма высокая дифференциация (дисперсия) оценок согласия/несогласия с разными

суждениями, что свидетельствует о фрагментированности массового сознания, разнообразии культурных стереотипов россиян. Это может создать определенные трудности при реализации общенациональных кампаний по предупреждению (профилактике) и противодействию глобальным угрозам (в том числе в случае массовых эпидемий).

Выявлены **региональные различия** в выраженности характеристик отношения к глобальным рискам. Наиболее низкие показатели *тревоги по поводу глобальных рисков* и *апокалиптизма* оказались у жителей Центрального и Северо-Западного федеральных округов, тогда как наиболее высокие они у респондентов из Уральского, Дальневосточного, Южного и Приволжского округов. При этом высокие показатели *апокалиптизма* в Уральском и Дальневосточном округах сопровождаются также самым высоким уровнем *оправданности радикальных решений для предотвращения катастроф*. По-видимому, выявленные различия могут объясняться разной подверженностью российских округов природным рискам [Атлас природных и техногенных..., 2005; Доклад об особенностях климата..., 2019], а также, возможно, сформировавшимся у жителей этих регионов чувством «заброшенности», оторванности от центра принятия решений и источника усилий, направленных на решение проблем, стоящих перед страной.

Коллективное (совместное) спасение от глобальных угроз, которое, судя по данным опроса, предпочитают россияне, очевидно требует соответствующего уровня общественного доверия и готовности взять ответственность за благополучие и жизнь других людей. В вопросник ИП РАН — ЦИРКОН (2019) были включены суждения, касающиеся таких установок. Результаты в виде частотных распределений ответов приведены в таблице 4.

Таблица 4. **Индикаторы общественного доверия и ответственности**

Параметр	Суждения (установки)	Совершенно не согласен	2	3	4	Полностью согласен	3/о
Ответственность за других	Я чувствую ответственность за свои поступки перед поколениями моих близких и далеких предков (родителями, дедами и прадедами и т. д.)	9%	8%	26%	24%	29%	5%
	Я чувствую ответственность за благополучие будущих поколений людей	8%	7%	26%	26%	29%	5%
	Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством	18%	15%	27%	17%	17%	7%
Доверие (межличностное и институциональное)	Я считаю, что большинству людей можно доверять	14%	15%	30%	24%	14%	3%
	Я уверен, что в случае массового бедствия федеральные и региональные власти окажут поддержку всем нуждающимся	25%	17%	27%	16%	10%	5%

Из таблицы 4 видно, что при высоком уровне декларируемой ответственности за других (более 50 % респондентов, по их словам, чувствуют ответственность перед предками и будущими поколениями) уровень межличностного и особенно институционального доверия вызывает опасения за эффективное сотрудничество граждан и власти во время чрезвычайных ситуаций.

Некоторые социально-психологические факторы восприятия глобальных рисков

Одной из рабочих гипотез описываемого исследования ИП РАН — ЦИРКОН (2019) являлась гипотеза о влиянии психологических и социокультурных установок на восприятие глобальных рисков и выраженность тревоги по поводу них.

Для проверки данной гипотезы был осуществлен множественный линейный регрессионный анализ, в котором значения двух индексных переменных опасений (см. выше) моделировались через независимые переменные 30 суждений-установок.

Вычислительные эксперименты были остановлены на двух представленных ниже регрессионных моделях (см. табл. 5а и 5б).

Таблица 5а. *Предикторы тревоги по поводу природных и экологических явлений*

Характеристики отношения к глобальным рискам	B	Стд. ошибка	Бета	t	Знач.
(Константа)	11,754	,756		15,539	,000
Q14.3 В случае глобальной катастрофы кто-то из людей наверняка выживет, и жизнь будет продолжаться	-,256	,100	-,056	-2,562	,010
Q14.19 Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет	,246	,098	,058	2,514	,012
Q14.20 Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков	,351	,120	,082	2,937	,003
Q14.21 Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества	1,296	,126	,297	10,259	,000
Q14.23 Я чувствую ответственность за благополучие будущих поколений людей	,333	,113	,071	2,959	,003
Q4.1 Прежде всего, скажите, как часто Вы обычно...? — Смотрите телепередачи (на любом устройстве, в том числе онлайн)	-,439	,105	-,094	-4,198	,000
Q13. Обращаете ли Вы внимание на новости, сообщения в СМИ, посвященные глобальным катастрофам?	-,854	,142	-,135	-6,018	,000

Таблица 5б. **Предикторы тревоги по поводу социальных и технологических явлений**

Характеристики отношения к глобальным рискам	В	Стд. ошибка	Бета	t	Знч.
Q14.12 Я предпринимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи	,366	,100	,087	3,669	,000
Q14.15 Масштабные катастрофы можно с большой уверенностью предсказать заранее	,398	,103	,090	3,869	,000
Q14.19 Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет	,386	,101	,093	3,814	,000
Q14.21 Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества	1,077	,109	,251	9,888	,000
Q15.1 Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством	,308	,105	,073	2,942	,003
Q15.3 Я связываю свое будущее с судьбой своего города	-,299	,107	-,069	-2,806	,005
Q15.6 Я часто задумываюсь о будущем нашей страны	,304	,117	,066	2,598	,009
Q4.1 Прежде всего, скажите, как часто Вы обычно...? — Смотрите телепередачи (на любом устройстве, в том числе онлайн)	-,395	,106	-,086	-3,736	,000
Q13. Обращаете ли Вы внимание на новости, сообщения в СМИ, посвященные глобальным катастрофам?	-,814	,144	-,131	-5,658	,000

Нетрудно заметить, что одним из главных (и, возможно, решающим) фактором опасения по поводу глобальных рисков является **включенность респондента в катастрофический дискурс массмедиа** («ежедневный просмотр ТВ» и «частое обращение внимания на сообщения, посвященные глобальным катастрофам», фиксация тревог «*Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества*»). Другие важные факторы — «апокалиптичность» («*Я считаю весьма вероятным, что человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет*») и общая тревога по поводу будущего («*Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков*»). Заметим также, что на выраженность опасений по поводу социальных и технологических рисков влияет «космополитичность» респондента («*Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством*», «*Не связываю собственное будущее со своим городом*»).

Таким образом, в рамках исследования выяснено, что *основной вклад в значимость глобальных рисков вносят следующие социально-психологические факторы:*

1) внимание к информации СМИ в целом и к сообщениям о глобальных катастрофах в частности,

- 2) чувство уязвимости, связанное с неудовлетворительным материальным благосостоянием и ростом неравенства,
- 3) групповая и территориальная самоидентификация,
- 4) общий уровень тревоги по поводу будущего.

Эти данные подтверждают теоретические положения о том, что все глобальные риски, как антропогенные, так и природные, носят социальный характер, так как представления о них формируются преимущественно через СМИ, а сами риски оцениваются личностью на основании собственной групповой принадлежности [Douglas, Wildavsky, 1982; Нестик, 2016].

В целом проведенный анализ социально-психологических и социально-демографических характеристик различных типов отношения к глобальным рискам показывает, что *высокий уровень тревоги по поводу этих рисков* зачастую сопровождается консервативными установками и ориентацией на авторитарных лидеров.

Следует отметить важность чувства сопричастности к судьбе будущих поколений и готовность нести ответственность за них и других людей. Это, безусловно, ключевой элемент программ предупреждения и минимизации рисков негативных глобальных процессов.

Заключение

Восприятие населением глобальных рисков и угроз существенно отличается от восприятия внутристрановых и тем более локальных проблем. Прежде всего это связано с отсутствием у большинства населения личного опыта непосредственного контакта с источником угроз и переживания последствий тех или иных катаклизмов. В этой ситуации отношение к рискам (в том числе оценка реальной опасности) формируется в основном на базе сообщений СМИ и сформированных в ходе совместной жизнедеятельности социально-психологических паттернов реагирования на коллективную угрозу.

К сожалению, освещение в СМИ проблем глобального изменения климата, вирусных пандемий и других возможных природных катастроф носит преимущественно алармистский характер, что ярко отражается в названиях публикаций: *«Климатологи напугали мир: землю ждет аномальная жара»*, *«Человечеству предрекли „адскую“ жару»*, *«Предсказано скорое наступление глобальной катастрофы»* и т. п.

Такие «новости» и похожие публикации о планетарных угрозах, конечно, повышают озабоченность глобальными рисками, но никак не сказываются на готовности к участию в их предотвращении и защите от их последствий [Нестик, Журавлев, 2018]. Более того, само по себе нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков приводит к усилению фаталистических установок, закрепляет так называемую выученную беспомощность. Возникает когнитивный диссонанс между тревогой и собственным бездействием, который запускает различные защитные механизмы: снижение вероятности рисков, отодвигание их во времени и пространстве, использование дискурсивных стратегий их депроблематизации.

Между тем многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальном потеплении, свидетельствуют о том, что запугивание чаще демобилизует человека, чем настраивает его на активное сопротивление угрозе. Для

стимулирования человека к ответственному социальному поведению и соучастию в коллективном противодействии «напасти» (в том числе вирусному заражению) гораздо более эффективно увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь [Rakow, Heard, Newell, 2015; Нестик, Журавлев, 2018]. Действенными оказываются такие сообщения о глобальных рисках, которые повышают самооценку аудитории и открывают новые возможности, содержат информацию о конкретных шагах, которые позволяют людям почувствовать, что они в большей мере могут влиять на свое настоящее и будущее.

Глобальное изменение климата, истощение природных ресурсов, массовые эпидемии и другие пока недооцененные глобальные риски (например, непредвиденные негативные последствия развития технологий) в условиях социального пессимизма опасны не только и не столько физическими последствиями для качества жизни россиян, сколько своими макропсихологическими эффектами. Неверие в способность общества ответить на большие вызовы порождает новые виды депрессивных расстройств, усиливает переживание несправедливости и провоцирует асимметричные ответы молодого поколения на последствия недальновидной политики элит («синдром Греты Тунберг»). Ослабление экологических общественных организаций в России и преследования экоактивистов [Цепилова, 2019] сокращают возможности для конструктивного стратегического диалога и поиска сложных решений с учетом всех заинтересованных сторон. При низком социальном доверии формируются условия для солидаризации молодежи на основе коллективных страхов, а не на основе коллективных мечтаний и позитивных целей. При этом в российском обществе расширяется основа для поддержки быстрых, радикальных, авторитарных мер предотвращения глобальных рисков.

Данные, полученные авторами статьи в представляемом и других исследованиях, указывают на то, что нагнетание тревоги в СМИ публикациями о приближающихся природных катастрофах может приводить к деструктивным эффектам: такие публикации могут формировать фаталистические установки и нетерпимость к другим, снижая готовность людей к индивидуальным или коллективным действиям в условиях природной или антропогенной катастрофы. При информировании населения о возможных катастрофах и угрозах не следует противопоставлять человека природе, важно поддерживать доверие к социальным институтам и предлагать четкую программу действий, которая формирует самоуважение, повышает ответственность гражданина за свое собственное здоровье и жизнь, ориентирует его на заботу о других людях и укрепляет веру в способность влиять на свою судьбу [Нестик, Журавлев, 2018]⁹.

Список литературы (References)

Атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации / под общ. ред. С. К. Шойгу. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2005.

⁹ Игорь Задорин: «Я готов к тому, чтобы ускориться и заново побежать» // коронаФОМ: Фонд «Общественное мнение». 2020. 15 мая. URL: <https://covid19.fom.ru/post/igor-zadorin-ya-gotov-k-tomu-chtoby-uskoritsya-i-zanovo-pobezhat/> (дата обращения: 11.10.2020).

Shoygu S. K. (ed.) Atlas of Natural and Technological Hazards and Risks of Emergency Situations in the Russian Federation. Moscow: Design. Information. Cartography. (In Russian)

Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации. М.: Росгидромет, 2019.

Report on the Climate in the Russian Federation. (2019) Moscow: Roshydromet. (In Russ.)

Задорин И. В. Социальные угрозы: опасения и тревоги населения стран «Большой восьмерки» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006а. № 3. С. 91—98.

Zadorin I. V. (2006a) Social Threats: Fears and Anxieties of the Population of the G8 Countries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 91—98. (In Russ.)

Задорин И. В. Чего больше всего боятся россияне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006б. № 4. С. 109—118.

Zadorin I. V. (2006b) What Russians are Most Afraid of. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 109—118. (In Russ.)

Задорин И. В., Шубина Л. В. Восприятие россиянами социальных рисков и угроз: состояние и динамика за 10 лет // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 3. С. 29—38. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-42-3-29-38>.

Zadorin I. V., Shubina L. V. (2006) The Way Russians Perceive Social Risks and Threats: Status and 10-Year Dynamics. *Politeia: The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*. No. 3. P. 29—38. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2006-42-3-29-38>. (In Russ.)

Задорин И. В., Шубина Л. В. Социальные тревоги и опасения россиян // Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009. С. 112—129.

Zadorin I. V., Shubina L. V. (2009) Social Anxieties and Fears of Russians. In: Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V. (eds.) *Russia at a New Turning Point: Fears and Anxieties*. Moscow: Alpha-M. P. 112—129. (In Russ.)

Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1. С. 24—38.

Nestik T. A. (2016) Global Risks as a Psychological Phenomenon. *Ways to Peace and Security*. No. 1. P. 24—38. (In Russ.)

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018.

Nestik T. A., Zhuravlev A. L. (2018) Psychology of Global Risks. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Чего опасаются россияне? / под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, 2008.

Gorshkov M. K. (ed.) (2008) What are Russians Afraid of? Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)

Цепилова О. Д. Политическое и социально-экономическое развитие современной России: экологические ограничения и риски // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2019. № 2. С. 14—19. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>.

Tsepilova O. D. (2019) Political and Socio-Economic Development of Modern Russia: Environmental Obstacles and Risks. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 2. P. 14—19. <https://doi.org/10.33491/telescope2019.203>. (In Russ.)

Attitudes to Global Risk and Governance Survey 2018. (2018) Stockholm: Global Challenges Foundation. URL: <https://globalchallenges.org/wp-content/uploads/ComRes2018.pdf> (accessed: 11.10.2020).

Douglas M., Wildavsky A. B. (1982) *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley, CA: University of California Press.

Kasperson J. X., Kasperson R. E., Pidgeon N., Slovic P. (2003) The Social Amplification of Risk: Assessing Fifteen Years of Research and Theory. In: Pidgeon N., Kasperson R. E., Slovic P. (eds.) *The Social Amplification of Risk*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 13—46. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511550461.002>.

Kellstedt P. M., Zahran S., Vedlitz A. (2008) Personal Efficacy, the Information Environment, and Attitudes toward Global Warming and Climate Change in the United States. *Risk Analysis*. Vol. 28. No. 1. P. 113—126. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2008.01010.x>.

Leiserowitz A., Maibach E., Roser-Renouf C., Rosenthal S., Cutler M., Kotcher J. (2018) *Climate Change in the American Mind: March 2018*. New Haven, CT: Yale Program on Climate Change Communication. URL: <https://www.climatechangecommunication.org/wp-content/uploads/2018/04/Climate-Change-American-Mind-March-2018.pdf> (accessed: 11.10.2020).

Rakow T., Heard C. L., Newell B. R. (2015) Meeting Three Challenges in Risk Communication: Phenomena, Numbers, and Emotions. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 2. No. 1. P. 147—156. <https://doi.org/10.1177/2372732215601442>.

Randle M. J., Eckersley R. (2015) Public Perceptions of Future Threats to Humanity and Different Societal Responses: A Cross-National Study. *Futures*. Vol. 72. P. 4—16. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2015.06.004>.

Roser-Renouf C., Maibach E. W. (2018) Strategic Communication Research to Illuminate and Promote Public Engagement with Climate Change. In: Hope D. A., Bevins R. A. (eds.) *Change and Maintaining Change*. Cham: Springer. P. 167—218. https://doi.org/10.1007/978-3-319-96920-6_6.

The Global Risks Report 2020. (2020) Geneva: World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (accessed: 11.10.2020).

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1684](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684)

Д. Г. Подвойский

(У)СТРОИТЕЛИ ТЮРЕМ, ИЛИ КАК ИНСТИТУТЫ СТАНОВЯТСЯ ВРАГАМИ ЛЮДЕЙ? (ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ)

Правильная ссылка на статью:

Подвойский Д. Г. (У)строители тюрем, или Как институты становятся врагами людей? (перечитывая классиков) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 29—70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684>.

For citation:

Podvoyskiy D. G. (2020) Arranging an “Iron Cage”, or How Institutions Become Human Enemies (Revising the Classical Theories). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 29—70. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1684>. (In Russ.)

(У)СТРОИТЕЛИ ТЮРЕМ, ИЛИ КАК ИНСТИТУТЫ СТАНОВЯТСЯ ВРАГАМИ ЛЮДЕЙ? (ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ)

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru

https://orcid.org/0000-0002-7396-1828

Аннотация. В настоящей статье исследуются логика и механизмы «перерождения» социально-групповых образований, их структурной реконфигурации/«мутации» в процессе кристаллизации и формирования социальных институтов. Особый акцент делается на выявлении противоречивого и парадоксального характера институционализации социальных отношений. Рассматриваются такие прецедентные примеры метаморфоз социальных структур как рутинизация харизмы, превращение секты в церковь, контркультуры в культурный мейнстрим, олигархизация, бюрократизация, эволюция социальных движений. По ходу изложения автор обращается к ряду классических социологических концепций, интерпретирующих феномены социально-групповых и организационных трансформаций, наблюдаемых во многих типах общественных структур, и приводящих к сущностному видоизменению последних. Среди прочего отмечается вклад в исследование обозначенной проблематики М. Вебера, Р. Михельса, Й. Шумпетера, Ж. Эллюля и др. Общей рамкой анализа при этом становится концепция «трагедии культуры» (Г. Зиммель), постулирую-

ARRANGING AN “IRON CAGE”, OR HOW INSTITUTIONS BECOME HUMAN ENEMIES (REVISING THE CLASSICAL THEORIES)

Denis G. PODVOYSKIY^{1,2} — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor at the Department of Sociology; Leading Researcher E-MAIL: dpodvoiski@yandex.ru https://orcid.org/0000-0002-7396-1828

¹ Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Moscow, Russia

Abstract. The article is focused on the logic and mechanisms of transformation of social and group structures, their reconfiguration and “mutation” in the process of crystallization of social institutions. Special emphasis is made on identifying an ambiguous and paradoxical character of the institutionalization of social relations. The article examines precedent examples of social structure metamorphoses such as routinization of charisma, transformation of a religious sect into a church, transformation of counterculture into mainstream, oligarchization, bureaucratization, evolution of social movements. The author uses a number of classical sociological theories interpreting the phenomena of social and group and organizational transformation observed in many types of social structures. Besides that, the article analyzes the contribution to the topic made by M. Weber, R. Michels, J. Schumpeter, J. Ellul etc. The framework of the analysis is G. Simmel's concept of the tragedy of culture highlighting a fundamental conflict between individual's creative aspect as a subject of actions and stable (institutionalized and objectivized) forms of collective experience which put multiple limitations on the manifestation of

щая фундаментальный конфликт между творческой агентностью индивида как субъекта действия и устойчивыми (институционализированными и объективированными) формами коллективного опыта, накладывающими множественные ограничения на проявления «свободы» актора и определяющими (исторически складывающиеся и закрепляющиеся) структурные контексты общественной жизни.

Ключевые слова: «трагедия культуры», творчество, объективация, контркультура, институционализация, рутинизация харизмы, секта, церковь, социальные движения, олигархизация, отмирание предпринимательской функции, бюрократия, «железная клетка»

the actor's freedom and determine the structural contexts of social life.

Keywords: tragedy of culture, creativity, objectivization, counterculture, institutionalization, routinization of charisma, sect, church, social movements, oligarchization, regression of entrepreneurial function, bureaucracy, iron cage

Творец и его творения: странная диалектика

Люди думают, чувствуют, делают что-то поодиночке и сообща, вступают в те или иные отношения. Эти отношения сохраняются, воспроизводятся во времени. Одни люди уходят, другие занимают их место, а отношения остаются, хотя и меняются быстро или медленно. Люди ставят цели, к чему-то стремятся. В результате их действий многое получается, но далеко не всегда именно то, на что они рассчитывали. Порой то, что получилось, начинает им откровенно досаждать. Они оглядываются назад и, положив руку на сердце, вынуждены признать: то, что «получилось» — дело их собственных рук, хотя не этого они хотели, не это планировали. Продукты индивидуального и коллективного человеческого поведения образуют сложные цепочки, включающие множественные звенья так называемых непредвиденных последствий. Поколения, сменяющие друг друга на исторической сцене, каждое на свой лад продолжают в них путаться и одновременно кусать себе локти. У некоторых особо чувствительных индивидов даже развивается на этой почве своего рода синдром «строителей тюрем», сопровождающийся ощущением будто «мы собираем машину, которая всех нас раздавит» — и не только в какой-то «последний», отдаленный судный час, в будущем. Машина работает постоянно, в текущем настоящем (как и работала в прошлом), поскольку процесс коллективного *тюрьмо-у-строительства* продолжается изо дня в день, приобретая обыденные, рутинные формы.

Почему продукт человеческой деятельности нередко оборачивается против человека? Почему творение господствует над творцом? Почему стремятся к одному (хотят как лучше), а получается другое (как всегда)? Почему благими намерениями вымощена дорога в ад? Почему «традиции минувших поколений довлеют как

кошмар над умами (и делами) живых»? Почему институты так часто становятся врагами людей? И дело не в том, что они создаются в результате условно случайного сложения злонамеренной воли одних (меньшинства) и наивности других (большинства), как можно было бы подумать, читая «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства...» Ж.-Ж. Руссо. По крайней мере, дело не только в этом. Строители тюрем обычно верят, что они возводят какое-то иное, более прекрасное здание. Но имманентная хитрость самой процедуры конструирования обманывает, подчиняет себе незадачливого строителя.

Какова природа и механика парадокса? Эти вопросы слишком широко поставлены, а ответов может быть много. Сам разговор об этих сюжетах требует нюансировки — в зависимости от угла зрения и сферы, в которой он разворачивается. В любом случае, описываемый противоречивый процесс трансформации — от человека к его порождениям и обратно — не остался незамеченным и «обигрывается», интерпретируется на протяжении столетий в философии, литературе и искусстве, социальных науках, религии, обыденном сознании.

Самую широкую рамку для разговора предлагает философия, например, философия жизни и отчасти производный от нее экзистенциализм. При этом в ряде случаев философия и социология глаголят одними устами. Поздний Зиммель в концепции трагедии культуры переводит актуальное для его социологии противопоставление «содержания» и «формы» в универсальный масштаб извечной оппозиции жизни и ее конкретно-исторических объективизаций и воплощений в экономике, религии, искусстве и т. п. [Зиммель, 1996: 494—516]. Бергсоновский *élan vital*, энергетический первоисточник всех продуктов «творческой эволюции» усилиями человека кристаллизуется в формах материальной и духовной культуры, а кристаллизация в большей или меньшей степени предполагает застывание, затвердевание. Иначе невозможно! Морфогенез жизни протекает как процесс формообразования и формозакрепления. Человеческие потребности, цели, ценности и интересы закрепляются в устойчивых конфигурациях взаимодействий, — в том, что Зиммель называл формами обобществления (*Vergesellschaftungsformen*).

Всякое «что» оборачивается «как» и это «как» становится важнее, приобретая собственную инерцию. Люди не могут просто любить друг друга или рожать детей, но создают семью; они не могут просто верить в бога, но идут в церковь и ставят свечку или принимают участие в мессе; не могут просто орудовать кистью и красками по холсту, пером или ручкой по бумаге, но ставят себе рамки, заданные «канонами» художественного стиля/жанра (делая это осознанно или нет). В ходе подобного ни на минуту не прекращающегося социального морфогенеза возникают и/или воспроизводятся институты, нормы, традиции, шаблоны, образцы, правила... В итоге мы имеем порочный круг: люди оказываются заложниками собственного коллективного детища, а продукты их мыслей и действий выскальзывают из рук создателя и начинают жить своей особенной жизнью.

Разумеется, жизнь без правил и устойчивых форм организации была бы невозможна. «Люди создают структуры, стремятся рутинизировать свою деятельность... Каждое человеческое сообщество, каким бы малым или большим оно ни было, создает определенные ...образцы поведения. Критическая для всех сообществ

проблема заключается не в том, может ли оно существовать без институциональных структур, но в том, может ли оно создать структуры, которые не превращали бы себя из средства — в цель, нечто самодовлеющее» [Гараджа, 1995: 120]. То есть процессы институционального и культурного формообразования (при всей их неизбежности и «естественности») не перестают от этого казаться менее драматичными и травматичными, — поскольку человек как соучастник акта творения социальной вселенной имеет все основания чувствовать себя не только окрыленным, но и пойманым в ловушку (причем, что особенно обидно — сконструированную и поставленную им собственноручно).

В процессуальной логике философии культуры Зиммеля жизнь то и дело разносит в щепки собственные временные постройки, но тут же приступает к строительству новых песчаных замков. Такой процесс исторического формотворчества напоминает процедуру лепки куличиков на берегу океана. Однако, нет ничего более постоянного, чем временное. Отдельный человек в своем настоящем, том, которое досталось именно ему, оказывается несравнимо слабее любой подобной конструкции, например, рабства или крепостного права, институтов брака и наследования имущества, образования или системы разделения труда, господствующих в конкретную эпоху нравов, вкусов, верований и т. п. То, что для жизни на социетальном уровне и в глобальной перспективе является «песком», отдельным человеком может восприниматься как застывший цемент, — нечто такое, что не подлежит демонтажу при посредстве лишь индивидуальных усилий. Поэтому институциональные и культурные формы в любой исторически конкретный момент времени наделены мощной [принуждающей] силой по отношению к индивиду и обладают весомым репрессивным потенциалом как действенные средства социального контроля мышления и поведения.

Трагедия культуры может быть представлена как трагедия творчества. Яркая экспозиция подобного взгляда содержится в философской публицистике Н. А. Бердяева.

Творчество и объективация противопоставляются друг другу. Творчество напрямую связано со свободой. Оно есть порыв и прорыв, духовный подвиг, дерзновение, выход за пределы обыденного и привычного, устремлено к концу этого греховного, несовершенного, будничного, прозаического мира. В этом смысле творчество апокалиплично, революционно, надмирно. И есть объективация, — скорлупа, «мирское» — условия, среда, рутина, будни, закономерности, правила, нормы, фон, отягощающие творческий полет, притягивающие к земле. Поэтому, собственно, воплощение творческого акта неизбежно двойственно и трагично. Высокие идеи не достигают мира, или вырождаются, вульгаризируются, опошляются, и это имеет место во всех сферах человеческого опыта. Мирские институты экономики, политики, церкви, семьи... убивают творчество и свободу. Любовь — хорошо, семья — плохо, стремление к справедливости — хорошо, практика социализма — плохо, Христос — хорошо, «историческое» христианство — плохо, и т. д. Творчество, «дух» гибнет в объективации. Хотя Бердяев как религиозный мыслитель верит, что может быть и как-то по-другому, не здесь и сейчас, в любом конкретном настоящем, но по ту сторону исторически ограниченных форм человеческого общежития и бытования культуры, в преображенном грядущем царстве Духа.

Авторская манера Бердяева слишком эффектна, чтобы не предоставить ему слово лично:

«В творчестве есть две стороны и два смысла. Есть внутренний творческий акт и есть творческий продукт, обнаружение творческого акта вовне... Творящий субъект поставлен перед миром объективации, и результаты творческого акта должны войти в этот мир объективации. В этом трагедия творчества... Творческий акт есть акт н[о]уменьшительный, но он создает продукт, принадлежащий феноменальному миру... Творящий, находящийся в состоянии творческого взлета, в сущности, стремится не к реализации цели, а к выражению этого своего состояния... Но ... творящий не может остаться в себе, он должен выйти из себя. Этот выход из себя обычно называют воплощением, которому придают объективный характер по преимуществу... Творческий акт устремлен к бесконечному, форма же творческого продукта всегда конечна...

Парадокс заключается в том, что творчество и искусство (не только художника) между собой неразрывно связаны и вместе с тем находятся как бы в конфликте и нередко враждебны друг другу. В методически разработанном научном познании может исчезнуть творческая интуиция, в совершенных классических формах художественного произведения может быть охлажден творческий огонь художника, в выработанных социальных формах человеческого общения может исчезнуть первоначальная жажда справедливости и братства людей, в застывших формах семейной жизни может исчезнуть огонь любви, в традиционных церковных учреждениях может ослабеть и исчезнуть вера в пророческий дух. Воплощение духа может оказаться объективацией духа, и тогда дух нельзя уже узнать в его воплощениях. Объективный дух есть *contradictio in adjecto*, есть иссякание духа. И на этом держатся организации человеческого общества и цивилизации. И всякий раз, когда человеком овладевает воля к могуществу в этом мире, он вступает на путь охлаждения и иссякания духа, на путь рабства этому миру...

Нужно решительно признать, что есть роковая неудача всех воплощений творческого огня, ибо он осуществляется в объектном мире. Что выше — св. Франциск Ассизский, самое явление его единственной в истории христианства религиозной гениальности, или созданный им францисканский орден, в котором угас дух св. Франциска и победила обыденность? Что выше — Лютер и пламенно пережитая им религиозная драма или созданные им лютеранские церкви, пасторы и теологи XVIII и XIX веков, в которых торжествует рационализм и морализм? Что выше — раскрывшаяся в Ж.-Ж. Руссо новая эмоциональность или дела его последователей, якобинцев? Что выше — сам Ницше с гениально и пламенно пережитой им трагедией человека или люди и движения, бесстыдно им пользующиеся? Ответ слишком ясен. Но история мира знает одну самую страшную творческую неудачу — неудачу христианства, дела Христа в мире. История христианства была слишком часто распятием Христа. Нет ничего ужаснее и мрачнее, чем объективация в истории того огня, который Христос низвел с неба»¹ [Бердяев, 1995: 252, 253, 255].

¹ Здесь, вероятно, нелишним был бы и пример идей социализма/коммунизма и их исторических мутаций (особенно в контексте российских реалий XIX—XX вв.) — тема, к которой Бердяев обращался во многих своих работах.

Но грустно думать, что напрасно...

Почему так? У этих процессов есть общая логика и тысяча разных оттенков и форм проявления в разных сферах. Рассмотрим некоторые «кейсы» с помощью классиков².

Множество примеров дает нам художественная литература, описывающая столкновение идеалов человека, обычно молодого, с «несовершенной» действительностью за окном. Следствиями такого столкновения могут оказываться ментально-психологический шок, депрессия, ломка мировоззрения, разочарование (в людях, окружающем мире и/или в собственных идеалах и ценностях), уход в себя, разрыв отношений, разные формы поведенческих девиаций, вплоть до самоубийства, постепенное приспособление к существующему порядку вещей и общему течению жизни, и т. д. и т. п. Процесс втягивания во взрослую жизнь для молодого романтика оказывается путем трудных компромиссов. Порой этот путь сопровождается тем, что на языке литературы называется душевным очерствением.

Царь берендеев из «Снегурочки» сетует: «В сердцах людей заметил я остуду/ Короче, друг, сердечная остуда повсюдная, — сердца охолодели...». Человек, волей-неволей осваивающий социальные репертуары повседневности, может чувствовать себя птицей с переломанными крыльями, ощущать, что он совершает предательство по отношению к собственным былым идеалам, высоким надеждам и стремлениям юности. На этой почве разворачиваются типичные межпоколенческие конфликты, в которых молодой предстает идеалистом, романтиком, революционером и мечтателем, а взрослый/старый/повзрослевший — циником и прагматиком, житейским рационалистом и апологетом статус-кво.

Приехавший в «чужой дом» путник на призыв-вопросание «Али жить у вас научились? Двери настезь у вас, а душа взаперти. Кто хозяином здесь? — напоил бы вином» получает симметричный ответ: «Видать, был ты долго в пути — и людей позабыл, — мы всегда так живем!». И что остается страннику после такого приема? — мчаться куда глаза глядят, подальше от этого проклятого места. Хотя весьма вероятно, после посещения других домов, он придет к выводу, что все жилища рода человеческого устроены приблизительно одинаково. А учиться жить среди людей (тех, кто «в зле да шепоте, под иконами в черной копоти») как-то надо.

Внутреннее перерождение молодого мечтателя под влиянием множественных охлаждающих душевный пыл условий происходит как бы само собой, причем не мгновенно, а постепенно. Фазы такого перехода тщательно выписаны И. А. Гончаровым в романе «Обыкновенная история». Некогда чувствительный и восторженный юноша Александр Адуев проживает свою биографию как путь душевного охлаждения и примирения с действительностью до логического конца, превращаясь в конце концов в закоренелого виртуоза манипуляции людьми и обстоятельствами, холодного и беспринципного носителя пресловутого «здравого смысла». Иначе говоря, он вырабатывает в себе все те качества, которые он раньше ненавидел и презирал. Житейские наставления трезвомыслящего, успешного и энергичного дяди, поначалу ужасающие племянника, разбитые

² В первую очередь классиков мировой общественной мысли.

чувства, обманутые ожидания, череда неудач в личных отношениях и карьерной сфере, периоды отчаяния и пассивности, ... и в целом, комплексное погружение в контекст жизни Петербурга, города, прививающего черствость и расчетливость как стиль, и выбраковывающего не соответствующих ему как неудачников, — все это вносит свою лепту в формирование личности героя. Название романа говорит само за себя: историю подобных метаморфоз человеческой души и вправду можно считать «обыкновенной», в некотором роде социально типической.

Можно ли считать такой путь неизбежным, фатальным? Однозначного ответа нет. Имеются, однако, многочисленные живописные фиксации внутреннего трагизма обозначенной личностной динамики. Приведем три общеизвестные иллюстрации (кому какая по вкусу, хотя, в сущности, речь тут идет почти об одном и том же).

Александр Пушкин

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холост
С летами вытерпеть умел;
Кто странным сном не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.
Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь, как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

Юрий Аделунг

Мы с тобой давно уже не те,
Мы не живем делами грешными:
Спим в тепле, не верим темноте,
А шпаги на стену повешены.
В нашей шхуне сделали кафе,
На тумбу пушку исковеркали,
Истрачен порох фейерверками,
На катафалк пошел лафет.
Мы с тобой давно уже не те,
И нас опасности не балуют.
Кэп попал в какой-то комитет,
А боцман служит вышибалою.
Нас теперь не трогает роса,
На парусах уж не разляжешься —
Пустил артельщик разгулявшийся
На транспаранты паруса.
Мы с тобой не те уже совсем, —
И все дороги нам заказаны:
Спим в тепле на средней полосе,
Избрали город вечной базой.
Знаю — нам не пережить зимы,
А шхуна — словно пёс на привязи,
Кривая никуда не вывезет —
Ведь море ждет нас, черт возьми!
Море ждет, а мы совсем не там, —
Такую жизнь пошлем мы к лешему.
Боцман — я! Ты будешь капитан.
Нацелим шпаги потускневшие.
Мы с тобой пройдем по кабакам,
Команду старую разыщем мы...
А здесь, а здесь мы просто лишние, —
Давай, командуй, капитан!

Андрей Макаревич

На берегу так оживленно, людно,
А у воды высится как мираж
Древний корабль, грозное чье-то судно,
Тешит зевак и украшает пляж.
Как не воюй, годы, увы, сильнее,
Как ни верти, время свое возьмет,
Сгнили борта и нет парусов на реха,
И никогда полный не дать вперед.
Зато любой войдет сюда за пятачок,
Чтоб в пушку затолкать бычок,
И в трюме посетить кафе и винный зал,
А также сняться на фоне морской волны,
С подругой, если нет жены,
Одной рукой обняв ее,
Другой обняв штурвал.
Был там и я, и, на толпу глаза,
С болью в душе понял я вещь одну,
Чтобы не стать таким вот музеем,
В нужный момент лучше пойти ко дну.

При желании можно было бы составить целую антологию из подобного рода мотивов. Для литературы и поэзии они по понятным причинам являются исключительно сензитивными. Однако ясного ответа на вопрос «почему?» нет: каков источник дегероизации жизни, почему повсюду торжествует «мещанство», а деловые интересы ставятся выше порыва души, почему творчество, романтика, праздник, свобода... превращаются в рутину, прозу, будни..., почему яркая жизнь вырождается в обывательскую и везде наблюдается тенденция, которую Макс Вебер называл *Veralltäglichung* (буквально — оповседневнивание)?

Процессы, о которых здесь идет речь, носят по преимуществу социальный характер, выходя за рамки дрейфа индивидуальной биографии конкретного человека. И индивид покоряется системе не просто из-за личной слабости.

Интересные и показательные примеры предлагает история контркультурных, субкультурных и молодежных движений по всему миру. Конфликты отцов и детей вполне типичные для поколенческой динамики обществ модерна являются диахронно зацикленными, похожими на заезженную пластинку. Молодежные бунты против старших поколений³ ничем не заканчиваются (кроме того, что дети становятся похожими на отцов на новом витке (разумеется, в общем и целом, *mutatis mutandis*)). Контркультура вписывается в мейнстрим. Андеграунд покидает подвальные помещения, и при удачном раскладе и грамотном продвижении прорывается на большие подмостки, собирая приличные гонорарные урожаи. Эксперименты и новации становятся достоянием массовой культуры, девальвируются, превращаясь в духовный суррогат. Дрэды расплетаются, пирсинг удаляется, из шкафа вынимаются деловые костюмы... Хиппи становятся яппи. «Перебесившиеся» битники, дети цветов, панки, металлисты, рокеры, анархисты, дауншифтеры, представители бесчисленно количества субкультур пополняют армию «цивилов» и офисного планктона. Вчерашние неформалы становятся сегодня карьеристами, обывателями, конформистами, обзаводятся семьями, приобретают недвижимость, занимаются рациональным планированием жизненного пути... Их место занимают новые тяготящиеся контролем «правдоискатели», обреченные повторить судьбу предшественников — в их безнадежной погоне за неуловимой свободой вопреки обществу с его наличествующими в конкретный момент (и всегда кого-то не устраивающими и обременяющими) устоями, традициями и образцами.

«...В тридцатилетнем возрасте человек оказывается перед непростым выбором. Можно сохранять подростковое бунтарство (курить коноплю, тусоваться, игнорировать всякую ответственность, не говоря уж о моральных ограничениях) и оставаться свободным. А можно продаться, играть по правилам и, таким образом, стать невротичным жалким конформистом, неспособным испытывать настоящее удовольствие. Третьего не дано» [Хиз, Поттер, 2007: 74]. Большинство выбирает второй вариант, особенно на той стадии вовлечения в социальные отношения, когда назойливые сетования старших из серии «тебе давно пора остепениться!» становится трудно пропускать мимо ушей.

Канадские авторы Дж. Хиз и Э. Поттер в книге «Бунт на продажу» [там же], посвященной комплексному анализу феномена контркультуры, проводят мысль, что американский антибуржуазный нонконформизм, расцветавший пышным цветом как своего рода альтернативная идеология и стиль жизни и пользовавшийся большой популярностью прежде всего в молодежных кругах, начиная с 1960-х годов, являлся в значительной степени формой псевдобунта, своего рода маркетинговым трюком, умело вписывавшим эффектную статусно и символически привлекательную оппозиционность в масштаб социального космоса общества потребления.

³ В обществах домодерновых эпох таких коллизий, скорее всего, не наблюдалось, поскольку ценность индивидуальной свободы и самоутверждения там еще не была актуализирована для широких слоев населения. Дети могли завидовать власти и авторитету старших, но не упрекать их в предательстве высоких идеалов или обвинять в приспособленчестве.

Справедлив ли такой жесткий разоблачительный приговор? Следует ли считать кумиров нонконформистски настроенной молодежи обычными лицемерами, которым риторика бунта приносит дивиденды, барыш, популярность? Лукавят ли творцы контркультуры, специально создавая «бунт на продажу»? Аргументы, приводимые Хизом и Поттером в пользу положительного ответа на подобные вопросы, небесспорны, но все же контекст эволюции контркультурных идей и движений кажется более сложным, противоречивым и трагичным. Оценивая социально-критический потенциал контркультуры и наблюдая за ее метаморфозами в обществе потребления, можно прийти к выводу, что специфические (нивелирующие реальную опасность для статус-кво) трансформации культурной критики доминирующих практик и институтов являются неизбежным следствием характера бытования всяких оппозиционных идей в условиях позднего капитализма: рыночная экономика, реклама, массовая культура, технократия и бюрократия... поглощают любую форму протеста, подчиняя ее собственной логике.

Между тем использование околomarксистской фразеологии может сбить с толку: дело не только в коварном капитализме, на который привыкли списывать все возможные грехи левые интеллектуалы (и не они одни). Поэтому вернемся к исходной постановке вопроса: почему «жизненный порыв» актора/творческой человеческой агентности вязнет в зыбучем песке правил и институтов, хотя сами эти правила и институты генерируются именно людьми (хотя лишь отчасти преднамеренно), и почему результат совокупных действий так часто оказывается не похож на исходный мотив, причем настолько, что приходится порой говорить о выворачивании мотива наизнанку?

Превращение контркультуры в мейнстрим, андеграунда в масскульт — процесс в некотором роде подобный превращению секты в церковь, или олигархизации радикальных политических партий. Сходная динамика наблюдается в эволюции науки, интеллектуальных движений и искусства. В теории парадигм следствием смены картины мира оказываются выработка новых норм и паттернов познавательной деятельности, закрепление новых отношений власти и социального контроля в научных сообществах, что знаменует переход к «нормальной» (нерволюционной) фазе жизни науки. В истории искусства, соответственно, — когда складывается определенный стиль, канон, доминирующая форма (жанр, манера письма, типичные эстетические приемы и решения, способы работы с материалом, и т. п.), они с неизбежностью начинают ограничивать, регламентировать, фреймировать творческие усилия художников — ровесников конкретной эпохи (а стремление к признанию и распространению творческих новаций вопреки господствующему стилю обычно сталкивается на своем пути с ощутимыми препятствиями).

Можно говорить об общей закономерности жизненного цикла общественного движения — от протеста к компромиссу, или от социального беспокойства и всеобщего возбуждения (на ранних стадиях) к *формализации и институционализации* (на зрелых и поздних) [Блумер, 1994]. При столкновении с требованиями социальных будней эмансипационный и революционный потенциал движения снижается, непримиримость, оппозиционность и принципиальность ослабевают. В конечном итоге идея и движение погибают или вырождаются и инкорпорируются в доминирующую институциональную и культурную структуру, возможно, ее

как-то обогащая и изменяя. Даже если движение побеждает, отправляя в прошлое отжившие свой век институты и традиции, оно с течением времени само принципиальным образом перестраивается. Бунтари либо выходят из игры, либо становятся оппортунистами или умеренными. На смену радикалам и романтикам приходят карьеристы и просистемные функционеры. Нонконформизм постепенно сходит на нет. Нормативный порядок, хотя и отчасти модифицированный, восстанавливается в новых устойчивых формах, ассимилируя и поглощая творческие импульсы социальной агентности, креативный потенциал индивидуального или коллективного действия.

Эти процессы имеют свою внутреннюю логику, которую можно проследить на многих «социологически типических» примерах. Один из них, имеющий к тому же хрестоматийную теоретическую экспозицию (Макс Вебер [Вебер, 2016: 279—292; Вебер, 2019: 178—227], Эрнст Трёльч [Troeltsch, 1994]), — так называемая рутинизация харизмы.

«Божественный дар» в тисках повседневности

Новое религиозное, духовное, (в ряде случаев политическое, etc.) движение обычно зарождается как секта — небольшая относительно сплоченная группа единомышленников. Вокруг фигуры учителя, пророка, предводителя, вождя объединяются ученики и последователи. Авторитет лидера в таком движении имеет личностную, а не должностную природу. Учеников вполне убеждает аргумент: в законе сказано, но я говорю вам! Они готовы идти за учителем на край света и пожертвовать на этом пути многим. Их выбор нешуточный, и этот выбор — не для «слабаков». Проповедь учителя, обещающего новое небо и новую землю, для каждого внешне слушающего его адепта воспринимается как благая весть. Отношение к ней крайне серьезное; ловится буквально каждое слово. Все, что говорится пророком, принимается слушателями «близко к сердцу» и «на свой счет», приобретает глубокий смысл и меняет порядок существования. Членство в группе становится делом всей жизни. Участники движения не обязательно стремятся к внешнему преобразованию социального универсума в целом, но непременно (и эта цель для них гораздо важнее) к внутреннему духовному перерождению. Часто они ограничиваются задачей радикального переустройства отношений в масштабах локального социального микрокосма, т. е. среди узкого круга членов секты.

Принадлежность к такой группе определяется как «духовное братство», и это не просто эффектная риторическая фраза: в идеально-типическом смысле секта — структура горизонтальная. Исключение составляет отношение к предводителю общины, но и он, несмотря на всю мощь приписываемого ему «божественного дара», производящего любовь и преклонение последователей, находится «вот здесь, рядом», на расстоянии вытянутой руки: разделяет трапезу, труды, невзгоды и испытания с учениками, живет такой же скромной жизнью, как они. Ученики могут боготворить учителя, вознося его на не достигаемую для простых смертных духовную высоту, но в то же время он будет оставаться одним из них, первым среди равных. В социологическом смысле секта эгалитарна и элитарна одновременно: она демократична изнутри, для тех, кого приняли и признали достойными,

снаружи же она предстает как группа избранных, членство в ней добровольное, но не каждого возьмут, — слишком высока планка.

Секта в своем желании идти «другим»/«особым» путем и во внутреннем (а возможно, также и внешнем) отвержении правил, диктуемых окружающей «несовершенной реальностью», может быть весьма категоричной. Конфликт с «миром» может иметь различную теоретическую или идеологическую подоплеку (этическую, политическую или иную) и проявляться в разных формах неприятия мирских порядков — от открытого сопротивления до максимально возможного избегания контактов, ухода, физического и/или духовного бегства. Даже если прямого конфликта нет, обычно ощущается напряженность в отношениях с «миром», или, по меньшей мере, имеет место принципиальная неудовлетворенность наличным его состоянием и стремление к поиску и утверждению альтернативных стратегий жизни.

Претензии к «миру», его традициям, установлениям и институтам бывают различными, во главу угла критики могут ставиться разные ценности: истина, любовь, красота, справедливость, добро — все, чего обычно не хватает в «нормальной» повседневной жизни (если смотреть на нее с «утопической» [в мангеймовском значении этого слова] точки зрения). В любом случае, идеал секты имеет ярко выраженный внеобыденный характер, и ему — на деле, а не на словах — очень трудно соответствовать. К членам группы предъявляются исключительно высокие требования, они должны обладать в глазах собратьев по вере исключительным личным благочестием. Поэтому секта есть по преимуществу сообщество виртуозов.

В то же время секта — это союз (порой очень крепкий) тех, кто находится в меньшинстве. Меньшинство не просто противостоит большинству, и может быть им подавлено, даже если будет отчаянно сопротивляться. Речь здесь идет именно о группах сравнительно малой численности. Секта мала, и это крайне важная ее особенность, недостаток, но также и преимущество.

Социальным структурам подобного типа очень непросто выжить, имеется множество причин, под действием которых они могут прекратить свое существование. Если секта не погибает в агрессивной среде, не уничтожается врагами, не распадается из-за разногласий, раннего ослабления энтузиазма приверженцев, или из-за того, что просто не может решить проблемы материального жизнеобеспечения своих членов (что вполне ожидаемо с учетом внемирского характера ее идеологии), она начинает эволюционировать, жить дальше. И на этом пути ее подстерегает не меньше опасностей. Главная из них — опасность выродиться или переродиться в нечто иное, чуждое первоначальному, аутентичному замыслу ее отцов-основателей. Естественные и постепенные мутации движения могут рано или поздно произвести на свет его собственную противоположность. Обозначенные тенденции хорошо схватываются известными трагическими афоризмами: «идущие с Иисусом не идите с иезуитами», или «христианство есть предательство Христа».

Предположим, секта выжила, не распалась, первый этап жизненного цикла пройден. Что происходит потом? Смерть, или говоря шире — «уход», создателя движения, выработка процедур определения преемника, возможная конкуренция между претендентами на занятие данной позиции, необходимость трансляции харизматического авторитета составляют только часть проблемы. В любом случае, в процессе передачи харизмы ее интенсивность и субъективно переживае-

мая «подлинность» имеют тенденцию к ослаблению. Хорош, но не настолько; тот, первый, был лучше! Поэтому способы символической «энергетической» подзарядки наследника/ов от фигуры Учителя, остающегося «вечно живым» в памяти потомков, персонажа, постепенно мифологизируемого и последовательно сакрализуемого, имеют большое значение [Папы как наследники престола Святого Петра, держателя ключей от рая, полученных непосредственно от Спасителя; Сталин — это Ленин сегодня; Николас Мадуро как единственно истинный и законный продолжатель дела Уго Чавеса, шедшего по пути великого либертадора Симона Боливара, и т. д. и т. п.].

Однако, как ни крути, для последующих поколений героическая жизнь Основателя и славные («ранние») годы движения — это уже история. История может представлять яркой в воображении (даже такой, какой не была для современников событий), но все-таки живости актуально воспринимаемого настоящего ей не хватает. Поэтому известная рутинизация восприятия целей и задач движения, его ритма существования (в сознании самих участников) кажется неизбежной. Жизнь сегодня для большинства уже не дерзновение и не ежедневный подвиг (даже если подобные слова все еще произносятся для поддержания морального духа и легитимации ценностей коллектива).

Но процесс остывания коллективных чувств и побуждений к действию зависит не только от времени и сроков давности. Здесь, судя по всему, имеют значение и «объемы» коллектива, его растущая численность. Если группа ориентирована на прозелитизм — вовлечение новых членов и расширение состава, то ее размер — при удачном стечении обстоятельств и реализации соответствующей целевой установки — увеличивается. Или, используя марксистский жаргон, можно сказать: идеи завоевывают массы. Но массовость и численность способны сыграть дурную шутку с идеями и социальными практиками, которыми вдохновляются участники движения. Принципиальным является то, на что делается ставка: на качество и чистоту рядов или количество и широту распространения. Выигрыш в одном, как правило, оборачивается проигрышем в другом. Именно в малом количестве оказывается более реалистичным поддержание высокого уровня вовлеченности в общее дело. Малые размеры коллектива — если и не прямая гарантия, то, по крайней мере, важное условие обеспечения высоких стандартов (мотивации, добродетелей, преданности, верности идеалам и т. д.). Либо *hand made* и ремесло, либо штамповка и конвейер; либо *haute couture*, либо *prêt-à-porter*. Секта (или иное относительно самодостаточное малочисленное религиозное сообщество) в некотором роде и есть не что иное как форма социальной организации духовного *haute couture*.

Когда секта начинает претендовать на безграничное расширение и не сдерживаемую высокими критериями членства вербовку душ, она перестает быть сектой. Ставшее массовым движение может быть влиятельным, но оно перестает быть совокупностью отборных единиц высшего сорта. На этом пути идеалы группы и требования, предъявляемые к ее членам, неизбежно профанируются, тривиализируются и искажаются. Для строгости, стойкости, морального ригоризма как значимых паттернов сектантского габитуса у масс не хватает ни мотивации, ни компетентности. Они не в состоянии демонстрировать ментальную, дискур-

сивную и поведенческую виртуозность. Когда движение требует от своих членов жесткой аскезы и категоричности сопротивления тем или иным жизненным обстоятельствам, массы если и не ропщут открыто, то обычно просто тихо саботируют подобные требования. Они готовы номинально солидаризоваться с патетическими лозунгами, озвучиваемыми их лидерами, но фактически всегда плывут по течению.

Относительное обмирщение секты (проявляющееся среди прочего в ослаблении межгрупповых границ и уровня внутреннего идеологического радикализма) представляется высоко вероятным. Чикагский социолог Элсуорт Фэрис, рассуждая об этапах жизненного цикла сектантских организаций, замечает: рано или поздно «приходит время, когда изоляция начинает исчезать и обычаи внешнего мира с его верованиями и практиками — и даже его идеалами и доктринами — начинают постепенно проникать в группу... История секты демонстрирует типичную прогрессию. Период крайней изоляции, конфликта и высокого морального духа сменяется более мирным периодом, когда все большее одобрение получает конформность к внешнему миру. Конечным результатом является исчезновение секты как обособленной конфликтной группы» [Фэрис, 2015: 359, 361].

Параллельно с понижением общей планки качества «личного состава» численно разросшейся группы и отчасти в связи с ним наблюдаются разнообразные процессы дифференциации — внутри самого сообщества. Структура начинает ветвиться. Таким образом, отчасти компенсируется риск вырождения корневых ценностей движения под натиском тенденций омассовления. Вырисовываются перспективы «широкого» и «узкого» путей спасения, оформляется разделение на профанов-мирян и виртуозов, ведущих монашеский образ жизни, т. е. своего рода периферию и ядро коллектива. К первым групповая идеология будет относиться снисходительно, рассматривая их как не до конца полноценных членов, вторых, напротив, — наделять высоким символическим статусом и престижем, которые, однако, требуется постоянно подтверждать подвигами веры и благочестия, доказывая тем самым свою духовную квалификацию. Причем подобные разделения будут наблюдаться даже вопреки доктринальному «универсализму» учения, т. е. несмотря на то что его приверженцы формально признаются равными в своих правах и обязанностях.

Но видоизменения больших коллективов, выступающие проявлениями углубляющейся дифференциации, этим не ограничиваются. Структура не просто «растекается», т. е. разрастается не только вширь. Выражаясь в духе П. Сорокина, рассуждавшего о природе механизмов социальной стратификации, можно констатировать: координация деятельности в сложно организованных целевых группах осуществляется через субординацию, т. е. через закономерное выстраивание вертикального профиля сообщества. Коллектив вытягивается в пирамиду, возникает и закрепляется иерархия, группа принимает вид упорядоченной системы властных отношений [господства/подчинения], появляются «должности», статусные позиции, выполняющие специфически организационные функции, из первоначально лабильной социальной массы вырастают этажи и аппарат управления.

Харизматический авторитет в численно малом коллективе мог утверждать свою власть непосредственно, используя силу личного примера и собственный психологический «магнетизм». Власть в сложных, организованных системах управле-

ния носит более анонимный, деперсонализированный характер, даже несмотря на то что обычно находится в чьих-то конкретных руках. Чиновник апеллирует к необходимости подчинения должности, процедуре, утвердившемуся набору правил. Власть харизматика как бы «исходит» от него самого как от личности, покоря сердца и умы окружающих; в то время как власть «начальника» скорее «снисходит» на его должностную позицию (в соответствии со специфической моделью оформившейся в том или ином обществе системы властных отношений), и уже оттуда распространяется в разные стороны. Вождь харизматического типа правит от собственного Имени (или от Имени «пославшего его»); «начальник», «должностное лицо» правит от имени системы. Злоупотребление властью возможно в обоих случаях, но в первом оно предстает как опасное следствие «диктатуры» яркой личности, а во втором — как возможность неблагоприятного использования должностных полномочий.

Когда институционализирующееся сообщество обрастает громоздким аппаратом управления и начинает функционировать в машинной логике, от энтузиазма героических «ранних эпох» остается немного. И не столь важно, являются ли управленцы циничными манипуляторами масс и коррупционерами, или же искренними, честно радеющими за общее благо руководителями, их корпоративный интерес, риторика и групповая идентификация закономерно смещаются (в обоих случаях) в сторону легитимации порядка и стабильности, хранителями которых они себя ощущают. Они стоят на страже построенного здания, даже если здание стало напоминать тюрьму, — оставаясь служителями дома бога, покинутого Святым Духом.

Совершенно объяснимо поэтому (о чем упоминает среди прочего Вебер), что представители церкви, превратившейся в могущественный институт, как своего рода «бюрократы от религии» обычно с известным подозрением (а также отчасти — с завистью/презрением/рессентиментом) относились к разного рода виртуозам⁴, мистикам и интеллектуалам в структурах подведомственных им конфессиональных сообществ. Они видели в этих «ненадежных» людях источник потенциального «раскачивания лодки», генерирования всевозможных ересей, альтернативных путей спасения, и в целом — «несистемных» и трудно регулируемых духовных устремлений⁵.

Естественно, церковная иерархия уделяла особое внимание обрядоверию и ритуальному аспекту богопочитания, что позволяло ей поддерживать и контролировать стандартизированные проявления массовой религиозности (поскольку

⁴ В фильме П. Лунгина «Остров» удачно выписаны и противопоставлены образы двух типов «религиозного человека» — экзальтированного виртуоза-харизматика (отец Анатолий/герой П. Мамонова) и институционально-церковного конформиста (отец Филарет/герой В. Сухорукова).

⁵ Предстоятели церкви в ряде случаев могли мириться с виртуозами, используя их отчасти в целях идеологической рекламы церковного института в целом, для укрепления его общей моральной репутации и имиджа. Вероятно, руководствуясь именно подобными соображениями, Иннокентий III признал подлинность боговдохновенного дара Франциска Ассизского, позволив последнему проповедовать и собирать последователей. В результате группа виртуозов, стремившихся буквально жить по Евангелию, не отпала от лона матери-Церкви, хотя и до, и после было множество случаев, когда мастеров религиозной аскезы предавали анафеме и объявляли еретиками. Например, вальденсам, равовавшим за возрождение евангельского духа, и во многом похожим по характеру проповеди на францисканцев, повезло гораздо меньше. Реальный авторитет нищенствующих орденов работал на формально-институционализированный авторитет Святого Престола. В сходном ключе и официальная православная церковь в России могла «гордиться» своими блаженными, праведниками и народными святыми, например, в XIX-нач. XX вв. — Оптинскими старцами, хотя отношение к сектантам («духовным христианам» — духоборам, молоканам и пр.) у нее было принципиально иным.

именно организацию душеспасительных практик широких масс церковь считала своей первостепенной задачей).

В развитых «массовидных» церковных формах процесс богочитания предельно регламентируется и рутинизируется, превращается в набор технически детализированных и осуществляемых сугубо в рамках «учреждения» процедур, реализуемых при обязательном участии и под контролем профессиональных служителей культа (квалификация и компетентность которых подтверждается не «по существу», произвольно или «по ходу дела», а опять же благодаря санкции «учреждения» [ср.: ассистенты не имеют формального права принимать экзамены или читать лекции (а исключения, если и допускаются, то опять же должны быть специально институционально санкционированы)]; кандидаты наук не могут являться оппонентами докторских диссертаций и т. д.; дьяконы при организации богослужения не имеют права делать то, что делают приходские священники, а те в свою очередь не наделены полномочиями епископов, архимандритов, аббатов...)]⁶.

Если идеал движения неотмирный, то утвердить его на земле (особенно на уровне общественного макрокосмоса, больших социальных структур) оказывается проблематично. Поэтому неизбежны сделки (с совестью) и компромиссы с исторически сложившимися институциональными комплексами — государством и правом, хозяйством, семьей, и т. п. Из евангельских текстов можно вычитать либо неприятие, либо индифферентность по отношению к мирским институтам. Евангельское христианство аполитично, нехозяйственно, нефамилистично. Но постепенно картина меняется.

Как бы ни истолковывать доктринально трудный [и по-своему дискуссионный?] фрагмент из послания апостола Павла к Римлянам — «нет власти не от Бога», и поэтому ее носителям следует повиноваться [Рим. 13], — ясно, по крайней мере, что в узком и точном смысле по евангельским понятиям государство есть лишь царство кесаря. И даже если кесарь впоследствии, в постконстантиновы времена становится членом христианской общины, или даже ее предводителем, заступником веры, помазанником божим и т. д., это дела принципиально не меняет. Власть кесаря держится на насилии и является источником многих несправедливостей, эта власть мирская и человеческая, а на мире лежит печать греха, и почести, воздаваемые Небесному Владыке, кесарю не положены. Можно терпеть мирскую власть и даже признавать ее существование целесообразным, быть законопослушным, платить налоги, и т. п., но ее нельзя любить и обожествлять, потому что предмет устремлений подлинного христианина — Град Божий: Царствие мое не от мира сего. Осуждение политики мирских властителей (не только языческих) в христианской культурной, литературной

⁶ При обсуждении в студенческой аудитории нюансов и масштабов применимости идеально-типологической оппозиции «церковь/секта» неожиданно встал вопрос: а почему мы не можем продолжить занятие на свежем воздухе? (погода была располагающая). На это я как преподаватель, выполняющий свои служебные обязанности (а не как Гуру), вынужден был ответить, используя аргументы темы: если бы мы с вами были «сектой», мы были бы вольны предаваться ученым размышлениям где угодно и когда угодно, если бы только сочли возможным, но поскольку мы здесь, в университете, являемся «церковью», мы обязаны крестить по пятницам и понедельникам, венчать по четвергам, а причащать и исповедовать по вторникам и средам (проводить занятия по расписанию и утвержденному тематическому плану (а не «как попало» и «как заблагорассудится»), уставить промежуточные аттестации и коллоквиумы в середине семестра, а сдавать экзамены — в конце, и т. п.). [Разумеется, это сравнение было условным и не требовало приведения деталей сказанного в соответствие с фактическими тонкостями богослужебных или образовательных практик в высокоинституционализированных учреждениях].

и исторической традиции повсеместны. Взять хотя бы Августиновы сравнения государства с разбойничьей шайкой, etc.

Но на такой идеологии в повседневной жизни, тем более в жизни гражданской и публичной, далеко не уедешь. И это прямая дорога на кроважадные римские арены или в глухие таежные дали, даже если такой выход представляется вполне последовательным для героической установки «истинно верующего». Но героев во все эпохи было мало. Поэтому приходится государство принимать, закрывая глаза на его многочисленные изъяны и пороки, творимые правителями и их слугами злодейства и бесчинства. В итоге мы имеем союз или даже иногда сращение трона и алтаря, всевозможные цезаропапизмы/папоцезаризмы западного или восточного образца (либо иерархии церкви (например, римские понтифики), не ограничиваясь духовными увещеваниями земных владык, начинают претендовать на светскую власть, либо вторые (византийский базилевс или русский царь) притязают на власть духовную, либо власть духовная и светская объединяются в одном субъекте (как в случае правления князей-епископов).

Сходные процессы примирения и сближения с земными порядками наблюдаются и в иных сферах. Евангельский идеал святой бедности (будьте как птицы небесные; достаточно каждому дню своей заботы; удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие, и т. п.) в обыденной жизни работает плохо, а церковь вместе с монастырями, проповедующими аскезу и отречение от мирских благ, становится богачейшим в экономическом отношении институтом. Но ведь надо как-то воспитывать детей, добывать средства пропитания, накапливать и передавать имущество, хотя бы для того, чтобы сегодня (и желательно завтра) не пришлось ходить с протянутой рукой!

Евангелие ставит духовное родство выше родства кровного, племенного, этнического, гражданства и подданства (и враги человеку — домашние его; притча о добром самаритянине, не различавшем при совершении благих дел «своих» и «чужих»; нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни раба, ни свободного...; и т. п.). Новой семьей становится для адепта учения община, Небесная вселенская церковь как братство во Христе без границ, языков, сословий и иных социальных различий. Оправдывается уход из семьи, если целью его является поиск и обретение правды мира нездешнего. Исторические же церкви превозносят семейные ценности, освящают брак, патриархат, процесс деторождения, объявляют праведными войны между различными национально-политическими образованиями и т. д.

Описанный выше весьма пунктирно и вместе с тем предельно схематично процесс превращения «секты» в «церковь», раскрывающий логику институционализации [/жизненного цикла] религиозно-конфессиональной организации, представляет собой *только пример*, поскольку подобная динамика может наблюдаться и в иных сферах совместной деятельности людей, в частности, в политических объединениях.

Как остывают вулканы?

Еще раз бросим панорамный взгляд на зафиксированные метаморфозы социальной жизни.

Серж Московичи в своей замечательной книге «Машина, творящая богов» (а общество, в сущности, и есть такая машина!) дает, среди прочего, обстоятельный

комментарий к веберовской концепции харизмы. Он сравнивает это относительно редкое в человеческой истории явление с *big bang* — космическим «большим взрывом». Творческая мощь харизмы, разрушая старые формы (*vers. Зиммель*), производит на свет новую социальную вселенную:

«Харизма подобна своего рода высокой энергии, *materia prima*, которая высвобождается в кризисные и напряженные моменты... Сообщество... ломает оковы традиции, стряхивает собственную инерцию и медлительность... Затем следует вторая фаза, фаза рационализации и приспособления к потребностям действительности. Первоначальный энтузиазм и порывы утрачивают пыл и направляют свой ход в соответствии с политическими и экономическими требованиями. Это соответствует установлению новой основы, „железной клетки“, добровольным узником которой становится сообщество» [Московичи, 1998: 190, 186—187].

Харизма рождает революционное общество, которое потом неизбежно видоизменяется — рационализируется и/или традиционализируется (а обычно происходит и то, и другое). То есть перед взором наблюдателя разворачивается закономерный цикл остывания харизмы, перерождения «революционного» общества в «нормальное».

Вебер называет харизму «„первичным типичным феноменом религиозной (или политической) власти“ и добавляет: „Но она уступает повседневным силам с того момента, когда господство обеспечено и особенно когда оно охватывает массы“... Будучи властью экстраординарной, но случайной, чуждой традициям и разуму, харизма возникает во время чрезвычайной, в сущности переходной ситуации...

С другой стороны, индивиды стремятся вернуться к простой частной жизни подобно солдатам, которые после великих битв хотят возвратиться на родину и основать семейный очаг. Возможно, это чисто хозяйственная проблема. Но так или иначе приходится заниматься текущими делами и своей профессией, растить детей, обрабатывать поля и обеспечивать работу заводов. Пока речь идет о переломе в порядке вещей, о вознесении на небесную высоту над грешной землей, все забывают об этих повседневных делах. Однако, когда кульминационный момент позади, вновь звучит голос интересов и потребностей и звучит с тем большей силой, чем дольше он молчал... Происходит подготовка ... к рутинизации харизмы. Что это значит? Власть, которая до того была принципом жесткого действия и мятежа против установлений общества, примиряется с ним и трансформируется в принцип порядка. Ее пророки уступают место жрецам. Художников истории сменяют теологи и эксперты. Все необычное с неизбежностью становится рядовым. Со снижением эмоциональной температуры харизма охлаждается; спутники, товарищи и братья превращаются в подданных, членов церкви или партии, солдат, принуждаемых к службе, законопослушных граждан. Темп не имеет значения, важно, что происходит переход от аномального *in statu nascendi* общества к обществу нормальному, водворенному в свои границы» [там же: 304—305].

In statu nascendi — в данном случае ключевая характеристика социальных отношений, произведенных на свет жизненным творческим порывом, исходящим от человека или от группы (обычно небольшой по численности). В некотором роде можно сказать, что это особое агрегатное состояние материи социальной жизни, создающей новые формы: *становление, не ставшее*; пока не остыло/застыло,

а остывает/застывает быстро. Рано или поздно кристаллизующиеся институциональные и культурные формы начинают утверждать свой самодовлеющий статус, сковывая потенциально подвижную материю обобществления (выражаясь зиммелевским языком) и указывая ей приоритетные пути движения.

Герберт Блумер, не ограничиваясь разговорами о феноменах религиозной или духовной жизни в узком смысле, указывает на сходную эволюцию общественных движений. Здесь основным трендом является опять же пресловутая *институционализация*:

«Социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, нацеленные на установление нового строя жизни. Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой — из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования» [Блумер, 1994: 195]. На ранних этапах развития движения, нередко сопровождающихся ломкой рутинных структур повседневности, лидер «выступает в качестве пророка или реформатора. На стадии формализации движение становится более четко организованным различными правилами, политикой, тактикой и дисциплиной. Здесь лидер приобретает, очевидно, черты государственного деятеля. На институциональной стадии наблюдается кристаллизация движения в фиксированную организацию с определенным составом и структурой, предназначенную для осуществления целей этого движения. Здесь лидер становится, очевидно, администратором...» [там же: 198—199].

Нередко активными участниками фазы институционализации становятся уже следующие поколения лидеров, те, кто приходит на смену романтикам, революционерам и ниспровергателям устоев, рекрутируемые из людей более «системно ориентированных», прагматичных, хозяйственных, расчетливых, твердо стоящих на земле. Вернее, происходит естественная селекция таких лидерских качеств, поскольку именно на эти качества возникает спрос в изменившихся структурных условиях.

Формула олигархии

Область политических отношений предоставляет особый набор случаев, которые целесообразно рассматривать отдельно. Максимально полемически резкий, предельно заостренный образец теоретической аргументации, относящейся к указанной сфере, можно найти у Роберта Михельса.

В классической работе «Социология политической партии в условиях демократии» Михельс предпринял попытку исследования олигархических тенденций в общественной жизни на примере анализа структурной трансформации объединений рабочего класса — социалистических партий и профсоюзов [Michels, 1989]. Согласно Михельсу, прямая демократия является неосуществимым идеалом, а представительная, связанная с делегированием полномочий, неизбежно ведет к отчуждению коллективной воли группы в пользу некоторых ее членов, а в дальнейшем — фактической узурпации ими власти. Так называемый «железный закон олигархии», выводимый немецким социологом, может быть сформулирован следующим образом: сам принцип организации больших целевых групп делает необходимым выстраивание пирамидальных структур социальной

иерархии. К числу фундаментальных причин социального неравенства относятся: неспособность крупных сложноорганизованных коллективов к самоуправлению, целесообразность разделения труда, предполагающего выделение функций руководства, требования внутренней координации деятельности группы, согласующиеся с ее «внешними» задачами («технические» причины), а также естественные различия психологических и интеллектуальных качеств доминирующего, активного, рационально мыслящего меньшинства, элиты, и образующих большинство, ведомых, пассивных масс.

Об универсальности закономерностей олигархизации, по мнению Михельса, наиболее ярко свидетельствует опыт перерождения общественно-политических движений, декларирующих свою приверженность эгалитарным ценностям. На определенном этапе собственного жизненного цикла они обнаруживают тяготение к бюрократизации, централизму и авторитаризму, а их идеологические ориентации нередко смещаются в сторону оппортунизма и политики компромиссов. Общий уровень радикализма и непримиримости партии по отношению к существующим социальным порядкам снижается. Бывшие революционеры становятся «умеренными» или «консерваторами», пополняя состав старой элиты. Энтузиасты и идеалисты утрачивают лидирующие позиции в организации, а их место занимают функционеры и карьеристы, склонные к использованию властных ресурсов в личных целях. Обращаясь в свою противоположность, движение создает благоприятную среду для новых форм протеста и борьбы за демократию, столь же безуспешных в исторической перспективе, как и все предшествующие. В духе теорий исторического круговорота Михельс описывает волнообразный механизм социальных изменений как нескончаемый процесс «циркуляции элит» при сохранении инвариантных основ общественного неравенства.

В любой организованной социально-групповой структуре большой численности и, длительно существующей, возникают предпосылки для олигархизации, формирования статусных иерархий, специализации, дифференциации, субординации, выстраивания вертикальных управленческих механизмов. Выделение специализированных управленческих звеньев (субъекта управления) становится предпосылкой для отрыва их интересов от изначально декларируемых целей группы, питательной средой для злоупотреблений — властью, полномочиями и т. д. Если подобные тенденции наблюдаются даже в организациях с выраженной «демократической идеологией» (социалистических партиях, рабочих профсоюзах и т. д.), то что уж говорить о других?

Факторов олигархизации существует множество: затруднительность организации эффективного самоуправления в больших социальных структурах; необходимость создания институтов представительства, профессиональной подготовки руководителей, появления «освобожденного и оплачиваемого» персонала управленцев, сложного и разветвленного бюрократического аппарата (любая организация, по Михельсу, уже несет в зародыше идею олигархии); некомпетентность масс, их интеллектуальная незрелость и эмоциональная зависимость от вождей (массы склонны создавать себе «земных богов», падать ниц перед собственным порождением); неизбежные трансформации в психологии вождей, приводящие к отрыву от среды, которая делегировала им власть («если выбрали, значит, про-

пал!)), социальное и культурное перерождение верхушки демократических партий, изменение группового габитуса ее представителей (они становятся более похожи на своих «врагов», чем на бывших «товарищей» — по стилю жизни, вкусам, предпочтениям, привычкам, особенностям речи) и др.

«Борьба за светлые ценности и идеалы» в большой (многочисленной) политической организации обречена на провал. Она не по силам ни массам, ни вождям. На этом пути само движение неизбежно вырождается: харизматики, романтики, идеалисты, альтруисты, аскеты, святые, энтузиасты, пламенные революционеры, непримиримые борцы уступают место (по крайней мере, де-факто, если не на уровне деклараций, которые могут сохраняться и выполнять ритуальную функцию) циникам, прагматикам, эгоистам, приспособленцам, карьеристам, бюрократам, конъюнктурщикам, консерваторам, реакционерам и т. д.

Эти изменения могут происходить как в одном, так и в нескольких, следующих друг за другом поколениях руководителей. Внутри конкретного поколения может происходить такая деградация с одними и теми же людьми: в молодости одни, потом меняются до неузнаваемости. Если движение побеждает в масштабах политической системы, оно лишь сменяет одну форму неравенства на другую. Отчетливо звучат паретианские мотивы: «Могут победить социалисты, но не социализм». Все эти метаморфозы как бы сами собой происходят, в результате — попытки радикального эгалитарного переустройства общества натываются на одни и те же «грабли». Бывшие борцы за свободу превращаются в ее новых душителей.

Суровая логика Михельса-социолога рубит под корень младую поросль взглядов Михельса-социалиста. В итоге разочарование в идеалах юности приведет его в противоположный лагерь⁷. Однако, в середине своего идейного пути теоретик, адресуя читателя к «Фаусту», напоминает: И. В. Гете вкладывает «в уста Мефистофеля слова о том, что человек всегда позволяет властвовать над собой своему творению» [Михельс, 1997: 195].

История XX столетия многократно эмпирически демонстрировала описываемые сценарии политических и организационных трансформаций. Олигархизационные, авторитарные и консервативные тенденции, с одной стороны, и вынужденная постепенная дерадикализация, поиск компромиссов с «несовершенной» реальностью и приспособление к рутинам повседневности — с другой, наблюдались в коллективном опыте партийного строительства как оппозиционных партий, научившихся играть по правилам буржуазно-парламентарных, плюралистических режимов, так и более амбициозных (совершивших-таки революционные преобразования и принципиально изменивших политические системы некоторых обществ).

Поэтому социология революции, оформившаяся как направление исследований в 1920-е годы и имевшая, в частности, в своем распоряжении сведения об эволюции постреволюционного развития Советской России, вынуждена была признать неизбежность т. н. «возвращения к нормальности» [Сорокин, 2005; Edwards, 1970]. Организованная иерархическая структура властных отношений в постреволюционных обществах так или иначе восстанавливается, хотя, разумеется, и в видоизмененных формах — причем совершенно независимо от того,

⁷ И не его одного: случай Б. Муссолини во многом сходный.

что думают по этому поводу сами революционеры, и стремятся ли они к таким изменениям сознательно. Последовательная радикально-анархистская и эмансипационная установка, вмонтированная в ткань левого мировоззрения, должна была в очередной раз столкнуться с упрямой реальностью социального факта, в т. ч. факта неискоренимости исторически преходящих, но все время возрождающихся форм господства человека над человеком.

Таким образом, «реальные» социалисты (как «перекрасившиеся» и «продавшие душу капиталистическому дьяволу», заседающие в буржуазных парламентах, участвующие в выборах, формирующие фракции и альянсы, занимающие министерские кресла, так и одержавшие верх над своими противниками в результате применения революционного насилия и утвердившие новые политические порядки) в равной мере становились «предателями» идей социализма, как и представители многочисленных конфессий исторического христианства — предателями дела Иисуса из Назарета.

Грядущее рабство, или рабство наступившее?

Процессы, разворачивающиеся в конкретных политических организациях, могут наблюдаться и на уровне политического союза в целом, причем в еще больших масштабах. Способность или, так сказать, дурная склонность государства и автономизирующихся управленческих структур садиться на шею людям, повсеместно ограничивать их свободу досаждала не только социалистам/анархистам, но и либералам. Герберт Спенсер, глядя из своего XIX века, смог с удивительной проницательностью предсказать потенциальные опасности практики государственного социализма — порядка, который он квалифицировал как «грядущее рабство». Однако, по существу, объектом критики великого британского энциклопедиста викторианской эпохи становится не только воображаемый казарменный коммунизм будущего, управляемый гигантской бюрократической машиной (хотя догадки и предостережения Спенсера относительно перспектив становления подобных обществ оказались весьма точны). Речь идет и об оценке структурных изъянов этатистской политики в широком смысле. Всякое государство по своей сути есть источник угрозы для стремящейся к самоопределению личности (хотя это и не значит, что без государства можно обойтись). О характере рассуждений мыслителя дает представление следующий отрывок — комбинированный фрагмент из сборника с красноречивым названием «Man versus the State»:

«Сравнительно небольшая группа тесно сплоченных между собою чиновников, связанных одинаковыми интересами и действующих под руководством центральной власти, имеет огромное преимущество перед разрозненной массой публики, у которой нет определенной политики и которая может действовать единодушно лишь в редких, исключительных случаях <...> Когда организация из чиновников достигла известной степени развития, то борьба с нею становится все более и более невозможной, как мы и видим это <...> в государствах, где сильно развита бюрократия... Возрастающее могущество развивающейся административной организации сопровождается потерей в остальном обществе силы, необходимой для того, чтоб противодействовать дальнейшему росту этой организации и усилению ее влияния...

Ни одна форма кооперации в большом или малом размере не может обойтись без контроля свыше и всегда требует подчинения распоряжающимся властям. Любая из существующих ныне организаций для проведения социальных реформ может служить этому доказательством. И они уже вынуждены иметь свои советы, своих облеченных властью вожаков, которым другие должны повиноваться под страхом неотвратимой в противном случае неурядицы и неудачи. Собственный опыт тех самых людей, которые громче всех ораторствуют за новый социальный порядок под отеческим контролем правительства, свидетельствует, что даже в частных, добровольно сформированных обществах власть распорядителей становится скоро если и несовершенно неодолима, то все же весьма велика; настолько велика в самом деле, что очень часто возбуждает строптивость и ропот между прочими членами общества. Профсоюзы... ведущие своего рода промышленную войну за интересы рабочих против интересов их нанимателей, убеждают нас, что для успеха им безусловно необходима строгая дисциплина — почти военная по своей суровости, и что всякое разногласие между руководителями губит дело. Даже в кооперативных товариществах, составляющихся, собственно, только для ведения тех или других промышленных или торговых предприятий, а потому не требующих такой покорности вожакам, какая необходима там, где дело идет о нападении или защите, должностная администрация, на наших глазах, приобретает все-таки такую власть, что иногда слышатся уже жалобы „на тиранство распорядителей“. <...>

Чего следует ожидать там, где вместо сравнительно совсем ничтожных ассоциаций местных и добровольных, к которым можно принадлежать или нет, как угодно, — вырастает ассоциация национальная и всеобъемлющая, в состав которой все граждане волей-неволей должны будут войти [?] <...> Чем при таких условиях должна сделаться власть иерархически организованной и централизованной администрации, вооруженной всеми ресурсами ... государства и опирающейся на силу любого размера, какая только может потребоваться для приведения в действие ее декретов и для охранения того, что она называет порядком [?]» [Спенсер, 2007: 52, 61, 74—75].

Спрашивается, — развивает свою мысль Спенсер, — что будут делать бюрократы-распорядители, которым государство доверило организацию некоего важного общественного дела? Ответ ясен: они будут этой властью злоупотреблять (если и не в личных интересах, то в интересах поддержания господства и статуса своей прослойки), а к тому же будут требовать беспрекословного подчинения низших чинов высшим, как в армии. Отношения будут формироваться приказные, а структура — строго иерархическая. И вся эта власть аппарата может обернуться и персональным деспотизмом стоящего в его главе (как известно, потенциальные узурпаторы могут приходить к власти различными путями, в т. ч. путем народного избрания). Хотя тирания аппарата сама по себе ничуть не лучше тирании конкретного индивида. А происходящие время от времени выборы или иные формы ротации и обновления руководящего состава в системе управления, если таковые имеют место, вовсе не обязательно меняют характер осуществляемой власти.

«...Администрация в самом скором времени неизбежно делается совсем не такой, как того желают, а потому рабство будет далеко не мягким... Думают,

что чиновник будет действовать именно так, как от него ожидают, чтобы он действовал, а этого в действительности никогда не бывает... Конечным результатом будет возрождение деспотизма. Дисциплинированная армия гражданских чиновников, подобно тому как и армия, состоящая из военных, даст своему главе верховную власть, такую власть, которая часто поведет к узурпации... <...> Как легко глава конституционного государства, избранный и облеченный доверием от всего народа, может, при помощи небольшого числа бессовестных заговорщиков, парализовать значение представительного собрания и сделаться самодержавным <...> Вожди желаемой идеальной общины не будут особенно затрудняться какими-нибудь интересами справедливости и не остановятся в преследовании той политики, какую они сочтут за нужную, — политики, которая, разумеется, будет всегда тождественна с интересами их верховенства» [Спенсер, 2007: 78—79, 80].

Спенсер, предчувствовавший наступление эпохи заката классического капитализма, зрит в корень: бюрократизация становится одним из главных похитителей индивидуальной свободы в современных организационных контекстах. И с этим, кажется, мало что можно поделать. В XX веке возрастает роль «больших структур». Наступает эра Организации (государственный социализм; государственно-монополистический [организованный] капитализм; корпоративное общество — названия и эмпирические вариации могут быть различными, но сходства несомненны).

В домодерновых обществах человек зависел от другого (конкретного) человека и от традиции, был привязан к «узкому кругу» и локальному сообществу. Постепенно цепь удлиняется, но отнюдь не исчезает, а ошейник (в субъективном восприятии актора) трет шею ничуть не меньше. Модерн превращает зависимость личную [внеэкономическое принуждение] в зависимость вещную и денежную, делая социальные отношения более абстрактными [Маркс, 1968]. Высокий модерн на место барина и хозяина ставит начальника. Поэтому современный работник зависит уже не столько от персонифицированной иерархии, сколько от иерархии служебной, должностной. Формально он больше не слуга и не раб своего господина (к тому же руководители и боссы могут меняться), но при этом остается фактически анонимным рабом или слугой учреждения, аппарата, организационной структуры, системы [Кракауэр, 2015; Уайт, 2002, 2003, 2005; Whyte, 2002; Mills, 2002].

Если ты инкорпорирован в структурный мир современного организационного космоса, никакой «добрый хозяин» не в состоянии отпустить тебя на волю, — это выше его сил, да к тому же никакого живого хозяина больше нет: одни винты и шестеренки, кнопки, файлы и коды, табели, формуляры и циркуляры. Индивид — не важно в качестве ли специалиста, ответственного исполнителя, начальника или подчиненного и т. п. — редуцирован к набору релевантных для его ролевой позиции операций и задач.

Капитализм теряет предпринимателя

Здесь можно сделать условный шаг в сторону и обратиться к сфере, до сих пор не находившейся в фокусе нашего интереса, а именно — к экономике. Максимально подходящий для нас теоретик — Йозеф Шумпетер. Он (в отличие от Спенсера) не проливает слезы по уходящей эпохе *laissez-faire*, а встречает

век доминирования экономических гигантов спокойно, признавая при этом, что классический капитализм совершенной конкуренции и свободного предпринимательства больше не существует (и, возможно, даже никогда не существовал, ведь в точном смысле он представляет собой лишь идеально-типическую модель). Шумпетер высказывается неутешительно (хотя и совсем не в духе Маркса) о перспективах дальнейшего развития капитализма, считая, что капитализм внутренне предрасположен к саморазрушению. Но что бы там ни пришло ему на смену, новая социально-экономическая система в любом случае будет основана на господстве бюрократии.

Хорошо известна шумпетеровская концепция предпринимателя и «созидательного разрушения». Капитализм держится на предпринимателе. Предприниматель — это инноватор в экономической жизни. Он не обязательно собственник (хотя часто им бывает), не менеджер-служащий, не изобретатель (не изобретает сам, а лишь применяет новые идеи в практической области). Эти инновации (внедрение новых технологий, открытие новых рынков, производство новых товаров, усовершенствование способов организации производства, торговли, сбыта, доставки, эксплуатации мощностей, использования ресурсов, сырья, для снижения издержек, привлечения спроса и т. д.) все время оказывают революционизирующее воздействие на систему хозяйства. Старое ломается, возникает новое, распространяются новые хозяйственные формы, появляются новые товары. Все это делается во многом ради прибыли, которая в начале может быть очень высокой; но потом рынок наполняется, в него входят подражатели, происходит стабилизация. Приходится придумывать что-то новое. И так циклически — созидательное разрушение толкает вперед капиталистическую экономику [Шумпетер, 1995; Зотов, 2010: 278—286].

То есть предприниматель — это такой творческий практический дерутинизатор экономики, склонный к риску, стремящийся к успеху, любящий новое, если угодно, «харизматик» в такой «нехаризматической» области как экономика. Так вот, по мнению Шумпетера, указанный тип хозяйствующего субъекта постепенно исчезает в условиях организованного капитализма, господства концернов. Напомним, Шумпетер не апологет уходящего мира классического капитализма, порождающего малые и средние организационные формы предприятий, и сопутствующих ценностных паттернов (свободы, ответственности, активности, инициативы и т. д.). Он также не критик монополий, не критик бюрократии (неважно капиталистической или социалистической). Используя сложную экономическую аргументацию, Шумпетер показывает, что крупный бизнес не так уж плох, не так неэффективен, как некоторые думают. Но процессы упадка и/или перерождения капитализма, тем не менее, объективны, и имеют определенные причины, связанные с мотивационными и организационными изменениями, наблюдаемыми в крупных корпорациях.

Шумпетер говорит об ослаблении или отмирании предпринимательской функции в условиях экономических реалий XX века. На смену «самозанятому бизнесмену-частнику» приходит менеджер, специалист, администратор, функционер (и не один, а множество). Это «человек организации», наемный, то есть работающий по контракту, менее склонный к инновациям и риску, структурно не самодостаточный и не самостоятельный, встроенный в сложную иерархию

служебных отношений и ограниченный ею. Сами же инновации на современном предприятии или фирме становятся продуктом коллективной сложно координированной деятельности специальных служб и отделов (разработчиков, инженеров и т. д.). То есть крупная компания рутинизирует процесс создания и продвижения нового, не отказываясь от него.

Если предпринимательство есть условное (так сказать, ослабленное) подобие харизмы в экономике, то с коммерческой инициативой происходит приблизительно то же, что и с другими инициативами: поиском истины, красоты, справедливости, стремлением к спасению (индивидуальной души, группы избранников божиих или всего рода человеческого). А именно? Здесь также действует логика рутинизации харизмы и институционализации социальных отношений, со всеми плюсами и минусами, приобретениями и потерями, которые несут указанные процессы.

Причем само наличие потерь Шумпетер не отрицает, но и принципиально не заостряет. Прогресс, по его мнению, можно механизировать, по крайней мере — в области хозяйственного развития. Широта используемых сравнений и проводимых параллелей лишний раз подтверждает, что речь идет о процессах, подобных тем, которые можно наблюдать в других сферах человеческого опыта:

«...Экономический прогресс имеет тенденцию становиться деперсонифицированным и автоматизированным. На смену личности приходят бюро и комиссии. Здесь ... будет уместно сослаться на примеры из военной истории.

В прежние времена, вплоть до наполеоновских войн включительно, быть генералом означало быть полководцем, а военный успех означал личный успех командующего, который получал соответствующие «дивиденды» в виде высокого социального престижа. При существовавшей тогда технике ведения войны и структуре армий индивидуальные решения и авторитет командующего — даже его личное присутствие верхом на красивом коне — были важными элементами стратегических и тактических ситуаций. Присутствие Наполеона на полях сражений должно было ощущаться и действительно ощущалось. Нынче же все изменилось. Рационализация и специализация кабинетной работы постепенно вытесняют личность, строгий расчет вытесняет «озарение». Полководец уже не имеет возможности лезть в гущу сражения. Он все более превращается в обыкновенного служащего — и перестает быть незаменимым.

Или возьмем другой пример из военной истории. В средние века войны были делом глубоко личным. Искусство закованных в латы рыцарей требовало постоянных упражнений в течение всей жизни, каждый рыцарь был на особом счету и ценился в зависимости от личного искусства и доблести. Нетрудно понять, почему этот род занятий послужил основой для возникновения нового социального класса в самом полном и широком смысле этого слова. Однако социальные перемены и технический прогресс подрывали и со временем разрушили как функцию, так и положение этого класса. Но войны от этого не прекратились. Просто они становились все более механизированными — со временем их механизированность достигла такого уровня, что успех на военном поприще, которое сегодня превратилось в заурядную профессию, уже не несет на себе той печати личной заслуги, которая не только самому человеку, но и социальной группе, к которой он принадлежит, обеспечивала прочное положение социального лидерства.

В наши дни аналогичный ... социальный процесс подрывает роль, а вместе с нею и социальное положение капиталистического предпринимателя. Его роль, хотя она и не может сравниться славой с ролью больших и малых средневековых военачальников, также есть или была одной из форм индивидуального лидерства, основанной на авторитете личности и личной ответственности за успех. Его положение, как и положение класса военачальников, ставится под угрозу, как только эта функция начинает утрачивать свое значение в социальном процессе, причем не важно, чем это вызвано — отмиранием социальных потребностей, которые эта функция обслуживала, или тем, что эти потребности стали обслуживаться иными, более обезличенными методами» [Шумпетер, 1995].

Когда предприниматель как вольный игрок на экономической арене уже не является ключевой фигурой, когда за дело берутся специально выученные профессионалы, эксперты по бизнес-администрированию, организационному и кадровому развитию, стратегическому планированию, финансовые аналитики и т. п., капитализм неизбежно преобразуется. В итоге, «совершенно обюрократившиеся индустриальные гиганты не только вытесняют мелкие и средние фирмы и „экспроприируют“ их владельцев, но в конечном итоге вытесняют также и предпринимателя и экспроприируют буржуазию как класс, который в этом процессе рискует потерять не только свой доход, но, что гораздо более важно, и свою функцию» [там же].

Бюрократизация: рациональность выворачивается наизнанку

В XX—XXI веках миллиарды людей жили и продолжают жить в обществах, состоящих из сложных, и более того — прямо на глазах (т. е. стремительно) усложняющихся социальных структур. Сложных и крупных. Невозможно себе представить координированную совместную деятельность людей, совершающуюся на регулярной основе в рамках больших организационных структур, не только без вертикали власти, т. е. наличия руководства, но и без посредничества на всех уровнях иерархии многочисленных технико-организационных, регулирующих, управленческих механизмов, устанавливающих и распространяющих правила осуществления деятельности и всевозможные распоряжки, распределяющих обязательства, аккумулирующих, агрегирующих и проверяющих вводимую отчетность, осуществляющих документооборот, учет, контроль и надзор за исполнением служебных функций подразделений и конкретных сотрудников, без делопроизводящих органов, особенно если деятельность имеет финансовую составляющую, т. е. оплачивается и вообще сколько-нибудь стоит.

Совокупное множество перечисленных механизмов и органов именуется *бюрократией*. Чтобы цели достигались на коллективном уровне какие-то индивиды (точнее — инстанции) должны этот процесс организовывать. Но результатом такой организации, как мы увидим, нередко оказываются, — возможно, почти неизбежные, — смещения и искажения в самом процессе целедостижения.

Действительно, имеет смысл взглянуть на разные сферы коллективной жизни — политику, экономику, религию, образование, науку, искусство, etc., более или менее отвлекаясь от их содержательной специфики, — просто как на *организационные факты*. При этом легко проследить как укрупнение и усложнение орга-

низационных структур закономерно стимулирует развертывание ряда процессов и утверждение ряда паттернов (например, специализацию, рационализацию, усиление анонимности, процедурный формализм, и т. д.), что приводит в свою очередь к разным эффектам, отнюдь не только позитивным и функциональным.

Посмотрим, как это происходит. На сей раз возьмем себе в помощники Жака Эллюля. Французский ученый размышляет о роли бюрократии (прежде всего, применительно к политической сфере), однако, его выводы распространяемы на более широкий круг явлений. Законы жизни бюрократии — суть законы социологии организаций, и государство в некотором роде здесь предстает лишь как частный случай. Книга Эллюля «Политическая иллюзия», выдержки из которой приводятся ниже, была опубликована в 1965 г. [Эллюль, 2002].

Эллюлю как мыслителю, имевшему ярко выраженные анархистские этико-мировоззренческие симпатии, было больно признавать, но именно как социолог он делает это: «Бюрократия соответствует тому направлению, в котором движется общество в целом, и поэтому она — неизбежное явление», государство уже давно «стало разросшимся организмом, затрагивающим все, состоящим из множества центров, бюро, служб и органов» [Эллюль, 2002].

В начале XX столетия Макс Вебер предполагал, что ответственный политик, действующий в ценностно-рациональной логике, может и должен использовать бюрократию как своего рода «приводной ремень», т. е. как эффективный механизм для решения приоритетных общественных задач. Но, с другой стороны, можно повсеместно наблюдать, как «государство постепенно поглощается администрацией» [там же]. В современных государствах фактически правит бюрократия, а не политики. Политик слаб перед лицом бюрократии. Почему? Прежде всего потому, что формально подотчетная ему система управления слишком сложна, громоздка и специализирована, но — без нее он как без рук:

«Политический деятель ежедневно подписывает несколько сотен документов, буквально не имея времени их прочитать... принимает на себя ответственность за действия и решения, за которые он по существу отвечать не может, потому что ничего не знает или имеет весьма поверхностное представление об их содержании... Но чем шире разрастается бюрократический аппарат, тем меньше шансов остается у политического деятеля получить эффективное знание о нем или реальную власть над ним, чтобы действительно направлять его деятельность. Даже если он сумеет на деле произвести некоторые кадровые изменения в чиновничьем аппарате⁸, это... на деле ничего не меняет. Вес административной структуры слишком велик...

...Все диктаторы, порождая расширенный бюрократический аппарат, делают это с проклятиями: „Черт бы побрал эту бюрократию!“... Но все эти руководители мудро возвращались на путь бюрократической организации, — правда, обстоятельства вынуждали их идти на это. Государство, которое хочет делать все и все изменить, никак не обойдется без помощи огромного бюрократического аппарата. Антибюрократические литании — того же порядка, что и магические заклинания, и абсолютно не способны вызвать ни малейшего подлинного изменения бюро-

⁸ В отчаянии можно разогнать всех этих XXX (далее могут следовать любые неместные эпитеты), набрать новых, но они скоро станут такими же XXX, или, как минимум, весьма похожими на тех, чьи освободившиеся места они заняли.

кратической автономии... Подобно тому, как бароны в свое время заслужили прозвище „делатели королей“, так бюрократия „делает“ теперь политических лидеров» [там же].

Разумеется, аппарат берет в оборот, подчиняет себе не только верхи, но и массы, граждан, простых смертных. Бюрократия авторитарна и ограничивает свободу не только и не столько потому, что ею руководят злонамеренные, своекорыстные или коррумпированные политики, деспоты, тираны или диктаторы. Она не просто «нейтральное» средство решения проблем, как не являются таковыми «техника» и «технологии»⁹. Чрезвычайно важна сама механика функционирования системы:

«Всемогущество бюрократии скорее заключается в ее чрезмерной функциональной сложности, чем в намерениях и в постановлениях представителей государства или в параграфах конституции... Бюрократическая администрация не может быть иной, кроме как авторитарной, даже если она вовсе не имеет намерения быть таковой; правила должны прилагаться, административная машина — работать, непонимающий ее человек — подчиняться...

...Это всемогущество административной машины коренится в природе государства. Государство авторитарно не потому, что на него возложена обязанность принять некое важное политическое решение, и не потому, что во главе него стоит фюрер, имеющий абсолютную власть, а потому, что... каждый день принимается десять или двадцать тысяч мелких административных решений, против которых „администрируемые“ не могут выступить и от которых они не имеют никакой защиты. Более того, эти решения в большинстве своем рутинерские и касаются столь мелких вопросов, что из-за них не стоило бы даже бунтовать, — протест только бы усугубил положение гражданина и усилил администрацию» [там же].

То есть абстрактный, деперсонифицированный авторитаризм современных бюрократических машин, скорее, не умышленный и не связанный с чьей-то конкретной волей, но производный от их структурной организации. Бюрократия превращается в автономную, инерционную систему, живущую и функционирующую по своим правилам, с которой никто не может справиться, ни извне, ни изнутри. И это не проблема хорошей или плохой бюрократии, а просто проблема любой бюрократии¹⁰. Важная составляющая ее силы — анонимность и сложная, разветвленная структура.

При общении с конкретными чиновниками, особенно близком, осуществляемом на межличностном уровне, возникает парадоксальное ощущение. Эти люди (каждый в отдельности) отнюдь не выглядят как какие-то демонические личности. Они лишь «руки системы», говоря инженерным языком — «детали машины», а не ее создатели или проектировщики. Во многих случаях архитекторов системы с именами и фамилиями в принципе не существует. Бюрократический организационный агрегат по большей части состоит из обычных работников — в меру ответственных, дисциплинированных, пунктуальных, исполняющих на своих местах определенные

⁹ Поэтому апологетика [как и критика] бюрократии, с одной стороны, и технократии, с другой, обычно переходят друг в друга, идут рука об руку, имея по сути один и тот же объект, — техно-бюрократическую власть, опирающуюся на принцип инструментальной рациональности (объект, который либо критикуется критиками, либо защищается и превозносится апологетами).

¹⁰ Хотя это и не означает, что все бюрократии одинаковые, поскольку у «плохой» бюрократии все же есть еще и свои дополнительные качества (которые могут быть квалифицированы как «пороки» или «изъяны»).

должностные обязанности. Правила игры, в которую они играют сами и, повинувшись служебному долгу, навязывают другим, возникают по большей части в процессе ее разыгрывания, а не планируются заранее какими-то конкретными «душителями свободы», одержимыми манией контроля и регламентации всего и вся. То есть паттерны деятельности бюрократии имеют в значительной степени социально-структурное происхождение.

Бюрократия подходит к любому препоручаемому ей делу по преимуществу процедурно-машиннообразно¹¹. Таким образом, высокобюрократизированная организация почти неизбежно оказывается в плену аппарата, отлаженного и заточенного под решение задач алгоритмически-технологического характера. Но большинство задач, имеющих отношение к миру социальных отношений, таковыми в строгом смысле не являются, потому что ставятся и реализуются людьми как потенциальными генераторами новизны и эмерджентности (в той мере, в какой индивиды действуют и думают «по жизни» не вполне автоматически). Но бюрократия подминает под себя спонтанность и креативность человеческой агентности.

«К административной структуре приложим... один хорошо известный закон: специализация и рационализация. Специализация задач и разделение функций с целью достичь максимальной компетентности и эффективности во всех областях... Эффективность в конце концов — это основной закон механизма. Этот императив в действительности относится и к машине технического мира, и к идеологической машине. Бюрократии нечего делать с ценностями. Она не знает ни социальной справедливости, ни политической свободы. Но она должна функционировать, побуждать к функционированию политико-экономико-социальную систему, приводить ее в движение в целом. Бюрократия не преследует цели водворять истины. Она не может принимать в расчет индивидуальности. Она подчиняется единственному — результативности. Да, могут продолжить рассуждение, эта машина действует, чтобы достичь цели, поставленной политикой, и эта цель включает в себя ценность. Отнюдь нет! Если политическая цель поставлена, она выхолащивается в этом механизме и вскоре теряет всякое содержание. Администрация не знает больше, что значит подчиняться центральному руководству, так же как не знает и ценностей. Каждый просто озабочен тем, чтобы его политико-экономико-социальный сектор хорошо функционировал, без кризисов и заминок; каждый знает свой сектор и не знает целого» [там же].

Эффективность и рациональность в бюрократическом смысле понимаются именно как характеристики способности организации продемонстрировать определенный результат, выраженный во внешне фиксируемых (желательно квантифицируемых)¹² признаках. К содержательной/материальной/ценностной рациональности у бюрократии ключа нет, потому что она оперирует формально или инструментально-рациональными стратегиями. Бюрократию в процессе органи-

¹¹ Что не исключает, конечно, самой возможности сочетания бюрократической машинерии и «ручного управления» как механизмов координации деятельности в организации. Причем это последнее, как мы видели, может сталкиваться со значительными трудностями, будучи опосредованным бюрократическими процедурами.

¹² О проявлениях квантофренической болезни и смежных патологий в сфере администрирования науки и образования см., например, в: [Кулешова, Подвойский, 2018; Мюллер, 2019]. Также см.: Подвойский Д. Над пропастью с отчетом // Центр социального проектирования «Платформа». 2019. 25 марта. URL: <https://pltf.ru/2019/03/25/nad-propastju-s-otchetom-o-prodelannoj-rabote-denis-podvojskij/> (дата обращения: 30.10.2020).

зованного коллективного (взаимо)действия, который она стремится регулировать, интересуют не столько цели, сколько процесс «оптимизации» их достижения при помощи определенных средств. Поэтому *выхолащивание* (целей, сути, содержания и т. п.) при характеристике бюрократического *modus operandi* — ключевое и очень точное слово. Средства становятся важнее цели, превращающейся в «добрых руках» бюрократии в ускользающую реальность.

Если, например, почему-то признано (кто-то так решил), что критерием качества работы научного сотрудника, преподавателя, музыканта или актера является отчетность, например, выигранные гранты, число публикаций или использование компьютерных технологий в учебном процессе, количество сыгранных концертов или спектаклей, то бюрократия будет следить только за этим. Годы, проведенные за чтением или экспериментами, тексты, написанные в стол, бесконечные репетиции, оттачивающие мастерство, — при таком подходе учитываться не будут. Здесь под эффективностью деятельности понимается то, что вырабатывается как мерило эффективности самой бюрократией.

Так бюрократия приобретает счастливую возможность служить себе, а не группе, проблемы которой она призвана решать (на уровне деклараций). Ценности для нее непостижимы, любые действия ее оптика раскладывает на алгоритмы, процедуры, операции, внешние показатели и фиксируемые признаки, например, место в рейтинге, цитируемость, «остепененность» (профессорско-преподавательского состава), «защищаемость» (диссертаций), посещаемость, наполняемость, обращаемость к ресурсу, заболеваемость и процент выздоровлений, раскрываемость (преступлений), исполняемость (майских, июньских, сентябрьских и пр. указов), «купаемость», «гуляемость, повышаемость сознания»¹³, и т. п. Какое реальное положение вещей скрывается за всеми этими индикаторами «продуктивности» деятельности можно лишь гадать, поскольку содержание и фактическая картина имеют для бюрократии сугубо второстепенное значение. Отчетные показатели для нее гораздо важнее существа дела, тем более, в интересах отчетности всегда можно поиграть с цифрами¹⁴.

Всегда ли и везде ли происходят подобные организационные трансформации? Можно утверждать, по крайней мере, что их риск довольно велик. И причины этого коренятся не только в туманных глубинах человеческой природы, как бы мы ее ни понимали, но и имеют во многом социально-структурное происхождение.

Роберт Мертон — признанный мастер гибких и пронизательных функционалистских вердиктов в отношении различных социальных институтов — вынужден констатировать: и у «идеальной» (в веберовском значении) бюрократии есть свои специфические дисфункции. Если процедура ставится выше цели, а форма начинает доминировать над сутью, то это может быть на руку самой бюрократии (в краткосрочной или среднесрочной перспективе, с точки зрения ее собственных узко корпоративных интересов), но способно привести организационную структуру к кризису или даже к гибели в перспективе долгосрочной, поскольку деятельность, дающая жизнь организации как таковой, перестанет фактически должным

¹³ Фрагмент песни «Да здравствует сюрприз» из кинофильма «Незнайка с нашего двора» (1983). — *Примеч. ред.*

¹⁴ Хотя этот навык является скорее элементом профессионального репертуара для т. н. «неидеальной» бюрократии.

образом осуществляться. Если заставлять армию систематически участвовать исключительно в чернильных битвах, то война, которая ведется в реальности, а не на бумаге, скорее всего, будет проиграна. И штабу победные реляции при такой обстановке на фронтах в конечном счете не помогут.

«Строгое соблюдение правил, первоначально задуманное как средство, превращается в самоцель, происходит хорошо известный процесс замены цели, из-за которого „техническая ценность становится конечной ценностью“. Дисциплина, легко интерпретируемая как конформизм к регулирующим инструкциям в любой ситуации и не рассматриваемая как мера, запланированная для специальной цели, тем не менее становится непосредственной ценностью для бюрократа в организации, с которой связана его жизнь. Такой акцент, возникающий из замены первоначальной цели, развивается в непреклонность и неспособность легко справляться с регулированием вопросов. Формализм, даже ритуализм, стремится с настойчивостью, не вызывающей сомнений, к педантичному исполнению правил и к формализованным процедурам. Это может быть преувеличено до такой степени, когда первоначальная забота о конформистском отношении к правилам начинает наносить вред целям организации, в этом случае мы получаем хорошо известный феномен формализма или волокиты чиновников» [Мертон, 2006: 328—329].

То есть у бюрократии в процессе ее деятельности начинают залипать кнопки. Она концентрируется на форме и правилах, психологически прикипает к ним. Бесконечные апелляции к процедурам, пристрастие к регламентам и нормативным документам, верность «букве, а не духу» становятся отличительными чертами бюрократического стиля деятельности в организациях, какие бы содержательные задачи этими структурами ни решались. «Смещение чувств от целей к средствам способствует развитию огромного символического значения средств (правил)» [там же: 330].

Ситуации, в которых цель ускользает, а средства торжествуют, при всей кажущейся противоречивости встречаются в организационной жизни отнюдь не редко. Машина тарахтит, гремит, но никуда не едет. Работа двигателя на холостом ходу просто сжигает топливо. Механизм, включающий разнообразные арсеналы «рациональных» средств целедостижения, начинает работать на себя, на самовоспроизводство, а не на декларируемую цель, — хотя и обычно под ее номинальным, декоративным прикрытием, обеспечивающим необходимую легитимацию деятельности. При этом деятельность не просто умышленно имитируется¹⁵. Она совершается, но при акценте на формальные признаки результата. Бег на месте может быть достаточно изнурительным и трудозатратным, но все же оставаться именно бегом на месте (если и поскольку декларируемая содержательная цель организации не достигается).

Любое принятое решение, проходя по цепочке инстанций и департаментов, может многократно искажаться или уходить в песок, результаты имитироваться и симулироваться на уровне отчетности, данные подлежать фабрикации, сама деятельность профанироваться и, как уже говорилось, выхолащиваться. Мания и фетишизация отчетности, тирания формализованных показателей результатив-

¹⁵ Правда, порой и такое случается.

ности, квантофрения, догматический ритуализм шаблонов и документов, «канцелярщина» и «крючкотворство» (неважно — в старой ли, бумажной или в новой, электронной версии, или — и в той, и в другой одновременно), — суть типичные патологии современных организационных систем разного уровня.

Погоня за показателями, — например, стремление к включению в разного рода рейтинги и перманентному повышению позиций в них, — в условиях жесткой институциональной конкуренции за дефицитные ресурсы и неравного распределения благ между коллективными акторами, как действия, совершающиеся в целях увеличения финансирования (отрасли, конкретного учреждения, и т. д.), в специфически бюрократической логике кажутся и разумными, и оправданными, поскольку финансирование является важнейшим внешним условием деятельности. Однако легко можно себе представить ситуацию, при которой упорная борьба менеджмента за место под солнцем, направленная на достижение такого формального результата, приведет к параличу содержательной активности организации, сделает ее малоспособной к решению корневых (внутренних) задач.

Многие виды социальных, в том числе профессиональных, практик, превращаются в сущий кошмар для вовлеченных в них индивидов, если становятся мелочно регламентированными и избыточно контролируруемыми. При этом деятельность, совершаемая как операция (машинообразно), во многих случаях утрачивает свою ценностно окрашенную значимость для индивида, то есть попросту теряет для него смысл.

Современные организационные реалии перманентно генерируют поток антибюрократической критической рефлексии в различных профессиональных средах, нередко облакаемой в едкие сатирические формы. В публичном, в т. ч. сетевом, пространстве циркулируют многочисленные вариации анекдотов про врачей и профессоров, которых пациенты и студенты отвлекают от «нормальной» работы с документацией, или про обезьяну, ничего не смыслящую ни в какой содержательной деятельности, но вполне пригодную для выполнения функций «эффективного менеджера», способного «оптимизировать» (читай — развалить) любую работу, и т. д. Но колкие замечания в адрес бюрократии положения обычно не меняют, а дела в организациях идут своим чередом.

Стремящаяся к самовоспроизводству институциональная машина бюрократии совершенствует свой адаптационный потенциал и вырабатывает мощную инерцию, хотя обычно питается «чужими соками» (а именно того вида деятельности, который подлежит бюрократической координации и администрированию). При этом власть бюрократии в организациях обычно поддерживается благодаря монополизации ее представителями контрольно-распорядительных функций, из-за чего низовое индивидуальное и даже групповое сопротивление административному прессингу оказывается малорезультативным.

Казалось бы, повар должен готовить, актер — играть, врач — лечить, учитель — учить, преподаватель — преподавать, ученый — исследовать, военный — воевать, но не писать бесконечные отчеты о проделанной работе. Музыкант, артист, экскурсовод-искусствовед или эксперт-криминалист из уголовного розыска не должны заполнять бухгалтерские книги, но порой приходится... Бюрократический формализм проводит в жизнь принцип «мертвый хватает

живого». В ряде случаев, отнюдь не только теоретически вообразимых, но и эмпирически наблюдаемых, бюрократия как короста нарастает на теле «живого» коллективного предприятия и парализует его, мешает ему делать дело, для которого оно было создано.

Бюрократию можно сравнить с вирусом, создающим для и под себя, навязывающим всем вокруг бумажно-файловую документо-отчетно-канцеляристскую вселенную, притом часто относительно герметичную или параллельную, т. е. мало пересекающуюся с теми реально-содержательными процессами, которые осуществляются в организации в прямом соответствии с ее фактическим предназначением. Однако, сама эта генерируемая административным классом дубликатная вселенная, увы, становится по последствиям столь же реальной, как фикус-душитель, высасывая все (или почти все [чтоб не загнулся окончательно]) жизненные соки из своего «хозяина». Могучая колонна полусохшего великана-жертвы позволяет паразиту зеленеть, расти и конкурировать с другими социальными агрегатами за солнечный свет (дефицитные блага и ресурсы, финансы и т. п.).

Пущенные в ход организмические аналогии подталкивают к неприятным выводам. Картина заболевания при худшем сценарии протекания напоминает развитие злокачественной опухоли. Система сама производит клетки, которые медленно убивают и отравляют ее изнутри. И так, мы видим, что некоторые институциональные формообразования, возникающие в ответ на стремление группы к выживанию и упорядочению индивидуальных или коллективных практик, направленные на оптимизацию процессов целедостижения в сложных социальных системах, вполне способны оборачиваться если и не смертельным исходом для подобных систем, то, по меньшей мере, их сущностной деградацией и вырождением. Это не означает, как правило, что система умирает в одночасье. Просто она начинает чахнуть и увядать, возможно, сохраняя в течение определенного времени минимально необходимый для поддержания собственного существования уровень жизненных сил. Жизнь в клетке может как-то продолжаться, но навыки расправления крыльев и свободного полета при этом постепенно атрофируются.

Новое звучание, хотя и с угадываемыми старыми нотками, тема организационных трансформаций обретает в классической статье П. Димаджио и У. Пауэлла. В ней речь идет о временах уже сравнительно близких — второй половине 20 столетия. И здесь в очередной раз разговор начинается с Макса Вебера. В своих рассуждениях авторы отталкиваются от веберовской трактовки всемирно-исторического тренда рационализации. Показательно и название самого текста, прямо адресующее к знаменитой метафоре «стального панциря», скорректированного переводческим решением Т. Парсонса¹⁶: «Новый взгляд на „железную клетку“: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях» [Димаджио, Пауэлл, 2010].

Сама клетка никуда не делась, она просто постоянно совершенствуется. Впоследствии Джордж Ритцер, продолжая игры с социологическими аллегория-

¹⁶ См. подробнее о «кросс-лингвистических» приключениях этой веберовской метафоры в: [Baehr, 2001].

ми, заметит: возможно, многим нашим современникам клетка рациональности уже не кажется клеткой — мрачной темницей с решетками и замками. Общество потребления научилось мастерить гламурно-комфортные тюрьмы из бархата и резины, со стразами и вкусом клубнички, однако, как бы то ни было, «клетки, будь они бархатными, резиновыми или железными, являются структурами, и поэтому они (и те, кто их поддерживает) сопротивляются всем усилиям их модифицировать» [Ритцер, 2011: 495].

Железная клетка — излюбленный критиками символ бюрократизации и рационализации, победоносно шествующих по планете. Вебер считал, что эти тенденции набирают силу по ходу развития капитализма, отражая стремление организаций, фирм, предприятий, государства в условиях рыночной конкуренции к эффективности экономического, политического, правового, технического управления. Кто рациональнее, тот эффективнее, и, соответственно, побеждает в конкуренции (возможно, правда, — это некоторое упрощение веберовской мысли).

Однако, ситуация, к последней четверти 20 века, по мнению Димаджио и Пауэлла, стала иной. Причем диагностируемый тренд остается «грустным»: организации стремятся по целому ряду причин к институциональному изоморфизму, т. е. гомогенизируются, становятся похожими друг на друга. А, следовательно, в сущности, деятельность все более стандартизируется, нормируется. В деловой сфере разнообразия и проявления инициативы, автономии, свободы обнаруживается все меньше, хотя предметом исследования в статье является не только коммерческий сектор, но и государственные, медицинские, образовательные, культурные учреждения. Ассоциации с обсуждавшимся выше прогнозом Шумпетера возникают здесь сами собой.

Вот как сами они об этом пишут: «В „Протестантской этике и духе капитализма“ Макс Вебер предупреждал, что возвещённый... аскетизмом дух рационализма по-настоящему восторжествовал, и в условиях капитализма рационалистический порядок превратился в „железную клетку“, в которой человечество... оказалось заключено, „вероятно, до той поры, пока не прогорит последняя тонна угля“. Позже Вебер вернулся к этой теме, утверждая... что как организационное проявление рационального духа бюрократия представляет собой столь эффективное и сильное средство контроля над людьми, что, единожды восторжествовав, бюрократизация становится необратимой...

...Причины бюрократизации и рационализации изменились. Бюрократизация корпораций и государства — свершившийся факт. Организации по-прежнему становятся всё более единообразными, и бюрократия остаётся всеобщей организационной формой. Сегодня, однако, кажется, что структурные изменения в организациях всё менее и менее движимы конкуренцией или потребностью в увеличении эффективности... Вместо этого бюрократизация и другие формы организационных изменений возникают как результат процессов, которые делают организации более похожими, не обязательно повышая их эффективность... В долгосрочной перспективе принимающие рациональные решения организационные акторы выстраивают вокруг себя среду, которая ограничивает их способность изменяться в дальнейшем» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 35—36, 37].

Бизнес, большой и не только, берет пример с государства, а государство и зависимые от него учреждения социальной сферы пытаются подражать бизнесу¹⁷. В результате структуры «рационального» организационного космоса оказываются по сути изоморфными: «Рациональное управление вытесняет небюрократические формы, школы обретают структуру рабочего места, администрирование больниц и университетов всё больше напоминает руководство коммерческими фирмами, и модернизация мирового хозяйства не встречает сопротивления... По мере того как формальная рациональность бюрократии расширяется до пределов сегодняшней организационной жизни, продолжается неуклонная гомогенизация организационных структур» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 49].

У тенденций к гомогенизации и унификации в организационной жизни существует множество причин. Государство со своей правовой системой давит, профессиональные ассоциации с их видением правил поведения в конкретных сферах давят, университеты штампуют стандартные кадры, периферия подражает лидерам и центру в погоне за успехом, материальными и символическими бонусами, легитимностью. Процветает организационный конформизм, желание действовать «с оглядкой на...», — не только потому, что «накажут» (или могут наказать), но и потому, что сильно опасение оказаться белой вороной, выпасть из тренда, не вписаться в колею общего движения, вектор которого может задаваться более или менее произвольно и восприниматься не критически¹⁸. Вырабатывается паттерн нежелания искать, рисковать, экспериментировать, вырабатывать свои, новые пути. Таким образом, организационная жизнь форматируется, регламентируется, стандартизируется со всех сторон. Разговоры об уникальности и преимуществах конкретного организационного опыта обычно ведутся для создания иллюзий, опять же весьма шаблонных (такую риторику могут использовать многие), однако де-факто уровень однообразия организационной жизни лишь повышается.

В погоне за ускользающей свободой

Пожалуй, приведенных иллюстраций достаточно, чтобы оценить в первом приближении направленность трансформаций, совершающихся по ходу разворачивания процессов институционализации в человеческих коллективах. Сам набор использованных выше примеров и имен теоретических попутчиков, идеи которых нам пригодились, мог бы быть иным, а выбор источников, признаваемых

¹⁷ «Чем активнее организации в поле взаимодействуют с государственными учреждениями, тем больше степень изоморфизма в поле в целом» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 48]. В значительной мере именно от государственных институтов исходит подобная «зараза» — пристрастие к унификации, регламентации, стандартизации, страсть к документированию всякой деятельности и кодификации норм. Ср. напр., в области образования: бесконечные сертификационные и аккредитационные процедуры, сменяющие друг друга государственные стандарты, и т. п. Крупные институциональные игроки не только ориентируются на бюрократический дрейф министерств и ведомств, но и с особым рвением создают собственные административно-канцелярские, учетно-контрольные локальные миры и «мирки». Внутренний документооборот организации порой работает на опережение, — обгоняя и упреждая желание государственных органов что-то регламентировать и проверять.

¹⁸ «Организации склонны моделировать себя по образцу сходных организаций в том же поле, воспринимаемых как более легитимные или успешные. Повсеместное проникновение некоторых структурных элементов можно связать скорее с универсальными подражательными процессами, чем с какими-либо конкретными доказательствами того, что освоенные модели повышают эффективность» [Димаджио, Пауэлл, 2010: 43]. Очень показательный пример из опыта современного российского высшего образования — стремление руководства многих университетов подражать «законодателям мод» в институциональном поле, скажем, Высшей школе экономики, или (порой консервативным) «тяжеловесам с именем», таким как МГУ.

релевантными, во многом остается делом вкуса. Между тем, стоит задать вопрос: к каким выводам подталкивает читателя представленный здесь весьма фрагментарный концептуальный коллаж?

Преобразование агрегатного состояния социального вещества, которое можно наблюдать при изучении процессов институционализации в разных сферах человеческого опыта, нередко оборачивается последствиями *не в пользу самоопределяющегося агента*, а сам агент в итоге *попадает на крючок* к созданным им самим, его современниками и предшественниками институтам. У диагностированной философами трагедии жизни и культуры, творчества и объективации кроме метафизического есть и свое феноменальное измерение — процессуальная логика, воплощающаяся на арене общественных отношений в механизмах институционализации человеческой деятельности.

Всякая деятельность людей неизбежно фреймирована, паттернирована, габитуализирована, правилосообразна — как на собственно институциональном, так и на повседневном уровне, четкой грани между которыми, в сущности, нет. Субъективно и объективно «организованный» характер человеческой деятельности является предпосылкой согласованного социального опыта, обеспечения минимально приемлемого стандарта взаимопонимания/коммуникации между участниками интеракций, а также необходим (в итоге) для более или менее слаженного функционирования общества как структурно упорядоченного комплекса связей, ролей, позиций и т. п. Не только поведенческая в узком смысле, но и психическая, ментальная, когнитивная, эмоциональная, языковая активность индивида тоже определенным образом координированы и упорядочены. И это связано не только с особенностями биопсихической конституции человека, но и с тем, что он всегда живет в окружении других людей, и вступает с ними в определенные отношения, принимающие в ходе социально-исторической эволюции те или иные систематические формы¹⁹.

Содержание опыта, особенно опыта социального²⁰, дано только в кристаллизующихся формах. Отсюда логически следует неизбежность реификации/овеществления и объективации человеческих отношений в институтах, традициях, обычаях, языке, морали, юридических кодексах, формах коллективного сознания. Эти «сотворенные боги общественного Олимпа» оказываются весьма требовательными и даже порой кровожадными. Хотя вся сила подобных Существ опирается, в конечном счете, лишь на [вероятно, неискоренимую] готовность верующих и жертвователей, воздвигающих в их честь храмы и алтари, им поклоняться.

Социологическая теория — притом на вполне школьном, «элементарном» уровне — вынуждена констатировать: внеинституциональные формы совместного существования людей трудно представимы. Поэтому «борьба с институтами», —

¹⁹ Некоторые подходы к обозначенному кругу проблем (не являющиеся, впрочем, новыми) очерчены и обобщены в публикациях автора: «„Этот мир придуман не нами“? О роли знаний в конструировании реальности (классики и современники)» [Обыденное и научное знание об обществе..., 2015: 65—95]. «(Со)знание как инструмент „устроения миров“: мультидисциплинарная перспектива» [Подвойский, 2018: 274—301]. «Мир повседневности и „аксиомы“ практического сознания: социально-теоретические пролегомены» [Подвойский, 2016: 178—197]. «Человек в мире институтов: о логике и механизмах социального конструирования реальности», «Рождение правил, или „с чего начинается общество?“ (нормативные атрибуты социального и оппозиция „субъект — структура“» [Нормы и мораль в социологической теории..., 2017: 43—90].

²⁰ Хотя бы потому, что мой социальный опыт зависит далеко не только от меня.

в чем бы она ни заключалась и чем бы ни оправдывалась, — не может иметь целью их полное уничтожение и водворение жизни на внеинституциональной основе. И речь не идет о том, что есть на свете *хорошие* люди, с одной стороны, и закрепощающие и подавляющие их *плохие* институты, с другой. Увы, ... но порой люди не столь хороши, а институты не так уж плохи.

Наконец, само противопоставление индивида и общества в известном смысле условно, т. к. индивид с его «свободой» и «творчеством» вне общества так же невозможен и сам является результатом и продуктом определенных социально организованных/исторически сложившихся обстоятельств и контекстов [Элиас, 2001]. Поэтому призывы к до-, не- и вне-социальной жизни [человека как такового (которого не существует и никогда не существовало), пребывающего в т. н. «естественном состоянии»] утопичны и смахивают на наивный квазируссизм.

Можно утверждать (и не без оснований), что наличие институтов «функционально целесообразно» и само по себе является формальным инвариантом социальной жизни. Можно добавить также, что само существование институтов отчасти изоморфно и коррелирует с организацией биологической, психической и лингво-когнитивной конституции человека как существа *suī generis*, и эта связь взаимна. Институты — своего рода тропы (местами даже качественно оснащенные и с электрическим освещением), и без них пути человеческих жизней походили бы на продираание впотьмах через дремучий лес или на траекторию бешеной блохи.

Расхожая социологическая истина гласит: окружающие нас «объективные» социальные структуры (а также продукты их интернализации, их «двойники» в субъективном мире, — коллективные представления, «габитусы», системы установок, образцов и ценностных ориентаций, духовная культура, язык, и т. п.) дают возможности, открывают перспективы и ограничивают, оказывают давление одновременно. Институты не только притесняют, но и защищают²¹, — например, от злонамеренной воли конкретного или абстрактного «другого», ставят рамки индивидуальному произволу, избавляют от кошмара непредсказуемости.

Без рутин, правил и институтов, внешней и внутренней регуляции совместная жизнь людей была бы невозможна. Но на каком-то этапе люди обнаруживают, что оказались заперты в клетку. И по этой тонкой грани между спонтанностью жизни и принудительностью социальных сил человечеству как по лезвию приходится ходить на протяжении тысячелетий.

Могут ли вообще институты быть «друзьями» людей? По-видимому — да. Тем более, не следует забывать, что институты институтам рознь. Однако, вопрос этот лучше оставить открытым, поскольку его надо обсуждать отдельно. Здесь мы лишь попытались показать, что *некоторые* социально-институциональные структуры — в ряде опознаваемых, вполне типических случаев — демонстрируют предрасположенность к превращению в «тюрьмы» для их у/строителей, и эта тенденция (наряду с другими) носит имманентный характер, являясь отражением противоречивой логики/механики процессов социального конструирования реальности... Ведь грустные истории, наверное, тоже нужны...

²¹ В логике рассуждений Гоббса институты есть средство защиты от *bellum omnium contra omnes* (и не только от нее), — хоть какая-то (возможно, не идеальная) гарантия-противоядие от хаоса, которым может обернуться ничем не ограниченная «свобода» участников социальных интеракций.

Список литературы (References)

Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Царство Духа и царство Кесаря / Бердяев Н. А. М.: Республика, 1995. С. 287—356.
Berdyayev N. A. (1995) An Essay on Eschatological Metaphysics. Creation and Objectivization. In: Berdyayev N. A. *The Realm of Spirit and the Realm of Caesar*. Moscow: Respublika. P. 287—356. (In Russian).

Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М.: Издательство МГУ, 1994. С. 168—215.
Blumer H. (1994) Collective Behavior. In: Dobrenkov V. I. (ed.) *American Sociological Thought: Texts*. Moscow: Moscow University Press. P. 168—215. (In Russ.)

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 тт. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т. I. Социология.
Weber M. (2016) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. Vol. I. Sociology. (In Russ.)

Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 тт. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. Т. IV. Господство.
Weber M. (2019) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. Vol. IV. Domination. (In Russ.)

Гараджа В. И. Социология религии. М.: Наука, 1995.
Garadzha V. I. (1995) *Sociology of Religion*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Димаджио П., Пауэлл У. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях / пер. Г. Б. Юдина // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 34—56.
DiMaggio P., Powell W. (2010) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 11. No. 1. P. 34—56. (In Russ.)

Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. С. 494—516.
Simmel G. (1996) The Conflict of Modern Culture. In: Simmel G. *Selected Works*. Moscow: Jurist. Vol. 1. Philosophy of Culture. P. 494—516. (In Russ.)

Зотов А. А. Концепция трансформации капитализма Й. А. Шумпетера // Глобализация и социальные институты: социологический подход / под отв. ред. И. Ф. Девятко, В. Н. Фоминой. М.: Наука, 2010. С. 278—294.
Zotov A. A. (2010) Joseph Schumpeter's Conception of Capitalist Transformation. In: Deviatko I. F., Fomina V. N. (eds.) *Globalization and Social Institutions: A Sociological Approach*. Moscow: Nauka. P. 278—294. (In Russ.)

Кракауэр З. Служащие: из жизни современной Германии. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.
Kracauer S. (2015) *Die Angestellten. Aus dem neuesten Deutschland*. Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi. (In Russ.)

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. (2018) Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>. (In Russ.)

Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 1—508.

Marx K. (1968) Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. In: Marx K., Engels F. *Works*. Vol. 46. Part 1. Moscow: Politizdat. P. 1—508. (In Russ.)

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST. (In Russ.)

Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Антология мировой политической мысли: в 5 тт. М.: Мысль, 1997. Т. II. Зарубежная политическая мысль. XX в. С. 185—197.

Michels R. (1997) Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. In: *Anthology of World Political Thought: in 5 vols*. Moscow: Mysl. Vol. II. Foreign Political Thought Abroad. XXth Century. P. 185—197. (In Russ.)

Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. URL: <http://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=3569> (дата обращения: 30.10.2020).

Moscovici S. (1998) *La Machine a Faire des Dieux*. Moscow: Tsentr psikhologii i psikhoterapii. URL: <http://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=3569> (accessed: 30.10.2020). (In Russ.)

Мюллер Дж. Тирания показателей: как одержимость цифрами угрожает образованию, здравоохранению, бизнесу и власти. М.: Альпина паблишер, 2019.

Muller J. (2019) *The Tyranny of Metrics*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russ.)

Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / под отв. ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Весь Мир, 2017.

Deviatko I. F., Abramov R. N., Katernyi I. V. (eds.) (2017) *Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Conceptions to New Ideas*. Moscow: Ves Mir. (In Russ.)

Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / под ред. И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамова, И. В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015.

Deviatko I. F., Abramov R. N., Katernyi I. V. (eds.) (2015) *Ordinary and Scientific Social Knowledge: Interconnections and Reconfigurations*. Moscow: Progress-Tradition. (In Russ.)

Подвойский Д. Г. Мир повседневности и «аксиомы» практического сознания: социально-теоретические пролегомены // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49. № 3. С. 178—197. <https://doi.org/10.5840/eps201649358>.

Podvoyskiy D. G. (2016) The World of Everyday Life and the “Axioms” of Practical Consciousness. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 49. No. 3. P. 178—197. <https://doi.org/10.5840/eps201649358>. (In Russ.)

Подвойский Д. Г. (Со)знание как инструмент «устроения миров»: мультидисциплинарная перспектива // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 274—301. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-274-301>.

Podvoyskiy D. G. (2018) Knowledge and Consciousness as a “World-Constructing” Tool: A Multidisciplinary Perspective. *Russian Sociological Review*. Vol. 17. No. 1. P. 274—301. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-274-301>. (In Russ.)

Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5. М.: Праксис, 2011.

Ritzer G. (2011) *The McDonaldization of Society 5*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социология революции. М.: Территория будущего: РОССПЭН, 2005. Sorokin P.A. (2005) *Sociology of Revolution*. Moscow: Territoriya budushchego; ROSSPEN. (In Russ.)

Спенсер Г. Личность и государство. Челябинск: Социум, 2007.

Spencer H. (2007) *The Man Versus the State*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.)

Уайт У. Х. Организационный человек (1—2 главы) // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4. Вып. 13—14. С. 281—302.

Whyte W. H. (2002) The Organization Man (Chapters 1 & 2). *Personality. Culture. Society*. Vol. 4. No. 13—14. P. 281—302. (In Russ.)

Уайт У. Х. Организационный человек (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 15—16. С. 230—253; Т. 5. Вып. 17—18. С. 258—269.

Whyte W. H. (2003) The Organization Man (Fragments). *Personality. Culture. Society*. Vol. 5. No. 15—16. P. 230—253; Vol. 5. No. 17—18. P. 258—269. (In Russ.)

Уайт У. Х. Организационный человек (окончание) // Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. Вып. 25. С. 63—79.

Whyte W. H. (2005) The Organization Man (Conclusion). *Personality. Culture. Society*. Vol. 7. No. 25. P. 63—79. (In Russ.)

Фэрис Э. Секта и сектант // Чикагская школа социологии. Сборник переводов / под ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 351—365.

Faris E. (2015) The Sect and the Sectarian. In: Efremenko D. V. (ed.) *Chicago School of Sociology. Collection of Translations*. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences. P. 351—365. (In Russ.)

Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу: как контркультура создает новую культуру потребления. М.: Добрая книга, 2007.

Heath J., Potter A. (2007) *The Rebel Sell: Why the Culture Can't Be Jammed*. Moscow: Dobraya kniga. (In Russ.)

Шумпетер Й. А. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. URL: http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem (дата обращения: 30.10.2020).

Schumpeter J. A. (1995) *Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Ekonomika. URL: http://www.libertarium.ru/lib_capsocdem (accessed: 30.10.2020). (In Russ.)

Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

Elias N. (2001) *Die Gesellschaft der Individuen*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Эллюль Ж. Политическая иллюзия / пер. с фр. В. В. Лазарева. М.: Nota Bene, 2003. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/ellul.html> (дата обращения: 30.10.2020).

Ellul J. (2003) *L'Illusion Politique*. Moscow: Nota Bene. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/ellul.html> (accessed: 30.10.2020). (In Russ.)

Baehr P. (2001) The “Iron Cage” and the “Shell as Hard as Steel”: Parsons, Weber, and the Stahlhartes Gehäuse Metaphor in the Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. *History & Theory*. Vol. 40. No. 2. P. 153—169. <https://doi.org/10.1111/0018-2656.00160>.

Edwards L. P. (1970) *The Natural History of Revolution*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Michels R. (1989) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens*. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag. (In German).

Mills Ch. W. (2002) *White Collar: The American Middle Classes*. New York, NY: Oxford University Press.

Troeltsch E. (1994) *Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen*. Stuttgart: Mohr. (In German)

Whyte W. H. (2002) *The Organization Man*. Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1796](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1796)

O. L. Chernozub

IMPLICIT FACTORS AND VOTING BEHAVIOR INCONSISTENCY: FROM AN ATTITUDE TO BEHAVIOR

For citation:

Chernozub O. L. (2020) Implicit Factors and Voting Behavior Inconsistency: From an Attitude to Behavior. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 71—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1796>. (In Russ.)

Правильная ссылка на статью:

Чернозуб О. Л. ИмPLICITные факторы и несогласованность электорального поведения: от установки к поведению // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 71—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1796>.

IMPLICIT FACTORS AND VOTING BEHAVIOR INCONSISTENCY: FROM AN ATTITUDE TO BEHAVIOR

Oleg L. CHERNOZUB^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Vice-President on CIS countries; Independent Director — Member of the Board of Directors

E-MAIL: 9166908616@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

¹ Global Development Consortium, Moscow, Russia

² HeliSky Inc., Moscow, Russia

Abstract. Several recent elections and referendums were marked by a dramatic failure in pre-election prediction based on large-scale surveys among voters. The focus of the present study is poorly studied limitations on the accuracy of forecasts which are based on the explicit intentions of voters and do not take into consideration implicit (unconscious, latent) factors influencing voting behavior. To identify those factors the author introduces Graphic Association Test of Attitude (GATA) — a simple but powerful tool which enables measurement of implicit factors/intentions and helps to “enrich” traditional forecasting models dealing with explicit factors with a set of implicit effects. How these “upgraded” models work can be illustrated by the inconsistency phenomenon showcasing functionality of the general concept.

The findings of the study proves an assumption stating that implicit factors affecting attitudes and intentions are real phenomena, and inconsistencies in explicit and implicit elements of the voter’s attitudes and intentions are typical of many voters. These issues were examined in detail in the previous article (Implicit Factors and Voting Behavior

ИМПЛИЦИТНЫЕ ФАКТОРЫ И НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОТ УСТАНОВКИ К ПОВЕДЕНИЮ

ЧЕРНОЗУБ Олег Леонидович — кандидат социологических наук, вице-президент по странам СНГ, Global Development Consortium, Москва, Россия; независимый директор — член совета директоров, HeliSky Inc., Москва, Россия

E-MAIL: 9166908616@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

Аннотация. Несколько последних выборов и референдумов ознаменовались впечатляющими провалами предвыборных прогнозов, основанных на массовых опросах избирателей. Данное исследование затрагивает малоизученный аспект проблемы — ограничения точности прогнозов, которые строятся только на явных намерениях избирателей и не учитывают имплицитных (неосознаваемых, или скрытых) факторов их поведения. Чтобы выявить эти факторы, автор вводит простой и эффективный инструмент графического ассоциативного теста отношения (ГАТО). Тест позволяет измерить имплицитные факторы установки/намерения и «обогащить» типовые модели прогнозирования, основанные на эксплицитных факторах, дополнительным «поток» имплицитных эффектов. Как работают эти «обогащенные» модели, можно увидеть на примере феномена «несогласованности», который иллюстрирует функциональность общей концепции.

Выводы исследования подтверждают наше предположение о том, что имплицитные факторы формирования установки и намерений — это реальные

Inconsistency: from Theoretical Concept to Empirical Phenomenon // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020, No. 4). The present article argues that implicit factors, particularly due to the inconsistencies in the voting behavior components, can have a real impact on the voters' behavior. Taking this fact into account can considerably and sustainably improve the forecast accuracy.

феномены электорального поведения, а несогласованность эксплицитных и имплицитных компонент установок/намерений характерна для многих избирателей. Эти вопросы подробно освещены в предыдущей статье (Имплицитные факторы и несогласованность электорального поведения: от теоретической концепции к эмпирическому явлению // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2020, № 4). Здесь мы показываем: имплицитные факторы, в частности через несогласованность компонент установки избирателей, действительно влияют на их поведение. Учет этого факта в электоральном прогнозировании существенно и устойчиво повышает точность прогнозов.

Keywords: electoral behavior, prediction of behavior, factors of behavior, structural theory of attitude, explicit attitude, implicit attitude, GATA, IAT, attitude-behavior consistency

Ключевые слова: электоральное поведение, прогнозирование поведения, факторы поведения, структурная теория установки, согласованность установки, эксплицитное отношение, имплицитное отношение, ГАТО, ИАТ

1. Introduction

1.1. *This contribution within the whole study*

The previous article "Implicit Factors and Voting Behaviour Inconsistency: From Theoretical Concept to Empirical Phenomenon" presented the main findings of our studies devoted to the implicit factors¹ of electoral behavior. Many pieces of evidence point to the relatively low accuracy of electoral forecasts of the last decades. We suggested that inaccuracy could probably decrease had the implicit factors of voting been taken into consideration. We postulated that the basic theory of reasoned action/theory of planned behavior (TRA/TPB) is insufficient to draw a realistic model of electoral behavior and proposed to enrich the scheme of explicit behavioral factors with the stream of implicit ones. Therefore, the first article presented the theoretical background for the whole study and summarized the proof that implicit factors of voting are an empirical phenomenon. This contribution is devoted to the core topic of our

¹ Explicit attitudes are attitudes that are at the conscious level, are deliberately formed, and are accessible to self-report. On the other hand, implicit attitudes are attitudes that are at the unconscious level, are involuntarily formed, and are typically unknown to us.

investigation — examining the influence of implicit factors on electoral behavior and the accuracy of electoral forecasts. This corresponds to the last tasks and the last hypothesis of the whole study.

1.2. General goal, tasks, and hypotheses

The main general goal of the study is to prove that implicit factors affect voting behavior and incorporating them into the forecasting models improves the accuracy of electoral predictions. The tasks of the research were set as follows:

1. To detect the implicit attitudes/intentions to vote based on the empirical data from mass polls and to test whether these implicit factors are not artifacts of the measurement procedure but are logically generated by the “set of beliefs” as their supposed driver;

2. To identify the voters with inconsistent intentions;

3. To understand whether their characteristics are a significant factor of electoral behavior;

4. To evaluate whether considering inconsistent intentions improves electoral forecasting accuracy.

Corresponding to these tasks, we put forward three general hypotheses to test within the whole study.

H₀1: There is no specific (having an independent origin and specific effects) “implicit” attitude towards candidates. In particular: H₀1.1 Explicit and implicit attitudes always are the same towards every single candidate, and/or H₀1.2 An implicit attitude always has the same level and structure of associations with the basic “set of beliefs” as a variable of the explicit attitude.

H₀2: There is no phenomenon of “inconsistent intentions” as a specific factor of electoral behavior. In particular: H₀2.1 The share of “inconsistent voters” is constant in every candidate’s electorate, and/or H₀2.2 There are no significant differences between the “consistent”, “non-contradictory”, and “inconsistent” groups² of voters in their behavior when choosing electoral options, and/or H₀2.3 The share of “inconsistent voters” does not correlate with the error of explicit intention-based forecast.

H₀3: Taking into consideration an implicit attitude/intention does not improve forecast accuracy; the error level is the same for the forecasts based on explicit, implicit, and combined explicit/implicit intentions.

This article is focusing on H₀3, trying to reveal the influence of implicit factors on the voting and examine the effect of their incorporation into the electoral forecasting models.

1.3. General variables

The general variables were set as follows.

A *set of beliefs* (SB) is a variety of variables traditionally used to investigate the drivers of political and electoral preferences. In this study, the author used the typical American National Election Studies (ANES) sets of “approval”, “trust”, “partisanship”, “political interest”, etc. along with the special sets of “ideologically biased” declarations. To decrease measurement error, all of these variables used a four-step scale, e. g.:

² Description of “Consistency groups” (CGs) see in Section 1.3.

“Totally agree/mainly agree/mainly disagree/totally disagree”. The formulation of ANES-based variables had a common double-end form, for example: “Do you mainly approve or disapprove of the activities of President V. Putin at his office”? The formulations for “ideologically biased” declarations are represented in the text. These variables are used as independent in relation to the “Explicit attitude” (EA) and “Implicit attitude” (IA).

Explicit attitude (EA, EA_t). According to the expectancy-based model of attitude, EA is measured as respondents’ self-reported estimation of the correspondence or non-correspondence of the candidate to their personal interests. Q: “To what degree does the victory of this candidate match your interests”? A: “Totally matches/mainly matches/mainly mismatches/totally mismatches”. EA_t is the same variable but measured using the feeling thermometer technique with an eight-point scale.

Implicit attitude (IA) is measured with a specially invented technique of the Graphic Association Test of Attitude (GATA) [Chernozub, 2020]. It is used as a dependent variable in relation to SB and as a factor variable to construct variables of “Consistency groups” (CGs).

Explicit intention (VI) is measured as the traditional “vote intention” variable. Q: “For whom from this list will you vote, if any”? A: A list of candidates, including “for no one”, “will not vote in this election at all”.

Implicit intention (II) is assumed to be a form of an “automatically activated” implicit attitude, so it is, in fact, the same variable. It is used as a factor variable to construct variables of “Consistency groups” (CGs).

“Consistency groups” (CGs) are derived from crossing the EA/VI and IA/II and splitting all the respondents into six groups, depending on how they view a single candidate: (1) EA positive and IA positive, (2) EA positive and IA neutral, (3) EA positive and IA negative, (4) EA negative and IA positive, (5) EA negative and IA neutral, (6) EA negative and IA negative.

Actual voting results (VRs). The actual number of voters participating in particular elections and their electoral choices are derived from the official results published by the Central Election Commission of the Russian Federation. It may be operationalized as the counts of votes or the percent of total votes balloted. In the current study, this variable represents the actual behavior on the aggregated level.

1.4. General data

The current research is based on the data obtained during several nation-wide election polls conducted within the 2016—2018 Russian electoral cycle by the Russian Public Opinion Research Center — VCIOM (one of the largest Russian pollsters). All the studies used CAPI, a multistage sampling of households, with a randomization procedure within households.

Study 1. A nation-wide panel-based poll conducted during the 2016 parliamentary election ($N = 2304$). The sample standard error is 2.25%. The sample represents the country’s electorate. Fieldwork was held in August—September and ended a week before the voting day.

Study 2. Governor elections in one of the regions held in 2018 ($N = 1604$). The sample represents the region’s electorate. The sample standard error is 3.25%. Fieldwork was held on September 3—7 and ended two days before the voting day.

Study 3. Inter-election survey for the 2018 presidential elections ($N = 1606$). The sample standard error is 3.4%. The sample represents the country's electorate. Fieldwork was held in March 2017, a year before the voting day.

Study 4. A nation-wide poll during the 2018 presidential elections ($N = 1629$). The sample represents the country's electorate. The sample standard error is 3.4%. Fieldwork was held on March 10—11, a week before the voting day.

Study 5. A set of four separate polls at the governors' elections in four regions of Russia in 2017 ($N = 600—606$ in the studies, 2407 in total). The samples represent the electorate of each region. The sample standard error is up to 4.0%. Fieldwork was held in September 2017 and ended two days before the voting day.

Based on the raw data of these surveys, the author selected as observations for further analysis single candidates, persons or parties, that acquired an electoral result of no less than 5%. This decision was made because of the anticipated insufficiency of the smaller subsamples. For the selected observations, the standard error of the 5% subsample is no more than 1.1%.

Due to the specifications of the questionnaire design, the data from both presidential election surveys are usable for assessing the structure of intentions and "inconsistent intentions" for V. Putin's electorate, but not for other candidates'.

Therefore, for the analysis of "inconsistent intentions", the author uses nine cases as follows (Table 1.4.1). In the regional elections of 2018, the incumbents were the United Russia members, and the pretenders were representatives of the other main national parties. Further, they will be referred to by their party affiliation.

Table 1.4.1. Availability of data on inconsistency effects across the studies, number of cases

Candidate/Party	Study 1	Study 2	Study 3	Study 4
United Russia	*	*	NA	NA
Communist Party of the Russian Federation (CPRF)	*	*	DF	DF
Liberal-Democratic Party of Russia (LDPR)	*	*	DF*	DF
Fair Russia	*	*	NA	NA
V. Putin	NA	NA	*	*
Total	4	3	1	1

* DF — data format incomparable to the main bulk of data.

For the analysis of the effect of inconsistent attitudes and intentions on the forecast accuracy, 10 cases are available (Table 1.4.2).

Study 5 incorporates a comparison of implicit attitude data as per the methodology of the Graphic Associative Test of Attitude vs. explicit attitude data as per the "feeling thermometer" technique. These data have been used exclusively to prove the orthogonality of measurement of explicit and implicit attitudes and preliminarily assess the scale of their mismatch.

Table 1.4.2. Availability of data on the effect of inconsistency on the prediction accuracy, number of cases

Candidate/Party	Study 1	Study 2	Study 3	Study 4
United Russia	*	DF*	NA	NA
Communist Party of the Russian Federation (CPRF)	*	DF	*	*
Liberal-Democratic Party of Russia (LDPR)	*	DF	*	*
Fair Russia	*	DF	NA	NA
V. Putin	NA	DF	*	*
Total	4	0	3	3

* DF — data format incomparable to the main bulk of data.

1.5. Interim conclusions of the first article

Aggregating all the data presented in the article, one has to accept several conclusions.

1. Implicit components of an attitude are an empirical phenomenon. It has been reliably detected at both levels of attitude and intentions.

2. Implicit and explicit components most probably are of separate origin and definitely are affected by the distinctive sets of factors.

3. Implicit and explicit drivers exist simultaneously, and controversial attitudes/intentions status within the mind of a single person is quite a common arrangement.

Theoretically, these findings support the initial assumption of the independent nature of implicit and explicit factors of electoral attitudes, intentions, and probably behavior. These components may match or mismatch each other. Thus, one has to adopt the “enriched” model of the TRA/TBP. As soon as we do that, the question follows: does the implicit “stream” — in particular via the inconsistent status of explicit/implicit factors — affect behavior?

2. From the inconsistency of intentions to the inconsistency of behavior

Typically to electoral polls, in all the conducted studies, there was no opportunity to check whether the respondents did vote according to their declared intentions. However, one can consider some of the respondents’ answers not only as pieces of data but also as records of “action”, providing information not of what a respondent thinks, but how he or she really behaves when choosing the answer.

2.1. Inconsistency is revealing itself in switching behavior

Study 1 was organized as a longitudinal survey where the 1st wave was held two months before the voting day, the 2nd wave — one month, the 3rd — two weeks, and the 4th wave — one week before the voting day. The GATA test was incorporated in wave 4. If one presumes that the implicit attitude is extremely stable [Rosenberg, 1956, 1960], one can suppose that the data from the GATA reliably covers the “implicit status”

of respondents for the 4th and 3rd waves and quite probably even for the 2nd and 1st ones. Based on this assumption, one can construct switch tables for each of the four leading candidates (UR 16, CP16, LD 16, and FR 16) for waves 3 and 4. In all the respective tables, the data in the columns “Positive” refer to the consistency group “1. Explicit positive, Implicit positive”, the columns “Neutral” — to the group “2. Explicit positive, Implicit neutral”, and “Negative” — to “3. Explicit positive, Implicit negative”.

To present the switching process in a typical way “from past to present”, the author recounted all the findings as a percent of the initial volume of the respective consistency group and added some basic descriptive statistics.

Table 2.1.1. The outflow of the vote intention for the leading candidates, depending on the implicit attitude to the respective party of explicit (VI) preference, % of the volume of the initial group

Implicit attitude to the party of VI preference	Positive	Neutral	Negative	Total
UR 16	10.1%	20.2%	25.0%	14.3%
LD 16	17.7%	24.7%	36.6%	21.6%
CP16	18.8%	26.3%	56.3%	25.6%
FR 16	33.6%	50.0%	52.0%	40.1%
Mean	20.1%	30.3%	42.5%	25.4%
St. deviation	9.9%	13.4%	14.4%	10.9%
Spread	23.6%	29.8%	31.3%	25.8%

Table 2.1.2. The inflow of the vote intention for the leading candidates, depending on the implicit attitude to the respective party of explicit (VI) preference, % of the volume of the initial group

Implicit attitude to the party of VI preference	Positive	Neutral	Negative	Total
UR 16	16.5%	30.5%	41.3%	22.8%
LD 16	17.7%	19.2%	29.3%	19.5%
CP16	17.4%	26.3%	18.8%	19.7%
FR 16	26.2%	57.5%	48.0%	36.6%
Mean	19.5%	33.4%	34.3%	24.7%
St. deviation	4.5%	16.7%	13.0%	8.1%
Spread	9.7%	38.3%	29.3%	17.2%

Table 2.1.3. Turnover of the vote intention for the leading candidates, depending on the implicit attitude to the respective party of explicit (VI) preference, % of the volume of the initial group

Turnover to initial VI	Positive	Neutral	Negative	Total
UR 16	26.6%	50.7%	66.3%	37.1%
LD 16	35.5%	43.8%	65.9%	41.0%
CP16	36.2%	52.6%	75.0%	45.4%
FR 16	59.8%	107.5%	100.0%	76.7%
Mean	39.5%	63.7%	76.8%	50.1%
St. deviation	14.2%	29.5%	16.0%	18.1%
Spread	33.3%	63.7%	34.1%	-8.3%

According to Tables 2.1.1—2.1.3, inconsistent intentions groups lose from 25.0% (UR 16) to 56.3% (CP16) of their initial volume because of switching. Simultaneously, the switching inflow of this group is from 18.8% (CP16) to 48.0% (FR 16) leading to the turnover rates from 65.9% (LD 16) to 100.0% (FR 16). In contrast to both “consistent” and “non-contradictory” groups, the inconsistent group “3. Explicit positive, Implicit negative” demonstrates the highest values of average outflow (42.5% against 20.1% and 30.3%), inflow (34.3% against 19.5% and 33.4%) and turnover (76.8% against 39.5% and 63.7%). The fully consistent group “1. Explicit positive, Implicit positive” has these indicators at a minimum level, while the “non-contradictory” group “2. Explicit positive, Implicit neutral” takes an intermediate position.

For the three parties other than UR 16, subsamples are relatively small; to reduce random errors, the respective numbers were summed. The results are as follows (Table 2.1.4).

Table 2.1.4. Switching of vote intention for the combined electorate of the four leading candidates, depending on the implicit attitude to the respective party by explicit preference (VI), summarized counts

Implicit attitude to the party of VI preference	Positive	Neutral	Negative	Total
3 rd wave	992	373	190	1555
Outflow	155	94	69	318
Inflow	178	114	68	360
4 th wave	1015	393	189	1597
Total	1015	393	189	1597

In total, 1597 respondents belonging to the electorate of one of the leading parties took part in both waves. The universe of all the voters was represented by 1939 respondents. The data recounted against the universe are provided in Table 2.1.5.

Table 2.1.5. Switching of vote intention for the combined electorate of the four leading candidates, depending on the implicit attitude to the respective party of explicit (VI) preference, % of the country's electorate

Implicit attitude to the party of VI preference	Positive	Neutral	Negative	Total
3 rd wave	51.2%	19.2%	9.8%	80.2%
Outflow	8.0%	4.8%	3.6%	16.4%
Inflow	9.2%	5.9%	3.5%	18.6%
4 th wave	52.3%	20.3%	9.7%	82.4%
Turnover, % to the initial value	33.6%	55.8%	72.1%	43.6%

The data presented in Tables 2.1.4., 2.1.5 show that the combined group of inconsistent intentions “3. Explicit positive, Implicit negative”, consisting of about 10% of the total number of voters, demonstrates the maximum level of switching activity with a turnover of about 72% of the initial value, compared to 33.6% in the group of consistent intentions and 55.8% in the group of non-contradictory intentions. Therefore, H_0 2.2 “There are no statistically significant differences between “consistent”, “non-contradictory” and “inconsistent” groups of voters in their behavior when choosing electoral options” is not supported by the data.

Considering the answers to the VI questions as a true behavioral act of a respondent's choice, one concludes that this behavior is the most stable and predictable for the group of consistent intentions, and the most unstable and unpredictable for the group of inconsistent intentions. Does this conclusion, which is valid for the behavior during the opinion poll, get support from the data on the electoral behavior itself?

2.2. Inconsistency affects voting behavior

As supposed in H_0 2.3, the share of “inconsistent voters” does not correlate with the error of explicit intention-based forecast. To test it, the author combined the empirics from all the elections where there are data on declarative intentions (VI) split into consistency groups as per Section 1.3. In total, there were 10 cases from Studies 1, 2, and 4. The values of forecast³ errors were weighted against the errors' mean for each respective election. Then the weighted level of error was considered as a dependent variable in the regression models where independent variables were alternately the groups of consistent, non-contradictory, and inconsistent intentions of the respective candidates' supporters.

The acquired data are presented in Figures 2.2.1—2.2.3.

³ Forecasts were calculated in a uniform way as a direct extrapolation of the single VI indicator, regardless of the forecast models actually used in these studies.

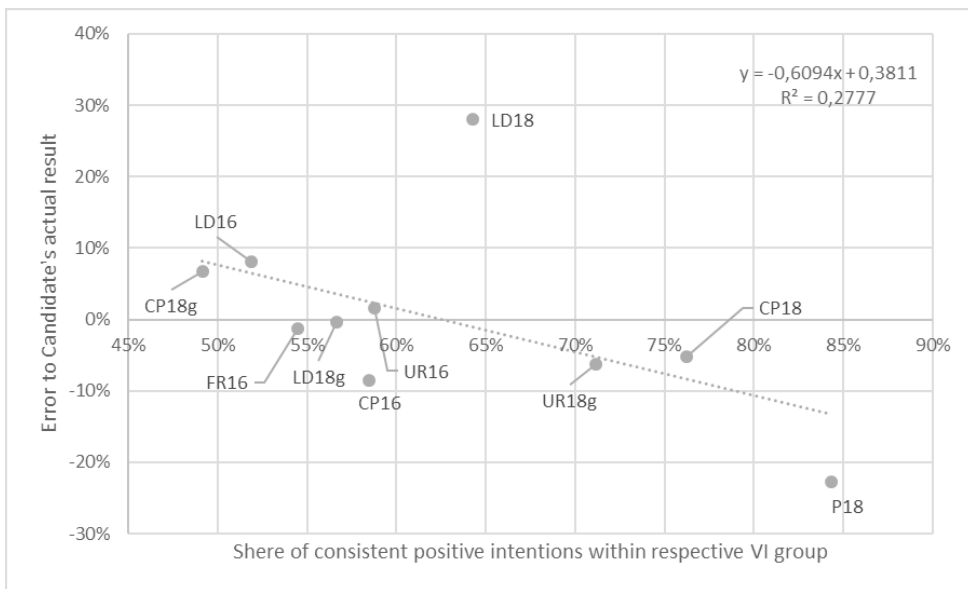

Figure 2.2.1. Regression model for the group of consistent intentions as an independent variable

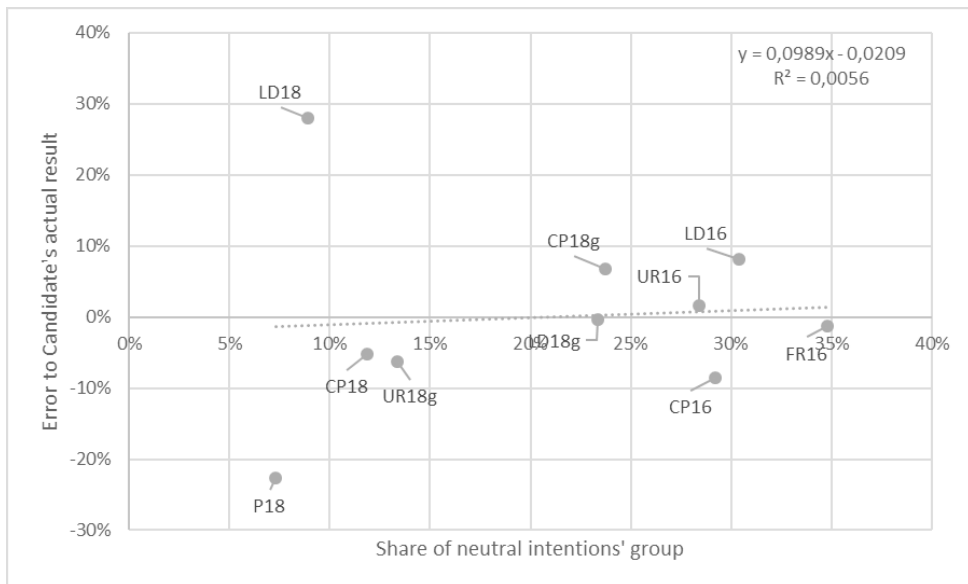

Figure 2.2.2. Regression model for the group of non-contradictory intentions as an independent variable

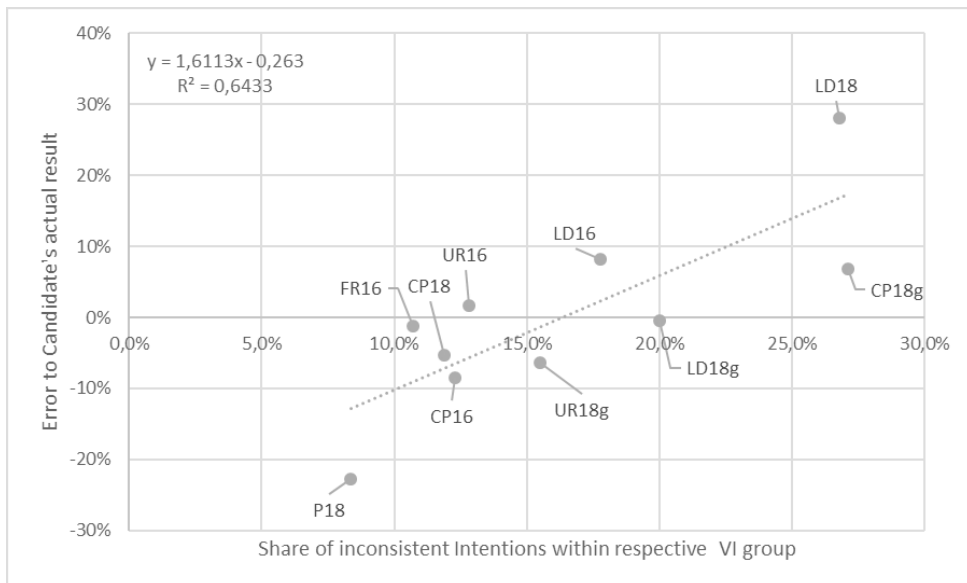

Figure 2.2.3. Regression model for the group of inconsistent intentions as an independent variable

As the data show, the composition of the electorate's consistency is indeed associated with the predictability of their behavior. An increase in the share of the group of consistency intentions leads to a decrease in the forecast error which means that representatives of this group relatively more often act as planned. In contrast, the presence of the group of inconsistent intentions disrupts the prediction accuracy: the more its share is, the heavier the forecast error is. Omitting the outliers of LD18 seems to support these conclusions. The group of non-contradictory intentions does not affect the prediction accuracy, taking the middle position between the other groups. As a result, H_0 2.3 "The share of "inconsistent voters" does not correlate with the error of explicit intention-based forecast" has to be rejected.

3. Inconsistency model application: electoral forecasting

3.1. Likely voter concept and the method of experiment

As the American Association for Public Opinion Research has aptly stressed, "...one problem election pollsters face is that not all respondents who tell them they plan to vote will do so. The actual turnout (known only after the election) is generally lower than respondents' self-reports of voting intentions in pre-election polls. So the pollster's challenge is to try to identify those who will really vote on the Election Day and which ones will stay home"⁴. To address this problem, a concept of likely voters was developed by the Gallup Organization⁵ [Perry, 1960, 1962, 1973, 1979] and now is commonly adopted.

⁴ Likely Voters. American Association for Public Opinion Research. URL: <https://www.aapor.org/Education-Resources/Election-Polling-Resources/Likely-Voters.aspx> (accessed: 16.10.2020).

⁵ Blumenthal M. (2004) Likely Voters IV—The Gallup Model. *Mystery Pollster*. October 27th. URL: http://www.mysterypollster.com/main/2004/10/likely_voters_i_1.html (accessed: 16.10.2020); Newport F. (2008) Who are Likely Voters and When Do They Matter. *Gallup*. July 28th. URL: <http://www.gallup.com/poll/109135/who-likely-voters-when-they-matte.aspx> (accessed: 16.10.2020).

The basic idea of this model is to filter out from the poll's sample those who most probably will not vote. If the pollster manages to do it correctly, the intentions of the excluded respondents will not affect the forecast, and the subsample of the "true voters", corrected in this way, will better represent the distribution of the voting choices at the actual election. This model assumes that the declaration of VI reflects the real intentions of the respondent and if the general sample is corrected, almost the only source of error is "late swing" factors.

Thus, to test the applicability of the model of inconsistent intentions in the forecasting practice, one can construct several typical "likely voter" models. All these models are based on the idea to filter out specific groups of respondents who could be considered as "unlikely" voters. The first set of models is not affected by any of the implicit/inconsistency factors and is used as the "control". Then, each of these basic models is to be supplemented with an additional filter that excluded the groups of "inconsistent intentions" regarding the respective candidate. Supposedly, the elimination of all the groups of voters driven by inconsistent intentions will lead to unequal changes of the predicted results for the candidates but the total quality of the forecast will increase. This second set of models is considered "experimental".

Finally, one should set up an average weighted error of the forecast as a general indicator of the quality of the forecasting model. The weighted error is calculated as a difference between the forecasted and the actual results divided by the actual result of the respective candidate. Thus, all the error values are comparable for all the candidates and across all the elections.

3.2. The forecasting models

To calculate the *voting forecast (VF)* for any given election and estimate the effect of introducing the implicit/inconsistency factors on prediction accuracy, several alternative models have been developed.

The set of control models:

1. *Vote intention (VI)*. The share of respondents choosing a specific candidate or a party in response to a direct VI question is considered as a prediction of this candidate's future share of votes.

2. *Vote intention, confirmed (VIC)*. This model is almost the same as VI but filters out voters who gave a negative answer to the auxiliary question "Is your intention to vote for this candidate unchangeable or it could be altered? (Y — unchangeable, N — could be altered)".

3. *Likelihood to vote — vote intention (LVVI)*. This is the most common approach among the basic forecast models. It regards vote intentions only of those who declared that they will vote answering the question "Would you vote in the coming elections of... or no?" Thus, respondents who did not declare their plans to vote are filtered out.

The set of experimental models:

Vote intention (VI), *Vote intention, confirmed (VIC)*, *Likelihood to vote — vote intention (LVVI)*. Experimental models were set up as the control ones with the only additional filter: the group of inconsistent voters was excluded from the subsample of "likely voters" under the assumption that these voters, affected by contradictory intentions, have relatively fewer motives to invest their time and efforts in voting actions.

The reference model:

GATA. This is a direct projection of the positive implicit attitude/intention on the anticipated results of the voting. In fact, it cannot be a forecast itself since an individual may have a positive implicit attitude/intention to several candidates. However, the author provides here the corresponding data to demonstrate the synergetic effect of the combination of both explicit and implicit factors in the same model.

3.3. Comparison results

This section considers the aggregated results to compare the effectiveness of the used models.

Tables 3.3.1—3.3.3 summarize the data comparison. Every table is divided into three sections. The first one represents the values of VF according to all the models and the corresponding VR. The second section contains the natural values of errors, counted by subtracting VR from VF, of the corresponding model for a single candidate. The third section represents weighted errors counted by dividing the error of every model by the corresponding VR. Finally, the bottom line covers the values of average weighted errors' modules.

Table 3.3.1. **Forecasted values, natural and weighted errors by all the models, State Duma elections, 2016**

	GATA	Control models			Experimental models			VR
		VI	Vlc	LVVI	VI	Vlc	LVVI	
Basic values								
FR 16	35.2%	8.3%	7.7%	9.7%	7.1%	5.5%	8.5%	6.2%
LD 16	30.6%	16.3%	15.4%	14.8%	14.4%	15.4%	12.6%	13.1%
CP16	29.0%	11.1%	16.7%	15.5%	10.1%	13.3%	14.2%	13.3%
UR 16	43.7%	39.6%	54.1%	46.1%	35.3%	48.5%	40.8%	54.2%
Natural error								
FR 16	35.2%	2.1%	1.5%	3.5%	0.9%	-0.7%	2.3%	0.0%
LD 16	30.6%	3.2%	2.3%	1.7%	1.3%	2.3%	-0.5%	0.0%
CP16	29.0%	-2.2%	3.4%	2.2%	-3.2%	0.0%	0.9%	0.0%
UR 16	43.7%	-14.6%	-0.1%	-8.1%	-18.9%	-5.7%	-13.4%	0.0%
Weighted error								
FR 16	566.0%	33.4%	23.8%	55.9%	14.1%	-11.6%	36.7%	0.0%
LD 16	232.9%	24.0%	17.2%	12.6%	9.6%	17.2%	-4.1%	0.0%
CP16	217.7%	-16.8%	25.2%	16.2%	-24.3%	-0.3%	6.4%	0.0%
UR 16	80.5%	-26.9%	-0.2%	-14.9%	-34.9%	-10.5%	-24.7%	0.0%
Average module of error to the candidate's result	234.0%	25.3%	16.6%	24.9%	20.7%	9.9%	18.0%	0.0%

Table 3.3.2. *Forecasted values, natural and weighted errors by all the models, presidential elections, intermediate study, 2017*

	GATA	Control models			Experimental models			VR
		VI	Vlc	LVVI	VI	Vlc	LVVI	
Basic values								
LD17	39.9%	10%	7.7%	9.1%	8.5%	6.7%	9.2%	5.7%
CP17	32.0%	5%	3.0%	4.9%	4.7%	4.6%	5.1%	11.1%
P17	62.4%	74%	86.0%	76.5%	72.3%	76.4%	79.6%	76.6%
Natural error								
LD17	34.2%	4.2%	2.0%	3.5%	2.8%	1.0%	3.5%	0.0%
CP17	20.9%	-6.2%	-8.1%	-6.2%	-6.4%	-6.5%	-6.0%	0.0%
P17	-14.2%	-2.4%	9.4%	-0.1%	-4.3%	-0.3%	3.0%	0.0%
Weighted error								
LD17	604.5%	74.4%	35.2%	61.4%	50.3%	18.4%	62.4%	0.0%
CP17	188.8%	-55.9%	-72.9%	-55.9%	-57.9%	-58.3%	-54.1%	0.0%
P17	-18.6%	-3.2%	12.3%	-0.1%	-5.7%	-0.3%	3.9%	0.0%
Average module of error to the candidate's result								
	270.6%	44.5%	40.1%	39.1%	38.0%	25.7%	40.1%	0.0%

Table 3.3.3. *Forecasted values, natural and weighted errors by all the models, presidential elections, 2018*

	GATA	Control models			Experimental models			VR
		VI	Vlc	LVVI	VI	Vlc	LVVI	
Basic values								
LD18	39.9%	9%	7.1%	5.7%	7.8%	7.1%	5.6%	5.7%
CP18	32.0%	9%	6.7%	8.5%	8.7%	7.0%	8.7%	11.1%
P18	62.4%	78%	85.0%	80.1%	80.6%	88.3%	78.3%	76.6%
Natural error								
LD18	39.9%	3.0%	1.4%	0.1%	2.1%	1.5%	-0.1%	0.0%
CP18	32.0%	-2.2%	-4.4%	-2.5%	-2.3%	-4.1%	-2.4%	0.0%
P18	62.4%	1.5%	8.4%	3.5%	4.0%	11.7%	1.7%	0.0%

	GATA	Control models			Experimental models			VR
		VI	VIc	LVVI	VI	VIc	LVVI	
Weighted error								
LD18	704.5%	52.7%	25.2%	1.1%	37.3%	26.2%	-1.7%	0.0%
CP18	288.8%	-19.5%	-39.7%	-23.0%	-21.2%	-36.8%	-21.5%	0.0%
P18	81.4%	2.0%	11.0%	4.6%	5.2%	15.3%	2.2%	0.0%
Average module of error to the candidate's result	304.0%	24.7%	25.3%	9.6%	21.3%	26.1%	8.5%	0.0%

As one can see from the presented data, in most cases the experimental models provide comparable or superior accuracy of prediction. There is only a remarkable exception of UR 16 where the underestimation of VR is provided by both sets of models, but the error of experimental models is greater. Most probably, this effect could be attributed to the peculiarities of the electoral process in Russia where some regions demonstrate both the turnout and voting for incumbents well above the country average⁶.

Therefore, the author structured 30 cases of control and 30 respective cases for the experimental models (10 candidates multiplied by 3 models for each set). To give a general picture, all of these are aggregated in Table 3.3.4. The first and second sections of the table include the average modules of weighted errors for all the candidates within the corresponding set of models. The third part and the bottom line provide the values of the average improvement of forecasts by experimental models compared to the respective control ones.

Table 3.3.4. *Experimental and control models: prediction improvement tendency*

	VI	VIc	LVVI	On average
Control models, average weighted error				
State Duma — 2016	25.3%	16.6%	24.9%	22.3%
President — 2017	44.5%	40.1%	39.1%	41.2%
President — 2018	24.7%	25.3%	9.6%	19.9%
Experimental models, average weighted error				
State Duma — 2016	20.7%	9.9%	18.0%	16.2%
President — 2017	38.0%	25.7%	40.1%	34.6%
President — 2018	21.3%	26.1%	8.5%	18.6%

⁶ In fact, the author accounted for these peculiarities in the forecast models, but here quite “mechanistic” VF results are left untouched in order to secure a crystal-clear comparison.

	VI	VIc	LVVI	On average
Improvement, points of average weighted error				
State Duma — 2016	4.6%	6.7%	6.9%	6.1%
President — 2017	6.5%	14.5%	-1.0%	6.6%
President — 2018	3.5%	-0.8%	1.1%	1.3%
On average, points of average weighted error	4.8%	6.8%	2.3%	4.7%

As the data demonstrate, in terms of the weighted error module, the overall average incremental accuracy effect is about 4.7%. This effect proved to be quite stable: at the level of average values, it has been detected for each of the three models (VI — 4.8%, VIc — 6.8%, LVVI — 2.3%) and each of the three forecasting attempts (2016—6.1%, 2017—6.6%, 2018—1.3%). Out of 9 aggregated results (Table 3.3.4, section “Improvement”), only 2 cases show a small negative effect, while in 6 other cases there is a strong positive effect (range 3.5%—14.5%), and in 1 case — a small positive one (1.1%).

Therefore, H_03 “Taking implicit attitude/intention into consideration does not improve forecast accuracy; error level is the same for the forecasts based on explicit, implicit, and combined explicit/implicit intentions” should be rejected.

4. Conclusions and general discussion

Our data, being considered within the frames of the field of voting behavior, lead one to a set of meaningful conclusions:

1. The Implicit components of the voters’ attitudes are an empirical, reliably detectable phenomenon.
2. Implicit and explicit components of the attitude most probably are of separate origin and definitely are affected by the distinctive domains of the factors.
3. Implicit and explicit drivers exist simultaneously, and controversial attitudes/intentions status within the mind of a single person is quite a common arrangement.
4. The presence of the implicit factors affects behavior.
5. Incorporation of the implicit factors into the forecasting models results in considerable improvement of their accuracy. Theoretically, these findings support the initial assumption that implicit factors are present in voting behavior. Next, one can accept the relatively independent nature of implicit and explicit factors of electoral attitudes, intentions, and probably behavior. These components may match or mismatch each other. At least for the inconsistent status of the attitude, it was proved that these implicit factors affect electoral behavior. The nature of this influence is still unclear, but the phenomenon is empirically detectable. All of these facts, being applied to voting, support our initial assumption that the electoral behavior does not precisely fit the requirements of the theory of reasoned action/theory of planned behavior, being not totally “reasoned” and “planned”. If so, one has to adopt the “enriched” model of the TRA/TBP.

Needless to say, these findings raise the theoretical problems of (a) the origin and nature of implicit factors and (b) the mechanics of their interaction with the explicit drivers. However, these are topics for further studies.

Practically, the presented data and the conclusions drawn from them lead to the understanding of the importance of “inconsistent” voters. These groups are unreliable and being unidentified, they distort the perception of the electoral landscape which could lead forecasts, political planning, and the electoral strategy into a deep impasse. If one does not know how many “inconsistent” voters are among his or her “declarative” supporters and who are they, he/she tries to apply makeup in front of a false mirror: in this case, one shouldn't be surprised by the people's reaction when one turns to the public. Thus, an obvious application of the inconsistency model to political planning is to separate the “inconsistent” group from the core part of supporters in order to understand their differences in terms of values, beliefs, most appealing incentives, etc.

Last but not least, the presented findings make it necessary to focus on (4) EA negative & IA positive, and (5) EA negative & IA neutral groups as a reservoir of supporters. If there are no barriers for the support at the implicit level, why cannot one secure their votes? It is a meaningful question, a practical and effective one.

For further studies, it looks extremely promising to test inconsistency effects at the individual level. Maybe not directly on the data of the electoral behavior, but using any case where explicit/implicit factors could be reliably identified along with the fact of a person's actual behavior. An outstanding study by Rogers and Aida [Rogers, Aida, 2012] provides an inspiring example of such an approach.

References (Список литературы)

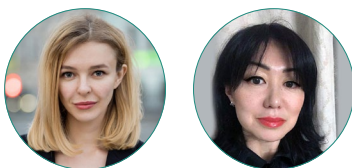
- Chernozub O. L. (2020) Implicit Factors and Voting Behaviour Inconsistency: from Theoretical Concept to Empirical Phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 17—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1584>.
- Perry P. (1960) Election Survey Procedures of the Gallup Poll. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 24. No. 3. P. 531—542. <https://doi.org/10.1086/266966>.
- Perry P. (1962) Living Research: Gallup Poll Election Survey Experience, 1950 to 1960. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 26. No. 2. P. 272—279. <https://doi.org/10.1086/267097>.
- Perry P. (1973) A Comparison of the Voting Preferences of Likely Voters and Likely Nonvoters. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 37. No. 1. P. 99—109. <https://doi.org/10.1086/268063>.
- Perry P. (1979) Certain Problems in Election Survey Methodology. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 43. No. 3. P. 312—325. <https://doi.org/10.1086/268524>.
- Rogers T., Aida M. (2012) Why Bother Asking? The Limited Value of Self-Reported Vote Intention. *HKS Faculty Research Working Paper Series*. No. RWP12—001. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:7779639> (accessed: 09.08.2020).

Rosenberg M. J. (1956) Cognitive Structure and Attitudinal Affect. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 53. No. 3. P. 367—372. <https://doi.org/10.1037/h0044579>.

Rosenberg M. J. (1960) An Analysis of Affective-Cognitive Consistency. In: Rosenberg M. J., Hovland C. I., McGuire W. J., Abelson R. P., Brehm J. W. (eds.) *Attitude Organization and Change*. New Haven, CT: Yale University Press. P. 15—64.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1642](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1642)

М. О. Макушева, Е. Г. Чо

ТЕНЕВОЙ РЫНОК АЛКОГОЛЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ТИПОВ И МОТИВОВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Правильная ссылка на статью:

Макушева М. О., Чо Е. Г. Теневой рынок алкоголя: к определению основных типов и мотивов потребителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 90—111. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1642>.

For citation:

Makusheva M. O., Cho E. G. (2020) Shadow Alcohol Market: Defining the Main Types and Motives of Consumers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 90—111. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1642>. (In Russ.)

ТЕНЕВОЙ РЫНОК АЛКОГОЛЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ТИПОВ И МОТИВОВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

МАКУШЕВА Мария Олеговна — кандидат социологических наук, генеральный директор, Центр социального проектирования «Платформа», Москва, Россия

*E-MAIL: makushevam@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1696-3149>*

ЧО Елена Геннадьевна — руководитель направления «SMART-регулирование» Центра развития потребительского рынка, бизнес-школа SKOLKOVO, Москва, Россия

*E-MAIL: Elena_Cho@skolkovo.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0324-5973>*

Аннотация. В последнее десятилетие наблюдается снижение потребления алкоголя и переход с крепких напитков на более легкие. Тем не менее употребление спиртных напитков по-прежнему встроено в культуру досуга и снятия стресса. Теневой рынок алкоголя уменьшился и видоизменился после принятия государственных регуляторных мер, но не исчез. Один из ключевых исследовательских вопросов статьи — почему человек покупает алкоголь в нелегальных точках продаж?

В статье представлены результаты совместного исследования Центр социального проектирования «Платформа» и Центра развития потребительского рынка бизнес-школы SKOLKOVO. В статье на основе серии интервью с потребителями продукции теневого рынка алкоголя описываются типы, мотивация и модели поведения покупателей, а также ситуации перехода на этот рынок. Как правило, на теневом рынке покупают ал-

SHADOW ALCOHOL MARKET: DEFINING THE MAIN TYPES AND MOTIVES OF CONSUMERS

Maria O. MAKUSHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), General Director

*E-MAIL: makushevam@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1696-3149>*

Elena G. CHO² — 'SMART Regulation' Division Manager at the Consumer Market Development Center

*E-MAIL: Elena_Cho@skolkovo.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0324-5973>*

¹ 'Platform' Center for Social Design, Moscow, Russia

² SKOLKOVO Business School, Moscow, Russia

Abstract. Over the recent decade there has been a decline in alcohol consumption and a switch from strong alcoholic drinks to lighter ones. However, alcohol consumption is still an integral part of the entertainment culture and a popular stress-relieving practice. The shadow alcohol market has shrunk and considerably changed since the adoption of new regulations, however it has not disappeared. One of the major research questions is why people still buy alcohol at illegal sales points.

The article presents the results of a study conducted jointly by the 'Platform' Center for Social Design and the SKOLKOVO Consumer Market Development Center. Based on a series of interviews with the consumers of the shadow alcohol market the article describes consumer types, motivation, behavior models, as well as situations where a switch to this market takes place. As a rule, those who buy alcohol in the shadow market are generally

коголь люди с низкими доходами; не доверяющие лицензированному продавцу и производителю; стремящиеся обойти запрет на ночную покупку. Введение ограничений на розничную торговлю спиртным переводит в теневой сегмент часть потребителей, если они стремятся сэкономить или если их приобщили к потреблению в теневом канале знакомые. На теневом рынке потребители сталкиваются со специфическими рисками, поскольку там продаются в основном крепкие напитки, и единственный способ контролировать качество продукции — через «сарафанное радио».

Ключевые слова: потребление алкоголя, теневой рынок, рациональное потребление, мотивация потребления алкоголя, типология потребителя алкоголя

people with low income, those who do not trust a licensed seller or manufacturer, or those who try to bypass the ban on late-night alcohol sales. Introduction of restrictions on alcoholic beverage retail sales redirects the consumers to the shadow market sector, if they try to economize or if their friends introduced them to the shadow market. Consumers face specific risks in the shadow market as it deals with strong alcoholic drinks, and the only way to check the quality is by word of mouth.

Keywords: alcohol consumption, shadow market, rational consumption, motivation for alcohol consumption, alcohol consumer typology

Введение

Определение теневого рынка

Эксперты — исследователи алкогольного рынка используют понятия нелегального рынка и теневого рынка алкогольной продукции. К последнему относят две имеющие легальные источники, но нерегистрируемые формы оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции: домашнее производство и заменители (аптечные, бытовые спиртосодержащие жидкости). Домашнее производство может быть направлено на продажу и являться частью «гаражной экономики» — например, приработком к пенсии. Заменители, такие как аптечные настойки, выступают альтернативным способом удовлетворить потребность в алкоголе.

Далее в тексте¹ мы используем более общее понятие теневого рынка алкоголя. Мы определяем его как часть рынка алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство, оборот и потребление которой не регистрируются ни в одной из государственных учетных систем.

Структура теневого рынка алкоголя представлена несколькими типами продукции (см. рис. 1).

В целях борьбы со злоупотреблением алкоголем государство вырабатывает регуляторную политику. В ее рамках с 2006 по 2018 г. были приняты регуляторные меры, прежде всего:

¹ Статья основана на докладе Исследование Центра развития потребительского рынка бизнес-школы СКОЛКОВО и Центра социального проектирования «Платформа». См.: [Теневой рынок алкогольной продукции.... 2019].

- создание специализированного государственного органа, определяющего государственную политику и осуществляющего контрольно-надзорные функции в области производства и оборота алкогольной продукции (Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка, или Росалкогольрегулирование);
- повышение акцизов;
- введение минимальных цен производителя, оптовой торговли и розницы;
- ограничения на рекламу;
- ограничение мест и времени продаж;
- введение единой государственной автоматизированной информационной системы (ЕГАИС) в производстве (2006 г.), оптовой и розничной торговле.

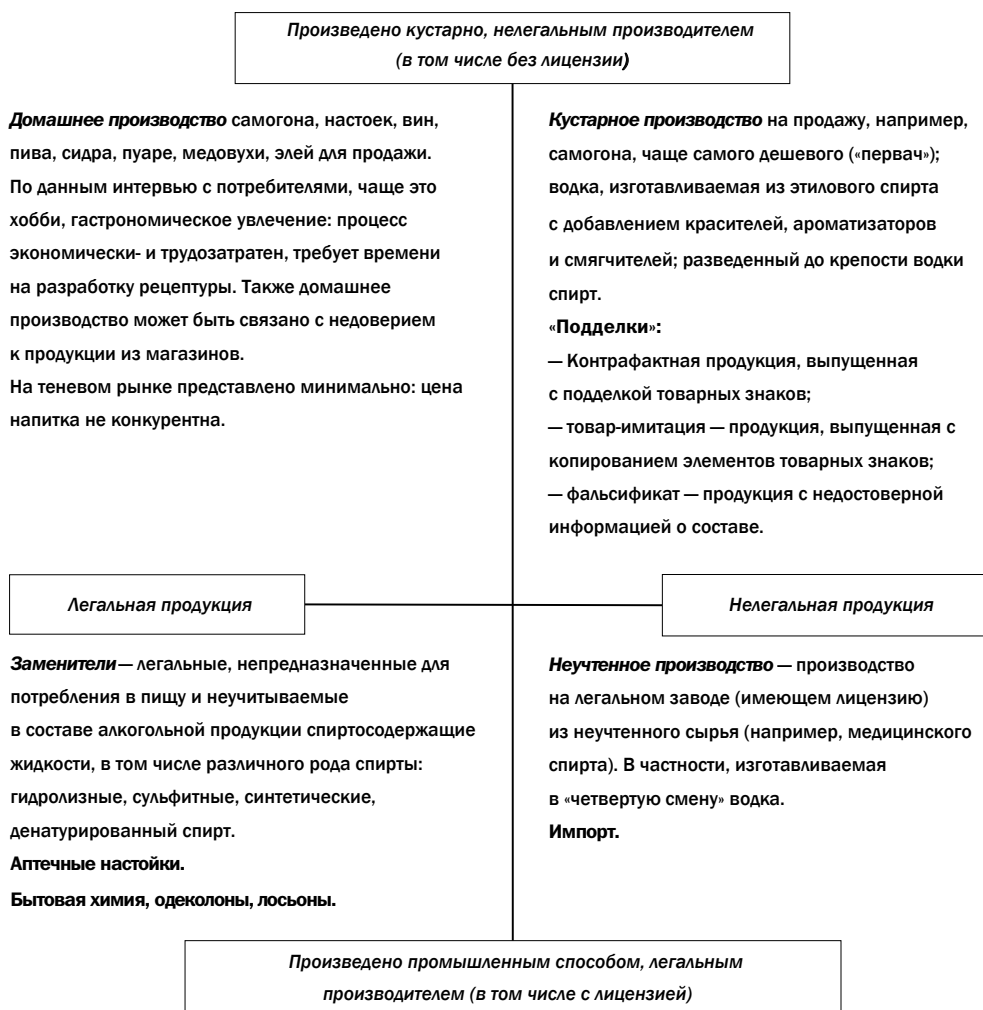

Рис. 1. Источники продукции (на основе интервью с экспертами и данных из открытых источников)

Осуществление регуляторной политики привело к неоднозначным результатам.

Под влиянием названных мер повысилась розничная цена на спиртные напитки и доля акциза в структуре цены, сократился объем легального производства и продаж легальной продукции². За этот период объем производства крепкого алкоголя сократился на 24 %, пива — на 32 %, слабоалкогольных напитков — на 84 %; производство вина увеличилось на 13 %.

В последние годы наблюдается сокращение потребления алкоголя и переход от крепких напитков к более легким³. На отказ от употребления алкоголя и на изменение структуры потребления в большей степени влияет комплекс культурных факторов, рост популярности здорового образа жизни. Аналогичные процессы фиксируются во всех развитых странах. Кроме того, изменения происходят в основном за счет молодежных когорт, а в ядре потребляющих алкоголь динамика по частоте, объему и структуре потребления минимальна.

В то же время регуляторные меры приводят к тому, что легальный рынок становится более уязвимым, а производители нелегальной продукции получают дополнительные выгоды — повышается маржинальность их производства. Одним из следствий введения ограничений на место и время продаж стало развитие индустрии нелегального сбыта — от таксистов до онлайн-магазинов. Кроме того, в некоторых отдаленных регионах покупка легальной алкогольной продукции физически недоступна — например, в населенных пунктах без стационарных торговых точек (продажа установлен запрет на торговлю спиртосодержащей продукцией в нестационарных торговых точках)⁴. Это также подталкивает население обратиться к теневому рынку.

При этом алкоголь прочно встроен в культуру: сопровождает торжества, используется для снятия стресса и как доступный источник удовольствия. Человеку в культуре, где употребление алкоголя является распространенной практикой и ритуализировано, довольно сложно отказаться от алкоголя в принципе, это сопряжено с изменением образа жизни и может вызывать конфликты с окружением.

Отчасти поэтому повышение цен на алкоголь не только приводит к сокращению его потребления, но и может подталкивать людей с низким достатком обращаться к теневому рынку⁵.

Официальной статистики, которая бы оценивала масштабы теневого рынка алкоголя, в России не существует, также отсутствует какой-либо общепринятый и надежный метод подсчета его объема. Эксперты оценивают теневой рынок в пределах 28 %—40 % от общего объема потребляемой алкогольной продукции [Теневой рынок алкогольной продукции..., 2019: 57]. Динамика теневого рынка оценивается по-разному — от сокращения (главным образом под влиянием ЕГАИС) до стагнации и даже роста [там же].

² Подробные расчеты см. [Теневой рынок алкогольной продукции..., 2019].

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE). URL: <https://www.hse.ru/rlms/> (дата обращения: 01.11.2020).

⁴ В ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» установлен запрет на торговлю в нестационарных торговых объектах, включая автолавки.

⁵ По данным Росстата, 13,7 % населения России получают заработную плату ниже 17 тыс. руб., 30,7 % — ниже 25 тыс. руб.

Государство ставит целью борьбу с теневым рынком. Пока что наиболее успешной мерой признается введение ЕГАИС, благодаря которой существенно сократился один из сегментов рынка — продажа нелегального алкоголя в легальных торговых точках. Борьба с нелегальными точками продаж признается менее успешной. Из-за отсутствия гармонизации акцизной политики высокомаржинальными остаются «серый» импорт, перетоки внутри стран ЕАЭС. Недостаточен контроль за оборотом медицинского спирта, за деятельностью спиртзаводов. Для крепкого нелегального алкоголя налажено «гаражное производство» — мобильное, оперирующее мелкими партиями на случай конфискации, с хорошо отлаженной системой сбыта, состоящей из сети небольших нелегальных точек продаж. Рынок адаптируется и занимает новые ниши. Росалкогольрегулирование с учетом незарегистрированного потребления пересматривает ранее намеченные показатели его доли в сторону увеличения⁶.

Теневой рынок сохраняется, так как сохраняется спрос на дешевую, доступную в любое время суток алкогольную продукцию, несмотря на ее низкое качество и небезопасность.

Актуальность проблемы состоит в том, что на теневом рынке потребитель, помимо общих рисков, сталкивается с набором специфических рисков, связанных с отсутствием контроля качества, а также с переходом к более крепким напиткам. В статье на основе серии интервью с потребителями описываются их типы, ситуации перехода на теневой рынок, мотивации и модели поведения.

Предыдущие исследования

Проблема потребления алкоголя хорошо изучена с различных сторон. Много работ посвящено потребительским предпочтениям, тенденциям к сокращению потребления и изменению его структуры, к переходу от крепких напитков к более легким [см., например, Радаев, 2016].

Обычно в рамках анализа неучтенного потребления и производства алкоголя рассматривают стратегии производителей и продавцов, влияние регулирующих мер государства [Основные формы незаконного оборота продукции..., 2017; Алиев, 2010; Колосницына, Хоркина, Ситдииков, 2017; Латынцева, 2017; Радаев, 2016; Rehm, Poznyak, 2015]. Также в литературе обсуждается развитие нелегальных онлайн-продаж алкоголя [Neufeld et al., 2017].

Внимание уделяется производству домашнего алкоголя, в основном самогона [Радаев, 2016; Разводовский, 2014; Скоробогатов, 2016; Храмова, 2012; Radaev, 2015]. В статье В. В. Радаева [Radaev, 2016] делается вывод, что сегменты потребителей самогона и домашних вин практически не пересекаются и отличаются друг от друга культурой потребления.

Потребитель нелегального алкоголя обычно попадает в поле внимания в связи с девиантным поведением, нанесением вреда здоровью, алкоголизмом [Гиль,

⁶ Согласно подпрограмме «Государственное регулирование в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» госпрограммы «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», годовое потребление неучтенного алкоголя планировалось сократить с 2,6 л на человека в 2019 г. до 2,2 л в 2020 г.; в 2021 г. — до 1,9 л; в 2022 г. — до 1,6 л; в 2024 г. — до 1,2 л. Росалкогольрегулирование предложило скорректировать эти показатели на 2,4 л в 2020 г.; 2,3 л — в 2021 г.; 2,2 л — в 2022 г., что было принято во внимание Счетной палатой.

2017; Голенков и др., 2013; Кудряшов, Максимов, 2016; Немцов, Шелыгин, 2014; Немцов, 2015; Разводовский, 2016; Рожанец и др., 2013; Solodun et al., 2011]⁷.

Лишь в отдельных работах поднимается вопрос отношения населения к контрафактной продукции, в частности алкогольной [Храмова, 2012]. Мотивации и модели поведения потребителя на теневом рынке до сих пор не были комплексно описаны.

В задачи исследования входят:

- анализ практик, мотиваций и логики потребителей нелегального алкоголя;
- выявление моделей перехода в теневую зону;
- выделение ситуаций риска и контроля рисков со стороны потребителя.

Дизайн исследования

В период с 15 мая по 15 августа 2019 г. в трех городах — Омске, Калуге и Торжке — было проведено 35 глубинных интервью с потребителями алкоголя.

Три выбранные точки исследования представляют разные типы населенных пунктов:

1) Омск — город-миллионер, где у населения относительно низкие доходы. На территории Омской области законодательно установлена пограничная зона, через которую, по экспертным оценкам, нелегально ввозится большое количество алкоголя из соседнего Казахстана;

2) Калуга — средний по размеру город, типичный для средней полосы России. Проживающие здесь имеют, как правило, низкие доходы;

3) Торжок — малый город с высоким уровнем безработицы при низких доходах населения.

Целевая группа исследования определялась по следующим параметрам:

- 1) возраст от 18 до 55 лет;
- 2) низкий доход (до 30 тыс. руб. на семью, до 10 тыс. руб. на человека в месяц);
- 3) регулярное потребление алкоголя — не реже раза в неделю;
- 4) один из трех маркеров:

— хотя бы раз за месяц покупка крепкого алкоголя по цене ниже рыночной (менее 215 руб. за бутылку водки 0,5 л)⁸;

— хотя бы раз за месяц покупка алкоголя у неофициального продавца (на дому, в специальных точках продаж);

— хотя бы раз за месяц покупка заменителей — непищевого алкоголя для употребления внутрь;

5) знание, где в городе можно купить алкоголь у неофициального продавца по цене ниже магазинной.

Мы использовали следующие способы выйти на сегменты целевой группы:

— уличный: мы рассматривали места скопления людей, употребляющих алкоголь (в одном городе это парки и скверы, в другом — дворы), районы ветхого жилфонда, аварийных домов, биржи труда, ПТУ и т. п.;

— «снежный ком»: искали потребителей через любые доступные контакты, в каждом населенном пункте было 3—5 точек входа в исследовательское поле

⁷ Нужный В. П., Савчук С. А. Алкогольная смертность и токсичность алкогольных напитков // Демоскоп Weekly. 2006. № 263—264. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0263/analit01.php> (дата обращения: 01.11.2020).

⁸ Данный показатель был достоверным в период проведения исследования и вплоть до 1 января 2020 г.

в соответствии с разными местами скопления людей, информантов просили представить исследователей своим знакомым, которые также потребляют нелегальный алкоголь.

В каждом городе перед серией интервью с целевыми аудиториями проводились интервью с местными экспертами для сбора информации и содержательной интерпретации статистических данных о состоянии рынка алкоголя и тенденциях на темном рынке. Экспертами могли выступать социальные работники, участковые, сотрудники наркологических клиник и отделов. Также мы провели 21 интервью с представителями производителей алкогольной продукции, ассоциаций производителей алкогольной продукции, ФАС, Росалкогольрегулирования, специалистами по таможенной политике, экономистами, наркологами, демографами.

Дополнительно мы взяли три интервью у продавцов и производителей (исследование которых не составляет самостоятельного предмета интереса, поэтому мы брали у них интервью в тех случаях, когда удавалось установить контакт). Все тексты интервью анализировались путем качественного кодирования информации и ее последующей аналитической интерпретации.

В исследовании использованы статистические данные, собранные из открытых баз, включая ведомственную статистику⁹.

Потребитель и его мотивация

Существует стереотип о потребителях нелегального алкоголя как маргинализованных людях с одинаковой мотивацией, преимущественно из сельской местности. Однако при более глубоком анализе можно выделить несколько групп, отличающихся по мотивации и характеру потребления алкоголя.

1. Люди, не имеющие постоянной занятости, часто с алкогольной зависимостью, образ жизни которых строится вокруг употребления спиртного. Их попытки бросить пить преимущественно наталкивались на сопротивление среды, сложность в поддержании контактов с окружением. Алкоголь для них имеет большое символическое значение, например, приобретение более дорогого напитка может быть поводом для гордости в компании. Два главных для этого типа потребителей сюжета — это цена спиртного и ситуация, когда необходимо удовлетворить физиологическую потребность:

По Калуге, я могу сказать, точек очень много. Квартиры, общежития, дома. Самогонка — 120. За литр — 200—300 руб. Водка меньше — 100—160 руб. (Мужчина, прекарная занятость, 26 лет, средний город)

Раньше плохо тебе стало ночью — выпить можно было. Вот это самое поганое. А теперь что, или за самогоном иди, или надо что-то оставлять. С 23:00 до 10:00, где хочешь, там и ищи. (Мужчина, не работает, 47 лет, малый город)

⁹ В исследовании использовались данные: Росстата; Росалкогольрегулирования; ФНС России; Казначейства России; ФТС России; справочных правовых систем «КонсультантПлюс» и «Гарант»; информационного ресурса «Интерфакс» СПАРК; Центра исследований федерального и региональных рынков алкоголя. Также использовались данные всероссийских опросов ВЦИОМ; Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE).

Несмотря на дефицит средств, из-за постоянной потребности на алкоголь тратится большая часть бюджета. Когда деньги есть — алкоголь покупают в магазине, когда деньги заканчиваются — ищут способы купить его дешевле. Этот цикл у некоторых потребителей может воспроизводиться вне зависимости от цены алкоголя в магазине, так как ценность денег самих по себе не слишком высока, а горизонт планирования бюджета минимален, человек живет «одним днем».

Можно начать с коньяка, закончить спиртом. Когда деньги есть — как бы охота что-нибудь получше, да? (Мужчина, прекарная занятость, 26 лет, средний город)

Информант: Если есть деньги — пойду в магазин.

Интервьюер: Не жалко ли денег?

Инф.: Не! Все равно они кончатся в этот же день! Так что мне особо не жалко. (Мужчина, не работает, 26 лет, средний город)

2. Слои населения, находящиеся на грани нищеты, экономящие на продуктах питания. Для них покупка алкоголя в магазине недоступна или рассматривается как трата в ущерб товарам первой необходимости.

В магазине дорого. В киоске — 110 руб., иногда по 130, а в магазине — да вы что, даже и не подхожу к прилавку. В ранешние времена же можно было в магазине покупать. А сейчас, если я получаю 7—8 тыс., неужели я пойду за 300 руб. покупать водку? Это очень дорого. (Женщина, временно не работает, 52 года, город-миллионер)

3. Низкодоходные слои населения, пользующиеся возможностью, поводом сэкономить. Они подходят к покупке избирательно. Приобретают как легальный, так и нелегальный алкоголь в зависимости от выгоды, социальной ситуации и типа напитка.

Они оценивают социальный контекст и значимость повода. В компании близких («своих» и людей того же статуса) могут купить водку в знакомой точке продаж, а для поездки в гости в менее знакомую компанию выберут алкоголь подороже в магазине. Для праздника могут приобрести более дорогой напиток, для неформального застолья — дешевый на теневого рынке.

Также они четко оценивают материальные выгоды и потери в конкретной ситуации. Например, при большой закупке на праздник стремятся сэкономить, так как разница в 100 руб. за бутылку водки для них чувствительна.

В теневой сегмент переходит только покупка водки, а вина, игристые вина, пиво покупаются преимущественно в легальных точках продаж, поскольку для этих напитков выше воспринимаемая разница в качестве, вкусе.

С повышением цены на алкоголь люди этой группы не снижают потребление, а переходят с более легких напитков на крепкие, поскольку их легче достать на теневом рынке, — например, реже позволяют себе вина.

Просто пошел по ларькам. Спросил у людей, мне подсказали — иди туда. Я пришел, купил ящик. А вот год назад, когда у моего брата свадьба была, мы по старой памя-

ти поехали. Там нам категорически отказали. Сказали, что здесь больше не торгуют. Пришлось подключать связи через второго, третьего, четвертого, пятого. Потом мне позвонили: «Тебе водка нужна?» Я говорю: «Да». — «В каком количестве?» Я ему объясняю: так-то и так. Он говорит: «Ну, все, тогда я тебе привезу прямо на дом». Это киоски. Типа чебуречной. 110 или 150, они отличаются. Она вся казахстанская, но только партиями, качеством отличается. То есть за 110 — похуже. Как финансы позволяют, так и берем. (Мужчина, работает, 40 лет, город-миллионер)

Водку иногда [покупаю в обычном магазине], коньяк — это дорого. Это же еще не факт, что он хороший, даже если дорогой. А водка — она вся одинаковая. Самогонка — если только после 23:00 или когда до 10:00 негде купить. Есть квартира на [название улицы], все знают этот район. (Мужчина, не работает, 47 лет, малый город)

Таким образом, для низкодходных слоев наиболее характерен мотив рациональной экономии. Он связан в том числе с недоверием к легальным каналам продаж.

По оценкам экспертов, в магазинах нелегальная продукция отсутствует благодаря введению системы ЕГАИС. Однако на поведение потребителя влияют в том числе сформированные ранее и устойчивые представления о рисках. По мнению массового покупателя, на полках магазинов часто бывает нелегальный алкоголь. Около 50 % потребляющих алкоголь оценивают риски столкнуться с нелегальной продукцией в магазине как высокие; 60 % считают, что отравления от нелегального алкоголя происходят регулярно; по мнению 29 % опрошенных, такие случаи учащаются¹⁰. Это формирует чувство незащищенности даже при покупке в легальных точках продаж, наносит репутационный ущерб и легальному производителю, и государству.

В ситуации, когда для потребителя существенна разница в стоимости, недоверие к легальным точкам становится одним из мотивов и способом рационализации покупки у нелегального продавца.

Мы выявили, что распространены следующие представления потребителей, которые влияют на их потребительскую стратегию.

1. В магазине тоже велик риск столкнуться с подделкой, а по качеству подпольный алкоголь ничем не уступает. Здесь действует логика от противного: если некачественная продукция продается и в магазинах, то нет смысла переплачивать. Эта позиция снижает в восприятии аудитории ощущение риска от покупки нелегального алкоголя, а также является одним из мотивов употреблять алкоголь собственного производства.

Много примеров, когда люди покупают дорогущую водку под названием [название марки] и потом на следующий день умирают. Примерно то же самое, как умирают от «казашки» [сленговое название казахской водки. — Прим. ред.], которая за 150 руб. или за 100 руб. Я не знаю, за что переплачивают. За акцизы, за сборы, за налоги,

¹⁰ По данным формализованного массового опроса населения методом телефонного интервью (CATI) по вероятностной двухосновной выборке на основе массива стационарных и мобильных телефонных номеров. Объем выборки — 1,5 тыс. респондентов. Период проведения — 1—17 октября 2019 г. Опрос проведен ЦСП «Платформа». Подробнее см. [Теневой рынок алкогольной продукции.... 2019].

за жадность продавцов, которые продают эту водку. За сетевые жадности. Просто водка натуральная, вся она из опилок. (Мужчина, работает, 55 лет, город-миллионер)

На прилавках-то, как я знаю, 98 % левого стоит. Это по итогам всемирного опроса... Ну, все равно же берут. (Мужчина, прекарная занятость, 26 лет, средний город)

Если нормальный дилер, барыга — он продает потому, что ему нужно продавать, жить хочется. А есть те, кому пофиг, что они продают, они скинут и не будут смотреть, что там — спирт или моча. Проблема в том, что и в обычном магазине могут впахнуть спокойно. Может, чуть менее спокойно, чем тут. (Мужчина, не работает, 25 лет, средний город)

А бывает, бутылку водки выпил, а голова будет раскалываться так, как будто вы месяц пили. Щас, говорю же, подделок — на 90 % на прилавках стоит подделка. (Мужчина, прекарная занятость, 26 лет, средний город)

2. Водка — напиток, простой в изготовлении и одинаковый в разных ценовых сегментах. Разницу в качестве легальной и теневой продукции люди не видят или игнорируют: «Водка — она и есть водка». Часто они рационализируют свое поведение, объясняя цену магазина как несправедливую, связанную с акцизами и «жадностью» продавца.

В последние годы, в последнее время стали покупать чаще [казахский] алкоголь. Цвет одинаковый, вкус... Спиртное и есть спиртное, как вкус отличается? (Женщина, работает, 38 лет, город-миллионер)

От цены зависит. В магазине дороговато водку покупать. А вот в неофициальных точках все равно в разы дешевле. Знаете, если честно, магазинная водка и вот эта за 100 руб., они практически ничем не отличаются. (Женщина, работает, 35 лет, город-миллионер)

3. Качество отличается, только если покупать в магазине дорогую водку, между недорогими марками и алкоголем на теневом рынке разницы нет. Наличие контрафакта на полках магазинов и регулярные сообщения об отравлениях стимулируют недоверие прежде всего к дешевому сегменту легального алкоголя, продающегося по минимальной розничной цене. Доверием с точки зрения качества (не считая риска столкнуться с подделкой) пользуются более дорогие бренды. Если человек не может себе позволить покупку таких напитков, он автоматически становится перед выбором: покупать без гарантии, но дешево, или без гарантии, но с переплатой. Таким образом, недоверие сильнее затрагивает наименее обеспеченные слои населения, которые перестают видеть разницу между покупкой магазинной водки и, например, нелегально ввезенной казахской водки в Омске.

В магазине за 200 руб. тоже водка не многим лучше той, что купил с рук. Нормальной водки, мне кажется, иной раз и не найдешь. Даже в магазине не поймешь. Как говорится, иногда с одного крана налита, что в магазине стоит 200—300 руб. бутылка, что эта по 100 руб. (Мужчина, работает, 31 год, город-миллионер)

4. Люди, которым алкоголь потребовался в ночное время. В зависимости от достатка они могут рассматривать разные варианты: поездку на известную точку продаж, покупку у таксистов, заказ в онлайн-магазине. Мотив экономии здесь не является основным. Покупка нелегального алкоголя ночью, как правило, переводит их с легких напитков, например с пива, на крепкие. Важно также, что ночные покупки чаще делают уже нетрезвые люди, у которых ощущение риска снижено.

Конечно, я самогон тогда [если алкоголь будет доступен для покупки в ночное время] не пойду покупать, я пойду тогда себе пиво куплю. Раньше пошел в ларек, круглосуточно. Ларьки были на каждой остановке и были круглосуточные, и магазин был круглосуточный. Пошел, купил пиво, все время продавалось в 2:00, в 3:00 ночи. А теперь, если ночью кто-то хочет что-то выпить, они бегут куда-то, где на квартире торгуют, или с утра где-то надо, с 8:00 утра. (Мужчина, не работает, 43 года, малый город)

5. Любители домашнего алкоголя. Они предпочитают его вне зависимости от цены, редко покупают, чаще производят сами или угощаются у знакомого производителя. Ценовая регуляция для них при этом не связана с мотивацией употребления или производства. В целом производство домашнего алкоголя для себя является скорее гастрономическим хобби и объясняется набором специфических культурных факторов, поэтому мы не комментируем его подробнее.

[Приятель] проявил к этому интерес. Причем он начал заниматься профессионально. Он им не торгует. Он делает продукт. Причем он настойки делает. Настаивает в бочках. Где-то, какие-то у него технологии. Короче говоря, человек серьезно к этому относится, и поэтому я с удовольствием пользуюсь этим продуктом. (Мужчина, работает, 55 лет, город-миллионер)

Приобретаемая продукция и место покупки

В целом на теневом рынке доминируют крепкие алкогольные напитки, что обусловлено более высокой рентабельностью производства. Эксперты отметили, что наибольшая часть нерегистрируемого оборота — это продукция:

- в цене которой на легальном рынке существенную долю составляет акциз;
- изготовление которой проще с точки зрения технологии, времени и денег, доступности сырья и количества требуемых ингредиентов.

Типы потребления различаются в населенных пунктах, где проводилось исследование. Это связано как с исторически сложившимися нишами теневого рынка, так и с особенностями текущей ситуации на рынке. В приграничных территориях больше ввозимого нелегального алкоголя («серого» импорта). В населенных пунктах, прилегающих к заводам по производству алкогольных напитков, может иметь хождение продукция, произведенная полулегальным способом. В городах с развитым частным сектором и традициями домашнего производства или в городах, тесно связанных с деревней, производится и реализуется больше самогона.

С точки зрения потребителя, выделяется несколько типов нелегальной продукции (см. табл. 1).

Таблица 1. Типы нелегальной продукции, с точки зрения покупателя

Тип продукции	Особенности спроса и мотивации	Цена
Водка неизвестного покупателям производителя	Основной мотив покупки — экономия, спрос чувствителен к цене: продукция низкого качества теряет привлекательность, как только становится сопоставимой по цене с законно произведенными аналогами. Расценивается как произведенная кустарно или нелегально промышленным способом.	Отличается в разных точках, обычно от 100 до 160 руб. за бутылку 0,5 л.
Разбавленный спирт	Основной мотив покупки — экономия. Для спирта еще более значим фактор неразличения: покупатель считает, что покупает то же (водка = спирт + вода) за меньшие деньги.	Отличается в разных точках, например, 50—60 руб. за бутылку в Калуге.
Алкогольная продукция, реализуемая нелегально, но известного для покупателя происхождения. Специфика Омска — в большом количестве, по оценкам экспертов и потребителей, ввозимого и сбываемого нелегально алкоголя из Казахстана («казашка»)	Покупатели знают происхождение напитка и считают не контрафактом, а полноценным аналогом водки, реализуемой легально. По мнению потребителей, качество такое же, как у бюджетных вариантов в легальных точках продаж, или выше. Спрос чувствителен к цене, но действует и фактор привычки: у продукта есть лояльные потребители.	Зависит от качества: более дешевая водка — 100 руб., лучшего качества — 150—160 руб.
Аптечные заменители. Аптечные настойки и одеколончики информантами не используются — цена на них выросла и употребление стало невыгодным в сравнении с магазинным алкоголем. Но в аптеках по-прежнему можно купить спиртосодержащие жидкости, которые перед употреблением разбавляются водой	Спрос очень чувствителен к цене. При определенном пороге цена эквивалента бутылки водки становится сопоставима с магазинной. Преимущественно для ночных покупок или снятия похмельного синдрома, когда нет денег на бутылку водки, даже нелегальной.	35—50 руб. за 100 г.
Дешевые варианты самогона («первач»), производимые на продажу	Основной мотив покупки — экономия. Субъективно это самый опасный вариант для здоровья. Покупатель осознает, что рискует, и при доступности альтернатив предпочтет этот вариант только в случае проверенного качества.	От 100 руб. за бутылку.
Более качественные варианты самогона, настойки и домашние вина	При производстве требуют вложения значительных сил и времени. Рецепты хранят и совершенствуют. Производство на продажу малорентабельно, так как продукция не может быть дешевой. Из экономии не покупаются. В этом сегменте почти нет покупателей с низким доходом. Но могут рассматриваться и как альтернатива магазинным напиткам — не самому дешевому алкоголю, а напиткам лучшего качества, — в этом случае покупка воспринимается как экономия. Спрос не столь чувствителен к цене. Продукция имеет лояльных потребителей, которые считают, что качество выше, чем у промышленно произведенной продукции	От 250—300 руб. за бутылку.

Структура потребления

В большинстве случаев информанты комбинируют несколько видов напитков или легальный алкоголь с нелегальным.

Поведенческие стратегии людей, прибегающих к услугам теневого рынка алкоголя, зависят от нескольких факторов.

1. Наличие или отсутствие денег. Когда позволяют средства, человек покупает обычный алкоголь в магазине, когда денег нет — идет в свою точку продаж. Также встречаются комбинации нескольких типов теневых точек (с продукцией разных типов и цен, отпускающих в долг либо нет) или нескольких типов алкоголя из одной теневой точки (с разной ценой).

Водку, и иногда там покупаем в киоске у нас. Не в киоске, а в квартире продают, наверное, спирт разбавленный, я так думаю. Когда денег совсем уж нет. От этой голова болит очень сильно, которую вот на дому продают. А когда нам продают [в киоске], но иногда и нет там, в этом киосочке, тогда туда [на квартиру] идем. (Женщина, временно не работает, 52 года, город-миллионер)

Ну, если денег нет, то приходится эту [водку] брать [на рынке, около 160 руб.]. А если деньги есть, то в магазине. (Мужчина, не работает, 25 лет, малый город)

2. Объем и повод закупки. Иногда большие компании для совместного досуга могут сэкономить на алкоголе, даже если небольшими объемами привыкли покупать его в магазине.

Допустим, свадьба у брата в прошлом году была. Мы, конечно, не пошли покупать за 400 руб. водку, то есть на 150 человек это будет неэкономично, поэтому поехали купили, ну большую партию, нам поэтому и скидка была. Короче, можно сказать, 90 руб. за бутылку, мы взяли где-то в районе 170 бутылок, наверное. (Мужчина, работает, 28 лет, город-миллионер)

Зависит от масштаба, сколько людей будет на этом мероприятии и сколько продлится. [Если ожидается] Два-три человека — [покупаем алкоголь] в магазине, а когда мероприятие, тогда... [на теновом рынке]. (Женщина, работает, 38 лет, город-миллионер)

Допустим, если объект мы сдали, закончили, то мы берем, конечно, нормальную водку. А если, чтобы так, допустим, решили, захотели выпить, мы встретились — выпили после работы, и все. То есть [если собираемся] без повода [можно сэкономить]. (Мужчина, работает, 40 лет, город-миллионер)

3. Тип алкоголя. С точки зрения покупателя, вино и пиво — напитки, в которых важен вкус, к их качеству предъявляются более высокие требования, нежели к качеству водки. Последняя считается более простым напитком, мало отличающимся у разных производителей («водка — она и есть водка», «что там спирт, что здесь»). Ее скорее предпочтут купить в теновом секторе.

Ну а зачем [покупать в магазине], если вкусно? Она и та, и та вкусная. Водка — это водка. (Мужчина, не работает, 48 лет, средний город)

4. Социальная ситуация. Например, информанты рассказывали, что в ситуации общения с друзьями, определяемыми как «свои», уместно принести в дом бутыл-

ку водки из нелегальной точки («казашка», которая в восприятии потребителей из Омска занимает промежуточное положение между легальным и нелегальным алкоголем). При поездке в менее знакомую компанию, к более обеспеченным людям, определяемым как «другой круг», к более зажиточным родственникам купят алкоголь в официальном магазине.

К примеру, люди, к которым мы идем в гости, люди нам звонят и говорят: купите водки, например. Неудобно идти с дешевой водкой, и заходим тогда в магазин. (Женщина, работает, 35 лет, город-миллионер)

5. Покупка алкоголя заранее или ночью. Ночная покупка может приводить компании к переходу на крепкий алкоголь, если ранее они пили другие напитки.

Это было пиво, потом это была водка, потом все подряд пошло. Пиво в [название магазина] брали. Водку — потом в магазине. Уже, конечно, после 22:00 это было, то есть спокойно продали нам. Ну, я не знаю, лицензированную, нелегализованную. Но она стопудово не общего производства. (Мужчина, работает, 37 лет, город-миллионер)

Если, смотрите, куда-нибудь ехать на день рождения, свадьбу — там в основном водка, конечно, ребят. А если, допустим, на выходных шашлыки пожарить, то, конечно, пиво идет. Ну, когда становится мало, все равно потом заряжается водка. Уже в официальном после 22:00 не купишь. Поэтому в этом [название точки нелегальной продажи] в любое время дня и ночи купить. (Мужчина, работает, 28 лет, город-миллионер)

Раньше круглосуточно продавалась, было проще. Ты идешь — идешь в магазин. А теперь чего? Или ты в 8:00 идешь, открывается аптека, и там иногда, бывает, спирт за наличку продают. Но он там не питьевой, а что-то мазать. С него отходняк. Тоже может и переклинить. Тоже палево такое. Раньше, помню, боярышник все брали, пока не отравились. Он круглосуточно продавался, боярышник, даже после 23:00. Одно время ходили в аптеку, просто брали боярышник и пили его. Мы тогда на заводе работали, там пили его. Потом уже это палево стало в магазинах. Сейчас уже давно нету, когда траванулись там, в Сибири где-то. (Мужчина, не работает, 47 лет, малый город)

Точки продаж

В ходе исследования в трех городах были выявлены следующие типы точек продаж:

- домашние, в многоквартирных домах или частном секторе (что более характерно для самогона из-за резкого запаха при производстве);
- гаражи, некоторые точки «соседского» типа отпускают алкоголь в долг;
- маленькие частные магазины и киоски, продуктовые или торгующие сопутствующими товарами, цветами;
- рынки;
- легальные аптеки — для заменителей (покупатели в Торжке и Калуге говорили, что доступные альтернативы прежним настойкам продаются только за наличные и «из-под полы»);

— таксисты, которые в ночное время продают легальную (или выдаваемую за легальную) водку и иные алкогольные напитки, купленные на случай спроса;

— интернет-магазины, продающие алкоголь круглосуточно и привозящие на дом к клиенту¹¹;

— закусочные и бары, которые в том числе отпускают алкоголь с собой. Здесь могут продаваться и легально, и нелегально произведенные напитки, происхождение которых не всегда известно покупателю. Но если цена почти не отличается от магазинной, это позволяет предположить нелегальное происхождение. Например, в Торжке на ряде точек есть рекламные вывески «Алкоголь по цене магазина». Такие точки рассматриваются как место для ночной покупки.

Продукция таксистов, интернет-магазинов, закусочных и баров в наиболее низкодходном сегменте спросом не пользуется, так как продается с наценкой к магазинной стоимости. Это вариант для компаний.

Информация о торгующих ночью онлайн-магазинах доступна для любого интернет-пользователя. Сведения о барах, магазинах, точках скопления таксистов или контактах таксистов также циркулируют в определенной среде, и обращение в точку не требует личного знакомства.

Домашние и гаражные типы точек наиболее закрыты и предполагают, что человека в первый раз должны привести и представить продавцу знакомые. Поэтому можно говорить, что информация о теневом рынке в городах распространена неравномерно. Во-первых, в определенных средах, в первую очередь низкодходных, выше шанс встретить целевого потребителя, человека с соответствующим опытом и нужными знакомствами. Во-вторых, даже с учетом пересечения границ социальных сред в городе, такого типа информация предназначена в первую очередь «для своих», не упоминается в случайном разговоре, может вызывать смущение при общении с человеком незнакомым и/или иного социально-экономического статуса.

Переход в «серую» зону

По материалам интервью можно отметить влияние среды, в которой есть люди с опытом покупки на теневом рынке. Кроме того, первый опыт покупки связан с повышением стоимости и введением ограничений на продажу в ночное время. Мы выделили три пути перехода в теневую зону.

1. Человек попал в среду, где распространена практика покупки теневого алкоголя. Пример из нашей выборки — приход на работу в коллектив строителей, у которых принято отмечать окончание рабочей недели застольем с купленной на знакомой «квартире» водкой. Инициировать контакт могут знакомые, которые впервые угостили, рассказали о точках продаж, отвели к продавцу. При условии, что для человека чувствительна разница в цене, он может в дальнейшем обращаться к этому продавцу.

¹¹ В отличие от других сегментов рынка, об этом сегменте доступны данные, позволяющие зафиксировать пики спроса. Google Trends дает возможность проанализировать популярность поисковых запросов в Москве. Так, поиск по словосочетанию «алкоголь ночью» дает первый пик в момент введения ограничений на продажу в 2010 г. Наибольшая популярность данного запроса пришлась на декабрь 2013 г. и август 2014 г. Поиск по словосочетанию «алкоголь круглосуточно» дает наибольшую популярность в сентябре 2017 г., в сентябре 2018 г. и в августе 2014 г.

2. Часть покупателей обратились к теневому рынку после введения запрета на продажу в ночное время.

3. Есть также потребители, которые впервые задумались об экономии на фоне подорожания алкоголя в розничной торговле. Переломным моментом могла стать, например, необходимость большой закупки на праздничное мероприятие, для поездки на природу большой компанией. Обычно в этой ситуации кто-то из знакомых давал совет, приводил в точку продаж и знакомил с продавцом.

Ну, сейчас спирт столько же стоит, сколько раньше водка. Водка стоила 70 руб., ну и спирт так же стоил. [Впервые начал покупать в гараже] вот как раз, наверно, когда начала дорожать водка. Как раз в 2010-х годах. (Мужчина, не работает, 31 год, средний город)

Первый опыт снимает часть страхов и знакомит с точками продаж. Если у человека формируются доверие к точке продаж и установка, в соответствии с которой покупка там — это рациональная экономия (продается тот же продукт или продукт с незначительным отличием в качестве, но существенно дешевле), он может продолжить покупать напиток в нелегальной точке даже при росте доходов. Попав на теневой рынок, покупатель с большой вероятностью на нем остается.

Зоны рисков

Все информанты в той или иной мере осознают риски употребления алкоголя от нелегального продавца. Покупатель на теневом рынке не защищен никакими мерами контроля качества. Единственный механизм регуляции — «сарафанное радио», которое позволяет обходить стороной точки продажи опасного спиртного. Однако все опрашиваемые упоминали о существовании в городе продавцов с плохой репутацией, а некоторые даже сами сталкивались с ними.

В любой торговой точке, где продают «казашку», я бы не стал покупать. У меня был пример, наверно, года два назад, здесь, на кольце возле заправки. У нас там стояла машинка, и там мои знакомые ребята торговали этой водкой. Причем они сами ее возили. Сами закупали где-то в Петропавловске или не знаю где. И они мне говорили: вот это бери, вот это не бери. (Мужчина, работает, 55 лет, город-миллионер)

Раньше, я как знаю, ну, это было давно, такой самогон продавали, я не пил его, сразу же говорю, и не брал. Они его делали, кто-то на таблетках, накидают туда. Для крепости, чтобы быстрее выходилось. Вечером поставили, утром уже продают. (Мужчина, работает, 48 лет, малый город)

Продавали у нас в одном доме самогон, и там что-то добавляли. И люди от него дурели. И дурели, и драки, и все прочее. Туда мы стараемся не ходить. Говорят, димедрол, что люди дурные становились. Так друг другу передаем, говорим. (Женщина, временно не работает, 52 года, город-миллионер)

В том году померли несколько человек. Отравились ребята. Взяли водки. Выпили. Один на одном районе помер, другой — здесь, у нас. Взял тоже здесь недалеко. (Мужчина, работает, 48 лет, средний город)

Помимо «сарафанного радио», потребитель опирается на свою способность отличить опасный напиток от качественного. Перед употреблением алкоголя из нового источника снимают пробу и утверждают, что качество понятно сразу. Но склонные к злоупотреблению алкоголем постоянно или ситуативно, например, во время праздничного застолья, отмечают, что не всегда держат ситуацию под контролем и на определенной стадии опьянения не могут разобраться, насколько качественный перед ними алкоголь.

Допустим, если вот так бутылку взять, начинать ее крутить. Если внутри получается спираль, это о нормальном качестве говорит. Допустим, если стопку выпил, все, у тебя начинается жжение, слезы наворачиваются, то это уже стопудово суррогат. (Мужчина, работает, 28 лет, город-миллионер)

[Продавец] наливает в прозрачный стаканчик. [Покупатель] Выпивает — там остается белый осадок. Это значит — добавляют димедрол. От этого погибли очень много людей. И там больше не беру. (Мужчина, прекарная занятость, 26 лет, средний город)

Один раз по собственному опыту, мы ее [водку] выкинули сразу же. Невозможно было, ацетон. (Мужчина, работает, 40 лет, город-миллионер)

Особую ситуацию риска в связи с этим создает нелегальная ночная торговля: потребители в ночное время в основном продолжают застолье и менее чувствительны к маркерам некачественного алкоголя — запахам, привкусу, которые они способны определить в обычном состоянии.

Но ты, когда датый, откуда ты там уже разбираешься. Чтобы засадить уже, вот в чем вопрос. (Мужчина, не работает, 55 лет, малый город)

Я когда водку беру, и так, и так, мы пробуем, выпиваем. Если нормальная, то дальше пьем. Но в конце, кажется, мы не определяем, какое там уже качество водки. Потому что там все равно, мне кажется. Последний раз как это было, людям было уже все равно. (Мужчина, работает, 28 лет, город-миллионер)

Заключение

Теневой рынок алкоголя продолжает существовать, поскольку его деятельность, несмотря на все риски, высокорентабельна для производителя, при этом сохраняется спрос у потребителя, осознанно выбирающего дешевую низкокачественную продукцию.

В исследовании выделены основные **типы потребителей** на этом рынке. Постоянно или ситуативно к его услугам прибегают прежде всего самые низкодоходные слои населения, для которых экономия в 100 руб. на бутылке водки существенна. На их поведение, помимо стремления к экономии, влияют:

1) представление о водке как напитке, одинаковом в любом ценовом сегменте, а также утилитарное отношение к потреблению алкоголя как средству достичь опьянения;

2) недоверие к качеству алкоголя по минимальной цене в розничной продаже, в целом устойчивое представление, что при покупке в магазине потребитель не застрахован от подделки.

Эти мотивы отсылают, с одной стороны, к культуре потребления алкоголя, с другой — к репутации производителей и государства как ответственных за контроль качества.

Можно выделить также сегмент потребителей, покупающих нелегальный алкоголь в ночное время.

Мы рассмотрели два основных **механизма попадания на теневой рынок**, характерные для последних лет: первая покупка ради экономии (знакомые отводят в точку продаж или угощают напитком, рекомендуя продавца) и ночная покупка. Оба механизма вовлечения снимают социальные и психологические барьеры. Для закрепления потребительских практик важна также принадлежность к среде, в которой распространена практика употребления нелегального алкоголя и циркулирует информация о точках продаж.

Если первый опыт был положительным, то формируется доверие к каналу; подерживается установка, в соответствии с которой покупка — это рациональная экономия; опыт воспроизводится неоднократно даже при росте доходов.

Все потребители теневого рынка сталкиваются с **рисками**. Прежде всего это очевидные риски отравления и другие угрозы жизни и здоровью. Еще одна опасная тенденция — постоянное или ситуативное изменение структуры потребления с переходом на крепкий алкоголь, который преобладает на этом рынке. При этом есть разница в потребительских сегментах: в сегменте экономии представлен крепкий алкоголь, в сегменте ночных покупок — любые виды с преобладанием крепкого алкоголя.

Существует только два **защитных механизма** для покупателя в нелегальной точке продаж, будь то гараж с разбавленным спиртом или таксист с водкой неизвестного происхождения:

— обмен опытом («сарафанное радио», когда люди обмениваются друг с другом рекомендациями не приобретать некачественную продукцию у определенных продавцов);

— взятие пробы, однако даже если отдельные потребители действительно способны отличать некачественный алкоголь по вкусу, к покупке они часто прибегают в состоянии опьянения, когда чувствительность снижается. Поэтому данный защитный механизм довольно ненадежен.

Проведенное нами исследование дает материал о состоянии теневого рынка алкоголя и социальных характеристиках населения, пользующегося услугами этого рынка. Полученные данные могут быть полезны для целей регуляторной политики государства, направленной против злоупотреблений алкоголем.

Список литературы (References)

Алиев В. М. Государственное регулирование производства и оборота алкогольной продукции: реалии и перспективы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 11. С. 36—42.

Aliev V. M. (2010) State Regulation of Production and Trafficking in Alcoholic Beverages: Realities and Prospects. *Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 11. P. 36—42. (In Russian).

Гиль А. Ю. Экономическая доступность, потребление алкогольных напитков и алкоголезависимая смертность в России в период с 1998 по 2009 годы // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2017. № 7—8. С. 23—37.

Gil' A. Yu. (2017) Economic Availability, Alcohol Consumption and Alcohol Addicted People Mortality in Russia between 1998 and 2009. *Health Care Standardization Problems*. No. 7—8. P. 23—37. (In Russ.)

Голенков А. В., Козлов В. А., Мышкин Г. Ф., Михайлов И. В. Какие суррогаты алкоголя употребляет население? (по данным опроса больных алкоголизмом) // Актуальные вопросы психиатрии: материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения к. м. н., доцента В. Т. Лекомцева. Ижевск, 2013. С. 72—74.

Golenkov A. V., Kozlov V. A., Myshkin G. F., Mikhaylov I. V. (2013) What Alcohol Substitutes Does the Population Consume? (According to a Survey of Alcoholic Patients). In: *Topical Issues of Psychiatry: Proceedings of the Republican Academic and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of the V. T. Lekomtsev, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor*. (2013) Izhevsk. P. 72—74. (In Russ.)

Колосницына М. Г., Хоркина Н. А., Ситдииков М. Т. Ограничение торговли и потребления алкоголя: о результативности государственной политики // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5. С. 116—128.

Kolosnitsyna M. G., Khorkina N. A., Sitdikov M. T. (2017) Alcohol Trade Restrictions and Alcohol Consumption: On the Effectiveness of State Policy. *Studies on Russian Economic Development*. No. 5. P. 116—128. (In Russ.)

Кудряшов В. И., Максимов А. В. Анализ смертельных отравлений в Московской области в период 2005—2015 годы // Судебная медицина. 2016. Т. 2. № 4. С. 32—35. <https://doi.org/10.19048/2411-8729-2016-2-4-32-35>

Kudryashov V. I., Maksimov A. V. (2016) Analysis of Fatal Poisoning in Moscow Region During the Period 2005—2015. *Russian Journal of Forensic Medicine*. Vol. 2. No. 4. P. 32—35. <https://doi.org/10.19048/2411-8729-2016-2-4-32-35> (In Russ.)

Латынцева М. Б. Современное состояние рынка алкогольной продукции в России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 4. С. 54—61. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2017.4.54-61>.

Latyntseva M. B. (2017) The Current State of an Alcohol Market in Russia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. No. 4. P. 54—61. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2017.4.54-61>. (In Russ.)

Немцов А. Российская смертность в свете потребления алкоголя // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 4. С. 111—135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1770>.

Nemtsov A. (2015) Mortality in Russia in Light of the Alcohol Consumption. *Demographic Review*. Vol. 2. No. 4. P. 111—135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i4.1770>. (In Russ.)

Немцов А. В., Шелыгин К. В. Потребление алкоголя в России: 1956—2012 гг. // Вопросы наркологии. 2014. № 5. С. 3—12.

Nemtsov A. V., Shelygin K. V. (2014) Alcohol Consumption in Russia: 1956—2012. *Voprosy narkologii (Questions of Drug Addiction Studies)*. No. 5. P. 3—12. (In Russ.)

Основные формы незаконного оборота продукции на потребительских рынках России и меры противодействия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1599-0>.

The Main Forms of Illegal Product Trafficking in the Russian Consumer Markets and Countermeasures. (2017) Moscow: Higher School of Economics Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1599-0>. (In Russ.)

Радаев В. В. Не самогомом единым: структура и факторы потребления домашнего алкоголя в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4. С. 121—141.

Radaev V. V. (2016) Not Samogon Alone: Drinking Patterns and Factors Affecting Consumption of Homemade Alcohol in Contemporary Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XIX. No. 4. P. 121—141. (In Russ.)

Разводовский Ю. Е. Потребление некоммерческого алкоголя жителями г. Гродно (Беларусь) // Вопросы наркологии. 2014. № 3. С. 21—29.

Razvodovskiy Yu. E. (2014) Consumption of Noncommercial Alcohol by the Population of Grodno City (Belarus). *Voprosy narkologii (Questions of Drug Addiction Studies)*. No. 3. P. 21—29. (In Russ.)

Разводовский Ю. Е. Медико-социальные корреляты потребления самогона // Наркология. 2016. Т. 15. № 3. С. 31—35.

Razvodovskiy Yu. E. (2016) Medical and Social Correlates of Samogon Consumption. *Narcology*. Vol. 15. No. 3. P. 31—35. (In Russ.)

Рожанец В. В., Зиновьева М. А., Горбачев И. А., Ершов М. Б. Анализ структуры потребления и потенциальной токсичности неучтенных алкогольных напитков, реализуемых в Ярославской и Калужской областях // Наркология. 2013. Т. 12. № 4. С. 57—65.

Rozhanets V. V., Zinovyeva M. A., Gorbachev I. A., Yershov M. B. (2013) Analysis of the Structure of Consumption and the Potential Toxicity of Unrecorded Alcohol Beverages Sold in the Yaroslavl and Kaluga Regions. *Narcology*. Vol. 12. No. 4. P. 57—65. (In Russ.)

Скоробогатов А. С. Влияние политики ограничения ночной продажи крепкого алкоголя на потребление и злоупотребление алкоголем в России // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8. № 3. С. 72—90.

Skorobogatov A. S. (2016) The Effect of Closing Hour Restrictions on Alcohol Use and Abuse in Russia. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 72—90. (In Russ.)

Теневой рынок алкогольной продукции: структура, тенденции, последствия. Расширенная версия. М., 2019. URL: https://cmdc.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_CMDC/News/SKOLKOVO_CMDC_Shadow_alcohol_market_Full_Report_Rus.pdf (дата обращения: 01.11.2020).

The Shadow Alcohol Market: Structure, Trends, Consequences. An Extended Report. (2019) Moscow. URL: https://cmdc.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_CMDC/News/SKOLKOVO_CMDC_Shadow_alcohol_market_Full_Report_Rus.pdf (accessed: 01.11.2020). (In Russ.)

Храмова Е. Ф. Амбивалентность отношения потребителей к контрафактной продукции // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 4. С. 116—154.

Khramova E. F. (2012) Ambivalent Consumer Attitudes toward Counterfeits. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 13. No. 4. P. 116—154. (In Russ.)

Neufeld M., Lachenmeier D. W., Walch S. G., Rehm J. (2017) The Internet Trade of Counterfeit Spirits in Russia — An Emerging Problem Undermining Alcohol, Public Health and Youth Protection Policies? *F1000Research*. Vol. 6. <https://doi.org/10.12688/f1000research.11418.2>.

Radaev V. (2015) Impact of a New Alcohol Policy on Homemade Alcohol Consumption and Sales in Russia. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 50. No. 3. P. 365—372. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agv008>.

Rehm J., Poznyak V. (2015) On Monitoring Unrecorded Alcohol Consumption. *Alcoholism and Drug Addiction*. Vol. 28. No. 2. P. 79—89. <https://doi.org/10.1016/j.alkona.2015.06.003>.

Solodun Yu. V., Monakhova Yu. B., Kuballa T., Samokhvalov A. V., Rehm J., Lachenmeier D. W. (2011) Unrecorded Alcohol Consumption in Russia: Toxic Denaturants and Disinfectants Pose Additional Risks. *Interdisciplinary Toxicology*. Vol. 4. No. 4. P. 198—205. <https://doi.org/10.2478/v10102-011-0030-x>.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.532](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.532)

М. Е. Маркин, Е. И. Чефанова

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕНЕГ ДЛЯ ПЕНСИОНЕРОВ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Правильная ссылка на статью:

Маркин М. Е., Чефанова Е. И. Социальное значение денег для пенсионеров в российской деревне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 112—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.532>.

For citation:

Markin M. Y., Chefanova E. I. (2020) The Social Meaning of Money for Retired Persons in a Russian Village. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 112—129. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.532>. (In Russ.)

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕНЕГ ДЛЯ ПЕНСИОНЕРОВ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

МАРКИН Максим Евгеньевич — старший преподаватель департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mmarkin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2588-2348>

ЧЕФАНОВА Елизавета Игоревна — студентка образовательной программы «Культурология», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: eichefanova@edu.hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5747-9970>

Аннотация. Статья посвящена способам социальной дифференциации денег пенсионерами в российской деревне. В условиях относительно низкого уровня жизни в сельской местности ее жители уделяют повышенное внимание источникам доходов. Еще бóльшую актуальность этот вопрос имеет для пенсионеров, чье финансовое положение значительно хуже, чем у трудоспособного населения. В качестве теоретического подхода авторами выбрана теория социальной множественности денег Вивианы Зелизер, отвергающая ценностную нейтральность денежных средств в пользу их социальной дифференцированности в зависимости от источников получения и целей использования, а также от механизмов принятия финансовых решений. На основе интервью с пенсионерами в одной из деревень Вологодской области получены результаты, демонстрирующие различные способы социальной дифференциации денег.

THE SOCIAL MEANING OF MONEY FOR RETIRED PERSONS IN A RUSSIAN VILLAGE

Maxim Ye. MARKIN¹ — Senior Lecturer at the Department of Sociology
E-MAIL: mmarkin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2588-2348>

Elizaveta I. CHEFANOVA¹ — Student, 'Cultural Studies' Program
E-MAIL: eichefanova@edu.hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-5747-9970>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with social differentiation of money by the retirees living in the Russian village. Given that the living standards in rural area are rather low, rural inhabitants, especially retirees whose financial well-being is lower than that of the economically active population, pay much more attention to the sources of income. The theoretical framework of the study is the theory of money by Viviana A. Zelizer. Zelizer rejects the value neutrality of money in favour of its social differentiation depending on the sources of income and purpose of use as well as financial decision-making mechanisms. The study is based on the interviews with the retired persons from a Vologda oblast village. The findings suggest that there are multiple ways of social differentiation.

Depending on the sources of income retired persons divide them into five types: existential income, high-value earnings, earning from the folk art market, sacral money, and casual income. When it

В зависимости от источника дохода пенсионеры на смысловом уровне разделяют свои доходы на пять основных типов: доходы, носящие экзистенциальный характер; высокоценные заработки; доходы от народных промыслов; деньги, являющиеся носителями сакрального смысла; случайные доходы. Если принятие финансовых решений по базовым расходам пенсионеров происходит практически автоматически, без глубокой рефлексии по данному вопросу, то денежные средства, полученные из прочих источников дохода, используемые для удовлетворения потребностей более высокого уровня, представляют собой предмет для глубокого осмысления. Целевое предназначение денег проявляется в использовании гарантированных источников дохода для обеспечения базового уровня жизни, в то время как нерегулярные денежные поступления уходят на финансирование необязательных расходов.

Ключевые слова: социальное значение денег, источники доходов, механизмы принятия решений, цели расходов, пенсия, личные подсобные хозяйства, социальная политика, пенсионеры, российская деревня

comes to every-day expenses retirees take decisions easily and without deep reflexion; however they need to think thoroughly when it comes to additional sources of income used to satisfy their needs of a higher level. The purposes the money is intended for depend on the nature of its income: money from the guaranteed sources of income is used for basic living expenses, whereas irregular income is spent on unnecessary expenses.

Keywords: social meaning of money, sources of income, decision-making mechanisms, aims of expenses, pension, personal subsidiary plots, social policy, Russian village, retired persons

Введение

Жизнь пенсионеров в сельской местности современной России характеризуется невысоким уровнем доходов. Основным источником существования для людей пенсионного возраста является пенсия, получаемая по старости. В связи с ее относительно низким размером пенсионеры уделяют повышенное внимание источникам своего дохода, принятию решений о его использовании и целям расходования имеющихся средств. Данные вопросы особенно актуальны для жителей деревни, так как уровни жизни в городах и селах существенно различаются.

В научной литературе, посвященной финансовому поведению населения, можно выделить два основных подхода к рассмотрению феномена денег. Во-первых, это классический подход, яркими представителями которого являются Карл

Маркс и Георг Зиммель (середина XIX — начало XX века). Во-вторых, это теория социальной множественности денег американского социолога Вивианы Зелизер (вторая половина XX века). Представители классического подхода к изучению денег подчеркивают их внутреннюю однородность и автономность от социальных отношений. Напротив, Вивиана Зелизер обращает внимание на различия между деньгами на качественном уровне [Зелизер, 2004]. Соответственно, она пишет об их социальной множественности [Зелизер, 2002].

В своем исследовании мы опираемся на теорию социальной множественности денег Вивианы Зелизер и ставим следующий исследовательский вопрос: как в сложившихся условиях пенсионеры в российской деревне социально дифференцируют свои доходы? Таким образом, цель нашего исследования — выявить способы социальной дифференциации денег пенсионерами в российской деревне. Предметом исследования выступают способы социальной дифференциации денег пенсионерами в российской деревне. Его объект — пенсионеры по возрасту, то есть мужчины с 60 лет и женщины с 55 лет, проживающие в одной из деревень Вологодской области¹.

Выбор в качестве объекта исследования пенсионеров, проживающих в российской деревне, не случаен. Сельская местность представляет собой плодородное поле для социологических исследований. Ее открытость для «своих»² и тесные взаимоотношения между односельчанами позволяют глубоко вникнуть в проблемы, связанные с образом жизни сельских пенсионеров. Выбранная для изучения деревня — типичный образец среднестатистической российской деревни с относительно низкой территориальной концентрацией населения (примерно 85 человек)³. Люди в основном занимаются сельскохозяйственным трудом, имеют небольшой выбор видов трудовой деятельности. В деревне наблюдается относительная социальная однородность населения с преобладанием жителей пенсионного возраста. Близость Череповца позволяет пенсионерам изучаемой деревни, помимо пенсии, иметь дополнительные источники дохода: торговать сельскохозяйственной продукцией, выращенной на приусадебном участке, продукцией животноводства с личного подворья и товарами собственного изготовления, а также подрабатывать в городских организациях.

В рамках исследования мы ставим следующие исследовательские задачи: типологизировать основные источники доходов пенсионеров, выявить механизмы принятия ими решений об использовании своих доходов, классифицировать основные цели расходования средств пенсионерами в российской деревне.

В период с декабря 2017 г. по февраль 2018 г. проведено 17 углубленных слабоструктурированных интервью со следующими категориями пенсионеров:

- неработающие и работающие;
- не имеющие и имеющие дополнительные (к пенсии) источники дохода;

¹ Мы не указываем название населенного пункта, в котором проходил полевой этап нашего исследования, чтобы обеспечить конфиденциальность собранной информации.

² Один из авторов исследования до недавнего времени жил в изучаемой деревне.

³ Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., в примерно трети (36%) сельских населенных пунктов проживало 10 человек и менее, в 31% — от 11 до 100 человек, в 33% — свыше 100. См.: Щербакова Е. Число сельских населенных пунктов и поселков городского типа продолжает снижаться // Демоскоп Weekly. 2011. № 475—476. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom03.php> (дата обращения: 22.09.2020).

- мужчины и женщины;
- женатые (замужние) и неженатые (незамужние), вдовцы (вдовы);
- не имеющие детей и имеющие детей, проживающие с ними вместе и отдельно, поддерживающие и не поддерживающие с детьми тесную связь.

Детальные характеристики каждого информанта размещены в Приложении.

Мы считаем, что проведение интервью со столь разнородными категориями пенсионеров позволяет получить большую вариацию ответов, собрать содержательно насыщенную информацию, как того требует «качественная методология».

Прежде чем перейти к основным результатам работы, очертим теоретическую рамку исследования.

От ценностной нейтральности к социальному значению денег

В своих работах Карл Маркс подчеркивал принципиальную ценностную нейтральность денег, важность их количества и отсутствие качественных характеристик. Они не только облегчают функционирование экономики по сравнению с бартерным обменом, но и преобразовывают социальные отношения на фундаментальном уровне. По мнению Маркса, деньги превратили «личные узы в просчитываемые инструментальные связи» [Зелизер, 2002: 59]. Иными словами, речь идет об обезличивающей силе денег.

Ключевые идеи Маркса о сущности денег разделял и Георг Зиммель. По его мнению, «законченное бессердечие денег отражено в нашей социальной культуре, которая сама определяется деньгами» [там же]. Таким образом, деньги являются универсальным посредником, который деперсонализирует социальные отношения, а содержательные цели превращает в калькулируемые средства. К идее Маркса об обезличивающей силе денег Зиммель добавил мысль и об их освобождающей силе [Simmel, 1978]. Следствием разрыва традиционно сложившихся личных связей стала свобода выбора условий и партнеров в экономических сделках.

Таким образом, классический подход к изучению денег предполагает количественные оценки размеров доходов и расходов, решение задачи их оптимизации. Однако деньги не являются ценностно-нейтральными, одни и те же суммы различаются на качественном уровне. Большинство экономистов (и даже социологов) придерживались только количественной теории денег, исключая их социальную множественность. «В восприятии денег социологами содержится явный парадокс: с одной стороны, деньги считаются центральным элементом современного общества, а с другой стороны, они по-прежнему остаются неисследованной социологической категорией. <...> Существуют работы об экономическом воздействии денег, о количественной теории денег, о скорости их обращения, о денежной реформе, — и нет ничего о деньгах как о социальной реальности...» — пишет Вивиана Зелизер [Зелизер, 2002: 58].

Зелизер предлагает альтернативный подход к изучению денег. С ее точки зрения, нет единых и универсальных денег. Они являются социально множественными. И если раньше социальная множественность денег находила свое отражение в физической множественности их форм (например, на одни ракушки можно было купить одежду, а на другие — жену), то в современном обществе различия пролегают, прежде всего, на смысловом уровне. Иными словами, физически одни

и те же деньги рассматриваются людьми в качестве разных денег, так как сами люди приписывают им разные смыслы. Именно в этом проявляется социальная множественность денег. И если классики (Маркс и Зиммель) писали про то, как деньги трансформируют социальные отношения, то Зелизер убедительно демонстрирует, как реализуется противоположный процесс — социальные отношения трансформируют деньги. Люди встраивают их в определенные время, место и межличностные взаимодействия. Таким образом, деньги рассматриваются не только как экономический, но и как социальный феномен. Отметим, что в данном случае речь идет не просто об отличных друг от друга взглядах нескольких авторов, а о фундаментальных подходах к анализу рассматриваемого явления [Аникаева, 2008].

В большинстве существующих работ, посвященных финансовому поведению пенсионеров, речь, как правило, идет об их пенсионных стратегиях. На основе Мониторинга финансового поведения населения Ольга Кузина убедительно показывает, что действующие и будущие пенсионеры считают размер выплачиваемой в России пенсии недостаточным для нормальной жизни, и эти оценки устойчивы во времени [Кузина, 2013].

К содержательно близким выводам приходят и зарубежные исследователи. По мнению Джулии Эгню и ее коллег, пенсионные стратегии вырабатываются еще до выхода на пенсию, и пенсионеры им обычно следуют [Agnew et al., 2013]. В свою очередь, финансовая необходимость нередко вынуждает продолжать трудовую деятельность даже после достижения пенсионного возраста. Такая практика особенно актуальна для тех профессий, где это физически возможно. Например, согласно результатам исследования Мэтжиса Бала и Мичела Вайсера, голландские учителя, как правило, продолжают работать и после выхода на пенсию [Bal, Visser, 2011].

Мы опираемся на теорию социальной множественности денег Зелизера, используя ее для изучения современной российской действительности. Изложение результатов анализа эмпирических данных выстраивается сквозь призму рассмотрения ключевых источников доходов пенсионеров. Параллельно мы обращаем внимание на то, на какие цели расходуются деньги. Наконец, во время изложения данных сюжетов отдельно рассматриваются аспекты, связанные с принятием финансовых решений.

Пенсия и трудовые доходы

Все⁴ интервьюируемые получают социальное пособие по старости, и это является их основным источником дохода. В нашей выборке размер пенсии составляет от 9 200 руб. до 10 890 руб., что значительно ниже среднего размера пенсии в Вологодской области (17 772 руб. по состоянию на 2016 г.⁵). Так как величина прожиточного минимума пенсионеров в Вологодской области в IV кв. 2017 г. составляла 8 842 руб.,⁶ то размер пенсии позволял нашим информантам

⁴ Отсутствие разнобразия в этом аспекте объясняется характеристиками объекта исследования — пенсионерами по возрасту, то есть мужчинами с 60 лет и женщинами с 55 лет.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : стат. сб. М. : Федеральная служба государственной статистики, 2017. С. 258.

⁶ Постановление Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области за IV квартал 2017 года» // Правительство Вологодской области. 2018. 19 февраля. URL: <https://vologda-oblast.ru/upload/iblock/f87/135956.doc> (дата обращения: 22.09.2020).

приобретать только продукты питания и товары первой необходимости. Несмотря на свой размер, пенсия стоит для них на первом месте по значимости, так как это гарантированный минимум, на который они непосредственно живут. Наши информанты не тратят пенсию на подарки или иные менее важные расходы. Они рассчитывают на данную сумму денежных средств, заранее составляя список первостепенных расходов:

Пенсия у меня небольшая, поэтому, получив ее, я сразу планирую сумму расходов на покушать, на лекарства (в моем возрасте приходится ежедневно таблетки принимать). Еще на коммунальные услуги с пенсии откладываю: газ, вода, электричество. (Неработающая пенсионерка, нет дополнительных источников дохода; вдова, имеет детей, но проживает отдельно и не поддерживает с ними тесную связь)

При расходовании этих денег пенсионеры не обращаются за советом к своим детям, родственникам и друзьям. Даже внутри супружеской пары решение данного вопроса не выносится на «семейный совет». Можно сказать, что имеет место автоматизм, четкое и строгое расходование пенсии на удовлетворение базовых потребностей:

Я получаю пенсию на почте за себя и своего мужа. Тратим строго на еду да коммуналку. У меня и список имеется — надо, чтоб все четко было. Деньги счет любят. (Работающая пенсионерка; замужем, проживает вместе с детьми)

Этот источник доходов не является ценностно-нейтральным трансфертом, так как он носит для пенсионеров экзистенциальный характер. На прочие нужды им приходится искать дополнительные источники дохода.

Один из таких дополнительных источников — *доход с приусадебного участка*. Это означает, что вплоть до настоящего времени для пожилого человека, проживающего в сельской местности, традиционный доход от ведения сельского хозяйства остается важным дополнительным источником дохода. Нестабильность данного дохода и его сезонная привязанность свидетельствуют о том, что он выступает в качестве внепланового получения денежных средств (наравне, например, с выигрышем в лотерею), а значит и расходование вырученных таким образом денег будет спонтанным:

В позатом году урожай картофеля выдался на славу, я его удачно продал оптовикам на рынке, и на вырученные деньги мы с женой поехали навестить родственников в Белоруссию. А в прошлом году было дождливое лето, поэтому картошка не уродилась, продавать было нечего, и внуку-студенту подбросить денег не удалось. На пенсию не разгуляешься. (Неработающий пенсионер, торгующий продукцией, выращенной на приусадебном участке; женат, имеет детей, проживает отдельно, но поддерживает тесную с ними связь)

Важным аспектом финансового поведения являются способы управления деньгами [Ибрагимова, 2012]. Для того чтобы описать механизм принятия ре-

шений по расходованию денежных средств, полученных пенсионерами от продажи сельскохозяйственной продукции, выращенной на приусадебном участке, разделим информантов на две группы. В первую группу входят те, кто имеет детей и поддерживает с ними тесную связь (даже если они проживают отдельно). Во вторую группу мы включаем тех, кто не имеет детей или не поддерживает с ними тесную связь.

Представители первой категории широко обсуждают с родственниками вопросы расходования денежных средств, полученных от продажи сельскохозяйственной продукции, выращенной на приусадебном участке. Они уделяют этим деньгам особое внимание и обращаются за советом к родным и близким, совмещая желание поделиться радостью и стремление лучше распланировать будущие траты:

Прошлый год был неурожайным из-за погоды, а вот капуста хорошо уродила. Много собрала и выгодно продала. Это меня очень порадовало. Решили с мужем у сына спросить, куда эти деньги израсходовать. Он у нас предприниматель. Сказал поликарбонатную теплицу поставить, чтоб зелень и огурчики раньше к столу созревали. (Неработающая пенсионерка, торгующая продукцией, выращенной на приусадебном участке; замужем, проживает отдельно от детей, но поддерживает с ними тесную связь)

Представители второй категории тоже глубоко рефлексировали над расходованием данных денежных средств, но принимают финансовые решения самостоятельно:

Живу одна, здоровье, слава Богу, не подводит. Так я свеклу, морковь не только для себя, но и на продажу рощу. В прошлом году свеклу поштучно очень выгодно продавала, приличные деньги выручила. Думала долго, на что потратить, а то ведь инфляция. Давно хотела спутниковую антенну, как у соседей, чтоб каналов больше было. (Неработающая пенсионерка, торгующая продукцией, выращенной на приусадебном участке; вдова, имеет детей, проживает отдельно, не поддерживает с ними тесную связь)

Отметим, что денежные средства от продажи сельскохозяйственной продукции, выращенной на приусадебном участке, выступают высокоценным заработком для обеих групп информантов.

Дополнительным источником дохода выступает также *выручка, полученная от пчеловодства, разведения домашних птиц и скота*. Некоторые пенсионеры целенаправленно занимаются данными видами сельскохозяйственной деятельности: разведением пчел для продажи продуктов пчеловодства (меда, воска, прополиса и т. п.), кур ради яиц, уток, кроликов, индюков ради продажи мяса, овец ради мяса и шерсти, коз для продажи молочных продуктов (сыра, творога и т. п.). Продукция реализуется путем прямой дистрибуции: пенсионеры продают ее дачникам без посредников. Социальная значимость данного источника дохода приравнивается к его основному источнику (к пенсии по старости) и используется для покрытия запланированных текущих расходов на ремонт, покупку бытовой техники, лекарств, на личные нужды. Иными словами, этот источник дохода позволяет пенсионерам улучшать качество жизни или, по крайней мере, бороться с его ухудшением.

Относительная стабильность получения дохода от пчеловодства, разведения домашних птиц и скота дает возможность планирования соответствующих расходов. Однако периодически возникающая непредсказуемость, связанная с изменяющимися погодными условиями, колебаниями спроса и т. п., требует от пенсионеров внесенных корректировок в запланированные траты:

Прошлом лето выдалось холодным, дождливым. Пчелы плохо летали. В августе мало меда накачал, не все заказы смог выполнить, рассчитывал больше денег заработать. Думал кредит взять, наконец, машину купить, но передумал, мало ли и в следующем году будет медосбор плохой, чего гляди, в долгах увязну. (Неработающий пенсионер, занимающийся личным подсобным хозяйством; женат, имеет детей, проживает вместе с ними)

Еще один источник дохода информантов — *народные промыслы*. Это своего рода симбиоз хобби и приработка. Пенсионеры занимаются кружевоплетением, вырезают поделки из дерева, делают изделия из бересты, предметы декора из сплавной древесины и т. п. Можно было бы предположить, что полученную выручку они тратят на собственные нужды или подарки, однако интервьюируемые отмечали, что данный вид дохода расходуют исключительно на дальнейшее развитие собственного хобби:

Вышла на пенсию — заскучала, записалась на курсы кружевоплетения в местном клубе. Сначала салфетки, скатерти на подарки родственникам вязала, а потом пристань недалеко от деревни отремонтировали и стали там туристические корабли останавливаться. Рядом торговые ряды поставили, меня соседка уговорила. Теперь много на продажу делаю. С этого не разбогатеешь, а приятно, что мое увлечение люди ценят, поэтому всю выручку на новые нитки, эскизы, коклюшки трачу. (Неработающая пенсионерка, торгующая товарами собственного изготовления; замужем, имеет детей, но проживает отдельно от них и не поддерживает с ними тесную связь)

Таким образом, эти деньги необходимы пенсионерам, чтобы не замыкаться в себе, оставаться включенными в социальную жизнь. Психологические исследования также демонстрируют важность дополнительной активности после выхода на пенсию. Общее благополучие и защищенность в этот период не исчерпываются финансовой подушкой безопасности [James, Matz-Costa, Smyer, 2016].

Вопрос о дальнейшем использовании вырученных денежных средств активно обсуждается пенсионерами с коллегами, которые выступают в данном случае значимой референтной группой в отличие, например, от родных и близких, не связанных с народными промыслами:

Мы с соседкой и плетем, и продаем вместе. Как хорошую сумму выручу — сразу к ней. Она кружевом с девичества занимается, а я еще пень пнем. Какие нити лучше купить, какой следующий узор выбрать — все она советует. (Неработающая пенсионерка, торгующая товарами собственного изготовления; замужем, имеет детей, но проживает отдельно от них и не поддерживает с ними тесную связь)

Некоторые интервьюируемые, несмотря на достижение пенсионного возраста и получение пособия по старости, продолжают *трудовую деятельность* на прежнем месте работы (в библиотеке, школе, фельдшерском пункте, аптеке, магазине и пр.). К мотивам продолжения работы можно отнести нежелание лишиться прежнего круга общения, боязнь потерять социальную значимость в обществе, ухудшить свое материальное положение. В отличие от неработающих пенсионеров, данная категория информантов относится к социальным трансфертам как к дополнительному источнику дохода, поскольку основным источником дохода для них остается заработная плата, которую они используют для реализации текущих расходов. Как и в предыдущих случаях, базовые выплаты расходуются практически автоматически, без глубокой рефлексии и отдельного обсуждения. Пенсия, в свою очередь, тратится на помощь детям, платные услуги, санаторно-курортное лечение, дорогостоящие покупки, путешествия и т. п.:

Вот уже сорок лет в детском саду воспитателем работаю. Муж у меня давно умер, дочь с семьей в городе живут. Я страшно не люблю быть одна, а с детьми всегда интересно, да и деньги лишними не бывают. В быту я скромная, привыкла жить на зарплату, поэтому есть возможность пенсию на погашение ипотеки за квартиру дочери перечислять. (Работающая пенсионерка; вдова, имеет детей, проживает отдельно, но поддерживает с ними тесную связь)

Итак, заработная плата для работающих пенсионеров играет роль пенсии для неработающих пенсионеров, то есть расходуется на повседневные нужды, а пенсия в данном случае рассматривается ими как дополнительный источник дохода, позволяющий и самим жить лучше, и осуществлять межпоколенческие трансферты (прежде всего, своим детям и внукам). Как пишет Софья Абрамова, деньги для старшего поколения «ассоциируются с возможностью тихо и спокойно дожить свою жизнь, помогая другим» [Абрамова, 2000: 40]. Пенсионеры предметно обдумывают и обсуждают с близкими родственниками, на что потратить пенсию. Отметим долгосрочный и целевой характер этих расходов.

Некоторым пенсионерам не удается остаться на прежнем месте работы после достижения пенсионного возраста, несмотря на их желание продолжать трудовую деятельность. Они вынуждены устраиваться на менее квалифицированную работу — дворником, уборщицей, сиделкой и т. п. Пенсия и получаемая заработная плата для данной категории пенсионеров равноценны по социальной значимости. Сумма доходов из обоих источников помогает им поддерживать прежний уровень жизни:

По профессии я фельдшер, тридцать пять лет отдала любимому делу. Но когда на пенсию вышла, поняла, что денег не хватает. У меня кошка, собака есть — им на корм деньги нужны, да и сама люблю хорошо поесть: рыбку, колбаску. Пенсия неплохая, но я всю жизнь транжирка. Пришлось искать работу. Пошла сиделкой за дедом «новых русских» ухаживать. (Работающая пенсионерка; одинокая, детей не имеет)

Иными словами, эти деньги носят экзистенциальный характер. Пенсионеры, продолжающие трудовую деятельность на менее квалифицированной работе,

имеют фиксированный план по осуществлению базовых расходов, который не требует ежемесячного корректирования.

Сбережения и подарки

Еще одним дополнительным источником дохода пенсионеров могут выступать проценты с *банковского вклада*. Снимается нужная сумма только в экстренных случаях — при болезни (необходимости покупки дорогостоящих препаратов, протезирования или операционного вмешательства), утрате, потере или повреждении имущества и т. п.:

У нас с мужем есть вклады в банке. Раз в три месяца мы пролонгируем вклады, проценты не снимаем, копим, вдруг какой форс-мажор, могут резко деньги понадобиться. (Неработающая пенсионерка; замужем, дети есть, но проживает отдельно от них и не поддерживает с ними тесную связь)

Эти деньги наделяются сакральным смыслом, откладываются на «черный день». Еще большую ценностную нагрузку имеет сумма, отложенная на похороны. Она носит неприкосновенный характер (даже для экстренных случаев) и тщательно оберегается:

У меня есть деньги, которые я отложила, как только вышла на пенсию. Я их ни на что не потрачу, это мои гробовые. Когда умру, у детей не будет заботы, на какие деньги меня похоронить. (Неработающая пенсионерка, занимающаяся личным подсобным хозяйством; замужем, имеет детей, проживает вместе с ними)

Сакральный статус этих денег обеспечивает их сохранность в любой ситуации. Решение об использовании данных денежных средств было принято единожды и более не является темой для обсуждения.

С 2009 г. пенсионеры Вологодской области владеют банковской картой «Забота». На нее перечисляются пенсии, переводятся пособия и прочие денежные выплаты. Как и любая банковская карта, «Забота» позволяет осуществлять безналичные платежи, а кроме того, на остаток денежных средств начисляются проценты. Однако пенсионеры не стремятся использовать все предоставляемые им возможности. Они предпочитают снимать наличные деньги с банковской карты и практически не оплачивают ей свои покупки в магазинах. Пенсионеры российской деревни не доверяют электронным деньгам, предпочитая привычные купюры и монеты, аргументируя тем, что таким образом они лучше могут контролировать свои расходы:

В магазине я расплачиваюсь наличными деньгами. С карты снимаю и расплачиваюсь. Так лучше видно, сколько я потратила и сколько у меня денежек осталось. (Работающая пенсионерка; замужем, детей нет)

Полученные результаты соответствуют выводам, сделанным ранее нами и другими российскими исследователями на основе иных эмпирических данных. В случае если электронные деньги не воспринимаются человеком как привычные

и понятные, он при первой возможности «избавляется» от них, переводя в простую и традиционную форму — в наличные [Халина, 2013; Маркин, 2015].

За второе полугодие 2016 г. Правительство России не проводило индексацию пособий по старости. В связи с этим было принято решение о *единовременной выплате* пенсионерам 5000 руб. в январе 2017 г.⁷ Причиной такого нововведения стала тяжелая экономическая ситуация в стране, для проведения повторной индексации пенсий у государства не хватало ресурсов. Однако пенсионеры испытывали необходимость в дополнительной поддержке. Данная единовременная выплата упоминалась в рассказах интервьюируемых. Пенсионеры восприняли полученную сумму денег иначе, чем регулярный доход: ее не тратили на повседневные нужды, не прибавляли к накоплениям и т. п., а расходовали на благотворительность или для выражения благодарности окружающим:

Столько больных деток по телевизору показывают, которым деньги на лечение нужны. Так я, когда получила эти пять тысяч рублей, то решила все деньги по СМС несчастным ребятам на операции послать. (Неработающая пенсионерка, не имеет дополнительных источников дохода; одинокая, детей нет)

По аналогии с результатами, полученными Вивианой Зелизер, можно обозначить данные единовременные выплаты как «опасные наличные» [Зелизер, 2004: 179—185], так как эти деньги не улучшили материальное положение пенсионеров, а были праздно ими расходованы. Принятие решения об их использовании носило спонтанный характер.

Иное отношение пенсионеров к деньгам наблюдается при условии получения денежных средств в качестве *подарка* от друзей, родственников и особенно детей. Механизм принятия решения об использовании подарочных денег базируется на теплых чувствах и обуславливается строгой целенаправленностью расходования полученных средств — ограничением в использовании данных денег. Так, подарочные деньги пенсионеры тратят на необходимое лечение или меры по оздоровлению (например, поездку в санаторий), на запланированную покупку дорогостоящего товара, помощь самим же детям и внукам:

Мне дочка с зятем на праздники дарят деньги, чтобы я себе пальто новое справила, не сэкономила, а витамины для здоровья покупала. На себя мне денег жалко тратить, но, чтоб детей не расстраивать, приходится покупать то, на что деньги дарены. (Неработающая пенсионерка, не имеет дополнительного источника дохода; вдова, имеет детей, проживает отдельно, но поддерживает с ними тесную связь)

Здесь вряд ли речь идет о наделении денег сакральным смыслом, но особое отношение к ним наблюдается. Такой подход обуславливается источником получения этих средств, его персонифицированностью. Вопрос расходования денег, полученных в подарок, подвергается наиболее тщательному анализу. Пенсионеры

⁷ Единовременную выплату в размере 5000 рублей пенсионеры получают вместе с пенсией за январь 2017 года // Пенсионный фонд Российской Федерации. 2016. 2 сентября. URL: http://www.pfrf.ru/press_center~2016/09/02/118965 (дата обращения: 22.09.2020).

долго рефлексируют по этому поводу и советуются с родственниками и друзьями. Они хотят потратить подаренную денежную сумму «правильно», то есть оправдать ожидания, возложенные дарителем.

В итоге мы можем говорить о том, что у пенсионеров существуют как минимум два «кошелька»: они дифференцируют денежные накопления в зависимости от источника дохода и статьи расхода. Более того, это разделение может наблюдаться и в явном виде — некоторые пенсионеры ходят в магазин в прямом смысле слова с двумя кошельками. В одном из них находятся деньги на товары первой необходимости (на запланированные покупки), а во втором — сумма, которую пенсионер может потратить на прочие товары, в которых нет большой потребности, но приобретение которых способно доставить удовольствие (деликатесы, предметы декора и т. п.):

Перед походом в магазин я составляю список, что надо купить, чтобы лишнего не потратить. Беру деньги про запас, но держу их в разных кошельках. Это позволяет мне не путать деньги, и я всегда знаю, сколько могу потратить. Если вижу конфеты или бутылку водки со скидкой, из второго кошелька прикуплю к празднику. (Работающая пенсионерка; замужем, проживает вместе с детьми)

Аналогичная практика описана Вивианой Зелизер и названа ей «экономикой жестяных банок». В прошлом веке американские домохозяйки использовали соответствующие кухонные предметы для целевого предназначения денег [Зелизер, 2002: 68].

Таким образом, в «феномене двух кошельков» и остальных рассмотренных случаях мы наблюдаем проявление социальной множественности денег у пенсионеров в российской деревне.

Заключение

Пенсионеры в российской деревне социально дифференцируют получаемые средства в зависимости от источника дохода и на смысловом уровне разделяют их на пять основных типов.

Во-первых, доходы, носящие экзистенциальный характер. Прежде всего, это пенсия, а также вынужденный дополнительный приработок на неквалифицированной работе. Проведенные интервью продемонстрировали глубокий социальный смысл, который пенсионеры вкладывают в эти источники дохода. Во-вторых, это высокоценные заработки. Речь идет о доходах с приусадебного участка, от пчеловодства, разведения домашних птиц и скота, а также о заработной плате в случае ведения трудовой деятельности. Они позволяют пенсионерам улучшать (или хотя бы защищать от ухудшения) качество своей жизни, помогать близким, детям и внукам. В-третьих, в особую категорию необходимо выделить доходы от народных промыслов. Они служат для включения пенсионеров в окружающую социальную жизнь, тратятся на развитие хобби, продолжение творческой деятельности. В-четвертых, деньги, являющиеся носителями сакрального смысла. Чаще это накопления на похороны, на которые, в случае их размещения на банковском вкладе, начисляется процент. Использование этих средств жестко табуируется. В данную категорию так-

же можно отнести денежные подарки, которые наделяются пенсионерами особым, персонифицированным смыслом, отсылающим к дарителю. Эти деньги тратятся осмысленно, после глубокой рефлексии относительно целей их использования. Наконец, в-пятых, пенсионеры периодически имеют нерегулярные случайные доходы. К ним относятся выигрыши в лотерею, неожиданно большой урожай, за который удалось выручить больше денег, чем обычно, и т. п. Удивление вызывает тот факт, что к такого рода доходам пенсионеры относят и единовременную доплату к пенсии в январе 2017 г. Впрочем, аналогия здесь вполне уместна, так как этот доход действительно имел незапланированный характер.

Решения по базовым расходам пенсионеров принимаются практически автоматически, без глубокой рефлексии по данному вопросу. Речь идет о коммунальных платежах и прочих жизненно важных услугах. Также пенсионеры заранее составляют списки товаров, которые обязательно нужно приобрести. Ограниченные средства сужают круг возможных альтернатив по этим аспектам, не оставляют простора для обсуждения. Как уже было сказано, отсутствует дискуссия и по поводу денег, отложенных на похороны, но причиной тому является скорее их сакральный смысл, нежели количество.

Денежные средства, полученные из прочих источников дохода и используемые для удовлетворения потребностей более высокого уровня, становятся предметом для глубокого осмысления и обсуждения. Для распределения этих относительно небольших сумм требуется расстановка приоритетов, планирование будущих трат. Отдельному обсуждению подвергаются вопросы, касающиеся расходования денежных подарков. Цели их использования должны соответствовать социальным нормам и ожиданиям дарителя.

Для обеспечения базового уровня жизни, для регулярных минимально необходимых трат пенсионеры используют гарантированные источники дохода. Прежде всего, это пенсия. Экзистенциальный характер данных расходов обуславливает необходимость их запланированного финансирования. В случае наличия у пенсионера и заработной платы, которую он рассматривает в качестве основного вида дохода, базовые расходы могут осуществляться из этих денег, а пенсия — сберегаться или тратиться на дополнительные нужды.

Нерегулярные денежные поступления пенсионеры используют для финансирования необязательных трат. Речь идет об улучшении условий жизни, отдыхе, благотворительности, дополнительной помощи детям и внукам. Иными словами, нерегулярные доходы позволяют пенсионерам расширять спектр своих возможностей, но их потеря не приведет к экзистенциальным рискам, нарушению стабильности существования.

Деньги, имеющиеся в распоряжении пенсионеров в российской деревне, не являются ценностно-нейтральными, а наделяются ими различными смыслами. На основе источников дохода, механизмов принятия финансовых решений и целей расходов происходит социальная дифференциация денежных средств.

Список литературы (References)

Абрамова С. Б. Деньги как социальная ценность: поколенческий срез проблемы // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 37—41.

- Abramova S. B. (2000) Money as Social Value: Generational Facet. *Sociological Studies*. No. 7. P. 37—41. (In Russ.)
- Аникаева Е. А. Основные подходы к исследованию денег в социологии // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 114—124. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf#page=114 (дата обращения: 22.09.2020).
- Anikaeva E. (2008) Main Approaches to Study Money in Sociology. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 9. No. 1. P. 114—124. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204940/ecsoc_t9_n1.pdf#page=114 (accessed: 22.09.2020). (In Russ.)
- Зелизер В. А. Создание множественных денег // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 58—72. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=58 (дата обращения: 22.09.2020).
- Zelizer V. A. (2002) Making Multiple Money. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 4. P. 58—72. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205038/ecsoc_t3_n4.pdf#page=58 (accessed: 22.09.2020). (In Russ.)
- Зелизер В. А. Социальное значение денег. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2004.
- Zelizer V. A. (2004) *The Social Meaning of Money*. Moscow: Higher School of Economics Publishing. (In Russ.)
- Ибрагимова Д. Х. Кто управляет деньгами в российских семьях? // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 3. С. 22—56. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf (дата обращения: 17.01.2020).
- Ibragimova D. Kh. (2012) Who Manages Money in Russian Households? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 13. No. 3. P. 22—56. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2012/06/29/1255786111/ecsoc_t13_n3.pdf (accessed: 17.01.2020). (In Russ.)
- Кузина О. Е. Динамика пенсионных стратегий населения за 2005—2012 гг. // Мир России. 2013. Т. 22. № 4. С. 118—147.
- Kuzina O. (2013) The Dynamics of Individual Retirement Strategies in Russia (2005—2012). *Universe of Russia*. Vol. 22. No. 4. P. 118—147 (In Russ.).
- Маркин М. Е. Социальное значение электронных денег в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3—4. С. 121—129. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/07/vom-3-4-2015.pdf#page=121> (дата обращения: 22.09.2020).
- Markin M. E. (2015) The Social Meaning of Electronic Money in Contemporary Russia. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. No. 3—4. P. 121—129. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2016/07/vom-3-4-2015.pdf#page=121> (accessed: 22.09.2020). (In Russ.)
- Халина Н. В. Электронные деньги в России: восприятие населением современных способов платежей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2. С. 122—130.

Khalina N. V. (2013) Electronic Money in Russia: Public Perception of Modern Payment Methods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 122—130. (In Russ.)

Agnew J., Dalton J. N., Bateman H., Thorp S. (2013) Work, Money, Lifestyle: Plans of Australian Retirees. *JASSA: The Finsia Journal of Applied Finance*. No. 1. P. 40—44.

Bal M. P., Visser M. S. (2011) When Are Teachers Motivated to Work Beyond Retirement Age? The Importance of Support, Change of Work Role and Money. *Educational Management Administration & Leadership*. Vol. 39. No. 5. P. 590—602. <https://doi.org/10.1177/1741143211408448>.

James J. B., Matz-Costa C., Smyer M. A. (2016) Retirement Security: It's Not Just about the Money. *American Psychologist*. Vol. 71. No. 4. P. 334—344. <https://doi.org/10.1037/a0040220>.

Simmel G. (1978) *The Philosophy of Money*. London; Boston: Routledge & Kegan Paul.

Приложение

Список информантов

Номер п / п	Статус занятости	Дополнительные источники дохода	Пол	Семейный статус	Отношения с детьми
1	Неработающий	Торговля продукцией, выращенной на приусадебном участке	Женский	Замужем	Есть дети, но нет тесной связи
2	Неработающий	Торговля продукцией, выращенной на приусадебном участке	Мужской	Женат	Есть дети (проживают вместе)
3	Неработающий	Торговля продукцией, выращенной на приусадебном участке	Женский	Вдова	Есть дети, но нет тесной связи
4	Неработающий	Торговля продукцией, выращенной на приусадебном участке	Женский	Замужем	Есть дети, есть тесная связь (проживают отдельно)
5	Неработающий	Торговля продукцией, выращенной на приусадебном участке	Мужской	Женат	Есть дети, есть тесная связь (проживают отдельно)
6	Неработающий	Торговля собственноручно собранными дарами леса	Мужской	Вдовец	Есть дети, но нет тесной связи
7	Неработающий	Торговля товарами собственного изготовления	Женский	Замужем	Есть дети, но нет тесной связи
8	Неработающий	Торговля товарами собственного изготовления	Мужской	Женат	Есть дети, но нет тесной связи
9	Неработающий	Занятие личным подсобным хозяйством	Мужской	Женат	Есть дети (проживают вместе)
10	Неработающий	Занятие личным подсобным хозяйством	Женский	Замужем	Есть дети, но нет тесной связи
11	Неработающий	Занятие личным подсобным хозяйством	Женский	Замужем	Есть дети (проживают вместе)

Номер п / п	Статус занятости	Дополнительные источники дохода	Пол	Семейный статус	Отношения с детьми
12	Неработающий	Нет	Женский	Вдова	Есть дети, но нет тесной связи
13	Неработающий	Нет	Мужской	Вдовец	Есть дети, но нет тесной связи
14	Работающий	Нет	Женский	Замужем	Нет детей
15	Работающий	Нет	Женский	Замужем	Есть дети (проживают вместе)
16	Работающий	Нет	Женский	Вдова	Есть дети, есть тесная связь (проживают отдельно)
17	Работающий	Нет	Женский	Не замужем	Нет детей

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1619](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619)

Н. В. Мкртчян, Ю. Ф. Флоринская

ПОЧЕМУ ЛЮДИ УЕЗЖАЮТ ИЗ ОДНИХ РЕГИОНОВ И ПРИЕЗЖАЮТ В ДРУГИЕ: МОТИВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Почему люди уезжают из одних регионов и приезжают в другие: мотивы межрегиональной миграции в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 130—153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>.

For citation:

Mkrtchyan N. V., Florinskaya Y. F. (2020) Why Some People Leave Certain Regions in Favor of Others: Motives Behind Interregional Migration in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 130—153. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1619>. (In Russ.)

ПОЧЕМУ ЛЮДИ УЕЗЖАЮТ ИЗ ОДНИХ РЕГИОНОВ И ПРИЕЗЖАЮТ В ДРУГИЕ: МОТИВЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ

МКРТЧЯН Никита Владимирович — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: nmkrtchyan@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

ФЛОРИНСКАЯ Юлия Фридриховна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-MAIL: jflorin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3809-6314>

Аннотация. Вопрос о причинах и мотивах переселений — один из ключевых в изучении миграции. На основе глубинных интервью с двумя группами мигрантов: (1) уехавшими из миграционно непривлекательно-го региона — Забайкальского края, (2) переехавшими в один из наиболее привлекательных — Краснодарский край, — проанализировано действие притягивающих и выталкивающих мотивов миграции. В статье не просто фиксируются и выделяются те или иные мотивы переезда, порядок их упоминания, но и анализируются их значимость и приоритетность в нар-

WHY SOME PEOPLE LEAVE CERTAIN REGIONS IN FAVOR OF OTHERS: MOTIVES BEHIND INTERREGIONAL MIGRATION IN RUSSIA

Nikita V. MKRTCHYAN^{1,2} — *Cand. Sci. (Geogr.), Senior Researcher; Senior Researcher*
E-MAIL: nmkrtchyan@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9603-0594>

Yulia F. FLORINSKAYA^{2,1} — *Cand. Sci. (Geogr.), Senior Researcher at the Institute for Social Analysis and Forecasting; Senior Researcher*
E-MAIL: jflorin@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3809-6314>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The motives behind resettlement are a key issue in the study of migration. Factors that attract and repulse migration are analyzed via in-depth interviews with two groups of internal migrants: (1) emigrants from the Trans-Baikal Territory — one of the least attractive Russian regions in terms of migration, (2) immigrants to the Krasnodar krai — one of the most attractive regions. This article not only identifies and highlights particular motives, the order in which they are mentioned but also analyzes their significance and priority in the narratives depending on the region of

ративах в зависимости от региона выхода/вселения. Трудовые (экономические) мотивы миграции упоминаются большинством мигрантов, то же касается городской среды, инфраструктуры, возможностей для личного роста и проведения досуга. Экологические и природно-климатические мотивы миграции информанты чаще рассматривают как второстепенные. Семейные мотивы тесно связаны с остальными и плохо вписываются в систему притягивающих и выталкивающих мотивов, поскольку характеризуют не регион выхода/вселения, а личную ситуацию информанта.

Ключевые слова: внутренняя миграция, мотивы миграции, push-pull теория, регионы России, долговременная миграция

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

emigration/immigration. Most migrants mentioned labor (economic) opportunities as well as the urban environment, infrastructure, opportunities for personal development and leisure as motives for migration. However, environmental and climate reasons are mainly considered by interviewees to be secondary. Family motives are closely related to other reasons and do not fit well into the system of push-pull factors, since they characterize not the region of exit/settling, but the personal situation of the informant.

Keywords: internal migration, motives for migration, push-pull theory, Russian regions, long-term migration

Acknowledgments. The article is based on a research project being part of the RANEPА state assignment.

К настоящему времени в мире накоплен немалый опыт исследования мотивации миграции. Это результат многолетних эмпирических исследований с использованием больших массивов статистической информации, специальных обследований, а также качественных исследований, включая глубинные интервью. Многие исследователи признают неоднозначность и сложность как принятия решения о миграции, так и делимитации отдельных причин и мотивов, которыми руководствуются люди при смене места проживания [Clark, Maas, 2015].

Важные мотивы миграции — смена работы и карьерные соображения. Тем не менее эмпирические исследования в США, Великобритании и Австралии показали, что трудовыми мотивами руководствуются менее чем треть внутривыездных мигрантов [Morrison, Clark, 2011], в скандинавских странах — 20% внутренних мигрантов [Lundholm et al., 2004].

Трудовые мотивы миграции неоднозначно связаны с желанием увеличить доход. Так, рост дохода при переезде в крупные города нивелируется возрастающими расходами на жилье, а экономическую выгоду чаще получают те домохозяйства, которые переезжают из крупных городов в малые [Korpi, Clark, Malmberg, 2011]. Миграция также может породить определенные социальные эффекты — напри-

мер, более дешевое жилье в месте вселения семей приводит к прекращению занятости женщин, тогда как повышение стоимости жилья ведет к их выходу на рынок труда [Withers, Clark, 2006].

Важную роль играют мотивы, связанные с переменами в семье: браком и разводом, рождением детей и их выходом из родительской семьи. Когда размер и состав домохозяйства меняются, может возникнуть потребность в новом жилье [Clark, 2013; Jang, Casterline, Snyder, 2014]. Новые требования к размеру и местоположению жилища можно удовлетворить через пространственную мобильность [Wagner, Mulder, 2015]. С другой стороны, отмечается, что родители, живущие отдельно от детей, реже мигрируют в силу необходимости видеться с ними [Cooke, Mulder, Thomas, 2016].

Люди с более высоким человеческим капиталом более мобильны [Bernard, Bell, 2018]; чем образованнее человек, тем выше у него шанс переехать в экономически процветающий регион [Kauhanen, Tervo, 2002]. При этом на мобильность недавних выпускников колледжей и вузов влияет полученная специализация [Faggian, McCann, Sheppard, 2007]: менеджеры мигрируют чаще, чем представители творческих профессий. Это подтверждается и на российских данных: исследования показали, что среди выпускников Томского государственного университета гуманитарии чаще остаются в городе, технари, напротив, покидают его [Замятина, 2012].

Социальный капитал человека играет двоякую роль. Большой социальный капитал (широкий круг друзей и знакомых) часто связан с меньшей мобильностью [David, Janiak, Wasmer, 2010]. В то же время исследования в Таиланде показали, что более склонны к миграции люди с большим социальным капиталом и большим опытом миграции [Garip, 2008]. Мигранты, особенно в молодом возрасте, опираются на семейные связи и ресурсы [Stockdale, 2002]. В родной регион дети часто возвращаются из-за родителей, особенно если последние нуждаются в поддержке [Карачурина, Флоринская, 2019; Zorlu, Kooiman, 2019].

Миграционные намерения, направления миграции зависят от возраста, точнее, от определенных событий жизненного пути. Выпускники университетов стремятся в крупные города [Kotavaara et al., 2018] и в целом вверх по «городской иерархии». У высококвалифицированных работников, которым переезд сулит наибольшую экономическую выгоду, трудовые мотивы могут преобладать над остальными [Niedomysl, Hansen, 2010]. Но с возрастом даже в среде профессионалов более значимыми становятся иные мотивы, например стремление к переезду в местность с благоприятным климатом [Scott, 2010], растёт и значение семейных мотивов [Thomas, 2019].

Важное место в структуре мотивов миграции занимает желание изменить образ жизни [Benson, O'Reilly, 2009]. Для выпускников вузов это воплощается в переезде в большой город с развитой деловой средой [Chen, Rosenthal, 2008], в то время как лица иных возрастов, напротив, стремятся оттуда уехать. В США и европейских странах распространены переезды в пригороды и небольшие города. Реже происходит радикальная смена образа жизни на полностью сельский — обычно в более благоприятных экологических и природно-климатических условиях. К этому склонны более состоятельные люди [Eimermann, 2015], часто на этапе завершения трудовой карьеры [Stockdale, 2014]. Есть работы, описы-

вающие мотивацию переезда в приморские районы [Walmsley, Epps, Duncan, 1998; Rappaport, 2007] (для нашего исследования это особенно важно в силу его региональной специфики), но такая миграция не свойственна, например, молодежи [Drozdzewski, 2008].

Существенное влияние на принятие решений о миграции и иерархию мотивов могут оказывать новые возможности получения информации, связанные с распространением интернета и сетевых сообществ [Vilhelmson, Thulin, 2013], возможности удаленной работы [Флоринская, Карачурина, 2018]. В то же время в отдельных исследованиях делается вывод о негативном влиянии компьютерных технологий на интенсивность переездов, поскольку при удаленной работе теряется смысл в перемене места проживания [Cooke, Shuttleworth, 2017].

Миграцию может спровоцировать появление новых соседей и, в более общем плане, изменение социального окружения [Clark, Coulter, 2015].

Одни мотивы могут замещаться другими в процессе миграции. Например, в исследовании поляков в Ирландии отмечалось, что экономические мотивы сменились на стремление к лучшему образу жизни: информанты приехали в страну как трудовые мигранты, но решили остаться уже по иным причинам, связанным с образом жизни [Bobek, 2020].

Миграцию пытаются объяснить и склонностью к риску, неприятие которого удерживает людей от переселения [Clark, Lisowski, 2017].

В России мотивы миграции — вопрос малоизученный, несмотря на регулярно публикуемые данные о причинах миграции, которые указываются при регистрации по месту жительства и месту пребывания на срок от девяти месяцев (долговременная миграция). Исследователи редко обращаются к статистике причин миграции, из известных работ стоит отметить [Чудиновских, 1998, 1999]. Распределение межрегиональных мигрантов по причине смены места жительства/пребывания представлено в таблице 1. К сожалению, большинство причин сформулированы очень широко (например, «причины личного (семейного) характера», «иные причины»), что не дает полностью адекватного представления о мотивах миграции в России.

Таблица 1. Межрегиональные мигранты в возрасте 14 лет и старше по причине смены места жительства, %¹

	2011—2015	2016—2018
В связи с учебой	11,7	7,7
В связи с работой	17,9	10,4
Возвращение к прежнему месту жительства	4,1	2,3
Обострение межнациональных отношений и криминогенной обстановки	0,1	0,0
Экологическое неблагополучие, несоответствие природно-климатических условий	0,7	0,7
Причины личного, семейного характера*, в т. ч.:	44,4	30,0

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 19.10.2020).

	2011—2015	2016—2018
в связи с переменной места работы супруги(а)	1,8	1,4
в связи с вступлением в брак	2,0	1,3
к детям	1,8	1,6
к родителям	2,6	1,9
Приобретение жилья (покупка, наследование т. п.)	4,2	3,5
Иные причины	12,1	8,7
Возвращение после временного отсутствия**	0,0	29,9
Причина не указана	4,8	6,8

* Чаще всего более детальная причина (к детям, к родителям и пр.) не указывается.

** Данная причина включена в разработку с 2016 г., она записывается тем мигрантам, у кого заканчивается срок регистрации по месту пребывания (может составлять от 9 месяцев до 5 лет и более). С 2011 г. все мигранты, регистрирующиеся по месту пребывания, по окончании срока регистрации считаются выбывшими к месту постоянного проживания, при этом в 2011—2015 гг., видимо, причина миграции указывалась та же, что и при получении регистрации. Это искажало реальные данные о причинах миграции, подробнее см. [Мкртчян, 2020].

Если исключить из рассмотрения неопределенные причины («иные причины», «причина не указана») и «возвращение после временного отсутствия», соотношение остальных причин в некоторой мере соответствует тому, что описывают зарубежные исследователи. Доля переселений, связанных с работой, в числе определенных причин составила в 2011—2015 гг. 21,6%, в 2016—2018 гг. — 19,0%. На причины семейно-личного характера пришлось более 53,4% и 54,9% соответственно, на учебные — 14,1% и 14,0%. С этими данными согласуются результаты единственного обследования причин миграции, проведенного в 1991 г. Госкомстатом СССР совместно с МВД СССР (опрошены 91,1 тыс. человек 15 лет и старше в 23 регионах России; респонденты могли отметить несколько вариантов ответов). Тогда перемену места работы как причину указали 19,5% ответивших, семейные обстоятельства — 40,4% [Чудиновских, 1998].

На наш взгляд, одна из причин невнимания исследователей к данным о миграции — недостаточная информативность стандартных, используемых Росстатом еще с советских времен, опросов о причинах сменить место проживания. Из формулировок вопросов и получаемой статистики неясно, действие каких обстоятельств — в месте исхода мигрантов или их вселения — они описывают. Возможно, из-за этого в современной России не изучался, например, такой вопрос: почему люди, имея возможность в пределах страны переехать в сотни городов, выбрали именно этот? Какие факторы вынудили их уехать из своего региона?

Цели, задачи и дизайн исследования

Основная задача нашего исследования — проанализировать мотивы миграции, связанные с регионами исхода и вселения мигрантов. Принимая решение уехать из региона, люди руководствуются одними обстоятельствами, а выбирая регион для вселения — другими, хотя иногда они отчасти совпадают.

Основная гипотеза нашего исследования: мигранты, переселяющиеся из региона устойчивого миграционного оттока населения, и мигранты, вселяющиеся в один

из регионов — лидеров по устойчивому миграционному притоку, руководствуются разными мотивами или по-разному выстраивают их приоритеты.

Исследование базируется на материале глубинных интервью с мигрантами. По ответам информантов мы можем проследить, как именно люди описывают свою мотивацию переехать. Например, как о миграции говорят люди, у которых основной мотив переселения был связан с семейными обстоятельствами или работой/невозможностью ее найти. Мы также можем увидеть, есть ли различия в описании мотивов применительно к выбору региона вселения, или в оценке обстоятельств, заставивших информанта переехать.

Признанной концепцией, объясняющей многообразие мотивов миграции, является push-pull теория Э. Ли [Lee, 1966], которая рассматривает две группы причин (факторов) — притяжения и выталкивания. Push-pull теория обращает внимание на различия в характеристиках регионов происхождения мигрантов и регионов назначения. Так как люди неодинаково реагируют на разные факторы притяжения и выталкивания, структура и направления миграционных потоков также разнятся.

Мы ожидали, что в миграционно привлекательный регион переселяются в основном под действием притягивающих мотивов, о причинах, побудивших информантов покинуть прежнее место жительства, они будут говорить в ходе интервью менее определено. Напротив, у мигрантов из непривлекательного региона явным образом будут преобладать выталкивающие мотивы, настолько значимые и многообразные, что выбор нового места жительства окажется не так важен.

Для проверки гипотез в ходе глубинных интервью мы изучили мотивы, стоящие за внутренней миграцией. Часть информантов переселились в Краснодарский край — регион России, входящий в тройку лидеров с наиболее масштабным миграционным притоком населения в последние десятилетия. Другие выехали из Забайкальского края — региона устойчивого и интенсивного миграционного оттока. При выборе этих регионов мы отталкивались от данных многолетней статистики долговременной миграции и общедоступных показателей Росстата, характеризующих социально-экономическую ситуацию в этих регионах².

Исследование базировалось на анализе 11 полуструктурированных интервью с людьми трудоспособного возраста, не ранее 2015 г.³ переехавшими из Забайкальского края на постоянное место жительства (ПМЖ) в другие регионы России, и 11 интервью с людьми, переехавшими в эти же сроки в Краснодарский край на ПМЖ из различных регионов России. Мы брали интервью по телефону или через Skype, поиск информантов осуществлялся через региональные сообщества в соцсетях «ВКонтакте» и «Одноклассники». Количество интервью определялось целями исследовательского проекта, мы не планировали репрезентировать весь миграционный поток в этих регионах, а намеревались ограничиться выявлением повторяющихся мотивов миграции и миграционных практик. Гайд интервью состоял из 15 тематических блоков, включая социально-демографические ха-

² См., например: Регионы России. Социально-экономические показатели — 2018 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_14p/Main.htm (дата обращения: 19.10.2020); Социально-экономическое положение России. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/social/osn-12-2018.pdf (дата обращения: 19.10.2020).

³ Такой срок обусловлен задачей опросить людей, мигрировавших не так давно, чтобы обстоятельства переезда не забылись, но адаптация к новому месту проживания уже в значительной мере состоялась.

характеристики информанта, работу и место проживания до переезда, прошлый миграционный опыт, миграционные намерения, мотивы и подготовку к переезду, характеристики региона нынешнего проживания и места последней работы, жилищное обустройство и возможности пользования социальными услугами, досуг и быт, удовлетворенность членов семьи миграцией и т. д. Например, в гайде интервью для мигрантов из Забайкальского края мотивам миграции были посвящены вопросы: «С чем именно Вы связываете Ваше желание переехать, что именно оказало самое большое влияние на Ваше решение?»; «Как Вы принимали решение о последнем переезде из Забайкальского края?»; «Почему Вы выбрали именно этот город/регион для проживания?» Для анализа интервью использовался метод осевого кодирования по тематическим рубрикам.

Возраст информантов из Забайкальского края — от 22 до 40 лет, шесть мужчин и пять женщин, пять человек — с высшим образованием или неполным высшим, столько же — со средним специальным, один — со средним. География проживания в Забайкальском крае до отъезда разнообразна: региональная столица г. Чита, второй по величине город края Краснокаменск, малые города Петровск-Забайкальский, Шилка, Хилок, Могоча, а также поселок Агинское — бывшая столица вошедшего в состав края Агинского Бурятского автономного округа.

Возраст информантов, переехавших в Краснодарский край на ПМЖ, — от 21 года до 37 лет, шесть мужчин и пять женщин, восемь человек имеют за плечами высшее образование, двое — среднее специальное и один — среднее. До переезда проживали в самых разных регионах России — от Москвы, Санкт-Петербурга и региональных столиц (Саратова, Барнаула, Кирова, Перми) до городов и поселков, расположенных в Республике Коми, Оренбургской области, Челябинской области, Северной Осетии.

Мы сознательно не включали в число интервьюируемых студентов и лиц, переезжающих в целях получения образования. Это — наиболее миграционно активная группа населения, члены которой мигрируют с очевидной целью на определенном этапе жизненного пути, что, согласно теории Э. Ли, является частью «обряда перехода» [Lee, 1966: 57]. Также не изучалась миграция пенсионеров или предпенсионеров: часто это возвратная миграция, к тому же для этих групп населения менее или совсем не значимы возможности работы. На наш взгляд, эти две группы мигрантов (учебные и пенсионеры) заслуживают отдельного изучения.

Результаты

Выталкивающие мотивы на примере выезда из миграционно непривлекательного региона

В мотивах миграции информантов из Забайкальского края четко прослеживается действие выталкивающих обстоятельств социально-экономической природы. Практически все информанты ставили их на первое место при ответе на вопрос «С чем именно Вы связываете Ваше желание переехать, что именно оказало самое большое влияние на Ваше решение?»⁴ Прежде всего, это тяжелая ситуация на рынке труда, сложности с поиском работы.

⁴ Впрочем, мы не исключаем, что популярность экономических факторов обусловлена распространенными представлениями об их приоритетности, а также тем, что именно их можно выразить наиболее определенно.

Работу найти очень трудно. Многие не могли найти работу, и поэтому у них получался долг. Или кто-то перебивался какими-то мелкими работами, колот дрова или еще что-то... И если есть работа, люди всячески пытаются держаться и руководство видит, оно может заставлять — выйди в выходной день, знают, что человек выйдет, потому что нет работы и все держатся за любую работу. (Н., Хилок — Коломна, 22 г.)

Но даже если удастся устроиться на работу, заработок невелик.

Работа, конечно, удовлетворяла, я в детской хирургии работала. Но зарплата сперва была хорошая, потом ее резко урезали в два раза, почти в три. (Б., Агинское — Ленобласть, 28 л.)

Распространены поездки на вахту.

Многие знакомые мужчины работают вахтовым методом в Забайкалье, по месяцам, по два они не находятся дома. На моей родине малой в Сретенском районе, там все мужчины, кто хочет работать, они все работают вахтовым методом. (Е., Могоча — Дзержинск, 32 г.)

Казалось бы, для российской провинции эта ситуация типична, но, помимо низких зарплат, ситуацию усугубляли высокие цены.

Зарплата вообще не нравилась никак, 15 тысяч с такими ценами для Могочи, тут в Москве намного дешевле продукты те же взять, чем у нас в Могоче, очень дешево. (А., Могоча — Дедовск, 26 л.)

Забайкальский край — далеко не самый развитый в транспортном отношении регион, хотя он и обслуживает Транссибирскую магистраль. Но для информантов важнее другое:

В Чите нет международного аэропорта, я люблю путешествовать, нужно ехать как минимум в Улан-Удэ, но там рейсов не так много, чаще приходится уезжать из Иркутска. (А., Чита — Иркутск, 30 л.)

Не устраивает информантов и городская среда. Даже в региональной столице, Чите:

Возвращаясь поздно домой, очень сложно найти приемлемое кафе, где можно просто хорошо посидеть, поужинать и не отдать за это баснословные деньги. (А., Чита — Иркутск, 30 л.)

Как еще один выталкивающий мотив упоминались сложности для саморазвития в регионе.

Я хотела у себя поучиться в ординатуре, потому что сильный институт, но по моей специальности кафедру в тот год не дали, поэтому пришлось на два года раньше уехать. (Б., Агинское — Ленобласть, 28 л.)

Но я сама хотела развиваться, хотела жить, потому что когда говорят, вот когда-нибудь потом оно будет. Потом оно не наступает никогда. (О., Чита — Санкт-Петербург, 40 л.)

Не видят будущего и для детей, случается, сами дети инициируют отъезд.

Заканчивала она 12-ю школу, это одна из лучших школ Читы. По статистике, уезжают 75 % закончивших. И, зная это, она тоже говорила: мама, я пополнию статистику, я уеду. Поэтому она сразу сказала, либо я одна еду, либо мы вместе. (О., Чита — Санкт-Петербург, 40 л.)

Наконец, информантов отталкивает социальная среда и, как ни странно, «человеческий фактор».

Люди, конечно, все гадят, мы постоянно ходим на Кияшку (в Шилке речка), люди живут и гадят соседу под забор. В Кияшку бросают все, что там может быть. Идешь и просто поражаешься, как люди здесь живут. Я один раз женщине замечание сделала, она мне сказала: «а мне куда выливать помои?» (И., Шилка — Петропавловск-Камчатский, 30 л.)

И это, подчеркнем, относится к региону (городу), где опрошенные родились и выросли; известно, что по прошествии времени людям свойственно смещать его оценки в сторону более положительных [Lee, 1966].

Естественно, к факторам выталкивания не могли не примешиваться локальные, характерные именно для данных мест или для очень узкой группы поселений [van Hear, Bakewell, Long, 2018]. В случае цитаты ниже это город, находящийся в ведении Росатома и полностью зависящий от ситуации в соответствующей отрасли:

Краснокаменск — моногород, добывают уран и полгорода работает там на шахте, кто-то в самой шахте, а кто-то в обслуживающих разных организациях. Полгорода зависит от Росатома. Году в 2013-м резко уран нашли дешевле, где можно добывать, и начали прикрывать рудники и сокращать [людей], начался массовый отъезд из города. Но большая часть, 60 %—70 %, просто на панике, что потом квартиру никому не продашь, потому что чем больше квартиры люди продают, чем больше уезжают, тем дешевле в цене они становятся, люди видят массовый спад цен на квартиры, и массово начали уезжать, и сами не понимая, зачем. (Е., Краснокаменск — Севастополь, 27 л.)

Мы уже писали выше о сложности делимитации отдельных причин/мотивов миграции. Многие из наших информантов так и говорили о мотивах миграции как о целом комплексе выталкивающих факторов: «...еще раз говорю, и работать негде, и отдыхать негде, природа» (И., Шилка — Петропавловск-Камчатский, 30 л.).

Со всеми оговорками на узкий круг опрошенных, нам представляется интересным, что среди выходцев из Забайкальского края никто не говорил о желании

с помощью переезда улучшить жилищные условия, решить семейные проблемы и т. п. По интервью видно, что решение уехать принималось прежде, чем намечались конкретные места для переселения.

Выталкивающие мотивы на примере переехавших в миграционно привлекательный регион

Набор выталкивающих мотивов у информантов, переехавших в Краснодарский край, в чем-то схож с описанным выше для мигрантов из Забайкальского края. Однако соотношение и острота названных факторов заметно отличаются: в ответах нет такой явной безысходности и таких жестких характеристик места прошлого проживания. Во многом это связано с тем, что большинство информантов переехало в Краснодарский край из далеко не самых неблагополучных российских регионов.

Тем не менее в отдельных интервью упоминаются сложности с поиском работы в местах исхода.

Сейчас действительно очень сложно найти работу в Саратове, особенно мужчинам... мы столкнулись с этой ситуацией, моя семья. (Н., Саратов — Сочи, 35 л.)

Работы нет в моем городе, маленький городочек, работы нет, заводов нет. На улицах сидеть — это не мое тоже. (А., Алагир — Геленджик, 26 л.)

За исключением выходцев из двух столиц, а также работающих удаленно и занятых в IT-отрасли, информанты подчеркивали, что важным мотивом миграции был недостаточный для нормальной жизни размер заработной платы, неформальное трудоустройство.

Интервьюер: Но денег не хватало, маленькая зарплата была?

Информант: Нет, конечно, там на полставки работал. (Е., Трусово — Калниболотская, 37 л.)

Мне пришлось проработать полтора года практически неофициально. Зарплата была, наверно, на среднем уровне от 22 до 25 тысяч. (Н., Саратов — Сочи, 35 л.)

Среди выталкивающих мотивов звучало недовольство инфраструктурой городов прошлого проживания мигрантов, в целом текущим экономическим развитием, при этом информанты ощущали, что вряд ли что-то улучшится.

Город умирал, работы, ничего нет, в основном из-за работы, из-за денежных средств. (В., Орск — Тимашевск, 21 г.)

Основное, что не нравилось, что в целом экономика стагнирующая, там нет никаких градообразующих предприятий, там нет потенциала для развития. Город сам по себе тупиковый, это не Екатеринбург, не Новосибирск, которые и транспортные, и бизнес-узлы, он такой проходной. (М., Барнаул — Новороссийск, 32 г.)

Значимый выталкивающий мотив, что логично для выбирающих в качестве региона переезда Краснодарский край, — недовольство экологической обстановкой и климатом в местах прошлого проживания. Среди высказанных претензий, например, к Саратову — грязь весной и осенью, вырубленная зелень; к Магнитогорску — экология и сильные морозы зимой; к Барнаулу — континентальный климат; к Кирову — плохой климат и заводские выбросы; к Москве — большое количество машин, пробок, постоянные болезни детей; к Санкт-Петербургу — климат, особенно тяжелый для метеочувствительных людей. Встречались информанты, у которых климатические особенности становились причиной конкретных проблем со здоровьем, то есть переезд был жизненной необходимостью.

Основной мотив переезда — у нашей дочки там с трех месяцев было очень плохое самочувствие, аллергия, насморк и до года это все длилось, и мы решили попробовать переехать в Анапу, съездили сначала в отпуск на неделю, состояние ее улучшилось в течение двух дней. (К., Киров — Анапа, 27 л.)

У меня холодовая аллергия и все 5—6 месяцев зимы я жил на антигистаминных... и это основная причина, почему оттуда уехали. (М., Барнаул — Новороссийск, 32 г.)

У некоторых информантов, в первую очередь из столичных городов, желание сменить климат вообще было единственным выталкивающим мотивом: «в Питере нравилось практически все, кроме климата» (А., Санкт-Петербург — Анапа, 36 л.).

Притягивающие мотивы у выезжающих из миграционно непривлекательного региона

Часто сам выбор места нового проживания говорит о важных для информанта притягивающих факторах. Первым и, возможно, важнейшим притягивающим фактором является работа, что неудивительно в случае выезда из экономически стагнирующего региона.

В Ленинградскую область я решила, пока была в институте, просматривала вакансии, чтобы была востребована моя профессия и т. д., были условия подходящие... Именно это место я выбрала потому, что здесь работала программа «Земский доктор». (Б., Агинское — Ленобласть, 28)

Информанты либо находили работу еще до переезда, либо были уверены, что ее поиск не будет проблемным.

Я Иркутск хорошо знаю, здесь с поиском работы нет затруднений, как у нас в крае. С октября месяца я здесь уже поменял третью работу. (А., Шилка — Иркутск, 32 г.)

Если в качестве нового места жительства выбирался крупный город, не было проблем с работой не только у информантов, но и у их повзрослевших детей.

Она нашла себе удаленную работу, она преподаватель английского устного... [сначала] пошла официанткой работать, то есть работу найти можно, что бы я делала в Чите — не знаю. (О., Чита — СПб., 40 л.)

При этом важна не сама работа, а возможность достойного заработка.

Если я буду работать, допустим, в Краснодаре, то моя зарплата будет в два раза меньше, чем если я буду работать в Санкт-Петербурге. (И., Чита — СПб., 30 л.)

Отметим, что мы опрашивали людей в возрасте наибольшей экономической активности, для которых нормальная жизнь немыслима без включенности в трудовые отношения и важны возможности профессионального и карьерного роста⁵.

На новом месте жительства информанты отмечали и сравнительную дешевизну, например, коммунальных услуг. Перечисленные ниже «блага» не являлись мотивами миграции, но послужили дополнительным бонусом, который подтвердил правильность сделанного выбора.

Нравится то, что здесь электроэнергия дешевая, так как своя гидроэлектростанция, на проезд, на бензин цены дешевле намного, чем у нас там. (А., Шилка — Иркутск, 32 г.)

Некоторым удалось даже сэкономить на аренде жилья.

В Могоче мы за однокомнатную квартиру отдавали, по-моему, 12 тысяч. Здесь за двухкомнатную квартиру мы отдаем 10. (Е., Могоча — Дзержинск, 32 г.)

Чита и Забайкальский край проигрывали в сравнении с городами переселения в плане цен, например на продукты питания, а также качества самих продуктов.

Когда [брат] вернулся [из Москвы], показал фотографии продуктового магазина, какие цены, и пошел в магазин и своими глазами еще раз убедился, что цены [в Хилке] в два раза дороже. (Н., Хилок — Коломна, 22 г.)

Здесь очень трудно купить просрочку, как в Могоче, здесь надо поискать еще. (Е., Могоча — Дзержинск, 32 г.)

Сейчас уже сложно представить, что сельские жители из числа молодежи, переезжая в город, даже арендуя комнаты, воспринимают это жилье как лучшее по сравнению с сельским домом. Мы полагали, что это — история забытого прошлого, времен массового бегства из села, но оказалось, что она и сейчас актуальна.

Инт.: Если сравнивать это жилье с Вашим родным домом, то оно лучше/хуже?

Инф.: Конечно, лучше, в Петровске я в доме жил своим, сами понимаете.

Инт.: Дом — это же здорово, соседей нет, можно пошуметь?

⁵ Как будет показано ниже, люди, не активные на рынке труда, в принятии решения о миграции руководствуются семейными мотивами.

Инф.: Не знаю, мне нравится, нормально, нет лишних проблем с водой, дровами. (Ю., Петровск-Забайкальский — Улан-Удэ, 21 г.)

Инф.: Свой дом, когда огород и все на свете с нормальной благоустроенной квартирой, можно не сравнивать.

Инт.: А это общежитие — там квартиры или это комнаты?

Инф.: Комнаты. Четыре комнаты в квартире, общий коридор, общие кухня, ванная. (А., Шилка-Иркутск, 32 г.)

Конечно, переезд, особенно в крупный город, предполагает принципиально иную среду, что особенно привлекательно для молодежи.

Просто понял, что жизнь кипит и нужно жить не в таких захолустьях и сидеть дома, работа — дом — работа. Тут я даже пока с работы до дома добираюсь, столько всего интересного увидишь. (Ю., Петровск-Забайкальский — Улан-Удэ, 21 г.)

В новом месте проживания люди находят новые возможности для проведения досуга, часто это связано с активным отдыхом, спортом: «Стараемся куда-нибудь ездить, можем уехать на Байкал» (А., Чита — Иркутск, 30 л.). Крупные города дают возможность разнообразить досуг: «Езжу в Санкт-Петербург, рисую, книги читаю. У меня все выходные проходят в Санкт-Петербурге» (Б., Агинское — Ленобласть, 28 л.). Перечисленные примеры показывают, как трудно не только уложить мотивы в один ответ (работа/учеба/семейные обстоятельства), но и вычленить главный из всего комплекса даже на полюсах оттока и вселения.

Важны и транспортно-логистические возможности.

В том году я съездила в Турцию, 30 тысяч все включено, из Пулково, села — уехала, ко мне приезжала подруга из Читы, 30 тысяч плюс 40 тысяч проезд, мы смеялись: вот из Читы приехала, там дорога дороже туда и обратно. (О., Чита — СПб., 40 л.)

Бывшие жители Забайкальского края отмечали, что на новом месте жительства доступнее различного рода социальные пособия и услуги, — на наш взгляд, это тоже служит дополнительным обоснованием правильности сделанного выбора.

...Бесплатное питание для многодетных и бесплатный проезд, на любых видах транспорта. По кружкам — больше, сын нашел бесплатно, в Чите такого нет. (О., Чита — СПб., 40 л.)

И еще здесь получаем дополнительное питание, я кормлю грудью ребенка, я получаю дополнительное питание в денежной сумме. Также детки получают до трех лет 1,5 тысячи ежемесячно. В Забайкальском крае никаких льгот нет. (И., Шилка — Петропавловск-Камчатский, 30 л.)

Выбор между крупнейшими центрами осуществляется далеко не в пользу Москвы, она представляется слишком дорогим и недружелюбным к «провинциалам» городом.

Москва не нравится, шумная, очень много народу, очень много машин, Санкт-Петербург душевнее. (И., Чита — СПб., 30 л.)

В Москву меньше едут, потому что все-таки мы провинциалы, и привыкли к более спокойному, размеренному ритму. Поэтому Москва у нас не в приоритете. Есть другие — Краснодар и Питер. (О., Чита — СПб., 40 л.)

Для некоторых информантов важным притягивающим фактором были климатические условия, хотя и не в общепринятом смысле (теплый климат не значит лучший). Так, выбор между Санкт-Петербургом и, например, Краснодаром осуществлялся в том числе исходя из личных предпочтений к климатическим условиям. О них же упоминали и другие информанты, переезжающие в такие города, как Петропавловск-Камчатский. Для жителей Сибири выбор в пользу теплого климата неоднозначен, привлекателен в плане погоды

Санкт-Петербург... климат здесь очень хороший, хоть и серое небо, и все остальное, но это намного приятнее, чем очень жаркое лето в Чите и очень холодные зимы. (И., Чита — СПб., 30 л.)

Еще один упоминаемый информантами притягивающий мотив — это возможность сохранить социальные связи. Часто близость друзей и знакомых, возможность не порывать полностью с социальным окружением определяют выбор в пользу того или иного региона вселения.

Бывает, накатит очень здорово, охота домой. Но не успеваешь скучать, частенько ездим, на машине еще быстрее — 2,5 часа до Петровска можно долететь, навещаем мать. (Ю., Петровск-Забайкальский — Улан-Удэ, 21 г.)

Особенно это важно для мигрантов со сравнительно низким потенциалом адаптации, без качественного образования и хорошей специальности. Автор цитаты выше — разнорабочий, ранее не переезжавший. Выбор направления миграции был для него, судя по интервью, достаточно случаен и не обдумывался долго. Фактически выбран сравнительно легкий вариант миграции, в ближайший крупный город (Улан-Удэ находится к месту его прежнего проживания ближе, чем региональный центр — Чита).

Притягивающие мотивы у переезжающих в миграционно привлекательный регион

Несмотря на то, что трудоустройство не было в явном виде ведущим мотивом миграции у информантов, переехавших в Краснодарский край, тем не менее в интервью шла речь о хороших возможностях, предоставляемых рынком труда данного региона.

Именно Краснодар, из-за того, что постоянно строительство, город Краснодар строится постоянно, работы больше всегда. Жизнь по-другому. (В., Орск — Тимашевск, 21 г.)

Не просто наличие работы, но и возможность получить более высокие заработки отмечалась информантами как важный притягивающий фактор, способствовавший их переезду в край.

Краснодарский край лучше чем... тут деньги все время есть, тут туризм, отдыхающие, тут есть посевные и море, портовый край, здесь деньги есть. (Е., Трусово — Калниболотская, 37 л.)

Здесь ниже 30 никто не получает. Если получаешь ниже 30, то зачем ты работаешь? Такая позиция у многих. Зарплата выше намного, чем в Саратове. (Н., Саратов — Сочи, 35 л.)

Некоторые мигранты упоминали такой фактор, как дешевизна жизни по сравнению с местами исхода. Однако отметим, что позитивные оценки этого фактора напрямую зависят от места прошлого проживания, для других информантов картина прямо противоположная.

У жены зарплата выросла в три раза по сравнению с Магнитогорском, и у меня примерно то же самое. Только цены здесь намного выше, поэтому и разницу в зарплате я вообще не ощущаю. (Л., Магнитогорск — Эстосадок, 31 г.)

Немаловажный притягивающий фактор — комфортность проживания в крае, развивающаяся бурными темпами инфраструктура.

Краснодарский край строится бешеными темпами сейчас, и это не только многоэтажки, это частные гостиницы, всевозможные таунхаусы для приезжающих вновь, то есть он строится активно. (Н., Саратов — Сочи, 35 л.)

Город сильно изменился: построили хорошие дороги, сделали красивые улицы, построили целые районы из отелей или парков обустроенных, и так далее. То есть город сильно изменился и стал интересен. (В., Москва — Сочи, 37 л.)

Для информантов из восточных регионов страны важный притягивающий мотив — удачное географическое положение региона, облегчающее путешествия по стране и за рубеж.

Живя здесь, в европейской части страны, чувствуешь себя гораздо больше в России, чем когда живешь за Уралом. (М., Барнаул — Новороссийск, 32 г.)

Как и следовало ожидать, наиболее охотно упоминаемый притягивающий мотив для мигрантов в Краснодарский край — климат, благоприятный для здоровья самих информантов и их близких. Для жителей столиц, у которых именно климат был единственным выталкивающим фактором, он и в качестве притягивающего становится основным.

Ловишь себя на мысли, что, с одной стороны, сложнее в плане финансовом, потому что в Москве легче заработать, это однозначно, но с другой стороны, я плачу здоровьем детей, (а здесь) они не болеют, я их чаще вижу. (В., Москва — Сочи, 37 л.)

Инт.: Как вы считаете, вы выиграли с мужем в материальном плане при переезде?

Инф.: В материальном не выиграли, а в душевном выиграли, и здоровье тоже. (А., Санкт-Петербург — Анапа, 36 л.)

Ведущую роль климата как притягивающего фактора отмечали и информанты, работающие удаленно. В целом переезд тех, кто работает удаленно и не привязан по работе ни к какому конкретному месту, это сравнительно новый феномен, среди наших информантов было несколько таких людей. Текущая ситуация на рынке труда показывает, что данная категория работников становится заметной⁶. А значит, будет расти число мигрантов, которым совершенно не важна ситуация на рынке труда того региона, куда они намерены переехать, и которых интересует в первую очередь комфортность проживания⁷.

Супруга работала в офисе... она перевелась на удаленку, я перевелся на удаленку, предоставили себе такую возможность жить без привязки к работе. И после этого уже решили, что мы не привязаны, почему бы и нет. (М., Барнаул — Новороссийск, 32 г.)

Просто приехали, город оказался красивым, спустя год, пожили, поняли, что круглый год зелень, солнце светит, чисто... Так как работаешь онлайн, люди в онлайне загружены, трудисься, а сюда приезжаешь, тут все равно очень много солнца и тепла, и чувствуешь себя как будто на отдыхе круглый год. (В., Пермь — Сочи, 25 л.)

Для всех остальных информантов (кроме бывших столичных жителей и работающих удаленно) климатические условия также являются одним из наиболее важных притягивающих факторов. Однако анализ интервью показывает, что в озвучиваемой иерархии мотивов климат занимает примерно то же место, что и лучшее трудоустройство и более высокие заработки.

Большинство из тех знакомых, которых знаю, тут соотношение в равных пропорциях, климата и возможности заработать... Единственное, это москвичи и Санкт-Петербург приезжают вложить в недвижимость и провести жизнь в более комфортных климатических условиях. Но большинство — Челябинск, Магнитогорск, Барнаул, Зауралье — приезжает за деньгами, потому что уровень повыше. Казахстан тоже, из-за климата и заработка. (Н., Саратов — Сочи, 35 л.)

⁶ По данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, доля работающих из дома россиян в 2018 г. составила около 8%. См.: Ляшок В. Ю. Выступление на Международной научно-практической конференции «Мир труда в XXI веке: производительность труда и профсоюзы» // АТИСО MEDIA: Youtube. 2020. 16 сентября. URL: <https://youtu.be/or56-ctAo7Y?t=9905> (дата обращения: 19.10.2020).

⁷ Ранее мы писали об отличии мотивов эмиграции данной группы работающих от всех остальных. Выбор ими страны проживания аналогичен выбору региона в России — их также интересуют комфортные условия проживания [Флоринская, Карачурина, 2018].

С климатом в основном. И то, что работа подвернулась, в любом случае, когда подворачивается какая-то работа, где можно набраться новых знаний и опыта, всегда хорошо. (Л., Магнитогорск — Эстосадок, 31 г.)

Непосредственно с климатом связаны и такие притягивающие факторы, как красивая и благоприятная для жизни окружающая среда, — в отличие от других, особенно крупных городов, здесь можно расслабиться и успокоиться.

Мне здесь комфортно жить. Иногда идешь по улице и ловишь этот момент счастья, когда ты идешь, тепло, птички поют. (В., Москва — Сочи, 37 л.)

Здесь я приобрела покой, потому что я чувствую себя в этом городе как на даче, потому что он медленный, он очень медленный. (Л., Санкт-Петербург — Новороссийск, 33 г.)

Семейная миграция в системе притягивающих и выталкивающих мотивов переселений

Семейные мотивы миграции встречались в вышеприведенных цитатах: например, когда речь шла о климате в регионе и здоровье близких. Личные, семейные причины переселения часто отмечают при регистрации по месту жительства или пребывания (см. табл. 1), — возможно, именно из-за того, что они неразрывно связаны с другими факторами и действуют во многих контекстах.

В целом семейные мотивы, на наш взгляд, не укладываются в систему притягивающих/выталкивающих факторов, поскольку характеризуют не регион вселения или выхода, а личную ситуацию информанта. Когда их указывали женщины, покинувшие Забайкальский край, мотивируя выбор места вселения, семейные мотивы работают скорее как фактор притяжения.

Мужчина, с которым я живу, его все время тянуло на родину. Он с Нижнего Новгорода, мы полгода прожили, он поехал в отпуск, и родственники ему сказали — а что вы там живете, давайте, возвращайтесь домой, забирай семью. Он нам отправил деньги, и мы приехали. (Е., Могоча — Дзержинск, 32 г.)

Муж тоже с Первомайского, он сюда приехал служить и здесь остался, а потом, когда на родину приехал, мы познакомились и женились в прошлом году. Я никогда не была на Камчатке, мы приехали с сыном, и у нас в этом году родилась дочка. (И., Шилка — Петропавловск-Камчатский, 30 л.)

Конечно, семейные причины могут рассматриваться и как выталкивающие — распад семьи и необходимость переезда в связи с этим, — но в ходе интервью мы с такими не сталкивались.

Среди переехавших в Краснодарский край также были информантки, мигрировавшие по семейным мотивам, вслед за супругами.

Инф.: Мужа моего не устраивало в первую очередь, потому что у него там голова болела часто из-за погоды, метеочувствительный.

Инт.: Климат вам не подошел питерский, поэтому вы уехали?

Инф.: Да, особенно не мне, а мужу. (А., Санкт-Петербург — Анапа, 36 л.)

Мой муж переехал первый именно в поисках работы... Это импульс был первый, он переехал первый, и за ним уже переехали мы. (Н., Саратов — Сочи, 35 л.)

Более того, желания и весомых причин переезжать, кроме как последовать за семьей, у одной из информанток вообще не было.

С этой (последней) работы я уходила очень нехотя. А уходила по той причине, что уже нужно было переезжать... Я скрепя сердце собралась и поехала, я не хотела сюда переезжать никак. (Н., Саратов — Сочи, 35 л.)

При рассмотрении семейных мотивов становится очевидно, что миграция не всегда совершается по личному побуждению. Это означает, что при сборе статистических данных за причиной мигрировать «по личным, семейным обстоятельствам» может стоять целый спектр ситуаций, в том числе случаи, когда человек не мог выбирать, мигрировать или не мигрировать и куда переселиться.

Заключение

Несмотря на описанные различия в мотивации мигрантов из миграционно непривлекательного региона и мигрантов, переезжающих в миграционно привлекательный регион, перечень выталкивающих и притягивающих мотивов во многом схож. Это подтверждает нашу предварительную гипотезу лишь отчасти. На материалах глубинных интервью мы показали, что говорят люди, когда среди мотивов выезда из региона нельзя выделить важнейший, преобладающий, так как действует целый комплекс выталкивающих обстоятельств. И, наоборот, как люди обосновывают выбор того или иного региона вселения. В опросниках с закрытыми вариантами ответов, в материалах переписей, разработке данных текущего учета миграции этого найти нельзя. Так, в статистике Росстата речь идет о «причине миграции», без разделения на причины, которые обуславливают желание покинуть прежнее место проживания, и те, что стоят за выбором нового места жительства. Полагаем, что полученные нами ответы информантов и специфика отражения в них притягивающих и выталкивающих факторов (см. табл. 2) могут быть использованы при составлении закрытых опросников и иного социологического инструментария.

При описании притягивающих и выталкивающих мотивов миграции мы ни в коей мере не претендовали на оценку статистических частот их встречаемости, но старались показать, в какой последовательности, с какой степенью подробности информанты говорят о них. Мотивы, связанные с работой, возможностями саморазвития и самореализации, качеством городской среды и инфраструктуры, охотно и определенно упоминались информантами независимо от региона. С вопросами климата иначе — как выталкивающий фактор они упоминались (если упоминались) в качестве далеко не основных мотивов, но при описании выбора Краснодарского края как места вселения информанты подчеркивали эти факторы. Напротив, семейные мотивы, которые, как видно из статистики, доминируют среди

причин миграции, упоминались тогда, когда они определяли точное направление переезда, которое информант не выбирал («муж там живет...», «мужа перевели по службе»). Это наталкивает нас на мысль, что часть респондентов может указывать семейные факторы как причину миграции, когда нет иного явного мотива переселения. Влияет и то, что при принятии решения о миграции люди руководствуются многими мотивами, конечный выбор нельзя или очень сложно связать с одной причиной. Тем более при ответе на вопросы «Ехать или не ехать?» и «Если ехать, то куда?» однозначный ответ о ведущем мотиве часто невозможен.

Таблица 2. **Притягивающие и выталкивающие мотивы миграции**

Притягивающие мотивы	Выталкивающие мотивы
<i>Миграция из миграционно непривлекательного региона</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — Более развитый рынок труда. — Выше заработной платы. — Ниже стоимость жизни (коммунальные услуги, продукты, аренда жилья). — Развитая социальная поддержка. — Более развитая инфраструктура, комфортная городская среда. — Лучше транспортно-логистические возможности. — Разнообразнее досуг. — Лучше климат. 	<ul style="list-style-type: none"> — Сложность поиска работы. — Низкая зарплата, неблагоприятные условия труда. — Высокая стоимость проживания. — Неразвитость городской среды. — Транспортная оторванность. — Отсутствие перспектив для детей. — Отсутствие возможностей для саморазвития. — Плохое социальное окружение. — Недовольство природой, климатом.
<i>Миграция в миграционно привлекательный регион</i>	
<ul style="list-style-type: none"> — Более развитый рынок труда. — Возможность заработать, «в регионе есть деньги». — Более развитая инфраструктура. — Лучше транспортно-логистические возможности. — Хороший климат, благоприятная для жизни окружающая среда (зелень, море, «красиво» и т. д.). 	<ul style="list-style-type: none"> — Сложность поиска работы. — Низкая зарплата, неблагоприятные условия труда. — Отсутствие экономических перспектив. — Неразвитость городской среды. — Транспортная оторванность. — Недовольство экологической обстановкой и климатом.

При этом даже на основе небольшого числа ответов в ходе глубинных интервью становится понятным, как сложно объединить, загнать в рамки сухих формулировок, казалось бы, очевидные мотивы миграции. Например, нам почти не встречались утверждения, что работу в прежнем месте проживания найти было категорически невозможно. Вопрос состоял в ее характере, условиях и, прежде всего, в размере получаемого вознаграждения и его изменении при переезде, часто это увязывалось со стоимостью жизни, ценами. Все эти вопросы образуют единый мотив миграции, который связан с желанием смены трудовой деятельности, заработка, карьеры, возможности для чего находятся лишь посредством переезда.

Пример выбранных нами регионов для изучения притягивающих и выталкивающих факторов миграции показателен, но, естественно, не содержит их полного

и исчерпывающего перечня. Если бы на месте Краснодарского края была Москва, то такие факторы, как климат и экология, были бы, скорее, неактуальны или значимы для людей из мест проживания с совсем неблагоприятными условиями. Зато на первый план, вероятно, вышли бы возможности карьерного развития, досуга, фактор развитости городской инфраструктуры. Возможно, миграционно непривлекательные регионы более единообразны по набору выталкивающих факторов, за исключением локальных особенностей. Мотивы, определяющие выбор регионов вселения, более индивидуальны. Но данный вопрос требует дальнейшего изучения.

Список литературы (References)

- Замятина Н. Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте» // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15—28.
- Zamyatina N. Yu. (2012) The Method of Studying the Migration of Young People on These Social Networking Web: Tomsk State University as «A Center of Production and Distribution» of Human Capital (According to the Social Online Network «VKontakte»). *Regionalnye issledovaniya [Regional Studies]*. No. 2. P. 15—28. (In Russian)
- Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2019. № 6. С. 82—89.
- Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*. No. 6. P. 82—89. (In Russ.)
- Мкртчян Н. В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 83—99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>.
- Mkrtchyan N. V. (2020) Problems in the Statistics of Internal Russian Migration Caused by Changes in Accounting Methods in 2011. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 1. P. 83—99. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10821>. (In Russ.)
- Флоринская Ю. Ф., Карачурина Л. Б. Новая волна интеллектуальной эмиграции из России: мотивы, каналы и механизмы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 183—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.09>.
- Florinskaya Yu. F., Karachurina L. B. (2018) New Wave of Intellectual Emigration from Russia: Motives, Channels and Mechanisms. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 183—200. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.09>. (In Russ.)
- Чудиновских О. С. Причины миграции в России // Проблемы прогнозирования. 1998. Т. 9. № 5. С. 121—132.

Chudinovskikh O. S. (1998) Causes of Migration in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 9. No. 5. P. 521—529. (In Russ.)

Чудиновских О. С. Источники данных о причинах миграции населения в России // Народонаселение. 1999. № 2. С. 160—172.

Chudinovskikh O. S. (1999) Sources of Data on the Reasons for Migration in Russia. *Narodonaselenie*. No. 2. P. 160—172. (In Russ.)

Benson M., O'Reilly K. (2009) Migration and the Search for a Better Way of Life: A Critical Exploration of Lifestyle Migration. *Sociological Review*. Vol. 57. No. 4. P. 608—625. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2009.01864.x>.

Bernard A., Bell M. (2018) Educational Selectivity of Internal Migrants: A Global Assessment. *Demographic Research*. Vol. 39. No. 1. P. 835—854. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.39.29>.

Bobek A. (2020) Leaving for the Money, Staying for the “Quality of Life”. Case Study of Young Polish Migrants Living in Dublin. *Geoforum*. Vol. 109. P. 24—34. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2019.12.006>.

Chen Y., Rosenthal S. S. (2008) Local Amenities and Life-Cycle Migration: Do People Move for Jobs or Fun? *Journal of Urban Economics*. Vol. 64. No. 3. P. 519—537. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2008.05.005>.

Clark W. A. V. (2013) Life Course Events and Residential Change: Unpacking Age Effects on the Probability of Moving. *Journal of Population Research*. Vol. 30. No. 4. P. 319—334. <https://doi.org/10.1007/s12546-013-9116-y>.

Clark W. A. V., Coulter R. (2015) Who Wants to Move? The Role of Neighbourhood Change. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 47. No. 12. P. 2683—2709. <https://doi.org/10.1177/0308518X15615367>.

Clark W. A. V., Lisowski W. (2017) Prospect Theory and the Decision to Move or Stay. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 114. No. 36. P. E7432—E7440. <https://doi.org/10.1073/pnas.1708505114>.

Clark W. A. V., Maas R. (2015) Interpreting Migration through the Prism of Reasons for Moves. *Population, Space and Place*. Vol. 21. No. 1. P. 54—67. <https://doi.org/10.1177/0042098015572976>.

Cooke T. J., Mulder C. H., Thomas M. (2016) Union Dissolution and Migration. *Demographic Research*. Vol. 34. No. 1. P. 741—760. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2016.34.26>.

Cooke T. J., Shuttleworth I. (2017) Migration and the Internet. *Migration Letters*. Vol. 14. No. 3. P. 331—342. <https://doi.org/10.33182/ml.v14i3.347>.

David Q., Janiak A., Wasmer E. (2010) Local Social Capital and Geographical Mobility. *Journal of Urban Economics*. Vol. 68. No. 2. P. 191—204. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2010.04.003>.

- Drozdowski D. (2008) «We're Moving Out»: Youth Out-Migration Intentions in Coastal Non-Metropolitan New South Wales. *Geographical Research*. Vol. 46. No. 2. P. 153—161. <https://doi.org/10.1111/j.1745-5871.2008.00506.x>.
- Eimermann M. (2015) Lifestyle Migration to the North: Dutch Families and the Decision to Move to Rural Sweden. *Population, Space and Place*. Vol. 21. No. 1. P. 68—85. <https://doi.org/10.1002/psp.1807>.
- Faggian A., McCann P., Sheppard S. (2007) Human Capital, Higher Education and Graduate Migration: An Analysis of Scottish and Welsh Students. *Urban Studies*. Vol. 44. No. 13. P. 2511—2528. <https://doi.org/10.1080/00420980701667177>.
- Garip F. (2008) Social Capital and Migration: How do Similar Resources lead to Divergent Outcomes? *Demography*. Vol. 45. No. 3. P. 591—617. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0016>.
- Jang B. J., Casterline J. B., Snyder A. R. (2014) Migration and Marriage: Modeling the Joint Process. *Demographic Research*. Vol. 30. No. 1. P. 1339—1366. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.30.47>.
- Kauhanen M., Tervo H. (2002) Who Moves to Depressed Regions? An Analysis of Migration Streams in Finland in the 1990s. *International Regional Science Review*. Vol. 25. No. 2. P. 200—218. <https://doi.org/10.1177/016001702762481249>.
- Korpi M., Clark W. A. V., Malmberg B. (2011) The Urban Hierarchy and Domestic Migration: The Interaction of Internal Migration, Disposable Income and the Cost of Living, Sweden, 1993—2002. *Journal of Economic Geography*. Vol. 11. No. 6. P. 1051—1077. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbq043>.
- Kotavaara N., Kotavaara O., Rusanen J., Muilu T. (2018) University Graduate Migration in Finland. *Geoforum*. Vol. 96. P. 97—107. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.07.010>.
- Lee E. S. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. Vol. 3. No. 1. P. 47—57. <https://doi.org/10.2307/2060063>.
- Lundholm E., Garvill J., Malmberg G., Westin K. (2004) Forced or Free Movers? The Motives, Voluntariness and Selectivity of Interregional Migration in the Nordic Countries. *Population, Space and Place*. Vol. 10. No. 1. P. 59—72. <https://doi.org/10.1002/psp.315>.
- Morrison P. S., Clark W. A. V. (2011) Internal Migration and Employment: Macro Flows and Micro Motives. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 43. No. 8. P. 1948—1964. <https://doi.org/10.1068/a43531>.
- Niedomysl T., Hansen H. K. (2010) What Matters More for the Decision to Move: Jobs versus Amenities. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 42. No. 7. P. 1636—1649. <https://doi.org/10.1068/a42432>.
- Rappaport J. (2007) Moving to Nice Weather. *Regional Science and Urban Economics*. Vol. 37. No. 3. P. 375—398. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2006.11.004>.

- Scott A. J. (2010) Jobs or Amenities? Destination Choices of Migrant Engineers in the USA. *Papers in Regional Science*. Vol. 89. No. 1. P. 43—63 <https://doi.org/10.1111/j.1435-5957.2009.00263.x>.
- Stockdale A. (2002) Out-Migration from Rural Scotland: The Importance of Family and Social Networks. *Sociologia Ruralis*. Vol. 42. No. 1. P. 41—64. <https://doi.org/10.1111/1467-9523.00201>.
- Stockdale A. (2014) Unravelling the Migration Decision-Making Process: English Early Retirees Moving to Rural Mid-Wales. *Journal of Rural Studies*. Vol. 34. P. 161—171. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2014.01.010>.
- Thomas M. J. (2019) Employment, Education, and Family: Revealing the Motives behind Internal Migration in Great Britain. *Population, Space and Place*. Vol. 25. No. 4. <https://doi.org/10.1002/psp.2233>.
- van Hear N., Bakewell O., Long K. (2018) Push-Pull Plus: Reconsidering the Drivers of Migration. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 44. No. 6. P. 927—944. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1384135>.
- Vilhelmson B., Thulin E. (2013) Does the Internet Encourage People to Move? Investigating Swedish Young Adults' Internal Migration Experiences and Plans. *Geoforum*. Vol. 47. P. 209—216. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2013.01.012>.
- Wagner M., Mulder C. H. (2015) Spatial Mobility, Family Dynamics, and Housing Transitions. *Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie*. Vol. 67. No. S1. P. 111—135. <https://doi.org/10.1007/s11577-015-0327-4>.
- Walmsley D. J., Epps W. R., Duncan C. J. (1998) Migration to the New South Wales North Coast 1986—1991: Lifestyle Motivated Counterurbanisation. *Geoforum*. Vol. 29. No. 1. P. 105—118. [https://doi.org/10.1016/s0016-7185\(97\)00023-7](https://doi.org/10.1016/s0016-7185(97)00023-7).
- Withers S. D., Clark W. A. V. (2006) Housing Costs and the Geography of Family Migration Outcomes. *Population, Space and Place*. Vol. 12. No. 4. P. 273—289. <https://doi.org/10.1002/psp.415>.
- Zorlu A., Kooiman N. (2019) Spatial Trajectories in Early Life: Moving on or Returning Home? *Population, Space and Place*. Vol. 25. No. 7. <https://doi.org/10.1002/psp.2268>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

Приглашенные редакторы рубрики —
Лариса Шпаковская и Жанна Чернова.

В центре внимания —
(пере)сборка гендера: дискурсы, институты и практики.

Статьи, отобранные для данной рубрики приглашенными редакторами,
публикуются в двух частях, первая вышла в № 4 (2020 г.)

GENDER, FAMILY, SEXUALITY: FOLLOWING IGOR S. KON

This section was composed by guest editors
Larisa Shpakovskaya and Zhanna Chernova.

It's main focus is on (re)constructing gender
through discourses, institutions and practices.

The selection of articles is being published in two parts,
the second was released in No. 4 (2020) of our journal

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1676](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676)

Е. Ю. Рождественская

ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО, ЗАБОТЛИВАЯ МАСКУЛИННОСТЬ

Правильная ссылка на статью:

Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 155—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676>.

For citation:

Rozhdestvenskaya E. Y. (2020) Involved Fatherhood, Caring Masculinity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 155—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1676>. (In Russ.)

ВОВЛЕЧЕННОЕ ОТЦОВСТВО, ЗАБОТЛИВАЯ МАСКУЛИННОСТЬ**INVOLVED FATHERHOOD, CARING MASCULINITY**

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>*

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Faculty of Social Sciences

*E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Современные исследования показывают, что отцовство и отцовские практики тесно увязаны с понятием маскулинности и гендерными контрактами. Это означает индукцию изменения в маскулинных и отцовских ролях вследствие активно меняющихся конфигураций образовательных, трудовых и материнских обязанностей женщин. Таким образом, социальный институт отцовства испытывает давление как публичной, так и приватной сферы. Отцовство явно меняется в современном обществе, поскольку во многом разрушены патриархальные семейные структуры, изменились гендерные роли, возникли новые идентичности матери и отца, что делает необходимым изучение коммуникативной структуры семьи/партнерства. Насколько отцы доступны для детей, наполняют реальным содержанием взаимодействие с ними и насколько они берут ответственность за детей? В качестве теоретического подхода в статье развивается социально-конструктивистская платформа, на основе которой автор дискутирует по теории социального признания Алекса Хоннетта, а также по теории заботящейся маскулинности Карлы Эллиот. В качестве приемлемой концептуальной основы автор выстраи-

Abstract. Modern studies show that fatherhood and fathering practices are closely linked to the notion of masculinity and gender contracts. That implies induction of change in masculine and paternal roles due to actively changing configurations of women's educational, labor and maternal responsibilities. Thus, the social institution of fatherhood is under the pressure of both public and private spheres. It is obvious that today fatherhood is undergoing changes as we witness the erosion of the patriarchal family system, appearance of new gender roles, new father's and mother's identities; that is why it is important to study the communicative structure of family/partnership. To what extent do fathers available to their children? Are they eager to interact with them? Are they ready to take responsibility for their children? Based on the social constructivism theory the author discusses the Axel Honneth's theory of recognition, Karla Elliott's caring masculinities. As an adequate conceptual foundation the author builds a complementary gender construction enabling to relativize hegemonic normative form of masculinity at the expense of the legitimating care-related discourse which becomes gender-neutral and unleashes paternal practices in keeping with active father involvement.

вает комплементарную гендерную конструкцию, позволяющую релятивизировать гегемоническую нормативную маскулинность за счет легитимирующего дискурса заботы, который становится гендерно нейтральным и высвобождает пространство отцовских практик в стиле вовлеченного активного отцовства.

В фокусе описываемого в статье эмпирического исследования — вопрос о преемственности и отличиях отцовских практик на протяжении трех поколений. Как воспринимают современные молодые люди отцовское влияние по сравнению с материнским, что говорят их отцы о своем отцовстве, как они вспоминают собственное детство и влияние своих родителей (поколение дедушек)? Изменились ли представления об отцовской роли, остается ли прежним содержание отцовских практик и, вместе с этим, дискурс отцовства в обществе в целом? Исследование построено на анализе коллекции собранных 200 семейных кейсов, каждый из которых представляет собой трехпоколенный срез проблематики отцовства, материнства и социализации в формате полуструктурированного интервью. Исследовательский акцент на отцовских практиках ставит целью отслеживание и контрастирование практик отцовства. Для анализа нарративного содержания описанных отцовских практик выделены категории, на разных уровнях описывающие феномен отцовства и позволяющие отследить поколенческие отличия: в модуле повседневного действия в воспитании, в содержании воспитательных норм, в оценке и режимах оправдания относительно моделей воспитания и участие в воспитании. Основной эмпирический

The focus of the work is succession and differences of parental practices across three generations. The study is based on an analysis of semi-structured interviews with 200 families as case studies representing different viewpoints on the problems of fatherhood, motherhood and socialization. The study places an emphasis on fatherhood in family communication paying attention to motherhood as a background. The author identifies different categories of paternal practices which help to trace generational differences: daily activities related to upbringing, upbringing-related norms, assessments and modes of justification related to upbringing models, and participation in upbringing. The author concludes that fatherhood “returns” to families enriched with care-related practices transforming masculinity; it is valorized as an independent role with a content validity.

вывод заключается в том, что отцовство «возвращается» в семью, обрастает трансформирующими маскулинность практиками заботы, его ценность валоризирована как содержательно самостоятельная роль.

Ключевые слова: отцовство, вовлеченность, признание, забота, практики отцовства, межпоколенное интервью

Благодарность. Статья написана в рамках Проекта «Реконфигурация отцовской роли: поколенческая динамика, отцовские компетенции и практики», поддержанной Научным фондом НИУ ВШЭ (индивидуальный грант № 15-01-0126).

Keywords: fatherhood, involvement, recognition, care, fathering, intergenerational interviews

Acknowledgments. The article is part of the 'Reconstruction of Father's Role: Generational Dynamics, Father's Competencies and Practices' project supported by HSE Academic Fund (individual grant No. 15-01-0126).

Методологический запрос на конструкт признания как теоретическую платформу вовлеченного отцовства

Тематизация отцовства в социологической оптике вполне может быть сведена к инвентаризации отцовских практик. Динамичный сюжет сменяемых паттернов отцовства, помноженный на разнообразие социальных сред, дает объемную картину того, в каком разнообразии вариаций развивается этот сложно артикулируемый социальный феномен. Но методологически ускользает определение баланса предложения отцовского ангажемента и его оценки со стороны семьи и общества в целом. Обществу и семье в лице жены/партнерши и детей нужно больше участия в помощи или за отцом признается вновь отвоеванное место, коннотируемое как позитивная необходимая мужчине роль? Наш методологический поиск и стоящая за ним гипотеза приводят нас к теории признания А. Хоннета и ее социально-психологическим импликациям как основе для размышления о том, на какой идеологической платформе возможно реконструировать тренд вовлеченного отцовства.

Немецкий социальный философ Аксель Хоннет предложил, пожалуй, наиболее обоснованное обсуждение проблематики признания¹. Он привлекает сюжет intersубъективности в целях выявления механизма того, как это достигается, а также для установления роли мотивации и нормативного признания в понимании и оправдании социальных движений. Хоннет выделяет три «сферы взаимодействия», которые связаны с тремя «формами признания», необходимыми для

¹ Ключевая идея социальной философии и социальной динамики по А. Хоннету — признание. Это продукт его переосмысления гегелевской идеи «борьбы за признание», согласно которой переход из животного в человеческое состояние осуществляется благодаря признанию другими, а также идеи Р. Сеннета и Дж. Кобба о том, что социальные конфликты и борьба порождены проблемой признания между партнерами [Sennett, Cobb, 1972]. Итак, за мыслью А. Хоннета о признании стоит обоснованное представление о социальной интеграции путем избирательных или симметричных форм признания. Но вопрос в том, как интерпретируются принципы признания.

развития у индивида положительного отношения к себе. Это любовь, права и солидарность [Honneth, 1995]. Режим признания как «любви» относится к нашим психофизическим потребностям и эмоциям, удовлетворяемым другими, и принимает форму наших первичных отношений (друзья, семья и близкие). Она обеспечивает базовую уверенность в себе, которая может быть разрушена через физическое насилие. Режим признания как «права» относится к развитию нравственной ответственности, развиваемой в рамках наших моральных отношений с другими. Это взаимный режим признания, в котором «индивид учится видеть себя с точки зрения его (или ее) партнера во взаимодействии как носитель равноправия» [Honneth, 1992: 194]. Наконец, режим признания как «солидарность» относится к признанию наших черт и способностей. Это имеет важное значение для развития нашего собственного достоинства и того, как мы становимся «индивидуальностью», поскольку именно наши личные черты и способности определяют наше личностное своеобразие [Honneth, 1995: 122]. Следовательно, в отличие от отношений любви и прав, которые выражают универсальные черты человеческой субъектности, достоинство «требует социальной среды, которая должна быть в состоянии канализировать характерные различия между людьми универсальным способом, более конкретно, в интерсубъективной форме» [ibidem]. Все три сферы признания имеют решающее значение для развития позитивного отношения к себе: для человека это возможно только за счет сочетания уверенности в себе, самоуважения и самооценки, чтобы увидеть самого себя автономным и индивидуализированным существом и определить себя через свои цели и желания [ibid.: 169]. По Хоннету, отрицание признания обеспечивает мотивационную и оправдательную основу для сопротивления. Опыт отрицательных эмоциональных состояний может, как показывают нам в теории, приводить к ощущению происходящей несправедливости. Его концепция в хорошем смысле нагружена «структурными элементами этической жизни», то есть обозначена точка, исходя из которой могут быть сделаны нормативные требования к формам признания, способствующим позитивному отношению к себе. Таким образом, адаптируя философию признания к задаче социального анализа, следует сказать, что социальное признание — это готовность признать дееспособными и договорными участников социального взаимодействия. Это составная часть социального обмена, без которой невозможно социальное взаимодействие. Очевидно, что социальное признание является широкой концепцией, так как оно также включает социальный статус в качестве социального атрибутирования групп людей. Более того, индивиды мотивированы необходимостью социального признания, поскольку, как показывают социологические эксперименты, процесс самоидентификации обусловлен получением признания от других (см., в частности, [Tajfel, Turner, 1986; Baumeister, Leary, 1995; Tyler, Smith, 1999]).

В социальной психологии, особенно в рамках теории социальной идентичности, была выдвинута идея о том, что социальное признание дает человеку подтверждение своего существования (и того, как он существует) вне себя, то есть подтверждение самости человека вне себя [Forgas, Williams, 2002]. Если кто-то будет изолирован от других, то в самоанализе индивид рискует быть самообманутым. Социальное признание, данное другими, снимает эти угрозы и предоставляет

индивиду информацию, подтверждающую достоверность информации о себе. Таким образом, социальный актор социально относителен и подтверждаем.

В связи с необходимостью принадлежности люди создают «категориальное социальное я» [Tyler, Smith, 1999: 252]. Это означает, что мы ищем связи с группами, с которыми имеем общие характеристики. Мы хотим к ним принадлежать, быть членом этих групп [de Cremer, Blader, 2006]. В своем исследовании Р. Баумейстер и М. Лири в свое время обнаружили эмпирические данные, подтверждающие предположение о том, что «люди имеют всепроникающее стремление сформировать и поддерживать некоторое количество прочных, позитивных и значимых межличностных отношений» [Baumeister, Leary, 1995]. Но в необходимости различения люди также хотят, чтобы их признавали отдельными лицами. «Репутационная социальная самость» помогает индивидам занять отличающую их от других позицию. Благодаря репутационному социальному «я» индивиды показывают, что они «заботятся не только о положении своих важных групп в более широком социальном контексте, но и об их положении в важных группах» [Tyler, Smith, 1999: 261]. На практике, конечно, мотив различий часто трудно отделить от мотивов принадлежности, поскольку различие часто достигается путем присоединения к определенным группам.

В совокупности эти элементы описывают широкие рамки социального признания в социальной психологии. Социальное признание обеспечивает необходимое внешнее подтверждение «я» вне самости, чтобы сохранить стабильное психическое состояние. Следовательно, индивиды активно стремятся избегать отрицательного общественного признания и добиваться позитивного социального признания. Для этого они пытаются установить свою принадлежность и отличить себя от других.

Итак, преамбула к вводимому в рассуждение понятию социального признания оправдана в перспективе гендерного анализа социального феномена отцовства, расслаивающегося в российском обществе на разнообразные социально обусловленные формы и меняющегося в направлении социально ответственного участвующего отцовства. Мы рассматриваем этот феномен не только с точки зрения набора разнообразных практик отцовства (fathering), но и с точки зрения нуждающейся в социальном признании роли современного отца и идеологии актуального отцовства, коль скоро прежняя форма патриархального отцовства, построенная на мужской супрематии, уступила идеологии эмансипации обоих гендеров. В перспективе описания массовидных тенденций неимперативного родительства и вовлеченного отцовства концепт социального признания вооружает нас исследовательской оптикой, дающей возможность анализа подкрепляющего поведения в группе близких по взглядам родителей (отцов).

Теоретизация отцовства как социального феномена

Область социального исследования отцовства остается актуальной на протяжении двадцати лет. Часто упоминается обнаруженный факт, что мужчины, открывающие для себя опыт отцовства, сталкиваются с хорошо задокументированным кризисом мужской идентичности [Pleck, 1981], с беспрецедентно обширным количеством разнообразных типов давления (социального, эконо-

мического, исторического и политического), поскольку они стремятся разрешить «многие противоречивые проблемы и требования, предъявляемые к ним из-за их мужского пола» [Gentry, Harrison, 2010: 77]. Соответственно, связи между маскулинностью и отцовством менее ясны, чем связи между феминностью и материнством [Miller, 2011b].

Хотя недавние исследования подчеркивают меняющуюся прагматику отцовства [Miller, 2011a], идея отца-кормильца по-прежнему влиятельна [Brannen, Nilsen, 2006; Coskuner-Balli, Thompson, 2013]. Многие мужчины определяют себя как человека, способного поддерживать свою семью в финансовом отношении [Henwood, Procter, 2003]. Мужчины испытывают социальное давление в направлении тех норм экономически обеспечивающего члена семьи и способа быть мужчиной [Connell, 1987], которые потенциально препятствуют социализирующей и воспитательной роли в семейной жизни [Russell, 1986; Williams, 2008].

Несмотря на возрастающую проблему для более активного участия в воспитании своих детей, отцы все еще меньше вовлечены в этот процесс, чем матери [Henwood, Procter, 2003]. И хотя социальные политики многих государств пытаются способствовать более активному участию отцов, например путем популяризации отпусков по уходу за ребенком и гибкой рабочей политики [Miller, 2011b], сотрудники с отцовскими задачами часто не используют эти возможности [Featherstone, 2009]. Отцы сталкиваются с конфликтами между маскулинной и отцовской идентичностью, что создает напряжение и противоречия в гендерной идентичности [Gentry, Harrison, 2010], а также чувство отстранения от партнерского процесса, ориентированного на женщину [Locock, Alexander, 2006].

С 1940-х годов до 1960-х годов на Западе доминировала модель «гендерных ролей». В этой модели отец все еще был главным кормильцем, но играл более активную, управляющую и контролирующую роль. Он участвовал в воспитании детей, предоставив мужскую модель для подражания, все члены семьи придерживались предписанных гендерных ролей, ожидаемых с учетом социального статуса семьи. Другими словами, отцовство было мостом между частной и общественной сферами или между индивидом и обществом. В исследованиях отцовства в США эта модель была описана как реакция на предыдущий порядок, в котором мать была изолирована в частной сфере, так что дом и дети были женским доменом.

В 1960-х годах появилась новая модель отца как «воспитателя». В этой модели отец более активен, чем раньше. Он участвует в воспитании детей и уходе за ними. По сравнению с другими моделями отец больше ориентируется на частную сферу семьи и ставит своей целью удовлетворение физических и эмоциональных потребностей детей. Тип отцовства, добавленный недавними исследованиями и тесно связанный с этой моделью, это то, что было названо новым отцовством. При рассмотрении этой практики отцовства мы находим соответствующие термины: «новое отцовство», «участие в отцовстве» и «ответственное отцовство». Этот тип отцовства основан на равенстве в отношениях между мужчиной и женщиной в семье, а мать и отец несут активную равную ответственность за воспитание и уход за детьми. Отец готов сбалансировать работу и семейную жизнь и позволить своей партнерше сделать то же самое.

Начиная с 1970-х годов психологи и социологи констатируют, что набирает популярность новый идеал отцовства. Фильмы и телевизионные шоу тематизируют любовь мужчин к детям, даже если мужчины, которых они изображали, изначально были показаны как комично неумелые. Большинство социологов предположили, что мужчины не способны и не заинтересованы в фактическом практическом воспитании, но исследования показали, что по крайней мере в лабораторных условиях отцы могут заботиться о младенцах и маленьких детях [Parke, 1996]. После того как был сформулирован общественный запрос на отцовское участие, исследования сфокусировались на «гендерных различиях» в стиле воспитания. Отцы обычно более предрасположены, чем матери, заниматься активной физической игрой, быть более директивными, уделять больше внимания сыновьям и относиться к мальчикам и девочкам согласно гендерным стереотипам времени. Установлено, что уникальные стили игры отцов улучшают эмоциональное состояние детей отчасти потому, что они вынуждали детей самостоятельно регулировать ход игры [ibid.]. Другие исследования социологов и психологов показали, что мужчины и женщины выполняли уход за детьми в разных условиях и в сочетании с различными видами деятельности. Женщины чаще всего занимались уходом за детьми в домашних условиях и часто выполняли многочисленные домашние задания, одновременно заботясь о потребностях детей. Отцы, напротив, с большей вероятностью наблюдали за детьми в общественных местах (например, в парках и на детских площадках) и заботились о них в режиме единственной деятельности. Таким образом, чаще уход за ребенком для матерей — это постоянная задача, а для отцов — развлечение [Coltrane, 1998].

Опять же, исследования показывают, что существует разница между нормативным и фактическим отцовством. Отцовское участие в воспитании детей по-прежнему отличается от поведения матерей. Отцы действительно более вовлеченные, но доля игры по отношению к уходу в общем времени, проведенном с детьми, намного больше, чем для матерей, которые все еще являются основными опекунами. Следует отметить, что рост активного отцовства сопровождается увеличением числа семей, где отец полностью отсутствует. Также важно, что существует ряд факторов, влияющих на присутствие и участие отцов в семьях и в детской жизни. Есть отцы, по разным причинам предпочитающие избегать воспитания своих детей, но есть и внешние факторы, которые могут влиять на отцовство (например, структурные процессы, обусловленные индустриализацией). Другим аспектом, который во многих предыдущих исследованиях считался важным, является роль матери детей. Ее часто рассматривают как сторожа, который, если она пожелает, может оттолкнуть отца от задач по воспитанию детей, хотя потенциально может обеспечить роль кормильца.

В ответ на рост женского движения и вовлечение материнской рабочей силы многие наблюдатели предсказывали, что отцы начнут брать на себя ответственность за большую долю родительской и другой семейной работы. Однако несколько десятилетий исследований показали, что, хотя мужчины работают больше, женщины продолжают выполнять большую часть работы по дому, остаются экспертами по уходу за детьми и служат эмоциональными менеджерами для своих семей. В целом семейное разделение труда при наличии детей становится более

гендерно обусловленным, ведь у женщин сокращаются оплачиваемые рабочие часы, хотя оба родителя имеют тенденцию увеличивать свой вклад в семейный труд после рождения ребенка. Матери по-прежнему больше, чем отцы, трудятся, чтобы обеспечить непрерывный уход за детьми, тратя значительно больше времени, чем отцы, на кормление, одевание, уборку и наблюдение за маленькими детьми. Исследования показывают, что матери проводят вдвое больше времени по сравнению с отцами за этими занятиями, хотя многие мужчины увеличили время, проведенное с детьми дошкольного и школьного возраста в 1980-х и 1990-х годах [Parke, 1996; Pleck, 1987]. Исследования показывают, что пары равномернее делят семейную работу, если оба партнера работают на постоянной основе, их доходы равновелики, они верят в равенство полов, и они малодетны [Coltrane, Collins, 2001].

Итак, социальный феномен отцовства приобрел гораздо более четкие очертания за последние десятилетия: обнаружена связь дискурса об отцовстве с артикулируемым кризисом маскулинности и в целом формами маскулинности. Типаж кормильца устоял и по-прежнему является доминирующей моделью в ширящемся разнообразии типов маскулинности. Новые формы и типы отцовства связаны с ростом активности отцов внутри семьи, а также с их большей вовлеченностью благодаря инструментам социальной политики.

Типология современного отцовства

В предыдущих публикациях мы описывали типологию современных отцов [Рождественская, 2010] как отражение многообразия полей отцовских практик в широком европейском контексте. Самым узнаваемым и воспроизводимым в этой галерее типов отцовства является традиционный кормилец, который ориентирован на рождение детей, предоставление материальных ресурсов и защиту семьи. Но при этом отцовство нерелексивно, оно воспринимается как дополнительная деятельность в разрезе полоспецифического разделения труда с естественно понимаемыми различиями между мужчиной и женщиной. В повседневности традиционный отец не стремится к ответственности, совместным играм и разговорам с детьми, общим событиям и переживаниям. Иной тип — современный кормилец, который наряду с классическими функциями обеспечения и защиты строит тесные отношения с детьми. Но при этом основная ответственность за уход и воспитание детей, равно как и домашний труд, лежит на жене. «Релексивный» отец намерен стать больше чем только кормильцем, его отличает попытка индивидуального пересмотра роли отца. Следующий типаж — целостный, комплексный отец, взаимозаменяемый с матерью. Для него отцовство приобретает черты важного «проекта» в жизни, ценность ребенка эмоционально обоснована. Содержанием такого отцовства становится прежде всего участие в форме интенсивного присутствия, предметной ответственности и занятости в повседневности ребенка и семьи в целом. Эгалитарный отец делит обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей с партнершей пополам, его детей приводит в восторг, если отец выполняет вместе с ними разные домашние задачи и перенимает бытовые компетенции, в том числе кулинарные. Эгалитарного отца сопровождает партнерша, равно участвующая в пополнении семейного бюджета. Из негативных коннотаций отцовства уместно упомянуть классическую модель отсутствующего

отца, возникающую вследствие отклонения заботы о последующем поколении. Наконец, как реакция на разбуженный общественный интерес к фигуре отца, его эгалитарным, современным, «новым» вариациям, а также и скептицизм относительно перспектив участия из-за трудовых перегрузок, было предложено прагматичное обозначение эмпирически узнаваемого типажа «достаточно хорошего отца». Эта позиция легитимирует сбалансированную норму умеренно участвующего отца в условиях его более широкой реализации. Таким образом, можно заметить, что моделирование отцовства становится более горизонтальным феноменом, сглаживающим прежнюю иерархическую гендерную конструкцию (доминирование патриархального/традиционного отца над домочадцами). Его вариации связаны с различными гендерными контрактами, о чем еще пойдет речь ниже, дискурсивно оговоренной мерой участия и явно достигнутым признанием ценности присутствия отца в семье.

Вовлеченность отцов

Большинство исследователей согласны с тем, что то, что отцы делают с детьми и для детей, важнее простого совместного проживания или частоты контакта между отцом и ребенком [Parke, 1996]. Матери остаются менеджерами по уходу за детьми в подавляющем большинстве домашних хозяйств, но данные свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторые отцы занимают более активную позицию в этой области [Coltrane, 1996; Pleck, 1987].

Поскольку исследователи уделяют все больше внимания отцам, мы начинаем понимать, какое влияние может оказать их расширенное участие на развитие ребенка и гендерные отношения. Мы знаем, что ресурсы отцов улучшают жизненные шансы детей. Когда отцы участвуют в заботе о детях и работе по дому, занятые женщины избегают полной ответственности за семейную работу, оценивают разделение труда как более справедливое, менее депрессивное и испытывают более высокий уровень удовлетворенности брачными отношениями [Coltrane, Collins, 2001]. Когда мужчины заботятся о маленьких детях на регулярной основе, они подчеркивают это в словесном взаимодействии, замечают и используют более тонкие реплики, а также относятся к сыновьям и дочерям одинаково (вместо того, чтобы сосредотачиваться на игре, отдавать приказы). Эти различия между повседневным и случайным отцовством заслуживают дальнейшего изучения, поскольку они предвещают различные социальные последствия. Большинство исследований показывают, что дети с активно вовлеченными отцами демонстрируют усиленную интеллектуальную и социально-эмоциональную адаптацию, а также развивают более сбалансированные структуры эго и гендерные ожидания [Coltrane, 1996; Parke, 1996].

Когда многие отцы тратят все больше времени на своих детей, высокий уровень разводов и растущие темпы внебрачных рождений удерживают других мужчин от родительства. Во многих промышленно развитых странах все больше мужчин редко видят своих детей и не поддерживают их финансово [LaRossa, 1997]. Обе тенденции в будущем — сокращенный контакт и снижение финансовой поддержки — являются ответами на одни и те же социальные изменения, включая участие женщин в повышении занятости и все более необязательный характер брака.

Итак, обзор социологических подходов и исследований современного отцовства подталкивает к концептуальному ограничению рассмотрения практик отцовства в составе следующих трех компонент, предложенных М. Е. Лэмб с коллегами [Lamb et al., 1985]:

- взаимодействие,
- доступность,
- ответственность.

Взаимодействие относится к непосредственному контакту отца с ребенком посредством предоставления помощи и совместной деятельности. Последние стратегии измерения в этой области обращают внимание на форму и содержание взаимодействия, различая игру, обучение и уход, предлагая оценить качество взаимодействия, а также время, затрачиваемое на взаимодействие. Доступность — это связанная с этим концепция, направленная на потенциальную доступность отца для взаимодействия в силу присутствия или доступности для ребенка. Ответственность относится к роли, которую отец берет в подтверждение того, что он позаботился и создал ресурсы для доступа к ребенку как внутри дома, так и за его пределами.

Заботливая маскулинность

Разворот отцовской идентичности и практик отцовства к вовлеченности актуализирует вопрос о комплементарной маскулинности. Гегемонная маскулинность как паттерн обладает набором черт, идеологически контрастирующих с вовлеченностью, заботой и уходом. Каковы альтернативные представления о маскулинности, которая была бы совместима с обозначившимся трендом на вовлеченное отцовство? Такие дебаты ведутся в поле исследований маскулинности в связи с обсуждением пределов экономического роста, экономическим кризисом и необходимым переходом к обществу заботы [Heilmann, Korn, Scholz, 2019: 14]. Авторы привлекают теорию резонанса Хартмута Роза и понятие заботы Джоан Тронто, чтобы обосновать заботу как индивидуальную и коллективную практику, основанную на специфическом субъективном действии в самых различных социальных областях. Забота в одном резонирует и в других областях. Важный эффект этой установки — расширение задачи социального воспроизводства, прежде предписанной женскому гендеру в приватной сфере, в том числе и на мужчин. Реабилитация заботы как модуса действия для мужского гендера — вот эта теоретическая конструкция и служит неким мостиком для связи с вовлеченным отцовством.

Впервые термин «заботящаяся маскулинность» появился в проекте ЕС «Содействие заботящейся маскулинности», в котором ставилась задача предложить социально-политические решения для баланса жизни и труда мужчинам для их лучшей интеграции в семью [Gärtner, Schwerma, Beier, 2007]. В этом же направлении Маркус Тойнерт строит свою модель мужской заботы, которая включает инновативные компоненты заботы, в том числе и об окружающем мире и природе, а также заботу о сообществе и соседстве, а классическая материальная забота мужчины-кормильца о семье вписывается в этот концепт наряду с другими видами заботы [Scambor, Holter, Theunert, 2018: 10]. Солидарен с Тойнертом и Михаэль Мойзер, утверждая отцовскую вовлеченность вместе

с заботливой маскулинностью в формуле «забота не только о семье, но и в семье» [Meuser, 2016]. Но, пожалуй, самым дискутируемым текстом о заботящейся маскулинности является концепция «заботящиеся маскулинности» Карлы Эллиот [Elliott, 2015]. Эллиот увязывает заботливость маскулинности с особой мужской идентичностью, которая отклоняет доминантное поведение и связанные с ним качества и включает заботящиеся ценностные отношения, а также позитивные эмоции, взаимозависимость и социальные отношения [ibid.: 240]. Автор здесь конфронтирует с гегемонной маскулинностью, формулируя запрос на новый паттерн маскулинности. «Центральный критерий для заботящихся маскулинностей остается... интеграцией заботы и избегания доминантности» [Elliott, 2019: 211]. Но критика пришла с другой стороны: содержание самой заботы рассматривается как нагруженное и доминантностью, и контролем, и властью, как об этом пишет М. Лауфенберг [Laufenberg, 2017: 362]. Речь, вероятно, все же не об идентичности заботливой маскулинности, а о специфических практиках, (1) которые нужно дифференцировать как гегемонные и негегемонные, и (2) которые связаны с различными легитимирующими их медиадискурсами. В целом актуальная дискуссия вокруг заботящейся маскулинности проявила ряд позиций, сформулированных достаточно контрастно:

- «романтическая тоска» мужчин по выраженной заботе о ком-то (в том числе и о себе, что постоянно дебатировалось в медиа как кризис маскулинности, из которого нет выхода) и как новая этика и семантика вовлеченного отцовства, нуждающегося в признании обществом,
- «конкретная утопия», которая понимается вовсе не как нечто недостижимое, а как целеориентированная трансформирующая деятельность, в процессе которой вовлеченные в практики заботы мужчины будут сами изменяться; в этом смысле в термине «заботящаяся маскулинность» есть своя эвристика, приглашающая к новым, безусловно политизированным отношениям к себе самому и окружающему миру, а также к научному анализу трансформирующих практик маскулинной заботы;
- «пограничная фигура», специфический опыт субъективации тех, кто вовлечен в практики заботы, двойное позиционирование мужского автономного субъекта и другого как субъекта и объекта заботы [Heilmann, Korn, Scholz, 2019: 21—29].

Итак, романтически привлекательный концепт заботящейся маскулинности и отцовство, которое нуждается не только во внутрисемейном признании, но и в широкой реабилитации в духе концепции А. Хоннетта, открывают многообещающие перспективы для изучения феномена отцовства. С одной стороны, признание как позитивный жест, возвращающий авторитет мужчины и отца в семье, может быть рассмотрен в семейно-партнерском контексте, в процессе перераспределения власти/авторитета и ресурсов, материальных и временных. И это возвращение отца в семью на основаниях большей осознанности, новых ценностей невозможно без соучастия партнерши и матери, вероятно, готовой взять часть экономических забот на свои плечи, а также поступиться частью внутрисемейного объема власти над ребенком, вырастающей из дисциплинарного авторитета непосредственно воспитывающего родителя. С другой стороны, семейное право и меры социаль-

ной политики начинают учитывать в российском контексте значимость фигуры отца (судебные решения о передаче ребенка при разводе, юридические нормы и практика отцовского отпуска по уходу за ребенком) и осуществляют реставрацию признания феномена отцовства на социальном уровне.

Пределы или барьеры в изменении отцовства связаны с консервирующим понятием гегемонной маскулинности. С последней в широких культурных контекстах нормативно ассоциированы ориентация на занятость, исключение эмоций и доминантность [Baur, Luedtke, 2008; Hanlon, 2012], поэтому идеи о новых отцах с их эмоциональными и практическими инвестициями в эмоциональную работу, заботу и уход приобретают символическую напряженность. Но сдвиг в теоретизировании в том, что маскулинность отцов, активно участвующих в частной сфере и ухаживающих за своими детьми, теперь больше не рассматривается как культурно необеспеченная, их мужественность уже не ставится под сомнение. Новое вовлеченное отцовство, выстроенное на такой довольно амбивалентной конструкции маскулинности, имеет существенные символические, связанные прежде всего с профессиональной карьерой, лимиты. Эта двойственная мужественность «нового отца» нуждается в переоценке базового для маскулинности разграничения с паттерном женственности, в режиме дискурсивного строительства. Более того, эта задача может быть реализована (но все еще не легитимирована) за счет перехвата фемининной повестки маскулинностью, как это отражено в предложении К. Эллиот [Elliott, 2015]. Но какие пути легитимации возможны для такой заботливой/заботящейся мужественности и отцовства, если контекстуально они требуют прежде всего перекодирования сферы занятости под социальные программы поддержки родителей обоого пола? Здесь расхождение дискурсов еще существеннее, оно порождает разрыв между нормативно одобренным (отпуск по уходу за ребенком, номинально для обоих родителей) и практиками отказа в этом работодателей и уклонения со стороны самих отцов.

Отцовство в России

В фокусе нашего исследования — отцовство в России. Проблемы отцовства могут быть тематизированы в контексте демографического кризиса из-за сокращения населения, которое в последние годы привело к тому, что российское государство стало активно заниматься семейной и демографической политикой. В российской государственной политике вопросы отцовства почти полностью отсутствуют, в то время как подчеркивается важность хорошего материнства. В то же время исследования показали, что отцовство как социальный институт и как практика имеют важные последствия для общества, в частности потому, что поведение и отношение отцов влияют не только на их собственное физическое и психическое здоровье, но и на матерей их детей и собственно детей.

Методологически в последние десятилетия отцовство чаще изучалось в рамках социального конструктивизма. С этих точек зрения отцовство рассматривается не как заданное или фиксированное, а, скорее, как политизированный социальный конструкт, который подвергается нормативному давлению со стороны политических, религиозных и социальных институтов. Отцовство, с одной стороны, — это социальный институт, подразумевающий нормы, ценности, общественные смыслы

и дискурсы, связанные с отцовством, а также права и обязанности, вытекающие из статуса отца. Отцовство как социальный институт включает в себя также законодательство и формальные институты, регулирующие права на опеку, поддержку детей, алименты и т. д. Отцовство, с другой стороны, существует как практика, относится к «исполнению» отцовства, фактическому поведению и действиям отцов. Оно подразумевает взаимодействие с детьми и партнерами: участие в уходе за беременными (например, присутствие при УЗИ и родах), уход за детьми (смена подгузников), воспитание детей (дисциплинарные практики) и подача заявления на отпуск по уходу за ребенком. Культура отцовства и контекст общества влияют на то, как отец размышляет о своей роли отца и о том, как он действует в отношении своих детей. Однако нормы, ценности и отношения не всегда совпадают с реальным поведением. Опросы показывают, что отцовство, то есть фактическое участие мужчин в воспитании и уходе за детьми, изменилось гораздо меньше, чем дискурсивные представления и нормы о нем [Отцовство в России сегодня, 2016].

Современное отцовство невозможно определить в отрыве от норм, касающихся материнства, норм мужественности, семейных структур, режимов благосостояния и более крупных социально-экономических процессов. Поэтому его следует анализировать в более широком контексте с учетом гендерного контракта, то есть гендерного разделения труда на работе и дома. А. Темкина и А. Роткирх проводят различие между «официальными» гендерными контрактами, которые включают государственную политику, идеологию и законодательство, и «повседневными» гендерными контрактами, состоящими из норм поведения членов домохозяйства [Темкина, Роткирх, 2002]. Иными словами, гендерный контракт имеет общественное измерение, включающее, например, систему социального обеспечения, и частное измерение, включающее семейные отношения. Отцовство в социальном измерении в значительной степени зависит от системы социального обеспечения и общих социально-экономических структур и процессов. Одно из важнейших социальных изменений в промышленно развитом мире — снижение рождаемости и увеличение участия женщин на рынке труда. Эта трансформация напрямую повлияла на снижение роли женщин в качестве опекунов: ребенок и воспитание детей теперь не составляют большую часть жизни женщины, хотя мать и остается основным опекуном. Это новое положение вещей потребовало от женщин возможности совмещать работу и семью, что создало новую функцию для государства всеобщего благосостояния. Таким образом, режимы благосостояния стали сильным идеологическим источником влияния на разнообразные формы гендерного контракта. Историческое развитие государства всеобщего благосостояния и различия между режимами благосостояния тесно связаны с историческими моделями отцовства, поскольку они отражают и поддерживают ценности и нормы пола, а также определяют юридические и экономические условия родительства.

В узком смысле частное измерение отцовства связано с отношениями между родителем-мужчиной и его биологическим потомством и/или пасынками. Отцовство также имеет последствия для отношения отца к матери, влияя, например, на роль отца в семье, независимо от того, оказывает ли отец поддержку во время беременности, принимает ли он участие в родах ребенка и в какой степени участвует в задачах по воспитанию детей. На эти отношения влияют нормы и идеи социальной

среды обитания в частной сфере. Это касается как отношения к матери (и удовлетворенности браком), так и отношения матери к участию отца в воспитании детей. Исследования показывают, что совместный брак и поощрение матерью участия в воспитании детей увеличивает участие отца, и наоборот. Брак (или стабильные отношения и совместное проживание) и родительство, таким образом, более тесно связаны для мужчин, чем для женщин. Эта более хрупкая связь между отцом и ребенком делает отношения более чувствительными к контекстуальным факторам. Более того, отношение отца к его собственному отцу (или другим отцам) и родственникам, а также к друзьям и коллегам, также играет определенную роль.

Исследовательская литература по теме отцовства демонстрирует разнообразные подходы: от качественных исследований до количественных. Быстро растет корпус социологической литературы по отцовству, изучаются смежные темы, такие как родительство и мужественность (см., например, многие работы А. Темкиной, Е. Здравомысловой, Ж. Черновой, А. Авдеевой, И. Клециной, И. Кона, И. Тартаковской и др.).

В своем исследовании А. Авдеева на основе интервью с отцами приходит к выводу, что вовлеченные отцы демонстрируют широкую активность, направленную на детей и связанную не только с уходом, но и с дошкольным образованием, обсуждением вопросов воспитания и благополучия. При этом важны приоритеты отцов, которые автор называет типами исполнителя (работа важнее всего) и управляющего (семья также важна наряду с работой). «Работающий „вовлеченный“ отец, вне зависимости от своих приоритетов, сталкивается с необходимостью совмещать профессиональную деятельность и отцовство, поэтому ему приходится вырабатывать стратегии оптимизации времени и пространства в приватной сфере. Вовлеченный отец может разделять обязанности с супругой или выполнять их с ней по очереди, совмещать несколько дел сразу, компенсировать недостаток внимания ребенку „качественным временем“ или делегировать обязанности бабушке, няне или детскому саду» [Авдеева, 2012: 103]. Но основной императив вовлеченного отцовства, с точки зрения Авдеевой, — «не создавать препятствий для трудовой (профессиональной) занятости отца», поскольку «вовлеченный отец продолжает оставаться (основным) добытчиком, что влечет за собой преимущественно традиционное разделение обязанностей в семье» [ibidem].

И это ограничение — лишь бы не мешало работе — становится понятным ввиду общего контекста трудового рынка и институциональной регуляторики. Как пишет Ж. Чернова, существенный фактор здесь — «позиция работодателя по данному вопросу, а также представление о гегемонной маскулинности, характерное для того или иного общества. Работодатель и корпоративные поддержки, предоставляемые работнику на предприятии, играют роль посредника между законодательно закрепленными нормами и индивидуальными практиками отцовства» [Чернова, 2011: 103]. Таким образом, установки работодателя, воспринимающего мужчину с отцовскими обязанностями прежде всего как работника, ограничивают готовность работающего отца поступиться рабочим временем в пользу родительских обязанностей.

Констатация этого положения с доминированием ведущего гендерного контракта с мужчиной-кормильцем отчасти помогает понять замкнутый репертуар социальных возможностей, но проблематизирует сам репертуар гендерных контрактов.

В целом исследования показывают, что отцовство связано с гендером. И не только в прямом биологическом смысле, но и через социальные опосредования — институты брака, рождения-усыновления, патронажа, через институциональные механизмы ролевого распределения, гендерные контракты. Идентичности мужчин как работников, партнеров и отцов тесно переплетаются с идентичностями женщин как работниц, партнерш и матерей, то есть связаны через конструкт гендерного социального контракта. Что понимать под социальным контрактом? Социальный контракт — это обмен ожиданиями между социальными агентами (группами), предполагающий выполнение конкретных ролей, порождающий определенные практики и способы легитимации. Различение вертикальных и горизонтальных социальных контрактов говорит об интерсекциональном переплетении макро-, мезо- и микроуровней возможного анализа, создающих сложно устроенную комбинацию структурных, институциональных и социально-групповых факторов, определяющих содержание контракта. Очевидно, что у различных социальных групп будут складываться различные социальные контракты. Но также очевидно, что нарушение или разбалансирование социальных контрактов, происхождение которых имеет институциональную природу, провоцируется кризисом социальных институтов. Эпохи социальных перемен или слома социальных порядков ставят под сомнение системы функционирующих контрактов, девальвируют их, а также вызывают к жизни новые социальные контракты.

Культурная трансформация отцовства выглядит как отход от модели «традиционного» отца, воспринимаемого как более далекий родитель, авторитетная фигура, дисциплинарный кормилец, через сложный период, означенный советским этакратическим гендерным порядком, с его отчуждением власти отца к современному варианту нового вовлеченного воспитывающего отца. Уравновешены ли теперь взаимодействие, доступность и ответственность как индикаторы отцовской вовлеченности с внешним признанием важности отцовской роли? Или мы наблюдаем скорее идеологический сдвиг в ориентации мужчин на родительство?

Отцовство меняется в современном обществе, поскольку разрушены патриархальные семейные структуры, изменились гендерные роли, возникли новые идентичности матери и отца вследствие перемен в гендерных контрактах, что делает необходимым изучение коммуникативной структуры и практик внутри семьи и партнерства. Тезис нашего исследования заключается в том, что этот социальный процесс ремоделирования семейных ролей стимулирует взаимное переопределение социальных позиций в семье, но отцовство испытывает особенно радикальные преобразования. Их можно кратко назвать «возвращением» отца в семью в поисках признания (А. Хоннетт) себя полноправным участником процессов заботы (К. Эллиот) внутри семьи, не только о семье в роли классического кормильца. Это изменение является центральным для семейной социализации, триады «отец — мать — ребенок», поскольку имеет следствием реконфигурацию социализационных влияний. Наша исследовательская работа рассматривает трансформационные практики отцовства, возникающие в результате этих процессов, в нескольких поколениях: насколько изменилось содержание отцовских практик?

Эмпирическое исследование: от деда к отцу и сыну

Как мы выяснили в предыдущих суждениях, отцовское участие играет важную роль в дискуссии о гендерной справедливости, примирении работы и семейной жизни. Поэтому проведенные полуструктурированные интервью на нескольких поколенческих уровнях индуцированы вполне нормативной идеей, что отцы должны быть вовлечены в заботу о своих детях, как значимым моментом «дискурсивной детрадиционализации отцовства» [Meuser, 2005: 93]. Тем самым обеспечивается возможность повторного кодирования частной перспективы, исходя из гендерного эмансипированного порядка. Дискурсивная практика, и вместе с ней субъектная позиция отца, однако, оказываются при ближайшем рассмотрении хрупкими и не привязанными к отнюдь не эквивалентным дискурсивным конструкциям отцовства и материнства. В центре дискурса отцовства, таким образом, занятость, причем тотальная. Отец говорит, как «вторичный родитель» [Wall, Arnold, 2007: 522], следующий вторым рядом за матерью.

Заметны процессы преобразования в переходной фазе, которая характеризуется сосуществованием старого и нового гендерных порядков, когда можно найти в дискурсивной практике все эти уровни социального различия. Как уже упоминалось ранее, это поднимает вопрос о (теоретической) интерпретации этой дизъюнкции отцовского участия в частном и дискурсивном воспроизводстве гендерных различий. Для этого Дж. Батлер предлагает термин *амбивалентность*, понимаемый как «по крайней мере, два работающих желания, два сосуществующих, несмотря на их несовместимость, истинных мотива» [Butler, 2014]. Понятие амбивалентности, таким образом, относится к крайне противоречивой одновременности, связанной с дизъюнктивной позицией отца. Это говорит о том, что существенное изменение отцовства имеет свои пределы.

Формат предпринятого качественного исследования отцовских практик от поколения к поколению предполагал самоинтервьюирование респондента в семье. Тип интервью — полунарративный/полуструктурированный, в задачи входило получить информацию о родительских практиках, в том числе материнских и отцовских (которыми мы здесь и ограничиваемся), в трех поколениях собственной семьи. В качестве информантов выступали студенты, их родители (мама и папа), если есть — бабушки и дедушки. Студенты опрашивали бабушек/дедушек на предмет их детства в их родительской семье и воспитания/социализации родителей респондента, далее — их родителей на предмет их детства в их родительской семье и детства и практик воспитания/социализации по отношению к ключевому информанту-студенту. Наконец, студент(ка) вспоминает собственное детство и этапы социализации, оценивает стиль воспитания, припоминает случаи из практики социализации. Совокупно эмпирическая информация каждого кейса ($N = 200$) суммирует практики воспитания и социализации трех поколений семьи. В качестве нарративного импульса задавался вопрос: «Меня интересует история нашей семьи в особом ракурсе — как воспитывались, росли и становились взрослыми. Расскажи, пожалуйста, как проходило твое детство, как тебя воспитывали родители, что считалось важным в воспитании, какими мерами, правилами, практиками родители добивались своего, как относились к детям, как поощряли и наказывали, как заботились и лечили, как планировали образование. Словом, все, что сочтешь нужным». Установка для ведущего разговор

информанта — не только сообщать и давать оценки, но стимулировать к историям, в которых транслируется практика, пережитый факт и оценка.

Подобный дизайн был призван обслуживать теоретическую задачу — реконструировать межпоколенные подвижки в практиках воспитания и социализации, качественно контурируемые в поколенческих срезах. Разумеется, в выборку попали и разведенные семьи, что создавало две принципиальные подгруппы с отцом-резидентом и нерезидентом. Эти различия фокусируются на разных формах социальных капиталов в семьях с разводом и без. Из теоретической литературы нам известно, что родители имеют несколько форм капитала, таких как финансовый и культурный капитал, что позволяет им повысить социальные успехи и успеваемость своего ребенка [Bourdieu, Passeron, 1990; de Graaf, 1988]. И если в развитых европейских странах — государствах всеобщего благосостояния при недорогом высшем образовании и образовательных субсидиях для детей с низким доходом родителей финансовые барьеры в системе образования сводятся к относительно-мному минимуму [de Graaf, 1988; de Graaf, de Graaf, Kraaykamp, 2000], то подобного не скажешь о повседневности российских семей. По поводу культурного капитала, который может быть определен как сочетание предпочтений, лингвистических навыков, норм, поведения и (культурных) знаний [Bourdieu, Passeron, 1990], известно, что он положительно связан с образовательными достижениями ребенка [de Graaf, 1988; de Graaf, de Graaf, Kraaykamp, 2000]. Тем не менее Дж. Коулман утверждает, что культурный и финансовый капитал не являются достаточными факторами для обеспечения успешной передачи образовательных достижений. Он предполагает, что ребенок будет продвигаться благодаря родительским ресурсам, только если в действительности в семье существует достаточный социальный капитал. «Внутрисемейный социальный капитал» состоит из двух центральных элементов: физического присутствия родителей и внимания, уделяемого ребенку (парциальное участие) [Coleman, 1988]. Эти два элемента вместе позволяют родителям предпринимать такие действия, как помощь в выполнении домашних заданий, обсуждение связанных со школой вопросов, чтение вместе, которые заметно влияют на образовательный прогресс. Предыдущие исследования показывают, что для многих отцов-нерезидентов количество контактов с ребенком снижается после того, как они покинули дом из-за развода или разъезда; отцы больше физически не присутствуют во время повседневной жизни своих детей, реже взаимодействуют с ними и менее вовлечены в процессы социализации [Scott et al., 2007; Cheadle, Amato, King, 2010; Kalmijn, 2015]. Также известно, что умножение конфликтов после развода между родителями ослабляет отношения между отцом-нерезидентом и его ребенком [de Graaf, Fokkema, 2007; Ryan, Kalil, Ziolo-Guest, 2008]. Но другие родительские фигуры могут компенсировать потерю ресурсов в результате нерезидентного отцовства. Например, было обнаружено, что усиливается связь матерей и детей, когда дети не живут вместе с их биологическим отцом [Mandemakers, Kalmijn, 2014; Erola, Jalovaara, 2017]. Одним из косвенных выводов из теории Коулмана является то, что другие взрослые, биологически не связанные с ребенком, также могут передавать социальные капиталы детям, если они физически присутствуют и интенсивно участвуют в процессе социализации. Предыдущие эмпирические исследования подтверждают, что, например,

отчимы могут передавать социально-экономические статусные характеристики пасынкам [Eriksen, Sundet, Tambs, 2013; Erola, Jalovaara, 2017].

Таким образом, идеи Коулмана о физическом присутствии и интенсивном участии в процессе социализации, а также идеи из предыдущего обзора о факторах вовлеченного отцовства, такие как взаимодействие, доступность и ответственность, стали основой для операционализации концептуальных моментов в эмпирические референты качества отцовства в динамике поколенческих отличий. Мы имеем в виду аналитические категории — модус повседневного действия в воспитании, нормы в воспитании, оценочное суждение и режим оправдания.

Отдельного внимания заслуживает дискурсивный режим доступа к обыденному знанию, связанному с отцовством. Дизайн исследования специфичен. Не исследователь с его объективирующими и перформативными установками, а участник данного семейного союза присутствует в поле и наблюдает за семейной реальностью с единственным медиумом такого доступа — языком, дискурсивными формами проговаривания семейных взаимоотношений, которые ситуативны, не целостны, эмоционально заряжены и пристрастны. Следуя за постструктуралистским подходом Дж. Батлер, рассмотрим культурную категорию «отец» как дискурсивно предоставленную в социальном порядке повседневного знания [Butler, 2008]. Вытекающий из этой посылки способ анализа — документация дискурсивной практики относительно отцовства. Это высказывания респондентов как лингвистически упорядоченная в одном поле взаимоотношений практика. Полевое проектирование связано с вовлечением взрослых детей в интервьюирование родителей об опыте их личной социализации и опыте воспитания в семье рождения. Таким образом, опыт включен в формат опривыченной семейной коммуникации и в значительной степени предрефлексивен. Он скорее привязан к отношениям в логике поля, в котором он генерируется и внедряется в биографически сложившееся пространство мыслимого и выразительного. Такие семейные «простые» риторические дискурсивные высказывания воспринимаются как нечто, что члены семьи в прямом смысле слова знают без вопросов, то есть то, в чем они действительно убеждены и во что могут глубоко верить. С точки зрения доступа к практике такой формат беседы разворачивает свой потенциал в проговаривании специфических релевантных контекстов и в то же время выражает их самих как субъектов.

Интерпретация результатов

Схлопывая несколько промежуточных стадий уплотнения высказываний, полученных в режиме кодирования по системе Б. Глэзера и А. Страусса [Glaser, Strauss, 1967] и относящихся избирательно к практикам отцовства (fathering), мы получили категории на основе различных текстуальностей — маркеров различной переработки повседневности.

Если реконструировать модус повседневного действия отцов в воспитании, то мы обнаруживаем набор действий, охватывающих сферы учебы, спорта, морального развития, наполнения досуга, мотивирования:

Редко вмешивался, если только с математикой.

Просто приходил в мою комнату и объявлял, что нам надо поговорить.

Он помогал в учебе, старался разговаривать на различные темы, объяснял интересные факты.

Периодически ездили на рыбалки, весело время проводили.

На работу меня брал к себе, он увлекался фотографией, на работе у него такая мини-фотолаборатория была.

Любил некие выступления воспитательные. Причем вещать долго велеречиво и совершенно неэффективно. Потому что при первых же словах в голове у меня опускалась некая шторка, и то, что он там говорил, проходило мимо.

Папа всегда пытался баловать меня и делать за меня все, мы часто говорили по душам, он меня постоянно хвалил за мои успехи.

Если реконструировать норму воспитания, то она будет заключаться в широком диапазоне от словесного до физического убеждения, личного примера и отсылки к авторитету:

Минимумом запретов и ограничений.

Не считал зазорным ударить газетой сына.

Показывает свой авторитет и ставит меня на место.

Периодически может прочесть нотацию.

Старался не допускать нотаций в отношениях с детьми.

Старался никогда не наказывать детей по пустякам.

Только личным примером можно.

Никогда не порол и в угол не ставил, убеждал и воспитывал в основном словами.

Папа учил: «сердце всегда должно быть горячим, а ум — холодным».

Отцово воспитание не терпело ни малейших возражений с моей стороны, в противном случае все решалось жесткими методами, присутствовал также самый тщательный контроль.

Если реконструировать оценочные суждения, они отсылают к идее жизненного пути, к которому нужно приготовиться через порядок, авторитет, дистанцию, образование:

Воспитывал меня своим примером.

Он был несколько отстранен.

Как мужчина всегда был для меня авторитетом.

Начал меня учить жизни.

Приучение к порядку папой помогает.

Считал своей обязанностью дать мне хорошее образование.

Если реконструировать режим оправдания как объяснительную модель обыденного знания об отцовстве, то обнаруживаются существенные различия в отцовстве как отсутствующем и участвующем, попустительствующем и авторитарном, эмоционально вовлеченном и холодном, компенсирующем собственные дефициты детства и транслирующем норму:

Позволял делать, что хочешь, но при этом старался спрашивать по способностям.

Отец хотел дать мне то, чего у него не было.

Нужно всегда создавать такую атмосферу в семье, чтобы ребенок понимал, что его любят.

Он всегда и неоспоримо прав, у детей нет своего мнения.

Разъезжал в командировках и часто отсутствовал дома, но я всегда знала, что он принимает участие в моем воспитании и знает о том, что происходит дома, пока его нет. Мама всегда советовалась с ним, рассказывала ему о моем поведении, а он в свою очередь занимался мною все свое свободное время, которое он проводил дома.

Для него мечта детства, чтобы у него дети росли в хороших условиях, в разных комнатах, все были одеты-обуты, чтобы ни в чем не нуждались — чего ему не хватало.

Практики российских отцов весьма дифференцированы, шкала задана, с одной стороны, авторитарным отцом, доминирующим до мелочей в повседневности, а также отсутствующим, но незримо через интерпретацию матери воспитывающим детей; с другой стороны — разнообразные формы участия отцов в школьных, досуговых, образовательных, социально-определяющих планах детей. Отцовство многолико и корреспондирует с приведенной выше типологией отцовства от традиционного кормильца, практически отсутствующего в повседневности детей, до современных и «достаточно хороших» ответственных отцов. Что кажется нам также интересным, так это межпоколенческие сдвиги, позволяющие оценить возможности и условия трансмиссии отцовских моделей в рамках ретроспективной

вертикали одной семьи (респондент / сын — отец — дедушка). Характерная фраза для поколения бабушек-дедушек:

Нас было пять детей в семье, поэтому воспитывали нас очень свободно. Росли сами по себе.

Эффектом тотальной занятости родителей «с утра до позднего вечера» стала обжитая свобода, скорее, воля, вольница, а также социализационная культура сверстников и попустительство в воспитании второго поколения — отцов, вынужденность со стороны родителей давать полную самостоятельность детям (в первую очередь — сыновьям).

Эти же отцы по отношению к своим выросшим детям транслируют понятие свободного воспитания уже как ценности:

Так и тебе в рамках безопасного, на мой взгляд, я позволял делать, что хочешь, но при этом старался спрашивать с тебя по способностям.

То, что было незапланированным результатом воспитания в поколениях дедов и отцов, последними уже воспринималось как ценность, достойная трансмиссии. Но ввиду того, что многодетная семья сменилась моделью малодетной, возник сюжет «по способностям», возможность дать больше, скомпенсировать собственное дефицитарное детство:

Для него мечта детства, чтобы у него дети росли в хороших условиях, в разных комнатах, все были одеты-обуты, чтобы ни в чем не нуждались — чего ему не хватало.

То есть практики «нового отца» по отношению к нынешнему поколению молодежи явно накопились за счет расшатывания традиционной модели предыдущего поколения, массово вовлеченного в социалистическое производство.

Ниже следует подборка отдельных секвенций из интервью, подобранная по мужской линии, то есть с точки зрения мужских паттернов воспитания и социализации, включающая также опыты полной и неполной семьи с отцами-резидентами и нерезидентами.

Первое поколение: поколение дедушек

*Было очень **голодно**. Очень. Можно было краюху черного хлеба за один присест съесть — вот такая была жизнь **тяжелая** у них. Ничего в своей жизни не видели.*

*Отец достаточно **жестко** воспитывал нас с братом. И так как я был старшим, вся ответственность была на мне.*

*Разговор — не нравоучения, именно **разговор** позволял ему донести до нас смысл, иногда мы обсуждали уже свершившееся, анализировали, иногда садились и рассуждали, как бы лучше сделать что-либо.*

Когда мы росли, мы были **предоставлены сами себе**: денег не было, было большое хозяйство. Родители работали, хозяйство было на старших детях. Подоить корову, выпастить коз, накормить куриц и гусей, всем этим мы занимались.

Для меня было главным, чтобы они были **сыты и обувь** была не дырявая.

Помню случай, мать наварила кастрюлю борща: сели за стол, мы всегда вместе ужинали, за общим столом. Так вот, поставила кастрюлю на середину стола, а оттуда на меня так и смотрит наваристый кусок мяса. Я думал, никто не видит, потянулся незаметно за этим куском, а отец меня как **по лбу ложкой** деревянной бам, так ложка и переломилась. Так и воспитывали.

Обо всех наших выходках мать сама сообщала отцу, а **он уже принимал решение** — пороть, наказывать или оставлять все как есть.

Практики отцовства в раннем поколении (дедушки) погружены в контекст труда родителей, занимавшего все их время, материальных трудностей, раннего вовлечения детей в труд и самостоятельность, патриархатной власти отца от условного «разговора», расставлявшего моральные оценки, вплоть до физических наказаний.

Второе поколение: отцовское поколение

Когда мать с отцом развелись, мне было два или три года. То есть **я его вообще не помнил**. В более взрослый период я его видел, но для меня он ничего не представлял, просто некий человек. Как отца я его не мог воспринимать. У меня **примера не было**, и, возможно, это повлияло как-то. Я осознаю, что мало уделял внимания... **я не мог мать просить** что-то покупать, современные игрушки, про поездки и подавно не говорю. Куда-то отдыхать только обеспеченные люди ездили. Все каникулы летом я проводил в деревне.

Я думаю, что **все зависело только от меня**. Не могли же они палкой меня куда-то загнать.

Мне была присуща **самостоятельность**. Уже в десять лет один ездил на другой конец Москвы заниматься спортом, а с 17—18 лет начал зарабатывать.

Обязательное мероприятие летом — сенокос. Помимо этого, внутри дома необходимо было заниматься уборкой помещения, стиркой, готовкой. Для того чтобы **дети были привлечены ко всей хозяйственной работе** и она не казалась рутинной, велась домашние тетради: по каждой работе была какая-то то ли десятибалльная оценка о выполненной работе с учетом веса этой работы. В конце недели итоги подводились, кто стал победителем. Ну, наверное, поощрялось словами.

Никто меня никуда не возил. Сам уехал из деревни в Уфу. Сам там устроился, **сами с усами**, как говорится. Сам пошел на экзамены в нужный день, сам все сдал, поступил.

Папа работал, а мама что-то дома делала.

В университетские годы мне нужно было сдавать очень сложный экзамен по истории, историю я любил и сейчас читаю много, но тогда переживал, рассказал папе, и он в такой иногда шуточной, иногда серьезной форме спрашивал меня или что-то рассказывал. Бывало, за завтраком обсуждали, а бывало — просто садились и **весь вечер могли просидеть**. Экзамен я тогда сдал на отлично.

Родители проводили с нами мало времени. Больше **мы были на улице**, в лагерях. Пионерские лагеря тоже. Постоянно, мы каждое лето ездили.

В среднем отцовском поколении уже более явно прослеживается феномен опривыченной ситуации разводов, связанной с отцами-нерезидентами и лишаящей мальчика примера. Улица как пространство социализации по-прежнему конкурирует с семьей, возникают опыты отчуждения с разведенными отцами, некомпенсированные впоследствии. Наряду с этим и в следующем поколении реализуется практика модернизированного гендерного контракта, когда отец работает, выполняя роль кормильца, а мать, наряду с работой, что-то делает дома, — как это видится растущему ребенку. И во то же время явлены примеры эмпатийного вовлеченного заботливого отцовства, которое подразумевает возможность поделиться переживаниями сына с отцом.

Третье поколение: юноши

Папа **всегда занимался со мной спортом**, учил прыгать, бегать играть в настольный теннис.

В школе учился хорошо, так как родители **уделяли много внимания образованию**, папа все время **проверял уроки**, особенно с первого по пятый класс, а сочинения по литературе проверял вплоть до 11 класса, и историю в МГУ я сдал на пять благодаря папиным рассказам.

В период моего детства мои родители активно занимались наукой, к тому же они разошлись, когда мне исполнилось три года, поэтому моим **воспитанием занималась бабушка**. Она была учителем русского языка и литературы в школе и много мне читала.

Папа периодически может **прочитать нотацию** по тому или иному поводу, когда заметит что-либо из ряда вон выходящее.

Потом от нас ушел папа, и я остался с мамой и бабушкой. После этого все **общение с папой сводилось к несколько раз в году** и поздравлению на праздники.

Папа с самого раннего детства **старался мне привить любовь к спорту**, так как считал, что каждый мужчина должен быть сильным и заниматься спортом.

*У меня всегда были проблемы с математикой, и в шестом и седьмом классе **папа проверял мои домашние работы** и объяснял мне, что было непонятно. **У папы были свои обязанности выполнения работы по дому**, и он их регулярно выполнял, что касается меня, то меня не заставляли, и я не делал никакую работу по дому, сейчас папа об этом жалеет, поскольку считает, что именно поэтому я такой ленивый.*

Проживаемая реальность отцовского влияния на уровне третьего поколения сохраняет те же тренды — отсутствующая фигура отца, дистанцированное отцовство, но также и вовлеченное отцовство, реализуемое через контроль, спорт, проверку школьных уроков, морализацию или нормирование поведения.

Разумеется, склонность давать большую свободу детям зависит от биографического опыта — того, были ли отцы удовлетворены результатом сложно полученной (сверхзанятость родителей, предоставленность детей самим себе, вынужденная самостоятельность) свободы в детстве. В целом по выборке импликации этой свободы в третьем поколении наших респондентов различны — репликация, контраст и разбавление семейной культурой матери. Кстати, многие проблематичные опыты ранней детской социализации отцами оцениваются менее пристрастно, чем матерями, которые склонны эмоционально «упаковывать» свои воспоминания. И, наконец, третье поколение, в отличие от своих родителей, в большинстве своем воспринимавших стиль воспитания как незыблемую часть культуры (лишь алкоголизм, насилие и разводы подлежали негативным оценкам), уже склонно рефлексировать и рационально проектировать будущую модель родительства/отцовства, а не только реагировать и компенсировать неудачи и проблемы воспитания в своей семье. Тем не менее общий вектор изменений в стиле отцовства — возросшее участие в воспитании детей, причем их вовлеченность варьирует от спорадического участия до осознанного и целенаправленного воспитания и социализации. Вопрос признания, вероятно, следует адресовать не столько второй половине — женщине, сколько внешнему социальному контексту, который прямо в интервью не артикулируется, но выступает поддерживающим дискурсивным фоном того, как надлежит сегодня реализовывать свою роль отца.

Заключение

Теоретическая перспектива, предпосланная анализу изменений в феномене отцовства, отсылает к идее А. Хоннета о признании, которая в одной из своих форм — признание в сфере интимных отношений, в любви, партнерстве и семье — способствует социальной интеграции. Этот концептуальный ход — через признание — позволяет рассматривать динамику отцовства в позитивной перспективе. Пожалуй, такой феномен, как отцовство, нуждается в некоей новой идеологии, совершающей разворот от социально-исторически и культурно укорененных форм отсутствующего отца как негативно коннотированного. Но какой ресурс позволил бы осуществить такой разворот? На наш взгляд, интерсекциональный союз вовлеченного отцовства и заботящейся маскулинности представляет платформу, способную обеспечить эти новые перспективы как на уровне идеологии, новых ценностей, так и на уровне практик заботы и участия, понимаемых не только материально. Существенный сдвиг в концептуализации такого союза заключается

в том, что маскулинность вовлеченных отцов больше не рассматривается как культурно необеспеченная, их мужественность уже не оспаривается. Однако новое вовлеченное отцовство в союзе с заботливой маскулинностью имеет существенные символические лимиты: забота все еще ассоциирована с феминностью, ее перехват маскулинной повесткой нуждается в помощи дискурса.

Проведенный теоретико-методологический и эмпирический анализ феномена отцовства подводит к мысли, что отцовство в России как социальный институт связано с контекстом политических и социально-экономических изменений. Эти процессы имеют важные последствия для доминирующего гендерного контракта, то есть для распределения власти между полами в частной и публичной сферах и, в частности, для материнских и отцовских ролей. Основной вектор изменений может быть обозначен как движение к дискурсивному признанию отца в обществе и семье, большему спектру реализуемой заботы внутри семьи.

Советская эмансипация, основанная на понятии работницы и матери, изменила предыдущий традиционный гендерный контракт. Правда, сегодня мы понимаем, что традиционные роли не исчезли, но заняли свое, поддержанное консервативным поворотом, прочное место на фамилистском ландшафте страны. Тем не менее рост занятости женского населения не привел ни к более активному, ни к отчужденному отцовству, как это было в конце XX века на Западе. Скорее, гендерная политика Советского Союза превратила отцовство из основного источника власти в семье, связанного с другими патриархальными структурами (церковью и монархией), в маргинальный социальный институт вне ясной идеологии.

Когда этакратическая, патернализирующая семью гендерная система была разрушена перестройкой, отцовство как постсоветский дискурс стало ареной для конкурирующих идеологий. Идет активный процесс переизобретения отцовства. С одной стороны, в некоторых контекстах отцовство остается маргинальным в государственном дискурсе, с другой стороны, в более широком неотрадиционном дискурсе появились конкурирующие образы идеального отца как надежной опоры и кормильца. Образованный средний класс поддерживает образцы неимперативного участвующего вовлеченного отцовства. Таким образом, в современной России нет доминирующего дискурса отцовства, оно стратифицировано по практикам различных социальных групп, зависит от образовательного и возрастного ценза и сильно ограничено в возможностях вовлечения отцов рынком труда.

На уровне репрезентативных опросов очевиден разрыв между общими представлениями о том, каким надлежит быть современным отцам, и приближенными к уровню отцовских практик установками из повседневности. Микросоциологический анализ нарративов об опыте отцовства показывает явные сдвиги в социальном феномене отцовства в России — наряду с патриархатно-ориентированным отцом в роли классического кормильца и современным частично эгалитарным отцом как продуктом этатистского гендерного порядка появляется и закрепляется в отцовских практиках вовлеченный заботящийся отец. Как нам видится, на вовлечение отцов в российский контексте повлияли как проактивная женская позиция, так и субъективное осознание отцами ценности своего проживаемого отцовского опыта и потребность в пересмотре репрезентации отцовской роли в обществе.

Список литературы (References)

- Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95—104.
Avdeeva A. V. (2012) 'Involved Fatherhood' in Russia Today: Strategies of Participating in Children Care. *Sociological Studies*. No. 11. P. 95—104. (In Russian)
- Отцовство в России сегодня. М.: ИСЭПН РАН, 2016. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2016_otcovstvo_v_rossii_segodnya.pdf (дата обращения: 18.10.2020).
Fatherhood in Russia Today. (2016) Moscow: ISESP RAS. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/monograph/2016_otcovstvo_v_rossii_segodnya.pdf (accessed: 18.10.2020). (In Russ.)
- Рождественская Е. Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75—89.
Rozhdestvenskaya E. Yu. (2010) Fatherhood: A Liberal Trend from "Father" to "Daddy"? *Sociological Journal*. No. 3. P. 75—89. (In Russ.)
- Темкина А. А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4—15.
Temkina A. A., Rotkirch A. (2002) Soviet Gender Contracts and Their Transformation in Modern Russia. *Sociological Studies*. No. 11. P. 4—15. (In Russ.)
- Чернова Ж. В. Отцовство и модели семейной политики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 4. С. 81—86.
Chernova Zh. V. (2011) Fatherhood and Family Policy Models. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 4. P. 81—86. (In Russ.)
- Baumeister R. F., Leary M. R. (1995) The Need to Belong: Desire for Interpersonal Attachments as a Fundamental Human Motivation. *Psychological Bulletin*. Vol. 117. No. 3. P. 497—529.
- Baur N., Luedtke J. (2008) Konstruktionsbereiche von Männlichkeit. Zum Stand der Männerforschung. In: Baur N., Luedtke J. (eds.) *Die soziale Konstruktion von Männlichkeit: hegemoniale und marginalisierte Männlichkeiten in Deutschland*. Opladen: Barbara Budrich. P. 7—30. <https://doi.org/10.2307/j.ctvndv9jf.3>. (In German).
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage.
- Brannen J., Nilsen A. (2006) From Fatherhood to Fathering: Transmission and Change among British Fathers in Four-Generation Families. *Sociology*. Vol. 40. No. 2. P. 335—352. <https://doi.org/10.1177/0038038506062036>.
- Butler J. (2008) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, NY: Routledge.

Butler J. (2014) On Cruelty. *London Review of Books*. Vol. 36. No. 14. P. 31—33.

Cheadle J. E., Amato P. R., King V. (2010) Patterns of Nonresident Father Contact. *Demography*. Vol. 47. No. 1. P. 205—225. <https://doi.org/10.1353/dem.0.0084>.

Coleman J. S. (1988) Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. Vol. 94. P. S95—S120.

Coltrane S. (1996) *Family Man: Fatherhood, Housework, and Gender Equity*. New York, NY: Oxford University Press.

Coltrane S. (1998) *Gender and Families*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.

Coltrane S., Collins R. (2001) *Sociology of Marriage and the Family: Gender, Love, and Property*. Belmont, CA: Wadsworth.

Connell R. W. (1987) *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Coskuner-Balli G., Thompson C. J. (2013) The Status Costs of Subordinate Cultural Capital: At-Home Fathers' Collective Pursuit of Cultural Legitimacy through Capitalizing Consumption Practices. *Journal of Consumer Research*. Vol. 40. No. 1. P. 19—41. <https://doi.org/10.1086/668640>.

de Cremer D., Blader S. L. (2006) Why Do People Care about Procedural Fairness? The Importance of Belongingness in Responding and Attending to Procedures. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 36. No. 2. P. 211—228. <https://doi.org/10.1002/ejsp.290>.

de Graaf N. D., de Graaf P. M., Kraaykamp G. (2000) Parental Cultural Capital and Educational Attainment in The Netherlands: A Refinement of the Cultural Capital Perspective. *Sociology of Education*. Vol. 73. No. 2. P. 92—111. <https://doi.org/10.2307/2673239>.

de Graaf P. M. (1988) Parents' Financial and Cultural Resources, Grades, and Transition to Secondary School in the Federal Republic of Germany. *European Sociological Review*. Vol. 4. No. 3. P. 209—221. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a036485>.

de Graaf P. M., Fokkema T. (2007) Contacts between Divorced and Non-Divorced Parents and Their Adult Children in The Netherlands: An Investment Perspective. *European Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 263—277. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl032>.

Elliott K. (2015) Caring Masculinities: Theorizing an Emerging Concept. *Men and Masculinities*. Vol. 19. No. 3. P. 240—259. <https://doi.org/10.1177/1097184X15576203>.

Elliott K. (2019) Zum Problem von Macht und Dominanz im Konzept Caring Masculinities. In: Scholz S., Heilmann A. (eds.) *Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften*. Munich: OEKOM Verlag. P. 201—212. (In Germ.)

- Eriksen W., Sundet J. M., Tambs K. (2013) Are Stepfathers' Education Levels Associated with the Intelligence of Their Stepsons? A Register-Based Study of Norwegian Half-Brothers. *British Journal of Psychology*. Vol. 104. No. 2. P. 212—224. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8295.2012.02113.x>.
- Erola J., Jalovaara M. (2017) The Replaceable: The Inheritance of Paternal and Maternal Socioeconomic Statuses in Non-Standard Families. *Social Forces*. Vol. 95. No. 3. P. 971—995. <https://doi.org/10.1093/sf/sow089>.
- Featherstone B. (2009) *Contemporary Fathering: Theory, Policy and Practice*. Bristol: Policy Press.
- Gentry J., Harrison R. (2010) Is Advertising a Barrier to Male Movement toward Gender Change? *Marketing Theory*. Vol. 10. No. 1. P. 74—96. <https://doi.org/10.1177/1470593109355246>.
- Gärtner M., Schwerma K., Beier S. (2007) FOCUS. Fostering Caring Masculinities. Documentation of the German Expert Study. Berlin: Dissens e.V. and genderWerk.
- Glaser B., Strauss A. (1967) *The Discovery of Grounded Theory Strategies for Qualitative Research*. Mill Valley, CA: Sociology Press.
- Forgas J. P., Williams K. D. (2002) The Social Self: Introduction and Overview. In: Forgas J. P., Williams K. D. (eds.) *The Social Self: Cognitive, Interpersonal, and Intergroup Perspectives*. New York, NY: Psychology Press. P. 1—20.
- Hanlon N. (2012) *Masculinities, Care and Equality: Identity and Nurture in Men's Lives*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Heilmann A., Korn A., Scholz S. (2019) Vom Wachstum zur Fürsorge? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften. In: Scholz S., Heilmann A. (eds.) *Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften*. Munich: OEKOM Verlag. P. 13—42.
- Henwood K., Procter J. (2003) The 'Good Father': Reading Men's Accounts of Paternal Involvement during the Transition to First-Time Fatherhood. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 42. No. 3. P. 337—355. <https://doi.org/10.1348/014466603322438198>.
- Honneth A. (1992) Integrity and Disrespect: Principles of a Conception of Morality Based on the Theory of Recognition. *Political Theory*. Vol. 20. No. 2. P. 187—201. <https://doi.org/10.1177/0090591792020002001>.
- Honneth A. (1995) *The Fragmented World of the Social: Essays in Social and Political Philosophy*. Albany, NY: SUNY Press.
- Kalmijn M. (2015) Father — Child Relations after Divorce in Four European Countries: Patterns and Determinants. *Comparative Population Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 251—276.
- Lamb M. E., Pleck J. H., Charnov E. L., Levine J. (1985) Paternal behavior in humans. *American Zoologist*. Vol. 25. No. 3. P. 883—894.

LaRossa R. (1997) *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago: University of Chicago Press.

Laufenberg M. (2017) Fürsorge, Männlichkeit und Postwachstum — Ein Kommentar. *Feministische Studien*. Vol. 35. No. 2. P. 359—364. <https://doi.org/10.1515/fs-2017-0038>.

Locock L., Alexander J. (2006) 'Just a Bystander'? Men's Place in the Process of Fetal Screening and Diagnosis. *Social Science & Medicine*. Vol. 62. No. 6. P. 1349—1359. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2005.08.011>.

Mandemakers J.J., Kalmijn M. (2014) Do Mother's and Father's Education Condition the Impact of Parental Divorce on Child Well-Being? *Social Science Research*. Vol. 44. P. 187—199. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2013.12.003>.

Miller T. (2011a) Falling Back into Gender: Men's Narratives and Practices around First Time Fatherhood. *Sociology*. Vol. 45. No. 6. P. 1094—1109. <https://doi.org/10.1177/0038038511419180>.

Miller T. (2011b) *Making Sense of Fatherhood: Gender, Caring and Work*. London: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511778186>.

Meuser M. (2005) Vom Ernährer der Familie zum ‚involvierten‘ Vater? Zur ambivalenten Modernisierung von Männlichkeit. *Figurationen*. Vol. 6. No. 2. P. 91—106. <https://doi.org/10.7788/figurationen.2005.6.2.91>. (In Germ.)

Meuser, M. (2016) Entgrenzungen von Erwerbsarbeit und Familie: Neubestimmung der Position des Mannes in der Familie? In: Lengersdorf D., Meuser M. (eds.) *Männlichkeiten und der Strukturwandel von Erwerbsarbeit in globalisierten Gesellschaften*. Diagnosen und Perspektiven. Weinheim/Basel: Beltz Juventa. P. 159—179.

Parke R. D. (1996) *Fatherhood*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Pleck J. H. (1981) *The Myth of Masculinity*. London: MIT Press.

Pleck J. H. (1987) American Fatherhood: A Historical Perspective. In: Kimmel M. S. (ed.) *Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity*. Newbury Park, CA: Sage. P. 83—97.

Ryan R. M., Kalil A., Ziol-Guest K. M. (2008) Longitudinal Patterns of Nonresident Fathers' Involvement: The Role of Resources and Relations. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 70. No. 4. P. 962—977. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2008.00539.x>.

Russell G. (1986) Primary Caretaking and Role-Sharing Fathers. In: Lamb M. E. (ed.) *The Father's Role: Applied Perspectives*. New York, NY: Wiley. P. 29—57.

Scambor E., Holter O. G., Theunert M. (2018) Caring Masculinities — Men as Actors and Beneficiaries of Gender Equality. In: *Documentation of the 3rd International Conference on Men and Equal Opportunities, Luxemburg-2016*. P. 27—37. URL: <https://vmg-steiermark.at/de/forschung/publikation/caring-masculinities-men-actors-and-beneficiaries-gender-equality> (accessed: 18.10.2020).

Scott M. E., Booth A., King V., Johnson D. R. (2007) Postdivorce Father — Adolescent Closeness. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 69. No. 5. P. 1194—1209. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2007.00441.x>.

Sennett R., Cobb J. (1972) *The Hidden Injuries of Class*. New York, NY: Vintage Books.

Tajfel H., Turner J. C. (1986) The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. In: Worchel S., Austin W. G. (eds.) *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall. P. 7—24.

Tyler T. R., Smith H. J. (1999) Justice, Social Identity, and Group Processes. In: Tyler T. R., Kramer R. M., John O. P. (eds.) *The Psychology of the Social Self*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associate. P. 223—264.

Wall G., Arnold S. (2007) How Involved is Involved Fathering? An Exploration of the Contemporary Culture of Fatherhood. *Gender & Society*. Vol. 21. No. 4. P. 508—527. <https://doi.org/10.1177/0891243207304973>.

Williams S. (2008) What is Fatherhood? Searching for the Reflexive Father. *Sociology*. Vol. 42. No. 3. P. 487—502. <https://doi.org/10.1177/0038038508088837>.

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1646](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1646)

М. А. Голева

КАК МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ОСМЫСЛЯЮТ ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК? ИСТОРИИ О ЗНАКОМСТВЕ И СВАДЬБЕ В ИНТЕРВЬЮ МОЛОДЫХ СУПРУГОВ

Правильная ссылка на статью:

Голева М. А. Как молодые люди осмысляют вступление в брак? Истории о знакомстве и свадьбе в интервью молодых супругов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 186—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1646>.

For citation:

Goleva M. A. (2020) How Young People Perceive Entry Into Marriage: Acquaintance and Wedding Stories from the Interviews with the Newlyweds. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 186—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1646>. (In Russ.)

КАК МОЛОДЫЕ ЛЮДИ ОСМЫСЛЯЮТ ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК? ИСТОРИИ О ЗНАКОМСТВЕ И СВАДЬБЕ В ИНТЕРВЬЮ МОЛОДЫХ СУПРУГОВ

ГОЛЕВА Мария Александровна — младший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: m.goleva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9321-7791>

Аннотация. В исследованиях молодых семей фокус делается на жизни после свадьбы — развитии отношений супругов, прохождении ими через семейные переходы, преодоление критических точек, освоение новых ролей. При этом в значительной части работ сопоставляются люди, не регистрирующие отношения и выбирающие сожительство, и те, кто вступает в брак; последние при этом рассматриваются как гомогенная группа. Однако также есть исследования, посвященные рассмотрению очень узких вопросов, связанных со вступлением в брак: как именно делается предложение, как супруги участвуют в подготовке к свадьбе, какие ценности и образы семьи транслируются в свадебных пожеланиях. В рамках данной работы предполагается рассматривать вступление в брак как процесс, в ходе которого начинается формирование семейных отношений. На основании анализа глубинных интервью с молодыми супругами (48 интервью, 24 пары, состоящие в зарегистрированном браке не более пяти лет) выделяются этапы вступления в брак, показывается множественность интерпретаций молодоженами каждого из них. В заключительной

HOW YOUNG PEOPLE PERCEIVE ENTRY INTO MARRIAGE: ACQUAINTANCE AND WEDDING STORIES FROM THE INTERVIEWS WITH THE NEWLYWEDS

Maria A. GOLEVA¹ — Junior Research Fellow at the “Sociology of Religion” Research Laboratory
E-MAIL: m.goleva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9321-7791>

¹ St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

Abstract. Studies devoted to young families focus on the life after the wedding (how the spouse relationships develop; how the spouses go through family transitions, overcome difficulties, learn new roles, etc.). However most studies make comparisons between the cohabiting couples, i.e. unmarried couples living together, and those who enter into marriage; the latter group is considered homogenous. At the same time, certain studies deal with narrow topics: how the marriage proposal is made, what spouses do to prepare for the wedding, what kind of values and representations they pass down in their wedding wishes. The present paper examines entry into marriage as a process where family relationships start. Based on in-depth interviews with young spouses (48 interviews; 24 couples who have been legally married for less than five years) the author identifies stages of entry into marriage and shows how different the newlyweds' interpretations of each stage are. The paper also proposes several hypotheses about the factors defining the structure of the marriage stories and their specifics.

части работы представлены несколько гипотез о факторах, определяющих структуру брачных историй и их специфику.

Ключевые слова: история знакомства, вступление в брак, супружеские отношения, общение в паре

Благодарность. Исследование «Как создаются и живут молодые семьи в современной России? Сравнение семей мирян и священников» осуществляется в рамках Программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2018—2021 гг.

Keywords: transition to marriage, acquaintance story, spousal relationship, couple communication

Acknowledgments. The article is part of the project “How do young families appear and live in modern Russia? Comparison of secular families and priests' families” supported by PSTGU Development Foundation in 2018-2021.

Введение

Согласно статистическим данным, в России наблюдается достаточно парадоксальная ситуация: для страны характерен высокий уровень как брачности, так и разводимости¹, при этом более 40% разводов происходят в первые пять лет брака², а причина «эгоизм и непонимание между супругами», наравне с материальными трудностями, изменой и ревностью, входит в список ключевых причин разводов³. В то же время в исследованиях разводов скорее рассматривается именно конечный результат — распад брачного союза и его причины (например, конфликты, несовпадение ценностей, пережитые события, опыт развода в семье родителей, совместное проживание с родителями) [Чурилова, Гутина, 2014], но не становление и развитие отношений супругов.

В связи с этим представляется значимым изучение начального периода семейной жизни. Первые годы брака могут влиять на удовлетворенность отношениями в будущем [Sullivan et al., 2010], поскольку на этом этапе происходят такие процессы, как становление отношений между супругами и их родственниками [Amato, Previti, 2003], переход к родительству [Lavner, Bradbury, 2010], а также накопление эмоционального капитала [Walsh et al., 2017], формирование способов повседневного взаимодействия, например досуга [Hickman-Evans et al., 2017] и семейных традиций [Крихтова, 2019]. Коммуникация и взаимодействия являются одним из ключевых аспектов семейных отношений [Fincham, 2004].

¹ Демография: Браки и разводы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 06.10.2020).

² Браки и разводы в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 06.10.2020).

³ Отношение к бракам и разводам: мониторинг // ВЦИОМ. 2019. 8 июля. № 4002. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9793> (дата обращения: 06.10.2020).

В статье предпринимается попытка ответить на вопрос о том, как относительно недавно зарегистрировавшие брачный союз люди⁴ конструируют истории о встрече с будущим(-ей) супругом(-ой), о развитии отношений и свадьбе, осмысляют и сам брак, и свое решение в него вступить. Статья построена следующим образом. Первая часть содержит краткий обзор исследований разных аспектов процесса вступления в брак. Далее приводятся результаты анализа глубинных интервью с молодыми супругами: описываются стадии вступления в брак (решение о заключении брака, предложение, подготовка к свадьбе и сама свадьба), а также значения, которыми молодые супруги наделяют каждый из этих этапов. В завершающей части работы делается ряд предположений о факторах, которые могут обуславливать ту или иную структуру рассказа о процессе вступления в брак.

Теоретическая основа исследования

На базе существующих исследований можно выделить три основных подхода к анализу вступления в брак и начала семейной жизни: (1) исследование поиска партнера на брачном рынке [Беккер, 2003; Рощина, Рошин, 2006], (2) изучение мотивов регистрации отношений [Остапенко, 2014; Гордеева, Зырянова, 2017], (3) рассмотрение жизни супругов после свадьбы [Bengtson, Allen, 2009]. Сама свадьба, если и рассматривается, то скорее в антропологическом ключе — например, как обряд перехода с фокусировкой на культурной, то есть страновой, региональной или религиозной, специфике ритуала [Врублевская, 2013; Гунба, 2014; Fisch, 2001] или как способ освоения городского пространства [Ткач, 2014].

При этом существуют исследования, где рассматриваются достаточно узкие вопросы, связанные со вступлением в брак или свадьбой. Например, как принимается решение о регистрации отношений (предложение) и организуется помолвка [Schweingruber, Anahita, Berns, 2004], как происходит подготовка к свадьбе [Snizek, 2005], как денежные затраты на свадьбу связаны с продолжительностью брака [Francis-Tan, Mialon, 2015], какие установки и образ семьи транслируются социальным окружением молодоженам через свадебные поздравления [Mongilyova, 2015]. Так, Д. Швайнгрубер с соавторами на основании качественного исследования 20 молодых пар приходят к выводу, что процедура предложения и составляющие ее действия (озвучивание вопроса «выйдешь ли за меня замуж?», предъявление помолвочного кольца, вставание на одно колено), во-первых, культурно обусловлены, а во-вторых, перформативны [Schweingruber, Anahita, Berns, 2004]. Под первым подразумеваются традиции, например, то, что предложение обычно делает мужчина. Под вторым понимается, что предложение и помолвка — в некотором смысле спектакль, причем как для невесты, так и для друзей и родителей будущих супругов, которым жених с невестой могут рассказать историю предложения и предъявить доказательство помолвки — кольцо с бриллиантом [ibidem].

⁴ В условиях общества постмодерна брак может быть рассмотрен как устаревший социальный институт в силу преобладания у людей стремления к индивидуализму и сокращению неопределенности. В то же время некоторые исследователи утверждают, что потребность в «другом», в близких и доверительных отношениях остается актуальной [Митякина, 2014]. Существуют альтернативные формы совместного проживания: сожительство, гостевой брак, шпигатный брак [Артамонова, Митрофанова, 2016; Чернова, Шпаковская, 2010]. В рамках данной статьи рассматриваются пары, которые, несмотря на наличие альтернатив, вступили в зарегистрированный союз.

Т. Снежек рассматривает подготовку к свадьбе и участие в этом действии жениха и невесты в качестве первого (или одного из первых) больших совместных проектов, в который оказывается вовлечена пара [Snieszek, 2005]. С точки зрения Т. Снежек, способ распределения задач между женихом и невестой может быть предиктором дальнейшего разделения домашних обязанностей в семье. Ссылаясь на работу П. Бергера и Х. Келлнера, указывавших, что брак является инструментом построения номоса, так как супруги образуют свою семью, а не встраиваются в существующую расширенную, и постоянно подтверждают созданную с нуля реальность через разговор (conversation), обмениваясь таким образом своими пониманиями реальности и способствуя переопределению позиций друг друга [Berger, Kellner, 1964], Т. Снежек предполагает, что построение номоса пары начинается также и с действий, в том числе на этапе подготовки свадьбы [Snieszek, 2005]. Согласно исследователю, на этапе обсуждения свадебной церемонии организационные задачи описываются как совместные, а их распределение декларируется как равное. Однако на практике оказывается, что невесты выполняют больше действий и задач, чем женихи, то есть наблюдается неравное разделение труда, аналогичное описываемому в исследованиях мужских и женских обязанностей и времени в семье [Барсукова, Радаев, 2000; Брайсон, 2011]. Т. Снежек описывает ряд стратегий по номинальному выравниванию мужской и женской вовлеченности в подготовку к свадьбе. Например, женщина может выполнять больше подготовительной работы (leg work) — сбор информации, просмотр предварительных вариантов и т. д., однако финальное решение будет приниматься парой совместно, например, они вместе поедут смотреть выбранную невестой типографию для печати приглашений [Snieszek, 2005: 224—225].

С учетом вышесказанного представляется, что вступление в брак может быть рассмотрено как процесс начала семейной жизни, состоящий из нескольких взаимосвязанных этапов, рассказ о которых конструируется молодыми супругами специфическим образом.

Источники эмпирических данных

Эмпирическую базу исследования составили глубинные интервью с обоими супругами, проживающими в Москве и Московской области и состоящими в зарегистрированном браке не более пяти лет⁵. Выбор в качестве объекта именно молодых супругов обусловлен тем, что их опыт регистрации отношений является достаточно недавним; в то же время у них уже была возможность осмыслить случившиеся события. С каждым из супругов интервью проводились отдельно. Такое методическое решение связано, во-первых, со стремлением привлечь к участию в исследовании не только женщин, но и мужчин, поскольку в существующих работах по теме указывается на различие мужского и женского взгляда на семейную жизнь [Малкова, Рощина, 2010]⁶. Во-вторых, мы хотели получить независимые

⁵ В рамках данной работы при определении семьи как «молодой» основным признаком выступает стаж в зарегистрированном браке (= не более 5 лет), а не возраст супругов.

⁶ Существуют статьи, в которых анализируется вопрос о влиянии (неучастия второго партнера на ответы респондента в исследовании романтических отношений [Barton et al., 2020].

друг от друга нарративы каждого из супругов⁷. Несмотря на то, что с обоими супругами в каждой паре интервью проводил один и тот же интервьюер, использовался универсальный гайд, не подразумевавший отсылку к сведениям, полученным от того из супругов, с кем интервью было проведено первым⁸.

В исследовании приняли участие 24 пары: в период с марта 2019 г. по февраль 2020 г. сотрудниками научной лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) собрано 48 интервью с молодыми супругами. Информанты различались по возрасту (от 19 до 38 лет), длительности брака (от нескольких месяцев до четырех лет), количеству детей (без детей, ожидающие рождение ребенка, с одним или двумя детьми), степени религиозности (религиозные, в том числе священнослужители, и нерелигиозные), числу братьев и сестер, признакам родительской семьи информантов (полная или неполная семья), опыту смены места жительства. Для двух информантов текущий брак был вторым; некоторые пары решили зарегистрировать отношения после периода сожительства.

Гайд интервью состоял из двух вводных блоков вопросов (биографические и вопросы о семье родителей информанта) и основного блока вопросов о собственной семье информанта. В основном блоке затрагивались такие аспекты, как встреча и знакомство супругов, развитие их отношений, решение о заключении брака, подготовка к свадьбе, текущая жизнь — баланс семьи и работы, распределение обязанностей, отношения супругов и их социальные связи, вопросы о родительстве (при наличии детей) или репродуктивных намерениях.

При поиске информантов была применена стратегия «снежного кома» с несколькими точками входа в поле: рекрут реализован через социальные сети интервьюеров, к участию в проекте привлечены «слабые связи» — люди из второго и третьего кругов общения, с которыми интервьюеры не были знакомы до проведения интервью. За счет того, что интервьюеры (шесть человек) различались по полу, возрасту, семейному положению, степени религиозности, месту рождения, их социальные связи также варьировались. Это позволило привлечь к участию в исследовании информантов, различающихся по описанным выше характеристикам.

Следует подчеркнуть, что, в силу специфики глубинного интервью как метода сбора данных, в рамках данной работы рассматриваются не столько практики добрачного этапа отношений, сколько нарративы об относительно недавно пережитых информантами событиях, составляемые участниками исследования в присутствии интервьюера^{9,10}.

⁷ Выявление сходств и различий с фактологической точки зрения в интервью супругов из одной семьи не являлось задачей исследования. Представлялось, что участие обоих супругов в исследовании позволит получить более полное представление об их начальном этапе семейной жизни.

⁸ В некоторых случаях информанты после завершения обоих интервью просили интервьюера прокомментировать ситуацию в их паре, например, рассказать, совпали или не совпали их ответы. Однако интервьюеры не давали подобных оценок, ссылаясь на информированное согласие, гарантирующее сохранение конфиденциальности сообщаемых сведений, которое подписывали оба супруга перед участием в интервью.

⁹ Благодарю анонимного рецензента за данный комментарий.

¹⁰ Профессор СПбГУ В. Ильин подробно рассматривал вопрос о содержании ролей «интервьюер» и «информант» и специфике их исполнения [Ильин, 2005].

Результаты исследования

На основании интервью с молодыми супругами были выделены следующие этапы заключения брака: знакомство и начало романтических отношений, решение о заключении брака, свадьба. При анализе данных фокус делался не на различиях фактических характеристик жизненных траекторий пар, а на дифференциации в их способах конструирования историй о знакомстве и развитии отношений. Далее каждый из этапов будет рассмотрен подробнее.

Знакомство и начало романтических отношений

Несмотря на то что этап знакомства и начала романтических отношений длился у пар, участвовавших в исследовании, от нескольких месяцев до нескольких лет, можно выделить два типа описаний историй знакомства. В рассказах первого типа знакомство описывается как «любимая всеми история», причем рассказ ведется в приключенческом жанре: с воодушевлением, большим количеством деталей, акцентами на эмоциональном состоянии как самого информанта, так и его будущего(ей) супруга(и). В таких историях подчеркивается элемент случайности, спонтанности или самой первой встречи, или перехода от нейтрального знакомства, дружеского общения в романтические отношения.

Интервьюер: Расскажи тогда о моменте вашего знакомства. Как вы познакомились, как начали общаться?

*Респондент: Это **любимая всеми история, я люблю ее рассказывать**. Предыстория такова, что я в 2010 году в мае вернулся в Москву. <...> И звонит мне подруга одна, одногруппница Настя¹¹ [жены информанта], говорит: «Слушай, привет, мы решили собраться. Наши одногруппники, шашлык. Но одногруппники слились, шашлыка много, может, хочешь присоединиться? Докинешь денег, и все нормально покушаем, приготовим». Я хотел отказаться, а потом начинаю включать мозг, что холодильник пустой, кушать хочется. И я сказал, что поеду. Приехал, и там я познакомился Настей. А начали мы общаться потому, что я сказал ей, что хочу ее пофотографировать. Я тогда увлекался фотографией. Без задней мысли. Мне это просто интересно. Она отказалась. Я подумал, что со мной что-то не так: «Почему?». Она: «Я в принципе одна не фотографируюсь». Вот так и все. Я решил, что нужно, наверное, ее переубедить как-то. Пригласил ее куда-то. Раз мы выбрались, два выбрались. И просто так сложилось, что про фотосессию все забыли, и просто мы начали встречаться. (М., 27 лет, 3,5 года в браке, 1 ребенок)*

В цитате ниже женщина подчеркивает нетипичность своих действий в момент знакомства с будущим мужем:

И они [друзья] тоже вышли, мы там чего-то болтаем, я свою подругу с ними знакомлю, там, типа, это Слава, это, там, то, это то, это вот Лиза, всем очень приятно познакомиться. И Саша как раз вышел в этот момент тоже на улицу, ну, он у меня курит, и он выбрасывает сигаретку, такой, аккуратненько нагибается поближе ко мне и говорит:

¹¹ Здесь и далее имена изменены. В цитатах из транскриптов интервью в скобках выделены примечания автора.

«А я — Саша». Я такая: а, парень, все, ты попал. И говорю: «А я — Катя». А я обычно, когда со мной знакомилась в караоке, ну, и вообще везде, где-либо, **никогда свое имя не называла, номер тоже неправильный называла, потому что я не верю в эти знакомства в таких заведениях**, потому что, мне кажется, на пьяную голову все думают только об одном, а не о том, чтобы семью создать [смеется], ну, или просто даже повстречаться. И я думаю: «Ну, ладно, скажу ему свое имя». Он мне так понравился просто, видимо. (Ж., 24 года, 1 год в браке, 1 ребенок)

Истории отношений второго типа представляют собой более сдержанное описание, в котором указывается на обыденность встречи/способа знакомства, или на закономерность развития отношений, например вследствие их длительности. В таких рассказах знакомство не превращается в яркую «любимую историю», а представляется или как данность, исторический факт, или как стандартный, типичный способ начала отношений¹². В следующем далее фрагменте из интервью мужчина описывает знакомство с будущей женой как результат целенаправленного поиска, а развитие их отношений, с его точки зрения, является «банальным».

И.: Расскажи о своей жене, как вы познакомились?

Р.: Мы познакомились в интернете четыре года назад в группе чудесной N [одно из православных сообществ в социальной сети «ВКонтакте»].

И.: Вы там случайно как-то в комментариях пересеклись или?

Р.: Нет, я целенаправленно искал себе девушку. Ну, я... был момент, я болел, было грустно, одиноко, час ночи, синее звездное небо. Все это повлияло на меня, и я листал, нашел, добавил в друзья, мы начали общаться. Потом встретились. <...>

И.: Так, и что дальше было после знакомства?

Р.: Да добавились в друзья, начали общаться, где-то два года переписывались, встречались. Ну, достаточно все **банально, без каких-то экстраординарностей**. (М., 21 год, 1 год в браке, детей нет)

Изменение режима общения с дружбы или нейтрального знакомства на романтический может происходить постепенно («так получилось», «ну, как-то, вроде, начали общаться и занесло» (ж., 19 лет, 1 год в браке, детей нет)) или же быть четко обозначено, проговорено, зафиксировано в качестве памятной для супругов даты.

И вот на одних из съемок в какой-то момент **так получилось**, что он пригласил меня погулять после съемок, и **я даже не помню, в какой там момент, когда мы перешли на близкий уровень общения**. После работы мы поняли, что надо как-то встречаться, он на второе свидание позвал. Вроде знали друг друга, но вот такой **момент перехода более спонтанно настал**. (Ж., 29 лет, 4 года в браке, детей нет)

¹² Сама история отношений традиционно относится к сфере личного, приватного. В силу этого подход информантов к рассказу истории может отличаться не только в силу социально-демографических характеристик участников исследования, но и быть результатом различий их представлений о границе личного и публичного. Так, в одном из интервью мужчина указывает, что ему странно рассказывать о «семейных перипетиях» как своим родителям, так и интервьюеру, постороннему человеку. Однако рассмотреть данный вопрос подробнее на имеющихся данных не представляется возможным.

Потом я приехала, тоже **общались**, и в один день он меня **позвал гулять вдвоем**, 27 мая. Даже **празднуем** теперь **эту дату**. В течение месяца общались в сети: так, как дела. Но общаться до той встречи — нет. Начали общаться, у меня было ощущение странное, что я не хочу уходить. (Ж., 25 лет, 2 года в браке, 1 ребенок)

При этом информанты подчеркивают, что в какой-то момент «пришло время»: нужно было или завершать отношения, или переходить к следующему этапу, вступать в брак «для того, чтобы любовь развивалась, чтобы это не оставалось на уровне влюбленности, потому что брак дает почву для развития отношений» (м., 29 лет, 2 года в браке, 1 ребенок).

Решение о заключении брака

Способы рассказа о принятии решения о заключении брака, о предложении и помолвке отличаются от рассказов о знакомстве вариативностью в приписываемых данным событиям смыслах. Можно выделить два смысловых полюса описаний. Первый — предложение как «серьезный этап», второй — функциональное описание решения.

Предложение, описываемое как «серьезный этап», обозначает «значительные отношения», отношения для создания семьи, новый этап развития романтических отношений, положительно оцениваемых информантами, уверенность друг в друге и в отношениях, ответственность за их развитие, юридическую ответственность.

И.: Как кажется, важно ли заключать брак?

Р.: Для меня важно.

И.: Почему?

Р.: Мне нравится, как... Я не могла это понять: некоторые вещи, пока другой не озвучит, не понимаешь. Кто-то сказал, Честертон, что ли, что у поэтов большая власть, они выражают то, что чувствуют другие, но выразить не могут. Так вот, сказал однажды отец Савва: «**Значительное должно быть означено**». Мне это очень запало: мне кажется, что это **означение значительного**. Венчание, в меньшей мере для меня роспись, но и она тоже, обозначает что-то значительное, это **не просто отношения, а значительные отношения на всю жизнь, которые для семьи**.

И.: Для семьи?

Р.: **Не просто отношения. Чтобы выражать свою любовь**, еще что-то. Для того, **чтобы создать семью**. (Ж., 28 лет, 2 года в браке, 1 ребенок)

И.: Почему вы решили пожениться?

Р.: Честно сказать, установка в голове сработала или вопросы со стороны мамы тоже, мол, «когда вы там?» И мы, вроде, встречаемся, и все хорошо, разные моменты были в первые годы отношений. Но если мы **уверены в своих отношениях**, то почему бы не зарегистрировать? Уже все вопросы, почему вы не муж и жена, они отвалятся от нас. И, конечно, **осознанный момент важен, хотелось поставить новое начало чего-то**. Одно дело, когда ты встречаешься, а другое — когда, вроде, **переходишь на другой уровень**. (Ж., 29 лет, 4 года в браке, детей нет)

Желание совместного будущего могло быть проговорено парой ранее абстрактно, однако в момент предложения намерения четко артикулировались. Само решение о предложении планировалось женихами как особое событие, происходившее в необычном месте (в поездке, в ресторане) и/или сопровождавшееся подготовкой особой атрибутики (букет, кольцо для невесты). В нарративах интервью описывается «традиционная» модель решения о свадьбе: исходное решение о браке принималось будущим мужем, а невеста с ним соглашалась.

И.: А как вы решили пожениться?

Р.: Я решил, что пора бы уже ей сделать предложение. Мы в то время были в Англии, я поехал в летнюю школу, а ее взял с собой как спутницу. И там я сделал ей предложение. Мы забрались на средневековую башню, там экскурсия была хорошая, в центре города там стоит такая башня с колоколом. Мы туда залезли, я сделал ей предложение. Потому что я подумал, что **пора бы жениться, мы хорошо уживаемся, мне очень с ней нравилось, и до сих пор нравится общаться, у нас с ней было взаимопонимание**. Я понял, что она мне очень близка как человек, с ней можно говорить открыто, я понял, что мне человек очень близок, и я решил ей предложить пожениться. Она согласилась, и мы решили пожениться. (М., 32 года, 1 год в браке, 1 ребенок)

Однако в ряде случаев положительное решение было принято будущей женой заранее, а не в момент предложения. Подобный эпизод описывается в цитате ниже:

И.: То есть вы в эти два месяца встречались, куда-то ездили, время проводили. А дальше как было? Предложение? Ты ожидала или нет?

Р.: Планировала, но...

И.: Планировала замуж выйти?

Р.: Ну да, так быстро. То есть **было понятно, что окончательный выбор был**.

И.: Как ты это поняла?

Р.: Не знаю, он мне всегда казался **окончательным**. Ну, как, на лавочке в парке. Мне прочитали длинную лекцию, я не понимала, куда он клонит, а потом уже поняла, шок. Мы шли такие по парку, он молчал, обычно говорит, а тут молчал. Потом дошли до лавочки, и он начал речь гигантскую. Невозможно было отказать. (Ж., 27 лет, в браке менее года, детей нет)

К противоположному смысловому полюсу можно отнести функциональное описание решения о браке. Рассказы такого типа не романтизируются, а само решение о заключении брака объясняется рациональными доводами, например, «узаконить отношения», «ему надо было священником становиться». Ниже приведены ответы трех участниц исследования на вопрос «как и почему вы решили пожениться?», в которых решение о свадьбе обуславливается не только эмоциональным порывом и оценкой качества взаимоотношений, но и через апеллирование к внешним формальным аргументам.

Ну... Скорее, **чтобы родители были спокойны**: как бы с той и с этой стороны консерваторы, поэтому... Как бы, **чтобы куда-то поехать**. Какой-то промежуток жили на севере,

мои **родители вряд ли бы меня отпустили**. Ну и в принципе. Ничего в этом не видели. Просто так. Просто, наверное, для того, чтобы уже **узаконить свои отношения**. (Ж., 25 лет, 1,5 года в браке, детей нет)

Потому что мы уже поняли, что будем всю жизнь вместе, и чего ждать? Мне надо было на работу идти, ему священником становиться. Ну, мы уже поняли, что будем вместе, и все. (Ж., 27 лет, 4 года в браке, 2 ребенка)

Вообще, сейчас у меня **официальные права на Вову**. То есть, если что, у меня есть **официальный муж**, не гражданский там никакой, **все в документах записано**. Если вдруг что, какие-то вопросы, проблемы, я могу обратиться к мужу. То есть не просто пожили вместе, он ушел, непонятно что, а тут все-таки как-то. (Ж., 19 лет, 1 год в браке, детей нет)

Условным промежуточным вариантом между обозначенными выше полюсами может быть названа группа ситуаций, когда решение о вступлении в брак было принято супругами совместно, «неофициально», «спокойно», и не подкреплялось внешними символами (кольцами, цветами, особой историей), специальными встречами с родителями и другими близкими родственниками.

И.: А как вообще решили пожениться? С кем-то, может, советовались?

Р.: Нет, как-то мы не советовались, и даже как вот в фильмах показывают, такое официальное предложение — его как-то не было. Мы **просто переписывались и как-то поняли, что надо пожениться**. [Смеется]. Очень спокойно и как-то **нет какой-то особой истории**. (Ж., 23 года, 2 года в браке, 1 ребенок)

Некоторые пары различали предложение и помолвку. В последнем случае предложение становилось публичным, поскольку совершалось в присутствии родителей невесты, чему мог предшествовать разговор жениха с отцом его будущей жены. Альтернативным вариантом надения события публичностью было принятие решения о браке будущими супругами приватно, наедине, с последующим доведением его до родителей и организацией для них встречи-знакомства.

Свадьба

Следующий этап на пути к браку — подготовка к свадьбе и сама церемония. Вариативность подходов к прохождению этих стадий возрастает. Подготовка к свадьбе может быть как «общим делом», в которое вовлекаются не только будущие супруги, но и их родственники и друзья, так и «нашей свадьбой», когда жених с невестой самостоятельно занимаются подготовкой мероприятия и берут на себя финансовые расходы.

Для воцерковленных информантов значимым событием в большей степени является не регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния, а венчание — именно церковное таинство воспринимается как «свадьба» и наделяется предельными смыслами.

И.: Если возвращаться к теме свадьбы, обсуждалось ли венчание или оно было само собой разумеющимся?

Р.: Оно обсуждалось, хоть и было само собой разумеющимся. То есть понятно, что оно будет, но обсуждалось, как, где, кто будет венчать. Всё обсуждали. Когда — потому что в зависимости от того, когда роспись. Как-то у нас так получилось, что роспись за месяц была, и все это время мы готовились к венчанию, не жили вместе. Потом венчание, и с того дня вместе.

И.: А сколько людей было **на свадьбе**?

Р.: **На венчании** [имеется в виду застолье после церковной службы] 120 где-то, это если за столом брать, на венчании [имеется в виду таинство], наверное, чуть побольше. Ну, это с детьми. (Ж., 28 лет, 2 года в браке, 1 ребенок)

Альтернативное понимание свадьбы — свадьба как «просто вечеринка». При таком подходе свадьба не воспринимается как маркер серьезности отношений — значимым был выбор траектории совместного будущего, сделанный супругами при предложении, подкрепляемый и демонстрируемый публично при «собрании близких людей».

Р.: Я не воспринимаю свадьбу как какой-то этап. Я, скорее, воспринимаю серьезным этапом предложение.

И.: Почему ты это по-разному воспринимаешь?

Р.: Ну, потому что решение было запланировано, принято тогда, с того момента мы заключили определенный негласный договор, а не с того момента, как мы вечеринку устроили. Ну, это в моем понимании. Свадьба — это формальное мероприятие, оно прекрасное и очень хорошее, но решение-то было принято. <...>

И.: Ты называешь свадьбу вечеринкой. Что ты под этим имеешь в виду?

Р.: Немножко небрежное название свадьбы. Чтобы снизить ее в целом. Ну, это такое собрание близких людей. Для меня важно было в целом увидеть их вместе. Родственников, друзей. Не все приехали, но те, кто приехали. (М., 31 год, 7 месяцев в браке, детей нет)

Свадьба может быть как «для нас», камерным событием «чисто для двоих», так и «для людей» — с приглашением нескольких десятков гостей. При этом понимание «самых близких людей» среди информантов различается: для одних в близкий круг входят 15 человек, для других — 40—50, а для кого-то и 100—160. Рассуждая о свадьбе, информанты указывают, что она может быть стандартной, формальной, грандиозной, традиционной, современной, с фантазией, скоромной. При этом нельзя сказать, что доминирует какое-то одно определение свадьбы: речь скорее идет о стереотипных образах свадьбы, описывая которые, люди аргументируют собственный выбор. Принимая решение, праздновать ли свадьбу, и если да, то как именно, информанты ориентируются не только на свои предпочтения и пожелания, но и на финансовый и территориальный аспекты (последний — в случае, если родственники мужа или жены проживают в разных городах). Тем не менее, вне зависимости от количества гостей и размера финансовых затрат, информанты подчеркивают, что свадьба — это хорошее, радостное событие.

Мне **хотелось**, чтобы просто был **большой праздник**. Ну, вот он был большой. (М., 29 лет, 2 года в браке, 1 ребенок)

И.: Свадьба у вас была или не было?

Р.: Свадьба была, мы же расписались. (М., 30 лет, 4 года в браке, детей нет)

И.: Наверное, до свадьбы вы обсуждали, планировали как-то: вот мы поженимся, как это будет?

Р.: Наверное, нет. То есть мы много разговаривали: наверное, мы поженимся, но так, наверное, нет. Так потом спонтанно. Как-то думали **просто расписаться** или **с фантазией расписаться**, но больше ничего. (Ж., 27 лет, 3,5 года в браке, 1 ребенок)

При подготовке к свадьбе могут возникать конфликтные ситуации — как между женихом и невестой (описывались случаи, когда жених считал, что его будущая супруга оттягивает начало подготовки к празднованию свадьбы, или взгляды жениха и невесты не сразу сошлись по вопросу о том, кого именно следует пригласить на свадьбу), так и с родственниками, например, если последние не были согласны или с выбранным молодыми способом празднования, или с их подходом к организации мероприятия.

Заключение

Проведенный анализ данных позволил выявить этапы процесса вступления в брак¹³, а также обозначить множество смыслов, приписываемых каждому из них. Рассказы об этапах могут быть представлены как перечень идеальнотипических значений. Знакомство представляется как «любимая всеми история» и как данность, факт. Решение о регистрации брака — это и «серьезный этап», и функциональный, рациональный выбор. Описание самой свадьбы можно разделить на несколько дихотомий: «общее дело — наша свадьба», «тайнство — вечеринка», «мероприятие для гостей — событие для двоих». Однако обозначенные различия в понимании этапов вступления в брак не позволяют однозначно классифицировать пары. Так, романтизация и «мифологизация» истории знакомства не означает, что и последующие шаги при заключении брака описываются информантами в аналогичной приключенческой стилистике; а из приведения в качестве аргументов решения о регистрации союза внешних формальных факторов не следовал чисто рационально-экономический подход к созданию семьи: супруги, следовавшие данной логике, говорили также и об эмоциональной составляющей их отношений, о сильных взаимных чувствах.

Имеющиеся описания процесса регистрации отношений позволяют выдвинуть ряд предположений о факторах, обуславливающих структуру рассказа о вступлении в брак и специфику данного процесса.

Во-первых, можно предположить, что эмоциональность рассказа о знакомстве и свадьбе варьируется в зависимости от длительности временного интервала между началом отношений и последующими значимыми событиями в жизни су-

¹³ Наравне с выявленными этапами в качестве составляющих брачной истории могут быть отдельно рассмотрены совместное проживание партнеров, сексуальные отношения, рождение ребенка [Чернова, Шпаковская, 2020: 22].

прыгов (например, рождение детей, болезни близких родственников, переезды, крупные покупки, в том числе ипотека). В то же время знакомство или свадьба супругов может мифологизироваться, становиться ежегодно отмечаемой частью семейной истории.

Во-вторых, указанные различия в подходах к празднованию свадьбы, в особенности континуум «свадьба для гостей — свадьба для нас», могут маркировать структуры и силы социальных связей молодой семьи, которые, в свою очередь, во многом детерминируются признаками родительской семьи (в частности, (не) разводом родителей; интенсивностью связей между родителями информантов и их бабушками и дедушками), опытом смены места жительства и поводом для переезда.

В-третьих, имеющиеся описания проявляют неоднородность группы «молодые супруги», у представителей которой расходятся жизненные установки и приоритеты. Одни рассматривают построение карьеры как основной способ самореализации, в то время как другие отдают приоритет семье; одни планировали иметь семью изначально, другие сделали выбор между несколькими жизненными траекториями (так, в одном из интервью мужчина выбирал между жизнью монаха и созданием семьи).

В-четвертых, остается открытым вопрос о том, как происходит переход от одной стадии процесса вступления в брак к другой. Имеющиеся данные позволяют предположить, что происходит изменение режима, интенсивности и качества общения супругов. Слово «общение» в разных словосочетаниях («только общались», «просто общались», «стали быстро общаться») и его аналоги («обсуждение», «отношения») встречаются при описании каждого из этапов вступления в брак. При этом и «общение», и «отношения» в рамках социологических теорий рассматриваются как теоретические концепты, поэтому однозначно утверждать, что именно они являются смысловыми категориями, маркирующими переходы к браку, в рамках данной статьи не представляется возможным. Данное и перечисленные выше предположения могут быть проверены в дальнейших исследованиях.

Список литературы (References)

Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 126—145. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.04>.

Artamonova A. V., Mitrofanova E. S. (2016) Cohabitation in Russia: “Trial” Union or an Independent Social Institution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 126—145. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.04>. (In Russian).

Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере: принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. 2000. Т. 9. № 4. С. 65—102.

Barsukova S. Yu., Radaev V. V. (2000) The Legend of Gender: Principles of Labor Distribution between Spouses in Modern Urban Family. *Universe of Russia*. Vol. 9. No. 4. P. 65—102. (In Russ.)

Беккер Г. Эволюция семьи. Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход. Перевод с английского. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2003.

Becker G. (2003) *Evolution of the Family. Selected Works on Economic Theory. Human Behavior. Economical Approach.* Moscow: State University — Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. Киев: Центр учебной литературы, 2011.

Bryson V. (2011) *Gender and the Politics of Time: Feminist Theory and Contemporary Debates.* Kiev: Tsentr uchebnoy literatury. (In Russ.)

Врублевская П. В. Порядок смысловой системы православия через изучение ритуала венчания // Социология власти. 2013. № 1—2. С. 99—110.

Vrublevskaya P.V. (2013) Study on Church Wedding Ritual: Observing the Order of Orthodox Christian Semantic System. *Sociology of Power.* No. 1—2. P. 99—110. (In Russ.)

Гордеева С. С., Зырянова А. Н. Стратегии брачного поведения трех поколений горожан (на примере г. Пермь) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 284—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.14>.

Gordeyeva S. S., Zyryanova A. N. (2017) Strategies of Marital Behavior of Three Generations of Citizens (Based on a Perm Case Study). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 6. P. 284—294. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.14>. (In Russ.)

Гунба Э. З. Семантика обряда «перехода» в абхазской свадьбе // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 4. С. 116—118.

Gunba E. Z. (2014) Semantics of the Rite of “Transition” in the Abkhazian Wedding. *Cultural Studies of Russian South.* No. 4. P. 116—118. (In Russ.)

Ильин В. И. Драматургия качественного исследования: ситуация глубокого интервью // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 4. С. 166—187.

Ilyin V. I. (2005) The Drama of Qualitative Research: The In-Depth Interview Situation. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* No. 4. P. 166—187. (In Russ.)

Крихтова Т. Социология семьи и детства в работах Джеймса Боссарда // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 3. С. 84—98. <http://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6677>.

Krihtova T. (2019) Sociology of Family and Childhood in the Work of James Bossard. *Sociological Journal.* Vol. 25. No. 3. P. 84—98. <http://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6677>. (In Russ.)

Малкова М. А., Рощина Я. М. Домашний труд в современной российской семье: типологический анализ. Препринт № WP15/2010/02. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2010. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/a4b80poixz/direct/75484947.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).

Malkova M. A., Roshchina Ya. M. (2010) Domestic Labor in the Modern Russian Family: A Typological Analysis. Working Paper No. WP15/2010/02. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/a4b80poixz/direct/75484947.pdf> (accessed: 06.10.2020). (In Russ.)

Митякина М. Г. Представление о семье в рамках постмодернистского общества: структурно-функциональный сдвиг // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 65—72.
Mityakina M. G. (2014) Post-Modern Vision of a Family: Structural and Functional Shift. *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Philosophy*. No. 2. P. 65—72. (In Russ.)

Остапенко К. М. Сожительство в поздних возрастах: мотивация перехода в официальный брак // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5. С. 185—199. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.5.12>.
Ostapenko K. M. (2014) Cohabitation at Later Stages of Life: Motivation for Transition to Official Marriage. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 185—199. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.5.12>. (In Russ.)

Рощина Я. М., Рошин С. Ю. Брачный рынок в России: выбор партнера и факторы успеха. Препринт № WP4/2006/04. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2006. URL: https://www.hse.ru/data/488/349/1234/WP4_2006_04.pdf (дата обращения: 06.10.2020).

Roshchina Ya. M., Roshchin S. Yu. (2006) Marriage Market in Russia: Mate Selection and Success Factors. Working Paper No. WP4/2006/04. Moscow: State University — Higher School of Economics Publishing House, 2006. URL: https://www.hse.ru/data/488/349/1234/WP4_2006_04.pdf (accessed: 06.10.2020). (In Russ.)

Ткач О. А. Свадьба в большом городе: на прогулке // Микроурбанизм. Город в деталях / под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 170—209.

Tkach O. A. (2014) Wedding in a Big City: On a Walk. In: Brednikova O., Zaporozhets O. (eds.) *Microurbanism. City in Details*. Moscow: New Literary Observer. P. 170—209. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2010. № 3. С. 19—43.

Chernova Z. V. Shpakovskaya L. L. (2010) Young Adults: Marriage, Partnership, and Parenthood. Discursive Prescriptions and Practices in Contemporary Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 3. P. 19—43. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Семья и родительство // *Социодиггер*. 2020. Т. 1. № 2. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/наука/podborka/wciom_sociodigger_092020.pdf (дата обращения: 06.10.2020).

Chernova Zh. V. Shpakovskaya L. L. (2020) Family and Parenthood. *SocioDigger*. Vol. 1. No. 2. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/наука/podborka/wciom_sociodigger_092020.pdf (accessed: 06.10.2020). (In Russ.)

- Чурилова Е. В., Гутина Д. Д. Развод родителей: причины, влияние на ребенка и на взаимоотношения родителей и детей. Теоретический обзор // Демоскоп Weekly. 2014. № 615—616. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/analit03.php> (дата обращения: 06.10.2020).
- Churilova E. V., Gutina D. D. (2014) Parents' Divorce: Reasons, Impact on the Child and on the Relations between Parents and Children. Theoretical Review. *Demoscope Weekly*. No. 615—616. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/analit03.php> (accessed: 06.10.2020). (In Russ.)
- Amato P. R., Previti D. (2003) People's Reasons for Divorcing: Gender, Social Class, the Life Course, and Adjustment. *Journal of Family Issues*. Vol. 24. No. 5. P. 602—626. <https://doi.org/10.1177/0192513X03254507>.
- Barton A. W., Lavner J. A., Stanley S. M., Johnson M. D., Rhoades G. K. (2020) "Will You Complete This Survey Too?" Differences between Individual versus Dyadic Samples in Relationship Research. *Journal of Family Psychology*. Vol. 34. No. 2. P. 196—203. <https://doi.org/10.1037/fam0000583>.
- Bengtson V. L., Allen K. R. (2009) The Life Course Perspective Applied to Families over Time. In: Boss P., Doherty W. J., LaRossa R., Schumm W. R., Steinmetz S. K. (eds.) *Sourcebook of Family Theories and Methods*. Boston, MA: Springer. P. 469—504. https://doi.org/10.1007/978-0-387-85764-0_19.
- Berger P., Kellner H. (1964) Marriage and the Construction of Reality: An Exercise in the Microsociology of Knowledge. *Diogenes*. Vol. 12. No. 46. P. 1—24. <https://doi.org/10.1177/039219216401204601>.
- Fincham D. F. (2004) Communication in Marriage. In: Vangelisti A. L. (ed.) *Handbook of Family Communication*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. P. 83—103.
- Fisch M. (2001) The Rise of the Chapel Wedding in Japan: Simulation and Performance. *Japanese Journal of Religious Studies*. Vol. 28. No. 1/2. P. 57—76. <https://doi.org/10.18874/jjrs.28.1-2.2001.57-76>.
- Francis-Tan A., Mialon H. M. (2015) "A Diamond is Forever" and Other Fairy Tales: The Relationship between Wedding Expenses and Marriage Duration. *Economic Inquiry*. Vol. 53. No. 4. P. 1919—1930. <https://doi.org/10.1111/ecin.12206>.
- Lavner J., Bradbury T. (2010) Patterns of Change in Marital Satisfaction over the Newlywed Years. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 72. No. 5. P. 1171—1187. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2010.00757.x>.
- Mongilyova N. V. (2015) Ethnocultural Concepts of Family Life on the Material of Texts of Wedding Wishes. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 200. No. 22. P. 330—336. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.074>.
- Hickman-Evans C., Higgins J. P., Aller T. B., Chavez J., Piercy W. K. (2017) Newlywed Couple Leisure: Couple Identity Formation through Leisure Time. *Marriage and Family Review*. Vol. 54. No. 2. P. 105—127. <https://doi.org/10.1080/01494929.2017.1297756>.

Schweingruber D., Anahita S., Berns N. (2004) “Popping the Question” When the Answer is Known: The Engagement Proposal as Performance. *Sociological Focus*. Vol. 37. No. 2. P. 143—161. <https://doi.org/10.1080/00380237.2004.10571239>.

Snizek T. (2005) Is It Our Day or the Bride’s Day? The Division of Wedding Labor and Its Meaning for Couples. *Qualitative Sociology*. Vol. 28. No. 3. P. 215—234. <https://doi.org/10.1007/s11133-005-6368-7>.

Sullivan K. T., Pasch L. A., Johnson M. D., Bradbury T. N. (2010) Social Support, Problem-Solving, and the Longitudinal Course of Newlywed Marriage. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. No. 4. P. 631—644. <https://doi.org/10.1037/a0017578>.

Walsh C. M., Neff L. A., Gleason M. E. (2017) The Role of Emotional Capital During the Early Years of Marriage: Why Everyday Moments Matter. *Journal of Family Psychology*. Vol. 31. No. 4. P. 513—519.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1656](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656)

Л. А. Бархатова

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: КЕЙС ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА

Правильная ссылка на статью:

Бархатова Л. А. Структурные особенности коммуникации российских социологов: кейс онлайн-сообщества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>.

For citation:

Barkhatova L. A. (2020) Structural Features of Russian Sociologists' Communication: an Online Community Case Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 204—221. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1656>. (In Russ.)

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ: КЕЙС ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА

БАРХАТОВА Лариса Александровна — преподаватель, аспирант кафедры методов сбора и анализа социологической информации, стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: lbarhatova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4687-6676>

STRUCTURAL FEATURES OF RUSSIAN SOCIOLOGISTS' COMMUNICATION: AN ONLINE COMMUNITY CASE STUDY

Larisa A. BARKHATOVA¹ — Lecturer, Doctoral Student at Department of Sociological Research Methods; Research Assistant at International Laboratory for Social Integration Research

E-MAIL: lbarhatova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4687-6676>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу структурных особенностей коммуникации в социологических онлайн-сообществах. На материалах этнографического кейс-стади крупнейшего русскоязычного социологического онлайн-сообщества рассматриваются коммуникативная активность, социальный состав участников и правила взаимодействия. Дизайн исследования построен на смешивании методов, которое включало параллельное применение количественных и качественных методов: контент-анализа, сетевого анализа и онлайн-наблюдения. Было обнаружено, что в изучаемом сообществе неизбежно проявляется специфика онлайн-площадок. Фактически сообщество состоит из небольшого по размерам ядра более-менее активных пользователей и огромного количества периферийных участников (наблюдателей), не имеющих связей. В отличие от российского социологического сообщества в целом, на анализируемой площадке не обнаруживается фрагментации по региональному и профессиональному признаку. Отсутствие жесткого контроля над обсуждениями

Abstract. The article analyzes structural features of communication in sociological online communities. The author considers communicative activity, social composition and rules of interaction between the members of the largest Russian sociological online community used as an ethnographic case study. The study design combines quantitative and qualitative methods: content analysis, network analysis and online observation. The findings suggest that the community under consideration has strong features of online platforms. In fact, the community consists of a small core of relatively active users and a large number of peripheral participants (observers) who have no connections. Fragmentation based on regional and professional characteristics typical of the Russian sociological community in general was not revealed in the community under consideration. A lack of strict control over online discussion allows the participants to freely express their point of view.

в онлайн-сообществе позволяет участникам свободно высказывать свою точку зрения.

Ключевые слова: российская социология, профессиональная коммуникация, онлайн-сообщества, этнографическое кейс-стади, сетевой анализ

Keywords: Russian sociology, professional communication, online communities, ethnographic case study, social network analysis

Одной из ключевых проблем российской социологии считается фрагментированность профессионального сообщества [Радаев, 2013; Соколов, 2009]. Она обусловлена сложностями в профессиональной коммуникации, наблюдавшимися на протяжении всего пути становления дисциплины [Kurakin, 2017; Ионин, Куракин, 2018].

На развитие профессиональных взаимодействий существенно повлияло появление интернета: значимая часть профессиональной коммуникации российских социологов в наши дни осуществляется в онлайн-среде. По данным группы ЦИРКОН, в 2012 г. наиболее востребованными каналами профессиональной коммуникации были посещение интернет-сайтов социологических/маркетинговых компаний и личные онлайн-контакты в профессиональной среде [Задорин, Мальцева, 2013]. В последние годы активно развивается неформальная профессиональная коммуникация в интернете, появляются специализированные онлайн-площадки (онлайн-сообщества), где представители профессии асинхронно могут обсудить актуальные профессиональные вопросы. Результаты эмпирических исследований показывают, что вовлечение в профессиональные онлайн-сообщества ускоряет обмен информацией внутри профессиональной группы, а также в долгосрочной перспективе способствует профессиональному росту [Hew, 2009; King, 2011].

В данной статье мы задаемся вопросом о том, каковы структурные особенности русскоязычных социологических онлайн-сообществ. Похожи ли такие онлайн-сообщества на большинство профессиональных онлайн-площадок, характеризующихся преобладанием пассивных участников и отсутствием явных лидеров [Zhang, Ackerman, Adamic, 2007; Рыков, 2016]? Будут ли воспроизводиться закономерности, наблюдаемые в российском социологическом сообществе в целом?

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическое исследование представляет собой этнографическое кейс-стади крупнейшего русскоязычного социологического онлайн-сообщества¹. Реализация такой стратегии исследования позволяет проводить комплексный описательный анализ изучаемого феномена за счет использования разноплановых методов. В данном исследовании комплексность подхода достигается при помощи смешивания методов (mix methods research), предполагающего комбинирование качественных и количественных методов [Бархатова, 2019]. В частности, исполь-

¹ В целях соблюдения норм анонимности мы намеренно не приводим название изучаемого онлайн-сообщества.

зовался дизайн «дополнительного покрытия» [Morgan, 2014], в рамках которого качественный и количественный этапы проводятся параллельно друг другу с целью решения разных исследовательских задач.

Эмпирическую базу исследования составил контент изучаемого онлайн-сообщества за 2017—2018 гг., полученный с помощью двух технологий удаленного сбора данных с сайтов — API (Application Programming Interface) и парсинга (parsing) интернет-страницы изучаемого сообщества.

В рамках количественного этапа были использованы контент-анализ для описания социального состава участников и сетевой анализ, реализация которого позволила описать структуру сети в целом, а также проанализировать связи между сетевыми взаимодействиями и индивидуальными характеристиками исследователей. Для построения сети использовался критерий коммуникативной активности, который измерялся количеством комментариев, оставляемых участниками к постам друг друга². Качественный анализ, реализованный посредством онлайн-наблюдения, позволил дополнить формализованный анализ описанием правил взаимодействия и конфликтов³. В данной статье мы опираемся преимущественно на результаты количественного этапа. Качественный этап будет представлен для описания общего контекста.

Логика статьи следующая: сначала мы рассмотрим социальный и исторический контекст развития российского социологического сообщества, затем перейдем к анализу структуры коммуникативной активности на примере одного из крупнейших русскоязычных социологических онлайн-сообществ.

Социальный и исторический контекст развития российского социологического сообщества

В одной из работ, посвященных анализу проблем и путей развития российской социологии, выдвигается тезис о наличии в ней кризиса формирования профессиональной идентичности [Радаев, 2013]. Первые поколения исследователей до появления в России профильного социологического образования приходили в социологию из смежных дисциплин (философии, экономики, математики и др.). В условиях острого дефицита теоретико-методологических дискуссий, в котором происходило развитие советского социологического сообщества, разнородный бэкграунд значительно затруднял профессиональную коммуникацию. Ряд авторов отмечают деформацию профессиональной социологической идентичности, произошедшую за последние десятилетия [Эфендиев, Балабанова, Сорокин, 2016]. В 1990-е годы в российской социологии наблюдалась повышенная мобильность ученых. Академические социологии мигрировали в индустрию опросов, а в академическую социологию пришло много специалистов по марксистской политической экономии, философии и другим социально-гуманитарным наукам.

² Ввиду технических ограничений, возникших на этапе сбора данных, анализировались только комментарии к исходным сообщениям в тредах. Комментарии, оставляемые к комментариям, не учитывались.

³ В исследовании качественный этап также применялся для анализа тематики, вокруг которой складывается коммуникация в сообществе. Однако в рамках статьи ввиду ограниченности ее объема мы оставим в стороне рассмотрение тем коммуникации.

В настоящее время сложности, связанные с коммуникацией в разнородном сообществе, сохраняются. В частности, как показывают результаты эмпирических исследований, в профессиональном поле продолжают существовать отдельные исследовательские группы, которые крайне слабо контактируют друг с другом. М. Сафонова, изучавшая социальные сети отношений в петербургской социологии, эмпирически показала существование трех исследовательских кластеров [Сафонова, 2012]. М. Соколов, выступивший одним из соавторов данного исследования, назвал эти кластеры «Вест-сайдом», «Ист-сайдом» и «Переходной зоной» [Соколов, 2012]. Принадлежность к полученным сегментам профессионального сообщества объясняется преимущественно идеологическими взглядами. Представители Вест-сайда отличаются либеральными политическими взглядами и ориентированы на западную социологическую традицию. Ист-сайд, напротив, характеризуется консервативной политической идеологией. С точки зрения научных взглядов его представители ориентированы на национальную социологию. Переходная зона занимает промежуточное положение между «Западом» и «Востоком».

Той же точки зрения придерживается Е. Здравомыслова. По ее мнению, основания фрагментированности российского социологического сообщества лежат в разных идеологических представлениях. Она выделяет две группы, на которые сегодня расколото профессиональное сообщество: «чекисты» и «реформисты» [Zdravomyslova, 2008]. Представителей группы «чекистов» видят задачу социологии в конструировании национальной идеи для мобилизации российского общества. «Реформисты», напротив, представляют социологию критически ориентированной. По их мнению, только через аргументированную критику можно раскрыть социальные проблемы, в результате чего способствовать установлению социального баланса и уменьшению социальной напряженности.

Еще одна зона конфликта в профессиональном сообществе — взаимодействие между академической социологией и индустрией. По мнению И. Задорина, социологическое сообщество в России представляет собой две отдельные профессии: «социолог-ученый» и «социолог-прикладник», которые в последние годы все дальше отдаляются друг от друга [Задорин, 2007]. Причин этому он видит несколько. Во-первых, это разная аудитория отчета. Основным потребителем продуктов профессиональной деятельности социологов-прикладников является заказчик исследования, в роли которого обычно выступают политики, чиновники или бизнесмены. Оценка работы социологов-ученых, как правило, дают коллеги-ученые, то есть само научное сообщество. Во-вторых, это разные каналы профессиональной коммуникации, которые почти не пересекаются друг с другом. Как отмечает И. Задорин, сегодняшние российские социологи-ученые и социологи-прикладники в большинстве своем публикуются в разных научных журналах, посещают разные профессиональные конференции и конгрессы.

Несколько иной взгляд на проблемы российского социологического сообщества демонстрирует М. Соколов. По его мнению, фрагментированность профессионального сообщества вызвана прежде всего дефицитом обмена информацией [Соколов, 2009]. Ситуация осложняется тем, что наиболее тесные профессиональные связи образуются по недисциплинарному признаку — между

коллегами по организации, старыми друзьями и проч. Коммуникации между исследователями, работающими над схожей научной проблематикой, вторичны. Развивая эту идею в своей работе «Провинциальная и туземная наука», автор фокусируется на отсутствии устойчивого диалога между исследователями из разных регионов [Соколов, Титаев, 2013]. Это приводит к тому, что сообщество становится еще более неоднородным. Ядро профессионального сообщества формируется вокруг столичных университетов и исследовательских компаний, в то время как регионы остаются на периферии профессиональной сети. В свою очередь, это толкает региональные вузы и исследовательские центры на использование двух форм адаптации, которые М. Соколов и К. Титаев называют «провинциальной» и «туземной» наукой. Туземная наука возникает в том случае, когда представители сообщества, оказавшиеся на его периферии, добровольно изолируются от достижений «столичной» науки. Провинциальная наука, напротив, интересуется только «большой» наукой и имеет острый дефицит коммуникации внутри нее самой.

Таким образом, практически все авторы приходят к мысли, что сложности в профессиональной коммуникации мешают российскому социологическому сообществу преодолеть проблему фрагментированности. В связи с этим представляется важным обратить внимание на относительно новый канал коммуникации российских социологов — профессиональные онлайн-сообщества, кейс одного из них рассматривается в данной работе.

Общая характеристика онлайн-сообщества

Онлайн-сообщество было создано в 2011 г. известным в профессиональных кругах социологом. Первоначально оно имело формат закрытой группы, доступ в которую осуществлялся по приглашению от участников или в случае одобрения заявки на вступление модератором. В целом политику приема в сообщество можно назвать лояльной, поскольку, как отмечали сами участники, в группе состояли люди, чей профессиональный статус был неизвестен. В 2017 г. решением одного из модераторов границы сообщества были открыты, в результате чего его контент стал общедоступным (ранее просматривать контент могли только участники группы). Несмотря на недовольство со стороны участников, долгое время сообщество оставалось открытым (более подробно мы рассмотрим этот конфликт далее). В 2020 г. ему был возвращен закрытый формат.

На момент исследования общее число зарегистрированных участников онлайн-сообщества составило 2612 пользователей. Далее остановимся подробнее на описании его социального состава, полученного на основе информации, взятой из профилей участников в социальной сети.

Социальный состав

Гендерная структура изучаемого онлайн-сообщества характеризуется небольшим перевесом в сторону женщин (58 %) (см. рис. 1), что примерно отражает гендерный состав российского социологического сообщества в целом [Радаев, 2013].

География участников представлена преимущественно российскими городами. Большинство участников проживают в столице (52 %), а также городах-

миллионниках с развитой системой социологического образования (см. рис. 2). Также в сообществе есть небольшая доля русскоговорящих исследователей из стран бывшего СССР и ряда европейских стран (9 %).

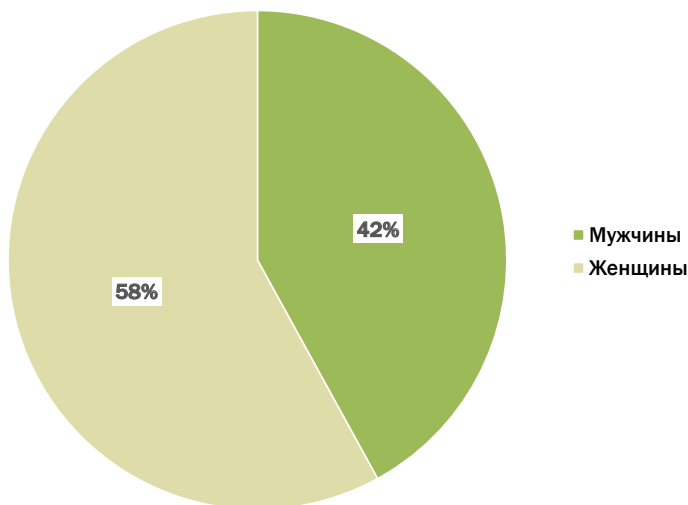

Рис. 1. Гендерный состав участников

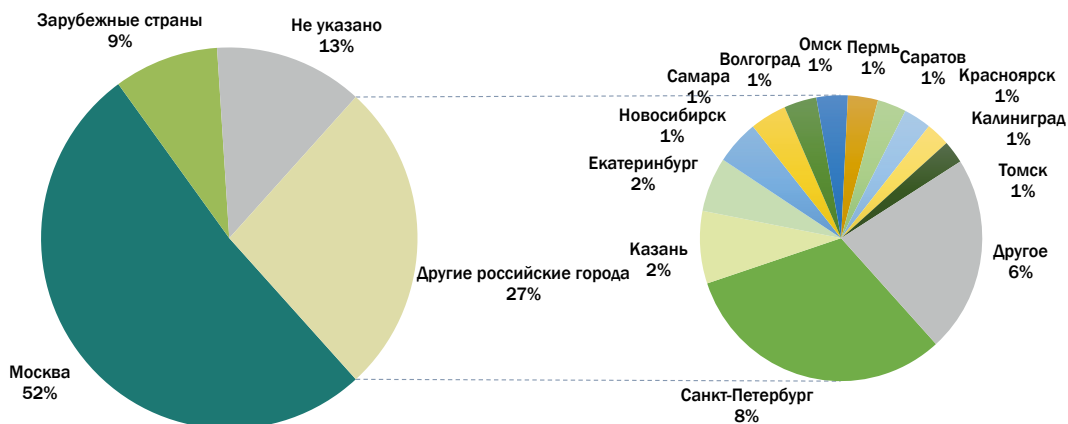

Рис. 2. География участников

В сообществе преобладают представители академической науки (48 %), работающие в вузах и академических институтах, по большей части крупных. 27 % участников сообщества работают в индустрии — «опросных фабриках», маркетинге, рекламе, PR и проч. 3 % участников являются представителями профессий, далеких от социологии — врачи, артисты, танцоры и проч., однако в рамках сообщества они не проявляют никакой активности (см. рис. 3).

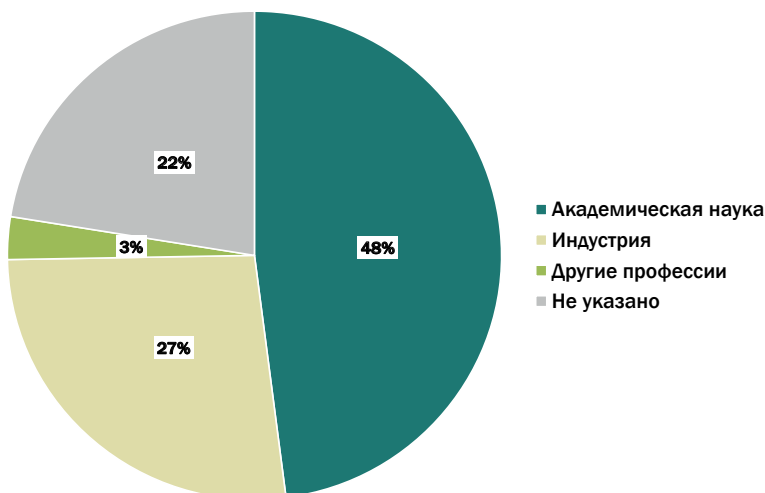

Рис. 3. Место работы участников

Правила взаимодействия

В настоящий момент в сообществе в явном виде имеется только одно правило, получившее название «Запрет на забвение». Его смысл состоит в том, что нельзя удалять свои посты или комментарии, если они инициировали дискуссию (какой бы острой она ни была) и под ними набралось более десяти реплик. Это аргументируется тем, что исследователи свободны выражать свое мнение. Чтобы защитить сообщество от недостоверного или нерелевантного по тематике контента, была установлена граница в десять реплик, в случае пересечения которой пост или комментарий не может быть подвергнут удалению. Во многом такое решение было принято в связи с прецедентом, когда модератором сообщества был удален пост одной из участниц с непроверенной информацией.

В случае если нарушения менее серьезные, модератор может ограничиться предупреждением. Наиболее частой причиной, по которой выносятся предупреждения участникам, является так называемый самопиар. Вместо анонса результатов вышедших или готовившихся к публикации книг, статей и монографий модератор призывает участников публиковать посты, которые не просто содержали бы информационную рассылку, а проблематизировали актуальные профессиональные вопросы.

Чтобы поддерживать интерес профессионального сообщества к онлайн-площадке, один из модераторов периодически прибегает к использованию специализированных приемов, направленных на более активное вовлечение участников в дискуссии. Например, он может инициировать небольшие развлекательные голосования, на которые выносятся дискуссионные вопросы из истории становления профессионального сообщества или спорные вопросы из профессиональной практики. Всего за анализируемый временной период подобных опросов было два. Первое голосование касалось допустимости использования в ходе интервью

приемов, обманным путем удерживающих внимание респондентов. Второе голосование было посвящено выбору ключевых фигур в советской социологии.

Еще один прием, которым пользуется модератор сообщества, — публикация анекдотов на профессиональные темы, фильмов, карикатур и проч., с призывом к участникам присоединяться и дополнять собранные материалы своими находками.

Конфликты

В целом коммуникация в изучаемом сообществе не носит конфликтный характер. Однако, как и в любых социальных целостностях, в нем периодически возникают конфликты между участниками. Как правило, они происходят на фоне обсуждения спорных ситуаций, произошедших ранее в офлайн-среде, хотя встречаются конфликты, зародившиеся полностью на онлайн-площадке.

За анализируемый временной период наиболее ярким был конфликт по поводу политики модерирования. Началом для развития конфликта послужило удаление поста, в котором приводились результаты австралийского опроса по легализации однополых браков. Хотя пост поднимал исключительно методические вопросы, один из модераторов сообщества (на момент исследования исключенный из состава модераторов) посчитал пост неуместным и удалил его. Ситуация обострилась тем, что несколько дней спустя этот модератор единолично принял решение перевести сообщество в формат открытой группы, не спросив мнения других участников. Многие из участников открыто выразили недовольство деятельностью модератора, в результате было инициировано голосование о лишении полномочий модератора. Решением большинства он был исключен из состава модераторов.

Многие исследователи выступили за то, чтобы обратно закрыть онлайн-сообщество. С их точки зрения, профессиональное сообщество по своему смыслу является закрытой группой, доступ в которую должен тщательно регулироваться модератором. В качестве идеальной модели профессионального онлайн-сообщества участниками предлагался формат закрытого английского клуба, попасть в который можно только по приглашению. Относительно небольшая часть участников выступила против закрытия границ онлайн-сообщества, выразив мнение, что общественность имеет право наблюдать профессиональные дискуссии и участвовать в них.

Обозначенный конфликт продолжался в течение нескольких лет и в конечном счете закончился изменением правил сообщества, а именно введением запрета на удаление постов, инициировавших дискуссии. Косвенно конфликт также стал поводом для закрытия границ сообщества, которое продолжительное время оставалось в формате открытой группы, однако потом было возвращено к первоначальному закрытому формату.

Исход рассматриваемого конфликта можно оценить как шаг в сторону профессионализации онлайн-сообщества. Закрытие границ сообщества приносит ограничения на высказывания непрофессионалов, за которые выступало большинство участников. Исключение из дискуссий тех, кто не является членом профессиональной группы, позволяет уменьшить помехи, неизбежно возникающие в рамках интернет-коммуникации: снизить шансы появления троллинга, пропаганды и непроверенной информации.

Характеристики сети коммуникативной активности

На рис. 4 показана сеть коммуникативной активности внутри изучаемого онлайн-сообщества. Аналитически структура получившейся сети может быть описана с помощью типичной для онлайн-площадок модели «ядро — периферия» [Рыков, 2015]. Фактически сообщество состоит из небольшого ядра более-менее активных пользователей, которые создают его контент (19%), и большого числа периферийных участников (наблюдателей), не имеющих связей (81%).

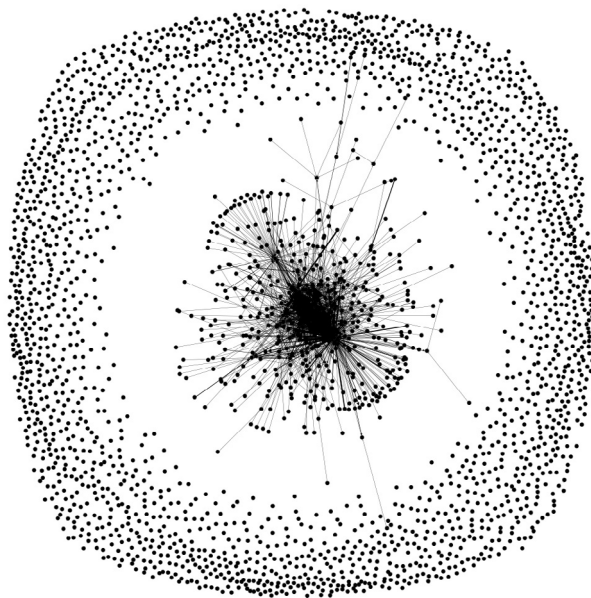

Рис. 4. Сеть коммуникативной активности участников сообщества

Даже без учета пассивного большинства плотность сети (density), рассчитываемая как отношение количества существующих связей к потенциально возможному числу связей для заданной сети, довольно низкая (0,006).

В рассматриваемой сети, поскольку она является направленной (directed), можно выделить два типа связей: входящие и исходящие. В данном исследовании входящие связи представляют собой получение комментариев к своим постам, а исходящие связи — написание комментариев к постам других участников. С точки зрения престижа, который определяется суммарным количеством входящих связей (indegree), в изучаемом сообществе наблюдается значительный перевес в сторону участников, не имеющих входящих связей (73% от «непассивных» участников). Таких участников можно условно назвать «комментаторами»: они участвуют в обсуждениях под чужими постами, но сами не инициируют дискуссии. На рисунке 5 представлено распределение количества входящих связей для участников, опубликовавших в сообществе как минимум один пост. Большинство из них за прошедшие два года получили 1, 2, 3, 4 или 6 комментариев от других

участников. При этом в сообществе есть отдельные структурные позиции, обладающие высоким престижем. Так, 11 участников сообщества имеют 30 и более входящих связей, а у одного из них число входящих связей и вовсе превышает 170.

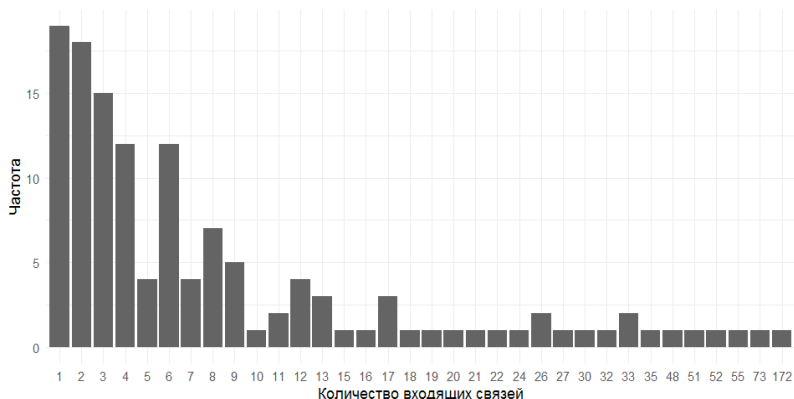

Рис. 5. Распределение количества входящих связей

Центральность, определяемая количеством исходящих социальных связей (outdegree), в анализируемой сети отражает количество людей, которым оставлял комментарии конкретный участник сообщества. В отличие от престижа, с точки зрения центральности в изучаемом сообществе наблюдается меньший разброс структурных позиций. На рисунке 6 показано распределение количества исходящих связей для участников, прокомментировавших в сообществе за последние два года как минимум один пост (не оставляли комментарии к чужим постам только 7 % от «непассивных» участников). Как видно из графика, по количеству исходящих связей больше всего в сообществе структурных позиций с одной (50 % от «непассивных» участников) или двумя связями (18 %). При этом только два участника онлайн-сообщества имеют более 30 исходящих связей.

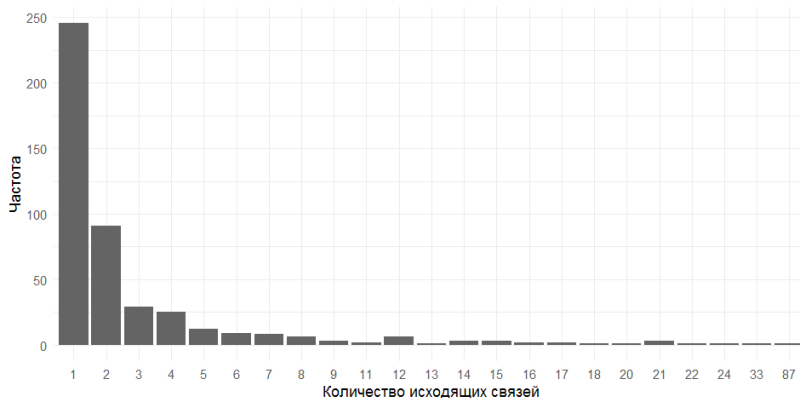

Рис. 6. Распределение количества исходящих связей

Примечательно, что максимальное число входящих (престиж) и исходящих связей (центральность) имеют одни и те же люди (10 человек). Соответственно, можно сделать вывод, что эти участники не просто создают основную долю контента сообщества, но и получают активный отклик на свои посты со стороны других участников.

Другая задача, которая ставилась в исследовании в рамках сетевого анализа, состояла в оценке взаимосвязи между структурой коммуникации в сообществе и социально-демографическими характеристиками исследователей. Было проанализировано два показателя, которые могут служить основанием для фрагментации профессионального сообщества: город проживания и место работы.

Чтобы проверить, наблюдается ли в сообществе фрагментация по региональному признаку, переменная «город проживания» была рассмотрена в разрезе трех категорий: 1) проживает в Москве; 2) проживает в другом российском городе; 3) проживает в другой стране; 4) город проживания не известен. На рисунке 7 представлена визуализация сетевых взаимодействий участников сообщества в разрезе города их проживания. Выделить связь сетевой активности участников сообщества с городом их проживания достаточно сложно. На изучаемой площадке исследователи из Москвы и других российских и зарубежных городов общаются как между собой, так и друг с другом. Изолированных групп по региональному признаку в сообществе не обнаруживается.

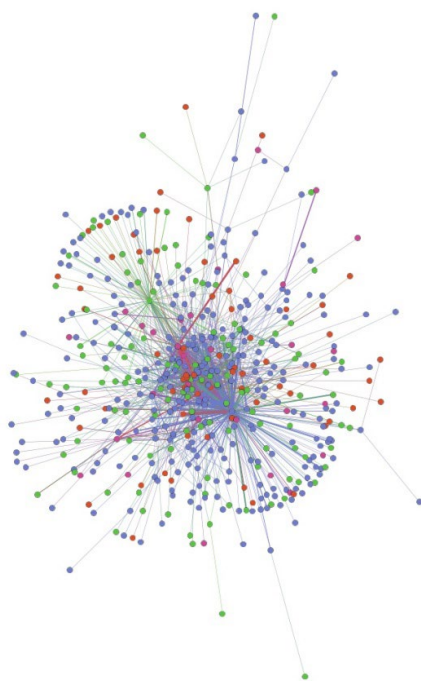

Рис. 7. Сетевые взаимодействия в разрезе города проживания⁴

⁴ Синим цветом на графике показаны исследователи, проживающие в Москве. Зеленым цветом — те, кто проживает в других российских городах. Розовым — исследователи, проживающие в другой стране. Красным показаны участники, которые не указали город своего проживания, и его было невозможно косвенно идентифицировать по другим признакам.

В таблице 1 показано процентное распределение связей (без учета их направления) в зависимости от города проживания. 68 % связей исследователей из Москвы составляют связи с другими исследователями из столицы. Поскольку это несколько превышает долю активных участников сообщества из столицы (56 %), можно говорить, что исследователи из столицы чаще общаются друг с другом, чем это предсказывается моделью формирования связей случайным образом (random network). Процент связей исследователей из других российских городов друг с другом в построенной сети, напротив, оказался чуть ниже, чем если бы мы предположили, что связи формируются случайно (19 % и 24 % соответственно). Исследователи из других стран, составляющие 6 % от активного состава участников, имеют 11 % связей друг с другом.

Таблица 1. Процент связей по городам проживания

	Проживает в Москве (56 %)	Проживает в другом российском городе (24 %)	Проживает в другой стране (6 %)	Город проживания неизвестен (14 %)
Проживает в Москве	68 %	65 %	61 %	53 %
Проживает в другом российском городе	17 %	19 %	23 %	18 %
Проживает в другой стране	9 %	10 %	11 %	25 %
Город проживания неизвестен	6 %	6 %	5 %	4 %
Всего	100 %	100 %	100 %	100 %

Несмотря на незначительный перевес связей типа «проживает в Москве — проживает в Москве» и «проживает в другой стране — проживает в другой стране», выраженной тенденции гомофилии (homophily) — образовывать связи с теми, кто имеет похожие социальные характеристики, — в сообществе не обнаруживается. Однако бросается в глаза относительно высокий процент связей «проживает в Москве — проживает в другом российском городе», составляющий 65 % связей исследователей, проживающих в других российских городах. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что онлайн-сообщество успешно функционирует в качестве профессиональной площадки, доступной для исследователей из разных регионов.

Далее была проверена гипотеза о наличии в сообществе фрагментации по профессиональному признаку. Для этого было рассмотрено место работы исследователя в разрезе трех категорий: 1) работает в академической социологии (к этой категории мы относили сотрудников университетов и социологических научных организаций); 2) является представителем индустрии; 3) профессиональный статус неизвестен. Рисунок 8 представляет собой визуализацию сетевых взаимодействий участников сообщества в разрезе места работы. Как и в случае с городом

проживания, выделить однозначную связь между сетевой активностью и сферой профессиональной деятельности проблематично. Несмотря на различие профессиональных интересов, академические социологи и представители индустрии активно коммуницируют друг с другом на площадке изучаемого онлайн-сообщества. Отдельных изолированных групп по профессиональному признаку в сообществе также не обнаруживается.

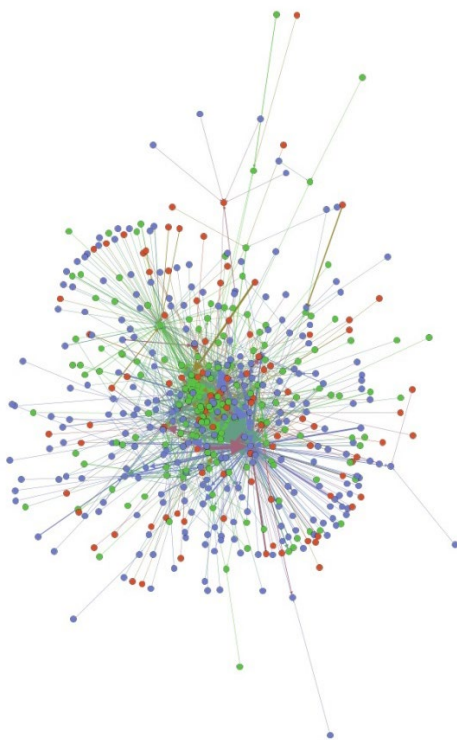

Рис. 8. Сетевые взаимодействия в разрезе типов места работы⁵

В таблице 2 показано процентное распределение связей (без учета их направления) в зависимости от места работы. Среди исследователей, работающих в академической социологии, которых в сообществе насчитывается 50 %, 29 % связей составляют связи с коллегами из университетов и/или научных организаций, 56 % — с коллегами из индустрии. Соответственно исследователи-академики реже общаются друг с другом, чем если бы связи формировались случайным образом. Процент связей исследователей из индустрии друг с другом в построенной сети полностью совпадает с тем, как это предсказывается моделью случайного формирования связей. 30 % связей среди исследователей, работающих в индустрии, составляют связи друг с другом, 53 % — связи с коллегами из академических кругов.

⁵ Синим цветом на графике показаны исследователи, работающие в академической социологии. Зеленым цветом — те, кто работает в индустрии. Красным — участники, не указавшие в своем профиле место работы.

Таблица 2. Процент связей по типу места работы

	Работает в академической социологии (50 %)	Работает в индустрии (31 %)	Профессиональный статус неизвестен (19 %)
Работает в академической социологии	29 %	53 %	42 %
Работает в индустрии	56 %	30 %	51 %
Профессиональный статус неизвестен	15 %	17 %	7 %

Так же как и с региональным критерием, с точки зрения места работы выраженной тенденции образовывать связи с теми, кто имеет похожие социальные характеристики, в сообществе не обнаруживается. В отличие от офлайн-среды, на анализируемой площадке академические социологи и представители индустрии активно коммуницируют друг с другом.

Безусловно, переменные, используемые в данном исследовании, не дают возможность в полной мере охарактеризовать все существующие разделения и лагеря внутри российского социологического сообщества. Выбор делений «столица — регионы» и «академия — индустрия» обусловлен прежде всего ограниченным набором переменных и нереактивностью анализируемых данных.

Выводы

Исследуемое онлайн-сообщество выполняет интегрирующую функцию, способствуя коммуникации между исследователями из разных городов, университетов и областей социологии. Неизбежно в сообществе проявляется специфика профессиональных онлайн-площадок. Прежде всего это находит отражение в структуре сообщества, ключевое место в которой занимает небольшое по размерам ядро более-менее активных пользователей, производящих контент. При этом относительно много периферийных участников (наблюдателей), пассивно потребляющих контент и не имеющих связей.

Анализируемая площадка характеризуется отсутствием жесткого контроля над обсуждениями со стороны модераторов. Каждый участник может свободно выражать свое мнение в рамках дискуссий, что является ключевым принципом сообщества и зафиксировано в его правилах.

В отличие от российского социологического сообщества в целом, на изучаемой площадке не наблюдается фрагментированности. Академические социологи и представители индустрии, слабо контактирующие в офлайн-среде, активно общаются друг с другом в рамках онлайн-сообщества. Также проделанный анализ показал отсутствие связи между сетевой активностью и городом проживания. Социологи из столицы активно коммуницируют с исследователями из других российских городов или зарубежных стран.

Список литературы (References)

Бархатова Л. А. Опыт применения смешанной методологии для изучения взаимодействий в профессиональном социологическом онлайн-сообществе // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28—30 ноября 2019 г.): сб. материалов / под отв. ред. М. К. Горшкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 314—319.

Barkhatova L. A. (2019) The Experience of Applying a Mixed Methodology to Study Interactions in a Professional Sociological Online Community. In.: Gorshkov M. K. (ed.) *The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (on the Occasion of the 90th Anniversary of V. A. Yadov)*. Proceedings of the International Conference (Moscow, November 28—30, 2019). Moscow: FCTAS RAS. P. 314—319. (In Russ.)

Задорин И. В. Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 65—74.

Zadorin I. V. (2007) Apologia of the Applied, or Once Again about Professionalism, Profession and Professional Community. *Social Reality*. No. 5. P. 65—74. (In Russ.)

Задорин И. В., Мальцева Д. В. Исследование информационной культуры и профессиональной коммуникации в социологическом сообществе // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 41—52.

Zadorin I. V., Maltseva D. V. (2013) The Study of Information Culture and Professional Communication in the Sociological Community. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 3. P. 41—52. (In Russ.)

Ионин Л. Г., Куракин Д. Ю. Существует ли патриотизм в социологии? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 114—131. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5716>.

Ionin L. G., Kurakin D. Yu. (2018) Does Patriotism Exist in Sociology? *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 1. P. 114—131. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5716>. (In Russ.)

Радаев В. В. Российская социология в поисках своей идентичности // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 3—17.

Radaev V. V. (2013) Russian Sociology in Search for Its Identity. *Sociological Studies*. No. 7. P. 3—17. (In Russ.)

Рыков Ю. Г. Сетевое неравенство и структура онлайн-сообществ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 4. С. 144—156.

Rykov Yu. G. (2015) Network Inequality and Structure of Online Communities. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 18. No. 4. P. 144—156. (In Russ.)

Рыков Ю. Г. Структура социальных связей в виртуальных сообществах: сравнительный анализ онлайн-групп социальной сети «Вконтакте»: автореф. дисс. ... канд. социол. н. М.: Институт социологии РАН, 2016.

Rykov Yu. G. (2016) The Social Network Structure of Virtual Communities: A Comparative Analysis of Online Groups of the VKontakte Social Network. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Сафонова М. А. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 107—120.

Safonova M. A. (2012) Network Structure and Identities in a Local Community of Sociologists. *Sociological Studies*. No. 6. P. 107—120. (In Russ.)

Соколов М. М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная динамика «бедной науки» // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2009. № 1. С. 20—57.

Sokolov M. M. (2009) Russian Sociology after 1991: The Intellectual Dynamics of “Poor Science”. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 1. P. 20—57. (In Russ.)

Соколов М. М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76—82.

Sokolov M. M. (2012) Studying Local Academic Communities. *Sociological Studies*. No. 6. P. 76—82. (In Russ.)

Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239—275.

Sokolov M. M, Titaev K. D. (2013) Provincial and Indigenous Science. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 19. P. 239—275. (In Russ.)

Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Сорокин П. С. Идентичность и профессиональная культура отечественной социологии: опыт библиометрического анализа // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 45—54.

Efendiev A. G., Balabanova E. S., Sorokin P. S. (2016) Identity and Professional Culture of Russian Sociology: A Bibliometric Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 45—54. (In Russ.)

Hew K. F. (2009) Determinants of Success for Online Communities: An Analysis of Three Communities in Terms of Members’ Perceived Professional Development. *Behaviour & Information Technology*. Vol. 28. No. 5. P. 433—445. <https://doi.org/10.1080/01449290802005995>.

King K. P. (2011) Professional Learning in Unlikely Spaces: Social Media and Virtual Communities as Professional Development. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. Vol. 6. No. 4. P. 40—46.

Kurakin D. (2017) The Sociology of Culture in the Soviet Union and Russia: The Missed Turn. *Cultural Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 394—415. <https://doi.org/10.1177/1749975517728625>.

Morgan D. L. (2014) *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks, CA: Sage. <https://dx.doi.org/10.4135/9781544304533>.

Zdravomyslova E. (2008) Make Way for Professional Sociology! Public Sociology in the Russian Context. *Current Sociology*. Vol. 56. No. 3. P. 405—414. <https://doi.org/10.1177/0011392107088234>.

Zhang J., Ackerman M. S., Adamic L. (2007) Expertise Networks in Online Communities: Structure and Algorithms. In: *WWW '07: Proceedings of the 16th international conference on World Wide Web*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 221—230. <https://doi.org/10.1145/1242572.1242603>.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.975](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.975)

А. В. Ходыкин

КОСМОС ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГОВ: АСТРОСОЦИОЛОГИЯ КАК НОВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Правильная ссылка на статью:

Ходыкин А. В. Космос глазами социологов: астросоциология как новая социологическая дисциплина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 222—247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.975>.

For citation:

Khodykin A. V. (2020) Outer Space as Viewed by Sociologists: Astrosociology as a New Sociological Discipline. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 222—247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.975>. (In Russ.)

КОСМОС ГЛАЗАМИ СОЦИОЛОГОВ: АСТРОСОЦИОЛОГИЯ КАК НОВАЯ СО- ЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

ХОДЫКИН Александр Владимирович — аспирант кафедры социологии и психологии, Институт систем управления, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: khodykin8@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Аннотация. Проблемы освоения космоса исследуются не только техническими и естественными, но и социогуманитарными науками. Комплекс социогуманитарных исследований деятельности по освоению космоса формирует дисциплинарное поле астросоциологии. Автор выделил и проанализировал две концепции астросоциологии: социологическую и междисциплинарную.

Социологическая концепция предполагает интеграцию астросоциологии в корпус социологических дисциплин и описание астросоциальных феноменов на языке социологической теории. Поскольку физические особенности космического пространства задают специфику деятельности по его освоению, в качестве теоретической базы для социологической концептуализации астросоциологии выбрана социология пространства. Автор определяет астросоциологию как относящуюся к социологии пространства отраслевую социологическую дисциплину, которая изучает возникающие в ходе освоения и присвоения космического пространства социальные связи, действия и коллективные представления людей.

OUTER SPACE AS VIEWED BY SOCIOLOGISTS: ASTROSOCIOLOGY AS A NEW SOCIOLOGICAL DISCIPLINE

Alexander V. KHODYKIN¹ — PhD Student at the Department of Sociology and Psychology, Institute of Management Systems
E-MAIL: khodykin8@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

¹ Samara State University of Economics, Samara, Russia

Abstract. Today space exploration is a focus of many disciplines — not only engineering or natural science but also social sciences and humanities. A number of socio-humanitarian studies dealing with space exploration form a disciplinary field of astrosociology. The author defines and analyzes two concepts of astrosociology — sociological and interdisciplinary.

Sociological concept implies that astrobiology is an integral part of social sciences and describes astrosocial phenomena using sociological theory. The physical specifics of the outer space makes space exploration activities distinctive, that is why the theoretical framework of astrosociology relies on the sociology of space. The author defines astrosociology as a sub-discipline which studies social connections, actions and collective representations emerging in the course of exploration and appropriation of outer space.

However, according to the most widespread concept of astrosociology today socio-humanitarian problems of space exploration are examined through cultural studies, philosophy, social anthropology, economy, and law, etc.

Однако в настоящее время наиболее распространена междисциплинарная концепция астросоциологии, подразумевающая, что социогуманитарные проблемы освоения космоса исследуются в комплексе дисциплин: культурологии, философии, социальной антропологии, экономики, права и т. д.

В статье систематизирована дисциплинарная структура астросоциологии. На основании проведенной теоретической работы автор сформулировал проблему, объект, предмет, цель и задачи астросоциологии. Структуру астросоциологии, очерчивающую ее предметное поле, составляет комплекс направлений исследований: организационное или подготовительное, наземно-исследовательское, полетное, колонизационное, конструктивистское и трансформационное. Существующие исследования, а также перспективные темы для будущих исследований систематизированы автором в контексте данных направлений.

Ключевые слова: астросоциология, космос, социологическая теория, социология пространства, социология космоса, астросоциальные феномены

Благодарность. Автор выражает благодарность своему научному руководителю, доктору социологических наук профессору В. Б. Звоновскому (СГЭУ, Самара) за всестороннюю поддержку, оказанную в ходе написания данной работы, мудрые советы и конструктивную критику.

The article systemizes the disciplinary structure of astrosociology. Based on a theoretical study the author defines the problem, object, subject matter, purpose and tasks of astrosociology. The structure of the discipline outlining its object field encompasses multiple research areas such as organization and preparation, earth-based and spaceflight-related issues, colonization, constructivist and transformational areas. The author attempts to systematize the current and perspective topics of future research within these areas.

Keywords: astrosociology, Outer Space, sociological theory, sociology of space, astrosocial phenomena, sociology of outer space

Acknowledgments. The author is grateful to his scientific supervisor V. B. Zvonovsky (Doctor of Sociology, Professor at the Samara State Economic University, Samara) for his comprehensive support, wise advice and constructive criticism.

Более шестидесяти лет назад запуск первого космического спутника Земли ознаменовал начало космической эры. Космические достижения влияют на политику, экономику, культуру и повседневную жизнь людей. Освоением космоса

занимаются люди и созданные человеком космические аппараты, в космической отрасли задействованы социальные институты и группы специалистов. Все это показывает значимость темы космоса для социологической науки и необходимость изучать ее социологическими методами. В гуманитарных и социальных дисциплинах появляются крупные работы¹ о космосе, но эта тема еще не интегрирована в социологическую теорию и недостаточно исследована эмпирически. Имеющиеся сегодня релевантные публикации — это преимущественно междисциплинарные работы, не содержащие социологических концептуализаций *астросоциальных явлений* и не описывающие такие явления на языке социологической теории. В настоящее время можно выделить две концепции *астросоциологии*: междисциплинарную и социологическую.

Междисциплинарная концепция астросоциологии

Наибольшее распространение в настоящее время приобрела междисциплинарная концепция астросоциологии, основателем которой можно считать Джима Пасса. В качестве предмета астросоциологических исследований он выделил взаимосвязи человечества и космоса, сфокусированные на «астросоциальных» феноменах, к которым можно отнести взаимодействие космонавтов на орбите; коммуникацию членов команды специалистов, управляющих с Земли марсоходом; отражение темы космоса в культуре; влияние космических достижений на повседневную жизнь людей и т. д. Концепт «астросоциальное» включает в себя любые социальные, культурные и поведенческие паттерны, связанные с исследованием и освоением космического пространства [Pass, 2011; Ним, 2018]. Е. Г. Ним указывает, что «астросоциальные явления нужно отличать не только от других социальных, но и от собственно космических феноменов, поскольку в случае последних важны лишь физические свойства объектов и процессов» [Ним, 2018: 11]. Астросоциология изучает то, как процесс и результаты освоения космического пространства² трансформируют деятельность, культуру и повседневную жизнь людей, социальных институтов и групп. Астросоциология, концептуализированная таким образом, представляет собой междисциплинарный корпус работ, где социогуманитарные проблемы освоения космоса исследуются в комплексе дисциплин: культурологии, философии, социальной антропологии, экономики, права и т. д. Астросоциология сегодня — скорее часть социальных наук, чем социологическая дисциплина. В рамках междисциплинарной концепции мы можем дать следующее определение: астросоциология — это междисциплинарная отрасль знаний, изучающая социогуманитарные аспекты деятельности по освоению космоса.

Хотя междисциплинарная концепция астросоциологии очерчивает перспективное исследовательское поле, она не создает теоретической базы для социо-

¹ Речь идет главным образом о сериях книг *Space and Society* (URL: <https://rd.springer.com/bookseries/11929>, дата обращения: 26.10.2020); *Studies in Space Policy* (URL: <https://link.springer.com/bookseries/8167>, дата обращения: 26.10.2020); и *Space Technology Library* (URL: <https://link.springer.com/bookseries/6575>, дата обращения: 26.10.2020). Последняя содержит в основном технические и медицинские исследования, однако в ней имеются и работы в социогуманитарных и смежных с ними областях. Серии опубликованы международным издательством Springer и включают 16, 21 и 22 книги соответственно. Многие из этих книг использовались при написании данной работы и присутствуют в списке источников.

² Под космическим пространством мы понимаем пространство над Линией Кармана (выше 100 км над уровнем моря).

логических исследований деятельности по освоению космоса и не описывает астросоциальные феномены на языке социологической теории.

Социологическая концепция астросоциологии

Необходимость социологического осмысления освоения космоса как расширения пространства присутствия человека во Вселенной, не ограниченного земным пространством ни физически, ни технически, ни мировоззренчески, стала основанием для разработки астросоциологии в ее социологическом понимании. В рамках социологической концепции астросоциология интегрирована в корпус социологических дисциплин и описывает связанные с освоением космоса социальные явления на языке социологической теории. Отправной точкой теоретизирования становится социологическое осмысление принципиальных отличий космического пространства от земного. На Земле социальные феномены пронизаны физическим воздействием земного пространства: на акторов и окружающие их объекты действует земная сила притяжения, все их действия локализованы в пространстве Земли и направлены на объекты, также расположенные на Земле и не предназначенные для покидания ее пределов. Все акторы находятся недалеко от цивилизации, они действуют в условиях, когда им относительно быстро можно прийти на помощь в случае непредвиденных ситуаций. Тело человека и все другие тела, с которыми он взаимодействует, находятся в пространственных координатах, задаваемых гравитацией и укорененных в природе: верх, низ, пол, потолок.

Специфика космического пространства иначе фреймирует³ возникающие в ходе его освоения и присвоения⁴ социальные явления. Пространство, в котором совершается действие, оказывает сопротивление этому действию через физические особенности среды и дистанции между объектами. Ни одно из осваиваемых земных пространств не способно оказать столь сильного противодействия работе по его освоению. Это сопротивление проявляется в трех особенностях космического пространства. Во-первых, оно не приспособлено для выживания человека. Во-вторых, объекты находятся на огромном расстоянии друг от друга. Преодоление таких расстояний — главная проблема освоения дальнего космоса. В-третьих, космос — это пространство вакуума, которое вмещает объекты, несоизмеримо малые по сравнению с дистанциями между ними. Очевидно, что осваиваются именно космические объекты, так как осваивать вакуум бесполезно. Поэтому получается, что мы имеем лишь небольшие островки в разной степени изученного

³ Термин, введенный Грегори Бейтсоном, но наибольшую известность получивший благодаря работам Ирвинга Гофмана [Гофман, 2004]. Фрейм — это система принципов организации события, основанная на определении актором ситуации. Фреймировать — значит придавать действию контекст (рамку), который будет определять специфику данного действия [там же: 71]. Среда, где актер совершает действие, напрямую влияет на определение им ситуации, поэтому можно сказать, что физические условия среды фреймируют ситуацию. Проблема транспонирования действия нечеловеческими актантами исследуется в контексте интеграции гофмановского анализа фреймов в акторно-сетевую теорию. См., например, диссертацию М. А. Ерофеевой [Ерофеева, 2015].

⁴ Пояснения требуют понятия «освоение пространства» и «присвоение пространства», которые нередко ошибочно отождествляются. Присвоение пространства предполагает не только его «занятие» и изучение, но и переделывание под нужды и потребности человека. Высадка аппаратов на космические объекты и исследование космоса — это его освоение, а колонизация планет, их спутников и астероидов, а также терраформирование и использование космических ресурсов для нужд человека — это присвоение.

пространства, разделенные огромным морем пустоты. Космос, который представляется нам чем-то целостным, на самом деле весьма дискретен.

В качестве базы для социологической концептуализации астросоциологии выбрана социология пространства, так как именно особенности освоения космоса как физического пространства определяют специфику космической деятельности. А. Ф. Филиппов отнес к социологии пространства те подходы, в которых пространство становится не столько темой, сколько проблемой, источником специфики или трансформации возникающих в нем или связанных с ним социальных явлений [Филиппов, 2008]. Все социальные явления локализованы в пространстве, но не все проблематизируются особенностями пространства, в котором они локализованы. Университетская лекция происходит в пространстве, но пространственная составляющая не формирует ее специфики, так как все акторы действуют в привычном пространстве, не оказывающем сильного сопротивления совершаемым действиям. Напротив, на коммуникацию между экипажем космического корабля и центром управления полетами наибольшее влияние оказывает именно специфика космического пространства, в котором работают космонавты: они удалены от Земли, что создает особые опасности в случае неполадок техники, они не способны выжить в космосе без систем жизнеобеспечения и т. д.

Итак, астросоциология — это относящаяся к социологии пространства отраслевая социологическая дисциплина, изучающая возникающие в ходе освоения и присвоения космического пространства социальные связи, действия и коллективные представления людей [Ходыкин, 2019].

При поиске теоретических ресурсов, способных стать базой для астросоциологии, мы задавались вопросом: насколько существующие социологические теории позволяют исследовать опосредствованные освоением и присвоением космического пространства изменения сообществ и взаимодействия социальных акторов? Развернутый ответ на этот вопрос мы даем в статье «Освоение космоса как социологическая проблема» [там же], посвященной интеграции астросоциологии в социологическую теорию. В статье исследовано, насколько для астросоциологии применимы ресурсы социологических теорий пространства, теорий глобализации и мобильностей (Дж. Урри и М. Кастельс), акторно-сетевой теории (Б. Латур, Дж. Ло и др.), социологии пространства П. Бурдьё, фрейм-анализа И. Гофмана и других теорий. По итогам работы сделан вывод, что у современной социологии есть теоретические ресурсы для исследования выхода человечества в космос. Однако эти ресурсы не систематизированы и не конкретизированы для социологического описания астросоциальных феноменов, специфика физического пространства космоса и ее влияние на взаимодействие людей не нашли отражение в современной социологии. Поэтому, например, коммуникация между космонавтами на МКС и Центром управления полетами (далее — ЦУП) на Земле исследована психологами [Гущин и др., 2016], но не социологами. Взаимодействие в команде специалистов, управляющей с Земли работой марсохода, изучалось в рамках социальной антропологии⁵ [Vertesi, 2015], а не социологии, притом что конкретизация ресурсов акторно-сетевой теории с учетом специфики космиче-

⁵ В социальной антропологии уже сформировано направление антропологии космоса. См., например, [Сивков, 2019].

ского пространства позволит проводить подобные исследования в контексте социологической науки.

В целях оформления дисциплинарной структуры астросоциологии сформулируем авторское понимание ее проблемы, объекта, предмета, цели, основных задач и методов.

Научная проблема астросоциологии выражается в форме вопроса: «Как и в какой степени расширение пространства присутствия и пространства коммуникации социальных акторов за пределы Земли трансформирует социальные связи, действия и коллективные представления людей?»

Объект астросоциологии — астросоциальные феномены как социальные явления, возникающие в процессе освоения космического пространства и/или в результате интеграции космических достижений в общественную жизнь.

Предмет астросоциологии — специфика возникающих при освоении и присвоении космического пространства социальных связей, действий и коллективных представлений людей.

Цель астросоциологии — исследовать эту специфику.

Основные задачи астросоциологии:

— Исследовать особенности социальных аспектов подготовки к выходу человека, сообщества или техники в космос.

— Изучить специфику осуществляемой на Земле деятельности по управлению космическими аппаратами, миссиями и работой людей в космосе.

— Охарактеризовать особенности пребывания людей в космосе, влияющие на их взаимодействия.

— Изучить трансформацию космического пространства и связанных с его освоением земных территорий (например, зон вокруг космодромов) под влиянием космической деятельности.

— Проанализировать трансформацию повседневной жизни людей под влиянием достижений в освоении космоса.

— Выявить практики конструирования образа космического пространства в науке, культуре и других сферах жизни общества.

В нашем представлении астросоциология как социологическая дисциплина базируется на социологической методологии. Все методы эмпирических исследований, которые применяются в социологических работах, могут быть использованы в астросоциологических исследованиях. Опросы общественного мнения, экспертные интервью, социологический анализ документов и другие методы исследования применяются в эмпирических астросоциологических работах. Астросоциология не предполагает наличия собственных специфических методов эмпирических исследований.

Направления астросоциологических исследований

Сегодня социальные взаимодействия, связанные с освоением космоса, осуществляются в двух пространственных сферах — на Земле и в космосе. Инженеры и рабочие осваивают космос опосредствованно — через коллективно созданные аппараты, а космонавты — непосредственно. Осуществляемая в космическом пространстве деятельность направлена также на две разные сферы — на Землю

(навигация, связь, разведка и пр.) и в космос (исследования космоса и его колонизация). Исходя из этого, мы можем выделить следующие направления астросоциологических исследований.

Первое включает социальные аспекты подготовки к выходу человека и техники в космос, то есть производства ракет и кораблей, а также вспомогательных объектов, таких как станции слежения. В контексте данного направления люди работают на Земле, однако продукты их деятельности выходят в космос. Второе направление охватывает создание и работу наземных систем, интегрированных с космическими объектами. Например, когда люди на Земле управляют аппаратом, работающим в космосе, их действия выходят за пределы Земли. Хотя сами люди не покидают нашей планеты, формируется сеть взаимодействий, которая распространяется на космос и проявляется там в работе аппарата, изучающего космическое пространство или воздействующего на космические объекты. Третье направление формируется на пересечении земной и космической сфер деятельности и называется полетным. В его контексте исследуются социальные взаимодействия космонавтов, которые летают в космос и возвращаются. Четвертое направление объединяет исследования колонизации космических объектов, когда люди присваивают космос и превращают его в пространство жизнедеятельности и повседневного взаимодействия.

Эти социальные явления объединены общим источником — космической деятельностью, и поэтому все они относятся к астросоциальным. Однако исследовательские направления соответствуют разным полям астросоциальных явлений, которые порождаются разными сферами космической деятельности. Так, взаимодействия людей, находящихся на Земле и управляющих марсоходом (наземно-исследовательское направление), значительно отличаются от взаимодействий членов экипажа МКС (полетное направление). Социальные аспекты организации производства космических кораблей (организационное направление) сильно отличаются от перспектив социальной организации космических колоний (колонизационное направление). По-разному выбирается и фокус исследований. В случае с командой специалистов, управляющих марсоходом, изучается распределение действия в физическом пространстве на Земле и за ее пределами — а в случае с экипажем, работающим на МКС, фокус направлен на особенности деятельности членов экипажа под влиянием специфики физического пространства космоса.

Кроме того, астросоциология изучает то, как результаты космической деятельности меняют жизнь и конструируют представления людей о космосе. Поэтому отдельно мы выделили трансформационное и конструктивистское направления. В конструктивистское направление включены исследования того, как образ космоса конструируется в сознании людей космическими науками и сформировавшимися конвенциями описания космоса. Трансформационное направление содержит исследования того, как результаты космической деятельности меняют жизнь людей на Земле и как освоение космического пространства трансформирует его и связанные с его освоением места на Земле.

Чтобы структурировать тематическое поле астросоциологии, впишем корпус имеющихся работ по астросоциологической тематике в вышеназванные исследовательские направления.

Организационное (подготовительное) направление

Содержит исследования социальных аспектов подготовки выхода человека, общества или техники в космос. В рамках космической деятельности необходимо создавать и применять специальную технику и технологии, готовить космонавтов, изучать воздействие космоса на организм человека, обеспечивать взаимодействие специализированных институтов. Все это — социальные процессы, структурированные социальными системами, которые включают действия людей и отношения между ними.

В России наиболее популярными остаются работы, посвященные ракетно-космической отрасли. В. Н. Зимин и В. Б. Падалкин изучили систему кадрового обеспечения предприятий ракетно-космической отрасли и продемонстрировали, что использование инструментов поддержки и развития научной работы с молодежью, а также введение космической тематики в преподавание естественнонаучных и общинженерных дисциплин способствует качественной подготовке высококвалифицированных специалистов для ракетно-космической отрасли [Зимин, Падалкин, 2015]. Проблемой дефицита кадров на предприятиях космической отрасли и исследованием его причин и последствий занимается Н. В. Авдошина. Автору удалось продемонстрировать взаимосвязь кадрового дефицита на аэрокосмических предприятиях с низким качеством профориентационной работы со школьниками, которая не справляется с задачей привлечения молодежи в космические профессии [Авдошина, 2017]. В то же время выпускники профильных вузов неохотно трудоустраиваются на эти предприятия. Причины такой ситуации требуют дальнейших исследований.

Для освоения космоса необходимы новые институты: космической медицины [Clément, 2011], космической экономики [Tkatchova, 2018], космической политики, космического права и др. [Pass, 2016]. О способах усовершенствовать систему международного космического права написан ряд научных книг [Brünner, Soucek, 2011; Ram, Sgobba, Dempsey, 2011; Froehlich, 2018a]. Примером международного космического сотрудничества можно считать деятельность Международной космической станции (МКС). Правовой статус МКС определяется комплексом международных договоров⁶ и соглашений⁷, которые регулируют право собственности на ее элементы, права и обязанности экипажа, а также юрисдикцию государств — партнеров по МКС в ходе полета [Асланова, 2012; Abbott, Snidal, 2010]. Анализу международного сотрудничества в космической деятельности посвящены крупные научные работы [Thompson et al., 2009; Rathgeber, Schrogl, Williamson, 2010].

Быстрое развитие космических технологий ставит пока еще кажущуюся фантастической проблему регулирования добычи полезных ископаемых в космосе. Однако уже сегодня социальные и правовые аспекты такой деятельности стано-

⁶ Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (Нью-Йорк, 14 января 1975 г.).

⁷ Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств — членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения (Вашингтон, 29 января 1998 г.) // Гарант.ру. URL: <http://base.garant.ru/2541609/> (дата обращения: 26.10.2020).

вятся предметом политических дискуссий⁸ и находят отражение в научных работах [Froehlich, 2018b; Bhattacharya, 2018; Pop, 2000].

Особого внимания заслуживает сборник *Global Space Governance: An International Study* [Jakhu, Pelton, 2017]. Включенные в него исследования посвящены правовым и политическим ресурсам глобального регулирования космической деятельности и предлагают способы усовершенствовать это регулирование. Опубликованные результаты представлены Комитету ООН по использованию космического пространства в мирных целях и рассмотрены в рамках международной конференции UNISPACE+50 в Вене в 2018 г.⁹ В книге охарактеризованы региональные, национальные и глобальные системы регулирования освоения космического пространства¹⁰. Авторы дают рекомендации по деятельности в сферах спутниковой связи, дистанционного зондирования и наблюдения Земли, спутниковой навигации, использования солнечной энергетики, работы космических стартовых систем и космических полетов человека. Значимое место в работе отведено проблемам международного космического частно-государственного партнерства, космической безопасности, добычи полезных ископаемых в космосе, космических угроз и защиты от них (например, астероидной угрозы), космической экологии, обращения с космическим мусором, управления космонавтикой, а также перспективам колонизации космических объектов. Книга завершается обсуждением возможностей распространить блага освоения космоса на все человечество.

Нельзя обойти стороной тему влияния гражданского активизма на астрополитику [Ormrod, 2007]. Отметим работу Ханнаха Харриса и Педро Руссо, показавших, как американские гражданские активисты в 2004 г. смогли спасти программу по исследованию космоса и конкретно телескоп «Хаббл» [Harris, Russo, 2015]. Примечательны исследования Никола Шмидта и Дэвида Томблина с коллегами. Они проанализировали результаты общественного обсуждения защиты Земли от астероидной угрозы и пришли к выводу о его перспективности для решения важнейших космических проблем [Tomblin et al., 2017; Schmidt, 2019]. Таким образом, гражданские активисты также рассматриваются учеными как субъекты освоения космоса.

К «земным» проблемам, затрудняющим освоение космоса и требующим всестороннего изучения, можно отнести экономические кризисы и обострение междуна-

⁸ Например, в начале апреля 2020 г. президент США Дональд Трамп заявил о непризнании ресурсов Луны достоянием всего человечества (это противоречит Договору о космосе 1967 г.) и намерении использовать Луну для добычи полезных ископаемых. См.: Трамп подписал указ о праве США использовать ресурсы Луны // РБК. 2020. 7 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/04/2020/5e8bc85a9a79473565bd61a0> (дата обращения: 26.10.2020). На это глава Роскосмоса Д. О. Рогозин ответил, что Россия не допустит приватизации Луны. См.: Рогозин пообещал не допустить приватизации Луны // Интерфакс. 2020. 25 мая. URL: <https://www.interfax.ru/russia/710141> (дата обращения: 26.10.2020).

⁹ Подробнее о мероприятии см.: UNISPACE+50 // United Nations Office for Outer Space Affairs. 2018. URL: <http://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/unispaceplus50/index.html> (дата обращения: 26.10.2020).

¹⁰ Следует отметить, что современные проблемы международного регулирования космической деятельности и взаимодействия различных ее субъектов поставлены на Второй Международной конференции Манфреда Ляхса по вопросам глобального управления космическим пространством (Университет Макгилл в Монреале, Канада, 29—31 мая 2014 г.; отсюда распространенное краткое название мероприятия «Монреальская конференция о космосе мая 2014 г.»). Подробнее о мероприятии см. Мэдри С., Джеку Р., Пелтон Дж. Н. Анализ глобального управления космическим пространством — новая нормативно-правовая база для нового космического пространства? // Журнал ВЭС ВКС. 2016. 3 ноября. URL: <https://www.vesvs.ru/room/article/analiz-globalnogo-upravleniya-kosmicheskim-prostra-16110> (дата обращения: 26.10.2020).

родных отношений, в результате которых страдают финансирование космонавтики и международная космическая интеграция. Изучение международных отношений в космической деятельности представлено исследованиями проблемы межгосударственного неравенства в космической сфере — об этом пишут Джим Пасс и его коллеги [Pass et al., 2015].

Наземно-исследовательское направление

Изучает осуществляемую на Земле деятельность по управлению космическими аппаратами, миссиями и работой людей в космосе. Особенно интересное исследовательское поле — деятельность по дистанционному управлению с Земли космическими аппаратами: луноходами, марсоходами и другими роботами. Отметим проведенное Джанет Вертези исследование работы команды специалистов из 150 человек, которые находились в разных странах и управляли марсоходом [Vertesi, 2015]. Координация в режиме онлайн деятельности столь большой группы профессионалов, принадлежащих к разным культурам и специальностям, — уже непростая задача, которая усложняется техническими трудностями связи¹¹ с находящимся на Марсе аппаратом.

Ситуация управления с Земли работой аппарата на другой планете актуализирует проблему локализации действия в физическом пространстве. При исследованиях взаимодействия человека с относительно автономными космическими аппаратами мы сталкиваемся с проблемой технологического расщепления. Неясно, в каком месте происходит действие: на другой планете, на которую физически воздействует аппарат, или на Земле, откуда он управляется? Действие становится распределенным в пространстве, а пространство действия разрывается: физически оно происходит на другой планете, тогда как волевые усилия, благодаря которым отдаленная деятельность становится возможной, осуществляются на Земле¹². Особую значимость приобретают исследования взаимодействия человека с максимально автономными космическими аппаратами, работающими в дальнем космосе: межпланетными станциями, искусственными спутниками планет и другой подобной техникой. Такие аппараты ведут в космосе самостоятельную исследовательскую деятельность, посылая на Землю ее результаты — снимки, данные и т. п. В то время как работа луноходов и марсоходов управляется людьми с Земли, деятельность автономных аппаратов регулируется минимально — они управляются установленными на бортовых ЭВМ компьютерными программами. Специалисты же по необходимости корректируют работу различных систем аппарата: посылают команду на включение/отключение приборов, поворот бортовых платформ, изменение программного кода. Например,

¹¹ Сигналу, чтобы дойти до аппарата на Марсе, необходимо чуть менее получаса.

¹² Проблемы разрыва места и субъекта действия лучше всего охарактеризованы в работе Мануэля Деланды «Война в эпоху разумных машин» [Деланда, 2015], а также в рецензии на данную работу В. С. Вахштайна [Вахштайн, 2015]. Деланда рассматривает такие разрывы на примере работы летчиков, управляющих с территории США деятельностью беспилотных летательных аппаратов на Ближнем Востоке. В случае исследования Деланды разрывы происходят в пределах Земли. При изучении космоса проблемы таких разрывов обостряются значительно большими расстояниями. Кроме того, появляется новый разрыв — разрыв времени действия, так как на прохождение сигнала от Земли до космического аппарата нужно много времени. При коммуникации человека с техникой в пределах Земли такого не происходит.

бортовая ЭВМ «Вояджера-2» несколько раз была удаленно перепрограммирована [Ludwig, Taylor, 2002]. Подобные операции удаленно выполнять крайне сложно, а получения ответа от аппарата приходится ждать несколько дней. Управление с Земли космическими аппаратами становится возможным благодаря созданию космических систем [Aguirre, 2013].

Полетное направление

Выявляет социальные аспекты работы людей в космосе. Перспективны исследования взаимоотношения космонавтов в малых группах экипажей космических миссий. Специфику таким взаимоотношениям придает разрушение привычных пространственных условий взаимодействий под влиянием среды космического пространства (невесомости, расположения объектов на МКС, работы в скафандрах при выходах в открытый космос) и особенностей работы в малых отдаленных от Земли группах экипажей. Проблемы межкультурной коммуникации в космосе, взаимодействия членов автономных и беспрецедентно удаленных малых групп, разрыва с привычным земным пространством исследованы авторами сборника научных эссе [Vakoch, 2013]. Психологическое исследование процесса подготовки космонавтов, формирования отрядов, личностного и профессионального развития космонавтов проведено российскими учеными Р. Б. Богдашевским и И. Б. Соловьёвой [Богдашевский, Соловьёва, 2012].

Экипажи космонавтов представляют собой изолированные малые группы, состоящие из акторов (космонавтов), взаимодействующих между собой и с Центром управления полетами (ЦУП). Тематика коммуникации акторов в изолированных малых группах в социологии разработана недостаточно, в то время как психологическая наука содержит комплекс работ, посвященных исследованию такой коммуникации, в том числе взаимодействия космонавтов на борту МКС друг с другом и с ЦУП. О проблемах коммуникации экипажей с ЦУП и возникающих при этом конфликтных ситуациях написан ряд научных работ [Замалетдинов, Мясников, 1993; Мясников, Гуцин, Юсупова, 2005; Walford et al., 1996; Oberg, 1981]. Группа российских психологов разработала методологию исследования взаимодействия космонавтов между собой и с ЦУП [Гуцин и др., 2016]. Контент-анализ разговоров в рамках трансактной теории общения Эрика Берна позволил выявить, какие психологические роли и стратегии принимают космонавты в коммуникационном контуре «экипаж — ЦУП». Ученых интересовало, как на коммуникацию космонавтов влияет адаптация к стрессовым факторам полета: замкнутому пространству, необходимости работать в условиях риска и быстро принимать нестандартные решения с высокой степенью ответственности за результат. Авторы пришли к выводу, что анализ содержания радиопереговоров экипажа с ЦУП позволяет выявить проблемы взаимодействия в контуре «Борт — Земля».

Кроме того, интерес для астросоциологии представляет сообщество космонавтов как особая профессиональная группа, их жизненные пути и процессы рекрутинга. Данная тематика наиболее популярна в России. В диссертации Л. В. Ивановой всесторонне изучен процесс структурирования профессионального сообщества космонавтов и социальные характеристики его членов [Иванова, 2012]. Корпус работ Л. В. Ивановой и С. В. Кричевского содержит характеристику

структуры учреждений, занимающихся освоением космоса; описание модели сообщества космонавтов как социального института; исследование социализации и профессиональной адаптации космонавтов, международных связей российских космонавтов и их интеграции в международное сообщество; исследование научной деятельности российских космонавтов и истории становления профессии космонавта [Иванова, 2011, 2012; Иванова, Кричевский, 2013, 2016].

Проблемы и перспективы взаимодействия человека и техники в космическом пространстве изучены коллективом авторов, которые проанализировали границы автономности деятельности людей и технических устройств в космосе [Cortellessa, Cesta, Oddi, 2009]. Исследователи пришли к выводу, что необходимо развивать смешанные системы, которые способны компенсировать ограничения возможностей человека и технических объектов для осуществления такой деятельности. Особое внимание в работе уделено распределению принятия решений между людьми и техническими системами.

Все действия космонавтов на орбите, в условиях невесомости и свободного полета, отличаются от аналогичных действий на Земле. Это касается как научной деятельности, так и повседневных бытовых операций. Главная черта выполняемых на МКС действий — отсутствие привычной пространственной ориентации. На Земле гравитация позволяет ориентироваться в пространстве и отличать низ и верх, понимать, в каком положении находится тело. Отсутствие гравитации на орбите разрушает этот порядок, и человеку приходится выбирать ориентиры в пространстве (иллюминаторы или крупные вещи на станции), чтобы стабилизировать свое положение относительно них и создать симуляцию земного порядка пространственного расположения своего тела. Об этом пишет космонавт Валентин Лебедев: «Удивительные преобразования дает невесомость. На Земле мы привыкли все окружающее воспринимать относительно горизонтали и вертикали. <...> Когда мы на Земле изучаем станцию, то у нас складывается представление об ее интерьере с пониманием, где верх, где низ, то есть, где потолок, а где пол. А в космосе это не имеет значения, здесь в одном объеме можно увидеть несколько разных интерьеров в зависимости от положения человека. <...> Когда стали ложиться спать, у нас спальные места на потолке (по-земному), то я поплыл к своей постели вверх, перевернулся и встал на нее ногами, то есть вниз головой по-земному. Это неприятно, но посмотрел вдоль станции и приказал себе признать новый интерьер, как бы внутренне перестраивая восприятие станции относительно своего положения. Считая, что где ноги — там пол, а где голова — потолок. Так я стал стоять на полу, который когда-то был потолком» [Лебедев, 1984: 5]. Такое влияние невесомости на ориентацию в пространстве подтверждается случаем в полете Г. Т. Берегового 26—30 октября 1968 г. Одним из заданий полета была стыковка пилотируемого им космического корабля «Союз 3» к беспилотному «Союзу 2». Стыковку осуществить не удалось по причине того, что, как позже выяснилось, опытный космонавт, заслуженный летчик-испытатель СССР заводил свой корабль на стыковку в «перевернутом» положении. Дело в том, что в те годы люди еще не имели достаточных знаний о воздействии невесомости на ориентацию человека в пространстве и о количестве времени, необходимом для адаптации к работе в космосе. Поэтому, не успев адаптироваться к невесомости и столкнувшись с не-

привычным порядком расположения и взаимодействия тел, космонавт потерял ориентацию в пространстве и не смог определить положение пилотируемого им «Союза» относительно другого космического корабля. Эти эмпирические факты подтверждают специфику осуществляемых в космосе действий и их принципиальное отличие от действий, совершаемых на Земле. Заметно разрушение укорененного в природе человека мироощущения при перемещении людей в космическое пространство.

Колонизационное направление

Включает работы о социальных аспектах колонизации космоса. Предполагает изучение процесса терраформирования, то есть изменения осваиваемого космического пространства в соответствии с потребностями человека, а также перспектив трансформации сообществ колонистов под влиянием условий жизни на колонизируемых космических объектах [Kanaz, 2011; Lockard, 2014]. Здесь речь идет о присвоении человеком пространства космических объектов для удовлетворения собственных потребностей и расширения присутствия человека во Вселенной. Исследованием социальных аспектов колонизации космических объектов занимался С. В. Кричевский [Кричевский, 2012]. Автор проанализировал цели, проблемы и перспективы космической экспансии человечества, очертил ключевые социальные группы космических колонистов, обосновал необходимость трансформации, которая даст людям возможность формировать космические колонии.

Среди планет, перспектива колонизации которых обсуждается наиболее часто, стоит выделить Марс [Binsted et al., 2010; Conley, Rummel, 2008; Straume, Blattinig, Zeitlin, 2010; Zubrin, 1995]. Как технические и медицинские, так и социогуманитарные аспекты путешествия человека на Марс отражены в сборнике *The Human Factor in a Mission to Mars*, в котором обсуждаются неочевидные проблемы и темы пилотируемой марсианской экспедиции [Szocik et al., 2019]. Кроме вопросов терраформирования и противодействия угрозам здоровью колонизаторов, авторы уделили внимание чувствам, эмоциям, убеждениям и способности людей действовать в условиях разрыва с привычной средой родной планеты. Как основной замысел книги заявлена попытка провести междисциплинарный анализ человеческого фактора колонизации Марса [Szocik, 2019].

Проблеме адаптации человека к жизни в космических колониях посвящена книга американского антрополога Кемерона Смита [Smith, 2019]. Автора интересовало, как знание о культурных и биологических инструментах адаптации помогло бы нам успешно заселить космическое пространство? Кроме того, ученый проанализировал различные аспекты жизни, «которые будут меняться по мере приспособления людей к новым условиям за пределами Земли. Например, наши музыкальные инструменты, наша кухня, наша литература и даже религии — все это будет скорректировано, потому что будет использоваться в ситуациях, отличных от той планеты, на которой появилось» [ibidem: 8].

Вопросы управления будущими внеземными колониями и сохранения в них прав и свобод человека обсуждаются в трех сборниках научных эссе под редакцией Чарльза Кокелля [Cockell, 2014, 2015, 2016]. На страницах этих сборников развернута дискуссия о том, как в условиях космического пространства транс-

формируются формы власти и подчинения, баланс индивидуальных и коллективных интересов, свободы и детерминизма. Особенно интересен третий сборник, посвященный проблеме выражения политического несогласия в космосе, — ведь политический конфликт в космических сообществах способен уничтожить всех его участников. «Как мы можем восстать против социальных и управленческих структур, которые мы создали в космосе? Как мы можем не соглашаться или демонтировать организационные структуры, если они больше не служат целям, для которых были предназначены?» — такими вопросами задается главный редактор во вступительном слове [Cockell, 2016: 7].

Конструктивистское направление

Рассматривает космос как социальный конструкт. Ученые не только исследуют космос, но и конструируют знания о нем. Исследователи принадлежат к различным культурам, имеют различную идеологию и мировоззрение, исходные представления относительно космоса: все это влияет и на процесс его изучения и освоения, на построение его моделей [Gauchat, 2012]. Модель космоса в сознании людей выстраивается языками описания космоса, гипотезами относительно неизвестных или малоизвестных фактов, идеологией его освоения.

Говоря на языке социологии Пьера Бурдьё, отметим, что поле освоения космоса формируется имеющимся у исследователей научным и техническим капиталом и влиянием их коллективных представлений, то есть габитуса, на конструирование моделей исследуемого предмета [Бурдьё, 2007]. Для исследования космических практик можно применить «формулу Бурдьё»: «(габитус * капитал) + поле = практики» [Кравченко, 2007: 278]. Если у нас есть данные о коллективных представлениях (габитусе) исследователей космоса (агентов), их технических и информационных ресурсах (объеме капитала), если мы понимаем, как устроена система организаций, занимающихся освоением космоса (поле), мы можем охарактеризовать социальные практики конструирования знаний о космосе. Дело в том, что имеющиеся знания о космосе часто оказываются неполными и фрагментарными, и сложить из них целостную картину непросто. Для этого ученым приходится прибегать к конструированию моделей космоса, то есть принимать ряд допущений, на которые большое влияние оказывают сложившиеся правила, представления и конвенции описания исследуемого предмета. Социальный антрополог Лиза Мессери показывает, как представления о космосе редуцируются до упрощенных моделей, структурно подогнанных под повседневные знания о нашей планете [Messerli, 2016]. С помощью привычных для людей «земных» языков описания, метафор, фотографий подобного земному ландшафта Марса ученые конструируют в сознании людей «привычный» для них космос с «привычными» космическими телами.

Большой вклад в конструирование представлений о космосе в массовом сознании вносит научно-популярный контент, посвященный данной тематике. Социальные сети как инструмент распространения знаний о космосе исследуют Алан Стейнберг и его соавторы. Они выявили роль социальных сетей (на примере Twitter, YouTube и Facebook) в космической просветительской деятельности и попытались ответить на вопрос, как изучающие космос сообщества могут ис-

пользовать социальные сети для распространения знаний о нем [Steinberg, Alles, Kobrick, 2015].

Трансформационное направление

Включает исследования того, как результаты освоения космоса меняют жизнь и деятельность людей. Предметом анализа становится влияние космических достижений на трансформацию как социальных практик, культуры, институтов и общественной жизни, так и физического пространства космоса и связанных с его освоением мест на Земле.

Достижения в освоении космоса воплощаются в новых технологиях: спутниковой связи, навигации, спутникового телевидения и т. д. Они облегчают получение и передачу информации: спутниковое телевидение дает дополнительные источники информации из разных стран, спутниковая связь и интернет включают в коммуникационное пространство даже отдаленные места Земли, появляются проекты раздачи спутникового интернета, предполагающие новые возможности для борьбы с цензурой¹³. Изменяется повседневность людей: бумажные карты заменены навигаторами, благодаря спутниковой связи люди не покидают сетей коммуникации, даже находясь вдали от населенных пунктов, спутниковые технологии позволили получать довольно точные прогнозы погоды.

Космические технологии дают ресурсы и для решения глобальных проблем человечества. В книге Скотта Мадри обсуждаются возможные решения проблем нехватки продовольствия, загрязнения окружающей среды, низкого уровня жизни в развивающихся странах, социальных неравенств. Малые спутники, многоразовые ракеты-носители, системы дистанционного зондирования Земли позволяют повышать урожайность посевов, выявлять и предотвращать преступления против человечества, контрабанду наркотиков, акты загрязнения окружающей среды [Madry, 2020]. Возможности использования новых космических технологий для решения глобальных проблем в перспективе до 2050 г. подробно охарактеризованы в сборнике *Threats, Risks and Sustainability — Answers by Space* [Schrogl, Mathieu, Lukaszczuk, 2009]. Исследованию возможностей применения космических технологий в целях устойчивого развития посвящен недавний доклад Генерального секретаря ООН¹⁴.

Тема космоса появляется в культуре и создает тематическое поле астрокультурных исследований. После запуска первого спутника, полета Ю. А. Гагарина, высадки астронавтов на Луну и ряда других крупных космических событий тема космоса прочно заняла одно из центральных мест в культуре человечества. Повсеместно появились посвященные космосу книги, фильмы, картины и даже монеты и почтовые марки. В работе П. Блоунта и Д. Фуссела исследовано, как эпоха освоения космоса отражается в музыкальной культуре США [Blount, Fussell, 2017]. Космическую мифологию в советской и российской культуре исследует А. В. Симонова. Освоение

¹³ О подобном проекте Илона Маска см.: Открытый космос. 12 000 спутников Илона Маска дадут всем землянам доступ в Интернет, и отключить его будет невозможно // The Insider. 2018. 6 марта. URL: <https://theins.ru/obshestvo/94022> (дата обращения: 26.10.2020).

¹⁴ Доклад Генерального секретаря ООН «Изучение космических технологий в целях устойчивого развития и преимуществ международного сотрудничества в области исследований в этом контексте» (E/CN.16/2020/3) // United Nations Conference on Trade and Development. 2020. 13 января. URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ecn162020d3_ru.pdf (дата обращения: 26.10.2020).

космоса в советской мифологии было «ключом», открывающим путь к светлому коммунистическому будущему. Космические мифы заменяли в сознании советских людей религиозные представления. Автор отмечает снижение интереса к космосу в постсоветской России, поскольку крах Советского государства привел к разочарованию и в советской космической мифологии [Симонова, 2014].

Несмотря на то что освоение космоса — глобальная задача всего человечества, оно имеет национальное измерение и играет большую роль в формировании культурных и национальных идентичностей. Достаточно вспомнить космическую гонку СССР и США, которая превратила космос в поле битвы идеологий. Космическая деятельность также стала инструментом реализации национальных интересов в Китае, Индии, Бразилии и арабских странах [Манжула, 2013; Aliberti, 2015, 2018]. Конечно, в XXI веке космос становится пространством скорее сотрудничества, чем соперничества¹⁵, однако амбиции государств по-прежнему влияют на их космические программы. На тему национального измерения космической деятельности и ее влияния на культурную и национальную идентичность людей написан ряд научных работ [Venet, Baranes, 2013; Al-Ekabi, 2015; Aliberti, 2015, 2018].

Меняется и мировоззрение людей. Среди философских дискуссий об освоении космоса можно выделить космическую этику. Этические проблемы космонавтики проанализированы в книгах *The Ethics of Space Exploration* [Schwartz, Milligan, 2016] и *Icarus' Second Chance* [Arnould, 2011], где обсуждаются ценности освоения космоса. Как освоение космоса влияет на решение глобальных проблем человечества? Какие ресурсы оно дает и с какими рисками сопряжено? Как минимизировать риски и максимизировать пользу для всего человечества? Эти и многие другие вопросы занимают умы ученых [Schwartz, Milligan, 2016; Arnould, 2011].

Меняется повседневная жизнь людей, территориально или профессионально связанных с космической деятельностью. Строительство космодромов и различной космической инфраструктуры часто коренным образом меняет жизнь людей прилегающих территорий. Например, Питер Редфилд исследовал, как поменялся быт жителей Гвианы после строительства там космодрома [Redfield, 2000].

Космическое производство и запуски ракет наносят вред природе — отработанное ракетное топливо загрязняет местность, отравляет животных и растения, наносит вред экосистемам. А. С. Фадеев выделяет физическое и химическое вредное воздействие ракетных запусков на природу. Примеры физического воздействия — повреждение почвенного и растительного покровов, загрязнение поверхности фрагментами отделяющихся частей, возникновение пожаров. Химическое воздействие проявляется в загрязнении экосистем (почв, растительности, приземного слоя атмосферы) компонентами ракетного топлива и продуктами их трансформации или сгорания [Фадеев, 2012]. Эти проблемы требуют технологических решений. Стоит отметить, что необходимы заинтересованность руководства космической

¹⁵ Еще в 1970-е годы, во времена космического соперничества и холодной войны между странами НАТО и странами Варшавского договора, стало понятно, что освоение космоса отдельно взятыми государствами становится невозможным из-за банальной нехватки ресурсов, вследствие чего было положено начало космическому сотрудничеству, стартовавшего со стыковки космических кораблей — советского «Союза» и американского «Аполлона». В настоящее время освоение космоса осуществляется преимущественно международным сообществом: имеются международные космические программы, с 1998 г. функционирует МКС, экипажи космонавтов часто формируются из представителей разных государств.

отрасли в повышении экологической безопасности космической деятельности, разработка и реализация программ по снижению вредного воздействия запусков на природу, проведение комплекса мероприятий по восстановлению природных объектов и компенсации вредного воздействия на них.

Проблемой также становится загрязнение орбиты Земли космическим мусором — обломками спутников и других космических аппаратов, прекративших работу, но оставшихся на орбите. Работа Натанаила Макинтайра посвящена тому, какие политические препятствия мешают решить проблему орбитального мусора и какие технические и политические ресурсы помогут в этой борьбе [McIntyre, 2017]. Правовые и политические аспекты решения этой проблемы исследуются в сборнике под редакцией Аннет Фрелих [Froehlich et al., 2019].

Тем не менее космическая деятельность способна решать глобальные экологические проблемы. Пример тому — использование международных сетей по освоению космоса для решения проблемы глобального потепления [Urry, 2011].

Мы понимаем, что представленная классификация не создает жесткой дисциплинарной структуры астросоциологии и не позволяет четко разделить все астросоциологические исследования по направлениям, однако перед нами стояла задача предложить некоторую структурную модель, систематизирующую предметное поле новой дисциплины. Подобная классификация вносит вклад в решение этой задачи. Понимаем мы также и отсутствие четких границ между выделенными направлениями, однако это объясняется спецификой социогуманитарного знания.

Заключение

На нынешнем этапе развития астросоциологии можно выделить ее социологическую и междисциплинарную концепции. В рамках социологической концепции астросоциологии мы попытались сформировать теоретическую базу для социологических исследований различных процессов, связанных с освоением космоса, и изучить возможности описания астросоциальных феноменов на языке социологической теории [Ходыкин, 2019]. В качестве базовой социологической дисциплины для астросоциологических исследований выбрана социология пространства, поскольку она объединяет исследования, в которых пространство становится не столько темой, сколько проблемой, источником специфики или трансформации возникающих в нем или связанных с ним социальных явлений. Специфика физического пространства космоса, а именно (1) его непригодность для жизни биологических организмов, (2) огромные расстояния, преодоление которых ставит проблемы перед космонавтикой, и (3) небольшие размеры космических объектов по сравнению с расстояниями между ними, — приводит к тому, что физическое пространство космоса оказывает особенно сильное сопротивление деятельности по его освоению, и это определяет специфику действий и взаимоотношений социальных акторов. Однако наиболее распространена сегодня междисциплинарная концепция астросоциологии. Она объединяет комплекс исследований из различных социогуманитарных наук и показывает астросоциологию скорее как часть социальных наук, нежели как социологическую дисциплину. Как междисциплинарная социогуманитарная область знаний о космосе астросоциология охватывает дисциплины от экономики до социальной антропологии. Многие из исследований

космоса в этих дисциплинах проанализированы в данной работе и классифицированы в соответствии с выделенными исследовательскими направлениями, структурирующими предметное поле астросоциологии.

Астросоциология имеет все основания, чтобы стать новой социологической дисциплиной: есть сформированное предметное поле и комплекс объединенных космической тематикой социологических работ, созданы тематические журналы¹⁶, социологическая методология позволяет решать астросоциологические задачи. Мы сформулировали проблему, объект, предмет, цель и задачи астросоциологии, а также выделили ее исследовательские направления, тем самым предлагая структуру дисциплины. Новые достижения в освоении космоса порождают новые формы социальных явлений, в связи с чем можно прогнозировать динамичное развитие астросоциологии.

Список литературы (References)

Авдошина Н. В. Дефицит кадров на предприятиях аэрокосмического кластера: проблемы преодоления // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. Серия 12. Социология. Т. 10. № 2. С. 201—213. <https://doi.org/10.21638/10.21638/11701/spbu12.2017.205>.

Avdoshina N. V. (2017) Overcoming Staff Deficiencies at Aerospace Cluster Enterprises: Problems to Be Overcome. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Sociology*. Vol. 10. No. 2. P. 201—213. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.205>. (In Russian).

Асланова Д. З. Правовой статус Международной космической станции // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2012. Т. 2. № 8. С. 328—329.

Aslanova D. Z. (2012) Legal Status of the International Space Station. *Actual Problems of Aviation and Cosmonautics*. Vol. 2. No. 8. P. 328—329. (In Russ.)

Богдашевский Р. Б., Соловьёва И. Б. Вопросы развития личности космонавта-профессионала // Пилотируемые полеты в космос. 2012. № 3. С. 100—112.

Bogdashevsky R. B., Solovyova I. B. (2012) Issues of the Development of a Professional Cosmonaut's Personality. *Pilotiruemye polety v kosmos*. No. 3. P. 100—112. (In Russ.)

Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.

Bourdieu P. (2007) *Sociologie de L'Espace Social*. Saint Petersburg: Aleteya. (In Russ.)

Вахштайн В. С. WTS: War, Technology and Society // Социология власти. 2015. № 1. С. 278—294. Рец. на кн.: Деланда М. Война в эпоху разумных машин. М.: Кабинетный ученый, 2015.

Vakhshtain V. S. (2015) WTS: War, Technology and Society. Book Review: DeLanda M. *War in the Age of Intelligent Machines*. Moscow: Kabinetnyi uchenyi, 2015. *Sociology of Power*. No. 1. P. 278—294. (In Russ.)

Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН: Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), 2004.

¹⁶ Основными изданиями остаются журналы *Astropolitics* и *Astrosociology*.

Goffman E. (2004) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Moscow: Institute of Sociology Russian Academy of Sciences; Public Opinion Foundation (FOM). (In Russ.)

Гущин В. И., Юсупова А. К., Швед Д. М., Чекалина А. Г., Шуева Л. В., Кузнецова П. Г., Виноходова А. Г., Карпова О. И., Чернова Е. Г. Методологические подходы к контент-анализу общения космического экипажа // *Авиакосмическая и экологическая медицина* 2016. Т. 50. № 3. С. 55—64.

Gushchin V. I., Yusupova A. K., Shved D. M., Chekalina A. G., Shueva L. V., Kuznetsova P. G., Vinokhodova A. G., Karpova O. I., Chernova E. G. (2016) *Methodological Approaches to Content Analysis of Spacecrew Communication*. *Aerospace and Environmental Medicine*. Vol. 50. No. 3. P. 55—64. (In Russ.)

Деланда М. *Война в эпоху разумных машин*. М.: Кабинетный ученый, 2015.

DeLanda M. (2015) *War in the Age of Intelligent Machines*. Moscow: Kabinetnyi uchenyi. (In Russ.)

Ерофеева М. А. *Социология И. Гоффмана в контексте развития теории социального действия*: дис. ... канд. соц. наук. М., 2015.

Erofeeva M. A. (2015) *Goffman's Sociology in the Context of the Development of the Theory of Social Action*. PhD Dissertation in Social Sciences. Moscow. (In Russ.)

Замалетдинов И. С., Мясников В. И. О возможностях адаптации центральной нервной системы человека к космической микрогравитации // *Международная научно-практическая конференция «Профессиональная деятельность космонавтов и пути повышения ее эффективности» (6—7 октября 1993 г.): тезисы докладов*. Звездный городок, 1993.

Zamaletdinov I. S., Myasnikov V. I. (1993) *On the Opportunities of Adaptation of The Human Central Nervous System to Space Microgravity*. In: *Academic-Practical Conference "Professional Activity of Cosmonauts and Ways to Improve its Effectiveness" (October 6—7, 1993)*. Zvyozdny gorodok. (In Russ.)

Зимин В. Н., Падалкин Б. В. Вопросы кадрового обеспечения предприятий ракетно-космической отрасли // *Высшее образование в России*. 2015. № 4. С. 87—91.

Zimin V. N., Padalkin B. V. (2015) *Problems of Training of Qualified Staff for Space Industry*. *Higher Education in Russia*. No. 4. P. 87—91. (In Russ.)

Иванова Л. В. *Профессиональное сообщество космонавтов как социальный институт* // *Социология власти*. 2011. № 6. С. 143—149.

Ivanova L. V. (2011) *Professional Community of Astronauts as a Social Institution*. *Sociology of Power*. No. 6. P. 143—149. (In Russ.)

Иванова Л. В. *Институционализация сообщества космонавтов*: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2012.

Ivanova L. V. (2012) *Institutionalization of the Cosmonaut Community*. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Social Sciences. Moscow. (In Russ.)

Иванова Л. В., Кричевский С. В. *Сообщество космонавтов: История становления и развития за полвека. Проблемы. Перспективы*. М.: URSS, 2013.

Ivanova L. V., Krichevsky S. V. (2013) Community of Cosmonauts: The History of Formation and Development for Half a Century. Problems. Prospects. Moscow: URSS. (In Russ.)

Иванова Л. В., Кричевский С. В. Российско-украинские связи в пилотируемой космонавтике и сообществе космонавтов: исторические и социологические аспекты // Российско-украинские связи в истории естествознания и техники. Вып. 3. М.: Акварель. 2016. С. 159—176.

Ivanova L. V., Krichevsky S. V. (2016) Russian-Ukrainian Relations in Manned Cosmonautics and the Cosmonaut Community: Historical and Sociological Aspects. In: *Russian-Ukrainian Relations in the History of Natural Science and Technology*. No. 3. Moscow: Akvarel'. P. 159—176. (In Russ.)

Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения. М.: Экзамен, 2007.

Kravchenko S. A. (2007) Sociology: Paradigms through the Prism of Sociological Imagination Moscow: Ekzamen. (In Russ.)

Кричевский С. В. Расселение человечества вне Земли: проблемы и перспективы // Пилотируемые полеты в космос. 2012. № 1. С. 155—160.

Krichevsky S. V. (2012) Settlement of Mankind outside the Earth: Problems and Prospects. *Pilotiruemye polety v kosmos*. No. 1. P. 155—160. (In Russ.)

Лебедев В. В. Дневник космонавта. М.: Наука и жизнь, 1984.

Lebedev V. V. (1984) Diary of a Cosmonaut. Moscow: Nauka i Zhizn. (In Russ.)

Манжула Е. А. Расширение «Большого космического клуба» и международная безопасность (на примере Бразилии и Ирана) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11—2. С. 111—115.

Manzhula E. A. (2013) "Big Space Club" Expansion and International Security (by Example of Brazil and Iran). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. No. 11—2. P. 111—115. (In Russ.)

Мясников В. И., Гущин В. И., Юсупова А. К. Предварительные результаты психологического анализа коммуникаций экипажей Международной космической станции // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 1. С. 112—118.

Myasnikov V. I., Gushchin V. I., Yusupova A. K. (2005) Preliminary Results of the Psychological Analysis of International Space Station Communications. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. No. 1. P. 112—118. (In Russ.)

Ним Е. Г. Космос как фронтир социологии // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 8—27. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5843>.

Nim E. G. (2018) Outer Space as a Sociological Frontier. *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 2. P. 8—27. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5843>. (In Russ.)

Сивков Д. Ю. Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России // Этнографическое обозрение. 2019. № 6. С. 67—79. <https://doi.org/10.31857/S086954150007769-5>.

Sivkov D. Yu. (2019) Space Exploration at Home: Amateur Cosmonautics in Contemporary Russia. *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 6. P. 67—79. <https://doi.org/10.31857/S086954150007769-5>. (In Russ.)

Симонова А. В. Формирование космической мифологии как фактора развития научных исследований космоса в СССР и России // Социология власти. 2014. № 4. С. 156—173.

Simonova A. V. (2014) Creation of Space Mythology as a Factor of Scientific Research of Outer Space in the USSR and Russia. *Sociology of Power*. No. 4. P. 156—173. (In Russ.)

Фадеев А. С. Прогнозирование экологических последствий космической деятельности космодрома «Восточный» // Вопросы электромеханики. Труды ВНИИЭМ. 2012. Т. 129. № 4. С. 21—32.

Fadeev A. S. (2012) Spaceport “Vostochny” Activities Ecological Consequences Forecasting. *Electromechanical Matters. VNIIEM Studies*. Vol. 129. No. 4. P. 21—32. (In Russ.)

Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008.

Filippov A. F. (2008) *Sociology of Space*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

Ходыкин А. В. Освоение космоса как социологическая проблема // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 4. С. 47—73. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-47-73>.

Khodykin A. V. (2019) Outer Space Exploration as a Sociological Problem. *Russian Sociological Review*. Vol. 18. No. 4. P. 47—73. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-4-47-73>. (In Russ.)

Abbott K. W., Snidal D. (2010) International Regulation without International Government: Improving IO Performance through Orchestration. *The Review of International Organizations*. Vol. 5. No. 3. P. 315—344. <https://doi.org/10.1007/s11558-010-9092-3>. (In Russ.)

Aguirre M. A. (2013) *Introduction to Space Systems: Design and Synthesis*. New York, NY: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-3758-1>.

Al-Ekabi C. (ed.) (2015) *European Autonomy in Space*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-11110-0>.

Aliberti M. (2015) *When China Goes to the Moon...* Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-19473-8>.

Aliberti M. (2018) *India in Space: Between Utility and Geopolitics*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71652-7>.

Arnould J. (2011) *Icarus' Second Chance: The Basis and Perspectives of Space Ethics*. Vienna: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-7091-0712-6>.

Bhattacharya K. G. (2018) The Viability of Space Mining in the Current Legal Regime. *Astropolitics*. Vol. 16. No. 3. P. 216—229. <https://doi.org/10.1080/14777622.2018.1536858>.

Binsted K., Kobrick R. L., Ó Griofa M., Bishop Sh., Lapierre J. (2010) Human Factors Research as Part of a Mars Exploration Analogue Mission on Devon Island. *Planetary and Space Science*. Vol. 58. No. 7—8. P. 994—1006. <https://doi.org/10.1016/j.pss.2010.03.001>.

Blount P.J., Fussell J.X. (2017) The Space Age Narrative as Reflected in Southern Music. *The Journal of Astrosociology*. Vol. 2. P. 121—132.

Brünner C., Soucek A. (eds.) (2011) *Outer Space in Society, Politics and Law*. Vienna: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-7091-0664-8>.

Clément G. (2011) *Fundamentals of Space Medicine*. New York, NY: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-4419-9905-4>.

Cockell C. S. (ed.) (2014) *The Meaning of Liberty Beyond Earth*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-09567-7>.

Cockell C. S. (ed.) (2015) *Human Governance Beyond Earth*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-18063-2>.

Cockell C. S. (ed.) (2016) *Dissent, Revolution and Liberty Beyond Earth*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-29349-3>.

Conley C. A., Rummel J. D. (2008) Planetary Protection for Humans in Space: Mars and the Moon. *Acta Astronautica*. Vol. 63. No. 7—10. P. 1025—1030. <https://doi.org/10.1016/j.actaastro.2008.03.012>.

Cortellessa G., Cesta A., Oddi A. (2009) Human — Machine Cooperation in Space Environments. In: Codignola L., Schrogl K.-U., Lukaszczuk A., Peter N. (eds.) *Humans in Outer Space — Interdisciplinary Odysseys*. Vienna: Springer. P. 135—147. https://doi.org/10.1007/978-3-211-87465-3_17.

Froehlich A. (ed.) (2018a) *A Fresh View on the Outer Space Treaty*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-70434-0>.

Froehlich A. (ed.) (2018b) *Space Resource Utilization: A View from an Emerging Space Faring Nation*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-66969-4>.

Froehlich A. (ed.) (2019) *Space Security and Legal Aspects of Active Debris Removal*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-90338-5>.

Gauchat G. (2012) Politicization of Science in the Public Sphere: A Study of Public Trust in the United States, 1974 to 2010. *American Sociological Review*. Vol. 77. No. 2. P. 167—187. <https://doi.org/10.1177/0003122412438225>.

Harris H. E., Russo P. (2015) The Influence of Social Movements on Space Astronomy Policy: The Cases of “Hubble Huggers”, JWST’s “Science Warriors” and the ISEE-3

- “Reboot Team”. *Space Policy*. Vol. 31. P. 1—4. <https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2014.08.009>.
- Jakhu R. S., Pelton J. N. (eds.) (2017) *Global Space Governance: An International Study*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-54364-2>.
- Kanas N. (2011) From Earth’s Orbit to the Outer Planets and Beyond: Psychological Issues in Space. *Acta Astronautica*. Vol. 68. No. 5—6. P. 576—581. <https://doi.org/10.1016/j.actaastro.2010.04.012>.
- Lockard E. S. (2014) *Human Migration to Space: Alternative Technological Approaches for Long-Term Adaptation to Extraterrestrial Environments*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-05930-3>.
- Ludwig R., Taylor J. (2002) *Voyager Telecommunications*. Pasadena, CA: Jet Propulsion Laboratory; California Institute of Technology. URL: https://descanso.jpl.nasa.gov/DPSummary/Descanso4-Voyager_ed.pdf (accessed: 31.10.2020).
- Madry S. (2020) *Disruptive Space Technologies and Innovations: The Next Chapter*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-22188-1>.
- McIntyre N. (2017) Criteria for Sustainability in the Orbital Environment. *The Journal of Astrosociology*. Vol. 2. P. 20—69.
- Messeri L. (2016) *Placing Outer Place: An Earthly Ethnography of Other Worlds*. Durham, NC: Duke University Press.
- Oberg J. E. (1981) *Red Star in Orbit*. New York, NY: Random House.
- Ormrod J. S. (2007) Pro-Space Activism and Narcissistic Phantasy. *Psychoanalysis, Culture & Society*. Vol. 12. No. 3. P. 260—278. <https://doi.org/10.1057/palgrave.pcs.2100131>.
- Pass J. (2011) Examining the Definition of Astrosociology. *Astropolitics*. Vol. 9. No. 1. P. 6—27. <https://doi.org/10.1080/14777622.2011.557854>.
- Pass J. (2016) Medical Astrosociology and Space Medicine: Bringing Together the Two Branches of Science. 54th AIAA Aerospace Sciences Meeting, AIAA SciTech Forum. URL: <https://doi.org/10.2514/6.2016-1897>.
- Pass J., Toerpe K., Rivera Rusca R., Jackson K., Hearsey C. (2015) *Astrosociology and Inequality in Global Space Governance*. 2nd Manfred Lachs Conference on Global Space Governance. Montreal: McGill Institute of Air and Space Law. P. 55—82. URL: <http://www.astrsoc.com/Library/PDF/InequalityGlobalSpaceGovernance.pdf> (accessed: 31.10.2020).
- Pop V. (2000) Appropriation in Outer Space: The Relationship between Land Ownership and Sovereignty on the Celestial Bodies. *Space Policy*. Vol. 16. No. 4. P. 275—282. [https://doi.org/10.1016/S0265-9646\(00\)00037-0](https://doi.org/10.1016/S0265-9646(00)00037-0).
- Ram S. J., Sgobba T., Dempsey P. S. (eds.) (2011) *The Need for an Integrated Regulatory Regime for Aviation and Space: ICAO for Space?* Vienna: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-7091-0718-8>.

- Rathgeber W., Schrogl K.-U., Williamson R. A. (eds.) (2010) *The Fair and Responsible Use of Space: An International Perspective*. Vienna: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-211-99653-9>.
- Redfield P. (2000) *Space in Tropics: From Convicts to Rockets in French Guiana*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Schmidt N. (ed.) (2019) *Planetary Defense: Global Collaboration for Defending Earth from Asteroids and Comets*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-01000-3>.
- Schrogl K.-U., Mathieu Ch., Lukaszczyk A. (eds.) (2009) *Threats, Risks and Sustainability—Answers by Space*. Vienna: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-211-87450-9>.
- Schwartz J. S. J., Milligan T. (eds.) (2016) *The Ethics of Space Exploration*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-39827-3>.
- Smith C. M. (2019) *Principles of Space Anthropology: Establishing a Science of Human Space Settlement*. Cham: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-25021-8>.
- Steinberg A., Alles J., Kobrick R. L. (2015) Exploring How Social Media Can Be Used to Promote Space Awareness: A Case Study of the Yuri's Night Web 2.0 Strategy. *The Journal of Astrosociology*. Vol. 1. P. 31—54.
- Straume T., Blattinig S., Zeitlin C. (2010) Radiation Hazards and the Colonization of Mars: Brain, Body, Pregnancy, In-Utero Development, Cardio, Cancer, Degeneration. *Journal of Cosmology*. Vol. 12. P. 3992—4033.
- Szocik K. (ed.) (2019) *The Human Factoring in a Mission to Mars: An Interdisciplinary Approach*. Cham: Springer. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-02059-0>.
- Thompson B. J., Gopalswamy N., Davila J. M., Haubold H. J. (eds.) (2009) *Putting the “I” in IHY: The United Nations Report for the International Heliophysical Year 2007*. Vienna: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-211-99180-0>.
- Tkatchova S. (2018) *Emerging Space Markets*. Berlin, Heidelberg: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-662-55669-6>.
- Tomblin D., Pirtle Z., Farooque M., Sittenfeld D., Mahoney E., Worthington R., Gano G., Gates M., Bennett I., Kessler J., Kaminski A., Lloyd J., Guston D. (2017) Integrating Public Deliberation into Engineering Systems: Participatory Technology Assessment of NASA's Asteroid Redirect Mission. *Astropolitics*. Vol. 15. No. 2. P. 141—166. <https://doi.org/10.1080/14777622.2017.1340823>.
- Urry J. (2011) *Climate Change and Society*. Cambridge: Polity.
- Vakoch D. A. (ed.) (2013) *On Orbit and Beyond: Psychological Perspectives on Human Spaceflight*. Berlin; Heidelberg: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-30583-2>.
- Venet C., Baranes B. (eds.) (2013) *European Identity through Space: Space Activities and Programmes as a Tool to Reinvigorate the European Identity*. Vienna: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-7091-0976-2>.

Vertesi J. (2015) *Seeing Like a Rover: How Robots, Teams and Images Craft Knowledge of Mars*. Chicago, IL: The University of Chicago Press.

Walford R. L., Bechtel R., MacCallum T., Paglia D. E., Weber L. J. (1996) “Biospheric Medicine” as Viewed from the Two-Year First Closure of Biosphere 2. *Aviation, Space, and Environmental Medicine*. Vol. 67. No. 7. P. 609—617.

Zubrin R. (1995) The Economic Viability of Mars Colonization. *Journal of the British Interplanetary Society*. Vol. 48. No. 10. P. 407—414.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.736](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.736)

А. В. Швецова, А. А. Симонова, Н. Н. Давыдова

ВОСПРОИЗВОДСТВО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ В ОЦЕНКЕ МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Швецова А. В., Симонова А. А., Давыдова Н. Н. Воспроизводство кадрового потенциала науки в оценке молодых российских ученых: результаты прикладного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 248—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.736>.

For citation:

Shvetsova A. V., Simonova A. A., Davydova N. N. (2020) Reproduction of Human Resource Potential in Science in the Assessments of Young Russian Scientists: Results of an Applied Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 248—268. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.736>. (In Russ.)

ВОСПРОИЗВОДСТВО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАУКИ В ОЦЕНКЕ МОЛОДЫХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИКЛАДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ШВЕЦОВА Анастасия Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра инновационной деятельности, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

СИМОНОВА Алевтина Александровна — доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра инновационной деятельности, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: simonova@uspu.me

<https://orcid.org/0000-0002-7785-2776>

ДАВЫДОВА Наталия Николаевна — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра инновационной деятельности, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

E-MAIL: edscience@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6211-6370>

Аннотация. Основная цель проведенного исследования состоит в выявлении барьеров профессионального развития молодых российских ученых как потенциальных руководителей научных коллективов. Анализируется влияние государственных решений в области науки и образования на их профессиональное самочувствие и успешность. Дизайн исследования

REPRODUCTION OF HUMAN RESOURCE POTENTIAL IN SCIENCE IN THE ASSESSMENTS OF YOUNG RUSSIAN SCIENTISTS: RESULTS OF AN APPLIED STUDY

*Anastasia V. SHVETSOVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher at the Scientific and Educational Center for Innovation Activities

E-MAIL: shvetsovaav@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3379-1959>

*Alevtina A. SIMONOVA*¹ — Dr. Sci. (Education), Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Innovation Activities

E-MAIL: simonova@uspu.me

<https://orcid.org/0000-0002-7785-2776>

*Nataliia N. DAVYDOVA*¹ — Cand. Sci. (Tech.), Leading Researcher at the Scientific and Educational Center for Innovation Activities

E-MAIL: edscience@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6211-6370>

¹ Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The main purpose of the study is to identify barriers to professional development among young Russian scientists as potential heads of scientific teams. The authors analyze the impact that the science-related governmental decisions have on researchers' professional well-being and success. The study is based on a combination of qualitative and quantitative empirical research

основан на синтезе качественных и количественных методов эмпирического анализа, включающем (1) онлайн-опрос молодых российских ученых ($N = 105$) о наиболее уязвимых, на их взгляд, зонах в развитии кадрового потенциала науки; (2) глубинное интервью с молодыми российскими учеными ($N = 20$), обеспечившее получение данных об индивидуальном профессиональном пути, специфических проблемах и трудностях построения научной карьеры, о субъективном видении перспектив развития российской науки. В результате комплексного анализа выявлены и обоснованы ключевые группы барьеров, препятствующих успешному карьерному росту в науке: финансовые, организационные и морально-этические. На конкретных примерах показано, как совокупность этих факторов влияет на жизненные планы исследователей и их положение в сфере науки и образования в целом. В заключительной части статьи обсуждаются предложения молодых ученых, направленные на преодоление выявленных профессиональных барьеров.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в предоставлении предложений молодых ученых, направленных на преодоление выявленных профессиональных барьеров для разработки на федеральном и региональном уровнях мер поддержки государством молодых исследователей по научным, организационно-управленческим и социальным вопросам с целью создания для них привлекательных условий работы в России.

Ключевые слова: молодые ученые, кадровый потенциал науки, государ-

methods and includes: (1) an online survey among young Russian scientists to reveal the most vulnerable aspects of the development of scientific workforce potential ($N = 105$); (2) in-depth interviews with young Russian scientists ($N = 20$) to obtain the data about individual professional paths, specific problems and difficulties in career building, as well as subjective views of the prospects for the development of the Russian science. Complex analysis helped to identify the key groups of barriers to successful career in science: financial, organizational and barriers related to morals and ethics. Specific case studies show how a combination of these factors affects researchers' life and their academic position in general. In conclusion, the authors discuss the proposals of the young scientists to overcome those barriers.

The study can be useful as it provides proposals made by young scientists to overcome the professional barriers described in the paper and to design policies at the federal and regional levels that would help young researchers solve their scientific, organizational and social problems; as a result, such policies would create more favorable conditions for the young scientists in Russia.

Keywords: young scientists, state policy, scientific team, grant, scientometry,

ственная политика, научный коллектив, грант, наукометрия, академическая карьера, профессиональный рост

academic career, professional growth, scientific personnel potential

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31346 «Государственная политика воспроизводства кадрового потенциала науки».

Acknowledgments. The study is financed by RFBR and the Expert Institute for Social Research within the project No. 19-011-31346 ('State Policy of the Reproduction of Human Resource Potential in Science').

Введение

Развитие науки — единственный адекватный механизм, обеспечивающий конкурентоспособность страны в информационную эпоху. Имеются в виду не только прикладные исследования, отвечающие за технологический прогресс, но и фундаментальные, создающие концептуальную основу и ставящие вопросы смыслообразующего характера. Эта очевидная мысль часто вступает в противоречие с управленческими решениями и мерами, принимаемыми на государственном уровне для стимулирования развития науки.

Несмотря на рост заинтересованности государства в этом вопросе, результативность действий оценивается неоднозначно. По данным Высшей школы экономики, за период 2006—2015 гг. общая численность исследователей в Российской Федерации снизилась на 2,4%, однако при этом фиксируется рост численности исследователей в возрасте до 29 лет на 16,1%, 30—39 лет — на 68,8% [Российская молодежь, 2017: 66]. Здесь же отмечено, что динамика численности исследователей тесно связана с динамикой подготовки кадров высшей квалификации, а численность аспирантов снижается, начиная с 2011 г., примерно на 9 тыс. человек каждый год.

Создание объективной картины кадрового потенциала науки затрудняют расхождения в подходах к определению категории «молодой ученый». Согласно большинству нормативно-правовых актов, регламентирующих получение грантов и премий для молодых ученых (Положение о премии Президента Российской Федерации в области науки и инноваций для молодых ученых, конкурсная документация к грантам РФФИ, РФФИ и др.), к таковым относятся кандидаты наук в возрасте до 35 лет, доктора наук до 39 лет. Однако статистика учитывает в качестве исследователей всех сотрудников научных организаций, среди которых более 70% не имеют ученой степени [Гохберг и др., 2019: 16]. По данным Росстата, численность кандидатов наук в возрасте до 29 лет включительно на конец 2017 г. составила 3153 человек (что на 27% ниже аналогичного показателя 2010 г.), в возрасте 30—39 лет — 20 772 человека; численность докторов наук в возрасте до 29 лет — 32 человека, в возрасте до 39 лет — 566 человек [Российский статистический ежегодник, 2018: 480]. Соответственно, существует серьезная разница между целевой аудиторией получателей молодежных грантов и премий и официальными данными, где учет исследователей, имеющих ученую степень, ведется по десятилетним возрастным интервалам.

Предлагаемые правительством меры, создание федеральных и региональных программ и проектов, локальное финансирование отдельных направлений поддержки молодых ученых пока не дают комплексного результата. По итогам анализа реализации поддержки данного направления государственной политики в 2016—2018 гг., проведенного Счетной палатой, «установить достоверный объем финансирования [направленный на поддержку молодых ученых] не удалось»¹. Кроме того, аудиторы отметили, что ряд ключевых задач Стратегии инновационного развития не реализованы, в частности направление, связанное с планированием научной карьеры. Задача данного исследования состоит в том, чтобы оценить ситуацию «изнутри», попытаться понять, что думают о перспективах развития отечественной науки те, кому предстоит реализовывать создающиеся сейчас программы, — молодые российские ученые, в чем их основные профессиональные проблемы и какие пути решения они видят.

Обзор литературы по теме исследования

Проблема воспроизводства научного знания — это не сугубо российская проблема. Она глобальна и перманентна. Специфика современного этапа заключается, на наш взгляд, в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, большая, чем когда-либо, зависимость науки от финансирования, следовательно, от государственной политики. Во-вторых, цифровизация знания и развивающаяся гонка за наукометрическими показателями. В-третьих, глобализация науки, что помимо безусловных преимуществ коллективной мыслительной деятельности сопряжено с процессами конкуренции и искусственного стимулирования научных достижений.

Ученые отмечают, что государственная политика во всем мире стала «секретной стратегией» благодаря коммерциализации, оцифровке и дипломатии. Правительства призывают университеты продемонстрировать общественную ценность, которую они создают и вносят, ставя науку в позицию орудия геополитической конкуренции [Coates, 2019]. Различные формы контроля со стороны государства пронизывают современные научные организации, оказывая мощное влияние на способ организации и проведения академической работы. Вместе с тем односторонняя ответственность не способствует укреплению доверия, может негативно повлиять на инновационные методы преподавания и исследований [de Rijcke et al., 2016].

Сравнительное международное исследование, проведенное Д. Салми и И. Фруминим показало, что основная ошибка при подготовке почти всех государственных проектов, направленных на ускоренное развитие науки и выход в мировые рейтинги, состоит в фокусировании исключительно на исследованиях, а не на достижениях в преподавании или инновационной деятельности [Салми, Фрумин, 2013: 47]. Это дает кратковременный эффект в виде прироста публикаций, но в долгосрочной перспективе снижает эффективность обучения в вузах, что в конечном счете отражается на привлекательности науки для студентов и качестве подготовки научных кадров.

Результаты исследования, проведенного в шведских университетах, свидетельствуют, что научная эффективность интерпретируется академическими мене-

¹ Орлова С. Ю. Господдержка молодых ученых носит несистемный характер // Счетная палата Российской Федерации. 2019. 5 марта. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/36112 (дата обращения: 15.10.2020).

джерами посредством показателей важных для получения ресурсов, поддержки принятия решений и повышения легитимности организации, хотя эти же показатели часто понимаются как неспособные оценить научное качество [Söderlind, Geschwind, 2019]. Увеличение количества статей не приводит к повышению их качества [Nauman, 2017], поскольку продиктовано не всплеском мыслительных озарений, а более приземленными соображениями. Совокупно это означает, что условия, в которых формируется новое поколение исследователей, ориентируют их на формализованные процедуры получения и представления научных знаний, вынуждая балансировать между классическим пониманием ученого как вдохновляющего учителя и новой моделью проверяемого, конкурентоспособного исполнителя.

В российском научном дискурсе тема инновационного развития вообще и кадрового потенциала науки в частности также освещена многосторонне и обстоятельно. Большинство работ носит критический характер, вскрывая проблемы стратегической недальновидности, недостаточного/нецелевого финансирования, формализации и бюрократизации науки, что приводит к снижению качества научных трудов и изобретению различных схем манипулирования наукометрическими показателями со стороны исследователей в ответ на растущие количественные требования.

Ситуацию вокруг взаимодействия органов власти и ученых исследователи описывают в таких терминах, как «феноменология болезни», «менеджеризация», «макдональдизация» [Кулешова, Подвойский, 2018: 170], выделяя в качестве основных системных проблем бюрократизацию научной деятельности, дефицит адекватных форм государственного финансирования науки, распад академических научных школ, низкую эффективность механизмов включения молодых в науку, влекущих стабильно высокий уровень «утечки мозгов» [Ащеулова, 2009; Другова и др., 2017]. Авторы отмечают, что на данном этапе закончилась борьба за научные идеи и началась борьба за ресурсы [Кулешова, Подвойский, 2018: 175]. Выражение «квантофрения», означающее попытку приложения количественных математических приемов к решению качественных, прежде всего социальных задач, использовал Питирим Сорокин [Сорокин, 1999] еще в середине прошлого века, предупреждая о последствиях таких действий.

Реформы Российской академии наук и системы высшего образования существенно повлияли на изменение подходов к оплате труда и отчетности на местах, выявив при этом их серьезную финансовую, материально-техническую, кадровую и юридическую необеспеченность [Попова, Биричева, 2018: 153]. Особая обеспокоенность ученых связана с маргинальным состоянием гуманитарных и общественных отраслей знания, причем это характерно как для вузовской, так и для академической науки [Тишков, 2018; Сабурова, 2017, 2018]. Поскольку эти направления не имеют выраженного экономического эффекта, они не укладываются в логику проводимой модернизации, оставаясь на позициях «живущих за чужой счет». Как отмечает Л. А. Сабурова, смещение финансовых потоков в сторону грантового финансирования создает «турбулентность» для исследователей [Сабурова, 2018: 213], что вынуждает их подстраиваться под популярные направления. В противовес мнению администраторов, ученые настаивают, что

структурные изменения в экономике и ее переход на новый технологический уровень возможны при сочетании фундаментального и прикладного секторов [Панасюк, 2017: 74].

Таким образом, исследования сосредоточены на действиях двух разнонаправленных сил: государства, пытающегося регулировать деятельность ученых, направляя их активность посредством точечного финансирования приоритетных направлений и вводя все новые формы контроля, и самих ученых, реагирующих на трансформации формально и отказывающихся им в доверии. Молодые исследователи составляют наиболее уязвимую в этом плане часть научного сообщества. В данной статье авторы ставят перед собой задачу восполнить пробел, связанный с анализом субъективной оценки молодыми учеными указанных тенденций и барьеров своего профессионального роста.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование строилось на основе сочетания качественной и количественной стратегии. По замыслу авторов, качественный подход (глубинное полуструктурированное интервью) направлен на выявление ключевых проблем и барьеров роста молодых российских ученых, а также механизмов, способствующих их преодолению. Количественная часть исследования (анкетный онлайн-опрос) содержит основные блоки интервью в более кратких и лаконичных формулировках и предназначается для подтверждения или опровержения выдвинутых тезисов. Эмпирическая информация собиралась с апреля по июнь 2019 г.

Глубинные полуструктурированные интервью проведены с 20 молодыми учеными (19 кандидатов наук и 1 доктор наук в возрасте до 35 лет), работающими в трех крупных вузах Екатеринбурга и Уральском отделении Российской академии наук. Возраст респондентов на момент проведения интервью — от 26 до 35 лет. Гендерный состав — 8 мужчин и 12 женщин, 11 из которых состоят в зарегистрированном браке, 8 имеют детей. Области научных интересов — гуманитарные, социальные, технические науки. Выбор этой категории респондентов обусловлен ее наибольшим соответствием распространенному в России подходу к определению «молодой ученый». Респонденты имеют ученую степень и опыт работы в научных организациях, что позволяет рассматривать их суждения как обоснованные и субъективно значимые и способствуют поиску потенциальных механизмов устранения противоречий между основными субъектами инновационного развития. Все интервью были записаны с согласия интервьюируемых и расшифрованы дословно.

Анкетный онлайн-опрос проведен с помощью сервиса Google Forms, содержит 29 вопросов, дублирующих основные темы глубинного интервью. Анкета была разослана методом случайного отбора в ряд российских университетов, отклик составил порядка 70%. Из вернувшихся анкет две были отбракованы по несоответствию требованиям (респонденты не имели ученой степени), 105 подверглись анализу (среди участников 103 кандидата наук, два доктора наук в возрасте от 26 до 39 лет) из 11 субъектов Российской Федерации (Челябинская, Нижегородская, Липецкая, Свердловская, Оренбургская, Омская, Томская, Калининградская области, республика Удмуртия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Алтайский край). Основное место работы респондентов — высшие учебные за-

ведения и иные научные организации России. Гендерный состав: 52 % — женщины, 48 % — мужчины, более 70 % состоят в браке, более половины имеют детей. Соотношение научных отраслей: 32 % — гуманитарные науки, 29 % — технические, 21 % — естественно-научные, 18 % — социально-экономические. Данные опроса обрабатывались при помощи программы SPSS Statistics.

Обе части исследования охватывают широкий спектр тем, таких как мотивация к научной деятельности, престиж профессии ученого, сложности в защите диссертации, уровень благосостояния и способы государственной поддержки молодых ученых, гранты как форма государственного стимулирования науки, формирование научных коллективов, наукометрические способы оценки, гендерная специфика российской науки, деятельность общественных организаций, направленных на представление интересов молодых ученых, видение индивидуальных перспектив развития (в том числе возможность переезда в другую страну) и необходимых государственных мер поддержки молодых ученых. Полученные данные показывают, как молодые ученые воспринимают решения, принимаемые на уровне государственной политики в сфере науки, и строят свои карьерные и жизненные планы.

Для целей данной статьи внимание было направлено на решение трех задач: субъективная оценка состояния отечественной науки молодыми учеными, выявление актуальных потребностей и барьеров профессионального роста, определение потенциально возможных механизмов их преодоления. Сообщая о результатах, мы выделяем различные аспекты интервью, которые можно найти в рамках каждой темы концептуальной основы. Представленные цитаты иллюстрируют настроения, выраженные информантами. Количественные показатели приводятся для подтверждения или дополнения основных выводов.

Результаты исследования

Субъективная оценка состояния российской науки молодыми учеными

Как показал анализ глубинных интервью, основной мотив выбора научной деятельности молодыми учеными связан с субъективными особенностями и чертами характера. Респонденты отмечают наличие у себя выраженных аналитических способностей и предрасположенность к мыслительной деятельности («С детства я был любознательным, а наука — это любознательность за государственный счет»; «Для меня это как в компьютерной игре — возможность выйти на новый уровень для самой себя»). Особую роль играет личность будущего научного руководителя, способного заметить талантливого студента и замотивировать его на занятие исследовательской деятельностью («В самом конце [обучения в вузе] один из преподавателей предложил вариант с аспирантурой. Так как он был одним из лучших, я подумал, что под его руководством вполне можно это сделать»). Удачный выбор научного руководителя, по мнению участников опроса, определяющий фактор успешной защиты диссертации, поскольку влияет не только на качество самой диссертационной работы, но и на процедурные моменты («Помню, я пришел в диссовет и первый вопрос, который услышал: «А почему вы пришли именно к нам?» Я сказал, что я аспирант такого-то и пришел по его совету. Со мной сразу стали говорить по-другому. Мой руководитель — известный и уважаемый ученый. Его

фамилия снимает многие вопросы»). Авторитет руководителя, чувство принадлежности к определенной научной школе зачастую оказывают решающее значение в выборе профессиональной деятельности, даже если иные обстоятельства не благоприятствуют этому.

Значимость университетов в выборе профессионального пути прослеживается и по результатам анкетирования (№ 6, 2%), однако на первое место среди мотивов выдвигается позиция «Осознанный выбор, связанный с возможностью успешной карьеры» — 48% (см. табл. 1). Наименее популярен вариант «Желание родителей» (2%), при этом факт влияния семьи на решение связать свою жизнь с наукой отрицается даже в тех случаях, когда кто-то из родителей имеет ученую степень или работает в научной организации.

Таблица 1. *Мотивация выбора научной карьеры*

Ответы на вопрос: «Чем было продиктовано Ваше решение заниматься научной деятельностью?»	Частота	Процент
Мечта детства, призвание	14	13
Желание родителей	2	2
Учеба в университете и сложившиеся в тот период обстоятельства	38	36
Осознанный выбор, связанный с возможностью успешной карьеры	48	46
Иное	3	3
ИТОГО	105	100

Несмотря на потенциальную возможность успешной карьеры в данной отрасли, ситуацию, сложившуюся в отечественной науке, респонденты склонны оценивать негативно (см. Рис. 1, Рис. 2).

Уровень престижности научной деятельности в России по пятибалльной шкале (где 1 — «крайне низок», 5 — «очень высок») оценили на «3» 42% молодых ученых, 32% опрошенных — на «2», еще 11% — только на «1». Столь низкие показатели коррелируют с оценкой уровня отечественной науки в мире и выявленными особенностями государственной поддержки молодых ученых.

51% респондентов считают, что российская наука имеет средний уровень и не претендует на лидерские позиции (см. Рис. 2). Данные, полученные в ходе глубинных интервью, позволяют конкретизировать позицию молодых ученых по этому поводу. Кроме недостаточного финансирования и сложностей в обновлении материально-технической базы, развитие отечественной науки тормозят слабая система подготовки научных кадров («В магистратуру можно прийти без базового образования — это катастрофа. У нас реально не хватает умных рук»; «Количество бюджетных мест в аспирантуре постоянно сокращается, а платно — кто туда пойдет? Это потом за всю жизнь не окупится») и высокая бюрократизация, обязывающая ученых к выполнению формальных показателей в ущерб качеству

работы («Любой формализм активизирует мысль о том, как этот механизм обойти»; «Мы все стремимся к чужим стандартам, но у нас совсем другая реальность»). Непонимание вызывает также противоречивая ориентация государственной политики на мировые стандарты, зарубежные рейтинги и базы данных в сочетании с мерами по ограничению международного сотрудничества, созданию искусственных барьеров и усилению конфронтации.

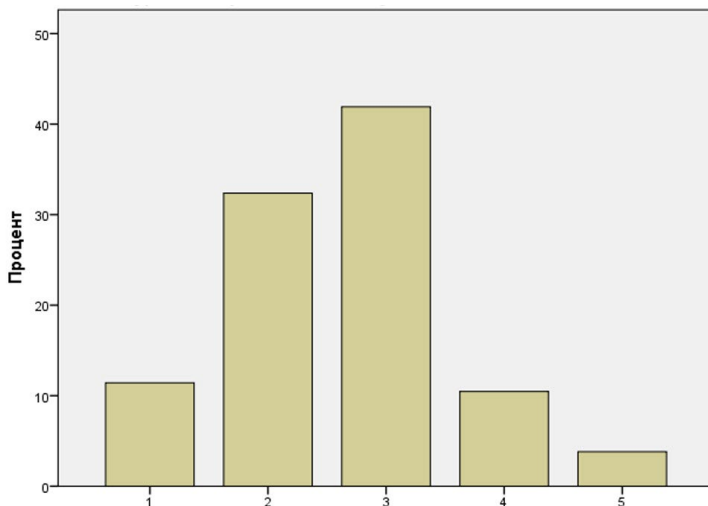

Рисунок 1. Престижность научной деятельности в России (ответы на вопрос: «Оцените уровень престижности научной деятельности в России по пятибалльной шкале»)

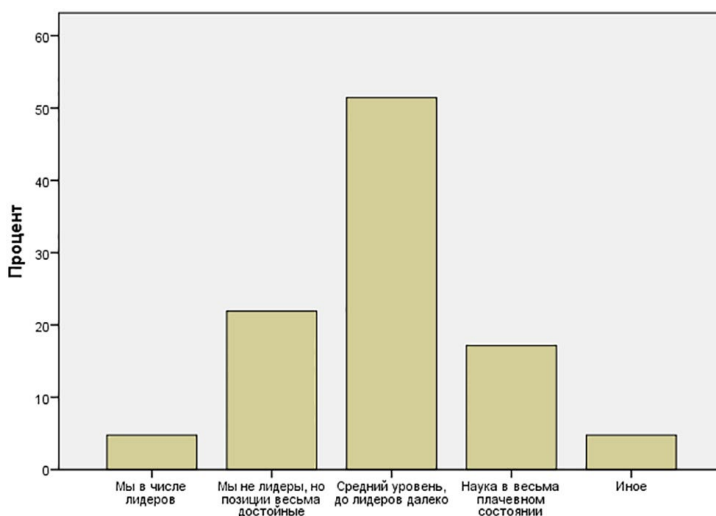

Рисунок 2. Уровень российской науки (ответ на вопрос: «Оцените уровень российской науки по сравнению со среднемировым»)

На общую оценку ситуации влияет также отсутствие механизмов обратной связи. На вопрос «Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, защищающей интересы ученых?», 72 % респондентов ответили, что даже не знают о существовании таких организаций («Впервые слышу от вас, что такое есть. Мне неинтересны эти собрания. У меня, когда была проблема с аспирантурой — я куда только не обращалась. Мне никто не помог в итоге»); 10 % не состоят в этих организациях, поскольку не верят в их эффективность («Нет, я даже не член профсоюза, потому что считаю, что они ни от чего в этой стране не защищают»); 9 % состоят в профсоюзах или советах молодых ученых, но считают это формальностью («Вроде как вхожу в совет молодых ученых университета. Возможно, они и могут влиять, но не сейчас точно. Это для них непосильная пока задача»).

Барьеры и несоответствия

Данный раздел посвящен описанию и обоснованию барьеров профессионального развития молодых ученых.

Первая группа барьеров — финансовые условия работы. Это фундаментальное препятствие, по мнению всех наших респондентов (66 % поставили этот фактор на первое место среди проблем отечественной науки).

Вторая группа — организационные. Они включают в себя логику функционирования российской науки, начиная от вхождения (защита диссертации) до постановки и путей решения исследовательских задач (в условиях как вузовской, так и академической науки).

Третья группа — это морально-этические барьеры

Рассмотрим подробнее вышеуказанные барьеры. По данным Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2018 г.,² в вузах Свердловской области, где работают наши респонденты, размер средней заработной платы ППС колеблется от 47 тыс. руб. до 59 тыс. руб., научных работников — от 54 тыс. руб. до 66 тыс. руб. что составляет во всех случаях более 150 % к средней заработной плате в регионе. К сожалению, в официальной статистике не представлены расчеты средней заработной платы. Усредненные показатели, как правило, слабо отражают реальную ситуацию, вызывая скептическую улыбку тех, в отношении кого рассчитаны («У нас многие молодые и перспективные уходят, потому что зарплата 11,5 тысяч»; «Ставка доцента 22 тысячи — это, конечно, унижительно»; «У меня зарплата без дополнительных доходов 12300. Приходится решать свои проблемы разными путями»).

В ходе интервьюирования молодые ученые признавались, что вопрос соотношения заработной платы и трудозатрат является для них наиболее болезненным, поскольку, с одной стороны, они ощущают свою финансовую несостоятельность и уязвимость («Зарплаты мизерные, все постоянно ищут подработку»; «Если говорить о заработной плате — я чувствую грусть и вселенскую тоску»), с другой стороны, недовольство собой за молчаливое принятие таких условий. Для поддержания среднего

² Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2019 года. Уральский федеральный округ. Свердловская область // Информационная система анализа деятельности образовательных организаций в сфере высшего и среднего профессионального образования. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/2019/_vpo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 19.10.2020).

уровня благосостояния, большинство наших респондентов вынуждены совмещать несколько видов деятельности — например, научную, преподавательскую и административную («*Научная работа и преподавание мне приносят 15 % от моего общего дохода*»; «*Единственный минус во всем — наука, преподавание — это финансовый вопрос. Приходится работать на нескольких работах, чтобы как-то жить*»), несколько мест работы («*Сейчас я параллельно преподаю в трех вузах*»; «*Моя зарплата равна средней по региону. Это основная работа, две работы по совместительству плюс грант*»), рассчитывать на помощь родственников («*У меня вполне достойный уровень жизни, но это не за счет университета, а за счет того, что у меня талантливый муж-программист*»; «*У меня все относительно благополучно, потому что муж деньги зарабатывает. А у нас такая зарплата, что лучше народ не смешить*»).

Для значительной части молодых ученых основным источником доходов являются гранты и работа на хоздоговорной основе («*Тарифная сетка очень смешная, нам бы просто не выжить на эти деньги. Если нет гранта — очень печально все*»; «*Если не считать гранты, то я зарабатываю очень мало. В этом году мне повезло, я получил крупную премию. Ну как крупную — кто-то это за час зарабатывает, а я вот за несколько лет работы в вузе*»).

Данные онлайн-опроса свидетельствуют, что приведенные примеры не являются частным случаем (см. табл. 2). Уровень благосостояния молодых российских ученых оценивают как «средний» или «выше среднего» только те респонденты, которые имеют дополнительный доход (прежде всего, гранты).

Таблица 2. **Уровень благосостояния российских молодых ученых**

Ответы на вопрос: «Каков, на Ваш взгляд, уровень благосостояния российских молодых ученых в сравнении со средним по стране?»	Частота	Процент
Значительно ниже среднего	15	14
Немного ниже среднего	32	31
Средний	45	43
Немного выше среднего	12	11
Иное	1	1
ИТОГО	105	100,0

Организационные барьеры связаны прежде всего не со сложившейся структурой научных организаций, а с перманентными трансформациями этой системы, которые не дают возможности к ней адаптироваться («*Хочется сказать уже: оставьте все как есть и ничего не трогайте! Ученые ведь умные люди, система сама организуется, эффект синергетики произойдет, если нас оставить в покое*»). В частности, регулярные изменения требований к защите диссертаций и реорганизация советов демотивируют тех, кто имеет желание защищать диссертацию («*У меня на руках написанная докторская, а совет закрылся, и я не знаю, куда теперь с ней идти*»; «*Я тему разрабатываю для докторской, интересная очень, но не вижу осо-*

бых стимулов. Пока не совсем понятно, ради чего преодолевать это»). Изменения зачастую связаны с введением дополнительных бюрократических процедур, что в условиях современного информационного мира молодым ученым кажется лишним логики («Я считаю, что эта волокита бумажная в условиях современного ритма — просто лишняя. Это пережитки прошлых эпох»).

Главный результат деятельности ученого — его публикации. Большинство наших респондентов склонны считать, что развитие наукометрических баз данных для исследователей стимулирует публикационную активность, при адекватном использовании дает возможность оценить свой научный вклад и иметь оперативный доступ к исследованиям коллег. Парадоксальность ситуации заключается в том, что значительная часть журналов, входящих в наукометрические базы данных, публикует материалы на платной основе («Мы дарим свои идеи, еще и платим за это»). Монография как классический вариант представления результатов научного труда в условиях наукометрического подхода теряет свои позиции и представляет небольшой интерес для научных организаций («Монографию невозможно напечатать бесплатно. Я работаю в ноль. Сколько зарабатываю — столько трачу на публикации»).

Неоднозначно оценивается молодыми учеными эффективность грантового финансирования как способа стимулирования научных достижений. На вопрос: «Насколько реально, на Ваш взгляд, коллективу под научным руководством молодого ученого выиграть грант?» только 2 % участников опроса ответили, что абсолютно реально; 44 % считают, что это возможно при наличии хорошей идеи и высокопрофессионального коллектива; 42 % подчеркивают, что это сложно, но при определенной доле везения все-таки возможно. 12 % участников опроса считают, что получить грант очень сложно, нужно обязательно включать в состав научного коллектива соответствующих персон, имеющих определенные «связи».

В университете считается, что участие в конференциях — это пустые траты, но, если тебя никто не знает, ты ничего не получишь при подаче заявок на грант. Нужно, чтоб эксперты тебя лично знали. Ко мне подошел однажды эксперт и сказал, что знает мой проект, и обещал поддержать. Хотя я подавал один и тот же проект три года подряд, ничего в нем не меняя. Выиграл только после личного знакомства.

По мнению респондентов, система устроена таким образом, что «поймать за руку» в существующих реалиях никого практически невозможно. Изучение результатов конкурсов РФФИ, РНФ и других показывает, что число молодых ученых, подающих заявки на гранты, все время растет, но большая часть грантовых средств аккумулируется в крупных вузах и научных организациях на уровне российских столиц, что и приводит молодых ученых к мнению о высокой степени коррумпированности системы. Отчаиваясь получить государственную поддержку на проведение своих исследований, молодые ученые перестают видеть смысл в развитии научных коллективов, предпочитая «вариться в собственном соку». 14 % опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Стремитесь ли Вы к формированию научного коллектива под своим руководством?». Почти половина респондентов (48 %) не планирует работать в качестве руководителя научного коллектива либо предпочитает полную автономию.

Морально-этические барьеры обусловлены несоответствием определенной элитарности, уникальности профессии ученого и его реального социального положения. В ходе проведения первых глубинных интервью стало очевидно, что значимость внутреннего принятия принципов системы, в которой существуют и работают молодые ученые, крайне высока. Поскольку они мыслят себя активной, созидающей частью общества, естественными потребностями исследователей являются свобода научного творчества и уважение человеческого достоинства. (*«Ученые это ведь штучный товар»*). В условиях снижения самостоятельности университетов у молодых исследователей возникает недоверие к принимаемым административным решениям, ощущение двойственности стандартов (*«Все время надо подстраиваться под политическую ситуацию. Это формирует различные политики управления научной мыслью»*).

В совокупности указанные барьеры провоцируют «утечку мозгов». Более половины (51%) участников онлайн-опроса на прямой вопрос «Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну для продолжения научной деятельности на более выгодных условиях для себя?» ответили, что теоретически такой вариант возможен. Еще 14% рассматривают варианты в настоящее время (см. табл. 3). Готовность уехать объясняется стремлением к достойному уровню жизни и возможностью проведения исследований на качественно ином уровне (*«Если бы я занимался технологиями или физикой какой-нибудь, я бы уже здесь не работал. Никому не нужна наша гуманитарная наука на Западе»*).

Вместе с тем молодые ученые демонстрируют привязанность к России, в значительной части рассматривают эмиграцию как вынужденную меру (*«У меня была возможность уехать, меня приглашали, но я патриот, наверное. А вообще наука — это вся моя жизнь»*).

Таблица 3. **Готовность молодых ученых эмигрировать из России**

Ответы на вопрос: «Рассматриваете ли Вы возможность переезда в другую страну для продолжения научной деятельности на более выгодных условиях для себя?»	Частота	Процент
Да, рассматриваю варианты	15	14
Теоретически это возможно	54	51
Нет, моя специальность за рубежом не востребована	6	6
Нет, при любых условиях останусь в России	29	28
Иное	1	1
ИТОГО	105	100

Исключительный исследовательский интерес представляет вопрос гендерной дифференциации в научном сообществе. Юридическое равенство мужчин и женщин не исключает фактический дисбаланс в науке, который проявляется в так называемых эффектах «липкого пола» и «стеклянного потолка». Существуют различные группы факторов, удерживающих женщин в основании карьерной пирамиды. Чем выше уровень, тем ярче дисбаланс. По нашим подсчетам, осно-

ваным на данных Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования за 2018 г.³, на ректорских постах менее 15 % женщин, а в состав Президиума РАН входят только две.

Причины этого явления имеют как культурно-исторический (гендерные стереотипы и установки), так и социальный характер. Двойная занятость женщин является негласной нормой и не учитывается при разработке стратегий государственной политики в сфере развития кадрового потенциала науки.

На вопрос «Существует ли, на Ваш взгляд, проблема гендерного неравенства в российской науке?» 28 % респондентов ответили, что возможности мужчин и женщин равны, еще столько же считают, что успех в карьере зависит от личных качеств, а нет от пола ученого. Согласны с утверждением, что гендерное неравенство существует и оно связано со стереотипными установками на предназначение мужчин и женщин, 14 %; остальные считают, что причина неравенства кроется в сложности совмещения семейных и профессиональных ролей. Среди тех, кто утвердительно ответил на вопрос о гендерном неравенстве в российской науке, почти в два раза больше женщин.

В ходе личных бесед были озвучены примеры дискриминационного поведения в академическом сообществе (*«Неравенство существует, и это видно на всех уровнях функционирования РАН. У нас, например, только одна женщина — руководитель лаборатории. Это стереотипное мышление, что женщина не может выполнять сложную работу»* (м., 32 года); *«Наука — это консервативная среда, женщине сложнее делать научную карьеру. Есть ученые даже высокого статуса, которые очень предвзято относятся к женщинам»* (м., 34 года); *«Женщине, чтобы достигнуть какого-то результата, нужно работать раза в четыре больше, чем мужчине. Надо постоянно доказывать, что ты профессионал»* (ж., 32 года); *«Если бы я была мужчиной, с моими профессиональными качествами и работоспособностью я бы уже давно сделала блестящую карьеру»* (ж., 31 год)).

Результаты глубинного интервью свидетельствуют о потребности молодых ученых в специальных мерах государственной поддержки, связанных с рождением и воспитанием детей (*«Если бы я сейчас оказалась одна с ребенком — я не знаю, на что бы я жила вообще. Но это не только проблема науки, а всей страны»*; *«Поддержки никакой нет со стороны государства. Даже есть некоторая обида»*; *«Выплаты с 1,5 лет меньше 100 рублей в месяц. Со времен Ельцина ничего не менялось. Вопрос поднят и снова будет не решен»*). Для женщин-ученых вопрос носит не только материальный характер. Репродуктивный период совпадает с периодом профессионального становления, соответственно, «выпадение» из научного поля на период рождения и воспитания ребенка сопряжен с отставанием в научной карьере или, как замечает одна из респонденток, *«Ты должна понимать, что ты будешь писать статьи ночью, потому что днем ребенок отнимает все твое время»*.

Стоит особо отметить, что значительная часть наших респондентов указали на рост научной продуктивности в связи с рождением детей. Появление детей влияет

³ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2019 года. Уральский федеральный округ. Свердловская область // Информационная система анализа деятельности образовательных организаций в сфере высшего и среднего профессионального образования. URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/2019/_vpo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 19.10.2020).

на карьерные амбиции; стремление повысить качество жизни ребенка активизирует грантовую активность; на фоне личностных изменений отмечается всплеск научных идей (*«Я сейчас в декретном отпуске, и при этом мои научные показатели выше, чем когда-либо. Это мотивирует, дисциплинирует. Много идей, ребенок — мой научный талисман»*). Освобождение от рутинных видов преподавательской, административной деятельности стимулирует интеллектуальные размышления. Данные утверждения свидетельствуют о высоком уровне научной мотивации и ответственности за организацию своей жизни молодых российских женщин — ученых.

Что делать?

Формирование нового поколения активных и организованных молодых ученых сегодня зависит от оперативности перестройки федеральной и региональной политики в части поддержки молодых ученых именно как будущего российской науки. При этом необходимо исходить из принципа реального учета мнения активной части молодых ученых при разработке и реализации государственной молодежной политики и определения молодежных проблем только научными методами. По результатам исследования, молодые ученые не верят, что их мнение будет услышано «в коридорах власти» (*«Наука очень зависит от государства, поэтому у нас нет стремления и условий отстаивать свои интересы. Нам платит государство, гранты в основном государственные. Мы ничего не можем. Я сравниваю с Францией. Там вузы совершенно автономны, поэтому свободное научное пространство сформировалось и влияет на государственную политику. В наших условиях это невозможно». У нас постоянно идет трансформация в законодательстве, постоянно меняются требования и к защите, и к членам диссовета*).

Молодые ученые демонстрируют неуверенность в своих возможностях в управлении научными коллективами, низкий уровень доверия к официальным механизмам государственного регулирования развития науки при отсутствии эффективных коммуникативных каналов между исследователями, обществом и государством. Резюмируя полученные данные, можно выделить ряд конкретных мер государственной поддержки, предлагаемых молодыми учеными.

Среди наиболее назревших, по мнению респондентов, следует отметить острейшую необходимость в пересмотре государственной политики по финансированию сферы науки в сторону увеличения базовой части заработной платы. Это увеличение должно быть максимально честным, не допускающим манипулирования с нагрузкой и иными механизмами подсчета «средних показателей». К сожалению, в выступлениях представителей органов власти в СМИ на самом высоком уровне часто озвучивается позиция, что повышение заработной платы не решит сложившихся проблем. Такая постановка вопроса лишь усугубляет ситуацию, ученые выступают со встречными полемическими предложениями в духе «пусть чиновники поживут на нашу зарплату»⁴.

⁴ См., например: Иванченко О. С. Профессиональная социализация молодых ученых в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет имени М. И. Платова, 2015; Забродский А. Академик об уровне науки: низкая зарплата, изношенная материальная база // Московский комсомолец. 2019. 6 марта. URL: <https://www.mk.ru/science/2019/03/06/akademik-ob-urovne-nauki-nizkaya-zarplata-iznoshennaya-materialnaya-baza.html> (дата обращения: 19.10.2020); Абсурдные высказывания чиновников о низких зарплатах в стране, а также советы учителям // Яндекс Дзен. 2019. 9 января. URL: https://zen.yandex.ru/media/young_teacher/absurdnye-vyskazyvaniia-chinovnikov-o-nizkih-zarplatah-v-strane-a-takje-sovety-uchiteliam-5c359ea87f172e00ac0612cb (дата обращения: 19.10.2020).

На этапе обучения в аспирантуре необходимо решить вопрос о создании реальных условий для максимальной концентрации аспирантов на исследовательской деятельности, *«чтобы не приходилось, как всем моим знакомым и мне тоже, совмещать работу и обучение. Это отдаляет от защиты и сбивает с пути»*. Финансовые трудности провоцируют формирование модели экономически ориентированного поведения ученых в ущерб инновационному поведению в науке.

Поскольку молодые люди в подавляющем большинстве имеют проблемы с жильем, разработка мер по решению этого вопроса также занимает лидирующие позиции в списке приоритетных способов государственной поддержки, которые были выделены нашими респондентами. Стоит отметить, что в рамках федеральной целевой программы «Жилище» в 2011—2014 гг. было построено и приобретено 2,75 тыс. квартир для молодых ученых Российской академии наук⁵, что стало серьезным стимулом для продолжения научной карьеры. Вузовские преподаватели не попали под действие данной программы в указанный период. Сравнивая свое социальное положение с теми мерами поддержки, которые принимаются государством по отношению к военным, молодые ученые отмечают, что, заявляя об ориентации экономики на наукоемкие отрасли и инновационное развитие, было бы логично создавать соответствующие условия для ученых и исследователей (*«Я бы пошла к президенту и попросила бы пересмотреть затраты в сторону увеличения на науку, на зарплаты ученых. Тогда уже можно только думать о качестве кадров и что-то менять»*).

Следующие предлагаемые шаги связаны с развитием кадрового потенциала науки. По мнению респондентов, отрасль испытывает не только количественный кадровый дефицит, что подтверждают данные статистики, но и проблемы качества подготовки (отметили 57 % опрошенных). Это сопряжено с отсутствием системы выявления и профессиональной ориентации талантливой молодежи и механизма последующих действий по их вхождению в науку. Одним из возможных вариантов решения проблемы видится создание единой общероссийской информационно-аналитической платформы для исследователей, которая содержала бы как общую легитимную, подтвержденную нормативными актами информацию о путях поддержки молодых ученых с анализом и разъяснениями, так и конкретные алгоритмы поступления в аспирантуру и докторантуру, подготовки и публикации статей, защиты диссертации, актуальные вакансии в научно-исследовательских организациях. Также существует потребность в организации виртуального пространства для общения, обсуждения научных вопросов, поиска коллег, ведущих исследования в схожих областях, для организации совместных проектов.

Молодые ученые понимают необходимость изменений в организации деятельности университетов, что свидетельствует о достаточно высоком уровне стратегического мышления и возрастании ответственности за развитие системы высшего образования в целом (*«Первое — я поддерживал укрупнение вузов... Второе — предоставить реальную автономию университетам. Не на бумаге, как*

⁵ Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. № 1050 «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015—2020 годы». URL: http://www.roszeldor.ru/storage/document/document_file/2017-12/19/%D0%9F%D0%9F%20%D0%A0%D0%A4%20%D0%BE%D1%82%2017_12_2010%20%E2%84%96%201050.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

сейчас, когда некоторые университеты даже ректоров своих не могут выбрать. Свобода выбора научных исследований важна, чтоб университет мог планировать сам свое развитие. Это все взаимосвязано. Третье — сегодня университет — это бизнес-корпорация, структура, которая должна зарабатывать деньги, поэтому когда говорим о стратегии развития конкретного университета, показатели должны быть измеримы финансово. Поменьше фикции. А то студенты делают вид, что учатся, мы делаем вид, что учим, государство делает вид, что платит»).

Для повышения эффективности деятельности российских ученых необходимо обеспечить переход от взаимодействия с учеными (не только теми, кто попадает под определение «молодые»), основанного на контроле и давлении, к взаимодействию, построенному на доверии и коллегиальности. Во многом это относится к реальной автономии в выборе ректоров и руководителей академии наук (43% опрошенных считают высшее администрирование в науке слабым, 34% отмечают высокий уровень коррупции). «Хочется сказать уже: оставьте все как есть и ничего не трогайте! Ученые ведь умные люди, система сама организуется, эффект синергетики произойдет, если нас оставить в покое». Как выразился один из наших респондентов, «пытаться управлять учеными — это как пасти котов. Бессмысленно и неэффективно».

Наши респонденты проявили единодушие в определении ключевых мер повышения эффективности своей профессиональной деятельности:

- определение организационно-управленческих, финансово-экономических мер государственной поддержки молодых ученых, обеспечивающих достойный уровень жизни и позволяющих сосредоточиться на научных исследованиях;
- модернизация оборудования и упрощение механизмов обновления приборной базы;
- возможность регулярных стажировок в крупных научных центрах и участия в конференциях;
- расширение возможностей для получения грантов, упрощение формальных процедур;
- упрощение бюрократических процедур отчетности, перевод на недублирующий электронный документооборот;
- создание интернет-площадки для обмена молодыми учеными профессиональным опытом, поиска и установления научных связей, развития научного сообщества;
- стимулирование развития научных коллективов под руководством молодых ученых;
- регулирование системы публикации научных трудов (ученые не должны оплачивать публикацию своих статей и монографий, особенно сложная ситуация у представителей гуманитарных наук);
- переход к качественно-количественной оценке научной деятельности (наукметрия как дополнительный, но не основной инструмент);
- дифференциация вузовских ППС по принципу «преподаватель-практик» и «преподаватель-исследователь» для возможности концентрироваться на предпочтительном виде деятельности;
- вовлечение молодых ученых в разработку официальных документов на государственном уровне по организации научно-исследовательской деятельности;

— введение официального статуса научных школ в формировании кадрового потенциала науки;

— разработка оптимальной модели научного руководства аспирантами и соискателями в целях повышения интереса крупных ученых к работе с начинающими исследователями.

Заключение

Молодые ученые демонстрируют высокую мотивацию к научной деятельности, продиктованную ощущением призвания и верой в профессиональный успех именно в сфере науки. Сталкиваясь с барьерами финансового, организационного и морально-этического характера, они оказываются в ситуации выбора — адаптироваться к имеющимся реалиям в ущерб личным ожиданиям или искать наиболее комфортные для себя варианты профессионального развития.

Воспроизводство кадрового потенциала науки — это задача достижения высокого академического уровня и привлекательности научной карьеры за счет повышения качества высшего образования, понятного механизма вхождения в научное сообщество и профессионального развития в нем, создания возможностей для достойного существования ученых. Некоторую надежду на улучшение положения молодых ученых дает принятие Национального проекта «Наука» на 2019—2024 гг., где в Федеральном проекте «Развитие кадрового потенциала в сфере исследований и разработок» в качестве основной задачи определено формирование целостной системы подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров, обеспечивающей условия для осуществления молодыми учеными научных исследований и разработок, создания научных лабораторий и конкурентоспособных коллективов.

Список литературы (References)

Ащеулова Н. А. Молодые ученые Санкт-Петербурга: барьеры и механизмы адаптации // Инновации. 2009. № 1. С. 13—16.

Ashcheulova N. A. (2009) Young Scientists of St. Petersburg: Barriers and Mechanisms of Adaptation. *Innovations*. No. 1. P. 13—16. (In Russian)

Гохберг Л. М., Дитковский К. А., Дьяченко Е. Л., Коцемир М. Н., Кузнецова И. А., Лукинова Е. И., Мартынова С. В., Нефедова А. И., Ратай Т. В., Росовецкая Л. А., Сажиева Г. С., Стрельцова Е. А., Суслов А. Б., Тарасенко И. И., Фридлянова С. Ю., Фурсов К. С. Индикаторы науки: 2019: статистический сборник / под общ. ред. Л. М. Гохберга, Я. И. Кузьминова, А. М. Медведева, М. А. Сабельниковой. М.: НИУ ВШЭ, 2019. Gokhberg L. M., Ditkovskiy K. A., Diachenko E. L., Kotsemir M. N., Kuznetsova I. A., Lukinova E. I., Martynova S. V., Nefedova A. I., Ratay T. V., Rosovetskaya L. A., Sagieva G. S., Streltsova E. A., Suslov A. B., Tarasenko I. I., Fridlyanova S. Yu., Fursov K. S. (2019) Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2019: Data Book. Moscow: National Research University Higher School of Economics. (In Russ.)

Другова Е. А., Андраханов А. А., Большасова Л. А., Коричин Д. А. Профессиональный рост молодого ученого: дефицитные ресурсы поддержки // Университетское управ-

ление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 2. С. 144—154. <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.028>.

Drugova E. A., Andrakhanov A. A., Bolbasova L. A., Korichin D. A. (2017) Professional Growth of a Young Scientist: Scarce Support Resources. *University Management: Practice and Analysis*. Vol. 21. No. 2. P. 144—154. <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.02.028>. (In Russ.)

Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>.

Kuleshova A. V., Podvoyskiy D. G. (2018) Paradoxes of Publication Activity in the Field of Contemporary Russian Science: Genesis, Diagnosis, Trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 169—210. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.10>. (In Russ.)

Панасюк В. П. Управление образованием и образовательными системами: состояние, тенденции, проблемы и перспективы // Образование и наука. 2017. Т. 19. № 2. С. 72—88. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-72-88>.

Panasyuk V. P. (2017) Education and Educational System Management: Status, Trends, Problems and Prospects. *Education and Science Journal*. Vol. 19. No. 2. P. 72—88. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-2-72-88>. (In Russ.)

Попова Н. Г., Биричева Е. В. Целеориентированный подход к оценке качества научных публикаций читателем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 148—168. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.09>.

Popova N. G., Biricheva E. V. (2018) Purpose-Oriented Approach to the Reader's Assessment of the Quality of Research Papers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 148—168. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.09>. (In Russ.)

Российская молодежь: образование и наука. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.

Russian Youth: Education and Science. (2017) Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Российский статистический ежегодник. 2018: стат. сб. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018.

Russian Statistical Yearbook. 2018. Statistical Handbook. (2018) Moscow: Russian Federal State Statistics Service. (In Russ.)

Сабурова Л. А. Выживание или развитие: возможности и риски реформирования академической науки для регионального научного сообщества // Социология науки и технологий. 2017. Т. 8. № 4. С. 45—63.

Saburova L. A. (2017) Survival or Development: The Opportunities and Risks in the Reforms of Academic Science for the Regional Scientific Community. *Sociology of Science & Technology*. Vol. 8. No. 4. P. 45—63. (In Russ.)

Сабурова Л. А. Региональное академическое сообщество в условиях реформирования: основные трансформации и восприятие перемен // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 211—228. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.11>.

Saburova L. A. (2018) Regional Academic Community under Reforms: Basic Transformations and Perceptions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 211—228. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.11>. (In Russ.)

Салми Д., Фруммин И. Д. Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России // Вопросы образования. 2013. № 1. С. 25—68.

Salmi D., Frumin I. D. (2013) Excellence Initiatives to Establish World-Class Universities: Evaluation of Recent Experiences. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies Moscow]*. No. 1. P. 25—68. (In Russ.)

Сорокин П. А. Квантофрения // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1999. № 13—14. С. 4—35.

Sorokin P. A. (1999) Quantophrenia. *Rubezh. Almanac of Social Research*. No. 13—14. P. 4—35. (In Russ.)

Тишков В. А. Гуманитарные науки в России // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88. № 10. С. 878—885. <https://doi.org/10.31857/S086958730002144-6>.

Tishkov V. A. (2018) Humanities in Russia. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. Vol. 88. No. 10. P. 878—885. <https://doi.org/10.31857/S086958730002144-6>. (In Russ.)

Coates H. (2019) Editorial: Eight Tactics for Engineering Consequential Higher Education Policy Research Papers. *Policy Reviews in Higher Education*. Vol. 3. No. 1. P. 1—3. <https://doi.org/10.1080/17460263.2019.1565635>.

Nauman S. (2017) Lack of Critical Thinking Skills Leading to Research Crisis in Developing Countries: A Case of Pakistan. *Learned Publishing*. Vol. 30. No. 3. P. 233—236. <https://doi.org/10.1002/leap.1091>.

de Rijcke S., Wouters P. F., Rushforth A. D., Franssen T. P., Hammarfelt B. (2016) Evaluation Practices and Effects of Indicator Use — A Literature Review. *Research Evaluation*. Vol. 25. No. 2. P. 161—169. <https://doi.org/10.1093/reseval/rvv038>.

Söderlind J., Geschwind L. (2019) Making Sense of Academic Work: The Influence of Performance Measurement in Swedish Universities. *Policy Reviews in Higher Education*. Vol. 3. No. 1. P. 75—93. <https://doi.org/10.1080/23322969.2018.1564354>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): сентябрь — октябрь 2020 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 269—311.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): September — October 2020. (2020) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 269—311.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ 2020

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

ЦЕЛИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ	270
МНОГОДНЕВНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ЗА И ПРОТИВ	272

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ».....	276
КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ЗАПРОС НА НЕЗАВИСИМУЮ ОЦЕНКУ	279
СРЕДА, КОТОРАЯ НАС ФОРМИРУЕТ: КАК РОССИЯНЕ ОЦЕНИВАЮТ КАЧЕСТВО ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ДИНАМИКУ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ	282

ОБРАЗ ЖИЗНИ

КИНО ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ	295
СЕЗОН ОРВИ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ	300
ИТОГИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ЛЕТА — 2020	304
БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ДЕДЫ И ВНУКИ	308

ПОЛИТИКА

ЦЕЛИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ270

МНОГОДНЕВНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ЗА И ПРОТИВ.....272

ЦЕЛИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

2 сентября 2020 г.

Три главных цели России в XXI веке, по мнению россиян: благосостояние и высокий уровень жизни населения (12%), развитие социальной политики (11%), а также отсутствие конфликтов с другими странами (10%). Наши соотечественники также считают важными целями развитие экономики и поддержку бизнеса, чтобы стать богатой страной (9%), сотрудничество и дружбу с другими странами (7%), достижение мирового авторитета и влияния (6%), а также получение статуса «мировая держава» (6%). Согласны с тем, что Россия должна вернуть статус «супердержавы», который был у СССР, 31% россиян. Практически половина наших соотечественников солидарны во мнении, что Россия должна стремиться стать одним из 10—15 экономически развитых и политически влиятельных государств (44%). При этом более трети россиян считают, что наша страна остается великой державой — 37% (+12 п. п. с 2010 г.), а еще 29% согласны, что она, скорее всего, станет такой в ближайшие 15—20 лет.

Рис. 1. Поговорим о месте России в мире.
Как Вы считаете, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке?
(открытый вопрос, до трех ответов, % от всех опрошенных,
представлены ответы от 2% респондентов)

Рис. 2. Как Вы считаете, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 3. А сможет ли Россия, на Ваш взгляд, в ближайшие 15—20 лет стать великой державой или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

МНОГОДНЕВНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ЗА И ПРОТИВ

21 и 30 сентября 2020 г.

В этом году Единый день голосования проходил в течение нескольких дней — с 11 по 13 сентября. Более половины россиян к возможности проголосовать в течение нескольких дней отнеслись положительно (61%), причем принявшие участие в голосовании россияне (39%) сообщали об этом чаще — 74%. Формат оказался удобен по ряду причин: удобство в индивидуальном выборе подходящего дня и времени (54% от всех россиян), меньше рисков заражения, санитарная безопасность мероприятия (37%), меньшая концентрация людей на участках (26%). В целом об удобстве многодневного голосования высказались 78% россиян. Среди тех, кто участвовал в голосовании, эта доля достигает 84%. Одобряют идею проведения голосования в 2021 году также в течение нескольких дней 61% россиян, а среди тех, кто участвовал в голосовании в этом году, — 71%. В будущем поддерживают проведение выборов в многодневном формате 70% россиян, 28% против. Среди голосовавших за — 77%, против высказались 22%.

Рис. 4. Голосование на выборах проходило в течение нескольких дней с 11 сентября по 13 сентября, и каждый избиратель смог выбрать, в какой из дней он будет голосовать. Как Вы относитесь к возможности проголосовать в течение трех дней? (закрытый вопрос, один ответ)

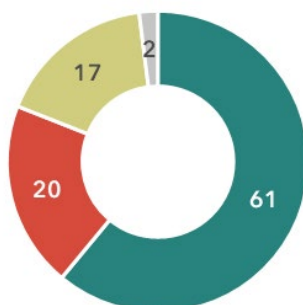

Рис. 5. Сейчас я назову несколько причин, почему люди поддерживают голосование на выборах в течение нескольких дней. С какими из них Вы в большей степени согласны? (закрытый вопрос, не более 2-х ответов)

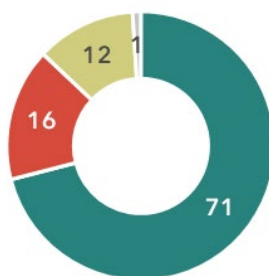

Рис. 6. Как Вы считаете, как удобнее людям: когда голосование организовано в один день или когда голосование проходит в течение нескольких дней? (закрытый вопрос, один ответ)

Все опрошенные

- Скорее положительно
- Скорее отрицательно
- Безразлично
- Затрудняюсь ответить

Участники голосования
11–13.09.2020

- Скорее положительно
- Скорее отрицательно
- Безразлично
- Затрудняюсь ответить

Рис. 7. В настоящее время обсуждается вопрос о том, чтобы использовать возможность голосования в течение нескольких дней на выборах, которые будут проходить в следующем году. Как Вы относитесь к этому предложению: положительно, отрицательно или безразлично? (закрытый вопрос, один ответ)

Рис. 8. Если говорить о Вас, Вы поддерживаете или не поддерживаете проведение выборов в формате многодневного голосования в будущем?
(закрытый вопрос, один ответ)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ».....	276
КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ЗАПРОС НА НЕЗАВИСИМУЮ ОЦЕНКУ.....	279
СРЕДА, КОТОРАЯ НАС ФОРМИРУЕТ: КАК РОССИЯНЕ ОЦЕНИВАЮТ КАЧЕСТВО ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ДИНАМИКУ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ	282

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕЛИ И «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ»¹

12—18 сентября 2020 г.

Информированность россиян о национальных проектах достаточно высокая: от 56 % до 85 %. Абсолютное большинство респондентов знают о проектах «Здравоохранение» (85 %), «Образование» (80 %) и «Демография» (74 %). Замыкают список узнаваемых проектов «Безопасные и качественные дороги» (63 %), «Цифровая экономика» (66 %) и «Международная кооперация и спорт» (56 %). Приоритетными национальными целями наши соотечественники считают: «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» (92 %), «Достойный, эффективный труд» (87 %), «Комфортную и безопасную среду для жизни» (86 %). По мнению россиян, в течение последнего года государство в целом и органы власти в частности стали уделять больше внимания сфере деятельности таких нацпроектов, как «Цифровая экономика» (64 %), «Безопасные и качественные дороги» и «Демография» (поддержка семей с детьми) (по 54 % соответственно), а также «Жилье и городская среда» (51 %).

Таблица 1. Оцените важность для страны достижения каждой из национальных целей: (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Национальные цели	Важно	Скорее важно	Скорее неважно	Неважно	Затрудняюсь ответить
Сохранение населения, здоровье и благополучие людей	92	6	0	1	1
Возможности для самореализации и развития талантов (в том числе вхождение России в десятку лучших стран по качеству общего образования и по объему научных исследований; поддержка способностей и талантов у детей и молодежи; поощрение занятий волонтерской деятельностью, увеличение доступности культурных мероприятий)	81	13	2	3	1
Комфортная и безопасная среда для жизни (в том числе улучшение жилищных условий; улучшение качества городской среды; улучшение экологической ситуации)	86	10	1	2	1

¹ Опрос проведен по заказу АНО «Национальные приоритеты». Для НП «Образование» и «Демография» в опросе приняли участие 2000 россиян. Телефонное интервью проведено посредством терминала CATI.

Национальные цели	Важно	Скорее важно	Скорее неважно	Неважно	Затрудняюсь ответить
Достойный, эффективный труд (в том числе устойчивый рост доходов населения и уровень пенсионного обеспечения не ниже инфляции)	87	8	2	3	0
Успешное предпринимательство (в том числе рост инвестиций; рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров; рост численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых)	59	24	4	9	4
Цифровая трансформация (в том числе цифровая зрелость ключевых отраслей экономики и социальной сферы; увеличение доступности массовых социально значимых услуг до 95%; обеспечение доступа к широкополосному интернету 97% домохозяйств; рост вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий)	60	21	7	8	4

Рис. 1. Вы знаете, слышали о реализации в России следующих национальных проектов или слышите сейчас впервые? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

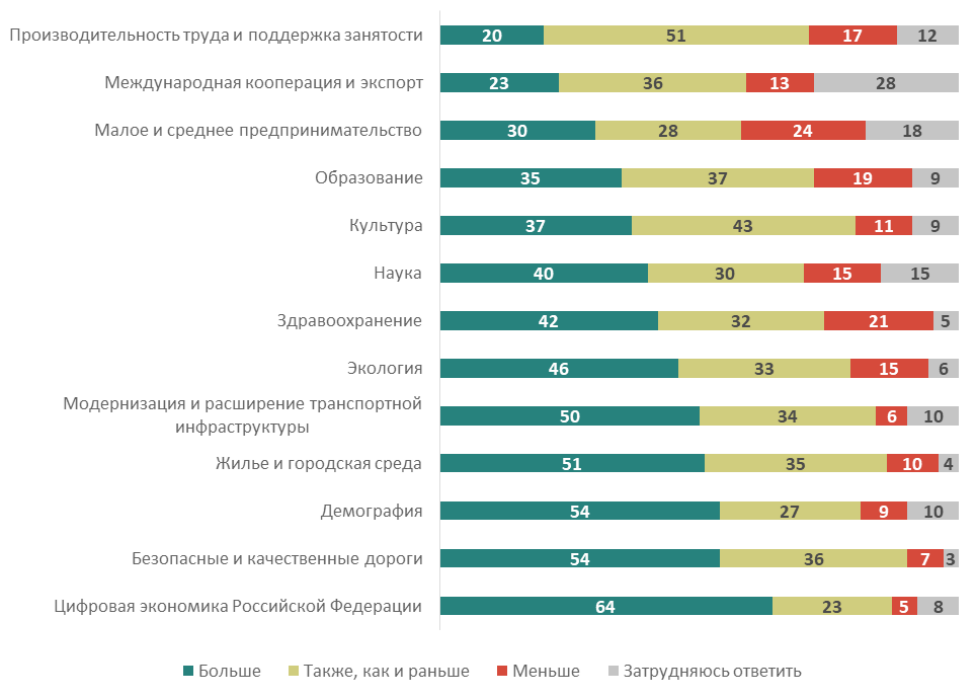

Рис. 2. По Вашему мнению, государство, органы власти в течение последнего года уделяют внимание вопросу ... больше или меньше, или уделяют такое же внимание, что и раньше?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ЗАПРОС НА НЕЗАВИСИМУЮ ОЦЕНКУ²

2 октября 2020 г.

Большинство россиян считают, что качество работы медицинских учреждений должно оцениваться независимо от Министерства здравоохранения РФ структурами (83%). Наиболее выраженный общественный запрос на независимую оценку качества медицинской помощи отмечается со стороны экономически активного населения — граждан в возрасте от 18 до 44 лет (в среднем 86%). Половина наших соотечественников (51%) разделяют точку зрения, что средства на экспертизу качества медицинских услуг и защиту прав пациентов не должны перенаправляться на другие цели в системе здравоохранения. Каждый второй россиянин (53%) считает, что все медицинские учреждения страны — и федеральные, и региональные — должны регулироваться в одинаковом порядке. Против регулирования федеральных медицинских центров по особым правилам высказались 56% жителей городов-миллионников и по 54% жителей малых населенных пунктов — численностью до 100 тыс. и от 100 до 500 тыс. соответственно.

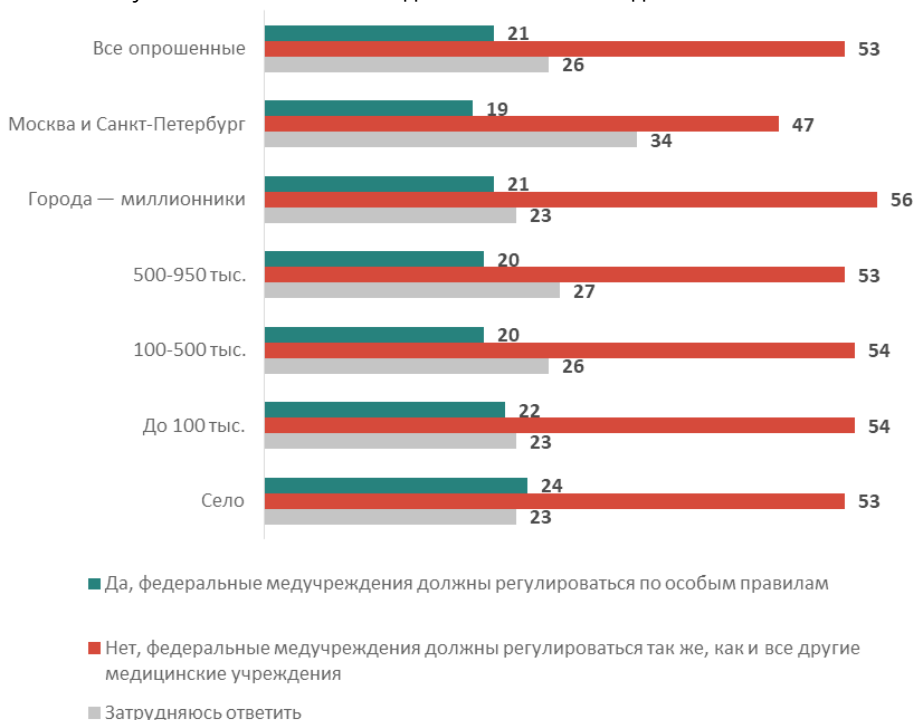

Рис. 3. В настоящее время направление пациентов в медицинские учреждения любого уровня (от городского до федерального) происходит по единому порядку и регулируется едиными правилами. Как Вы полагаете, должны ли медицинские учреждения федерального уровня быть выведены из единого порядка и регулироваться по особым правилам или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

² Опрос проведен по заказу Института региональных проблем.

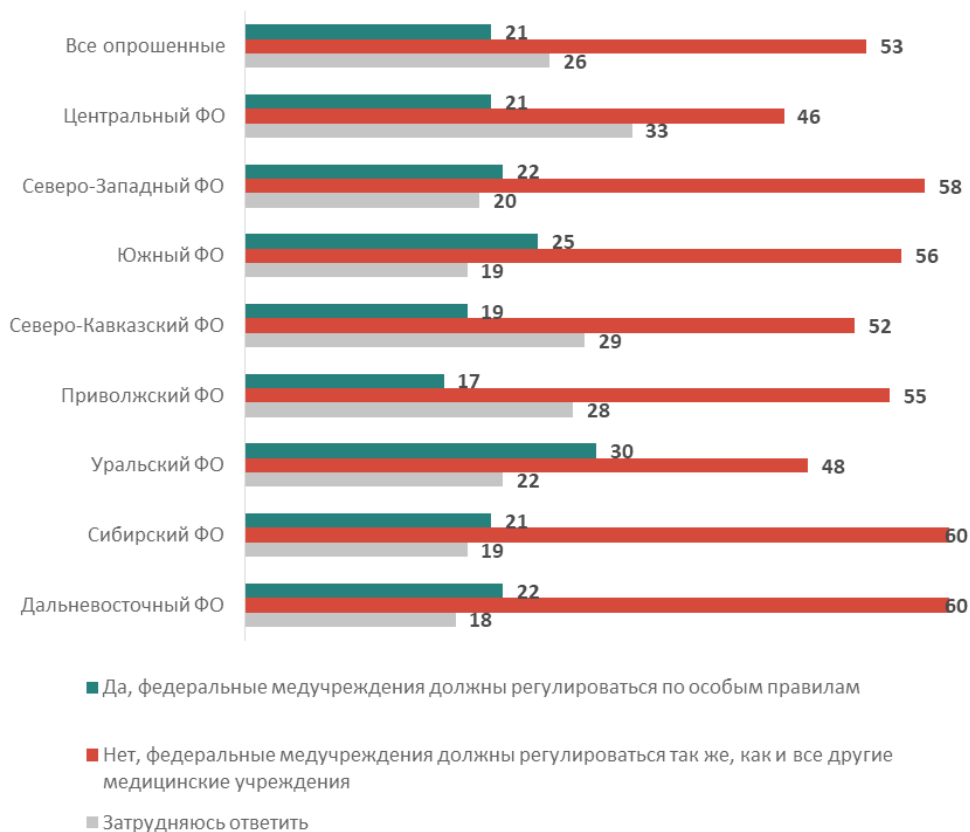

Рис. 4. В настоящее время направление пациентов в медицинские учреждения любого уровня (от городского до федерального) происходит по единому порядку и регулируется едиными правилами. Как Вы полагаете, должны ли медицинские учреждения федерального уровня быть выведены из единого порядка и регулироваться по особым правилам или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 5. В настоящее время государством выделяются средства на экспертизу качества медицинской помощи и защиту прав пациентов. Одни считают, что эти средства следует направить на другие задачи в системе здравоохранения. Другие полагают, что следует оставить все как есть и тратить эти средства на экспертизу медпомощи и защиту прав пациентов. Какая точка зрения ближе лично Вам? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

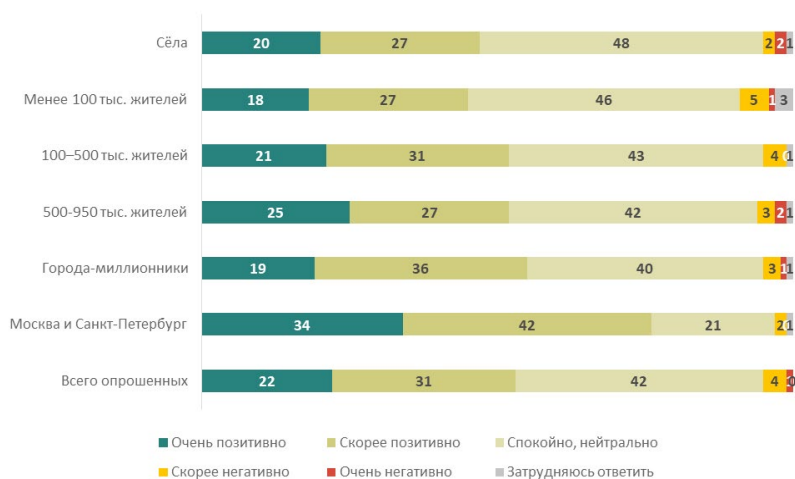
Рис. 6. Как Вы считаете, нужно или не нужно, чтобы качество работы медицинских учреждений получало объективную оценку со стороны независимых от Минздрава структур? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

СРЕДА, КОТОРАЯ НАС ФОРМИРУЕТ: КАК РОССИЯНЕ ОЦЕНИВАЮТ КАЧЕСТВО ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И ДИНАМИКУ ЕЕ ИЗМЕНЕНИЯ³

6 октября 2020 г.

Три четверти россиян в целом удовлетворены качеством городской среды и фиксируют позитивные сдвиги в этой сфере (72%). Большинству наших сограждан нравятся новые или реконструированные в их населенном пункте в последние годы здания (60%). При этом эмоциональное отношение россиян к месту своего проживания отличается от оценки уровня его комфортности. Если в первом случае абсолютное большинство выражает позитивное (53%) или нейтральное отношение (42%), то во втором каждый четвертый высказывает недовольство (24%). Россияне в довольно высокой степени «привязаны» к месту своего проживания: во время продолжительного периода самоизоляции 90% не задумывались о смене места жительства. Однако общая симпатия к месту своего жительства не отменяет его критики.

Среди свойственных российским населенным пунктам проблем наиболее актуальны следующие: локальные рынки труда (сложность трудоустройства: 41%; упадок местной экономики: 31%) и социальная инфраструктура (дефицит социальных сервисов: 32%; плохое состояние городской инфраструктуры: 29%). Наряду с этим развит запрос на повышение экологизации городской жизни (28%) и расширение зон рекреации (дефицит культурных и спортивных объектов: по 18% соответственно; отсутствие общественных пространств для прогулок и общения: 14%). Уровень гражданского активизма в части благоустройства населенных пунктов среди россиян довольно высок: половина наших сограждан (52%) участвует в тех или иных формах активности, направленных на улучшение качества жизни в месте проживания (субботники, общественные обсуждения, написание писем и отзывов о качестве работ и пр.).

³ Совместное исследование ВЦИОМ и Центра социального проектирования «Платформа».

Рис. 7. Как Вы относитесь к городу, населенному пункту, в котором проживаете?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

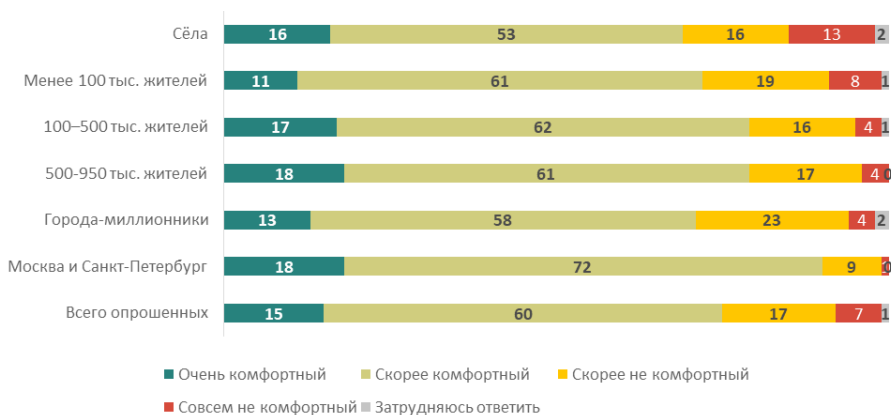

Рис. 8. Оцените, пожалуйста, город/населенный пункт, в котором Вы проживаете, скорее комфортен или скорее не комфортен для Вас и Вашей семьи?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 9. Изменился ли за последние 2—3 года внешний облик Вашего города/населенного пункта?
Если да, то как именно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

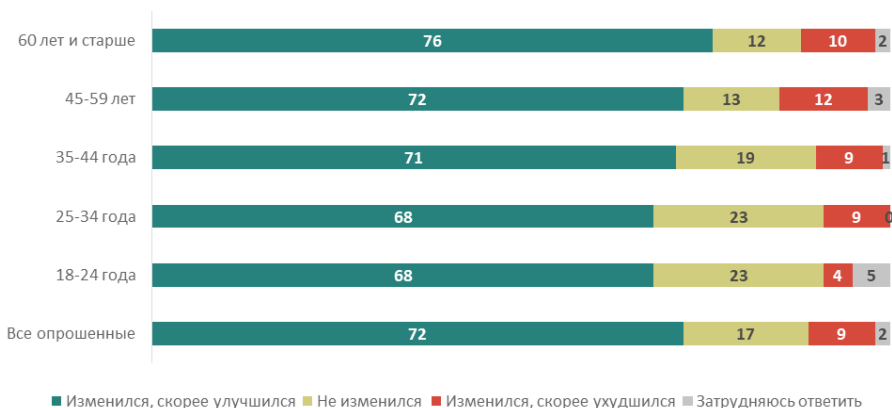

Рис. 10. Изменился ли за последние 2—3 года внешний облик Вашего города/населенного пункта? Если да, то как именно? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

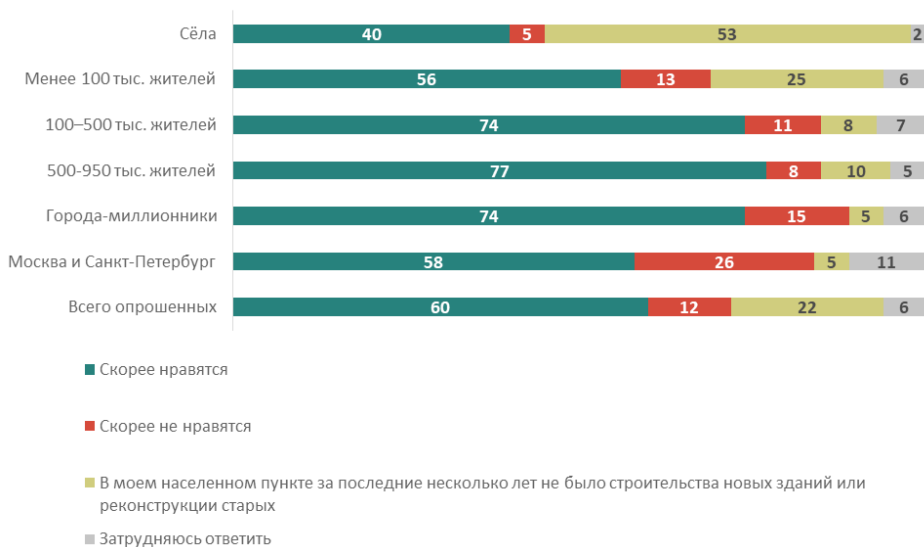

Рис. 11. За последние три-пять лет в вашем городе/населенном пункте было строительство новых зданий или, например, реконструкция старых или нет? Если да, то Вам скорее нравятся или скорее не нравятся эти здания? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 12. Какая из представленных точек зрения о развитии современных городов Вам ближе? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

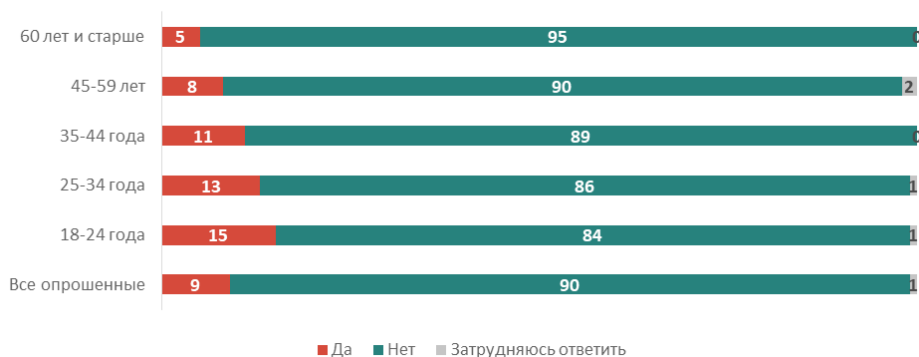

Рис. 13. В связи с коронавирусом с марта 2020 года был введен ряд ограничений, например, режим самоизоляции, были закрыты кинотеатры, театры, торговые центры и так далее. Скажите, пожалуйста, в период ограничений Вы задумывались или не задумывались о том, чтобы сменить место жительства, переехать в другой населенный пункт? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 14. Есть ли что-то в Вашем городе/населенном пункте, что вызывает у Вас раздражение, или такого нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 2. Есть ли что-то в вашем городе/населенном пункте, что вызывает у Вас раздражение, или такого нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Проблематика	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	500—950 тыс. жителей	100—500 тыс. жителей	Менее 100 тыс. жителей	Сёла
Мало возможностей найти подходящую работу	17	38	42	39	48	51
Дефицит социальных сервисов (например, медицины, детских садов и тому подобного)	19	36	41	27	36	34
Упадок местной экономики	27	39	32	30	29	31
Плохое состояние городской инфраструктуры (зданий, дорог, домов и того подобного)	18	39	33	24	30	34
Плохая экология	27	50	32	30	23	21
Неразвитость транспортной инфраструктуры внутри города (остановки, дороги и тому подобное)	9	36	27	26	29	35
Отсутствие перспектив у меня, у членов моей семьи	13	32	27	27	27	25
Дефицит спортивных объектов	8	21	13	14	21	26
Дефицит культурных и развлекательных объектов (театры, музеи, рестораны)	6	11	11	14	29	24
Уличная преступность, низкий уровень безопасности	14	23	20	14	11	12
Отсутствие общественных пространств для прогулок, встреч, общения	4	17	12	12	16	20
Удаленность от крупных развитых центров	2	10	11	9	18	19
Новая массовая застройка	30	20	11	11	6	7
Сами жители населенного пункта, их интересы и тому подобное	8	9	6	7	9	9
Дефицит товаров первой необходимости	2	3	7	4	8	8
Нет такого	20	14	17	16	14	17
Другое	26	14	12	15	16	14
Затрудняюсь ответить	1	1	3	1	2	1

Рис. 15. Скажите, пожалуйста, Вы скорее удовлетворены или скорее не удовлетворены состоянием указанных объектов в Вашем городе/населенном пункте?
Если таких объектов в Вашем городе/населенном пункте нет, то так и скажите
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 16. Скажите, пожалуйста, Вы скорее удовлетворены или скорее не удовлетворены состоянием различных объектов в Вашем городе/населенном пункте?

Если таких объектов в Вашем городе/населенном пункте нет, то так и скажите
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, представлены результаты кластерного анализа)

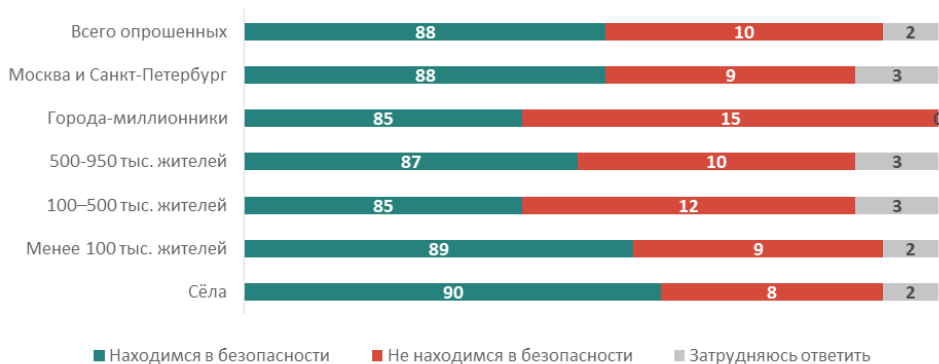

Рис. 17. Как Вы считаете, Вы и Ваша семья находитесь в безопасности в квартире, доме, где Вы проживаете или нет? *(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)*

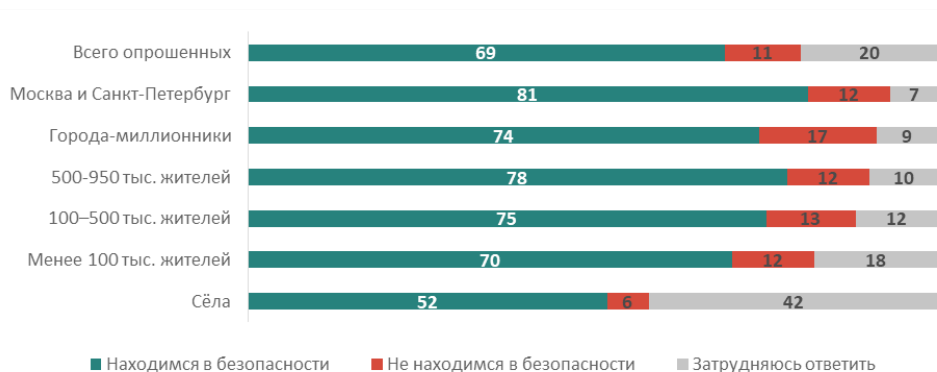

Рис. 18. Как Вы считаете, Вы и Ваша семья находитесь в безопасности в подъезде Вашего дома или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 19. Как Вы считаете, Вы и Ваша семья находитесь в безопасности во дворе у Вашего дома или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

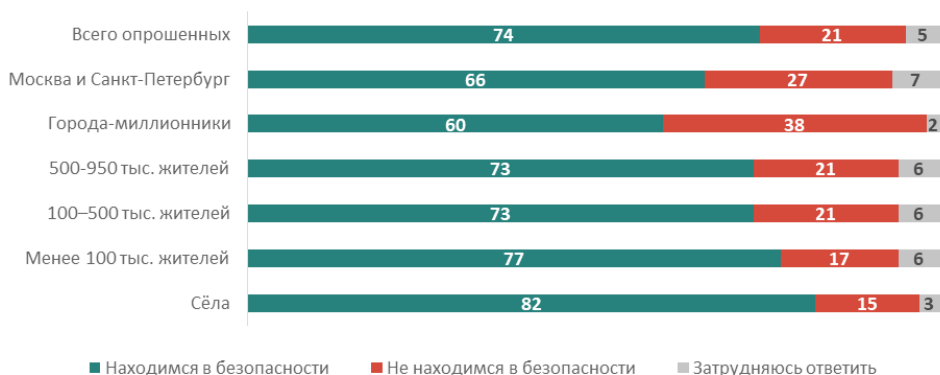

Рис. 20. Как Вы считаете, Вы и Ваша семья находитесь в безопасности в районе, микрорайоне, в котором находится Ваш дом, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

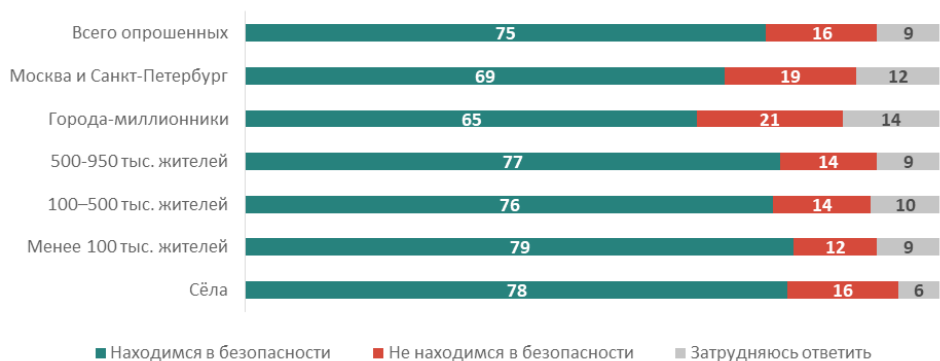

Рис. 21. Как Вы считаете, Вы и Ваша семья находитесь в безопасности в центре города, населенного пункта, в котором Вы проживаете, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

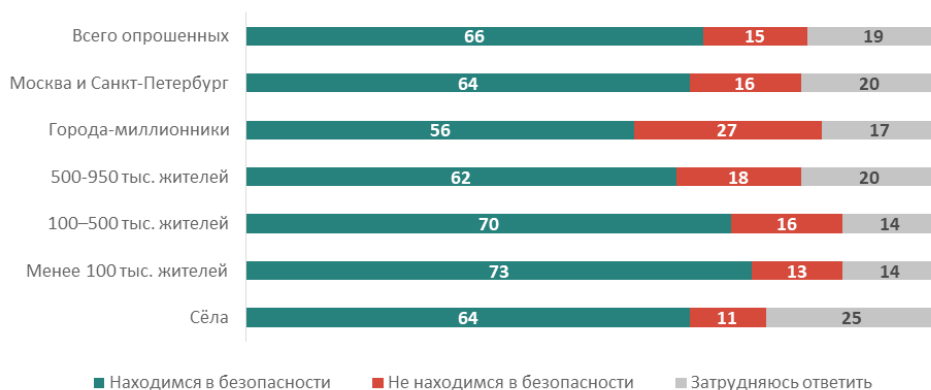

Рис. 22. Как Вы считаете, Вы и Ваша семья находитесь в безопасности в районе, микрорайоне, где Вы работаете, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

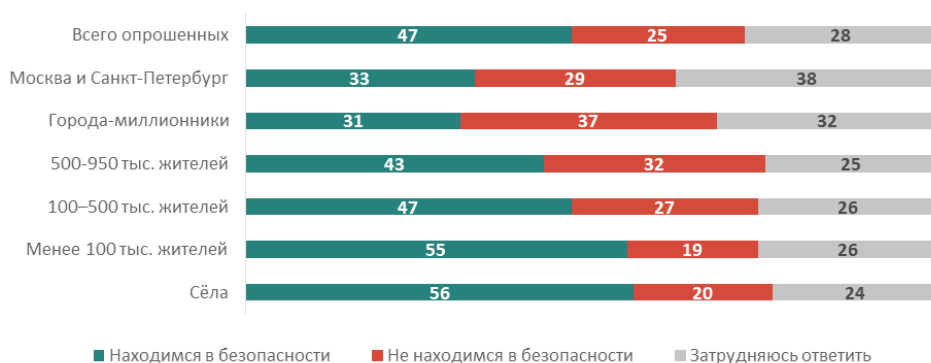

Рис. 23. Как Вы считаете, Вы и Ваша семья находитесь в безопасности в других районах населенного пункта, в котором Вы проживаете, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

**Таблица 3. Вспомните, пожалуйста, за последние 2—3 года
Вы принимали участие в благоустройстве Вашего города/населенного пункта?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)**

	Всего опрошенных	Москва и Санкт-Петербург	Города-миллионники	500—950 тыс. жителей	100—500 тыс. жителей	Менее 100 тыс. жителей	Сёла
Участвовал(-а) в общественных обсуждениях по благоустройству города, населенного пункта/улицы/двора и тому подобном	14	11	14	14	16	15	14
Писал(-а) письма, оставлял(-а) отзывы, комментарии о качестве работ и тому подобное	12	19	12	16	14	9	9
Участвовал(-а) в субботниках по благоустройству территории	43	30	46	48	46	44	43
Участвовал(-а) в работе благотворительных и волонтерских организаций по благоустройству территории города/района и тому подобном	8	4	6	10	8	9	10
Нет, не принимал участия	40	46	37	34	38	38	44
Другое	8	13	5	10	7	9	7
Затрудняюсь ответить	0	0	1	0	0	0	0

**Таблица 4. Вспомните, пожалуйста, за последние 2—3 года
Вы принимали участие в благоустройстве Вашего города/населенного пункта?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)**

	Все опрошенные	18— 24 года	25— 34 года	35— 44 года	45— 59 лет	60 лет и старше
Участвовал(-а) в общественных обсуждениях по благоустройству города, населенного пункта /улицы/ двора и тому подобном	14	9	13	15	17	13
Писал(-а) письма, оставлял(-а) отзывы, комментарии о качестве работ и тому подобное	12	8	12	15	14	9
Участвовал(-а) в субботниках по благоустройству территории	43	31	40	45	51	40
Участвовал(-а) в работе благотворительных и волонтерских организаций по благоустройству территории города/района и тому подобном	8	9	10	13	8	4
Нет, не принимал участия	40	55	41	39	32	44
Другое	8	6	9	6	10	9
Затрудняюсь ответить	14	9	13	15	17	13

ОБРАЗ ЖИЗНИ

КИНО ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ	295
СЕЗОН ОРВИ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ	300
ИТОГИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ЛЕТА — 2020.....	304
БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ДЕДЫ И ВНУКИ.....	308

КИНО ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

25 августа 2020 г.

Более половины россиян (63 %) не отслеживают на регулярной основе премьерные показы фильмов в кинотеатрах. С различной периодичностью за новинками кино следят 36 % опрошенных. Более трети наших соотечественников (39 %) до пандемии посещали кинотеатры с разной степенью регулярности. Более половины (61 %) практически не ходили в кинотеатры. После снятия ограничений, введенных против распространения коронавирусной инфекции, три четверти россиян (75 %) не были в кинотеатрах и не собираются, однако практически каждый четвертый (23 %) не ходил, но планирует. Наши соотечественники стали реже выбирать данный вид досуга или вообще отказались от него потому, что опасаются заразиться коронавирусом в местах скопления людей (33 %); им не хватает времени (30 %); в кинотеатрах отсутствуют интересные премьеры (17 %); они предпочитают смотреть фильмы дома (15 %).

Отвечая на прямой вопрос о рисках заражения при посещении кинотеатра, 38 % опрошенных россиян сообщили, что в какой-то мере опасаются заразиться коронавирусной инфекцией в кинотеатре, не задумывались об этом 30 %, и каждый пятый россиянин (20 %) уверен, что с ним такого не случится. В связи с пандемией ряд премьер были проведены в онлайн-кинотеатрах, однако этот формат пока не пользуется популярностью у россиян: треть опрошенных пользователей интернета впервые услышали о подобной практике (35 %). Половина россиян, пользующихся интернетом (49 %), ничего не смотрит в онлайн-кинотеатрах, а треть из них (31 %) просматривают только бесплатные фильмы. Практика использования платных подписок распространена незначительно: подписка на легальный контент есть лишь у каждого седьмого россиянина (13 %).

Рис. 1. Поговорим о кино. Скажите, Вы следите или нет за новинками проката, фильмами, показ которых массовому зрителю запланирован на ближайшие недели?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

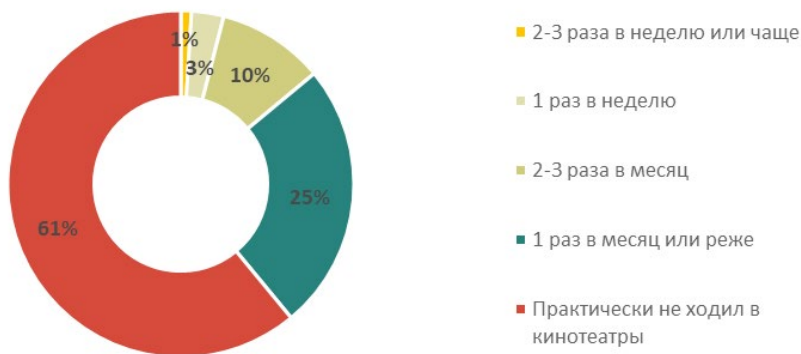

Рис. 2. Припомните, как часто Вы ходили в кинотеатры до того, как в нашей стране был введен режим самоизоляции (карантина)?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 3. Скажите, пожалуйста, после снятия режима самоизоляции, ограничений Вы уже ходили в кинотеатры или нет? Если да, то как часто Вы сейчас ходите в кинотеатры?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 1. Почему Вы сейчас ходите в кинотеатры реже, чем раньше, до введения режима самоизоляции, или совсем не ходите? Вы можете назвать одну или две ключевых причины
(закрытый вопрос, до двух ответов, % от тех, кто сейчас посещает кинотеатры реже, чем раньше, до самоизоляции, или сейчас не посещает, а раньше посещал)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Опасаюсь заразиться коронавирусом/предпочитаю не посещать места скопления людей без острой необходимости	33	28	30	31	33	49
Нет времени/некогда	30	33	33	34	28	11
Нет интересных фильмов в кинотеатрах	17	19	20	15	16	13
Предпочитаю смотреть фильмы дома	15	17	13	13	16	23
Слишком дорогие билеты	6	6	5	8	7	5
Не с кем ходить/нет компании	5	12	2	3	6	4
Неудобное расписание фильмов в кинотеатрах	2	5	0	2	1	0

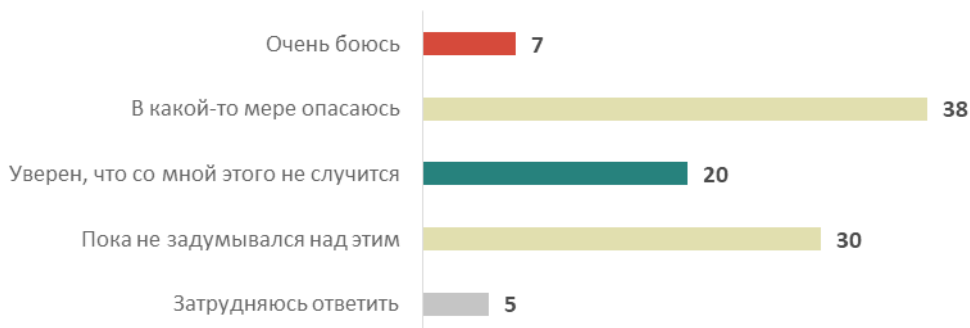

Рис. 4. Опасаетесь ли Вы того, что Вы можете заразиться коронавирусной инфекцией при посещении кинотеатра, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 2. **Поговорим об онлайн-кинотеатрах — сайтах с легальным доступом, на которых собрана коллекция фильмов. Скажите, а Вы смотрите или не смотрите фильмы в онлайн-кинотеатрах?** (закрытый вопрос, до двух ответов, % от тех, кто пользуется интернетом)

	Все опрошенные	18—24 года	25—34 года	35—44 года	45—59 лет	60 лет и старше
Смотрю, есть платная подписка на онлайн-кинотеатр	13	26	21	15	5	2
Смотрю, покупаю отдельные фильмы в онлайн-кинотеатрах	5	4	10	8	1	1
Смотрю только бесплатные фильмы в онлайн-кинотеатрах	31	39	31	30	31	27
Ничего не смотрю в онлайн-кинотеатрах	49	33	43	49	55	59
Впервые слышу об онлайн-кинотеатрах	6	3	1	4	8	11
Затрудняюсь ответить	1	0	0	1	1	1
Смотрю, есть платная подписка на онлайн-кинотеатр	13	26	21	15	5	2

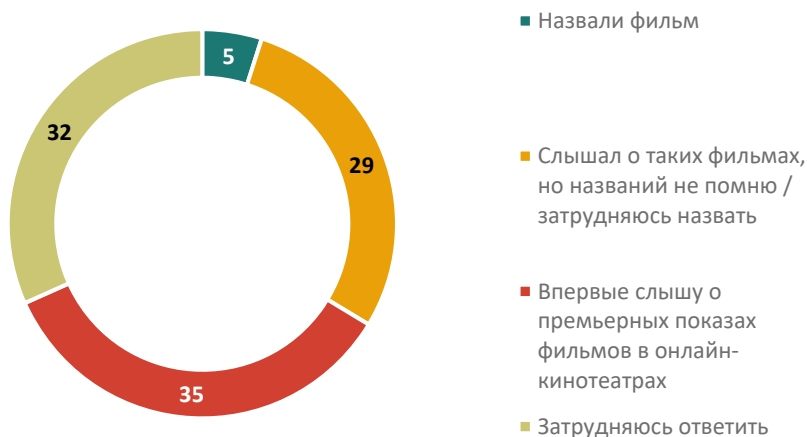

Рис. 5. В этом году во время режима самоизоляции, когда кинотеатры были закрыты, премьерные показы некоторых новых фильмов проходили в интернете, на онлайн-площадках. Знаете ли Вы фильмы, премьерные показы которых проходили в этом году в интернете, или нет? (открытый вопрос, до трех ответов, % от тех, кто пользуется интернетом)

Рис. 6. Представьте, что у Вас есть выбор в отношении фильма, премьеру которого Вы ожидаете: сходить на этот фильм в кинотеатр или посмотреть его премьеру в интернете, в онлайн-кинотеатре. Какой вариант Вы бы предпочли? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто пользуется интернетом)

СЕЗОН ОРВИ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ⁴

14 сентября 2020 г.

Большинство россиян (84%) утверждают, что в той или иной мере заботятся о своем здоровье. Среди наиболее распространенных мер: отказ от вредных привычек — курения (55%) и алкоголя (49%), а также своевременное обращение к врачам (46%). За последние полгода болели около 17% опрошенных. Абсолютное большинство (84%) респондентов информированы о мерах профилактики ОРВИ. В связи с эпидемиологической ситуацией, связанной с распространением коронавирусной инфекции, отношение большей части россиян (68%) к профилактике ОРВИ, по их собственному наблюдению, изменилось: стало более распространено использование медицинских масок (52%), социальную дистанцию стали держать 38% участников опроса. Вместе с тем треть россиян (36%) за последние 12 месяцев ничего не делали для профилактики ОРВИ.

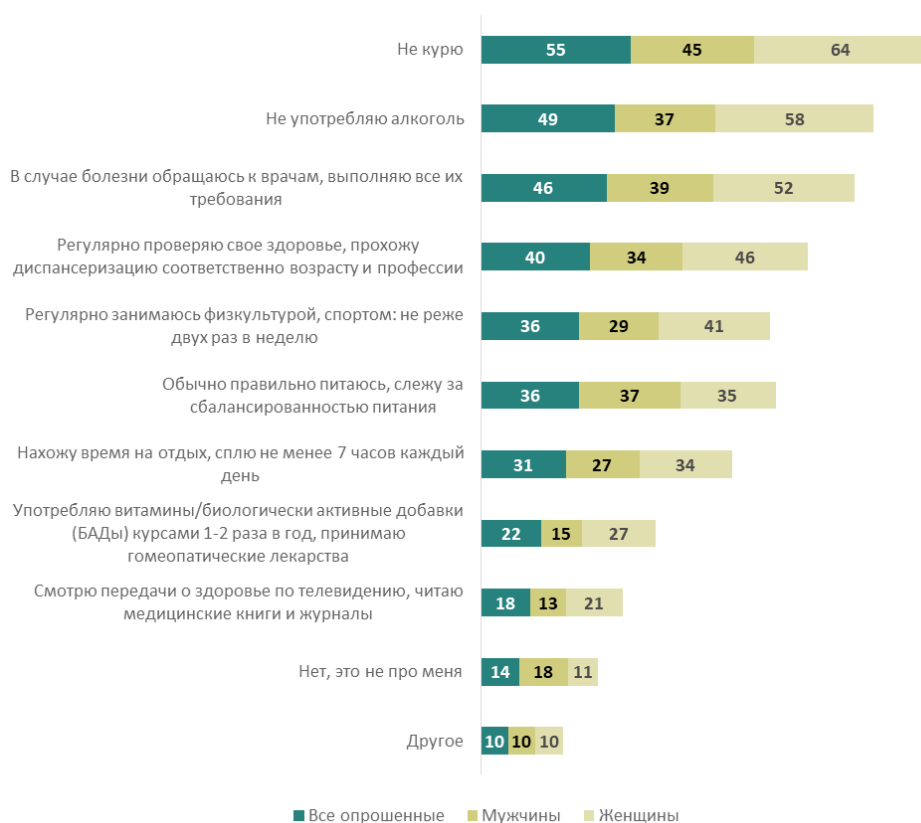

Рис. 7. Можете ли Вы сказать о себе «я забочусь о своем здоровье» или нет? Если да, то в чем это проявляется? Вы можете дать любое число ответов (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

⁴ Опрос проведен по заказу компании «Буарон». При реализации проекта было использовано экспертное решение ВЦИОМ «Публичное социальное исследование».

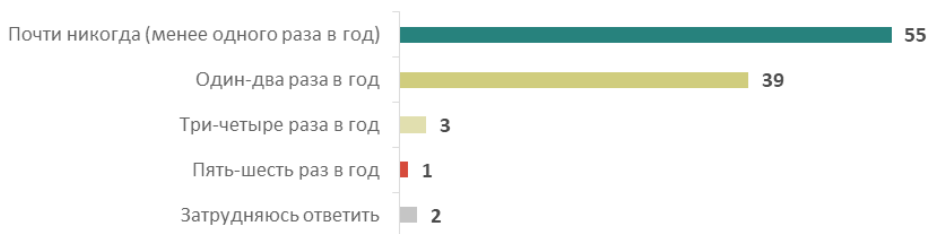

Рис. 8. Как часто Вы обычно болеете гриппом или ОРВИ?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

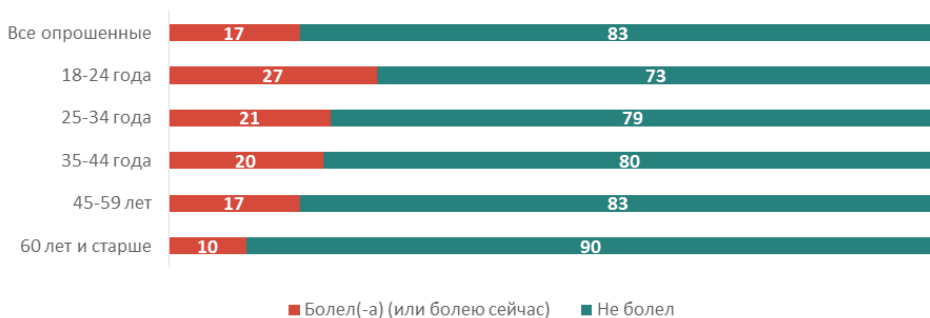

Рис. 9. Скажите, пожалуйста, за последние полгода Вы болели гриппом или ОРВИ или нет?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Таблица 3. **Какие меры Вы могли бы отнести к способам профилактики ОРВИ? Назовите как можно больше таких мер (открытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)**

Меры, связанные с соблюдением гигиены и социальной дистанции	
Снижение социальных контактов, дистанции	19
Соблюдение гигиенических норм, уборка и проветривание помещений	17
Ношение масок/перчаток	15
Меры, связанные с ведением здорового образа жизни	
Одеваться по погоде, не переохлаждаться	15
Закаливание, укрепление иммунитета	15
Занятия спортом	14
Соблюдение режима отдыха, сна, прогулок	13
Вести здоровый образ жизни	13
Правильное питание	10
Меры, связанные с обращением в медицинские учреждения	
Прививки	26
Своевременное лечение/обращение к врачу	9
Следить за здоровьем	6
Меры, связанные с приемом специальных препаратов	
Витамины	18
Прием противовирусных препаратов	7
Использование препаратов (оксолиновая мазь, парацетамол), полоскание рта и носа	3

Меры, связанные с приемом народных средств	
Народные средства (чеснок, лук, цитрусовые, баня)	15
Нет никаких способов профилактики ОРВИ / от ОРВИ нельзя уберечься	2
Другое	5

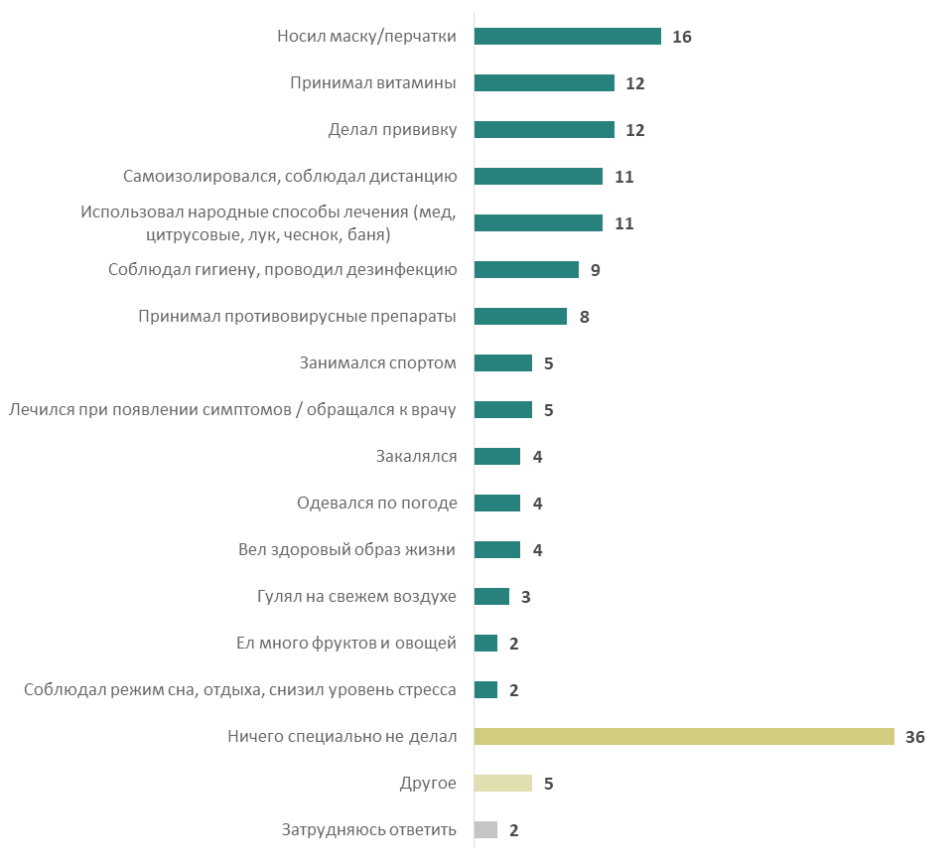

Рис. 10. За последние двенадцать месяцев Вы предпринимали какие-либо меры, чтобы не заболеть гриппом или ОРВИ, или ничего не делали? Если предпринимали, то что именно? Назовите несколько мер (открытый вопрос, не более трех ответов, % от всех опрошенных)

Рис. 11. Изменилось или не изменилось Ваше отношение к профилактике ОРВИ за последние полгода? Если изменилось, то в каких действиях это проявилось? (закрýтый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

ИТОГИ ТУРИСТИЧЕСКОГО ЛЕТА — 2020

15 и 17 сентября 2020 г.

Летом 2020 года более трети россиян отдыхали дома (37%), еще четверть — на даче или садовом участке (27%). Каждый десятый (9%) побывал в другом городе, а 6% ездили на курорты Краснодарского края. Большинство из тех, кто отдыхал этим летом, остались довольны своим отдыхом: 90% против 10% недовольных. Тем, кто отдыхал в России, в отдыхе больше всего понравились погода и климат (20%), природа (20%) и море (15%). В среднем тем, кто ездил этим летом за пределы своего дома и дачи, отдых обошелся в 32 592 рубля на одного человека (на 18,5% меньше, чем в 2019) при планируемом бюджете в 49 500 рублей. О программе государственных выплат за туры по России что-либо слышали 70% россиян, о хорошем информировании сообщили 19%. Абсолютное большинство россиян не пользовались этой программой (99%).

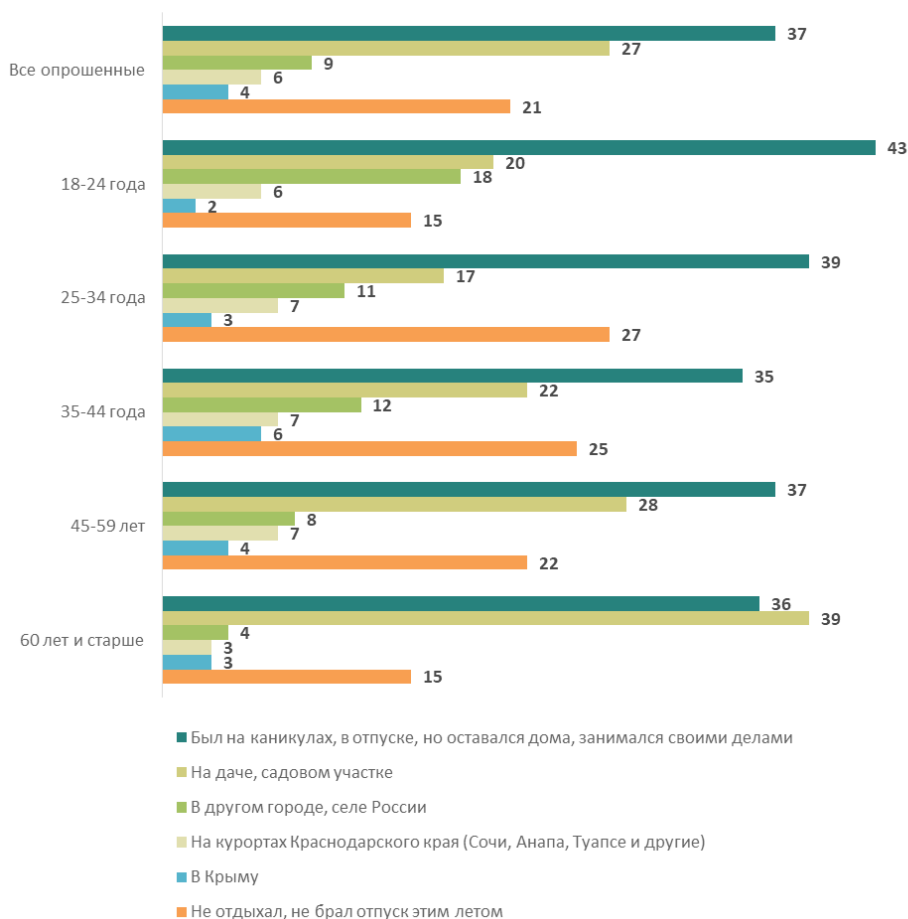

Рис. 12. Поговорим о том, как Вы провели лето. Вспомните, пожалуйста, где Вы отдыхали этим летом? (закрытый вопрос, до пяти ответов, % от всех опрошенных)

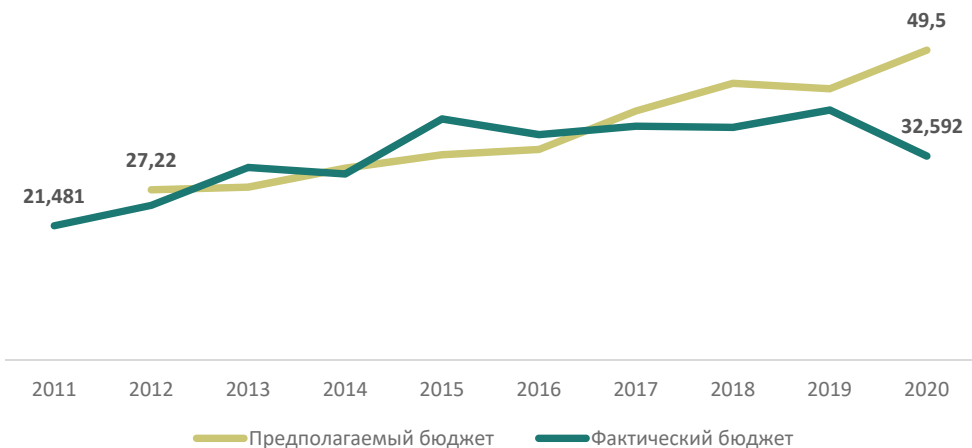

Рис. 13. Оцените, пожалуйста, сколько денег было потрачено на Ваш отдых этим летом? Если Вы отдыхали не один (одна), укажите, пожалуйста, сумму из расчета на одного человека (открытый вопрос, один ответ, средняя сумма в тыс. руб., % от тех, кто отдыхал этим летом)

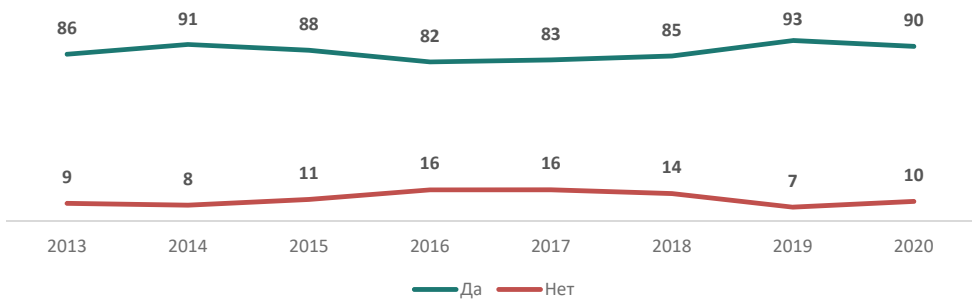

Рис. 14. Скажите, Вы довольны или недовольны тем, как отдохнули этим летом? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто отдыхал этим летом за пределами города, села и дачи)

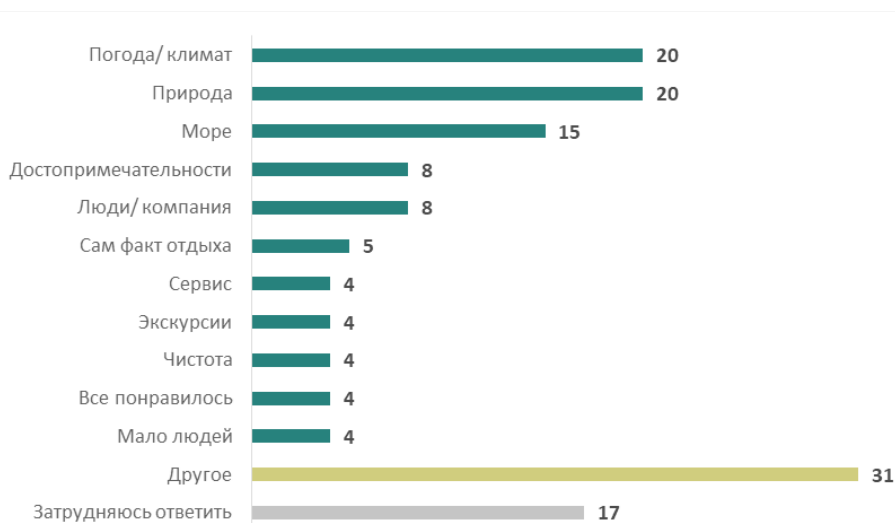

Рис. 15. Что Вам больше всего понравилось в отдыхе в России в этом году?
(открытый вопрос, до трех ответов, % от тех, кто отдыхал в этом году в России,
представлены ответы от 4 % респондентов)

Рис. 16. Что Вам больше всего не понравилось в отдыхе в России в этом году?
(открытый вопрос, до трех ответов, % от тех, кто отдыхал в этом году в России,
представлены ответы от 2 % респондентов)

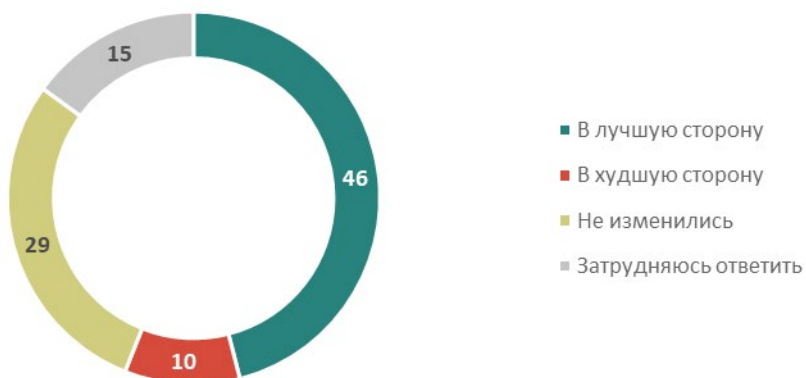

Рис. 17. Как, на Ваш взгляд, за последние пять лет в России изменились условия для отдыха и досуга?
(закрытый вопрос, один ответ, % всех опрошенных)

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ, ИЛИ ДЕДЫ И ВНУКИ

5 октября 2020 г.

В воспитании большинства россиян (74%) в той или иной степени принимали участие бабушки и дедушки. Более половины наших соотечественников (66%) сходятся во мнении, что молодой семье без материальных трудностей лучше отдать детей в детский сад. Четверть опрошенных россиян (27%) готовы доверить воспитание своих детей бабушкам и дедушкам. По мнению практически абсолютного большинства россиян (84%), бабушки и дедушки могут научить внуков жизненной мудрости, которую накопили за годы своей жизни. Бабушки в воспоминаниях респондентов обладают такими качествами, как душевность, доброта и тепло (54%); забота, внимание и поддержка (19%); любовь (13%). Дедушки тоже ассоциируются с добротой (12%), заботой и любовью (по 7% соответственно). В то же время они ассоциируются и с авторитетом (6%).

Рис. 18. Скажите, пожалуйста, насколько активно принимали участие в Вашем воспитании Ваши бабушки и дедушки?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 19. Что бы Вы порекомендовали молодой семье, не испытывающей материальных трудностей: пригласить профессиональную няню, доверить воспитание детей их бабушке и/или дедушке, которые могут с ними оставаться (хорошо себя чувствуют, уже не работают, живут рядом) или же отдать детей в детский сад? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 20. С каким из следующих суждений Вы согласны в большей степени... (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

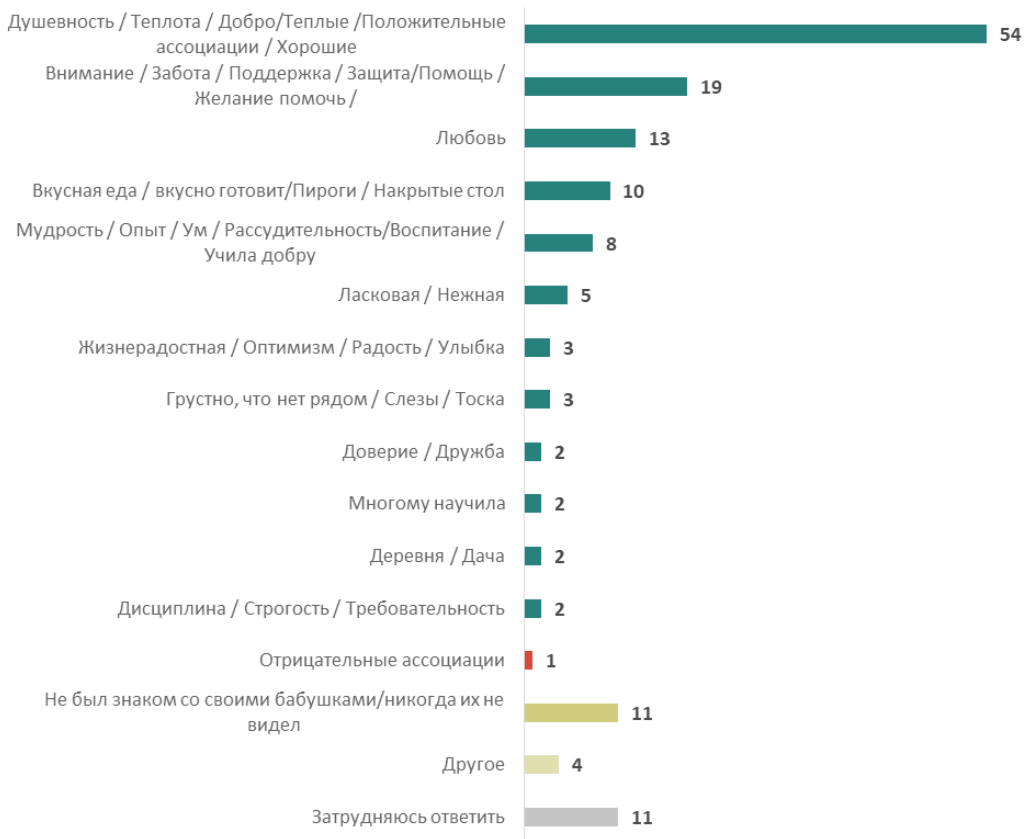

Рис. 21. Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы вспоминаете о своей бабушке?
(открытый вопрос, до 5 ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие 2% и более)

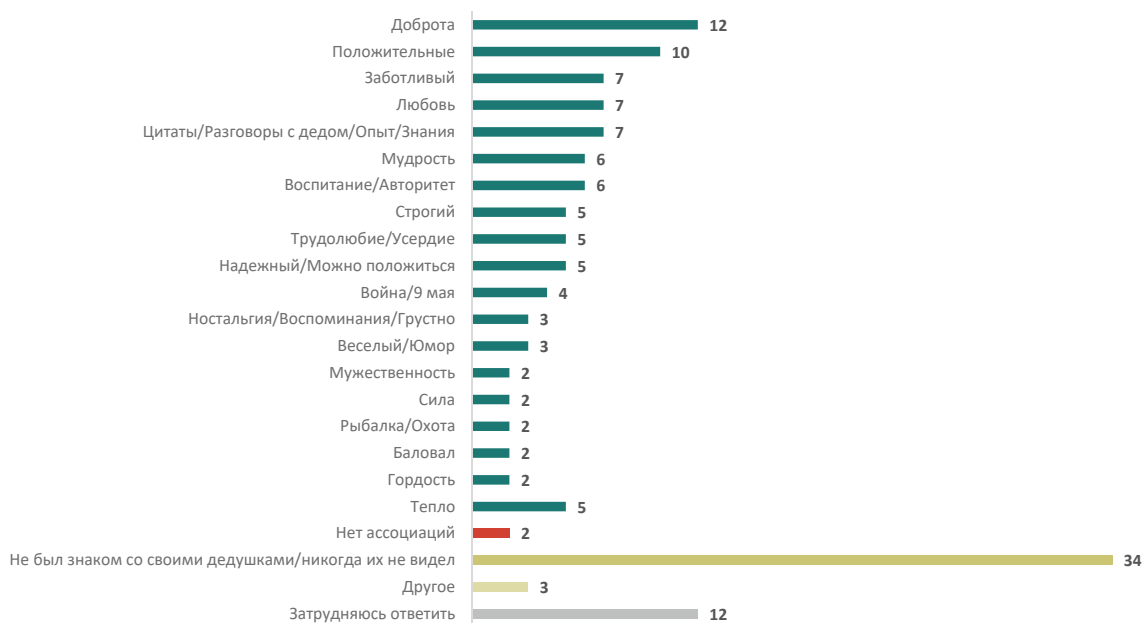

Рис. 22. Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы вспоминаете о своем дедушке?
 (открытый вопрос, до 5 ответов, % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие 2% и более)

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.913](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.913)

П. В. Демин, Е. А. Сорочан

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВ: НЕТНОГРАФИЯ YOUTUBE-СООБЩЕСТВА ВЫШИВАЛЬЩИЦ

Правильная ссылка на статью:

Демин П. В., Сорочан Е. А. Социальные эффекты онлайн-сообществ: нетнография YouTube-сообщества вышивальщиц // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 312—343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.913>.

For citation:

Demin P.V., Sorochan E.A. (2020) Social Effects of Online Communities: Netnography of a YouTube Embroiderers' Association. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 312—343. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.913>. (In Russ.)

**СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ОНЛАЙН-СО-
ОБЩЕСТВ: НЕТНОГРАФИЯ YOUTUBE-
СООБЩЕСТВА ВЫШИВАЛЬЩИЦ**

ДЕМИН Павел Владиславович — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: pdemin.hse@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1227-5496>

СОРОЧАН Елена Анатольевна — магистр социологии, специалист по исследованиям бренда работодателя, HeadHunter, Москва, Россия

E-MAIL: lena.soro4an@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6785-0013>

Аннотация. В исследовании раскрываются особенности возникновения и существования сообществ людей в онлайн-пространстве. На примере YouTube-сообщества вышивальщиц проведен анализ причин долговременного стабильного существования современных онлайн-сообществ, для чего выявлена организационная структура сообщества, проведена типология его участников, проанализированы их взаимодействия, описаны условия объединения, а также результаты деятельности сообщества — его социальные эффекты. Эмпирическая база исследования представлена 8 глубинными полуструктурированными интервью и нетнографией 47 видеороликов участников сообщества.

Результаты исследования демонстрируют, что возникающие в процессе жизнедеятельности сообщества социальные эффекты могут быть как непосредственными, так и непредна-

**SOCIAL EFFECTS OF ONLINE COMMU-
NITIES: NETNOGRAPHY OF A YOUTUBE
EMBROIDERERS' ASSOCIATION**

Pavel V. DEMIN¹ — Post-graduate Student at the Faculty of Social Sciences

E-MAIL: pdemin.hse@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1227-5496>

Elena A. SOROCHAN² — MSc in Sociology, Employer Brand Research Specialist

E-MAIL: lena.soro4an@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6785-0013>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² HeadHunter, Moscow, Russia

Abstract. The study examines how online communities emerge and exist. Using a YouTube embroidery community as a casestudy the authors analyze the reasons for the long-term existence of modern online communities. For that purpose, the authors explore community's organizational structure, a typology of the participants, analyze their interactions, and describe the reasons why they unite and the results of the community activities, i.e. social effects. The study is based on 8 in-depth semi-structured interviews and a netnographic analysis of 47 videos made by community members.

Findings show that social effects resulted from the community members' interactions can be both direct and unintentional. Members joining the community expect to receive the following social effects: psychological comfort and a sense of belonging to the community, group cohesion and recognition by the

меренными. В качестве ожидаемых эффектов при вступлении в сообщество его участники получают психологический комфорт и принадлежность к сообществу, групповую солидарность и признание единомышленников, возможности саморазвития и профессиональной специализации. В то же время сообщество в ходе групповой динамики производит легитимацию потребления и внешний арбитраж за действиями участников, а также наращивает переговорную силу в рыночном взаимодействии. Изученное сообщество — пример добровольного объединения людей, самоорганизации на принципах утилитарной рациональности и индивидуализированной полезности для участников. Внутренне мотивированные потребности индивидов обуславливают существование онлайн-сообщества, которое сплачивает людей на длительное время.

Результаты исследования будут полезны ученым, изучающим структуру и механизмы функционирования онлайн-сообществ. Практическая польза исследования предполагает предоставление научного фундамента для людей и бизнесменов, взаимодействующих с онлайн-сообществами на экономических началах либо планирующих создавать стабильные онлайн-сообщества и управлять ими.

Ключевые слова: социальные эффекты, онлайн-сообщество, нетнография, групповая идентичность, рыночные агенты, переговорная сила, YouTube, рукоделие

like-minded people, and opportunities for professional growth.

However, the community also legitimizes consumption and external "arbitration" of the members' activities and enhances their bargaining power in market interactions. The community under consideration illustrates a voluntary association of people, a case of self-organization based on utilitarianism, rationality and individualized practicality in favor of its members. Internally motivated needs are a condition for the existence of online communities which hold people together for a long time.

The findings of the study will be useful for researchers dealing with the structure and functioning of online communities. The study can be used as a solid research base by individuals and businessmen working with online communities or willing to create a stable online community and manage it.

Keywords: social effects, online community, netnography, group identity, market agents, bargaining power, YouTube, floss-tube, embroidery

Классическая точка зрения на основы взаимодействия людей предполагает, что люди все меньше объединяются на основе коллективных идентичностей [Tönnies, 1957; Зиммель, 2002; Кляйненберг, 2014]. Однако полной социальной дезинтеграции не происходит, поскольку с трансформацией общества меняются и формы объединений людей: от механической солидарности и профессиональных сообществ к сообществам потребления и онлайн-сообществам [Бурстин, 1993; Дюркгейм, 1996; van Dijk, 1997; Кляйненберг, 2014]. Социальные объединения не исчезают вовсе, но изменяют принципы своего возникновения и развития: от разделенных временем и расстоянием, с ограниченным числом и составом участников к вневременным, внепространственным и формально неограниченным по составу. Яркий пример таких сообществ — виртуальные (онлайн-) объединения, в которых сегодня протекает значимая часть жизни людей [van Dijk, 1997; Graham, 2006; Кляйненберг, 2014]. Хотя многие исследователи сходятся во мнении, что для современного общества свойственны атомизация индивидов, нарастающее одиночество и отчужденность от коллективных взаимодействий [Фромм, 2011], люди все больше общаются в социальных сетях, экспоненциально растет число онлайн-сообществ и взаимодействий в сети [Кляйненберг, 2014]. Люди начинают больше практиковать коммуникацию в виртуальной среде, чем непосредственные взаимодействия, и это накладывает отпечаток на форму и содержание общения.

В онлайн-сообществах взаимодействия между индивидами чаще всего основаны на общих интересах и носят временный характер, границы таких сообществ аморфны и определяются включенными в них индивидами [Haythornwaite, 2002]. При этом некоторые онлайн-сообщества могут существовать продолжительное время и побуждать участников к частым насыщенным интеракциям [Bagozzi, Dholakia, 2006; Bateman, Gray, Butler, 2011]. Для стабильности подобных сообществ необходимы серьезные основания, которые невозможно объяснить лишь общностью интересов. Можно предположить, что залог долговременного существования онлайн-сообществ — специфические социальные эффекты, которые могут быть как непосредственными, так и непреднамеренными последствиями совместной деятельности участников. Тогда возникает исследовательский вопрос: каким образом проявляются ожидаемые и непреднамеренные социальные эффекты в ходе деятельности онлайн-сообщества? На основе подхода Дж. Дьюи, мы определяем *социальные эффекты* как результаты деятельности сообщества, влияющие на его участников [Дьюи, 2002]. Эти эффекты могут быть как внутренними (развитие социального, человеческого, культурного капитала участников сообщества), так и внешними (благотворительность, помощь группам людей, имеющих проблемы с социализацией), при этом в комплексе они усиливают или ослабляют согласованную деятельность сообщества.

В первой части статьи рассматриваются теоретические и эмпирические подходы к изучению реальных и виртуальных сообществ, особенностей их функционирования и последствий деятельности. Во второй части демонстрируется типичный портрет участников сообщества, описываются гендерный аспект вышивальной деятельности и методология исследования социальных эффектов онлайн-сообществ на примере YouTube-сообщества вышивальщиц. В третьей

части представлена организационная структура сообщества с точки зрения видов деятельности, участников и механизмов их взаимодействий. В четвертой части описываются условия объединения людей в YouTube-сообществе и значимые для них результаты его деятельности. В заключении подводится краткий итог проделанной работы и обозначаются перспективные направления будущих исследований.

Основание, функционирование и последствия деятельности онлайн-сообществ

Традиционные, профессиональные и потребительские сообщества — это группы людей, которые существуют в определенном территориальном и временном контексте. Технологическая революция конца XX — начала XXI века, связанная с появлением и широким распространением новых каналов связи для коммуникаций, в особенности интернета, дала людям возможность выйти за рамки пространства и времени. Теперь группа по интересам, посвященная коллекционированию предметов быта, может состоять из людей, живущих в разных городах страны и за рубежом. Преодоление временных ограничений позволяет разговаривать асинхронно, общаться разнообразнее и чаще, обмениваться мыслями и знаниями в любом удобном месте и в любой момент, несмотря, например, на разные часовые пояса. Объединения людей, которые в течение долгого времени участвуют в публичных дискуссиях в онлайн-пространстве и создают локальную сеть личных контактов, получили широкое распространение во всем мире и открыли путь для создания стабильных социальных связей внутри виртуального киберпространства — виртуальных (онлайн-)сообществ [Rheingold, 1991; Маклюэн, 2005; Луман, 2011]. В отличие от традиционных и профессиональных сообществ, которые могут поддерживаться и без активной добровольной коммуникации, в онлайн-сообществах она выступает необходимым условием стабильности.

Хотя многие функции и принципы жизнедеятельности реальных сообществ сохранились в онлайн-сообществах, последние благодаря неограниченной передаче информации приобрели отличительные черты. Среди них:

- отсутствие территориальных границ для взаимодействия участников: сообщество существует без привязки к реальным физическим объектам и территориям¹;
- отсутствие значительных финансовых затрат для общения на значительных расстояниях друг от друга [Bargh, McKenna, 2004];
- свободный характер участия индивида: сообщества создаются и развиваются преимущественно на основе самостоятельных решений участников и не нуждаются к взаимодействию с другими членами коллектива [Дянков, 2012];
- отсутствие физического контакта между членами сообщества, что ведет к ограниченности сенсорного восприятия собеседника [Семенов, 2010];
- подвижность границ приватного и публичного пространств, претерпевают сильные изменения идентичность и самопрезентация индивида; появляется возможность конструировать множественные образы своей персоны и необходимость раскрывать свою личность при выходе на публичные обсуждения [Donath, 1999; Баева, 2014];

¹ Белинская Е. П. К обоснованию социокультурного подхода в анализе виртуальной реальности // Cyberpsy. 2017. 1 марта. URL: <http://cyberpsy.ru/articles/belinskaya-analiz-virtualnoj-realnosti/> (дата обращения: 28.10.2020).

— сетевое взаимодействие между участниками сообщества; гетерархия и размытая структура лидерства; самоорганизация на основе общих целей и интересов [Кастельс, 2004];

— прямое влияние технических параметров платформы общения на структуру коммуникаций в сообществе, на правила и нормы взаимодействия между его членами [Blanchard, Markus, 2007];

— сознание групповой «общности» онлайн-сообщества [Ринкявичус, Буткявичене, 2007].

В научных кругах ведется дискуссия относительно взаимосвязи реальных и онлайн-сообществ. Некоторые авторы дифференцируют онлайн-сообщества на те, которые отражают уже сложившиеся в реальности группы, и те, которые возникли и стихийно развивались в онлайн-пространстве [Тальнишних, 2002]. В первом случае сообщества формируются в реальной жизни, а факторами их создания могут быть, например, родственная близость, профессиональная специализация, рациональная воля индивидов, потребность в преодолении отчужденности, статусное потребление, единство практик потребления. Во втором случае возникает новая форма объединения людей, которые не могут взаимодействовать в реальности, и эта форма объединения обладает рядом черт, отличающих ее от традиционных сообществ. Могут также существовать гибридные формы, когда реальные сообщества дополняются виртуальными участниками либо коммуникация в онлайн-сообществе перетекает в реальное взаимодействие. Сообщества в виртуальной реальности не обязательно становятся продолжением сообществ в реальной жизни [Nip, 2004], так же как не все сети взаимодействий в интернете являются полноценными онлайн-сообществами. К примеру, связь между изначально знакомыми друг с другом людьми означает наличие реальной группы, использующей интернет как один из каналов коммуникации, в то время как онлайн-сообщества объединяют преимущественно незнакомых друг с другом людей, не встречающихся друг с другом очно. Подобный формат объединения поднимает вопрос о его основах, условиях возникновения и эффектах деятельности, позволяющих ему стабильно существовать во времени.

Онлайн-сообщества играют важную роль в жизни своих участников благодаря производству значимых *социальных эффектов*. Они являются результатами деятельности сообщества, влияющими на его участников. Социальные эффекты определяют, будет ли сообщество внутренне устойчивым и сколько оно просуществует. Исследователями выделяются следующие социальные эффекты, наблюдаемые в рамках онлайн-сообществ:

— коллаборативное потребление [Botsman, Rogers, 2010; Бочарова, Ечевская, 2014],

— самореализация и альтруистическая вовлеченность в жизнь сообщества [Bateman, Gray, Butler, 2011],

— развитие профессиональных навыков и сети контактов, ощущение профессиональной сопричастности [Bagozzi, Dholakia, 2006],

— преодоление чувства социальной изолированности и дестигматизация [Welbourne, Blanchard, Boughton, 2009].

Данный список не является исчерпывающим, при этом эффекты могут осуществляться совместно в рамках одного сообщества.

Дж. Дьюи считал, что «в процессе совместной деятельности, направленной на производство предметов, служащих удовлетворению потребностей, создаются не только сами эти предметы, но и обычаи и институты. При этом наибольшее значение имеют, как правило, не непосредственные, а непреднамеренные последствия этого процесса» [Дьюи, 2002: 78]. Это означает, что социальные эффекты могут быть как ожидаемы участниками при вступлении в сообщество и взаимодействии в его рамках, так и являться неожиданным следствием коллективного взаимодействия. Более того, социальные эффекты — такие последствия деятельности участников сообщества, что сами участники не всегда могут их сформулировать, но их можно выявить с помощью глубинного анализа высказываний участников через построение насыщенного описания [Гирц, 2004]. Таким образом, о непосредственных эффектах участники говорят напрямую, в то время как скрытые эффекты можно обнаружить в ходе нетнографии как осевые категории, вокруг которых строятся нарративы членов сообщества.

YouTube-сообщество вышивальщиц как объект исследования

Яркий пример онлайн-сообщества — YouTube-сообщество вышивальщиц. Это сообщество, созданное в 2000 г. как клуб «Осинка» и позже переведенное в онлайн-канал на платформе YouTube. Сегодня оно насчитывает несколько сотен пользователей русскоязычного YouTube, которые выкладывают видео с обзорами своей деятельности, активно общаются как на очных мероприятиях, так и посредством платформ YouTube, «ВКонтакте» и «Одноклассники». Ряд специфичных черт выделяют его из тысяч других онлайн-объединений. В первую очередь, данное сообщество существует на добровольной основе продолжительное время (около 20 лет²), в отличие от большинства онлайн-объединений [Haythornwaite, 2002]. Оно организовано как квазиерархия, основанная на лидерских навыках и длительности членства, что также не свойственно большинству онлайн-сообществ [Кастельс, 2004]. Наконец, сообщество объединяет людей из разных городов, стран и часовых поясов, периодически добавляя к виртуальной коммуникации очные встречи и мероприятия, — фактически это выводит его за рамки классических онлайн-объединений.

В основе исследования лежит качественная методология сбора и анализа данных с применением *нетнографии* [Kozinetz, 2002; Beneito-Montagut, 2011; Полухина, 2014] и *полуструктурированных интервью*. Нетнография предполагает длительное наблюдение за повседневными событиями из жизни сообщества, с помощью которого можно понять локальные правила изучаемой группы без реактивного эффекта для группы. Поскольку сообщество вышивальщиц существует преимущественно в онлайн-пространстве, главным средством коммуникации его членов являются видеоролики, в которых блогеры-вышивальщицы активно ссылаются друг на друга, отвечают на вопросы зрителей, а также дают публичную оценку каким-либо обсуждаемым событиям в жизни сообщества. При таких условиях исследователь может оставаться невовлеченным в реальную деятельность

² Первое место, где участники сообщества сформировали свою идентичность до распространения социальных сетей «ВКонтакте», YouTube и пр. См.: Ты помнишь как всё начиналось? Пишем историю клуба... // Осинка. URL: <https://club.osinka.ru/topic-21213> (дата обращения: 28.10.2020).

сообщества, параллельно наблюдая большинство способов его деятельности. Подобная позиция, с одной стороны, позволяет сблизить исследовательское восприятие событий с интерпретациями членов исследуемого сообщества, а с другой стороны — избежать проблем высокой вовлеченности [Glaser, Strauss, 1967].

Сбор информации происходил путем отбора видеороликов участников сообщества по методу «снежного кома» со стартом от пяти участниц сообщества, указанных системой рекомендаций YouTube³, до достижения информационного насыщения и замкнутости круга рекомендаций [Auerbach, Silverstein, 2003]. Способ формирования выборки обусловлен специфичностью темы сообщества и отсутствием публичных статистических данных, по которым можно было бы производить отбор информантов. Всего в рамках нетнографии было изучено и задокументировано с использованием осевого кодирования 47 видеороликов продолжительностью от 2 до 30 минут. Также проводился контент-анализ материалов на YouTube-каналах участников сообщества, где размещен информационный контент и участники активно взаимодействуют (общаются и ссылаются друг на друга) с другими членами сообщества.

В ходе нетнографии были отобраны члены сообщества, активные в разной степени — по количеству видео и частоте их публикации, продолжительности существования канала, — для проведения очных полуструктурированных интервью⁴. Интервью дополняли и поясняли материалы нетнографии, освещали иные аспекты жизни сообщества и его участников, не затронутые в изученных видео, и выявляли смыслы рутинных практик участников сообщества, которые обуславливают его развитие и воспроизводство [Muchazondida, 2011]. В выборку вошли различные типы участников сообщества, от новичков до наиболее популярных блогеров. В ходе исследования было собрано восемь интервью продолжительностью от 30 до 70 минут. Таким образом, комбинация методов интервью и нетнографии позволила произвести триангуляцию данных (видео различных участников и интервью) для большей надежности результатов.

Структура и механизмы функционирования YouTube-сообщества вышивальщиц

Согласно Р. Мертону, сообщество как социальная группа являет собой совокупность людей, которые определенным образом взаимодействуют друг с другом, осознают свою принадлежность к данной группе и считаются ее членами с точки зрения других людей [Мертон, 2006]. Ключевая ценность этого определения заключается в том, что оно утверждает необходимость признания членами группы друг друга, без которого группа останется номинальной. Вдобавок к этому, у каждой группы вырабатывается собственная структура организации, набор ценностей и социальных норм, а также механизмы принятия новых членов и санкционирования тех, кто не вписывается в общую культурную рамку. Чтобы понять, как люди объединились и взаимодействуют в YouTube-сообществе вышивальщиц, необходимо проанализировать ряд его структурных параметров: форму организации

³ Как сделать рекомендации и результаты поиска более точными // Google: Справка YouTube. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/6342839> (дата обращения: 28.10.2020).

⁴ Гайд для интервью можно увидеть в Приложении 1.

деятельности, характеристики участников, структуру и площадки взаимодействий между ними, стиль лидерства и иерархию, статусы участников, формальные и неформальные нормы, групповую идентичность [van Dijk, 1997]. Характеристика сообщества происходит с точки зрения его участников, поэтому она отражает обобщенное восприятие реальности информантами — членами сообщества.

Участники сообщества

Сообщество вышивальщиц существует с 2000 г. О числе его участников судить проблематично, поскольку сообщество является открытым и нет одного места, где были бы представлены все вышивальщицы⁵, однако многие участники активно ссылаются друг на друга в видеороликах и отождествляют себя с единым коллективом под названием «Рукодельный YouTube». Механизм признания и одновременно установления границ сообщества — это вовлечение во взаимное цитирование друг друга (через систему рекомендаций YouTube, теги и «сарафанное радио»), создание и публикация собственных видео, просмотры видео других членов сообщества и участие в совместных очных и онлайн-мероприятиях. Хотя формальной структуры и границ у сообщества вышивальщиц нет, многие отмечали наличие разных подгрупп внутри сообщества, его структурную и содержательную гетерогенность:

Естественно, в этом сообществе люди делятся на какие-то группы. В основном, мне кажется, по возрасту больше. То есть те, кто постарше, те в своей какой-то группировке. Либо по тому, кто что вышивает. Кто-то «хаеды» любит, кто-то «мирабилии». В целом я думаю, что это несколько, так скажем, сообществ. Но все вместе — большая группа людей, кто в теме. (Екатерина)⁶

На основе данных интервью и анализа видеороликов участников сообщества можно утверждать, что типичный участник YouTube-сообщества вышивальщиц — женщина в возрасте 20—40 лет, с одним или двумя детьми, на удаленной работе, русскоязычная и проживающая в России. Участники сообщества относятся к разным группам по возрасту, образованию, уровню дохода и профессии. При этом большинство активно занимаются рукоделием как хобби, а для некоторых это основной источник заработка. Среди участников сообщества, по мнению информантов, можно выделить *аутсайдеров* (плохое качество видеороликов, мало подписчиков, отсутствие развития в хобби), *типичных* (видеоролики в хорошем качестве, активные коммуникации друг с другом, периодические видео о саморазвитии и росте мастерства в хобби) и *авторитетных*, которые являются ядром сообщества и формируют общее мнение по большинству вопросов. Авторитетные участники, как правило, ведут свой канал более четырех лет, публикуют последние тренды и новинки в области рукоделия, регулярно (хотя бы раз в неделю) выкладывают новые видеоролики и активно общаются с другими членами сообщества. Это «старейшины», наблюдавшие за становлением и развитием сообщества:

⁵ Отчасти это обусловлено форматом взаимодействий в рамках YouTube, который предполагает взаимные подписки владельцев каналов друг на друга, а не членство в рамках одной площадки.

⁶ В статье используются вымышленные имена участников сообщества с сохранением пола, а также родовое определение организаций вместо названий, которые упоминались в ходе интервью.

В начале просто из-за любопытства было интересно. Вот все там снимают что-то, и я тоже буду что-нибудь снимать, как-то общаться, потому что вначале было очень мало людей — десять блогеров всего. (Юлия)

Я зашла на этот обзор, в боковой панели, естественно, всплыли рекомендации: Оксана Дереза со своими «12 красавицами», Алина Рукоделие, Жанна Рон — она тогда активно снимала. Сейчас эти трое все еще снимают, но в целом многое поменялось. (Светлана)

Участники сообщества — приверженцы дизайнов, различных по технике исполнения и содержанию. Одни вышивают только дизайны определенных фирм, другие используют авторские схемы от независимых дизайнеров. В каждой такой подгруппе есть активные участники, эксперты в своей области вышивания:

Есть те, кто, например, вышивает по наборам, есть кто вышивает по заграничным схемам. То есть все равно это сообщество делится на свои подгруппы, и в каждой есть лидер. (Алена)

Ядро сообщества формируется не исходя из предпочтения того или иного дизайна, но за счет активной коммуникации, производства ценного контента и профессиональной экспертизы в своей области знания (мастерство исполнения).

В сообществе присутствует небольшое число мужчин-вышивальщиков (по мнению информантов, не более 5%), что позволяет с уверенностью говорить о гендерном смещении в сторону женской аудитории. Традиционное восприятие рукоделия как специфически женского занятия транслируется в маркетинговой и массовой коммуникации (например, в описании товаров для рукоделия), в результате крайне небольшое количество мужчин занимается этой деятельностью и еще меньше активно участвуют в жизни сообщества. Хотя гендер играет незначительную роль в конструировании идентичности участников сообщества (отсутствует явная коммуникация на уровне «мы — женское сообщество»), участники мужского пола в сообществе привлекают интерес и получают высокие оценки. Мужчинам уделяется в разы больше внимания при просмотре и комментировании видеороликов, к ним предъявляются значимо заниженные требования к качеству видео и активности в коммуникациях, им чаще помогают и дают советы. Это может говорить о желании участников сделать гендерный состав в сообществе более сбалансированным, транслировать ценности толерантности и принятия желающих в сообщество без дискриминации по различным социальным признакам.

Формы деятельности сообщества

Хотя участники сообщества взаимодействуют и в других социальных сетях, и лично на встречах, главная форма публичной коммуникации — создание видеороликов и размещение их в YouTube с последующим обсуждением, то есть *блогинг*. Существует несколько форматов блогинга, в которых протекает основная деятельность сообщества.

Индивидуальный блогинг — необходимое условие членства в сообществе. Хотя сообщество открыто для всех желающих, есть набор условий, которым должен

удовлетворять канал нового участника. Сами требования формулируются «старейшинами» сообщества и его наиболее активными членами, которые контролируют их исполнение в ходе взаимной коммуникации с «новичками». На канале должен присутствовать набор видеороликов по конкретным темам, чтобы: а) привлечь аудиторию (реклама и расширение); б) обозначить свое присутствие для других участников сообщества (коммуникация); в) заявить об опыте в вышивании (профессионализм). В «Рукодельном YouTube» выходят видео о покупках, о процессе вышивки, о вышивальных итогах за месяц/год, о личных рукодельных запасах; ответы на «теги» (список вопросов по теме рукоделия), влоги (неструктурированный рассказ о своей жизни). О профессиональной зрелости блогера говорят видео с экспертным мнением о наборах и материалах для вышивания, обучающие видео и мастер-классы, то есть демонстрация знания о техниках и «лайфхаках» вышивания. Каждое видео содействует включению человека в деятельность сообщества и является важным условием участия в группе.

Помимо видео, снятых заранее по продуманному сценарию, блогеры организуют общение с подписчиками в режиме реального времени с помощью *прямых трансляций* на своем канале. Это делается для поддержания тесного контакта с аудиторией, чтобы разнообразить контент своего канала и рассказать о чем-то личном.

Коллективный блогинг практикуется для совместного обсуждения заранее заданной темы несколькими участниками сообщества в режиме онлайн-конференции. Чаще всего на прямые эфиры зовут известных блогеров для расширения и вовлечения аудитории в деятельность сообщества. Коллективный блогинг — в том числе эффективный инструмент продвижения каналов для новых, пока малоизвестных блогеров:

Прямые эфиры хороши для блогеров, которые не так популярны, чтобы кто-то еще после этого их канал увидел. Хотя я не знаю, как там по рейтингу просмотров эти прямые эфиры, но это одна из форм продвижения канала. (Светлана)

Отдельный вид коллективных занятий — *совместные проекты*, когда одна из вышивальщиц предлагает другим обсуждать дизайны на определенную тему (животные, фэнтези, природа), дизайны определенного производителя или автора, а также вышивать по конкретной схеме. Все участники проекта отчитываются организатору о своем вступлении в проект, о своих продвижениях и завершении работы. Каждый месяц создается отчетное видео с итогами проекта, который может длиться от месяца до года. *Вышивальный марафон* как подвид совместного проекта организуется для коллективного занятия рукоделием. Правила марафонов могут быть самыми разными, однако цели у вышивальщиц в подобных мероприятиях схожи: получить мотивацию извне, стимул скорее завершить свою работу, а также ощутить поддержку группы. Подобный формат организации деятельности сообщества служит воспроизводству групповой солидарности.

Для развлечения. В процессе вот этих игр люди как-то чаще и больше общаются, кто-то, например, для самомотивации. Я вот, например, недавно вступила в марафон по вышивке, чтобы с кем-то посоревноваться и быстрее закончить свою работу. Кому-то

просто интересно быть частью чего-то. Мы, люди, социальные существа, нам хочется принадлежать к какой-нибудь группе, а не просто — я вот тут сижу одна и вышиваю. Кто-то хочет так, а кто-то иначе. Хочется быть с «ними» вместе, чувствовать свою причастность к кому-то. (Екатерина)

Один из форматов видео, посвященных вышиванию, — *новостные ролики*. Блогеры агрегируют новости рукодельного мира (новые тренды в вышивании, интересные видео других блогеров, реклама новых блогеров, новые популярные темы для видео) и делятся ими с подписчиками. В подобные видеоролики вставляются отрывки чужих видео или комментарии подписчиков о забавных случаях из жизни, связанных с вышиванием⁷. Данный формат видеороликов выполняет в сообществе функции СМИ: информирует вышивальщиц о новых тенденциях и происходящих событиях в сфере рукоделия, устанавливает площадку для дискуссий, конструирует образ типичных вышивальщиц и их повседневной деятельности. Единая площадка позволяет участникам сообщества ощутить единство интересов и сформировать чувство общности.

Такой же эффект оказывают *встречи рукодельниц в офлайне*, личные или в рамках рукодельных выставок. Наиболее популярные события в Москве — выставки «Формула рукоделия» и «Атмосфера творчества». Их основная цель — «популяризация рукоделия в обществе, развитие рукодельного рынка и анализ его динамики в России»⁸. Для сообщества вышивальщиц эти мероприятия предоставляют возможность ознакомиться с новинками рукодельного рынка, пообщаться с представителями компаний-производителей, высказать свои пожелания и предпочтения, поучаствовать в различных мастер-классах, профессиональных и творческих конкурсах, приобрести товары для рукоделия. Вышивальщицы устраивают неформальные встречи, при этом организаторы выставок поощряют подобные собрания и предлагают специальные площадки на территории выставочных павильонов. Помимо участников сообщества, на встречи приходят и производители наборов для вышивания, чтобы лично пообщаться с вышивальщицами, продемонстрировать эксклюзивные разработки компании, рассказать о стандартах работы фирмы. Во время встреч вышивальщицы-блогеры снимают видеоматериал, который впоследствии размещают на своих каналах в YouTube.

Вышивальщицы встречаются и вне собраний, приуроченных к выставкам рукоделия. Единого организатора встреч не существует, поэтому одновременно могут проходить несколько собраний вышивальщиц. Группой более чем 30 человек собраться проблематично, поскольку размер пространства, работа ведущего, а также необходимость удерживать внимание на объекте обсуждения требуют ограниченного числа участников:

Сейчас, конечно, из-за того, что нас уже много набралось, так как все-таки помещения, они ограничены, мы стараемся больше 30 человек не набирать. Получается, сейчас

⁷ Например, у видеоблогера Оксаны: YouTube-канал MassagoWorld. URL: <https://www.youtube.com/user/MassagoWorld> (дата обращения: 28.10.2020).

⁸ Официальный сайт выставки «Формула рукоделия». URL: <http://www.formularukodeiija.ru/katalog/vystavka> (дата обращения: 29.09.2019).

стало тяжелее попасть. У нас есть беседа. Мы сначала набираем из тех, кто в беседе, а если остаются еще места, например, та же самая Катя, она делает объявления у себя на канале. (Алена)

На очных встречах участники сообщества могут поговорить о том, что не принято обсуждать в интернете, где выстраиваемый «образ себя» требует представления лучших сторон персоны. По мнению информантов, коммуникация онлайн требует постоянной вовлеченности, позитивного настроения и стабильно актуального контента, который формирует образ участника сообщества как активного и компетентного. При этом онлайн-общение не позволяет перенять конкретные технические навыки, а также обсудить личные темы. Обсуждение «закадровой жизни» через очное общение помогает ощутить взаимное понимание и поддержку, которые формируют сплоченность и солидарность сообщества. Кроме того, участие в очных встречах — способ оставаться в ядре коммуникаций, чтобы повысить и удержать статус в сообществе.

Поначалу хотелось самой с кем-то познакомиться, пообщаться. Сейчас этого много, и мне нравится, что благодаря мне девчонки начинают общаться. Я начинаю замечать, что все вот приходят на встречу, 20 человек, две-три заговорили между собой и сдружились, общаются уже помимо наших встреч. Благодаря мне люди, которые живут в разных концах Москвы, на этой встрече познакомились и стали общаться. Я вот из Москвы, возможно, уеду, а люди будут продолжать общаться и на эти встречи ходить. (Екатерина)

Для меня это какое-то новое общение, какая-то встряска небольшая. Все равно в обычной жизни ты общаешься с определенным кругом людей, который ты для себя уже выбрала. И, может быть, в обычной жизни на постоянной основе с какими-то из этих людей я бы не смогла общаться, но иногда это полезно, интересно услышать что-то новое, увидеть новых людей, новые истории. Тут же мы не только вышивки обсуждаем. А больше какой-то обмен опытом, обмен какими-то мнениями по разным-разным вопросам. Просто, знаешь, как такой глоток воздуха. (Алена)

«Глоток воздуха», по словам информантки, — это способ выбраться из будничной рутины и найти творческих единомышленников, которые понимают и поддерживают вне зависимости от успешности в других сферах жизни. Подобный способ психологической гармонизации жизни приводит к ощущению спокойствия и стабильности, которые необходимы для преодоления чувства отчужденности — особенно тем, кто проживает в больших городах. Благодаря таким встречам вышивальщицы компенсируют недостатки онлайн-коммуникаций и поддерживают функционирование сообщества во времени.

Механизмы функционирования сообщества

Сообщество расширяется благодаря тому, что активные участники отслеживают новые видеоролики и привлекают «новичков» вышивания в сообщество. «Новички» должны соответствовать определенным критериям, среди которых — технические требования к видео и психологические характеристики снимающего:

Слежу за выходом новых видео, подписываюсь на тех, кто вкладывает усилия в то, чтобы снимать в нормальном качестве, и тех, кто либо вышивает интересные вещи, либо открыт очень. Мне очень нравятся те, кто придумывает новые рубрики или рассказывает о вышивке без отрыва от собственной жизни в общих чертах. (Анастасия)

Включение в сообщество происходит через взаимную подписку на каналы. После этого участники снимают и обсуждают видеоролики на схожую тематику, воспроизводя и усиливая тем самым общность интересов, которая является одним из центральных элементов существования сообщества. Статус нового участника растет благодаря высокой активности, производству полезного контента и включенности в коммуникации сообщества; это постоянная трудоемкая деятельность, которая создает индивидуальную полезность участника не только для отдельных членов сообщества, но и для «Рукодельного YouTube» в целом.

Выход или удаление из сообщества строго не регламентированы. Преимущественно блогеры выходят из сообщества по личному желанию. Очень редко, если участник транслирует неприемлемый контент, другие члены сообщества подвергают его остракизму, отписываясь от его YouTube-канала и прекращая коммуникации:

Если говорить о тех, от кого я отписываюсь, то тут причин может быть несколько: реклама сплошная на канале, вместо содержательных видео постоянный негатив по любому поводу (вот некоторые прямо любят понять о том, что мало подписчиков, вышивается медленно, денег нет и т. д.). Отписываюсь от тех, кто постоянно на конфликт идет или оскорбляет других публично — от таких сразу многие отписываются. Отдельно еще стоят те, кто вообще про вышивку перестают снимать — начинается контент про детей, готовку, все что угодно кроме вышивки, а я ведь не на это вообще подписывалась! (Анастасия)

Вопрос поддержания стабильности сообщества осложняется открытостью границ и отсутствием иерархической структуры, а также меритократией в присвоении статуса участникам. Так, информанты отмечают отсутствие единого лидера, который сплачивает коллектив:

Прямо лидеров нет. Но есть люди с большим количеством подписчиков, которые занимают какую-то определенную нишу, будь то вышивание примитивов, шовчиков и прочее, и среди их подписчиков есть множество людей, которые видят в их работе что-то особенное и говорят, что вдохновились, подглядели. Причем люди разные, и цели преследуют разные. Для кого-то собственный канал — это что-то типа дневника. А для кого-то это реальная возможность для общения, так некоторые постоянно просят «пишите мне, пишите!» (Алефтина)

Подобная ситуация не специфична для онлайн-сообществ и может наблюдаться в волонтерских инициативах, где лидерство воспроизводится ситуативно через активную коммуникацию и экспертность и редко закреплено в формальных должностях [Кастельс, 2004].

В сообществе вышивальщиц воспроизводится управленческая гетерархия, которая поддерживает целостность без внутренних конфликтов из-за различия

ролей и распределения власти. При возникновении инцидентов с внешними по отношению к группе акторами сообщество выступает как сплоченная группа и добивается справедливого разрешения конфликта. Например, в случае нарушения компанией авторских прав на использование авторского дизайна:

Но суть в том, что видно, что за основу была взята авторская схема. Прямо вот писали, у них же в группе много подписчиков — призываем бойкотировать [компанию], не покупать их наборы, стали запрещать выкладывать отшивы по наборам этой фирмы. То есть в барахолке, где люди продают друг другу наборы, запретили продавать наборы этой фирмы. (Алена)

Другой пример — защита авторского права на вышивальные наборы дизайнера, если производитель наборов их несанкционированно заимствует. В этом случае группа подвергает резкой критике действия производителя и осуществляет ряд действий, призванных наказать другую сторону и избежать подобных инцидентов в будущем.

Непосредственные и непреднамеренные результаты деятельности YouTube-сообщества вышивальщиц

YouTube-сообщество вышивальщиц — это пример добровольного объединения людей, которые самоорганизуются на принципах утилитарной рациональности и индивидуализированной полезности для участников, что и является источником социальных эффектов сообщества. В отличие от общностей, в которых коллективная идентичность воспроизводится благодаря обязательной принадлежности к социальной группе из-за наличия аскриптивных статусов, данное объединение функционирует благодаря добровольным и инициативным действиям своих участников. У каждого из них есть личные мотивы участия в деятельности группы, которые рационализируются как значимые полезные блага, получаемые благодаря членству в ней. Самоорганизация людей для совместного создания благ друг для друга есть принцип, на основе которого функционирует данное сообщество. При этом некоторые блага выражаются в непосредственных, ожидаемых результатах деятельности, в то время как другие возникают непреднамеренно, в процессе столкновения группы и/или ее участников с конфликтными ситуациями, требующими солидарности и групповой поддержки. Некоторые примеры подобных результатов деятельности сообщества приведены далее.

Психологический комфорт и принадлежность к сообществу

Вышивание — в первую очередь занятие, которое «успокаивает». Кропотливый процесс создания вышивки требует развития усидчивости, внимательности и мелкой моторики. Для того чтобы научиться вышивать, необходимо работать над собой и вырабатывать эти качества в своем характере. Хотя психологический комфорт от вышивания не является производной сообщества, последнее выступает как инструмент тренировки личностных черт (терпения, коммуникабельности и др.) и дает поддержку в трудоемкой работе. Участие в деятельности сообщества, а именно — просмотр видео и создание собственных видеороликов, становится ритуалом, который создает одну из основ стабильности в жизни вышивальщиц:

Достаточно успокаивает меня лично. Я вообще очень вспыльчивый по натуре человек, и моя усидчивость выработалась из-за этого. Помню, когда я поменьше была, у меня завязывался наизнанку узелок, я кидала об стену, швыряла, рвала и шла к маме и просила ее развязать. А потом, со временем я начала преодолевать себя... даже не то, чтобы преодолевать, а меня просто перестало так напрягать. (Алена)

Монотонность действий при вышивании крестом сравнивается с медитацией, во время которой человек может освободиться от ежедневных тревог и сконцентрироваться на повторяющихся движениях руками и на внутренних ощущениях:

Пробовала разные виды рукоделия. И вплотную сейчас вышиваю крестиком, это такое медитативное занятие, которое позволяет отвлечься от всего бытового и сконцентрироваться на чем-то действительно важном для себя. (Наталья)

Стресс и проблемы остаются в стороне, когда есть возможность окунуться в общение с давно знакомыми людьми о любимом хобби, — само по себе вышивание этому не способствует. Хобби выступает скорее поводом для объединения и связующим звеном между участниками, чем целью членства в сообществе. Вышивальщицы создают зону, свободную от негатива, способную стать эмоционально безопасным местом для каждого, кто месяцами и годами общается и смотрит видео одних и тех же знакомых людей. Это не только способствует эмоциональному подъему и улучшению настроения, но и формирует ощущение индивидуального психологического комфорта, помогает вышивальщицам устранить дискомфорт одиночества, завязать новые социальные контакты и найти близких друзей:

Я скорее чувствую себя одиночкой в жизни, но несмотря на это есть круг лиц [в сообществе], оказывающих мне постоянную поддержку. Даже при том, что общаемся мы содержательно интенсивно довольно редко, я считаю их своими друзьями и со временем чувство вот этой тоски ушло. (Алефтина)

Помимо психологического спокойствия, участие в жизни сообщества дает вышивальщицам возможность компенсировать свою исключенность из социальных групп в реальной жизни. К примеру, это характерно для матерей с новорожденными, а также недавних эмигрантов. В ситуации коммуникационного и информационного вакуума человек стремится компенсировать напряжение своим хобби, которое не только создает стабильность в его жизни, но и помогает разделить с кем-то общие интересы. Благодаря этому адаптация к новым условиям жизни происходит гораздо легче и быстрее.

Ну чтобы вот «плотно подсесть на иглу», как говорят девчонки, это произошло здесь, в Греции, с 2012 года. Я вышла замуж и греческого, в общем-то, не знала. Начала учить греческий, ходить на курсы, не работала первое время. Сложный период адаптации, конечно, ты живешь в чужой стране и мало понимаешь, что вокруг тебя говорят. И тогда мне грустновато стало, потому что не было круга общения, да и от своих далеко, вот

и стала активно искать себе занятие и общение по этому поводу. «Рукодельный YouTube» в этом плане стал для меня палочкой-выручалочкой. (Юлия)

В вышивальном сообществе эмигранты находят единомышленников, новых друзей, при этом выход из зоны комфорта при общении с незнакомыми людьми значительно облегчается опосредованной онлайн-формой коммуникации и наличием общего интереса. Участники сообщества снимают стресс от серьезных жизненных изменений, меньше переживают временное отсутствие очных социальных контактов и в целом удовлетворяют потребность в принадлежности к сообществу.

Групповая солидарность и признание

В сообществе вышивальщиц велико стремление «быть среди единомышленников», которых сложно найти в реальности и легко — в интернете:

Если так посмотреть, вышивка крестом — это совсем не распространенное занятие, скорее такое бабушкино увлечение, не модное занятие, поэтому кому покажешь свою вышивку? Вышивку может оценить только рукодельница или человек, который тоже вышивает, все, больше она никому не нужна, поэтому, наверно, для нас, для большинства, кто занимается и кому это нравится, это уже часть жизни. Важный момент — это сообщество, мы делимся друг с другом, поддерживаем один другого, это интересно каждому из нас. (Юлия)

Общение с людьми, которые разбираются в нюансах творческого процесса и знают не понаслышке, насколько это трудоемко, приносит участникам сообщества чувство морального удовлетворения и признания. Члены сообщества способны оценить выполненную рукодельницей работу «по достоинству» — по гораздо большему количеству параметров, чем обыватель, который в большинстве случаев придает значение лишь эстетической стороне получившегося изображения или времени, потраченному на вышивание дизайна:

Все говорят об общении. Действительно, это очень важная составляющая рукодельного сообщества. Общение с теми, кто разделяет твои интересы. С человеком, который никак не связан с рукоделием, разговаривать об этом вообще невозможно. Даже с мужем вот пытаюсь, он у меня человек лояльный и ко всему совершенно спокойно относится. Я могу сидеть часами с ним разговаривать, но не факт, что он меня слушает. Понятное дело, что он не станет охать и ахать, всплескивать ручками: ах, какая красота эти переходы неба у [компании]! (Светлана)

Вышивание характеризуется тем, что для создания законченного результата требуется много времени, в течение которого рукодельницам хочется обсуждать свое хобби и слышать необходимые слова поддержки. Обсуждение процесса столь же важно, как и похвала оконченной работе.

Более того, многие вышивальщицы отмечают, что просмотр видео на YouTube и участие в жизни сообщества приносят вдохновение и повышают темпы вышивки. Каждое видео, как правило, наполнено интересным антуражем, привлекательны-

ми деталями, в кадр помещают милостивые аксессуары для вышивки. Услышав историю о вышивке от другого человека, посмотрев видео, которому посвятили много труда, вышивальщицы ощущают вдохновение и берутся за свои процессы с новыми силами:

Посмотришь на столько отшитых картин [компании], на бисерные работы, и получаешь для себя какую-то информацию, вдохновляешься нереально, начинаешь вышивать высокими темпами, больше дизайнов успеваешь «прожить». (Юлия)

Более того, публикация видео и обсуждение своей деятельности с другими блогерами и зрителями, которые следят за процессом вышивки, хвалят, подбадривают и помогают закончить сложные работы, — все это важные внешние стимулы работать над созданием картины.

У меня так получилось, что ведение канала меня подстегивало вышивать. То есть чтобы мне что-то показать, мне нужно что-то вышить. То есть это опять из разряда какой-то мотивации для меня. Для меня была мотивация: чтобы рассказать что-то людям, надо это сначала сделать. Это как внешняя мотивация. (Алена)

Люди, зрители, писали мне, чтобы я снимала больше. Меня приободряли, говорили, что у меня все получится. Это на самом деле очень сильно мотивирует, потому что ты приходишь уставшая домой после работы, и ты знаешь, что люди ждут. Они хотят увидеть, узнать. И ты стараешься ради них, сидишь вышиваешь и делаешь видео. Причем даже не приходится заставлять себя. Появляется само желание этим заниматься. (Алефтина)

Коллективный блогинг, марафоны и совместные проекты рождают стремление к целям, дух соревнования. Например, в рамках совместных проектов проводятся индивидуальные «дуэли» между вышивальщицами: кто быстрее вышьет определенное количество крестиков. Взаимная поддержка и стимулирование участников сообщества продолжать вышивку — важная часть взаимодействий в сообществе, они сплачивают коллектив и формируют его групповую солидарность.

Легитимация потребления и внешний арбитраж

Взаимодействие с другими участниками сообщества позволяет отдельному участнику повысить свою мотивацию к вышиванию, достичь поставленных перед собой целей, оправдать или изменить свои привычки потребления. Так, большинство вышивальщиц, которые открывают для себя YouTube, под влиянием сообщества начинают больше или меньше покупать товары для рукоделия.

Увеличение объемов потребления отчасти связано с эффектом подражания, желанием обладать предметами, которые есть у других членов сообщества. Но гораздо чаще возникает эффект оправдания потребления, когда участник сообщества желает приобрести какой-либо вышивальный набор, но его сдерживают мотивы экономической целесообразности. Для магазинов, продающих эти наборы, сообщество становится одним из важных каналов дистрибуции:

Раньше, когда YouTube только начинался, таких видео о покупках, как сейчас, не было. Мы просто стали маньяками шоппинга — покупаем эти наборы пачками просто, какие-то у нас не «норы хомячьи», а «норы медвежьи». Ну вот было там по два-три наборчика, ну, может, пять наборчиков, если у кого-то 10 — о, большие запасы. А сейчас уже сотни! Потому что друг на друга влияем, кто-то показал видео о покупках — ой, я пойду куплю. У кого-то 200 наборов, значит у меня 100 — и еще можно покупать. Потребительский спрос, по сути, рождает сам себя. (Юлия)

Большой массив видео о покупках и запасах наборов для вышивания и тканей, постоянные обзоры новинок, демонстрация готовых работ и чужие планы по приобретению наборов приводят к гипертрофированной потребности в новых наборах, которую легко оправдать через ассоциацию с большинством. Когда вышивальщица видит, что у многих блогеров более 50 приобретенных наборов, ей становится проще обосновать для себя чрезмерное потребление товаров для творчества, которые не будут необходимы в ближайшее время:

Тоже ведь ловлю себя на мысли, что все покупают и наборы вот вроде интересные показывают, обзор делают, и думаешь: «Блин, ну ладно, ну куплю я еще один набор». Если посмотреть, в частности, видео новых блогеров, которые только приходят и рассказывают о своей вышивке, — они показывают, что вот, я один набор вышиваю и еще один у меня лежит — два! Но я вот думаю, если YouTube отключить вышивальный, то, я думаю, что, в частности, интернет-магазин большой [название магазина] — у них будет большой кризис продаж. Если никто не будет смотреть и показывать свои покупки целый месяц, то, я думаю, что очень сильно продажи их упадут. (Юлия)

С другой стороны, если участница хочет покупать меньше вышивальных наборов или в целом ограничить свои траты, она может «обратиться за помощью» к сообществу, чтобы другие участники проконтролировали ее покупки. Так, она может обозначить ряд условий, которые сама планирует исполнять, и предлагает другим членам сообщества стать арбитрами и следить за их соблюдением⁹. В случае, если участница нарушает поставленные ею условия, другие участницы следят за исполнением санкций, в противном случае — подвергают остракизму за несоблюдение договора. Иными словами, сообщество вышивальщиц получает легитимную власть осуществлять санкции по отношению к своим членам, когда они сами передают ему (сообществу) полномочия сделать это, причем фундаментом этой власти выступает механизм репутации. Вышивальщицы дорожат своей репутацией в сообществе, поэтому, ставя ее «на кон», они создают серьезный стимул для исполнения поставленных перед собой обязательств. Таким образом, сообщество участвует как в оправдании шопоголизма, так и в потребительском детоксе.

⁹ Примером этой ситуации является «Спор вышивальщиц про вышивальный детокс», в ходе которого пять участниц сообщества договорились прекратить приобретать новые вышивальные наборы в течение полугода, при этом опубликовали список условий спора и его заключение в видеоролике на YouTube, публично огласив его для остальных участников сообщества: Полгода без покупок. Как это было. Вышивка крестиком // YouTube: Nataly Gefke. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Vz7rw5phnVo> (дата обращения: 28.10.2020).

Саморазвитие и профессиональная специализация

Люди, которые хотят научиться вышивать, могут овладеть навыками двух уровней. Базовый уровень предполагает освоение начальных техник вышивания и заглаживания тканей, избегание типичных ошибок. Продвинутый уровень — это профессиональные знания мастеров вышивания о различных сторонах рукоделия: от самостоятельного окрашивания тканей до оформления работы в багет или кройки бытового текстиля.

Одна из ключевых целей приобщения к онлайн-сообществу, отмечавшаяся многими вышивальщицами, — образовательная. YouTube как площадка для видео разнообразных тематик является также и образовательным ресурсом с множеством инструкций и мастер-классов. «Рукодельный YouTube» наполнен обучающими видео о разных видах рукоделия, в том числе вышивании и самостоятельном оформлении готовых работ. Опытные рукодельницы могут *развивать профессиональные компетенции* с помощью видеороликов других участников сообщества: наращивать мастерство, изучать новые направления и техники вышивки, знакомиться с зарубежным опытом и т. д. Чтобы войти в сообщество вышивальщиц, нужно знать основные техники вышивания и профессиональные термины. Подтверждать уровень мастерства нужно не для формального вступления в сообщество, а чтобы успешно в нем работать: без необходимых навыков вышивальщица не сможет продемонстрировать свои работы, рассказать интересную информацию о процессе или поделиться секретами выполнения работ. Взаимодействие между участниками сообщества проходит в рамках специализированного и технологического дискурса, благодаря чему отсеиваются случайные люди и воспроизводится коллективная идентичность группы.

Помимо развития профессиональных навыков, сообщество стимулирует *саморазвитие* участников. Многие информанты отмечали, что одной из причин стать частью «Рукодельного YouTube» было стремление «преодолеть себя». Сам формат видеоблогинга вынуждает человека выйти из зоны комфорта и общаться с людьми непривычными методами, выйти в публичное пространство через съемку и самопрезентацию в социальной сети:

Мне очень хотелось поделиться чем-то своим, показать, почувствовать вот этот пинок. Потому что я была зажата, как-то стеснялась всего этого. Просто это вообще был такой вот период в моей жизни, я ни с кем не хотела общаться, и приходилось насильно себя заставлять. Так я устроилась в магазин, начала менять свою сферу деятельности, а потом вспомнила о вышивке. Для меня это был такой способ себя изменить. (Аля)

Для некоторых вышивальщиц новая форма деятельности привела к лучшему пониманию себя и осознанию важности отдельных моментов в жизни:

Мне кажется, что благодаря общению и тому, что мне постоянно приходится озвучивать свое мнение и свои впечатления, я себя стала лучше слышать. И как-то выкристаллизовались мои вкусы, я себя до конца поняла, и шелуха эта вся ушла — это именно в рукоделии. (Светлана)

Стремление попробовать новую для себя деятельность порой вызвано попыткой найти новые траектории развития, поиском новых сфер для самореализации.

Возвращение к вышиванию в более осознанном возрасте сопровождалось желанием добиться какого-то успеха, даже, я бы сказала, азартом. Вышьешь, например, картину, и спрашиваешь себя: «А что еще я могу сделать?» (Алефтина)

Проверка собственных возможностей — для многих способ повысить самооценку и найти занятие, в котором можно было бы продемонстрировать свою успешность. Результат многодневной работы становится предметом гордости и источником похвалы окружающих. С помощью сообщества вышивальщиц его участники могут преодолевать себя, осваивать новые формы коммуникации и развивать личностные характеристики, что без поддержки единомышленников осуществить гораздо сложнее.

Переговорная сила в рыночном взаимодействии

За обсуждением общих процессов поиска, приобретения и потребления товаров вышивального рукоделия выкристаллизовывается желание людей объединиться ради попытки повлиять на других участников рынка вышивания. Стороны спроса и предложения стремятся взаимодействовать, так как сосуществуют в рамках общего организационного поля, но их возможности влиять на рынок неравны [Fourcade, 2007: 1023]. Индивидуальный потребитель не может в одиночку воздействовать на других участников рыночного обмена и стремится выйти из слабой позиции [Fourcade, Healy, 2007: 288]. Объединение вышивальщиц в коллектив способствует росту их общей переговорной силы [Радаев, 2010].

На рынке рукоделия действуют четыре типа экономических агентов:

Производители товаров для рукоделия. Это фирмы, которые занимаются производством и сбытом как отдельных материалов (канвы, нитей, пялец, станков для вышивания), так и комплексных наборов для вышивания. Товары отечественных производителей, как правило, дешевле зарубежных и ориентированы на специфику предпочтений дизайнов и потребления российских потребителей. Сообщество вышивальщиц стремится взаимодействовать с отечественными производителями, а не иностранными, так как с большей вероятностью может на них повлиять.

Магазины по продаже товаров для рукоделия, в т. ч. группы по перепродаже товаров в социальных сетях, которые специализируются на наборах для вышивания или продают все необходимое для рукоделия.

Багетные мастерские, которые оказывают услуги по обрамлению работ вышивальщиц.

Потребители товаров для рукоделия. Покупатели рукодельных товаров могут быть частью сообщества вышивальщиц или не состоять в нем.

Онлайн-сообщество вышивальщиц может воздействовать на экономических агентов в сфере рукоделия и лоббировать свои интересы, влияя на репутацию производителя. Это происходит как силами отдельных участников, так и через групповые решения. Нередко блогеры после окончания вышивки набора, помимо

привычного видео с впечатлениями, лично обращаются к фирмам с отзывами об их товаре:

Им сказали, что надо что-то исправить, они над этим работают. Они со своей стороны тоже следят за сообществами, я знаю, что на меня тоже подписаны разные производители. Мы с [компанией 1] активно общаемся, с [компанией 2] также. (Екатерина)

Сообщество влияет на ассортимент и качество выпускаемых товаров:

Есть [название фирмы]. Их разработки раньше были очень популярными, а сейчас вот производители вышли на новый уровень, и их разработки резко очень стали устаревшими. И все начали часто им об этом говорить. И производитель начал разбираться, почему никому ничего не нравится. <...> И я заметила, что они начали сотрудничать с новыми дизайнерами, моими знакомыми. Все говорят, что мало бэкстича¹⁰, они его добавили. Сейчас новые разработки стали получше. Видно, что реакция какая-то все-таки есть. (Екатерина)

Компании-производители и магазины рукодельных товаров, в свою очередь, заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее узнавать о запросах потребителей и учитывать их интересы¹¹.

Когда лично повлиять на производителя или продавца не удастся, члены сообщества подключают к этому всю группу. Яркий пример — бойкот компании-производителя наборов для вышивания из-за плагиата авторских схем для вышивания у частных дизайнеров. Вышивальщицы прекратили рекламировать товары этого производителя, активно публиковали негативные отзывы, что повлекло снижение репутации и объемов продаж компании (со слов информантов).

Там была такая ситуация — авторская схема [дизайнера]. Выпустили набор, и получается, как бы взяли ее схему. Чуть-чуть переделали и стали выпускать наборы. Она говорит, что точно я вижу, что это была моя схема, потому что у них на исходе есть цветочек, а я его убрала, и вы его тоже убрали. Странное совпадение. Если бы делали по одной картинке, у нас бы не получилось, что мы оба убрали один и тот же цветочек. (Алена)

Это было порицанием. Что вы крадете? Не можете сами? И все. Они перешли на абсолютно другие сюжеты. К ним очень хорошее отношение. Это для них было каким-то толчком. Они ушли от вот этого подражания и копирования и нашли другую какую-то нишу и прямо хорошо себя зарекомендовали. (Алена)

Негативная реакция сообщества на притеснение авторских прав частного дизайнера серьезно повлияла на производителя товаров для рукоделия, вынудив его пересмотреть политику компании.

¹⁰ Специальный вид стежка в вышивке крестом, используется для придания четкости контурам вышиваемых объектов.

¹¹ Например, в ходе общения в социальных сетях и на выставках участницы сообщества пролоббировали сотрудничество двух российских производителей с французским акварельным дизайнером Вероник Ажинер, благодаря чему появилась новая серия сюжетов вышивальных наборов.

Как можно заметить, ключевой механизм влияния сообщества вышивальщиц на рынок — это формирование репутации производителя через публичное обсуждение результатов его работы. Если возникает конфликтная ситуация между отдельным участником сообщества и производителем, то сообщество выступает арбитром и защищает участника сообщества через групповую поддержку.

Когда у меня вот был негативный опыт с багетной мастерской, то люди об этом узнают и не ходят больше в эту багетную мастерскую. Либо, наоборот, если хвалишь. Я вот хвалила, например, багетную мастерскую в Тюмени, многие теперь из-за этого туда обращаются, потому что доверяют моему опыту. (Екатерина)

Компании не могут игнорировать попытки воздействия на них вышивальщиц, поскольку плохая репутация фирмы в сообществе рукодельниц быстро распространяется за его пределы через «сарафанное радио» и приводит к экономическим убыткам. Сообщество вышивальщиц выступает в роли сплоченной группы потребителей, готовых отстаивать свои права и интересы, требовать лучшего качества предоставляемых предпринимателями благ, а также способствовать расширению предлагаемого ассортимента товаров для рукоделия. Экономические агенты рынка товаров для рукоделия сами стремятся использовать публичную активность сообщества в качестве информационного ресурса, чтобы принимать более эффективные решения. Преимущество онлайн-сообщества состоит в том, что множество людей на одной площадке благодаря скорости распространения информации и ее публичности сильно влияет на прибыль компании, добиться чего в офлайн-среде было бы сложно.

Экономические агенты рынка рукоделия также влияют на сообщество вышивальщиц [Raïes, Mühlbacher, Gavard-Perret, 2015]. Привлекая на свою сторону участников сообщества, другие экономические агенты формируют позитивную репутацию среди большого круга потребителей и приобретают инфлюенсеров, которые впоследствии могут привести к ним множество лояльных клиентов. Яркий пример — сотрудничество одного из магазинов с рукодельными блогерами на YouTube через экспертные обзоры продукции¹², именные промокоды на первый заказ для подписчиков блогера и спонсорство совместных проектов, рукодельных розыгрышей и акций. Участвуя в таких мероприятиях, магазин корректирует ассортимент своих товаров с учетом будущего спроса (вышивальщицы часто заказывают товары оптом из-за низкой стоимости отдельных позиций), а также расширяет аудиторию и повышает продажи. В то же время организатор совместного проекта создает привлекательные условия участия в коллективном процессе вышивания, привлекает больше людей, тем самым расширяя аудиторию своего канала и формируя позитивную репутацию. Это взаимовыгодное сотрудничество, когда блогер может заинтересовать зрителей как творчеством, так и акциями, а производитель получает новых клиентов и увеличивает продажи.

¹² Вышивальщица получает набор, снимает видео о его составе, видео о начале процесса вышивания и первых впечатлениях, а также видео о готовой работе по набору. В каждом из видеороликов упоминается название магазина, показывается его визитка и оставляются ссылки на сайт.

Участие производителей в очных встречах сообщества еще больше повышает их репутацию и лояльность потребителей.

Однако влияние экономических агентов на сообщество рукодельниц ограничено приемлемыми способами ведения рекламной деятельности. Чересчур активная рекламная политика компаний отталкивает потенциальных потребителей:

[Магазин А] пиарят себя отвратительнейшим образом. Им это на пользу не идет. Это идет уже какое-то перенасыщение, когда тебе из каждого утюга: «А вот [магазин А]» и лестные отзывы. (Алена)

Наиболее популярные блогеры привлекательны с точки зрения таргетинговой рекламы в бизнесе. Однако если количество рекламы определенной продукции у такого блогера начинает превышать допустимый с точки зрения участников сообщества уровень, репутация компании и блогера снижается. Уместность рекламы также накладывает ограничения на возможности компаний продвигать свои товары. Многие блогеры хотят единолично управлять сценарием своих видео, поэтому сопротивляются навязыванию жестких условий демонстрации рекламы со стороны компаний:

Вот [магазин А] — очень агрессивный магазин. Я даже не люблю с ними сотрудничать, потому что они чересчур агрессивны. У них менеджеры такие очень настойчивые, очень много требуют. А у них условие — сразу начать вышивать. Для меня это нереально, потому что у меня есть своя какая-то концепция, у меня есть, в конце концов, вдохновение. (Наталья)

Стремление некоторых рыночных агентов превратить сообщество вышивальщиц в сеть лояльных клиентов приводит к бойкоту фирм, поскольку участники сообщества не готовы отказаться от своих принципов и свобод, выступая за личное управление своей творческой деятельностью.

Таким образом, сообщество вышивальщиц и экономические агенты рынка рукоделия взаимно влияют друг на друга. Участники сообщества могут продвигать свои интересы на рынке вышивания, реагировать на возникающие конфликты и формировать контент, характеризующий продукцию рынка и его участников: компаний-производителей, магазинов продаж и багетных мастерских. Сообщество выступает группой потребителей, которые благодаря объединению получают способность оказывать влияние на производителей и продавцов товаров и услуг в сфере рукоделия через лоббирование своих интересов благодаря коллективной переговорной силе. Влияние на репутацию компаний — механизм осуществления этой силы, поскольку участники сообщества могут публично освещать свою позицию через видеоролики, доступ к которым имеет любой потенциальный потребитель продукции компании. Многие компании отслеживают публичную реакцию вышивальщиц на сделанные покупки и стремятся к сотрудничеству и кооперации с ними — через заказные обзоры товаров, стимуляцию спроса на свою продукцию и спонсорство совместных проектов. Привлечение на свою сторону участников сообщества помогает компаниям сформировать позитивную репутацию среди

большого круга потребителей, которые впоследствии могут стать лояльными клиентами. Хотя влияние экономических агентов на сообщество ограничено приемлемыми для вышивальщиц способами ведения рекламной деятельности, взаимодействие между участниками рынка позволяет им извлечь взаимную выгоду из сотрудничества. Переговорная сила сообщества вышивальщиц в рыночном взаимодействии формируется на основе их объединения в экономически активную группу по интересам, которая становится рыночным агентом и способна влиять на других участников рынка. Фактически общность увлечения оказывается фундаментом, на котором участники сообщества получают возможность заявлять свои требования рынку и гуманизировать условия значимых для них рыночных сделок. При этом само участие в подобных объединениях способствует стабилизации и длительному воспроизводству сообщества.

Выводы

Современные онлайн-сообщества наследуют принципы функционирования традиционных сообществ. Хотя многие исследователи характеризуют онлайн-сообщества как носящие временный характер, а интеракции между их участниками — как слабые [Haythornwaite, 2002], некоторые виртуальные объединения существуют долгое время и побуждают участников к частым насыщенным интеракциям [Bagozzi, Dholakia, 2006; Bateman, Gray, Butler, 2011]. В отличие от традиционного детерминистского взгляда на основы объединений людей, в современных сообществах индивидуализация способствует актуализации удовлетворения потребностей с помощью группы. В поиске общности люди стремятся найти такие группы, в которых бы разделялись, легитимировались и поддерживались их интересы. Изученное YouTube-сообщество вышивальщиц представляет собой объединение людей по общности интересов, в котором участники стремятся найти понимание и поддержку своих идей, интересов и начинаний. Это дает им чувство сопричастности, потребность в котором в условиях нарастающей индивидуализации все более усиливается [Кляйненберг, 2014].

Коммуникация в сообществе происходит преимущественно в интернете с помощью публикуемых на YouTube видеороликов, при этом взаимодействие между участниками может происходить в других социальных сетях и путем личных встреч. Цель деятельности сообщества — не генерация «коллективного» продукта, но удовлетворение личных интересов каждого участника, оценивающих по этим результатам полезность своего объединения [Дьюи, 2002]. Сообщество вышивальщиц основано на насыщенных межличностных и внутригрупповых коммуникациях, в рамках которых эксперты в своей области рукоделия делятся друг с другом и внешней аудиторией информацией и подробностями творческой деятельности. Сообщество воспроизводится посредством тесной коммуникации его участников через индивидуальные и коллективные блоги, очные мероприятия. Немаловажную роль в деятельности «Рукодельного YouTube» играет продвижение каналов участников и взаимный пиар, в рамках которого вышивальщицы ссылаются друг на друга в своих видео, рекомендуют подписчикам узнать больше о своих коллегах, а также повысить компетентность в сфере вышивания. Подобная деятельность особенно необходима для сообщества, поскольку через взаимные

ссылки друг на друга происходит формирование и поддержание репутации сообщества в целом и утверждение и воспроизводство индивидуальных статусов его участников. Без публичной демонстрации этого статуса они не могут считаться настоящими участниками сообщества, поскольку публичное групповое признание иллюстрирует фактическую включенность блогера в сообщество. Иными словами, съемки соответствующих теме видеороликов недостаточно, чтобы быть членом сообщества вышивальщиц, — для этого необходимо получить публичное признание со стороны других участников.

Сконцентрированное на личностном росте участников в определенных видах деятельности, изученное онлайн-сообщество выходит за пределы осуществления досуговой функции, предоставляя участникам широкий пул социальных эффектов. Некоторые из них уже отмечались в научных работах: психологический комфорт и принадлежность к сообществу («преодоление чувства социальной изолированности» у Г. Зиммеля и «самореализация и вовлеченность в жизнь сообщества» у П. Бейтмана, П. Грея и Б. Батлера), групповая солидарность и признание (подобные идеи высказывались М. Кастельсом и М. Маклюэном), саморазвитие и профессиональная специализация («ощущение профессиональной сопричастности» у Э. Дюркгейма и «развитие профессиональных навыков и сети контактов» у Р. Багоцци и У. Долакиа), совместное творчество и потребление («коллокативное потребление» у Р. Ботсман и Р. Роджерса). Другие до сих пор оставались за рамками изучения: легитимация потребления, групповой арбитраж за деятельностью участников, формирование переговорной силы при взаимодействии с другими участниками рынка. Все перечисленные эффекты характерны для изученного сообщества вышивальщиц и являются следствием его функционирования.

Социальные эффекты расцениваются как получаемое индивидуальное «благо» с позиции участников сообщества и могут быть как ожидаемыми, так и непреднамеренными последствиями деятельности сообщества. Спрос на определенный социальный эффект (или спектр эффектов) стимулирует объединение людей со схожими потребностями в сообщество, в этом смысле сообщество как добровольное объединение есть функция от социальных эффектов, которые удовлетворяются через его создание и которые трудно или невозможно получить без этого объединения. Таким образом, условиями существования онлайн-сообщества, которое сплачивает людей на длительное время при их опосредованном взаимодействии, выступают внутренне мотивированные индивидуальные потребности людей.

Существование спроса на социальный эффект предположительно будет воспроизводить такое сообщество до той поры, пока потребность в этом эффекте не исчезнет, из-за чего оно потеряет основу для объединения людей и источник своей стабильности. Данный вывод может быть проверен на примере других социальных объединений, уже завершивших свое существование. Предложенный пул социальных эффектов можно использовать для характеристики других схожих онлайн-сообществ, более глубокого понимания преимуществ, которые получают участники сообщества от добровольных объединений, что необходимо для создания и управления стабильными онлайн-сообществами в интернете. Ограничения исследования связаны с необходимостью дальнейшей теоретической проработки

и концептуализации феномена социальных эффектов, встраивания его в рамку групповой динамики онлайн-сообществ, определения границ и механизмов их осуществления. Помимо этого, использование метода «снежного кома» и интерпретативный характер полученных выводов ведут к проблеме генерализации выводов о социальных эффектах для всех видов онлайн-сообществ, изучение которых — удел будущих исследований.

Список литературы (References)

Баева Л. В. Виртуальная коммуникация: классификация и специфика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 4. С. 5—10.

Baeva L. V. (2014) Virtual Communication: Classification and Specificity. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2014. Vol. 14. No. 4. P. 5—10. (In Russian).

Бочарова Е. А., Ечевская О. Г. Коллаборативное потребление в современной России: формы организации и практики включения на примере сообщества “Darudar” // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 97—108.
Bocharova E. A., Echevskaya O. G. (2014) Collaborative Consumption in Modern Russia: Forms of Organization and Practices of Inclusion on the Example of the “Darudar” Community. *Labirint. Journal of Social and Humanitarian Research*. No. 2. P. 97—108. (In Russ.)

Бурстин Д. Сообщества потребления // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 231—254.
Boorstin D. (1993) Consumption Communities. *THESIS*. No. 3. P. 231—254. (In Russ.)

Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
Geertz K. (2004) Interpretation of Cultures. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Дьюи Дж. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002.
Dewey J. (2002) The Public and Its Problems. Moscow: Ideya-Press. (In Russ.)

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
Durkheim É. (1996) De la Division du Travail Social. Moscow: Kanon. (In Russ.)

Дянков Т. К. Роль виртуальных сообществ: маркетинг в туристическом бизнесе // Вопросы структуризации экономики. 2012. № 2. С. 102—105.
Dyankov T. K. (2012) The Role of Virtual Communities: Marketing in the Tourism Business. *Voprosy strukturizatsii ekonomiki*. No. 2. P. 102—105. (In Russ.)

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3. С. 1—12.
Simmel G. (2002) Die Großstädte und das Geistesleben. *Logos*. No. 3. P. 1—12. (In Russ.)

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
Castells M. (2004) The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society. Ekaterinburg: U-Faktoriya. (In Russ.)

Клайнберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

Klinenberg E. (2014) *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. Moscow: Alpina Non-Fiction. (In Russ.)

Луман Н. Общество общества. Книга 2: Медиа коммуникации. М.: Логос, 2011.

Luhmann N. (2011) *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Kapitel 2: Kommunikationsmedien. Moscow: Logos. (In Russ.)

Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2005.

McLuhan M. (2005) *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

Merton R. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST.

Полухина Е. В. Онлайн наблюдение как метод сбора данных // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2014. № 7. С. 95—106.

Polukhina E. V. (2014) Online Observation as a Method of Data Collection. *INTERaction. INTERview. INTERpretation*. No. 7. P. 95—106. (In Russ.)

Радаев В. В. Рынок как цепь обменов между организационными полями // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 3. С. 13—36.

Radaev V. V. (2010) The Market as a Chain of Exchanges between Organizational Fields. *Economic Sociology*. Vol. 11. No. 3. P. 13—36. (In Russ.)

Ринкявичус Л., Буткявичене Э. Концепция общности (Gemeinschaft/community) и ее специфика в виртуальном пространстве // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 3—11.

Rinkevičius L., Butkevichene E. (2007) The Concept of Community (Gemeinschaft/Community) and Its Specificity in the Virtual Space. *Sociological Studies*. No. 7. P. 3—11. (In Russ.)

Семенов Е. Е. Информационная глобализация и ее влияние на трансформацию социальных связей в современном мире // Вестник Костомского государственного университета. 2010. № 1. С. 128—134.

Semenov E. E. (2010) Information Globalization and Its Impact on the Transformation of Social Ties in the Modern World. *Vestnik of Kostroma State University*. No. 1. P. 128—134. (In Russ.)

Тальнишних Н. К. Сетевые сообщества как социокультурный феномен постиндустриального общества // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: материалы III Российского философского конгресса. Ростов н/Д.: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 2002.

Talnishnikh N. K. (2002) Network Communities as a Socio-Cultural Phenomenon of Post-Industrial Society. In: *Rationalism and Culture on the Threshold of the Third Millennium: Proceedings of the III Russian Philosophical Congress*. Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education.

- Фромм Э. Здоровое общество. М.: Астрель, 2011.
Fromm E. (2011) *The Sane Society*. Moscow: Astrel.
- Auerbach C., Silverstein L. B. (2003) *Qualitative Data: An Introduction to Coding and Analysis*. New York, NY: NYU Press.
- Bagozzi R. P., Dholakia U. M. (2006) Open Source Software User Communities: A Study of Participation in Linux User Groups. *Management Science*. Vol. 52. No. 7. P. 1099—1115.
- Bargh J., McKenna K. (2004) The Internet and Social Life. *Annual Review of Psychology*. Vol. 55. P. 573—590. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.55.090902.141922>.
- Bateman P.J., Gray P.H., Butler B. S. (2011) Research Note: The Impact of Community Commitment on Participation in Online Communities. *Information Systems Research*. Vol. 22. No. 4. P. 841—854. <https://doi.org/10.1287/isre.1090.0265>.
- Beneito-Montagut R. (2011) Ethnography Goes Online: Towards a User-Centred Methodology to Research Interpersonal Communication on the Internet. *Qualitative Research*. Vol. 11. No. 6. P. 716—735. <https://doi.org/10.1177%2F1468794111413368>.
- Blanchard A., Markus M. (2007) Technology and Community Behavior in Online Environments. In: Steinfield C., Pentland B.T., Ackerman M., Contractor N. (eds.) *Communities and Technologies 2007*. London: Springer. P. 323—350. https://doi.org/10.1007/978-1-84628-905-7_17.
- Botsman R., Rogers R. (2010) *What's Mine is Yours: The Rise of Collaborative Consumption*. New York, NY: Harper Collins Publishers.
- Donath J. S. (1999) Identity and Deception in the Virtual Community, In: Smith M. A., Kollock P. (eds.) *Communities in Cyberspace*. London: Routledge. P. 29—59.
- Fourcade M. (2007) Theories of Markets and Theories of Society. *American Behavioral Scientist*. Vol. 50. No. 8. P. 1015—1034. <https://doi.org/10.1177%2F0002764207299351>.
- Fourcade M., Healy K. (2007) Moral Views of Market Society. *Annual Review of Sociology*. Vol. 33. P. 285—311. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131642>.
- Glaser B., Strauss A. (1967) *The Discovery of Grounded Theory*. Chicago, IL: Aldine.
- Graham D. (2006) *Community and Everyday Life*. London: Routledge.
- Haythornwaite C. (2002) Strong, Weak and Latent Ties and the Impact of New Media. *The Information Society*. Vol. 18. No. 5. P. 385—401. <https://doi.org/10.1080/01972240290108195>.
- Kozinetz R. V. (2002) The Field Behind the Screen: Using Netnography for Marketing Research in Online Communities. *Journal of Marketing Research*. Vol. 39. No. 1. P. 61—72. <https://doi.org/10.1509/jmkr.39.1.61.18935>.

Muchazondida M. (2011) The Othering of Food in Touristic Eatertainment: A Netnography. *Tourist Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 253—270. <https://doi.org/10.1177/1468797611431502>.

Nip Y. (2004) The Relationship between Online and Offline Communities: The Case of the Queer Sisters. *Media, Culture & Society*. Vol. 26. No. 3. P. 409—428.

Raïes K., Mühlbacher H., Gavard-Perret M.-L. (2015) Consumption Community Commitment: Newbies' and Longstanding Members' Brand Engagement and Loyalty. *Journal of Business Research*. Vol. 68. No. 12. P. 2634—2644.

Rheingold H. (1991) A Slice of Life in My Virtual Community. In: Harasim L. M. (ed.) *Global Networks: Computers and International Communication*. Cambridge, MA: MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/3304.003.0006>.

Tönnies F. (1957) *Community and Society*. East Lansing, MI: Michigan State University Press.

van Dijk J. (1997) The Reality of Virtual Communities. In: Groebel J. (ed.) *Trends in Communication*. Amsterdam: Boom Publishers. P. 39—63.

Welbourne J. L., Blanchard A. L., Boughton M. D. (2009) Supportive Communication, Sense of Virtual Community and Health Outcomes in Online Infertility Groups. In: Carroll J. M. (ed.) *C&T '09: Proceedings of the Fourth International Conference on Communities and Technologies*. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 31—40. <https://doi.org/10.1145/1556460.1556466>.

Приложение 1. Гайд для проведения интервью

Социально-демографический блок вопросов

Пол, возраст, сфера профессиональной деятельности, занятость на данный момент, семейное положение, доход, страна проживания.

Общие вопросы о вышивании

Как давно Вы вышиваете? Почему увлеклись данным видом рукоделия? Какие еще виды хобби Вас увлекают?

История создания канала на YouTube

Каким образом произошло Ваше первое знакомство с рукодельным YouTube? Как давно оно произошло? Как Вы о нем узнали и почему заинтересовались? Считаете ли Вы себя частью одного коллектива (вышивальщиц на YouTube) или просто общаетесь с разными людьми на тему рукоделия в YouTube? Почему Вы так считаете? Почему Вы решили завести собственный канал на YouTube, посвященный рукодельной тематике? Сколько времени прошло между моментом знакомства с сообществом и созданием своего канала о рукоделии? Что побуждало Вас к более активному развитию своего канала?

Функционирование YouTube-сообщества

Общаетесь ли Вы с другими блогерами? Каким образом (сообщения, комментарии)? На какие темы?

Являетесь ли Вы активным подписчиком других блогеров? По какому принципу Вы выбираете те, на кого стоит подписаться?

Часто ли Вы смотрите видео других рукодельных блогеров, комментируете ли их?

Есть ли группа наиболее активных блогеров, которые развивают контент или задают тренды (моду) в данном сообществе? (есть ли лидеры мнения)

Каковы, на Ваш взгляд, задачи рукодельного сообщества, если таковые имеются?

Какие коллективные занятия (проекты) существуют в рамках рукодельного сообщества на YouTube? Для чего вы собираетесь?

Что Вы делаете как член сообщества рукодельниц? Если считаете, что сообщества не существует, то почему?

Что дает Вам участие в подобных коллективных проектах, занятиях, играх, соревнованиях?

Кто модерировал коллективные мероприятия? Что вы делаете, если кто-то нарушает установленные правила?

Бывают ли конфликты в рукодельном сообществе?

Общаетесь ли Вы в рамках сообщества с кем-то ближе, чем остальными? Почему?

Как такая близость возникает и чем, в первую очередь, характеризуется?

Общаетесь ли Вы с блогерами и подписчиками на нерукодельные темы?

Распространяется ли Ваше общение с блогерами и подписчиками за рамки YouTube в другие социальные сети или реальную жизнь?

Участвуете ли Вы в рукодельных встречах (офлайн)? Как и где они происходят? Кто может туда прийти? Кто их организует?

Эффекты сообщества

Основы общности. Чувствуете ли Вы себя частью группы рукодельниц? Разделяют ли они Ваши интересы? Чувствуете ли Вы доверие к рукодельницам, с которыми познакомились с помощью YouTube? Стабилен ли у вас взаимный интерес друг к другу и к событиям из жизни друг друга? Участвуете ли Вы в совместной деятельности с другими вышивальщицами на YouTube? Организуете ли собственные проекты?

Блага. Изменилась ли ваша жизнь или увлечение после того, как вы начали интересоваться вышивкой в интернете и начали общаться в рамках сообщества? Как именно? Что Вы получили благодаря данному сообществу? Что Вы узнали, чему научились? Какое влияние оказывает участие в сообществе на Ваше эмоциональное состояние? Решает ли участие в рукодельном сообществе какие-то Ваши личные проблемы? Или проблемы других участников?

Преодоление отчужденности. Бывало ли у Вас такое, чтобы Вы предпочитали общение с участниками рукодельного сообщества (как онлайн, так и офлайн) общению с людьми из вашего окружения в других сферах жизни? Почему так происходило? Стали ли Вы больше общаться с людьми?

Рукодельное сообщество как сообщество потребителей. Можно ли сказать, что участники рукодельного сообщества разделяют схожие потребительские предпочтения в сфере товаров для рукоделия? Пользуетесь ли Вы одними и теми же товарами, приобретаете ли необходимые материалы в одних магазинах? Считаете ли Вы, что сообщество может оказать влияние на производителей материалов для рукоделия или продавцов рукоделия? Знакомы ли Вы с представителями производителей материалов для рукоделия? Приходили ли они к Вам на рукодельные встречи? Достигали ли рукодельницы каких-либо договоренностей с производителями или продавцами рукодельных товаров?

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.729](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.729)

Н. В. Корытникова

ОЦЕНКА ИНФОРМАЦИОННОЙ НАПОЛНЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (УКРАИНА)

Правильная ссылка на статью:

Корытникова Н. В. Оценка информационной наполненности интернет-представительств органов местного самоуправления в Луганской области (Украина) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 344—378. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.729>.

For citation:

Korytnikova N. V. (2020) Assessing Information Completeness of the Local Government Representation on the Internet: The Case of Luhansk Oblast (Ukraine). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 344—378. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.729>. (In Russ.)

ОЦЕНКА ИНФОРМАЦИОННОЙ НАПОЛНЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТИ (УКРАИНА)

КОРЫТНИКОВА Надежда Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры методов социологических исследований, Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина
E-MAIL: kort-nadeshda@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1740-5859>

Аннотация. В статье представлены результаты мониторинга интернет-представительств органов местного самоуправления в Луганской области в период с марта по май 2018 г. Информационная наполненность сайтов анализировалась по пяти направлениям: общая информация о территории города или села, информация о деятельности органов местного самоуправления, рекомендованные для размещения официальные документы, обеспечение доступа к публичной информации, удобство пользования веб-сайтом и доступность веб-контента.

Исследование показывает некоторые проблемы информационной наполненности официальных сайтов местных органов власти с точки зрения полноты и структурированности потока данных. Автор определяет приоритетные области по улучшению качества материалов для веб-дизайнеров и чиновников. Социальная актуальность данного исследования обусловлена тезисом о том, что на основе грамотной подачи контента можно своевременно получать информацию о реакциях населения на правительственные инициативы.

ASSESSING INFORMATION COMPLETENESS OF THE LOCAL GOVERNMENT REPRESENTATION ON THE INTERNET: THE CASE OF LUHANSK OBLAST (UKRAINE)

*Nadezhda V. KORYTNIKOVA*¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at Department of Methods of Sociological Research
E-MAIL: kort-nadeshda@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1740-5859>

¹ V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine

Abstract. The article presents the results of a tracking study on how the Luhansk oblast local governments were represented on the Internet during the period from March to May 2018. Completeness of the websites was analyzed in terms of five aspects: general information about the city and rural area; information about the local self-government activities; official documents recommended for publication; access to public information; website usability and web content accessibility.

The study revealed certain problems in terms of website completeness and a lack of structure in the data flow on the local self-government websites. The author identifies priority areas for web designers and public officials to improve the quality of materials. The study highlights that well-designed contents would help the authorities get a public reaction to the government's initiatives in a timely manner. The article describes how the online representation can help engage citizens and make them take an active part in governmental decision-making.

В статье описывается, как на основе интернет-представительства можно реализовать идею участия и активного включения граждан в процесс принятия управленческих решений.

Ключевые слова: информационная наполненность, электронное правительство, интернет-представительство, органы местного самоуправления, публичная информация, открытые данные, удобство веб-сайта

Keywords: information completeness, e-government, local governments, public information, open data, website usability, Internet representation

Взрывное развитие информационно-коммуникационных технологий вызвало существенные преобразования во всех сферах жизни общества, в том числе в государственном управлении. Значительные достижения в электронном бизнесе побудили применить аналогичные технологии к органам власти, в частности открыть интернет-представительства, чтобы публиковать больше информации и более эффективно предоставлять государственные услуги. Однако органы государственной власти и местного самоуправления (далее — МСУ), ориентируясь на информатизацию и автоматизацию, нередко упускают из вида, что процессы публичного менеджмента можно рационализировать с опорой на объективные данные и учетом потребностей и желаний граждан. Правительственный веб-сайт — важное место для участия граждан в общественных делах и процессах принятия решений, но ранние практики электронного правительства, как правило, не следовали демократическим целям: обмена информацией, предоставления качественных государственных услуг, обсуждения и совместного производства общих решений [Lee-Geiller, Lee, 2019].

Актуальность изучения функций государственных веб-сайтов заключается в том, что мониторинг интернет-представительств позволит разработать стратегию цифровизации публичного администрирования и укажет на способы повысить гражданскую ответственность во взаимоотношениях с властью. На данный момент интернет-представительства органов власти в лучшем случае представляют собой инфраструктуру для обратной связи с гражданами, коммерческими предприятиями и общественными организациями, а порой просто передают информацию в одностороннем порядке. В таких условиях следование принципам электронного правительства, заявленное во многих официальных документах, становится проблематичным. Для полноценного функционирования электронного государства не обойтись без интеграции внутренних информационных ресурсов, без разработки механизмов осуществления государственных транзакций (электронные услуги, официальные обращения и пр.) на текущем уровне развития цифровых технологий. В частности, клиентоориентированная модель государственного управления подразумевает, что интеллектуальный и творческий потенциал граждан будет использоваться для выработки востребованных политических решений. Таким

образом, в системе интернет-представительств органов власти требуется учитывать законодательные нормы по информационному наполнению официального сайта, а также проверять наличие на этих интернет-площадках действенных инструментов взаимодействия с населением и конкретных механизмов контроля за деятельностью госслужащих.

Лидеры по цифровизации развивают электронное правительство как платформу, которая стимулирует государственно-частные партнерства в создании инновационных приложений и услуг. Основным и постоянным ядром этой платформы являются данные, готовые для дальнейшей обработки в целях обмена информацией и бесперебойного предоставления общественных услуг [Akarkin, Yasinovskaya, 2019]. Это соответствует идее о том, что представительная демократия обеспечивает управление наиболее эффективно, если решения граждан основаны на точной и надежной информации [Williams, Harte, Turner, 2015]. Опыт Эстонии показывает, что информационная открытость и прозрачность органов власти обеспечивает доверие граждан государству и позволяет контролировать правительственные действия [Priisalu, Ottis, 2017].

Заинтересованность в доступной информации государственного сектора привела к политике открытых данных во многих странах. В Бельгии региональное правительство Фландрии включило повторное использование информации государственного сектора в свое законодательство и разместило на интернет-портале более 4000 открытых наборов данных [Buyle et al., 2019]. Корейские исследователи также рассматривали роль государства как менеджера данных и роль закона как координатора юридических прав: «Закон должен пойти еще дальше и предоставить правительствам основу для активного поощрения использования открытых данных, защиты конфиденциальности и безопасности и разрешения споров, возникающих в процессе доступа к публичной информации» [Yoon, Joo, Kwon, 2019: 131]. В Саудовской Аравии на внедрение инициатив электронного правительства влияют существующие административные механизмы. В частности, в стране происходят институциональные изменения, которые внесли позитивный вклад в переход от культуры секретности к открытости. Так, была принята программа «Видение — 2030»¹, утвержден Закон о свободе информации 2016 г., проведены антикоррупционные кампании [Altayar, 2018]. Европейские ученые обращают внимание на то, что «у жителей возникают трудности в доступе к данным из-за их фрагментарной подачи на разных правительственных уровнях, что может вызывать разочарование граждан при запросах необходимой информации в повседневной жизни, поскольку они ожидают систематического взаимодействия с органами власти» [Buyle et al., 2018: 127]. Изменение технологических условий поднимает вопросы о пересмотре порядка хранения и обработки данных, а также обеспечения простоты и безопасности их использования в эпоху цифрового государства [Yoon, Joo, Kwon, 2019].

В 2016 г. Украина присоединилась к Международной хартии открытых данных. В результате доступ к публичной информации с возможностью автоматизирован-

¹ Программа «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030». См.: Saudi Vision 2030. URL: <https://vision2030.gov.sa/en/node> (дата обращения: 22.10.2020). Например, в рамках программы ставится цель улучшить позиции страны в Глобальном индексе открытых данных — с 74-го до 60-го места.

ной обработки на Украине можно получить на следующих государственных веб-ресурсах: Единый государственный веб-портал открытых данных²; городские порталы открытых данных (созданы в Харькове, Львове, Полтаве, Кривом Роге, Днепре, Дрогобыче, Черновцах); официальный портал публичных финансов Украины³; электронная система публичных закупок ProZorro⁴ [Серенок, 2016]. В рамках электронного управления официальные веб-сайты выполняют следующие функции: (1) единой площадки для доступа к разнообразной государственной информации, (2) общественного контроля граждан за деятельностью органов власти, (3) коммуникативного ресурса для решения насущных вопросов граждан, (4) привлечения местных граждан к принятию управленческих решений и др. К сожалению, на данном этапе в украинских реалиях вышеназванные функции реализуются не в полной мере и без учета новейших тенденций в цифровых технологиях.

Особенно ярко востребованность инновационных форм публичного администрирования наблюдается во время политических кризисов, которые сопровождаются непоследовательным ведением административной реформы, экономическим спадом, социально-гуманитарными катастрофами. Наглядным примером таких последствий служит ситуация в Донбасском регионе после событий 2014 г. На почве претензий региональных политических элит на доминирование в управлении территориями возникает особый режим двоевластия: Луганская областная военно-гражданская администрация и Луганская народная республика. Часть территориальных общин остались на территории ведения военных действий, часть временно перемещены в другие области. Социальные сообщества, ранее объединенные по территориальному признаку, оказываются искусственно разобщенными и растерянными перед возникающими трудностями в связи с дублированием функций государственного управления. В частности, люди не понимают, как получить государственные услуги — записаться в школу, сдать внешнее независимое оценивание⁵, получить паспорт, назначить пенсию, подать документы на субсидию и т. д.

Чтобы непрерывно дистанционно управлять территориями, находящимися в зоне военно-политического конфликта, необходимо использовать формы интернет-коммуникаций, обмениваться информацией по сети, предоставлять государственные онлайн-услуги. Для этого нужна единая официальная платформа, поэтому важно развивать интернет-представительства органов МСУ. Веб-сайты и сообщества в социальных сетях выступают как инструменты социального проектирования и могут работать по разным моделям: от самопрезентации до сетевых транзакций с органами власти. Самопрезентация органов государственного управления в интернете — форма визитной карточки страны или ее территориально-административной единицы. Подобный контент сайтов обычно необходим ру-

² Портал відкритих даних. URL: <https://data.gov.ua/> (дата обращения: 22.10.2020).

³ Єдиний веб-портал використання публічних коштів. URL: <https://spending.gov.ua/new/> (дата обращения: 22.10.2020); Інформаційно-аналітична система «Прозорий бюджет». URL: <https://edata.gov.ua/> (дата обращения: 22.10.2020).

⁴ ProZorro: офіційний портал оприлюднення інформації про публічні закупівлі України. URL: <https://prozorro.gov.ua/> (дата обращения: 22.10.2020).

⁵ Внешнее независимое оценивание, ВНО (укр. Зовнішнє незалежне оцінювання, ЗНО) — экзамены для поступления в высшие учебные заведения на Украине.

ководителям, чтобы продемонстрировать владение современными технологиями и понимание возрастающей роли интернет-присутствия государственных структур. Для Луганской области акцент на виртуальной идентификации и коммуникативных ресурсах может сыграть важную роль в легитимации власти представителей региональных элит, что в целом будет способствовать решению донбасского вопроса и формированию позитивного имиджа территории в международном сообществе. Одним из основных пунктов мирного урегулирования конфликта на Донбассе часто называют проведение местных выборов как способ законного утверждения власти на всей территории региона. Подавляющее большинство украинцев поддерживает увеличение полномочий местных органов власти через легитимацию их статусов или в процессе децентрализации (53,2%), или в форме автономии в составе Украины (20,6%) (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Какой из вариантов решения проблемы неподконтрольных территорий Донецкой и Луганской областей («ДНР» и «ЛНР») Вы бы поддержали больше?», 15.07.2019 (% от всех респондентов)*

	Украина в целом	Запад	Центр	Юг	Восток	Донбасс
Предоставление этим территориям особого статуса, предусматривающего автономию в составе Украины	20,6	12,6	14,4	29,2	28,7	43,9
Возвращение в состав Украины с теми правами, которые получены другими регионами в процессе децентрализации	53,2	53,6	53,9	53,3	55,9	39,4
Официальное признание того, что эти территории в ближайшие годы не могут быть возвращены в состав Украины и их изоляция	5,7	9,5	6,8	2,5	2,0	1,5
Продолжение боевых действий, направленных на возобновление полного контроля Украины над этими территориями военным путем	4,7	9,0	4,0	3,8	2,0	0,8
Трудно сказать	15,5	15,1	20,0	11,3	11,0	14,4
Отказ от ответа	0,5	0,2	1,0	0,0	0,5	0,0

* Источник данных: Всеукраинский опрос общественного мнения, Киевский международный институт социологии (КМИС), 5—15 июля 2019. Вопрос на языке оригинала: «Який з варіантів вирішення проблеми неподконтрольних територій Донецької і Луганської областей («ДНР» і «ЛНР») Ви підтримали б найбільше?» См: Суспільно-політичні настрої населення України: Липень 2019 року // Київський міжнародний інститут соціології. 2019. 17 июля. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=875&page=3> (дата обращения: 22.10.2020).

Тем самым выборы в органы МСУ становятся стратегически важными для стабилизации ситуации в регионе. Свободный и прозрачный предвыборный процесс реализуется при условии информационного сопровождения всех процедур. М. А. Губин вводит специальное понятие «информационная легитимация» как «процесс приобретения или подтверждения права власти на осуществление по-

литических действий и принятие политических решений, благодаря информации и умению эффективно контролировать ее оборот» [Губин, 2011: 16]. На данном этапе у гражданского общества нет механизмов контроля за деятельностью органов власти через объективную информацию из открытых источников, представители власти могут манипулировать доступом к публичной информации, закрывать или ограничивать его. В коммуникативной модели веб-сайты становятся не только важным источником официальной информации о предпринимаемых действиях по регулированию конфликта, но и площадкой для оперативного оповещения населения о принятых решениях по актуальным повседневным вопросам. Кроме этого, официальная интернет-коммуникация призвана помочь жителям высказать и отстоять свои взгляды по поводу местной политики, а также обеспечить обсуждение новых проектов регуляторных актов и организовать изучение общественного мнения.

Однако для эффективного управления территориями, которые втянуты в военно-политические споры, интернет-представительства важны в первую очередь для перехода к модели сетевых транзакций, когда органы власти функционируют в онлайн-формате. В модели сетевых транзакций интернет-представительства органов власти уже позволяют осуществлять в виртуальной среде функции государственного управления, касающиеся не только налаживания обратной связи, но и мобилизации к действиям для получения государственных услуг и оптимизации процедур взаимодействия с должностными лицами в дистанционном формате.

Цель данной статьи — охарактеризовать информационную наполненность интернет-представительств органов местного самоуправления на примере Луганской области (Украина) с точки зрения того, насколько модернизирован функционал органов власти с учетом цифровизации социальной сферы.

Под *информационной наполненностью* интернет-представительства органа власти понимается характеристика официального веб-сайта, включающая в себя описание перечня документов и сведений, обязательных для обнародования, и наличие интернет-технологий, подразумевающих постоянный и повсеместный доступ к открытым данным. Есть определенные законодательные нормы по наполнению содержанием веб-сайта, но публикуемые материалы необходимо анализировать и с точки зрения удобства пользователя — по таким критериям, как правильность (доступность, грамотность, технологичность) подачи, оперативность размещения, оптимальность структуры, полнота содержания.

Информационная наполненность базируется на следующих принципах функционирования интернет-представительства:

- предоставление актуальной и достоверной информации широким кругам населения для установления доверительных отношений граждан с властью;
- разработка и поддержание государственных реестров по разным направлениям, обеспечение полноты и периодичности обновления информационных ресурсов, соблюдение их сохранности и целостности, исключение дублирования данных;
- автоматическое предоставление государственных услуг на основе цифровизации управленческих процессов в органах власти, введение системы электронного документооборота и т. д.

Реализация перечисленных принципов позволяет достигнуть экономического эффекта, поскольку значительно упрощаются взаимодействия граждан с властью, сокращаются временные затраты при обращении за услугой, исключаются стрессовые и конфликтные ситуации, упрощается порядок работы чиновников с государственными информационными ресурсами, исключаются механические ошибки при оформлении документов.

В данной работе будут представлены результаты исследования «Оценка внедрения и использования инструментов электронного правительства Луганской областной государственной администрации и органами МСУ Луганской области»⁶, проводившегося с марта по май 2018 г. и подготовленного в рамках Программы восстановления и развития мира ПРООН в Украине при финансовой поддержке Европейского союза. Методом сбора информации был мониторинг открытой для интернет-пользователей части контента официальных веб-сайтов органов местного самоуправления Луганской области. В выборку не были включены сайты Луганской областной государственной администрации и других областных представительств органов исполнительной власти. Акцент только на МСУ обусловлен тем, что именно на этом уровне управления непосредственно осуществляется государственная политика, направленная на нужды и потребности граждан в их повседневной жизни.

Для исследования были выбраны объединенные территориальные общины, соответствующие новому административному устройству Луганской области (согласно распоряжению Кабинета министров Украины⁷). Среди 25 органов МСУ семь местных советов не имеют официальных интернет-представительств (их веб-сайты не найдены с помощью основных поисковых систем):

- Лозно-Александровский сельский совет,
- Новоастрханский сельский совет,
- Золотовский городской совет,
- Мостковский сельский совет,
- Нижнедуванский сельский совет,
- Широковский сельский совет,
- Краснореченский сельский совет⁸.

В связи с этим оценка информационной наполненности проводилась только для 18 органов местного самоуправления Луганской области (см. приложение А). Эмпирическая интерпретация показателей основывалась на положениях законодательства Украины, которые касаются требований к официальным сайтам органов власти (см. прил. Б). В перечисленных десяти законах Украины содержатся указания на обязательные материалы для размещения в интернет-представительствах, а также нормы по использованию информационно-коммуникационных технологий

⁶ Оцінка впровадження та використання інструментів електронного урядування Луганською обласною державною адміністрацією та органами місцевого самоврядування Луганської області. Київ: UNDP Україна, 2018. URL: http://www.ua.undp.org/content/dam/ukraine/docs/Donbas/Rule%20of%20Law/Lugansk_report.pdf (дата обращения: 22.10.2020).

⁷ Перспективний план формування територій громад Луганської області, затверджений розпорядженням Кабінету Міністрів України 05.08.2015 № 833 (із змінами і доповненнями) // Верховна Рада України. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/833-2015-%D1%80> (дата обращения: 22.10.2020).

⁸ Официальный веб-сайт есть (<http://krasnorechensk.lg.ua/>), но он недоступен на 22.10.2020.

в деятельности органов МСУ. Таким образом, были выделены обязательные компоненты интернет-представительства органа власти по содержанию и по форме предоставления информации. Эти компоненты рассматривались как параметры для оценки функционирования интернет-представительства и были сгруппированы по пяти основным направлениям (см. табл. 2).

Таблица 2. Структура оценки информационной наполненности по значимости и количеству эмпирических показателей

№	Направление измерения	Значимость	Количество показателей
1	Общая информация о территории города или села	Низкая	6
2	Информация относительно деятельности органа МСУ	Высокая	47
3	Рекомендованные для размещения официальные документы	Средняя	26
4	Обеспечение доступа к публичной информации	Средняя	6
5	Удобство пользования веб-сайтом и доступность веб-контента	Высокая	15

Безусловно, каждое выделенное направление обладает разным уровнем значимости для комплексной оценки. В данном исследовании вклад каждого направления в общую оценку определялся экспертами по государственному управлению⁹ по трем уровням значимости: высокий, средний, низкий. Первичные экспертные заключения основывались на важности той или иной категории с точки зрения обычных интернет-пользователей и в первую очередь местных граждан, а не для потребностей местных чиновников или госслужащих центральных органов власти. Конкретные показатели интерпретировались и включались в оценку интернет-представительств с учетом понятности контента и его социальной направленности, оперативности подачи информации и ее релевантности, комфортности прочтения и удобной навигации.

Каждый показатель измерялся по четырехбалльной шкале. Индикаторы, касающиеся полноты представленной информации (направления 1—4), маркировались следующим образом: 3 балла — полная информация, 2 — развернутая информация, 1 — недостаточно информации, 0 — информация отсутствует. Индикаторы, которые характеризуют удобство пользования сайтом (направление 5), также оценивались по четырехбалльной шкале, а именно: 3 балла — технология полноценно выполняет свои задачи, 2 — технология осуществляет функции в ограниченном режиме, 1 — технология работает частично или наблюдаются сбои, 0 — технология отсутствует. Следовательно, среднее значение по каждому показателю колеблется в пределах от 0 до 3. По убыванию среднего было проведено ранжирование пока-

⁹ Главными специалистами выступили сотрудники кафедры информационных технологий и систем управления Харьковского регионального института Национальной Академии государственного управления при Президенте Украины под руководством доцента А. О. Серенка. Кроме этого, при определении значимости направлений информационной наполненности веб-сайтов органов МСУ учитывались замечания и комментарии представителя программы восстановления и развития мира ПРООН в Украине А. Муратова.

зателей (см. прил. В). Для комплексной оценки направлений, где показателей было много (направления 2, 3, 5), результаты группировались по интервалам средних (см. прил. В, табл. В.2, В.3, В.5). После группировки были составлены диаграммы (см. рис. 1—3), которые отражают общую картину информационной наполненности.

Результаты оценивания информационной наполненности веб-сайтов органов МСУ Луганской области по каждому направлению

1. Общая информация о территории

Посетитель сайта должен быть обеспечен официальной информацией об истории развития населенного пункта, памятных датах и праздниках, а также иметь доступ к статистическим данным о социально-экономическом развитии территории, демографических структурах населения и др. Считается, что подобного рода информация обязательна как для ознакомления с динамикой состояния территории, так и для воспитания патриотизма и формирования местной идентичности. Регулярное оповещение граждан о ключевых событиях города или села, своевременное распространение важных объявлений об официальных мероприятиях и встречах напрямую связаны с созданием благоприятного информационного фона вокруг местной общины и косвенно — имиджа представителей органов власти.

Показатели размещения общей информации о территории на сайтах органов МСУ Луганской области в среднем оценены в интервале от 0,4 до 2,6 (см. прил. В, табл. В.1). Практически всегда там можно найти новости территориальной общины (средний показатель — 2,61) и историю развития населенного пункта (2,17). Новости о прошедших событиях публикуются регулярно почти во всех органах МСУ. На большинстве сайтов есть информация о символике и праздниках региона, гиперссылки на интернет-ресурсы других органов власти и прочие полезные порталы для граждан. Следует отметить только один показатель с низким значением: на официальных сайтах почти отсутствуют анонсы предстоящих событий (0,39). Администраторы сайтов справляются со статичной информацией, но посетителям почти не оповещают о намеченных мероприятиях и встречах. Безусловно, оперативное анонсирование событий подразумевает отдельных ответственных за задачи медиапланирования. Чаще всего этих должностей не предусмотрено, поэтому контентом веб-сайт наполняют системные администраторы или секретари в качестве дополнительной нагрузки. Таким образом, чиновникам еще предстоит привыкнуть к публичности, когда необходимо не только оперативно отчитываться о своей деятельности в новостях, но и заблаговременно предупреждать о намеченных планах. Благодаря этому граждане смогут лично присутствовать на заявленных мероприятиях или другим способом отслеживать происходящее в муниципалитете.

2. Информация относительно деятельности органов МСУ

Для оценки информации о деятельности органов местного самоуправления мы использовали 47 показателей, характеризующих полноту обязательных для публикации материалов (см. рис. 1 и прил. В, табл. В.2).

Средние оценки колеблются в интервале от 0 до 2,6, отражая большой разброс в объеме предоставленной информации. Однако наиболее часто встречается

оценка от 0,5 до 1, то есть на веб-сайтах информация подается в ограниченном объеме, что свидетельствует о начальном этапе информационного наполнения.

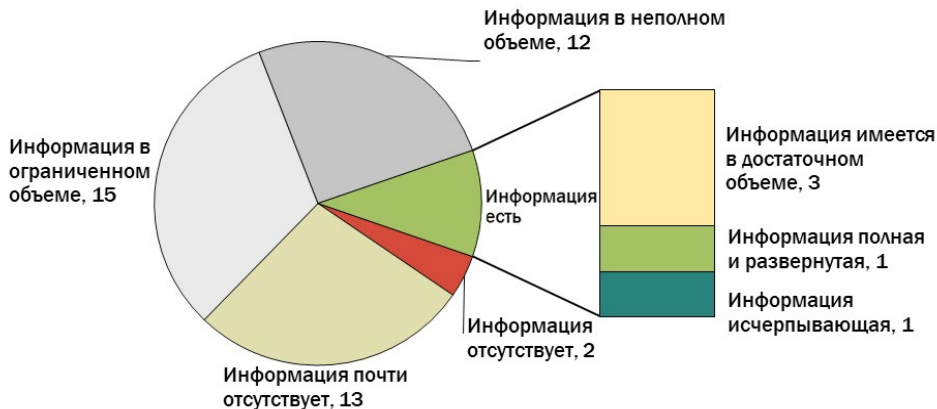

Рис. 1. Полнота обнародования информации о деятельности органов МСУ Луганской области (частота показателей по интервалам средних)

Наиболее полно оформленными оказались сайты органов МСУ в части размещения контактной информации органа власти (средний балл — 2,61), названий и составов постоянных комиссий (2,33). В то же время не всегда есть графики приема граждан (0,97), редко указаны телефоны, электронные адреса и месторасположение чиновников (0,61), не в полном объеме представлены списки исполнительных органов власти и режим их работы (0,58). На некоторых сайтах отсутствуют сведения о кадровом составе исполкома (1,17), депутатского корпуса (1,36), депутатских групп и фракций (0,5). Из-за этого пользователю трудно понять, к кому из должностных лиц можно обратиться лично.

Обнародование персональной информации руководящих должностных лиц редко бывает полным. В частности, ознакомиться с биографиями глав органов МСУ (1,39) легче, чем узнать об их финансовом положении (средний балл за публикацию декларации о доходах — 0,59). Депутаты еще реже выкладывают на сайте свои биографии (0,72) и практически не публикуют декларации о доходах (0,44). Стоит отдельно отметить, что большинство представителей власти загрузили декларации только за один год (чаще всего 2015). К тому же эти документы размещены в pdf-формате, что затрудняет дальнейшую аналитическую обработку статистической информации.

Достаточно часто публикуются планы деятельности регуляторного органа по подготовке проектов (1,67), размещаются проекты регуляторных актов для обсуждения (1,72), дается информация о перечне и границах округов и об избранных от них депутатах (1,53). Иногда остаются в стороне важные сведения о принятых актах (1,28), их анализ и отчеты (особенно ежеквартальные) об их выполнении (по 1,11). Перечисленные выше блоки информации можно охарактеризовать как более или менее статические сведения, не требующие постоянного обнов-

ления. Однако как только дело доходит до новостей или подачи динамических материалов, то информации становится существенно меньше. Так, в интернет-представительствах рассматриваемых органов власти практически не размещают новости про место и время заседаний исполнительного комитета (0,11), редко сообщают о проведенных общественных слушаниях (0,39), о публикации новых проектов регуляторных актов (0,94). Стоит обратить внимание, что подобного рода объявления поддерживают интерес к интернет-представительству и важны для тех посетителей, которые стремятся быть в курсе деятельности органов МСУ и просматривают актуальные новости, но не заходят каждый раз в соответствующий раздел, рассчитывая получить оповещение с начальной страницы.

Наиболее закрытыми остаются сведения о финансовых аспектах деятельности органов местного самоуправления, а именно о проведении закупок на бюджетные средства (0,72) и действующих тарифах (0,57), о состоянии и использовании коммунального имущества (0,17). Крайне редко размещается информация о финансовых ресурсах исполкома (0,03). Ни один сайт органов МСУ Луганской области не содержит информации о количестве средств, выделенных из депутатских фондов на нужды граждан, и сведений о результатах земельных аукционов и конкурсов. Отсутствие или частичное обнародование финансовой информации может служить поводом задуматься о потенциально коррупционных составляющих деятельности органов власти.

Интересным примером служит визуализация данных по бюджету Щастьенского городского совета с 2009 по 2013 гг. в виде графиков и таблиц по некоторым статьям расходов и доходов¹⁰. Подобная обобщенная статистика может пригодиться как для создания собственного аналитического материала, так и для журналистского расследования и инициирования публичного обсуждения.

Формы обратной связи

На сайтах исследуемых органов МСУ Луганской области используются разные формы обратной связи:

1) форма обратной связи, через которую можно отправить обращение при наличии у пользователя электронной почты (семь местных советов — Белокуракинский, Щастьенский, Сватовский, Станично-Луганский, Лисичанский, Рубежанский и Северодонецкий).

2) форма обратной связи в разделе «Контакты» (или «Задать вопрос»), где указывают электронную почту в виде изображения (шесть местных советов — Троицкий, Чмирировский, Новопсковский, Белолуцкий, Новоайдарский, Меловской). В таком случае у посетителя возникнут трудности, так как адрес невозможно скопировать для вставки в поле письма.

3) форма для электронных обращений на сайте Кременского городского совета расположена только в разделе «Городской совет»¹¹. При этом посетителю сайта неочевидно, что зайти нужно именно туда.

¹⁰ Аналіз виконання бюджету міста Щастя по доходах // Військово-цивільна адміністрація міста Щастя. URL: <http://www.schastye-rada.gov.ua/contact/budjet> (дата обращения: 22.10.2020).

¹¹ Зворотній зв'язок Кременської міської ради // Кременська міська рада. URL: <http://www.kremrada.gov.ua/index.php/miska-rada/zvorotnyi-zviazok0> (дата обращения: 22.10.2020).

Нет формы для электронного обращения на сайтах четырех местных советов — Беловодском, Марковском, Попаснянском, Старобельском.

Обратная связь не ограничивается возможностью передать электронное сообщение. Статистика предшествующих обращений знакомит посетителей с их тематикой и помогает контролировать эту сферу управленческой деятельности. На официальных сайтах трех органов МСУ (Рубежанского, Северодонецкого, Лисичанского) обнародуют статистику обращений, причем сайт Рубежанского городского совета обобщенные данные приводит довольно подробно, без необходимости делать лишние клики и загружать файлы. В менее удобном doc-формате предоставляют некоторые обобщенные отчеты Попаснянский городской совет, Сватовский городской совет и Новопсковский поселковый совет. У остальных 12 местных советов на сайте вообще нет такой информации.

Кроме статистики обращений, Северодонецкий городской совет использовал возможность изучать общественное мнение с помощью онлайн-опроса. Также на официальных сайтах двух поселковых советов были приведены результаты офлайн-опросов. Так, на сайте Чмириковского поселкового совета посетители могут ознакомиться с результатами независимого исследования общественного мнения, в ходе которого выявлялись потребности жителей, чтобы учесть их при разработке Стратегического плана развития территориальной общины. Троицкий поселковый совет публикует на сайте результаты опроса населения об оценке социальных потребностей, проведенного в октябре 2017 г. Еще два городских совета реализовали серию интернет-голосований по нескольким вопросам (Старобельский и Счастьенский городские советы), а остальные 13 местных органов власти не изучают общественное мнение через опросы.

Для более тесного взаимодействия с жителями органы власти подключаются к социальным сетям (см. табл. 3). На официальных сайтах размещаются ссылки на соцсети, чтобы жители обратили на них внимание и подписались. Самой популярной социальной сетью среди органов МСУ оказался Facebook (семь местных советов). Лисичанский городской совет представлен только в Twitter. Официальный Youtube-канал Рубежанского городского совета содержит много видео, полноценно освещающих ключевую деятельность органа местного самоуправления. Такой объемный видеоконтент может служить хорошим примером использования Youtube-канала для информационно-просветительских задач органов МСУ. Сразу три социальные сети поддерживает Северодонецкий городской совет, хотя небольшое количество подписчиков, лайков и просмотров свидетельствует о низком уровне контента. Таким образом, половина органов МСУ работают с аудиторией социальных сетей.

Таблица 3. Представительства органов МСУ Луганской области в социальных сетях

Название органа МСУ	Facebook/Twitter/Youtube-канал	Количество подписчиков
Беловодский сельский совет	https://www.facebook.com/Belovodsk.pos.sovet/	303
Белолуцкий сельский совет	https://www.facebook.com/belolutsk/	154

Название органа МСУ	Facebook/Twitter/Youtube-канал	Количество подписчиков
Исполнительный комитет Попаснянского городского совета	https://www.facebook.com/popasnavuconcom/	348
Лисичанский городской совет	https://twitter.com/lisgorsovet	16
Новопсковский сельский совет	https://www.facebook.com/npsrada/	584
Рубежанский городской совет	https://www.facebook.com/rmr.gov.ua/ https://www.youtube.com/channel/UCU5guxJdyLsJ5hKcJnPaOVA/	357 417
Северодонецкий городской совет	https://www.facebook.com/sedgorsovet/ https://twitter.com/sed_rada https://www.youtube.com/channel/UCvi1Yc9IWighbLmkwB08IQ	97 45 6
Троицкий сельский совет	https://www.facebook.com/Троїцька-територіальна-грумада-1463073777140042/	175

3. Рекомендованные к размещению официальные документы

Деятельность органов власти непосредственно связана с производством нормативных актов, регулирующих различные сферы жизнедеятельности территориальной общины. Если освещение подобного рода документов выстроено оптимально, граждане систематически и своевременно получают нужную информацию, разъяснения относительно управленческих решений на местном уровне, благодаря чему облегчается взаимодействие с органами власти. Для того чтобы осуществлять общественный контроль за деятельностью органов власти, рекомендуется размещать определенного рода официальную документацию (26 показателей). Сайты органов МСУ Луганской области эти рекомендации выполняют в недостаточном объеме (см. рис. 2 или прил. В, табл. В.3).

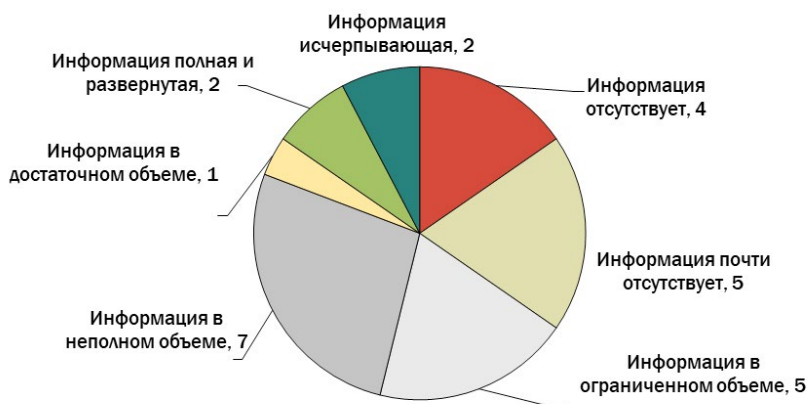

Рис. 2. Полнота обнародования рекомендованной к размещению документации на официальных веб-сайтах органов МСУ Луганской области (частота показателей по интервалам средних)

Большинство интернет-представительств органов МСУ Луганской области публикуют решения заседаний местного совета (2,83), решения исполнительного комитета (2,56), бюджет на текущий год (2,22), распоряжения местного главы (2,06), а также проекты решений заседаний местного совета (1,89). Однако поиск по документам разного типа недостаточно удобен. В частности, нельзя отсортировать результаты поиска по дате, номеру, ключевым словам, а чтобы просмотреть содержание документа, его нужно скачать. Если доступ к пошаговым действиям должностных лиц закрыт или затруднен, граждане не могут отслеживать интересующие их вопросы из сферы управления территориальной общиной и осуществлять общественный контроль.

Ни один орган МСУ Луганской области не выносит на официальный сайт информацию о деятельности местных советов: отсутствуют отчеты о выполнении плана работы совета за прошедший год, отчеты о ходе и результатах отчуждения коммунального имущества, решения комиссий местных советов, повестки дня открытых заседаний комиссий местных советов. Практически не выставляются отчеты депутатских комиссий о своей работе (0,3), отчеты о деятельности исполнительных органов власти (0,33) и о выполнении местных программ развития (0,44). Иногда появляются отчеты местного главы за прошлый год (0,5), протоколы заседаний совета (0,97) и комиссий (0,72), проекты решений исполнительного комитета (1,17). Подобного рода аналитическая сводка о деятельности органа власти существенно помогла бы гражданам понять приоритеты местных должностных лиц и поддержать нужные решения на общественных слушаниях или иначе повлиять на административные действия. Без такого рода публичных данных вряд ли можно ожидать успехов от проектов электронной демократии.

4. Обеспечение доступа к публичной информации

Закон Украины¹² (ст. 1, п. 1) трактует публичную информацию как отображенную и задокументированную любыми средствами и на любых носителях информацию, которая получена или создана в процессе исполнения субъектами властных полномочий своих обязанностей, предусмотренных действующим законодательством, или находится во владении субъектов властных полномочий, других распорядителей.

Сложности в работе с публичной информацией возникают из-за того, что неясно, какие сведения следует относить к этой категории. Закон определяет только информацию, к которой доступ ограничен, — юридически это позволяет рассматривать любую другую информацию как публичную. Поэтому публичной информацией можно считать любое информационное наполнение, которое было рассмотрено в предыдущих трех пунктах. Здесь мы оценим, как организована процедура запроса на доступ к тем материалам, которые еще не размещены ни в одном из разделов веб-сайта. Процедура предполагает, что формируется реестр публичной информации, указываются ответственные лица и результаты их деятельности, а также описывается необходимый алгоритм действий для по-

¹² Закон України «Про доступ до публічної інформації» // Урядовий контактний центр. URL: <https://ukc.gov.ua/dlya-rozdilu-pro-tsentr/dostup-do-publichnoyi-informatsiyi/zakon-ukrayiny-pro-dostup-do-publichnoyi-informatsiyi-vytyag/> (дата обращения: 22.10.2020).

лучения доступа к публичной информации: оформление запросов и порядок их удовлетворения (см. прил. В, табл. В.4).

Диапазон средних по соответствующим показателям — от 0,5 до 1,17, то есть процедура организована на низком уровне. Неясно, как распределены функциональные обязанности в местных органах власти, отсутствует специальное структурное подразделение (или ответственное лицо), обеспечивающее доступ к публичной информации (0,5). Поэтому пользователю непонятно, к кому обращаться с вопросами. Не облегчает работу посетителей с публичной информацией отсутствие на большинстве сайтов возможности подать запрос по электронной почте (0,5).

В целом из анализируемых 18 сайтов органов МСУ на семи вообще нет никакой информации о процедуре получения доступа к публичной информации, на девяти сайтах она представлена частично. Только два органа МСУ можно высоко оценить на предмет организации доступа к публичной информации — это Попаснянский городской совет (3) и Рубежанский городской совет (2,83) (см. прил. Г). На сайте Попаснянского городского совета в 2019 г. сформирован полноценный раздел о публичной информации, который включает в себя перечень соответствующих нормативных документов, отчеты по месяцам текущего года и за предыдущий 2018 г., вплоть до банковских реквизитов для оплаты предоставления услуги. Данное интернет-представительство условно можно рассматривать как образцовый пример организации запросов граждан, с той оговоркой, что форму подачи информации в разделе можно оптимизировать: сократить дробность страниц, сгруппировав их по тематике, разместить ссылки на одной странице, оформить отчеты в виде html-страниц вместо doc-файлов, которые нужно скачивать.

Таким образом, доступ к публичной информации на сайтах органов МСУ Луганской области чаще всего не настроен для удобства работы посетителя. В частности, недостаточно пояснений о возможностях ознакомиться с публичной информацией, а также не хватает форм обратной связи, через которые можно получить консультацию по процедуре доступа к интересующим материалам.

5. Удобство пользования веб-сайтом и доступность веб-контента

Чтобы спрогнозировать поведение пользователей и выяснить, насколько хорошо они будут ориентироваться на веб-сайте, есть отдельный вид исследований — юзабилити-тестирование. В основном эти исследования опираются на технические параметры работы сайта, с помощью которых можно было бы изучить деятельность интернет-представительств, если бы были настроены соответствующие счетчики веб-аналитики. Поэтому в данной оценке удобство пользования веб-сайтом рассматривалось на основе пользовательского опыта (UX, англ. user experience). На рисунке 3 видно, что оценка удобства использования сайтов скорее положительная, половина показателей приближается к максимальному уровню (см. прил. В, табл. В.5).

Официальные сайты органов местного самоуправления Луганской области получили высокие оценки за удобство пользования сайтом. Соблюдены почти все элементарные технические требования веб-дизайна для сайта из категории интернет-представительств, а именно: корректное отображение текста и визуальных элементов при изменении масштаба (3,00), наличие меню навигации

на каждой странице сайта (2,94), крупные кнопки и поля форм (2,89), базовые цвета и удобные для восприятия шрифты (2,89) и др.

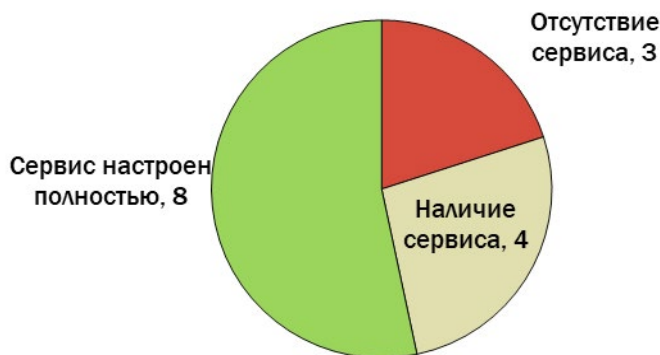

Рис. 3. Наличие сервисов, повышающих удобство пользования сайтами органов МСУ Луганской области (частота показателей по интервалам средних)

Ниже среднего оценены показатели удобства и доступности контента для отдельных категорий пользователей. В частности, встречаются сайты, на которых нет технической помощи для слабовидящих (1,5) и дальтоников (1,33). Отсутствие иноязычной версии (1,11) на некоторых сайтах создаст барьеры для пользователей, которые плохо понимают украинский язык. Заявленные версии сайтов на английском и русском языках на практике оказываются номинальными, когда основное содержание сайта не переведено. Наличие полноценных версий на иностранных языках может быть важным для привлечения к совместным проектам инвестиционных компаний и международных общественных организаций. В любом случае в архитектуру сайта стоит включать версии на иностранном языке, если предполагается, что у них будет аудитория.

Немаловажной задачей при организации работы с большим информационным потоком считается настройка быстрого автоматизированного поиска по сайту. На некоторых сайтах этот сервис в принципе отсутствует, а в остальных случаях работает не всегда корректно (1,11). Если пользователь растеряется от огромного объема материалов и захочет воспользоваться функцией поиска на сайте, вероятнее всего, он не получит ожидаемого эффекта от этого сервиса и покинет сайт, оставшись без необходимой информации.

Три показателя разработчиками сайта совсем не принимаются во внимание, а именно: возможность использования клавиатуры вместо мыши, использование «горячих клавиш» и экранных дикторов. Такие функции крайне важны для людей с ограниченными возможностями и для продвинутых пользователей, но администраторы не уделяют должного внимания перечисленным технологиям, видимо, из-за их редкой востребованности массовой аудиторией.

Достигнутых результатов по функционированию сайта недостаточно, чтобы опыт обращения к интернет-представительству территориальной общины стал положительным. Для полноценной характеристики технической работы сайта

требуется более серьезно относиться к подбору таких показателей, как индексация в поисковых системах, посещаемость, текстовая оптимизация, скорость загрузки, релевантность и др. Неадаптированность для мобильных версий, нелогичная разбивка по категориям меню и плохо разработанные варианты навигации создают ассоциации с запутанными коридорами в государственных учреждениях и могут вызвать отторжение у пользователей и нежелание возвращаться на сайт. Хотя в целом сайтами органов МСУ Луганской области удобно пользоваться, они требуют немалых технических усовершенствований. Грамотное и скрупулезное отношение к настройкам сайта привлечет внимание целевой аудитории и повысит ее лояльность.

Обобщенные данные по каждому органу МСУ

При обобщении данных об информационной наполненности по каждому органу МСУ можно выделить успешные и неудачные практики формирования контента официальных сайтов. Для комплексной оценки сайта были суммированы средние значения по пяти измерениям (каждое из которых оценивалось по четырехбалльной шкале), поэтому значение по сводным данным может колебаться от 0 до 15 баллов (см. рис. 4 и прил. Г, данные из последней графы «Общая оценка»). Так, сайт с максимальной информационной наполненностью получит по 3 балла в 5 направлениях, т.е. 15 баллов. На рисунке 4 иллюстрируется ранжирование органов МСУ и показывается вклад каждого направления в комплексную оценку информационной наполненности конкретного интернет-представительства. При ранжировании следует разграничивать городские и сельские советы как различные по размеру общины, однако по результатам оценки этот параметр не влияет на информационную наполненность интернет-представительства.

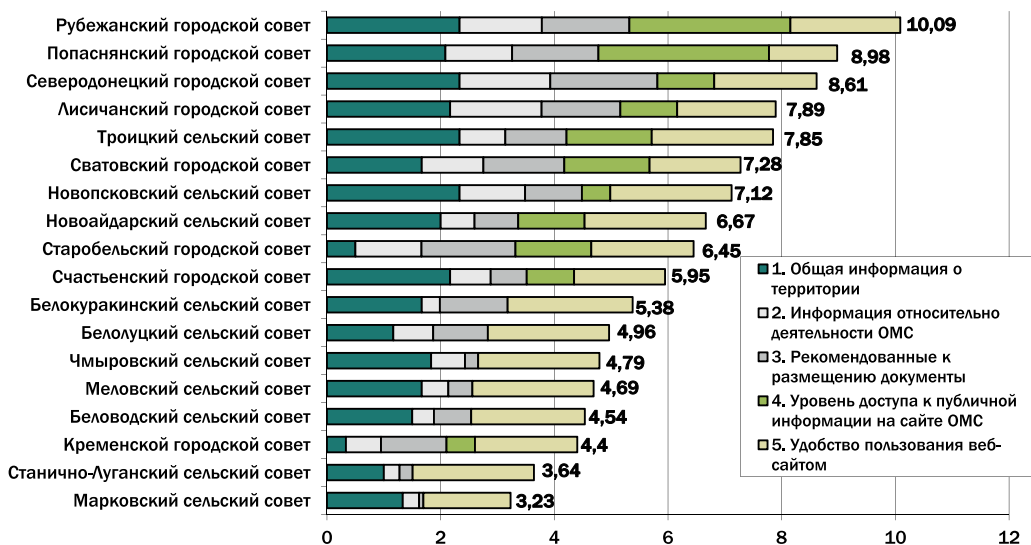

Рис. 4. Сводные данные по измерению информационной наполненности официальных веб-сайтов по каждому органу МСУ Луганской области (подробные данные по средним см. в приложении Г)

Некоторые сайты только начинают свою работу, и поэтому в их содержании есть пробелы, ряд сервисов запущены в тестовом режиме. На основании проведенных в рамках проекта интервью мы можем сказать, что специалисты местных советов, выступающие в роли контент-менеджеров, испытывают сложности в создании и отборе материалов для публикации, определении приоритетности заполнения тех или иных разделов и поиске ресурсов для повышения функциональности сайта. К тому же отсутствие системного взгляда на информационную наполненность интернет-представительства органа власти приводит к тому, что не всегда понятна логика размещения материалов¹³, происходит дублирование текстов в разных разделах¹⁴, возникают сложности в поиске необходимого документа¹⁵. Хаотичность в представлении информации свидетельствует о непродуманной концепции структурирования материалов на официальном сайте органа власти.

Встречаются грамматические ошибки и опечатки в названиях разделов — например, «Почесні грамадяни» (громадяни), «Фііансово-господарський відділ» — и на страницах сайта — например, «Депутати міської ради VI скликання» (міської ради) (см. прил. Д, рис. 2). Также посетители сталкиваются с техническими проблемами (например, неверно подобранная кодировка препятствует прочтению текста — см. прил. Д, рис. 3). На сайте Счастьенского городского совета в разделе «Міський голова» наблюдался технический сбой: при переходе по ссылке с веб-страницы браузер выдавал сообщение об отсутствии подключения к интернету, но при использовании левого меню страницы открывались. В ходе личного общения с представителями органов МСУ и наблюдения за их деятельностью у нас сложилось впечатление, что подобные ситуации связаны со скептическим отношением руководства к информатизации публичного администрирования. Так, в качестве главного аргумента при объяснении небрежности в оформлении интернет-ресурса доводилось слышать, что «в моем селе никому такой сайт не нужен, так как все жители при появлении вопросов приходят в сельсовет и лично решают свои дела» (по словам главы одной из территориальных общин Луганской области). По-видимому, администрация органов местного самоуправления не понимает

¹³ Например, на сайте Кременского городского совета в отдельный раздел верхнего горизонтального меню наряду с разделами «Местные налоги и сборы», «Объявления», «Публичная информация» и др. выведена информация о деятельности одного из коммунальных предприятий города — «Креміньський РЕМ», Кременская районная электросеть (см. прил. Д, рис. 1).

¹⁴ Например, в разделе «Регуляторная деятельность» (<http://www.kremrada.gov.ua/index.php/regulyatorna-diyalnist/proekti-rishen-sesij>) дублировались проекты решений сессии Кременского городского совета, которые есть в разделе «Проекты решений» (<http://www.kremrada.gov.ua/index.php/proekti-rishen/proekti-rishen-sesiji>) (дата первого обращения: 18.05.2018; ошибка исправлена на 22.10.2020).

¹⁵ Например, на сайте Попаснянского городского совета ряд нормативных документов (распоряжения городского главы — http://popasn-gorsoviet.gov.ua/major_orders; проекты решений исполкома — [http://popasn-gorsoviet.gov.ua/project_determination_council](http://popasn-gorsoviet.gov.ua/project_determination_committe)) представлены в прямом хронологическом порядке. Очевидно, что более удобен обратный порядок, так как в первую очередь будут востребованы документы, принятые последними и сохранившие свою актуальность. Заголовки к каждому документу с гиперссылкой на файл для загрузки обычно дополняются кратким описанием и основными реквизитами (номер, дата), кроме этого, в связи с возрастанием объемов информации следует предусмотреть упрощенный и расширенный поиск по архиву. Удобный формат публикации нормативных актов (решения, распоряжения, проекты) представлен на сайтах Рубежанского и Северодонецкого городских советов (<https://rmr.gov.ua/docs/?type=3&conv=0&number=&from-date=&title=&filter=y&sess=0>; <http://sed-rada.gov.ua/normativnabaza>), на которых можно отсортировать документы по ключевым словам, номеру, дате, типу документа и др. (дата обращения: 22.10.2020).

значимость интернет-представительства и не верит в существование целевой аудитории сайта.

Для администраторов сайтов крайне важными были бы практические рекомендации по информационному наполнению содержания сайта (как организовать сбор сведений, кого назначить ответственным, какую информацию опубликовать в первую очередь). С этой целью в рамках курсов повышения квалификации можно предложить специализированные мастер-классы, например, по составлению контента, адаптированного для массовой аудитории. Согласно нормативным актам, целесообразно разработать определенную структуру разделов с типичным набором информации, а также распределить материалы по приоритетности публикации на сайте: например, сначала разместить статические и обязательные материалы, далее подавать динамические сведения, затем оформить рекомендуемые к публикации документы и дополнять желательными текстами. На основе юзабилити-тестов сайта и веб-статистики можно предложить оптимизированную карту сайта, чтобы легко было находить самую востребованную информацию без лишних кликов, через интуитивно понятную систему навигации и сервисы. Для корректного отображения сайта необходимо обращаться к открытым ресурсам по проверке на технические сбои и ошибки.

Заключение

Официальные сайты становятся оптимальной площадкой для получения информации и взаимодействия с властью. Интернет-представительства органов МСУ как первоначальный элемент общей информационной системы могут выступать одним из факторов демократического восстановления правового порядка, легитимации местной власти, залогом ее стабильной работы. В идеале официальный сайт местного органа власти — это портал, где можно наблюдать за ходом заседаний, оформить электронную петицию, подать проект в бюджет участия, получить государственные услуги. Граждане, которые хотят воспользоваться своими правами, благодаря сайту смогут не зависеть от некоторых административных барьеров (неудобный график работы, отказ в принятии заявления и т. п.). Достоверные, полные и открытые данные помогут гражданам включиться в решение текущих вопросов местного самоуправления. В частности, публичный доступ к отчетности о деятельности местных чиновников позволит контролировать информационное пространство на конкретной территории и вовремя реагировать на неудобные или нежелательные действия власти.

Главная цель мониторинга — продемонстрировать механизмы превращения интернет-представительства органов МСУ из визитной карточки в полноценную информационную систему. В задачи исследования входило выделение ключевых проблем в процессе информационного наполнения веб-сайтов и описание лучших практик. С точки зрения методологии исследования важно отметить, что при оценке информационной наполненности необходимо выделять четкие критерии, чтобы получить надежные и объективные данные о значимости и полезности того или иного компонента веб-сайта. На данном этапе еще не выработаны весовые коэффициенты для каждого показателя, так как данная процедура подразумевает отдельное исследование. Методика оценки находится на стадии апробации и будет

дорабатываться, чтобы с учетом значимости каждого индикатора можно было точно измерить результаты функционирования интернет-представительства как самостоятельного инструмента по связям с общественностью.

Еще одним ограничением исследования является то, что изучение информационной наполненности официальных сайтов органов власти опиралось на заявленные нормативно-правовые акты без правовой оценки этого процесса. С точки зрения соблюдения законов необходима более квалифицированная юридическая экспертиза, которая должна тщательно и критически проанализировать исследуемые веб-ресурсы на предмет соответствия закону. В данной статье описывалось реальное положение дел и в некоторых случаях указывалась необходимость уточнить положения закона.

Кроме этого, в рамках мониторинга официальных веб-сайтов были рассмотрены инструменты бюджета участия, электронных петиций и доступа к публичной информации, но только с точки зрения их технической организации: в частности, можно ли создать личный кабинет на соответствующих интернет-платформах. Содержательный анализ реализации этих инструментов и использования их гражданами не входил в задачи данного исследования. В первую очередь из-за того, что сами инструменты были на стадии разработки и внедрения (см. прил. Е, табл. Е.1, Е.2, Е.3).

В данном мониторинге информационная наполненность служит индикатором цифровизации МСУ и перехода органов власти к более современному способу взаимодействия с населением. Показатели того, насколько наполнены информацией сайты и насколько удобно обращаться к этой информации (найти, распознать и далее использовать), характеризуют готовность власти считаться с требованиями законов о деятельности органов власти и открыто взаимодействовать с гражданами. Так, две трети органов МСУ имеют интернет-представительства, но почти для половины из них уровень информационной наполненности оценен как низкий (меньше 7 баллов из 15 возможных).

Грамотное информационное наполнение официальных сайтов и рост цифровой компетентности населения укрепит легитимность власти и впоследствии будет способствовать консолидированным решениям спорных вопросов местной политики, что особенно важно в условиях военно-политического кризиса в стране. На практике движение в этом направлении часто сопровождается, с одной стороны, формальными и несогласованными действиями веб-администраторов, не вникающих в нормативные особенности и главные функции подобных ресурсов; с другой — непродуманностью и некорректным формулированием технического задания на разработку сайта рядовыми чиновниками, не владеющими профессиональными знаниями в IT-сфере. На примере местного самоуправления Луганской области наблюдается несоответствие между наличием технических возможностей информатизации административных структур и неготовностью переходить к новым механизмам управления.

Прогресса в информационном наполнении сайтов можно достичь, если в ходе сотрудничества веб-администратора, контент-менеджера и пользователей будут выработаны системные и концептуально осмысленные формы представления и организации аудиовизуального и текстового материала. Фактически же интер-

нет-представительства остаются пассивным элементом информационной системы органов власти.

Список литературы (References)

Губин М. А. Информационная легитимация власти в современной России: состояние, тенденции и развитие: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Тула, 2011. Gubin M. A. (2011) Information Legitimization of Government in Modern Russia: Its State, Trends and Progress. Abstract of PhD Thesis in Political Science. Tula. (In Russian).

Серенок А. О. Open Data Readiness Assessment Ukraine: результаты національного дослідження // Теорія та практика державного управління. Харьков: Магістр, 2016. Вып. 3. С. 24—30.

Serenok A. O. (2016) Open Data Readiness Assessment Ukraine: The Results of the National Research. In: *Theory and Practice of Public Administration*. Kharkiv: Magistr. Vol. 3. P. 24—30. (In Ukrainian).

Akatkin Yu., Yasinovskaya E. (2019) Data-Centricity as the Key Enabler of Digital Government: Is Russia Ready for Digital Transformation of Public Sector. In: Chugunov A., Misnikov Yu., Roshchin E., Trutnev D. (eds.) *Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*. Cham: Springer. P. 439—454. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13283-5_33.

Altayar M. S. (2018) Motivations for Open Data Adoption: An Institutional Theory Perspective. *Government Information Quarterly*. Vol. 35. No. 4. P. 633—643. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.09.006>.

Buyle R., Vanlিশout Z., Coetzee S., de Paepe D., van Compernelle M., Thijs G., van Nuffelen B., de Vocht L., Mechant P., de Vidts B., Mannens E. (2019) Raising Interoperability among Base Registries: The Evolution of the Linked Base Registry for Addresses in Flanders. *Journal of Web Semantics*. Vol. 55. P. 86—101. <https://doi.org/10.1016/j.websem.2018.10.003>.

Buyle R., van Compernelle M., Vlassenroot E., Vanlিশout Z., Mechant P., Mannens E. (2018) “Technology Readiness and Acceptance Model” as a Predictor for the Use Intention of Datastandards in Smart Cities. *Media and Communication*. Vol. 6. No. 4. P. 127—139. <https://doi.org/10.17645/mac.v6i4.1679>.

Lee-Geiller S., Lee T. (2019) Using Government Websites to Enhance Democratic E-Governance: A Conceptual Model for Evaluation. *Government Information Quarterly*. Vol. 36. No. 2. P. 208—225. <https://doi.org/10.1016/J.GIQ.2019.01.003>.

Priisalu J., Ottis R. (2017) Personal Control of Privacy and Data: Estonian Experience. *Health and Technology*. Vol. 7. No. 4. P. 441—451. <https://doi.org/10.1007/s12553-017-0195-1>.

Williams A., Harte D., Turner J. (2015) The Value of UK Hyperlocal Community News. Findings from a Content Analysis, an Online Survey and Interviews with Producers.

Digital Journalism. Vol. 3. No. 5. P. 680—703. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.965932>.

Yoon S.-P., Joo M.-H., Kwon H.-Y. (2019) How to Guarantee the Right to Use PSI in the Age of Open Data: Lessons from the Data Policy of South Korea. *Information Polity*. Vol. 24. No. 2. P. 131—146. <https://doi.org/10.3233/IP-180103>.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение А.

Список органов МСУ Луганской области, по которым проводилась оценка

№ п/п	Название органа власти	Адрес веб-сайта
1	Беловодский сельский совет	http://belovodsk-rada.gov.ua
2	Белокуракинский сельский совет	http://bilokurakynska-gromada.gov.ua
3	Кременской городской совет	http://www.kremrada.gov.ua
4	Марковский сельский совет	http://rada-markivka.at.ua
5	Меловский сельский совет	http://milove.rada.org.ua
6	Новоайдарский сельский совет	http://novoajdar.selrada.org.ua
7	Счастьенский городской совет	http://www.schastye-rada.gov.ua
8	Белолуцкий сельский совет	http://biloluck.selrada.org.ua
9	Новопсковский сельский совет	http://novopskovrada.gov.ua
10	Попаснянский городской совет	http://popasn-gorsovnet.gov.ua
11	Сватовский городской совет	http://svatovo.ws/miskarada
12	Станично-Луганский сельский совет	http://st-luganska.rada.org.ua
13	Старобельский городской совет	https://starobelsk.lg.ua
14	Чмыровский сельский совет	http://chmyrivska-gromada.gov.ua
15	Троицкий сельский совет	http://troicka-gromada.gov.ua
16	Лисичанский городской совет	http://lis.gov.ua
17	Рубежанский городской совет	http://rmr.gov.ua
18	Северодонецкий городской совет	http://sed-rada.gov.ua

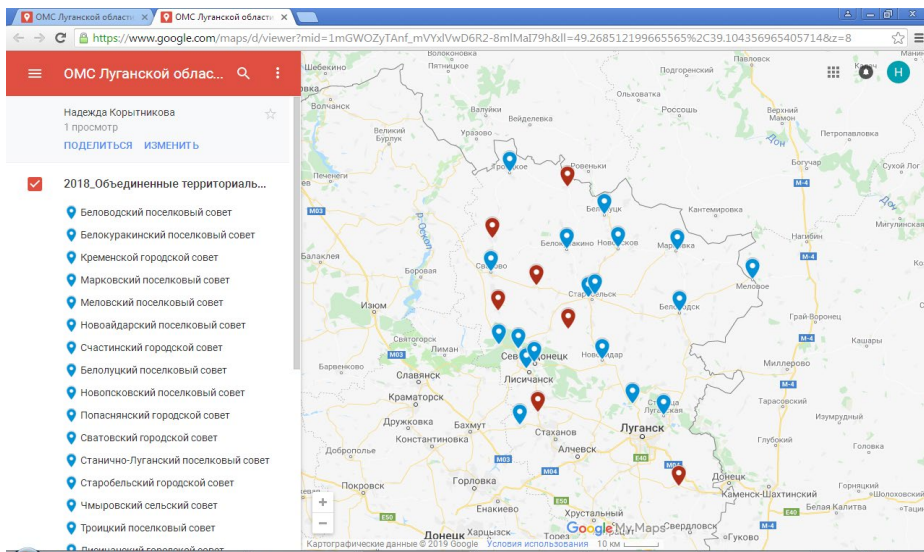

Рис. А.1. Скриншот Google-map «ОМС Луганской области с обозначениями городских и сельских советов, вошедших в выборку»

Приложение Б.**Список законов Украины, регулирующих использование ИКТ в деятельности органов власти**

1. Закон України від 6 вересня 2012 р. № 5203-VI «Про адміністративні послуги»
2. Закон України від 13 січня 2011 р. № 2939-VI «Про доступ до публічної інформації»
3. Закон України від 10 квітня 1992 р. № 2269-XII «Про оренду державного та комунального майна»
4. Закон України від 17 лютого 2011 р. № 3038-VI «Про регулювання містобудівної діяльності»
5. Закон України від 14 жовтня 2014 р. № 1700-VII «Про запобігання корупції»
6. Закон України від 9 квітня 2015 р. № 319-VIII «Про внесення змін до деяких законів України щодо доступу до публічної інформації у формі відкритих даних»
7. Закон України від 2 липня 2015 р. № 577-VIII «Про внесення змін до Закону України “Про звернення громадян” щодо електронного звернення та електронної петиції»
8. Закон України від 11 липня 2002 р. № 93-IV «Про статус депутатів місцевих рад»
9. Закон України від 11 вересня 2003 р. № 1160-IV «Про засади державної регуляторної політики у сфері господарської діяльності»
10. Закон України від 1 червня 2010 р. № 2289-VI «Про здійснення державних закупівель»

Приложение В. Оценка информационной наполненности по пяти направлениями

Таблица В.1. **Уровень наполненности общей информацией о регионе на официальных веб-сайтах органов МСУ Луганской области**

№	Показатель	Среднее значение
1	Новости населенного пункта	2,611
2	История развития территории	2,167
3	Символика, памятные даты, праздники села/города или региона	1,889
4	Ссылки на сайты других органов власти	1,722
5	Статистические сведения о состоянии социально-экономического развития, природные ресурсы, инвестиционные условия, состояние рождаемости и смертности, жилищно-коммунальные условия, жилищно-коммунальные платежи населения, поддержание правопорядка	1,361
6	Анонсы официальных мероприятий и встреч	0,389

Таблица В.2. **Распределение показателей обнародования информации о деятельности органов МСУ (по средним)**

Показатели	Среднее
<i>Информация исчерпывающая (1 показатель)</i>	2,51—3
Контактная информация органа МСУ (местонахождение органа власти, почтовый адрес, номера средств связи, адрес официального веб-сайта и электронной почты)	2,61
<i>Информация полная и развернутая (1 показатель)</i>	2,01—2,5
Названия и состав постоянных комиссий	2,33
<i>Информация в достаточном объеме (3 показателя)</i>	1,51—2
Наличие проектов для обсуждения регуляторных актов	1,72
План деятельности регуляторного органа по подготовке проектов регуляторных актов и изменений к нему	1,67
Информация о перечне и границах округов и избранных от них депутатов	1,53
<i>Информация в неполном объеме (12 показателей)</i>	1,01—1,5
График приема граждан городским/сельским главой	1,50
Сведения о наличии вакансий, порядок и условия прохождения конкурса на замещение вакантных должностей	1,50
Перечень коммунальных предприятий, заведений социальной сферы, лечебных, оздоровительных учреждений, дошкольных и общеобразовательных учебных заведений, расположенных на территории с обозначением адреса, руководителей, номеров телефонов, распорядка работы	1,47
Биографические данные городского/сельского главы	1,39

Показатели	Среднее
Состав депутатского корпуса, контактная информация (почтовый адрес, номера средств связи, адрес официального веб-сайта и электронной почты)	1,36
Регуляторные акты городского/сельского совета	1,28
Информация о составе исполкома (сведения о секретаре совета и заместителей главы, телефоны приемной, расписание приемов граждан)	1,17
Годовой план закупок и изменения к нему	1,17
Анализ регуляторного влияния	1,11
Отчет по отслеживанию результативности регуляторного акта	1,11
График приема заместителей городского/сельского главы	1,06
Контактные данные заместителей городского/сельского главы	1,03
<i>Информация в ограниченном доступе (15 показателей)</i>	<i>0,51—1</i>
Информация о графиках приема (дни, часы и место приема) граждан депутатами	0,97
Сообщение об обнаружении проекта регуляторного акта с целью получения замечаний и предложений	0,94
Биографические данные депутатов	0,72
Сведения о проведении закупок товаров (работ, услуг) за бюджетные средства	0,72
Телефоны приемной городского/сельского главы (фамилия, имя и отчество, служебные номера средств связи, адрес электронной почты руководителя органа)	0,61
Информация о местонахождении, почтовом адресе, номерах средств связи и электронной почты секретариата/аппарата городского/сельского совета	0,61
Перечень целостных имущественных комплексов и недвижимого имущества, которое может быть передано в аренду	0,61
Декларация об имуществе, доходах, расходах и обязательствах финансового характера городского/сельского главы за прошлый год	0,59
Перечень исполнительных органов местного совета, их структура, место расположения, режим работы	0,58
Сведения о действующих тарифах	0,57
Декларации об имуществе, доходах и расходах заместителей городского/сельского главы и секретаря городского/сельского совета за прошлый год	0,56
Информация о функциях, полномочиях, основных задачах, направлениях деятельности исполкома	0,56
Объявления о намерениях передать коммунальное имущество в аренду	0,56
Ежеквартальные отчеты городского/сельского главы об осуществлении государственной регуляторной политики	0,56
Информация о процедуре проведения общественных слушаний (процедура инициирования и проведения слушаний, учет их результатов)	0,53
<i>Информация почти отсутствует (13 показателей)</i>	<i>0,01—0,5</i>
Названия и состав депутатских групп и фракций	0,50
Перечень и условия получения услуг, предоставляемых местными органами, формы и образцы документов, правила их заполнения	0,50

Показатели	Среднее
Общие правила работы учреждения, правила внутреннего трудового распорядка	0,47
Декларации об имуществе, доходах и расходах депутатов	0,44
Информация на сайте про механизмы или процедуры, с помощью которых общественность может представлять свои интересы или другим способом влиять на реализацию полномочий распорядителя информации	0,44
Перечень полномочий городского/сельского главы	0,39
Информация о проведении общественных слушаний (за прошлый год)	0,39
Информация об адресе, номерах средств связи и электронной почте управляющего делами (исполнительного комитета)	0,33
Информация о правах и обязанностях депутатов городского/сельского совета	0,28
Объявления о земельных аукционах и конкурсах	0,22
Информация о состоянии и использовании коммунального имущества	0,17
Информация о месте и времени заседаний исполнительного комитета	0,11
Информация о финансовых ресурсах исполкома (структура и объем бюджетных средств, порядок и механизм их расходования и т.д.)	0,03
Информация отсутствует (2 показателя)	0,00
Информация о количестве денежных средств, выделенных из депутатских фондов на потребности граждан	0,00
Результаты земельных аукционов и конкурсов	0,00

Таблица В.3. Распределение показателей обнародования рекомендованной к размещению документации на официальных веб-сайтах органов МСУ Луганской области (по средним)

Показатели	Среднее
Информация исчерпывающая (2 показателя)	2,51—3
Решение заседаний местного совета	2,833
Решения исполнительного комитета	2,556
Информация полная и развернутая (2 показателя)	2,01—2,5
Бюджет на текущий год (наличие соответствующего документа)	2,222
Распоряжения местного главы	2,056
Информация в достаточном объеме (1 показатель)	1,51—2
Проекты решений заседаний местного совета	1,889
Информация в неполном объеме (7 показателей)	1,01—1,5
Устав города/общины	1,500
Отчет о выполнении бюджета за прошлый год	1,333
Регламент местного совета	1,333
Программа социально-экономического развития региона	1,278

Показатели	Среднее
Квартальные отчеты о выполнении местного бюджета	1,222
Проекты решений исполнительного комитета	1,167
Другие местные программы	1,111
<i>Информация в ограниченном доступе (5 показателей)</i>	<i>0,51—1</i>
Протоколы заседаний совета	0,972
Протоколы заседаний комиссий	0,722
Повестка дня заседаний совета	0,706
Генеральный план региона (открытые данные)	0,583
Отчет местного главы о своей работе за прошлый год	0,500
<i>Информация почти отсутствует (5 показателей)</i>	<i>0,01—0,5</i>
Отчеты о выполнении местных программ развития	0,444
Планы работы и расписание заседаний совета (утвержденный соответствующим решением местного совета)	0,333
Отчет местного главы о деятельности исполнительных органов власти за прошлый год	0,333
Отчеты депутатских комиссий о своей работе	0,306
Обнародование результатов рассмотрения предложений общественности по проектам градостроительной документации	0,278
<i>Информация отсутствует (4 показателя)</i>	<i>0,00</i>
Отчет о ходе и результатах отчуждения коммунального имущества	0,000
Отчет о выполнении плана работы совета за прошлый год	0,000
Планы работы и повестка дня открытых заседаний комиссий местного совета	0,000
Решения комиссий местного совета	0,000

Таблица В.4. **Уровень доступа к публичной информации в официальных интернет-представительствах органов МСУ Луганской области**

№	Показатель	Среднее значение
1	Информация о специальном структурном подразделении или ответственном лице, которые обеспечивают доступ к публичной информации	0,500
2	Наличие форм запросов на публичную информацию	1,111
3	Возможность подать запрос через электронную почту	0,500
4	Информация о системе учета (реестр публичной информации), виды информации, которые сохраняет распорядитель	0,667
5	Информация о порядке составления, подача запроса на информацию, обжалование решений распорядителей информации, действий или бездействий	1,111
6	Отчеты по удовлетворению запросов на информацию	1,167

Таблица В.5. **Распределение показателей относительно удобства пользования сайтами органов МСУ Луганской области по интервалам оценок (по средним)**

Показатель	Среднее
Сервис настроен полностью (8 показателей)	2,51—3
Корректное отображение при изменении масштаба	3,000
Наличие меню навигации на каждой странице сайта	2,944
Выделение важных элементов с использованием форм, шрифтов текста, а не только цветов	2,944
Простые цвета и шрифты без засечек	2,889
Большие кликабельные области/кнопки и поля форм	2,889
Наличие адаптированной мобильной версии веб-сайта	2,833
Возможность возвращения на главную страницу с любой страницы сайта	2,833
Веб-страницы не содержат элементов, всплывающих более трех раз в секунду	2,833
Наличие сервиса (4 показателя)	0,51—2,5
Наличие версии веб-сайта для слабовидящих	1,500
Режим веб-сайта для дальтоников	1,333
Наличие поиска по сайту	1,111
Наличие многоязыковой версии сайта	1,111
Отсутствие сервиса (3 показателя)	0—0,5
Наличие карты сайта	0,222
Возможность использования клавиатуры вместо мышки, использование «горячих клавиш»	0,000
Приспособленность для использования экранных дикторов (текстовые расшифровки для видео, структурированная разметка страниц, возможность управления с клавиатуры, ссылки и заголовки с описанием)	0,000

Приложение Г.**Сводные данные по измерению информационной наполненности официальных веб-сайтов по каждому органу МСУ Луганской области (средние значения)**

	1. Общая информация о территории	2. Информация относительно деятельности органа МСУ	3. Рекомендованные к размещению документы	4. Уровень доступа к публичной информации на сайте органа МСУ	5. Удобство пользования веб-сайтом	Общая оценка
Рубежанский городской совет	1,45	2,33	1,54	2,83	1,93	10,09
Попаснянский городской совет	1,17	2,08	1,52	3,00	1,20	8,98
Северодонецкий городской совет	1,60	2,33	1,88	1,00	1,80	8,61
Лисичанский городской совет	1,61	2,17	1,38	1,00	1,73	7,89
Троицкий сельский совет	0,80	2,33	1,08	1,50	2,13	7,85
Сватовский городской совет	1,09	1,67	1,42	1,50	1,60	7,28
Новопсковский сельский совет	1,15	2,33	1,00	0,50	2,13	7,12
Новоайдарский сельский совет	0,60	2,00	0,77	1,17	2,13	6,67
Старобельский городской совет	1,16	0,50	1,65	1,33	1,80	6,45
Счастьенский городской совет	0,71	2,17	0,63	0,83	1,60	5,95
Белокуракинский сельский совет	0,32	1,67	1,19	0,00	2,20	5,38
Белолуцкий сельский совет	0,70	1,17	0,96	0,00	2,13	4,96
Чмыровский сельский совет	0,60	1,83	0,23	0,00	2,13	4,79
Меловский сельский совет	0,47	1,67	0,42	0,00	2,13	4,69
Беловодский сельский совет	0,38	1,50	0,65	0,00	2,00	4,54
Кременской городской совет	0,62	0,33	1,15	0,50	1,80	4,4
Станично-Луганский сельский совет	0,28	1,00	0,23	0,00	2,13	3,64
Марковский сельский совет	0,29	1,33	0,08	0,00	1,53	3,23

Приложение Д. Примеры ошибок на сайтах органов МСУ Луганской области

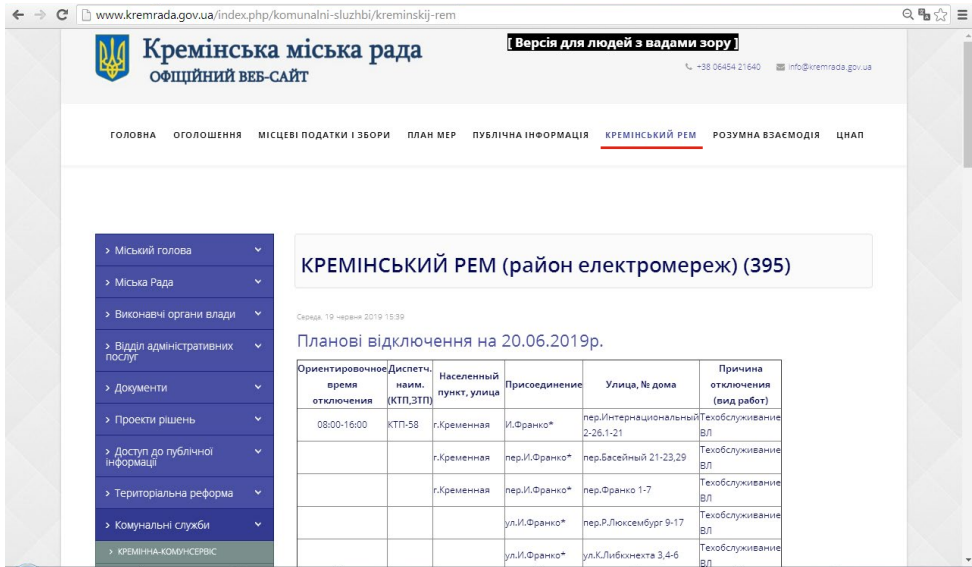

Рис. Д. 1. Страница «Кременская районная электросеть» (<http://www.kremrada.gov.ua/index.php/komunalni-sluzhbi/kreminskij-rem>) (ошибка актуальна на 18.05.2018, исправлена на 22.10.2020)

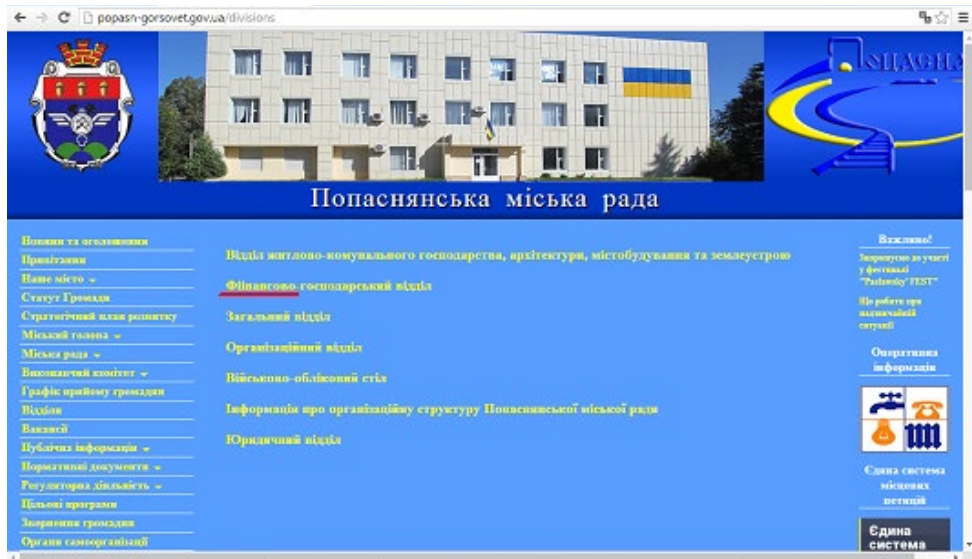

Рис. Д. 2. Страница «Відділи» на сайте Попаснянского сельского совета (<http://popasn-gorsovnet.gov.ua/divisions>) (дата обращения: 22.10.2020)

Приложение Е. Электронные инструменты социального участия в ОМС Луганской области

Таблица Е.1. **Уровень внедрения электронных инструментов бюджета участия (общественного бюджета) в ОМС Луганской области**

ОМС*	Год внедрения	Адрес веб-страницы	Нормативный документ, который регулирует внедрение электронных инструментов бюджета участия
Северодонецкий городской совет	2017	https://sed-budget.e-dem.in.ua	РІШЕННЯ СР № 1372 від 18.05.2017 «Про затвердження Положення про громадський бюджет у місті Северодонецьку та Міської цільової програми „Громадський бюджет у місті Северодонецьку на 2017—2019 роки“»
Новопсковский сельский совет	2017	http://novopskovrada.gov.ua/bjudzhet-uchasti-16-06-54-02-11-2016/	РІШЕННЯ № 15/11 від 01.11.2016 р «Про затвердження програми з реалізації бюджету участі Новопсковської селищної територіальної громади на 2018 рік та положення про бюджет участі Новопсковської селищної територіальної РІШЕННЯ № 15/11 від «01» листопада 2016 р. с. Осинове Про затвердження Програми бюджетування за участі громадськості (Бюджет участі) Новопсковської селищної ради на 2017р.
Белокуракинский сельский совет	2018	https://bilokurakynska-gromada.gov.ua/bjudzhet-uchasti-11-21-43-07-02-2018/	РОЗПОРЯДЖЕННЯ Селищного голови № 25 від 23 січня 2018 року «Про затвердження персонального складу та положення про Координаційну раду з питань громадського бюджету (бюджету участі) Білокуракиньської селищної територіальної громади»
Белолуцкий сельский совет	2018	http://biloluck.selrada.org.ua/news/15-12-2007-11-2012-2017/ , но страница не работает на 17.10.2020	РІШЕННЯ селищної ради № 26/6 від 08.12.2017 року. URL: https://rada.info/upload/users_files/04335588/docs/90bffc4e0e31b (дата обращения: 17.10.2020)
Новоайдарский сельский совет	2018	http://novoajdar.selrada.org.ua/bjudzhet-uchasti-09-15-15-11-04-2018/	РІШЕННЯ № 33/17 від 22.03.2018 року «Про затвердження Бюджетного регламенту Новоайдарської селищної ради» РІШЕННЯ № 33/16 від 22.03.2018 року «Про затвердження Положення про бюджет участі (громадський бюджет) в Новоайдарській селищній раді

* В остальных 13 ОМС инструменты бюджета участия не используются.

Таблица Е.2. **Возможность подать электронную петицию в ОМС Луганской области**

Платформы для подачи электронной петиции	Количество ОМС*	
а. Через веб-сайт органа власти	1	Новопсковский сельский совет
б. Платформа https://e-dem.in.ua/	3	Попаснянский городской совет Лисичанский городской совет Северодонецкий городской совет
с. Платформа «Розумне місто»	0	
д. Другие ресурсы (https://gromada.org.ua/petitions)	4	Новоайдарский сельский совет Белокуракинский сельский совет Чмировский сельский совет Троицкий сельский совет

* В остальных 9 ОМС инструменты электронной петиции не используются.

Таблица Е.3. **Наличие кабинетов ОМС Луганской области на Едином государственном веб-портале открытых данных data.gov.ua**

Категория	Количество ОМС*	ОМС
Имеют наполненный кабинет	5	Новопсковский сельский совет Попаснянский городской совет Лисичанский городской совет Рубежанский городской совет Северодонецкий городской совет
Имеют кабинет, но не наполненный информацией	1	Новоайдарский сельский совет

* В остальных 19 ОМС кабинет на веб-портале отсутствует.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.961](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.961)

Е. Ю. Мулеев, О. А. Долецкая, Т. В. Глушкова

ИЗУЧЕНИЕ ПАССАЖИРСКОГО ОПЫТА В РЕЗУЛЬТАТЕ ВВЕДЕНИЯ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОЛЬЦА: ПОСЕЩЕНИЕ НОВЫХ МЕСТ, ПРИЧИНЫ ВЫБОРА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА И ПРОВЕРКА ПРОГНОЗОВ ПАССАЖИРОПОТОКОВ

Правильная ссылка на статью:

Мулеев Е. Ю., Долецкая О. А., Глушкова Т. В. Изучение пассажирского опыта в результате введения Московского центрального кольца: посещение новых мест, причины выбора железнодорожного транспорта и проверка прогнозов пассажиропотоков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 379—402. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.961>.

For citation:

Muleev E. Yu., Doletskaya O. A., Glushkova T. V. (2020) Studying Passenger Experiences with the Moscow Central Circle: New Places to Visit, Preferences for Train Travel, and Passenger Traffic Forecasts Examination. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 379—402. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.961>. (In Russ.)

ИЗУЧЕНИЕ ПАССАЖИРСКОГО ОПЫТА В РЕЗУЛЬТАТЕ ВВЕДЕНИЯ МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОЛЬЦА: ПОСЕЩЕНИЕ НОВЫХ МЕСТ, ПРИЧИНЫ ВЫБОРА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА И ПРОВЕРКА ПРОГНОЗОВ ПАССАЖИРОПОТОКОВ

МУЛЕЕВ Егор Юрьевич — научный сотрудник Института экономики транспорта и транспортной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: emuleev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6191-8761>

ДОЛЕЦКАЯ Ольга Артемовна — студентка магистратуры «Социальная антропология», Университет Эдинбурга, Эдинбург, Великобритания

E-MAIL: olga.doletskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1361-4744>

ГЛУШКОВА Татьяна Вячеславовна — студентка магистратуры «Современные общества», Хельсинкий университет, Хельсинки, Финляндия

E-MAIL: tanya.glushkova.97@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4849-6255>

Аннотация. В современной России, за исключением Москвы, новая инфраструктура общественного транспорта появляется нечасто, а вопрос о последствиях инфраструктурного развития такого рода зачастую остается открытым. Запуск Московского центрального кольца (МЦК) дает возможность провести исследование, фокусирующееся на изменениях в транспортном поведении горожан. В рамках опроса пассажиров МЦК, проведен-

STUDYING PASSENGER EXPERIENCES WITH THE MOSCOW CENTRAL CIRCLE: NEW PLACES TO VISIT, PREFERENCES FOR TRAIN TRAVEL, AND PASSENGER TRAFFIC FORECASTS EXAMINATION

*Egor Yu. MULEEV*¹ — Scientific Research Fellow at the Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies

E-MAIL: emuleev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6191-8761>

*Olga A. DOLETSKAYA*² — Student, MSc in Social Anthropology

E-MAIL: olga.doletskaya@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1361-4744>

*Tatiana V. GLUSHKOVA*³ — Student, Master's programme in Contemporary Societies

E-MAIL: tanya.glushkova.97@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4849-6255>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² University of Edinburgh, Edinburgh, United Kingdom

³ University of Helsinki, Helsinki, Finland

Abstract. New public transport infrastructure is not of frequent occurrence in modern Russia, with Moscow being an exception. What consequences such infrastructural development may lead to is an open question. The launch of the Moscow Central Circle (MCC) is an opportunity to study the changes in transport behavior of urban residents. In this paper, the authors explore a number of aspects based on a survey conducted among the MCC passengers in September 2017.

ного в сентябре 2017 г., было изучено несколько аспектов. Во-первых, мы попытались переопределить концепт «доступность» как возможность посетить новые места. Результаты показали, что порядка 20% пассажиров стали совершать новые поездки. Во-вторых, изучались причины выбора МЦК пассажирами для конкретной поездки, зафиксированной во время опроса. Наиболее частая причина — «удобство», которое понимается респондентами крайне расширительно. Наконец, особый интерес представляло собой соотношение прогнозных и фактических значений распределения входящего пассажиропотока на станции МЦК по способу добраться до станций. Результат показал, что прогнозы сильно недооценили объем пешеходных передвижений. Помимо теоретической и прикладных задач в рамках проекта апробирована методика перехватывающих опросов для составления выборочной совокупности.

Ключевые слова: доступность, прогнозы пассажиропотоков, городская железная дорога, общественный транспорт, транспортное поведение, перехватывающее исследование

Благодарность. Публикация подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-05-0050) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2017—2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Коллектив авторов также выражает благодарности Тимуре Османову за комментарии, критику и поддержку.

Firstly, the authors attempt to redefine the concept of availability as an opportunity to visit new places. Findings show that approximately 20% of the passengers started to make trips to new places. Secondly, the authors examine the reasons behind passenger preferences for a certain trip mentioned during the survey. The most common reason is “convenience” which respondents interpret in a number of ways. And finally, the authors compare forecast and actual distributions of inbound passenger flow at the MCC stations in terms of different ways to get to these stations. The study shows that the volume of pedestrian traffic is considerably underestimated in the forecasts. Apart from theoretical and applied issues the project also tests the method of intercept surveys used to create a sample frame.

Keywords: accessibility, traffic flow forecasts, rail transit, public transport, travel behaviour, intercept survey

Acknowledgments. The publication is based on the results of a study under the HSE Academic Fund Program in 2017-2020 (grant no. 17-05-0050) and “5-100” Russian Academic Excellence Project. The authors also express gratitude to Timur Osmanov for his comments, criticism and support.

Введение

В сентябре 2016 г. в Москве было открыто пассажирское движение по 54-километровой кольцевой железнодорожной линии. Московское центральное кольцо (далее — МЦК) было интегрировано в существующую сеть городского общественного транспорта за счет единого билета и пересадок с линиями метрополитена, некоторыми направлениями пригородных железных дорог и наземным транспортом. Нововведение подобного масштаба — нетривиальный для России транспортный проект, и остается открытым вопрос, каковы последствия инфраструктурного развития такого рода.

Результаты реализации транспортных проектов часто моделируют, в том числе с помощью макроэкономических инструментов, при обосновании необходимости инвестиций¹. Принятие решения о строительстве объектов транспортной инфраструктуры предваряется т. н. технико-экономическим обоснованием, в котором разрабатывается прогноз изменений и на основании которого, в теории, и принимаются инвестиционные решения. Методическое сопровождение прогнозирования предполагает сложный математический аппарат, моделирование транспортных потоков, инженерные расчеты. Однако предсказания модели могут не совпадать с фактическими последствиями [Flyvbjerg, Skamris Holm, Buhl, 2005; Shoup, 2011; Newman, Kosonen, Kenworthy, 2016], реальная эффективность транспортных проектов зачастую оценивается по изменению ставок покупки или аренды недвижимости, а также перераспределению пассажиропотока на другие виды транспорта [Geng, Bao, Liang, 2015; Ingvardson, Nielsen, 2018]. При этом реальная оценка последствий, эмпирические материалы о результатах в кратко- и долгосрочной перспективах практически не публикуются и не попадают в фокус внимания тех, кто занимается прогнозами. В результате транспортное планирование ориентируется на сложный количественный метод определения последствий, одновременно, на наш взгляд, уделяя недостаточно внимания непосредственным изменениям. Изменения транспортного поведения, субъективные причины выбора транспортного средства обычно не проблематизируются в исследованиях. Другими словами, между теорией и практикой существует своего рода разрыв, который заслуживает внимания.

В России почти не публиковалось эмпирических работ о последствиях реализации транспортных проектов в целом и изменении транспортного поведения в частности. Запуск МЦК — прекрасная возможность провести такое исследование. Для анализа транспортных, градостроительных и поведенческих последствий введения МЦК была организована научно-учебная группа в НИУ ВШЭ, состоящая из студентов и научных сотрудников. Идея проекта — разработать методику и собрать эмпирические данные, чтобы через несколько лет при повторном обследовании зафиксировать изменения или их отсутствие по названным трем направлениям анализа. В тексте статьи представлены результаты работы третьей подгруппы, которая сосредоточилась на изучении поведенческих последствий запуска МЦК.

«Транспортное поведение» включает такие характеристики передвижений человека, как привычные затраты времени в пути, расстояние, цель и способ

¹ Дмитриев М. Оценка экономических эффектов от развития ВСМ в свете международного опыта. Презентация на Форуме 1520 // SlideServe. 2013. 30 мая. URL: <https://www.slideserve.com/lana-kane/7005409> (дата обращения: 31.10.2020).

передвижения. Ключевым концептом для опроса пассажиров МЦК стало понятие «доступность», которое авторы переопределили как возможность посетить новые места. Доступность понимается географами в исключительно пространственном смысле, как некоторые условия посещения тех или иных мест, при этом упускается из виду социологический аспект передвижений. Другими словами, географическая доступность статична и подсчитываема, объективна и определена исключительно пространственными факторами. Мы же понимаем доступность как новые цели поездок, которые раньше не предпринимались по каким-то причинам. Тем самым фокус внимания смещается к субъективным особенностям передвижения людей.

Инструментарий исследования подразумевал и рассмотрение причины выбора МЦК в качестве транспорта для конкретной, зафиксированной во время опроса поездки. Также авторов интересовало, как люди добираются до станций МЦК, чтобы на этих данных оценить расхождение с прогнозными моделями пассажиропотоков. Таким образом, используются некоторые переменные из концепта транспортного поведения и интерпретируются в свете теоретических особенностей, выявленных на этапе подготовки эмпирического проекта.

Цель исследования — выявить изменения транспортного поведения пассажиров МЦК в результате появления новой транспортной инфраструктуры. Задачи: (1) определить изменения доступности территорий, выраженные в появлении новых целей поездок, (2) уточнить причины выбора МЦК для поездки на момент опроса, а также (3) оценить расхождения между прогнозными значениями и фактическими в части входящего пассажиропотока на МЦК по способам передвижения.

Первый раздел статьи посвящен составлению инструментария, в частности операционализации понятия «доступность». Кроме того, приведены ссылки на работы, где представлены как прогнозные значения пассажиропотоков на МЦК, так и фактические. Мы предполагаем, что расчетное и реальное распределения могут сильно отличаться друг от друга, отражая тем самым сложность такого феномена, как транспортное поведение. Также демонстрируются подходы к изучению процесса выбора транспортного средства. Все три описываемых концепта взяты изолированно друг от друга, но объединены в инструментарии. Во втором разделе описаны особенности «перехватывающего» исследования, с соответствующими ему способами составления выборки и отбора респондентов, которые, на наш взгляд, оптимальны для изучения пассажиров конкретной транспортной системы. Третий раздел статьи посвящен результатам проекта.

Аспекты транспортных нововведений

Определение понятия «доступность»

В транспортной географии термин «доступность» определяется как «потенциал достижения пространственно распределенных точек притяжения» [Páez, Scott, Morency, 2012: 141]. В контексте общественного транспорта доступность — это «предел, при котором транспортная система и структура землепользования неспособны обеспечить группам лиц и отдельным индивидам возможности добраться до определенных мест, в том числе для определенного времяпрепровождения» [Geurs, van Wee, 2004: 128]. Доступность здесь мыслится как наличие условий,

позволяющих при желании посетить специальные точки притяжения и места осуществления определенных видов деятельности.

В обзоре релевантной литературы демонстрируются разные способы операционализировать доступность: число рабочих мест; число продуктовых магазинов; число точек притяжения; расстояние до центра города; расстояние до ближайшего выезда на автомагистраль; время в пути до ближайшего сервисного пункта; число людей, передвигающихся до определенных точек притяжения [Páez, Scott, Morency, 2012]. Обычно эти показатели измеряются в радиусе доступа, например 500 или 800 м, однако нет единого метода, чтобы определить величину этого радиуса.

Аналогичный подход применяется и в эконометрических исследованиях транспортной системы. В расчетах, которые основываются на гедонистических моделях, доступность определяют как расстояние до ближайшего остановочного пункта или станции [Bowes, Ihlanfeldt, 2001; Geng, Bao, Liang, 2015]. Иногда вместо этого измеряются время, стоимость проезда, дискомфорт и риск [Litman, 2003]. Для простоты интерпретации используются такие параметры, как масштаб дорожных заторов и скорость движения потока по улично-дорожной сети, устанавливаемые по вторичным источникам [Geurs, van Wee, 2004].

В отечественной практике также введено понятие интегральной транспортной доступности, которая показывает «потенциальные возможности достижимости (по времени) из любой до любой другой рассматриваемой территории» [Ковалева, 2011: 171]. Этот показатель рассчитывается исходя из расстояния и скорости движения с поправкой на конфигурацию сети. Последнее означает специфику планировки улиц, что можно представить как разницу между воздушным расстоянием и реально преодоленным. Некоторые подходы упрощают эту формулу, принимая за транспортную доступность время в пути [Черепанов, 1999; Свердлин, Хмелева, 2007]. Другими словами, доступность оказывается уже не пространственной характеристикой, а темпоральной — связанной со временем передвижения.

Таким образом, понятие «доступность» операционализируется с использованием пространственных либо темпоральных критериев [McKenzie, 2014; Yeager, Gatrell, 2014]. И те, и другие отражены в нормативных документах. Например, согласно Своду правил «Градостроительство»², размещение объектов того или иного функционала должно удовлетворять следующему критерию доступности: путь до этих объектов должен занимать «не более определенного количества минут». Когда речь идет о пешеходной доступности каких-либо объектов (возможности дойти до них пешком), возникает и пространственный аспект в виде ограничения дистанции до объекта. Доступность как географический концепт позволяет количественно оценивать разного рода показатели, которые используются в городском планировании и транспортной политике [Lucas, 2012].

Стоит отметить, что и в литературе, и на практике доступность определяют исходя из особенностей территории и возможности передвигаться по ней, а не из фактических передвижений людей. Заметно, что в транспортной географии не представлен социологический взгляд на доступность, ее не изучают через субъективный опыт.

² Свод правил 42.13330.2016 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений». Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89 (с изменениями) // Техэксперт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения: 31.10.2020)

Отсутствуют и проекты, посвященные тому, как меняется доступность с появлением новой транспортной инфраструктуры в отечественном контексте.

Основная гипотеза нашего проекта заключается в том, что с появлением МЦК меняется транспортное поведение ввиду появления возможности новых поездок. Принято изучать четыре аспекта транспортного поведения как некоторого набора характеристик передвижения людей: цель поездки, способы передвижения, преодолеваемое расстояние и затрачиваемое время³. Мы предполагаем, что с появлением новой инфраструктуры возникают и новые цели передвижения — люди начинают ездить в те места города, которые ранее по каким-то причинам были «недоступны». Как следствие, меняется конфигурация затрачиваемого времени, видов используемого транспорта, а также расстояния. С помощью опросного инструментария мы измеряем доступность как поездки с целью посетить новые места.

Прогнозы пассажиропотоков

Согласно ряду исследований, результаты моделирования зачастую не совпадают с реальными последствиями транспортных нововведений [Flyvbjerg, Skamris Holm, Buhl, 2005]. Например, в работе 1990 г. выявлено, что для десяти рассмотренных проектов рельсовых систем прогнозы недооценили фактические значения пассажиропотоков на 28%—85% [Pickrell, 1990]. Схожий вывод был сделан на основании анализа 27 железнодорожных проектов, где для девяти рельсовых систем прогнозы пассажиропотока переоценили реальность в среднем на 106%, притом что методика принципиальным образом не поменялась в течение последних 30 лет [Flyvbjerg, Skamris Holm, Buhl, 2005]. Недостоверность методов прогнозирования отмечали и другие авторы [Goodwin, 1997; Shourp, 2011; Newman, Kosonen, Kenworthy, 2016].

В России методика прогноза перспективного пассажиропотока, как и вопросы перераспределения нагрузки на транспортную систему, а также экономических последствий транспортных нововведений, в академических публикациях отсутствуют. Существует, однако, расчет перспектив высокоскоростной магистрали, составленный в 2011—2012 гг.⁴ На основе применения межотраслевой балансовой модели, модели общего равновесия, эконометрики и мировой модели контейнерных перевозок был сделан вывод о необходимости реализации проекта.

В отношении МЦК было обнародовано несколько различающихся прогнозов. Прогноз 2008 г. предполагал перевозку 300—320 млн человек к 2024 г.⁵ Расчет Научно-исследовательского и проектного института Генплана Москвы (далее — НИИПИ ГП) от 2012 г.⁶ указывал на 50 млн человек в первый год работы линии, в 2016 г., и увеличение почти в три раза во второй год работы — до 142 млн человек.

³ См. обзор в [Мулеев, 2015].

⁴ Дмитриев М. Оценка экономических эффектов от развития ВСМ в свете международного опыта. Презентация на Форуме 1520 // SlideServe. 2013. 30 мая. URL: <https://www.slideserve.com/lana-kane/7005409> (дата обращения: 31.10.2020).

⁵ Постановление Правительства Москвы от 18.11.08 № 1070-ПП. «О генеральной схеме развития Московского железнодорожного узла» // Техэксперт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/3707035> (дата обращения: 31.10.2020).

⁶ Запуск пассажирского движения на МК МЖД. Материалы для объезда. Департамент транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры Москвы // SlideShare. 2013. 25 мая. URL: https://www.slideshare.net/mos_ru/ss-21893264 (дата обращения: 31.10.2020).

Также НИиПИ ГП в 2012 г. Прогнозировал [Прогноз загрузки..., 2012] пассажиропоток в утренний час пик: по этим оценкам, пассажиров, пересаживающихся с метро, окажется 26 % в первый год работы (или 85,1 тыс. человек) и 25 % в 2020 г. (120,7 тыс. человек).

Кроме того, в 2016 г. в издании «Московский транспорт» вышел материал⁷, где утверждалось, что большинство пассажиров будут пересаживаться на МЦК с метро (46 %), а всего за первый год эксплуатации будет перевезено 75 млн человек.

Прогнозные значения по способам передвижения входящих пассажиров МЦК показаны в таблице 1. Различия в представленных распределениях отражают, по-видимому, разные методики построения прогнозных моделей — ни в одном случае методики прогнозирования опубликованы не были.

Таблица 1. Прогнозные значения распределения входящих пассажиров по способам добраться до МЦК

Источник	% пассажиропотока			
	Пешком	Наземный транспорт	Метрополитен	Пригородное ж/д
Для утреннего часа пик				
НИиПИ ГП на 2015, 2012*	29	40	26	5
НИиПИ ГП на 2020, 2012	26	40	25	9
Усредненные значения				
«Московский транспорт», 2016	10	17	46	27

* Сроки запуска МЦК переносились, в связи с чем наблюдается расхождение между датой открытия пассажирского движения и годом, на который составлен прогноз.

При этом в 2017 г. силами НИиПИ ГП Москвы и Московского государственного строительного университета (МГСУ) был проведен опрос⁸ пассажиров МЦК в утренний час пик. Интервьюирование проводилось с 28 февраля по 3 марта, выборка составила 459 человек. Согласно полученным распределениям, пешком до станций МЦК добирались 34,1 % опрошенных, с метро пересаживались 32,0 %, с наземного транспорта — 19,8 %, с пригородных электропоездов — 11,1 %, с индивидуального транспорта и такси — 1,7 % и 1,1 % соответственно.

Таким образом, при эмпирической проверке обнаруживаются расхождения между прогнозными расчетами и фактическими значениями даже в исследованиях одной организации. Кроме того, в 2017 г. в газете «Ведомости» был опубликован материал с фактическими данными для непиковых периодов, согласно которому с метро на МЦК пересаживаются 61 %⁹.

⁷ Московское центральное кольцо с фокусом на пассажира // Московский транспорт. 2016. URL: <https://nizhegorodsky.mos.ru/moscow-central-ring2/> (дата обращения: 30.10.2020).

⁸ Оценка транспортного потенциала территорий при разработке масштабных инвестиционных проектов. Доклад Д. Н. Власова на II Международной научно-практической конференции «Транспортное планирование и моделирование» // YouTube. 2017. 28 июня. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1uubkWF09jk> (дата обращения: 30.10.2020).

⁹ Ляув Б., Белоглазова Д. Почему Московское центральное кольцо никогда не окупится // Ведомости. 2017. 4 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2017/09/13/732143-tsentralnoe-koltso> (дата обращения: 30.10.2020).

Причины выбора способа передвижения

Первые работы о выборе транспортных средств касались оппозиции «личный/общественный транспорт», причем проводились международные сравнения [Dunn, 1981; Yago, 1984]. К началу XXI века было выявлено, что показатели дохода и наличие автомобиля обуславливают проавтомобильное транспортное поведение [Schafer, Victor, 2000]. Анализ выполнялся на данных национальных исследований транспортного поведения и потому затрагивал только развитые страны, поскольку в развивающихся странах такие масштабные проекты обычно не проводятся. Позже было показано, что возраст и состав семьи — тоже статистически значимые факторы выбора тех или иных транспортных средств [Lleras et al., 2002; Giuliano, Dargay, 2006].

В соответствии с подходом моделирования активностей (activity-based modelling), при изучении выбора транспортных средств может также учитываться специфика занятий в течение дня [Lin, Lo, Chen, 2009]. Указывается цель активностей (например, работа или отдых), длительность, их количество и так далее. Подобный подход отталкивается от теоретической перспективы, в которой выбор транспорта зависит от вида деятельности [Oakil et al., 2014].

Разницу в выборе механических транспортных средств объясняют следующими группами параметров: (1) социально-экономические и демографические характеристики, (2) градостроительные особенности, (3) транспортная и градостроительная политики, (4) национальная культура и индивидуальные предпочтения [Buehler, 2011]. Таким образом, субъективная оценка причин выбора выпадает из фокуса внимания, уступая место необходимости моделировать человеческое поведение на данных статистики, что подразумевает иной методический подход.

Дизайн исследования и методы

Наш исследовательский проект основывается на сборе данных посредством стандартизированного опроса пассажиров.

Мы включили в инструментарий открытый вопрос о причинах выбора МЦК для текущей на момент опроса поездки. Отдельной задачей было уточнить прогнозные модели, выявив, как передвижения распределены по способу добраться до станций МЦК. Проект также преследует методическую задачу по использованию подхода перехватывающих опросов.

Чтобы составить выборочную совокупность, мы использовали наработки подхода так называемых перехватывающих опросов на транспорте [On-Board and Intercept. ..., 2005]. В рамках этого подхода первичной единицей отбора является либо подвижной состав, либо остановочный пункт. Наша выборка строится на основании списка из 31 станции МЦК. Для каждой станции были учтены 7 дней недели, 18 часов функционирования железнодорожной линии и 2 направления движения (внутреннее и внешнее). Итоговая таблица основы выборки насчитывает 7812 строк.

Процедура исследования подразумевала опрос каждого второго человека, входящего на станцию после отправления поезда. Интервьюер, находясь на определенной станции в конкретное время, в течение часа проводил опрос. Мы также фиксировали суммарное количество входящих на станцию людей, чтобы впоследствии взвесить массив в случае высокой доли отказов.

Исходя из оптимального соотношения нагрузки на участника исследовательского проекта и точности результатов, мы генератором случайных чисел отобрали 50 кластеров — строк таблицы (см. приложение 1). Четыре станции — «Владыкино», «Угрешская», «ЗИЛ» и «Зорге» — не попали в выборку. Распределение выборочной совокупности по периодам наблюдений показывает, что вечерним часам уделено чуть меньше времени (см. рис. 1).

Таким образом, процедура удовлетворяет критериям случайной кластерной выборки, где кластеры (станции — часы работы) отбираются с равной вероятностью, как и пассажиры.

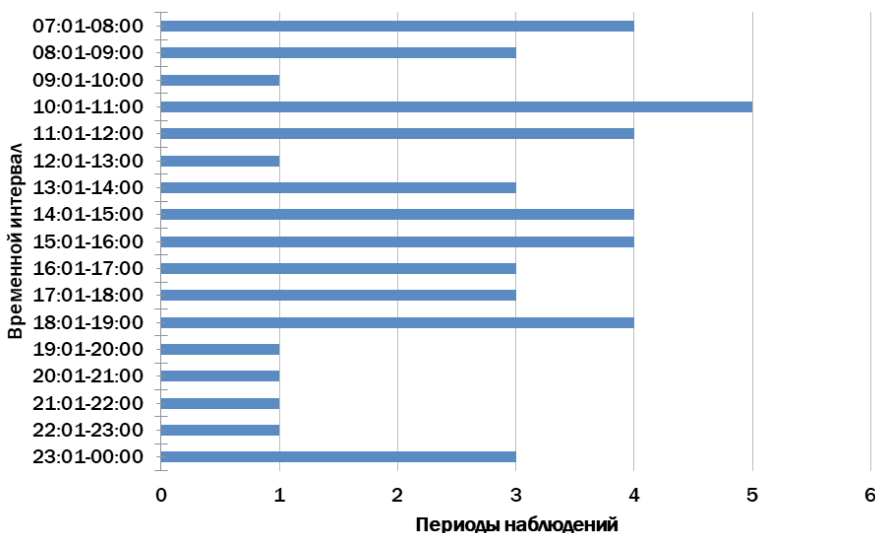

Рис. 1. Распределение часов наблюдения по времени суток

Первый вариант опросного листа состоял из 19 вопросов. В ходе тестового опроса на 10 человек мы выявили нелогичное расположение вопросов и неудачные формулировки, после чего скорректировали опрос и сократили количество вопросов до 14 (см. приложение 3).

Часть вопросов были закрытого типа: про цели поездок, станцию назначения, способы передвижения. Варианты ответов по целям поездок были заимствованы из исследования транспортного поведения населения 2014—2015 гг. [Мулеев, 2015]. В других вопросах (№ 6, 9, 12) мы намеренно оставили вопрос открытым, чтобы предоставить респондентам самим назвать причины их выбора (см. табл. 2).

Опрос проводился в сентябре 2017 г., в сборе данных приняло участие три интервьюера. Мы опросили 312 человек (58 % мужчин и 42 % женщин), средний возраст респондентов — 36,5 лет. Самый большой вклад в массив внесли станции «Панфиловская» (9,0 % от общего количества опрошенных), «Кутузовская» (8,0 %), «Измайлово» (7,4 %) и «Дубровка» (7,1 %) (см. приложение 2). После кодирования данных была проведена процедура перевзвешивания массива в зависимости от загруженности станции.

Таблица 2. **Операционализация концептов опроса**

Концепт	Интерпретация	№ вопроса
Транспортное поведение	Способы передвижения	1
	Цель передвижения	3, 10
	Время в пути	2
Уточнения транспортного поведения	Частота поездок	4
	Станция назначения	7
	Маршруты поездки	5
Причины выбора	Причины выбора	6, 9
	Использование автомобиля для текущей поездки	13, 14
Доступность	Цели поездок, отличные от текущей	8
	Посещение новых мест	10, 11
	Причины недоступности новых мест до появления МЦК	12

Трудности при проведении опросов на станциях возникали в случае небольших интервалов между поездами. Реальный пиковый интервал иногда был меньше номинальных пяти минут, что вынуждало заканчивать интервью на ходу или прерывать его. Отказы от прохождения опроса были зафиксированы в 134 случаях. Анализировались впоследствии только полные анкеты.

Результаты

Применение нормализованных весовых коэффициентов в целом повлияло на распределения, полученные без перевзвешивания массива. Заметное различие обнаружилось в части поездок на работу и по личным делам, доли которых в результате перевзвешивания сократились на 18 и 11 процентных пунктов соответственно. В остальных случаях разница не превышает 4 процентных пунктов.

77 % опрошенных воспользовались МЦК для единственной зафиксированной на момент опроса поездки. В целевом распределении новых передвижений почти одинаковые доли у передвижений за покупками (19%) и «экскурсионных» поездок по кругу (21%). (Стоит отметить, что такие «экскурсионные» поездки мы не рассматриваем как посещение новых мест.) В 19% случаев респонденты затруднились с определением целей новых поездок (см. табл. 3). Для выявления целей новых поездок предполагался открытый вопрос, ответ на который впоследствии кодировался.

Таблица 3. **Распределение новых передвижений по целям (перевзвешенный массив)**

Цель передвижения	Доля, %
«Экскурсия»	21
За покупками	19
Затрудняюсь ответить*	19
Личные дела	16
Посещение объектов культуры, спорта и отдыха	15
На прогулку	8
В гости	2

* Дословный ответ респондента: «Не знаю».

30,5% респондентов до появления МЦК не ездили ранее в то место назначения, в которое направлялись на момент опроса. При этом на прямой вопрос «Посетили ли Вы новые места в городе благодаря МЦК?» утвердительно ответили 23% пассажиров. Если отсеять затруднившихся с ответом про цель поездки, эта доля падает до 14%. Те, кто съездил в новые места, статистически не отличаются по возрасту и ожидаемому времени в пути от остальных респондентов (по Т-критерию Стьюдента для независимых выборок). Другими словами, лишь для 14% пассажиров МЦК изменилась доступность городской среды. Столь невысокий показатель может быть связан с относительной периферийностью трассировки железнодорожной линии, не насыщенной местами притяжения, как, например, центральная часть города. Вероятно, в будущем, с освоением промышленных территорий под другие способы использования, эта доля будет увеличиваться.

Среди причин, по которым респонденты не ездили в новые места до появления МЦК, большой вес набрали такие варианты, как отсутствие инфраструктуры (26%) и незнание о существовании мест, которые можно было бы посетить (21%). В 9% случаев путь без МЦК занимал бы слишком много времени. Затруднились с ответом 28% опрошенных (см. табл. 4).

Таблица 4. **Распределение причин не совершать поездки в новые места до появления МЦК (перевзвешенный массив)**

Описание причины	Доля, %
Затрудняюсь ответить*	28
Отсутствие инфраструктуры	26
Незнание о существовании некоторого объекта/территории	21
Отсутствие необходимости	14
Большие затраты времени	9
Невозможность провоза велосипеда	2

* Подразумевается ответ «Не знаю».

Отвечая на открытый вопрос, респонденты указали 505 причин выбора МЦК. Среди ответов были, например, такие: «как барин едешь», «не давит на мозги», «можно больше пройти пешком», «напоминает берлинский поезд, приятные воспоминания», «сиду и отдыхаю, в метро не отдохнуть, давит метро». Впоследствии они были сгруппированы в 12 категорий. Фактически респонденты могли назвать несколько вариантов ответа. Если человек упоминал только, к примеру, «удобно», то его просили дополнить ответ чем-то более конкретным, привести примеры. Несколько вариантов ответа кодировались последовательно. Если упоминалось «удобно, комфортно, быстро», то кодировались все три ответа.

Заметно, что среди названных характеристик именно категория «удобно» встречалась чаще всего, но трактуют «удобство» респонденты по-разному. Кто-то подчеркивает важность пешеходной доступности станций, другие ценят удобство кресел, плавность хода, вид из окна. Кому-то «удобно» экономить время в пути, но есть и те, кто готов тратить больше времени ради «удобной» поездки на МЦК вместо метро. Вариант ответа про «свежий воздух» зачастую возникал при сравнении старого маршрута поездки на метро с новым на МЦК. Экономия времени, по оценкам респондентов, составляет от семи минут до часа, причем некоторые пассажиры точно знают, сколько времени проведут в пути (см. рис. 2).

Рис. 2. Распределение причин выбора МЦК для текущей поездки (категории составлены из ответов респондентов на открытый вопрос)

Обнаружены большие расхождения между прогнозными и фактическими распределениями по способам передвижения до станций МЦК (см. табл. 5). В прогнозах недооценены пешеходные передвижения при акценте на рельсовых видах транспорта. Отчасти низкий процент пересадок с пригородного железнодорожного сообщения объясняется тем, что не со всех радиальных направлений на момент проведения опроса можно было пересесть на МЦК.

Таблица 5. Сравнение прогнозных и фактических распределений по способу передвижения до станций МЦК

Источник	% пассажиропотока			
	Пешком	Наземный транспорт	Метрополитен	Пригородные электропоезда
<i>План</i>				
«Московский транспорт», 2016	10	17	46	27
<i>Факт</i>				
«Ведомости», 2017	6	7	61	26
Данные опроса*	45	19	27	4

* Оставшиеся 5% приходятся на автомобиль. Если исключить этот способ передвижения, представленные значения немного возрастают, но это не меняет общей картины.

Заключение

Пятая часть пассажиров новой железнодорожной системы благодаря МЦК съездили в ранее недоступные места. Однако эта доля падает до 14%, если исключить тех, кто не смог назвать точной цели поездки. С одной стороны, такая невысокая доля может быть связана с трассировкой железнодорожной линии по периферийным, зачастую промышленным территориям. Кроме того, общее понимание о передвижении людей представляет собой количественное описание на больших числах, в связи с чем говорить вообще о том, как меняется транспортное поведение со временем, не приходится. Другой методической трудностью оказывается отсутствие конкретики в том, что именно люди имеют в виду, говоря о «посещении новых мест», — по-видимому, это стоит изучить с применением иного инструментария. Вероятно, имеет смысл рассматривать и городскую среду с распределенными видами деятельности, и социальную специфику образа жизни горожанина. Однако подобное методологическое предположение требует серьезной проработки. Сложившийся инструментарий исследований транспортного поведения, фокусирующийся на целях, расстоянии, времени и способах передвижения, сложно признать эффективным для поставленных задач. В этой связи попытку выявить субъективные аспекты проблематики «доступности» в настоящем проекте следует рассматривать как первый шаг, на критике которого уместно выстраивать последующие исследовательские планы.

Основные причины выбора МЦК — экономия времени в пути, удобство и комфорт. Однако трактовки «удобства» настолько разнообразны, что этот концепт едва ли ценен с аналитической точки зрения.

Сопоставление прогнозных значений с фактическими показало, что прогнозы заметно недооценивают пешеходные передвижения и завышают важность рельсовых видов транспорта. Другими словами, подходы к моделированию, применявшиеся для составления прогнозов, необоснованно занижают значимость

пешеходных передвижений. В связи с этим мы призываем публиковать методологические особенности алгоритмов прогнозирования.

Реализация принципов составления выборочной совокупности на основании методики перехватывающих опросов показала некоторые ограничения, связанные с железнодорожной спецификой. На станциях островного типа сложнее подсчитать общее число пассажиров ввиду того, что платформа обслуживает оба направления. Схожая проблема возникает в час пик, а также в случае нескольких входов и выходов на станции. Вероятно, на такие опросы следует выходить нескольким исследователям, разделяя обязанности по проведению интервью и подсчету числа пассажиров.

Результаты обследования показали как возможные пути для дальнейшего развития подхода, так и отдельные аспекты работы новой транспортной системы. Важно продолжать работу в этом направлении. Авторы намерены провести аналогичный опрос в будущем с целью отследить возможные изменения.

Список литературы (References)

Ковалева Е. Н. Интегральная транспортная доступность как показатель качества транспортного обслуживания // Журнал университета водных коммуникаций. 2011. № 3. С. 171—175.

Kovaleva E. N. (2011) Integrated Transport Availability as an Index of Transportation Service Quality. *Zhurnal universiteta vodnykh kommunikatsiy*. No. 3. P. 171—175. (In Russian).

Мулеев Е. Ю. Транспортное поведение населения России: краткий отчет о социологическом исследовании. М.: Институт экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ, 2015.

Muleev E. Yu. (2015) Transport Behavior of the Population of Russia: A Short Report on a Sociological Research. Moscow: HSE Institute for Transport Economics and Transport Policy Studies. (In Russ.)

Прогноз загрузки Малого кольца МЖД по расчетным периодам. М.: Научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана города Москвы, 2012. Forecast of the Load on the Little Ring of the Moscow Railways by Settlement Periods. (2012) Moscow: Moscow General Planning Research and Project Institute. (In Russ.)

Свердлин Л. И., Хмелева Д. С. Транспортная доступность и зоны влияния опорных многофункциональных поселений // Социально-экономические проблемы развития транспортных систем городов и зон их влияния. Материалы XIII международной (16-й Екатеринбургской) научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2007. С. 53—58.

Sverdlin L. I., Khmeleva D. S. (2007) Transport Accessibility and Influences of Basic Multifunctional Sites. In: *Social and Economic Problems of City Transport Systems and Their Influence Areas' Development and Functioning: Proceedings of the XIIIth International (16th Ekaterinburg) Academic and Practical Conference*. Ekaterinburg: Izdatelstvo AMB. P. 53—58. (In Russ.)

- Черепанов Б. В. Методика комплексной оценки территории города по транспортным критериям // Социально-экономические проблемы развития транспортных систем городов и зон их влияния. Екатеринбург, 1999. С. 34—38
- Cherepanov B. V. (1999) Method of Complex Evaluation of City's Territory by Transportation Criteria. In: *Social and Economic Problems of City Transport Systems and Their Influence Areas' Development and Functioning*. Ekaterinburg. P. 34—38. (In Russ.)
- Bowes D. R., Ihlanfeldt K. R. (2001) Identifying the Impacts of Rail Transit Stations on Residential Property Values. *Journal of Urban Economics*. Vol. 50. No. 1. P. 1—25. <https://doi.org/10.1006/juec.2001.2214>.
- Buehler R. (2011) Determinants of Transport Mode Choice: A Comparison of Germany and the USA. *Journal of Transport Geography*. Vol. 19. No. 4. P. 644—657. <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2010.07.005>.
- Dunn J. A. (1981) *Miles to Go: European and American Transportation Policies*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Flyvbjerg B., Skamris Holm M. K., Buhl S. L. (2005) How (In)Accurate Are Demand Forecasts in Public Works Projects? The Case of Transportation. *Journal of the American Planning Association*. Vol. 71. No. 2. P. 131—146. <https://doi.org/10.1080/01944360508976688>.
- Geng B., Bao H., Liang Y. (2015) A Study of the Effect of a High-Speed Rail Station on Spatial Variations in Housing Price Based on the Hedonic Model. *Habitat International*. Vol. 49. P. 333—339. <https://doi.org/10.1016/j.habitatint.2015.06.005>.
- Geurs K. T., van Wee B. (2004) Accessibility Evaluation of Land-Use and Transport Strategies: Review and Research Directions. *Journal of Transport Geography*. Vol. 12. No. 2. P. 127—140. <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2003.10.005>.
- Goodwin P. B. (1997) *Solving Congestion (When We Must Not Build Roads, Increase Spending, Lose Votes, Damage the Economy or Harm the Environment, and Will Never Find Equilibrium)*. Inaugural Lecture for the Professorship of Transport Policy. London: ESRC Transport Studies Unit, University College London.
- Giuliano G., Dargay J. (2006) Car Ownership, Travel and Land Use: A Comparison of the Us and Great Britain. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 40. No. 2. P. 106—124. <https://doi.org/10.1016/j.tra.2005.03.002>.
- Ingvardson J. B., Nielsen O. A. (2018) Effects of New Bus and Rail Rapid Transit Systems — An International Review. *Transport Reviews*. Vol. 38. No. 1. P. 96—116. <https://doi.org/10.1080/01441647.2017.1301594>.
- Litman T. (2003) Measuring Transportation. Traffic, Mobility and Accessibility. *ITE Journal*. Vol. 73. No. 10. P. 28—32.
- Lleras G. C., Simma A., Ben-Akiva M. E., Schäfer A., Axhausen K. W., Furutani T. (2002) Fundamental Relationships Specifying Travel Behavior — An International Travel Survey Comparison (ETH Zürich Working Paper No. 131). Zürich: Institut für Verkehrsplanung,

- Transporttechnik, Strassen- und Eisenbahnbau. <https://doi.org/10.3929/ethz-b-000023632>.
- Lucas K. (2012) Transport and Social Exclusion: Where are We Now? *Transport Policy*. Vol. 20. P. 105—113. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2012.01.013>.
- Pickrell D. H. (1989) Urban Rail Transit Projects: Forecast Versus Actual Ridership and Costs. Cambridge, MA: Transportation Systems Center U.S. Department of Transportation.
- Lin H.-Z., Lo H.-P., Chen X.-J. (2009) Lifestyle Classifications with and without Activity-Travel Patterns. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 43. No. 6. P. 626—638. <https://doi.org/10.1016/j.tra.2009.04.002>.
- McKenzie B. S. (2014) Access to Supermarkets among Poorer Neighborhoods: A Comparison of Time and Distance Measures. *Urban Geography*. Vol. 35. No. 1. P. 133—151. <https://doi.org/10.1080/02723638.2013.856195>.
- Newman P., Kosonen L., Kenworthy J. (2016) Theory of Urban Fabrics: Planning the Walking, Transit/Public Transport and Automobile/Motor Car Cities for Reduced Car Dependency. *Town Planning Review*. Vol. 87. No. 4. P. 429—458. <https://doi.org/10.3828/tpr.2016.28>.
- Oakil A. T., Ettema D., Arentze T., Timmermans H. (2014) Changing Household Car Ownership Level and Life Cycle Events: An Action in Anticipation or an Action on Occurrence. *Transportation*. Vol. 41. No. 4. P. 889—904. <https://doi.org/10.1007/s11116-013-9507-0>.
- On-Board and Intercept Transit Survey Techniques: A Synthesis of Transit Practice. (2005) Washington, DC: The National Academies Press. <https://doi.org/10.17226/13866>.
- Páez A., Scott D. M., Morency C. (2012) Measuring Accessibility: Positive and Normative Implementations of Various Accessibility Indicators. *Journal of Transport Geography*. Vol. 25. P. 141—153. <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2012.03.016>.
- Schafer A., Victor D. G. (2000) The Future Mobility of the World Population. *Transportation Research Part A: Policy and Practice*. Vol. 34. No. 3. P. 171—205. [https://doi.org/10.1016/S0965-8564\(98\)00071-8](https://doi.org/10.1016/S0965-8564(98)00071-8).
- Shoup D. C. (2011) *The High Cost of Free Parking*. Chicago, IL: Planners Press.
- Yago G. (1984) *The Decline of Transit: Urban Transportation in German and U. S. Cities, 1900—1970*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Yeager C. D., Gatrell J. D. (2014) Rural Food Accessibility: An Analysis of Travel Impedance and the Risk of Potential Grocery Closures. *Applied Geography*. Vol. 53. P. 1—10. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2014.05.018>.

Приложение 1*Выборочная совокупность исследования*

№	День	Станция	Время	Направление
1	Понедельник	Лужники	06:00—07:00	внешнее
2		Белокаменная	08:01—09:00	внешнее
3		Андроновка	11:01—12:00	внешнее
4		Панфиловская	15:01—16:00	внешнее
5		Панфиловская	16:01—17:00	внешнее
6		Дубровка	18:01—19:00	внутреннее
7	Вторник	Измайлово	11:01—12:00	внутреннее
8		Соколиная гора	14:01—15:00	внутреннее
9		Кутузовская	15:01—16:00	внутреннее
10		Дубровка	17:01—18:00	внутреннее
11		Измайлово	22:01—23:00	внешнее
12		Бульвар Рокоссовского	23:01—00:00	внешнее
13	Среда	Окружная	07:01—08:00	внутреннее
14		Кутузовская	08:01—09:00	внешнее
15		Площадь Гагарина	09:01—10:00	внешнее
16		Бульвар Рокоссовского	10:01—11:00	внутреннее
17		Соколиная гора	10:01—11:00	внешнее
18		Кутузовская	12:01—13:00	внешнее
19		Лужники	13:01—14:00	внутреннее
20		Нижегородская	16:01—17:00	внешнее
21		Соколиная гора	16:01—17:00	внутреннее
22		Хорошево	18:01—19:00	внешнее
23		Панфиловская	19:01—20:00	внутреннее
24	Четверг	Измайлово	06:00—07:00	внешнее
25		Стрешнево	06:00—07:00	внешнее
26		Шелепиха	07:01—08:00	внутреннее
27		Верхние котлы	10:01—11:00	внутреннее
28		Коптево	10:01—11:00	внешнее
29		Деловой центр	14:01—15:00	внутреннее
30		Окружная	20:01—21:00	внутреннее

№	День	Станция	Время	Направление
31	Пятница	Балтийская	07:01—08:00	внешнее
32		Андроновка	13:01—14:00	внешнее
33		Андроновка	13:01—14:00	внутреннее
34		Лихоборы	14:01—15:00	внутреннее
35		Крымская	15:01—16:00	внешнее
36		Ботанический сад	21:01—22:00	внутреннее
37	Суббота	Крымская	07:01—08:00	внешнее
38		Новохоловская	10:01—11:00	внешнее
39		Крымская	11:01—12:00	внешнее
40		Шелепиха	15:01—16:00	внешнее
41		Лихоборы	17:01—18:00	внутреннее
42		Шоссе Энтузиастов	18:01—19:00	внутреннее
43		Ботанический сад	18:01—19:00	внешнее
44		Коптево	23:01—00:00	внешнее
45		Автозаводская	23:01—00:00	внешнее
46	Воскресенье	Верхние котлы	07:01—08:00	внешнее
47		Дубровка	08:01—09:00	внешнее
48		Ростокино	11:01—12:00	внутреннее
49		Локомотив	14:01—15:00	внутреннее
50		Шоссе Энтузиастов	17:01—18:00	внутреннее

Приложение 2*Частотное распределение опрошенных на станциях МЦК*

Станция	Кол-во опрошенных	%
Ботанический сад	9	2,9
Ростокино	3	1,0
Белокаменная	7	2,2
Бульвар Рокоссовского	12	3,8
Локомотив	8	2,6
Измайлово	23	7,4
Соколиная гора	19	6,1
Шоссе энтузиастов	13	4,2
Андроновка	14	4,5
Нижегородская	11	3,5
Новохоловская	4	1,3
Дубровка	22	7,1
Автозаводская	10	3,2
Верхние котлы	15	4,8
Крымская	15	4,8
Площадь Гагарина	2	0,6
Лужники	10	3,2
Кутузовская	25	8,0
Шелепиха	12	3,8
Хорошево	8	2,6
Панфиловская	28	9,0
Стрешнево	3	1,0
Балтийская	6	1,9
Коптево	14	4,5
Лихоборы	7	2,2
Окружная	12	3,8
Итого	312	100,0

Приложение 3

Анкета опроса пассажиров МЦК

0. Заполняется интервьюером

А. Станция опроса

1. Ботанический сад
2. Ростокино
3. Белокаменная
4. Бульвар Рокоссовского
5. Локомотив
6. Измайлово
7. Соколиная гора
8. Шоссе Энтузиастов
9. Андроновка
10. Нижегородская
11. Новохоловская
12. Дубровка
13. Автозаводская
14. Верхние Котлы
15. Крымская
16. Площадь Гагарина
17. Лужники
18. Кутузовская
19. Деловой центр
20. Шелепиха
21. Хорошево
22. Панфиловская
23. Стрешнево
24. Балтийская
25. Коптево
26. Лихоборы
27. Окружная

Б. Направление

1. Внешнее
2. Внутреннее

В. Пол

1. Мужской
2. Женский

I. Несколько вопросов о вашем текущем маршруте

1. Вы приехали на эту станцию или пришли пешком?

- Пешком
- Троллейбус
- Трамвай
- Маршрутка

- Автобус
- Электричка
- Метро
- Велосипед
- Самокат
- Электрические индивидуальные способы передвижения
- Автомобиль
- Другое
- МЦК

2. На какую станцию вы едете?

- Владыкино
- Ботанический сад
- Ростокино
- Белокаменная
- Бульвар Рокоссовского
- Локомотив
- Измайлово
- Соколиная гора
- Шоссе Энтузиастов
- Андроновка
- Нижегородская
- Новохохловская
- Угрешская
- Дубровка
- ЗИЛ
- Автозаводская
- Верхние Котлы
- Крымская
- Площадь Гагарина
- Лужники
- Кутузовская
- Деловой центр
- Шелепиха
- Хорошево
- Зорге
- Панфиловская
- Стрешнево
- Балтийская
- Коптево
- Лихоборы
- Окружная

2.1. Вы будете пересаживаться куда-то или дойдете до места назначения пешком?

- Пешком
- Троллейбус
- Трамвай

- Маршрутка
- Автобус
- Электричка
- Метро
- Велосипед
- Самокат
- Электрические индивидуальные способы передвижения
- Автомобиль
- Другое
- МЦК

3. Какая цель у вашей поездки?

- На работу / по работе
- На учебу / по учебе
- По личным / семейным делам
- За покупками
- Посещение объектов культуры, спорта и отдыха
- Домой
- Другое

4. В это место назначения (из этого места отправления) вы уже ездили до появления МЦК? (если нет, то вопрос 6).

- Да
- Нет

5. Опишите, пожалуйста, ваш маршрут до появления МЦК.

6. Опишите, пожалуйста, причины выбора МЦК для этой конкретной поездки.

7. Сколько примерно времени у вас займет эта поездка?

II. Несколько вопросов о ваших поездках с использованием МЦК

8. Расскажите, пожалуйста, куда вы еще ездите на МЦК?

- На работу / по работе
- На учебу / по учебе
- По личным / семейным делам
- За покупками
- Посещение объектов культуры, спорта и отдыха
- Домой
- Другое

9. Вы делаете выбор в пользу МЦК по тем же причинам, которые уже упоминали, или можете назвать еще что-то?

III. Цели

10. Посетили ли вы новые места в городе благодаря МЦК?

- Да
- Нет

11. Какие именно?

12. Почему вы раньше не посещали эти места?

IV. Перспективы переключения

13. Есть ли у вас автомобиль? (нет — конец опроса)

- Да
- Нет

14. Назовите, пожалуйста, причину, по которой вы не используете его для текущей поездки.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.924](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924)

М. М. Старикова

РЫНОК ЖИЛЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ГОРОДОВ

Правильная ссылка на статью:

Старикова М. М. Рынок жилья как отражение жилищной стратификации городов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 403—429. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924>.

For citation:

Starikova M. M. (2020) Housing Market as a Reflection of Urban Housing Stratification. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 403—429. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.924>. (In Russ.)

РЫНОК ЖИЛЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЛИЩНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ГОРОДОВ

HOUSING MARKET AS A REFLECTION OF URBAN HOUSING STRATIFICATION

СТАРИКОВА Мария Михайловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет, Киров, Россия
E-MAIL: maria_kuzmina82@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5820-8731>

Maria M. STARIKOVA¹ — *Cand. Sci. (Soc. Sci.), Associate Professor at the Chair of Cultural Studies, Sociology and Philosophy*
E-MAIL: maria_kuzmina82@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5820-8731>

¹ Vyatka State University, Kirov, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты контент-анализа объявлений сайта «Авито» о продаже жилья в трех городах Приволжского федерального округа: Казани, Кирове и Нижнем Новгороде. Цель данной статьи — оценить жилищно-пространственное неравенство и состояние жилищного фонда в городах сквозь призму предложений рынка жилья. Для формирования эмпирической базы был собран сплошной массив объявлений о продаже жилья за фиксированный отрезок времени и проведен структурный контент-анализ информации о продаваемых объектах. Также проведена серия экспертных интервью с риелторами в изучаемых городах. Систематизированы базовые и факультативные параметры, влияющие на ценообразование и престиж недвижимости. В ходе статистического анализа параметров продаваемого жилья сформирован и рассчитан интегральный показатель качества и престижа недвижимости, позволяющий ранжировать объекты рынка жилья с позиции жилищной стратификации. В соответствии с интегральным показателем в каждом городе выделены четыре типа микрорайонов по качеству жилья и степени однородности застройки, определены специфические черты жилищного фонда трех городов.

Abstract. The article presents the results of a content analysis of the Avito website real estate ads in three Volga Federal District cities — Kazan, Kirov and Nizhny Novgorod. The purpose of the article is to give assessments to housing inequality and housing conditions in these cities through offers in the housing market. The study is based on the analysis of a continuous array of ads over a fixed period of time and a structural content analysis of the items on sale. The author also carried out a series of expert interviews with the real estate agents. Basic and optional parameters affecting the real estate price and ranking were systematized. An integral indicator for real estate quality and prestige was designed and calculated; the indicator enabled to rank the real estate objects in terms of class stratification in housing. According to the integral indicator and the degree of homogeneity in the real estate development the author identified four types of neighborhoods in each city and the housing stock features in these cities. Using the data obtained the author designed the city maps reflecting housing and spatial differentiation of the neighborhoods. The field-proved content analysis technique can be further used to study the housing differentiation in other cities, to forecast the real estate

На основе полученных данных построены карты городов, отражающие жилищно-пространственную дифференциацию микрорайонов. Апробированная методика контент-анализа объявлений о продаже жилья может быть использована для исследования жилищной дифференциации других городов, позволяет прогнозировать рыночную стоимость жилья в зависимости от его параметров и престижа районов города, судить о наполненности жилищных классов горожан, выявлять ключевые тенденции изменений жилищного фонда в регионах.

Ключевые слова: жилье, рынок жилья, контент-анализ объявлений, многоквартирный дом, неравенство, жилищная стратификация, жилищная мобильность, пространственная сегрегация, дифференциация доходов

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), грант № 18-011-00627 «Особенности жилищного неравенства в современных российских городах».

Введение

Большую часть территории любых поселений составляет жилищный фонд. Поскольку жилье входит в число витальных потребностей, в сознании населения его качество напрямую соотносится с качеством жизни, уровнем развития региона и желанием остаться в населенном пункте либо мигрировать из него. Поэтому важно выявлять возможности и препятствия на пути жилищного развития территорий.

Внутри города существуют более и менее комфортные, престижные и безопасные районы, часто сформированные из однородных жилищных массивов. В лексике горожан на неравенство городской среды, имущественную и статусную стратификацию современного городского пространства указывают такие словосочетания, как «престижный район», «спальный район», «неблагополучный район», «элитный дом», «жилье эконом-класса», «старые хрущевки» и др.

В современной социологии городское пространство справедливо рассматривается как материальное отражение социальных отношений. По мнению

market price depending on real estate characteristics and the prestige of a neighborhood, to estimate the completeness of the citizens' "housing classes", and to identify the key trends in regional housing market.

Keywords: housing, housing market, content analysis of ads, apartment building, inequality, housing stratification, housing mobility, spatial segregation, income differentiation

Acknowledgments. The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant No. 18-011-00627 "Specifics of Housing Inequality in Modern Russian Cities".

Г. А. Птичникова, «в пространственной структуре города формируется социальное расслоение... Эти процессы отражаются в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в сферах деятельности, взаимоотношениях, поведении, образе жизни, одежде и заканчивая фасадами зданий, наличием вокруг них садов и парков или свалок и пустырей» [Птичникова, 2012: 47].

Как отмечают М. Пэнсон и М. Пэнсон-Шарло, «государство выбирает те места, где будет располагаться некое общественное благо, определяя таким образом тех, кто будет в более привилегированном положении. Таким образом, государство распределяет жизненные шансы и формирует пространственную сегрегацию» [Пэнсон, Пэнсон-Шарло, 1996: 114]. Это позволяет рассуждать о жилье в категориях социальной справедливости.

Цель данной статьи — оценить жилищно-пространственное неравенство и состояние жилищного фонда изучаемых городов сквозь призму предложений рынка жилья.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- определить характеристики жилья, влияющие на его стоимость на рынке и позицию в жилищной иерархии;
- выявить специфику жилой застройки в изучаемых городах;
- оценить наполненность микрорайонов жильем разного класса;
- ранжировать микрорайоны городов по доминантному типу и классу жилой застройки и визуализировать жилищно-пространственную дифференциацию на картах городов.

Подходы к исследованию жилищной стратификации

Чтобы понять сущность и специфику жилищного неравенства в городах, необходимо сформировать представление о жилищном пространстве. Социологическое понимание жилищного пространства города наиболее точно соотносится с концепцией физического и социального пространства и идеей габитуса П. Бурдьё. Габитус определяется как совокупность принципов, полученных из опыта, создающих и организующих повседневные практики, предполагающие «чувство места» и одновременно с этим «чувство места другого» [Бурдьё, 2007]. Пьер Бурдьё показал, что габитус формируется через «использование», «освоение» места обитания. «Место обитания (habitat) и габитус (habitus) взаимосвязаны и влияют друг на друга. Бурдьё использовал этнографический опрос для определения социальных позиций индивидов через место обитания как индикатор структурирования социального пространства» [цит. по: Полухина, 2017: 590]. С одной стороны, жилая застройка естественным образом «привязана» к территории, с другой стороны, она выражает характеристики социального пространства, престижность одних территорий и непрестижность других.

В социологии города Э. Берджесса, представителя Чикагской школы социологии, жилищная стратификация исследовалась с позиции «концентрических зон», в каждой из которых сосредоточены определенные экономические и жилые структуры. Расположение зон определяется конкуренцией за земельные участки: предприятия, которые могут себе позволить высокую арендную плату, сосредотачиваются в центре. Конкуренция между социальными группами за обладание ценными городскими ресурсами приводит к господству наиболее приспособленных групп [Чикагская школа..., 2015].

Зарубежные социологи обращают внимание на нетривиальные аспекты жилищно-пространственной дифференциации городов.

В работе Т. Вербека рассматривается экологическое неравенство городской среды [Verbeek, 2019]. На фоне потока эмпирических данных о воздействии загрязнения воздуха и шума на здоровье справедливое распределение этих воздействий привлекает все больше внимания. В Генте (Бельгия) загрязнению воздуха в большей степени подвержены районы с более низкими доходами домохозяйств, большей безработицей, большим количеством людей иностранного происхождения, арендованных домов и более высоким уровнем жилищной мобильности. Такие выводы дают основания для дискуссий о так называемой экологической справедливости города, которая тесно связана с качеством и статусом жилья и жилых микрорайонов [idem].

Важная составляющая жилищного неравенства — жилищная мобильность, отражающая динамику трансформаций жилищного фонда и индивидуальных стратегий горожан. За рубежом мобильность в жилищной сфере изучается как достигательные стратегии отдельных групп населения в процессе экономического развития, как моделируемый процесс смены жилищных состояний, как «жилищная карьера» [Clark, Deurloo, Dieleman, 2003; Watt, 1996; Wind, Hedman, 2018]. Отражением интенсивности жилищной мобильности может служить рынок жилья в оценках объема предложений и средних сроках экспозиции объектов продажи.

Представляет интерес работа К. Стовел и М. Болана, которые обращают внимание на мобильность самих жилых помещений, анализируя трансформации жилья в процессе его эксплуатации [Stovel, Bolan, 2004]. Авторы концептуализируют мобильность как переход состояний жилья. Процесс ремонта и модернизации позволяет повысить качество жилья и таким образом на микроуровне (конкретного дома или квартиры в многоквартирном доме) повысить его экономический статус. Это наглядно видно из различий в рыночной стоимости одинаковых по метражу жилищных объектов внутри одного дома.

В России жилищное неравенство чаще всего рассматривается как отражение уровня благосостояния населения. Вопросы доступности жилья были освещены в работах А. Я. Бурдяк [Бурдяк, 2012], М. А. Гуревича и Т. Ю. Радиловской [Гуревич, Радиловская, 2007], Т. Ю. Черкашиной [Черкашина, 2018], Т. Д. Белкиной [Белкина, 2013] и др. Для изучения нефинансового богатства, в частности жилья, применяют денежную оценку и натуральные показатели. Так, А. Б. Гусев использовал коэффициент Джини для анализа дифференциации стоимостных оценок жилья [Гусев, 2007]. Результаты исследований показывают, что в стоимость жилья респонденты включают также «наценку за престиж».

Неравенство стоимости жилья можно измерить численно. Средние цены на недвижимость по субъектам РФ в 2015 г. различались в 6,5 раза на вторичном рынке жилья и в 7,5 раза на первичном [Бурдяк, 2015]. Во втором квартале 2020 г. цены за 1 кв. м на вторичном рынке жилья различались в 5,6 раза по регионам России, а на первичном — в 7,1 раза¹. Мы видим незначительное снижение различий, однако в целом на первичном рынке жилья сохраняется большой разброс цен.

¹ Расчеты произведены автором с использованием данных базы официальной статистической информации «ЕМИСС»: Средняя цена 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31452#> (дата обращения: 26.09.2020).

Среди российских исследований необходимо выделить работы Н. Р. Корнева. Автор называет жилищной стратификацией систему типов жилья, в которой образуется иерархия на основе характеристик самого жилья и находящихся в нем домохозяйств [Корнев, 2005]. Через позиции жилищ в этой системе определяется жилищный статус их обитателей и/или собственников.

В работе П. П. Кротова, М. Буравого и Т. С. Лыткиной представлен анализ жилищной стратификации на примере Сыктывкара [Кротов, Буравой, Лыткина, 2003], показана взаимосвязь между жилищным (жители однотипных домов), экономическим и социальным классами. Однако полученные в исследовании результаты нуждаются в последующем мониторинге и сопоставлении с данными по другим регионам страны.

С учетом рассмотренных теоретических подходов жилищную стратификацию городов мы будем трактовать как иерархию жилых объектов, измеряемую через объективные (количественные, фактические атрибуты качества и состояния жилья) и субъективные (престиж жилья и локаций внутри города) характеристики. Мы исходим из того, что жилищно-пространственное неравенство существует как между отдельными домами, так и между микрорайонами.

Рынок жилья как индикатор жилищного неравенства

Основной исследовательский вопрос данной работы: как рынок недвижимости отражает жилищно-пространственное неравенство городов?

В работе М. Пангалло, Ж.-П. Надаля и А. Винь обсуждается функциональная модель рынка жилья как отражение поляризации доходов населения [Pangallo, Nadal, Vignes, 2019]. Механизм ценообразования на рынке недвижимости перенесен в пространственную агентную модель и обусловлен поведением покупателей и продавцов. Продавцы используют эвристику уровня заинтересованности покупателей, чтобы установить цену предложения. Цены определяются через непрерывный «двойной аукцион». Авторы приходят к важным выводам: большой разброс доходов населения снижает цены в масштабе города, но подразумевает более сильную сегрегацию; скачок спроса в одной части города повышает цены по всему городу.

О. С. Сидорова и Н. Л. Мосиенко на примере рынка новостроек Новосибирска апробировали методический подход, основанный на сочетании картографического метода и экспертного опроса. Исследование зафиксировало процессы сегрегации городского пространства. За основу экономического показателя жилищного неравенства была взята «минимальная стоимость квадратного метра, которая отражает распределение жителей по социальному составу в пространстве города; так как право выбора места жительства всегда является более реальным для одних групп населения и номинальным для других, минимальная стоимость квадратного метра составляет своего рода входной билет в то или иное городское сообщество» [Сидорова, Мосиенко, 2017: 56].

В работе М. Б. Колесниченко рассмотрены процессы, характерные для урбанизированного пространства на примере Перми [Колесниченко, 2016]. С привлечением данных о продаже жилья с сайта «Авито» выделены основные показатели жилищных условий населения. Подчеркивается противоречивость современных тенденций освоения городской территории, влияние этажности, автомобилиза-

ции, новизны застройки, процессов местного самоуправления на облик города. Сделан вывод о воздействии стратификационных, кризисных явлений на городской ландшафт.

Как отмечает Н. Р. Корнев, «несмотря на то, что активность рынка жилья города в целом варьирует из года в год, определенные на ее основе ранги районов остаются почти неизменными... За этим — сходство многих факторов, влияющих на предпочтения как массовых потребителей жилья, так и относимых к городской элите. Среди них — качество жилья и городского пространства, социальная история, символическая и функциональная ценность, экологическая ситуация» [Корнев, 2008: 100]. Поэтому анализ предложений рынка жилья можно рассматривать как адекватный способ исследования жилищно-пространственной стратификации городов.

Эмпирическая база и методы исследования

На основе рассмотренных теоретических подходов мы провели эмпирическое исследование жилищно-пространственного неравенства в городах Приволжского федерального округа (ПФО): Казани, Кирове и Нижнем Новгороде.

Города выбирались так, чтобы можно было сравнить показатели трех различных по уровню развития регионов — относительного лидера по социально-экономическим показателям в ПФО (Республика Татарстан), регионов с показателями выше среднего по округу (Нижегородская область) и ниже среднего по округу (Кировская область). Согласно всероссийской типологии регионов, основанной на показателях уровня экономического развития, Татарстан занимает 4-е место, Нижегородская область — 16-е, а Кировская область — лишь 63-е место в «Рейтинге регионов по качеству жизни» в 2018 г.²

Собранные нами официальные статистические данные (см. табл. 1) также свидетельствуют, что наиболее благоприятная ситуация в жилищном секторе и экономическом положении складывается в республике Татарстан, показатели для Нижегородской области принимают срединные значения, Киров значительно отстает по ряду индикаторов.

Среднедушевые доходы населения трех регионов заметно различаются. По состоянию на 2-й квартал 2020 г. для жителей Татарстана и Нижнего Новгорода среднедушевой месячный доход составляет 31 322 руб. и 32 136 руб. соответственно, а для Кировской области — 23 276 руб.³

Для формирования представлений о рынке недвижимости городов мы провели серию экспертных интервью с риелторами крупных агентств недвижимости (10—15 интервью в каждом из трех изучаемых городов). Профессиональная оценка риелторов позволила уточнить значимость отдельных параметров жилья при ценообразовании, ключевые запросы покупателей, выделить наиболее престижные и непрестижные локации в городах.

² Рейтинг российских регионов по качеству жизни // РИА Новости. 2019. 18 февраля. URL: <https://ria.ru/20190218/1550940417.html> (дата обращения: 28.10.2020). Рейтинг построен на основе комплексного учета 70 показателей, фиксирующих состояние различных аспектов условий жизни и ситуации в социально-экономической сфере.

³ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2020. 2 сентября. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BNDIVxvP/urov_10subg-nm.xlsx (дата обращения: 28.10.2020).

Таблица 1. Сравнительная характеристика социально-экономической и жилищной ситуации в трех регионах ПФО (по данным на 2018 г.)

Показатель сравнения	Республика Татарстан	Нижегородская область	Кировская область
<i>Социально-экономические и демографические показатели</i>			
Площадь территории региона, тыс. км ²	67,8	76,6	120,4
Площадь регионального центра (км)	425 (Казань)	466 (Нижний Новгород)	169 (Киров)
Численность населения регионального центра, тыс. чел.	1232	1253	507
ВРП на душу населения на конец 2016 г., руб.	497 467	365 460	226 804
<i>Жилищное строительство</i>			
Расходы консолидированных бюджетов региона, млн руб.	206 824,1	132 119,3	49 787,6
Всего общей площади жилых помещений, тыс. м ² ; на душу населения, м ²	2408; 0,61	1308; 0,40	546; 0,42
<i>Обеспеченность жильем, ветхое и аварийное жильё</i>			
Жилищный фонд, млн м ²	102	87	33
Общая площадь жилья, приходящаяся на одного человека, м ²	26,2	26,7	26,1
Удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %	0,2	0,6	0,8
Удельный вес семей, получивших жилые помещения, в числе семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, %	7,7	3,9	5,2
<i>ЖКХ и коммунальные услуги</i>			
Расходы бюджета региона на ЖКХ, млн руб.	12 018,9	13 005,5	4 784,3
Удельный вес расходов домохозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, % от общей суммы потребительских расходов	8,2	9,7	10,0

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018.

Основным методом сбора эмпирических данных выступил структурный контент-анализ объявлений о продаже жилья в Кирове, Казани и Нижнем Новгороде на сайте «Авито»⁴, который содержит наибольшую базу объявлений среди имеющихся аналогов сайтов продажи недвижимости и, по мнению экспертов, известен большинству жителей страны.

Сбор данных проводился автоматизированно с 24 апреля по 1 мая 2019 г. В этот период все опубликованные объявления о продаже жилья в трех городах были собраны в базу Excel в соответствии с предварительно разработанной матрицей анализа. В качестве исследуемых единиц анализа из объявлений из-

⁴ Авито. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 28.10.2020).

влекались следующие параметры: тип — новостройка / вторичное жилье; адрес; район; количество комнат; материал стен дома; цена общая и за квадратный метр (в рублях); этажность дома; этаж — для квартир и комнат; количество просмотров (на момент сбора информации); общая площадь (кв. м); площадь кухни (кв. м); жилая площадь (кв. м); число фотографий; содержание первого (основного) фото в объявлении; площадь земельного участка — для домов (в сотках); расстояние до ближайшего метро — для Казани и Нижнего Новгорода (км).

Вся информация анонимизировалась и кодировалась с целью дальнейшей статистической обработки. Исследовалась вся генеральная совокупность объявлений (сплошной отбор), которая составила 42 917 объявлений.

В ходе исследования для объектов недвижимости были определены городские микрорайоны, в которых они расположены. С этой целью сначала были вручную определены границы микрорайонов на основе информации, указанной на Google Maps, с помощью инструмента «Конструктор карт Яндекса»⁵.

Город Киров разделен на четыре административных района, и в них мы выделили 28 микрорайонов, которые официально не закреплены, но отражаются на картографических ресурсах («Яндекс.Карты», Google.Maps, 2GIS и др.), а также активно используются в речи горожан для обозначения местоположения тех или иных городских объектов. В Нижнем Новгороде в восьми административных районах было выделено 36 микрорайонов, в Казани на семь административных районов приходится 38 микрорайонов (перечень микрорайонов представлен на картах городов). Условные границы микрорайонов выделены с помощью визуальной оценки типа застройки по картам, а также по крупным автодорогам.

Был разработан алгоритм, чтобы по географическим координатам объектов недвижимости и границам микрорайонов автоматически определять принадлежность данного объекта к микрорайону. Часть объектов (13,1 %) не попала в заданные границы микрорайонов из-за отсутствия точного адреса в объявлении либо неправильно указанных географических координат объектов продажи. Результаты по общему количеству объектов и по количеству объектов, для которых удалось определить микрорайон, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Общее количество объектов продающегося жилья в изучаемых городах («Всего») и количество объектов жилья, для которых в объявлении на сайте «Авито» указан микрорайон («С мкр-ном»)

Город	Квартиры			Комнаты			Дома			Всего		
	Всего	С мкр-ном	% с мкр-ном	Всего	С мкр-ном	% с мкр-ном	Всего	С мкр-ном	% с мкр-ном	Всего	С мкр-ном	% с мкр-ном
Казань	17 378	16 065	92,4	1 430	1 409	98,5	5 369	3 291	61,3	24 177	20 765	85,9
Нижний Новгород	7 966	7 284	91,4	984	931	94,6	1 613	1 089	67,5	10 563	9 304	88,1
Киров	6 344	6 074	95,7	892	856	96,0	941	308	32,7	8 177	7 238	88,5
Всего	31 688	29 423	92,9	3 306	3 196	96,7	7 923	4 688	59,2	42 917	37 307	86,9

⁵ Конструктор карт Яндекса. URL: <https://yandex.ru/map-constructor> (дата обращения: 28.10.2020).

Собранные данные были экспортированы в базу SPSS, где в дальнейшем проводились все преобразования и статистический анализ.

База данных предварительно была очищена от экстремальных значений, которые в основном были связаны с опечатками в объявлениях (неадекватно высокая или низкая стоимость или метраж продаваемого жилого объекта). Для ранжирования качества жилья и благополучности микрорайонов городов мы выбрали в текстах объявлений четыре объективных параметра жилищного неравенства: цену за квадратный метр жилого объекта, размер кухни, материал стен дома и общую площадь жилья. Каждый из этих критериев пространственной дифференциации был разделен на уровни выраженности, которые обозначили разные качество и престижность жилья. Для разбивки количественных критериев (метраж и стоимость кв. м) были определены четыре интервала в соответствии с квартилями распределений от минимума к максимуму. В трех изучаемых городах средний размер стоимости квадратного метра жилья и площади в границах кварталов значительно различались, поэтому границы интервалов задавались отдельно для каждого города. По материалу стен домов максимальный балл присваивался монолитным домам (как наиболее современным), минимальный — панельным, блочным и деревянным.

Из сочетания выбранных параметров с помощью программы SPSS был вычислен интегральный показатель оценки качества жилья, который присваивался каждому наблюдению. Интегральный показатель позволяет довольно точно оценить качество жилья и на этой основе с помощью корреляционного анализа сравнивать микрорайоны по уровню жилищного «благополучия».

Интегральный показатель качества и престижа жилья рассчитывался из суммы баллов, полученных объектом недвижимости по выбранным четырем показателям, где худшему уровню показателя соответствовал 1 балл, лучшему — 4 балла (для материала стен дома максимальным был балл 3, соответствовавший монолитному дому). После вычислений все жилые объекты изучаемой совокупности получили значения интегрального показателя от 4 до 15 баллов. На следующем этапе мы разделили объекты по числу набранных баллов и выделили четыре группы жилья по уровню качества. Объекты недвижимости, набравшие до 6 баллов включительно, попали в группу неблагополучного жилья; 7—9 баллов — относительно благополучного жилья; 10—12 баллов — благополучного; 13—15 баллов — элитного. В дальнейшем были построены таблицы сопряженности жилых объектов с учетом вычисленных показателей качества и микрорайона. Анализировались объекты, для которых удалось определить расположение на карте города по указанным продавцом координатам, для анализа таблиц сопряженности использовался критерий согласия Пирсона. На этой основе были проранжированы микрорайоны города по преобладанию в них тех или иных объектов на рынке жилья.

Статистические данные о жилой застройке

В исследуемых нами городах активное жилищное строительство началось во второй половине XX века (см. табл. 3), однако построенные более полувека назад дома сегодня поляризуют структуру жилищного фонда, поскольку многие параметры советской застройки не соответствуют потребностям населения. По словам

Л. Р. Султановой, причина в «гипертрофированном строительстве с 1960-х годов крупнопанельных домов при явном недостатке жилья более высоких потребительских качеств» [Султанова, 2009: 89].

В последние два десятилетия объемы ввода в эксплуатацию многоквартирных домов в Кирове и Нижнем Новгороде несколько снизились. В Казани всплеск жилищного строительства пришелся на первое десятилетие XXI века.

Обращает на себя внимание факт, что прирост числа квартир опережает прирост числа домов в процентном соотношении в пределах десятилетий. Это свидетельствует о доминировании многоэтажной застройки с большим числом подъездов в домах и увеличении доли однокомнатных квартир.

Таблица 3. Объем строительства многоквартирных домов в трех городах ПФО по годам

Год постройки	% от общего объема домов			% от общего объема квартир		
	Киров (N = 4169)	Нижний Новгород (N = 9541)	Казань (N = 5940)	Киров (N = 214 569)	Нижний Новгород (N = 532 438)	Казань (N = 454148)
2010—2019	8,9	4,7	7,3	22,0	9,8	11,9
2000—2009	7,4	4,5	14	8,0	6,7	16,4
1990—1999	8,9	5	9,4	12,7	8,5	13,3
1980—1989	13,4	8,9	11,6	20,6	19,6	17,5
1970—1979	17	12,4	14,9	18,3	23,8	18,4
1960—1969	18,6	20,4	22,4	13,4	21,1	16,9
1950—1959	17	24,3	13	3,9	6,6	4,1
1940—1949	1,4	3,7	2,7	0,2	0,8	0,6
1930—1939	2,7	4,3	1,8	0,5	1,7	0,6
1920—1929	1,1	2,7	0,4	0,1	0,5	0,1
1910—1919	3	8,6	2,4	0,2	0,9	0,2
1900—1909	0,6	0,5	0,1	0,1	0,0	0,0
Итого	100	100	100	100	100,0	100,0

Источник: Дом.МинЖКХ: Информация о домах в России. URL: <http://dom.mingkh.ru> (дата обращения: 28.10.2020).

Результаты исследования

Жилые объекты многоквартирных домов в исследуемых городах распределены по-разному (см. табл. 4). Неудивительно, что малогабаритного жилья, то есть студий и комнат, в Кирове продается больше, чем в Нижнем Новгороде и Казани, так как экономическое развитие Кировской области уступает развитию Республики Татарстан и Нижегородской области.

В Казани лучше состояние частного жилищного фонда: доля коттеджей среди частных домов там значительно выше (41,5%), чем в Кирове (16,9%) и Нижнем Новгороде (18,7%).

Таблица 4. **Число комнат в квартирах в исследуемых городах, в % по каждому городу ($p = 0,00$)⁶**

	Киров	Нижний Новгород	Казань
1-комнатные	28,0	20,8	34,5
2-комнатные	28,3	34,1	29,5
3-комнатные	19,4	26,6	21,5
4-комнатные	3,0	4,4	3,1
5-комнатные	0,5	0,9	0,5
Студии	8,4	1,9	2,8
Комнаты	12,4	11,3	8,1
Итого	100	100	100

В центральных микрорайонах городов основу предложений рынка жилья составляют двух- и трехкомнатные квартиры, по мере удаления от центра резко растёт доля однокомнатных квартир и снижается доля трехкомнатных. Это говорит о достаточно сильном снижении престижа и статуса жилья и увеличении доли жителей из малообеспеченных слоев населения по мере удаления от центра города.

Первое, что интересует продавцов и покупателей жилья, — его стоимость. В Нижнем Новгороде квартиры стоят в 1,5 раза, а в Казани в 2,2 раза дороже, чем в Кирове. Различия в стоимости отражают ценовую политику на жилье в регионах, различия в престиже городов и уровне благосостояния населения.

Киров уступает соседним региональным центрам и по площади квартир (см. табл. 5). Меньшие площади квартир свидетельствуют об экономичности жилья, не рассчитанного на соблюдение нормативов по количеству квадратных метров на каждого жильца, что коррелирует с отставанием Кировской области по экономическим показателям от сравниваемых регионов-соседей.

Таблица 5. **Показатели стоимости и площади квартир в городах**

		Киров (N = 6925)	Нижний Новгород (N = 8203)	Казань (N = 17 465)
Цена за квартиру в рублях	Среднее	2 066 988	3 621 365	4 408 722
	Медиана	1 729 000	3 000 000	3 750 000
	Минимум	185 000	200 000	350 000
	Максимум	24 500 000	66 170 000	119 000 000
Цена за квадратный метр	Среднее	42 543	65 057	78 471
	Медиана	41 666	61 592	76 271
	Минимум	10 416	9 186	22 421
	Максимум	174 868	259 897	371 875

⁶ Использовался критерий согласия Пирсона.

		Киров (N= 6925)	Нижний Новгород (N= 8203)	Казань (N= 17 465)
Общая площадь квартиры (кв. м)	Среднее	46,2	52,5	55,0
	Медиана	42,5	47,8	48,6
	Минимум	8,8	8,3	8,0
	Максимум	422,5	369,0	769,0
Жилая площадь (кв. м)	Среднее	18,6	26,8	18,6
	Медиана	17,0	28,0	16,0
	Минимум	0,0	0,0	0,0
	Максимум	169,3	250,0	400,0

При высоких средних ценах на жилье в Казани становится понятна востребованность старого жилья — в оценках риелторов это «хрущевки» и «сталинки», — которое стоит дешевле из-за скидки за возраст дома.

Эксперты неоднозначно высказывались о судьбе устаревающей застройки советского периода во всех изучаемых городах. Положение этих домов противоречиво. С одной стороны, они сильно изношены, внутренние планировки квартир и параметры дома не соответствуют современным представлениям о комфорте: во многих нет лифтов, колясочных, в плохом состоянии общедомовые коммунальные системы, нет пандусов, современных детских площадок, недостаточно парковочных зон. С другой стороны, эти дома удобно и привлекательно расположены: часто поблизости к культурному, историческому и деловому центру города или прямо в центре. Большинство экспертов считают, что дома из серии «хрущевок» и «сталинских» в ближайшие десятилетия сохранят свои относительно неплохие позиции в жилищной иерархии, особенно в центральных районах. Устаревающий жилищный фонд в центре городов еще долго будет пользоваться спросом у небогатых горожан, мигрантов из сельской местности и «интеллигенции»:

«Сталинки» все живые, в них практически во всех прошел капитальный ремонт, кстати. На удивление, на них есть своя категория покупателей. То есть там фишка в том, что тишина от соседей — там толстые стены и высокие потолки по 3,3—3,4 м, и цена доступная. Поэтому и «сталинки», и «хрущевки» вполне себе живучие, спросом пользуются. (Риелтор Елена, Киров)

В Казани риелторы отмечали, что квартиры в «хрущевках» могут сохранить качество и привлекательность для покупателей за счет реализации программы реновации такого жилья:

Я думаю, они подпадут под программу типа реновации в Москве. Ну, в любом случае что-то подобное будет, потому что срок службы любой хрущевки 50—60 лет, и он уже истек у большинства. (Риелтор Татьяна, Казань)

Почти все эксперты отметили, что перспективы домов советской застройки напрямую зависят от активности управляющих компаний и жильцов по поддержанию функционального состояния своего дома:

Их судьба напрямую зависит от того, какие люди в них будут жить. Если они будут относиться к коммуникации дома, к кровле дома, к подвалам внимательно, хорошо, то такие дома еще 20—30 лет простоят без всяких проблем. (Риелтор Владимир, Нижний Новгород)

Стоимость квадратного метра жилья в частном секторе значительно ниже стоимости квадратного метра в квартирах. Однако поскольку обычно дома имеют большие площади, во всех трех городах цены на частный сектор выше, чем на квартиры. В Кирове средняя цена за частный дом чуть выше 3,5 млн рублей, а в Казани и Нижнем Новгороде цены достигают 7—10 млн рублей. В городах-миллионерах цены на землю в два раза выше, чем в Кирове.

Обобщая данные корреляционного анализа предложений рынка жилья, отметим, что на ценообразование на рынке недвижимости существенно влияют такие доступные для анализа из текста объявлений параметры, как тип жилья (новостройка или вторичное), материал стен дома, размер кухни, этаж квартиры, состояние ремонта, удаленность дома от метро.

По объективным показателям качества жилья в многоквартирных домах мы выявили различия в стоимости жилья и структуре жилищных фондов городов ПФО. Киров отстает от других по показателям цен на недвижимость, общей площади квартир, площади кухни. Нижний Новгород занимает срединные позиции по исследуемым показателям, хотя жилая площадь объектов в этом городе наибольшая. Казань практически по всем показателям занимает ведущие позиции.

Жилищная дифференциация микрорайонов городов

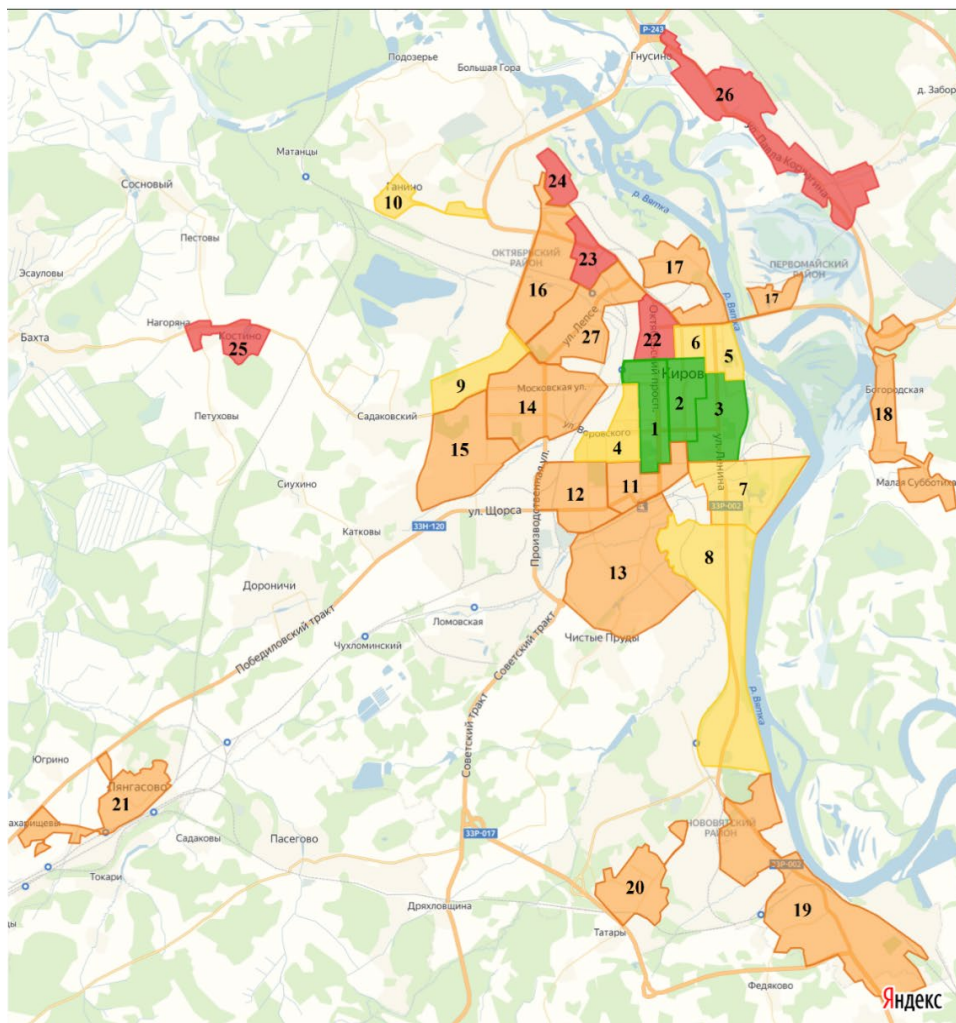
В каждом городе есть микрорайоны, непривлекательные для покупки там жилья. Это может быть связано с плохой экологической обстановкой (с работающими рядом предприятиями, высоким автомобильным трафиком), с криминогенной обстановкой, с низким качеством жилья и инфраструктуры района, отсутствием социально значимых объектов в шаговой доступности, а также с отдаленностью от центра города либо места работы. Исследователи и риелторы приходят к выводу, что город состоит из множества территориальных кластеров, различающихся по степени престижности.

Рассмотрим территориальные кластеры Кирова, Нижнего Новгорода и Казани.

Результаты, полученные в ходе ранжирования микрорайонов, визуализированы на картах, отражающих пространственную структуру жилищной дифференциации городов (см. рис. 1—3).

Киров

В Кирове можно выделить более дорогие по стоимости недвижимости и благополучные по параметрам жилья микрорайоны на юге, западе города и в историческом центре (см. рис. 1).

Элитные микрорайоны:

- 1. Цирк – ЦУМ
- 2. Театральная площадь – Медакадемия
- 3. Филармония

Благополучные микрорайоны:

- 4. Молокозавод
- 5. Александровский сад
- 6. Дворец Бракосочетания
- 7. Зональный (ул. Блюхера и Хлыновской)
- 8. Солнечный берег, ТЦ GreenHouse
- 9. Метроград, ул. Упита и Красная горка
- 10. Ганино

Относительно благополучные микрорайоны:

- 11. Вокзалы, улица Комсомольская
- 12. кинотеатр Дружба
- 13. Чистые пруды
- 14. Юго-Западный район
- 15. Ипподром и Урванцево
- 16. Филейка и ул. Луганская
- 17. Красного химика и ул. Заводской
- 18. Макарье
- 19. Нововятск
- 20. Радужный
- 21. Лянгасово
- 27. Лепсе и парк Победы

Неблагополучные микрорайоны:

- 22. ДК 1 мая
- 23. завод ОЦМ
- 24. Северная больница
- 25. Костино
- 26. Коминтерн

Рис. 1. Жилищно-пространственная дифференциация города Кирова, по результатам анализа рынка недвижимости

На рисунке заметно, что элитные микрорайоны расположены недалеко друг от друга в историческом центре города. Крупные торговые центры, театры и кинотеатры, университеты, прогулочные зоны размещены в этих микрорайонах. Поэтому мы можем говорить, что не только качество жилья в данных микрорайонах находится на высоком уровне, но и комфортность городской среды значительно выше.

Благополучные микрорайоны в Кирове разделены на два типа. К первому относятся те, где велика доля новостроек (мкр-ны № 7, 8, 9, 10), где застройщики осваивают и успешно развивают удобные для жизни локации, с квартирами удобных планировок и высокого качества. Эти микрорайоны удалены от центра города и досуговых мест, но поскольку Киров в 2,5 раза меньше по площади, чем Казань и Нижний Новгород, у кировчан возникает меньше проблем с транспортной доступностью, и удаленность от центра города не рассматривается как весомый фактор жилищного неравенства.

Благополучные микрорайоны второго типа (№ 4, 5, 6) расположены вблизи исторического центра. В них точно ведется новая застройка, но также имеется немалая доля старого жилья, построенного в 1960—1980-е гг.

Относительно благополучные микрорайоны с жильем среднего качества расположены достаточно далеко от центра города. Хотя можно отметить, что в этих микрорайонах высока доля новостроек, город развивается и растет, причем в основном в юго-западном направлении, все дальше от промышленных предприятий. Судя по характеру новостроек эконом-класса — с небольшими кухнями, панельными стенами, большим числом квартир на этаже, — удаленные от центра города районы рассчитаны прежде всего на массового потребителя без больших запросов. Также в большинстве микрорайонов этого кластера (за исключением мкр-нов Чистые Пруды, Ипподром и Урванцево) основу жилищного фонда все-таки составляют дома советской застройки, которые по нашим индикаторам престижа и качества жилья имеют невысокие показатели. И именно в этих домах собственники все чаще стараются «сбыть» устаревшее жилье и приобрести взамен более современное. В домах, построенных 10—20 лет назад, продается наименьшее число квартир, поскольку чаще всего они полностью устраивают собственников. Поэтому пропорции нового и старого жилья на рынке несколько искажают реальное соотношение застройки этих типов (советской и современной), доля вторичного жилья в старых домах преувеличена. Некоторые микрорайоны попали в кластер не вполне благополучных, поскольку в них на продажу выставляются чаще малогабаритные квартиры в панельных домах (а таких очень много среди новостроек), например мкр-ны Чистые Пруды, Ипподром и Урванцево.

На севере и северо-востоке города более дешевая жилая застройка. Непрестижные микрорайоны в Кирове в основном окраинные. Это промышленные микрорайоны, преимущественно малоэтажной застройки середины прошлого века. Отсюда многие проблемы и отсутствие важных современных показателей комфорта: много домов без балконов, лифтов, пандусов, помещений для колясок, высокая изношенность водопровода и теплосетей, плохое состояние стен, крыш, отсутствие противопожарной сигнализации, — что резко снижает статус микрорайонов. Несмотря на постепенное развитие инфраструктуры, в данных

районах кировчан отталкивает преобладание старого жилищного фонда, общая загрязненность, расположенные неподалеку заводы, значительно ухудшающие экологическую ситуацию.

В Кирове можно выделить несколько типов микрорайонов по степени однородности застройки:

1) Контрастные по характеру застройки микрорайоны (есть и очень старые, и новые дома, элитное жилье и дома эконом-класса): мкр-ны Театральной Площади, ЦУМа, Дворца Бракосочетания, Александровского Сада, — практически все центральные микрорайоны, где есть элитное жилье. Здесь часто соседствуют дома в аварийном состоянии и элитные строения.

2) Умеренно неоднородные микрорайоны — таких большинство в городе.

3) Жилищно однородные микрорайоны с доминированием либо новой (мкр-ны Чистые Пруды, Солнечный Берег / ТЦ Green Haus, Филармонии), либо старой застройки (мкр-ны Северной Больницы, Лянгасово, Коминтерн, Костино, Макарье).

Как показал наш анализ, в жилой застройке Кирова большую часть составляют микрорайоны со средними и низкими показателями качества и престижа жилья, что отражает общее депрессивное экономическое состояние региона. Мы проследили тенденцию: чем удаленнее от центра расположен район, тем менее выражена жилищная стратификация. Таким образом, профиль жилищной стратификации в разрезе микрорайонов города отражает умеренную поляризацию без признаков явной сегрегации.

Нижний Новгород

По своей конфигурации Нижний Новгород отличается от Кирова и Казани. Его принято делить на две части: верхнюю и нижнюю (которые располагаются на противоположных берегах реки Оки), за счет чего город не имеет центра как такового. Однако коренные нижегородцы (либо живущие в нем большую часть своей жизни) зачастую под центром понимают Нижегородский район, а точнее наиболее северную его часть, где расположен Кремль. Это объясняет престижность данного района и высокие цены на жилье.

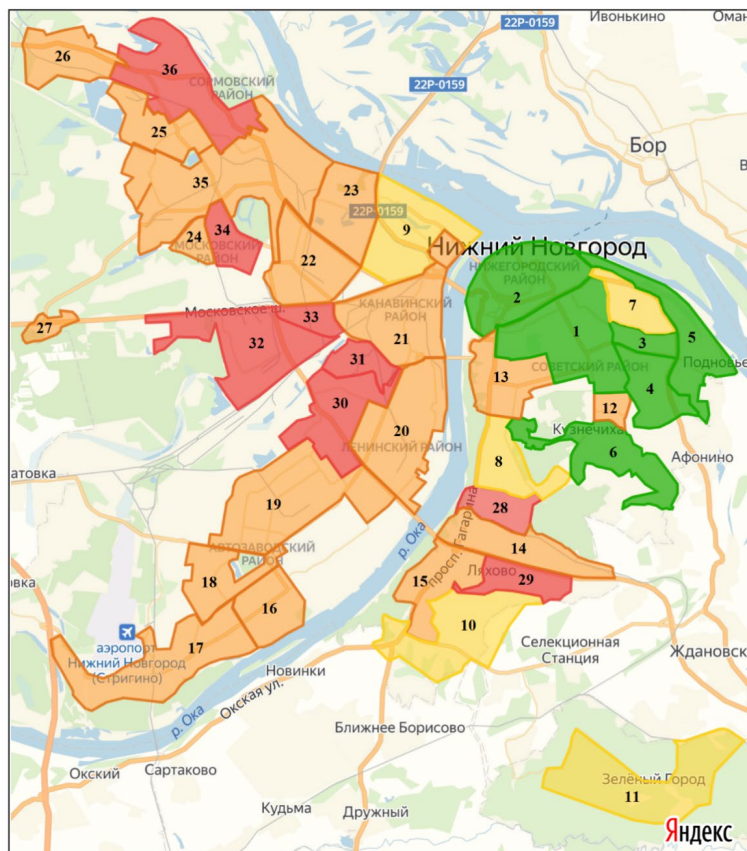
Много людей работают в верхней части города, а живут в нижней, в силу более низких цен на жилье. В связи с этим актуальна проблема автомобильных пробок через мосты, и отдаленность района от центра играет значительную роль.

Помимо Нижегородского района, риелторы выделили как престижные Советский район (расположен чуть южнее Нижегородского) и частично Приокский район (самый южный):

Наиболее престижные — Нижегородский, Советский район (это верхняя часть, это центр). Здесь самые дорогие квартиры. Здесь историческая часть, здесь больше рабочих мест. (Риелтор Ольга, Нижний Новгород)

Необходимо отметить, что все указанные районы расположены в верхней части города. Нижнюю часть города в Нижнем Новгороде принято считать менее престижной (Сормовский, Канавинский, Ленинский и Автозаводский районы), однако и там строятся новые жилые комплексы и улучшается инфраструктура.

По вычисленному нами интегральному показателю подтвердилось, что элитные микрорайоны в основном концентрируются в верхней части города (см. рис. 2). Так же, как и в Кирове, высокостатусные в жилищном отношении микрорайоны (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6) концентрируются вокруг административного и исторического центра.

- Элитные микрорайоны:**
- 1. Лапшиха, Нагорный-1,2,3,4, Высоково, Коммунальный поселок
 - 2. Нижегородский район
 - 3. Печерская долина
 - 4. Верхние пещеры-1,2,3,4,5,6,7,8, Печерская града
 - 5. Новая, Подновье, Пещера, Александровская
 - 6. Новопокровское, деревня Кузнечиха, Сахарный Дол
- Благополучные микрорайоны:**
- 7. Усидловский, Привольская слобода
 - 8. Караванха, Новая стройка, поселок совхоза Цветы, Суриковский
 - 9. ЖК Сельское небо, мкр ЭЖК, Меперское озеро 1-5, мкр Гордеевский
 - 10. Бешчево, Ольгино, Луч
 - 11. Зеленый город
- Относительно благополучные микрорайоны:**
- 12. Кузнечиха-1,2
 - 13. Тобольские казармы
 - 14. Черепинный, Стройгаз, Старый поселок
 - 15. Шербинки-1,2,3, поселок Лихово
 - 16. Народная Стройка, Юг, 6 квартал, мкр Юг
 - 17. поселки Гиндлы, Стригино, Малышево, Стахановский, мкр Питомник
 - 18. Мончегорский; 35, 43, 44, 52 кварталы, поселок Колхозны
 - 19. Соцгород (Соцгород 1-8, Северный)
 - 20. Комсомольская площадь, Молитовка, Молитовский затон
 - 21. Ярмарка, Ленгородок, Поселок Володарского
 - 22. Красные Зори, Спортивный, Калининский
 - 23. Бурынаковский, Бурынаовская низина
 - 24. Квартал Новая Стройка
 - 25. Комсомольский, 5,7-й мкр Сормова
 - 26. Высоково, Дубравный
 - 27. Орловские дворики
 - 28. Новый, квартал Кооперативный поселок, мкр Вождей Революции, 10-й мкр Сормова, Дарыно, центр Сормова, Володарский, Светловский, Старое Сормово
 - 29. Ближнеоконстантиново, деревня Лихово, Мордавинево
 - 30. Красная Этна, пос Парикоской Коммуны
 - 31. Поселок Дачный и поселок Металлист
 - 32. Сергировочный, Лесной городок, поселок Березовский
 - 33. 15-й квартал, поселок Юдильева
 - 34. Орджоникидзе, квартал Анвационный
 - 36. Копосово, Починки, Народный поселок

Рис. 2. Жилищно-пространственная дифференциация Нижнего Новгорода, по результатам анализа рынка недвижимости

Благополучные микрорайоны Нижнего Новгорода (№ 7, 8, 9, 10) в большинстве своем расположены по берегам рек Оки и Волги. В них строится достаточно много нового жилья (до 30% новостроек), жилищный фонд обновляется, люди переезжают в более престижное жилье из отдаленных микрорайонов, и качество жизни отдельных групп населения растет. Особой чертой престижного микрорайона Зеленый Город (№ 11) является то, что он расположен далеко от центра города, так как состоятельные жители из центра начинают перемещаться на экологически чистые окраины.

Средние по качеству жилья и престижности микрорайоны находятся преимущественно в нижней части города на северо-западе и юго-западе. Данные территории активно застраиваются малогабаритным, бюджетным жильем, далеко расположены от центра города, цена и метраж квартир ориентированы на стандарты эконом-класса, поэтому престиж данных микрорайонов невысок.

Непрестижные микрорайоны в Нижнем Новгороде делятся на два типа. Первый тип (мкр-ны № 28, 29, 34, 36) характеризуется отдаленностью, старой застройкой и неразвитой досуговой инфраструктурой. Второй тип локализован в промышленной зоне Горьковского автозавода (мкр-ны № 30, 31, 32, 33), здесь доминирует плотная типовая советская застройка и практически не ведется жилищное строительство, налицо неблагоприятное соседство с крупным производством.

По степени однородности жилья микрорайоны Нижнего Новгорода также можно разделить на три категории. Соотнеся карту с доминантной застройкой, мы выявили, что наибольшие контрасты в качестве жилищного фонда наблюдаются в относительно благополучных (в соответствии с интегральным показателем) микрорайонах, а также в историческом центре города вокруг Кремля. Причем большинство контрастных микрорайонов расположены не на окраинах города, а относительно недалеко от центра, где активно велось строительство в советский период («сталинские дома», «хрущевки», дома «улучшенной планировки»). Однако состояние жилищных массивов престижного исторического центра отражает особенности расселения коренного и некоренного населения. Эксперты обозначили проблему ветхих, аварийных домов в центре города (так называемый самострой, самовольно построенные частные дома), а также старокупеческих малоэтажных домов. Эти дома представляют историческую ценность, расположены близко к центру, но нередко заселены социально неблагополучными категориями граждан, в том числе трудовыми мигрантами из стран СНГ. К настоящему времени судьба таких домов предопределена их плачевным состоянием, они постепенно сносятся. Сегодня эти микрорайоны в силу их удобного местоположения и покупательского спроса точно осваивают застройщики. От этого облик центра города становится контрастным и возрастает жилищная поляризация.

По соотношению новостроек и старых домов выделяются несколько районов в нижней и верхней частях города. В Нагорной (верхней) части города в основном строят дома комфорт- и бизнес-класса. В Заречной (нижней) части города районы новостроек располагаются в основном на наиболее удаленных окраинах, где, судя по рассчитанному интегральному показателю качества и престижа жилья, большинство домов строятся из недорогих материалов, с доминантой небольших квартир. Таким образом, видна принципиальная разница: в верхней части города

жилищный фонд обновляется и развивается за счет комфорт- и бизнес-класса, а в нижней части основу составляют дома эконом-класса.

Обобщая, отметим, что, как и в Кирове, большую часть Нижнего Новгорода составляют микрорайоны со средними и низкими показателями качества и престижа жилья. Однако специфическое деление города на две части поспособствовало иной конфигурации микрорайонов. В верхней части города большинство микрорайонов, в том числе все окраинные, имеют высокие показатели качества и престижа жилья, тогда как в нижней части города подавляющее число микрорайонов имеют средние и низкие значения интегрального показателя. Таким образом, рынок жилья отражает неравномерное жилищное развитие частей города с выраженной поляризацией.

Казань

Казань выделяется на фоне Кирова и Нижнего Новгорода в силу особого статуса, которым Татарстан обладал на протяжении четверти века. Долгое время статус республики в российской системе федерализма давал возможность самостоятельно распоряжаться ресурсами и привлекать инвесторов. Это отразилось на жилищном облике и строительстве Казани.

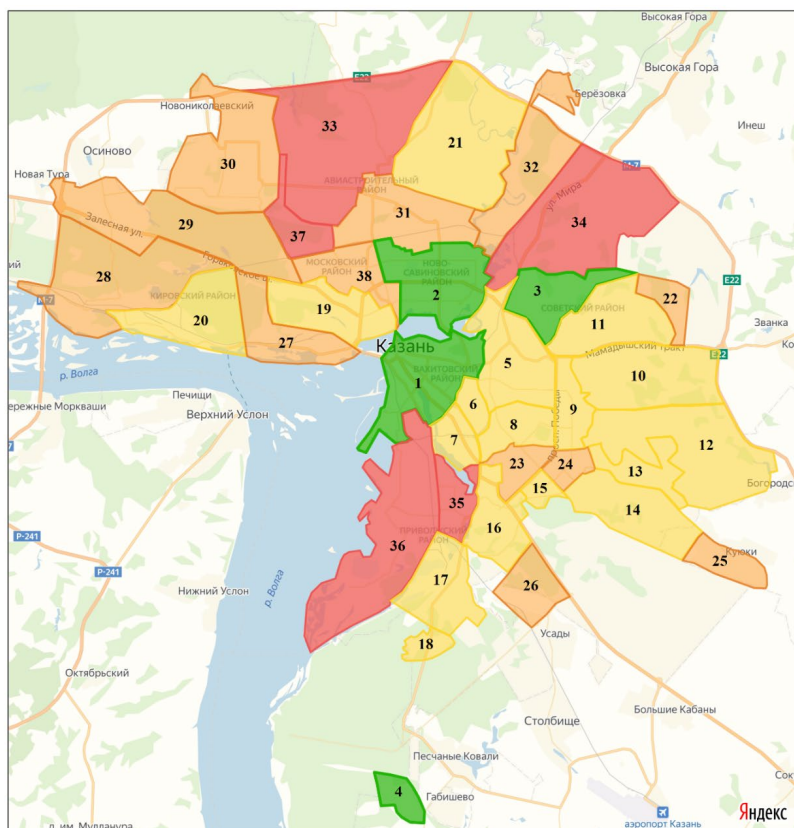
Как и в двух других изучаемых городах, в Казани элитные микрорайоны (№ 1, 2, 3) расположены преимущественно в историческом центре города (см. рис. 3). В них много частной застройки коттеджами, что нехарактерно для Кирова и Нижнего Новгорода (в основном частные дома там на периферии). Также на карте города выделяется значительно удаленный от центра микрорайон № 4, в котором преобладает элитная частная застройка. Это еще раз подчеркивает значимость уединенности и хорошей экологической обстановки для состоятельных людей.

В Казани больше всего благополучных по состоянию жилья микрорайонов, они доминируют в восточной и юго-восточной частях города. В этих активно развивающихся микрорайонах подавляющее число домов построены в XXI веке, стоит много качественных частных домов. Хотя некоторые благополучные микрорайоны значительно удалены от центра города, эффективная работа транспортной сети компенсирует это в оценке престижа и качества жилья.

Средние по благополучию микрорайоны города расположены в северной, западной частях города и на окраинах южной части. Некоторые микрорайоны (ближе к центру города: мкр-ны № 23, 24, 27, 38) попали в число относительно благополучных из-за массовой советской застройки, где ряд параметров сегодня уже не соответствуют представлениям о комфорте и престиже и негативно влияют на стоимость квартир. На самых окраинах Казани есть микрорайоны, которые нельзя описать как благополучные: с массовым новым строительством домов эконом-класса в основном из панельных и блочных материалов, с типовой планировкой с небольшими кухнями или вовсе студиями, рассчитанными на покупателей с небольшим бюджетом.

Концентрация жилья с низкими статусными характеристиками приходится на периферию северной и южной частей города (мкр-ны № 33, 34, 35, 36, 37). Практически все микрорайоны данной группы представлены старым малоэтажным, малогабаритным жильем. Неблагополучными оказались микрорайоны,

расположенные вблизи завода имени Кирова (№ 35, 36): соседство с крупным промышленным предприятием снижает престиж жилья, к тому же оно значительно изношено в силу возраста.

Элитные микрорайоны:

- 1. Микрорайон Кремль
- 2. 11, 17, 25, 27, 38, 56, 68, 69 кварталы и МЖК
- 3. Микрорайон Шарнирно и Шарнирный бугор
- 4. Микрорайон ЖК Ясная поляна

Благополучные микрорайоны:

- 5. 29, 30 квартал и Октябрьский городок
- 6. Аметьево и Калуга
- 7. Квартал завода СК 4
- 8. Танкодром
- 9. Азино
- 10. Большие клыки и Самосырово
- 11. Малые клыки, Константиновка, Радужный
- 12. Привольный и Чернопенье
- 13. Вишневка, Салмачи и Восточный
- 14. Алтан и Плодопитомник, Новые Салмачи
- 15. Горки 3
- 16. Старые Горки, Мегагородок и Ферма 2
- 17. Мирный и Девликсево
- 18. Петровский и Кояшлы
- 19. Прохоровая Слобода, Слобода Крыловка, Гривка и центральных ЖК
- 20. Красная Горка, Новос и старое Арачино и Калининна
- 21. Кальшево

Относительно благополучные микрорайоны:

- 22. Султан-Ай и Лесная Поляна
- 23. Горки 1
- 24. Горки 2
- 25. Пилотный квартал, Куюки
- 26. ЖК Южный парк
- 27. Игумного и Адмиралтейская Слобода
- 28. Юдино, Займище и Кузьметьево
- 29. Залесный
- 30. Краснооктябрьский
- 31. Соцгород
- 32. Кульсеитово, Большие и Малые Дербышки
- 38. поселок Урицкого и 56 квартал

Неблагополучные микрорайоны:

- 33. Северный
- 34. Киндери, Дербыжки, Аки, Тарфяной и Карьер
- 35. Воскресенское, Первомайский и Калининский
- 36. Поповка, Кукушкино, Отары, Новое победилево
- 37. Жилплощадка и Лесопарк Лебяжье

Рис. 3. Жилищно-пространственная дифференциация Казани, по результатам анализа рынка недвижимости

В Казани больше однородных по структуре жилья микрорайонов, чем в других городах. В основном это благополучные либо несколько отстающие по качеству жилья локации города. В некоторые микрорайоны из-за плотной застройки не стремятся девелоперы, такие микрорайоны «стареют». Несколько микрорайонов, напротив, имеют явную доминанту абсолютно новой однотипной застройки (мкр-ны № 4, 10, 11, 16, 29, 32). Разностатусные дома соседствуют друг с другом в центральных элитных микрорайонах, что характерно для всех изучаемых городов, а также на уже давно освоенных окраинах города, где вперемежку со старыми домами строятся новые жилые комплексы.

Яркой отличительной и выигрышной чертой Казани является объем жилищного строительства, причем быстро растут не просто отдельные жилищные комплексы, а целые микрорайоны, что совершенно нехарактерно для Кирова и Нижнего Новгорода. На карте Казани мы насчитали десять микрорайонов (№ 4, 5, 8, 10, 11, 16, 26, 29, 30, 32, — это четверть от всей территории города), где более 50% предложений на рынке жилья — квартиры в новостройках. Микрорайоны № 10, 26 и 30 и вовсе почти полностью отстроены в последние несколько лет. Все микрорайоны форсированного жилищного строительства (за исключением мкр-нов № 5 и 8) находятся на периферии города. Активное расширение городской территории закладывает основы для децентрализации социальной инфраструктуры города, нарастания процесса урбанизации в регионе. С учетом развития микрорайонов, благополучных по статусу жилья и мнению риелторов, можно предполагать сохранение и развитие прогрессивной модернизации жилищного фонда в регионе.

Заключение

Подводя итог, мы сопоставили соотношения разностатусных микрорайонов в изучаемых городах (см. рис. 4).

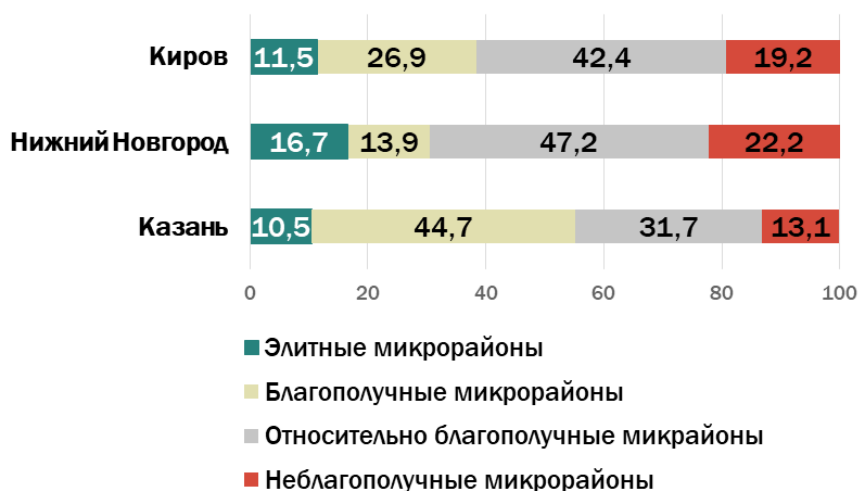

Рис. 4. Соотношение микрорайонов с разными значениями интегрального показателя качества жилья в городах, % по каждому городу

Мы видим существенную разницу в соотношении типов микрорайонов в городах. В Кирове наибольшее количество микрорайонов принадлежит группе относительно благополучных и неблагополучных по качеству и престижу жилья, что говорит о недостаточных инвестициях и проблемном состоянии жилищного фонда города, преобладании регрессивных тенденций в развитии.

В Нижнем Новгороде ситуация в жилищном фонде, судя по рынку жилья, во многом напоминает кировскую, что также выражается в высокой доле слабоборесурсных микрорайонов. Однако причины жилищно-пространственной дифференциации здесь несколько иные. Нужно учитывать, что в целом жилищный фонд Нижнего Новгорода более старый, чем в двух других городах (см. табл. 3), а у массовой застройки советского периода есть целый ряд проблем, связанных с износом домов и несоответствием современным стандартам комфорта жилья. Здесь острее ощущается удаленность от центра и рекреационных объектов из-за большой площади города и проблем с транспортной сетью. Эти факторы ощутимо снижают престижность микрорайонов.

Наилучшая ситуация в жилищной дифференциации наблюдается в Казани. Хотя процент элитных микрорайонов здесь меньше, чем в двух других городах, почти половина всех микрорайонов в Казани являются жилищно благополучными. Как показывает анализ пространственной дифференциации, от доли благополучных микрорайонов зависит общий уровень развития города, поскольку именно в таких микрорайонах живут представители среднего класса. Судя по состоянию жилищного фонда и объемам его прироста, Казань имеет достаточные человеческие и экономические ресурсы для дальнейшего развития региона и страны в целом.

Мы убедились, что продаваемая недвижимость является «лакмусовой бумажкой», отражающей состояние жилищного фонда городов, маркером жилищно-пространственной стратификации. Контент-анализ рынка недвижимости на предмет соотношения между стоимостью и набором характеристик продаваемого жилья показывает, что продавцы тонко чувствуют сильные и слабые стороны своего жилья, умело подчеркивают его достоинства в тексте объявлений и учитывают в стоимости, что формирует престижные и непрестижные локации в городе. При этом показатели престижности достаточно стабильны, что отражается в единообразии ценовой политики в отношении каждого типа жилья и микрорайона.

В соответствии с решаемыми задачами мы пришли к выводам о факторах и характере стратификации городского жилья.

1. В основе жилищной иерархии лежат показатели возраста и состояния дома, комфортность и оснащенность городской среды поблизости, в том числе отсутствие экологически неблагоприятных промышленных зон. Если обобщать параметры, характерные для наиболее престижных микрорайонов, и оценки риелторов, мы увидим, что больше всего жителей городов привлекает современная застройка, близость к культурному центру, развитость инфраструктуры района и живописное местоположение дома. Показателями элитарности выступают завышенные по сравнению с остальными микрорайонами цены за квадратный метр жилья, большой метраж квартир и кухонь, концентрация многокомнатных квартир, застройки из кирпича и монолита, большая доля квартир с евроремонтом. Однако по совокупности рассмотренных характеристик жилья можно судить, что основная

доля домов в Кирове и Нижнем Новгороде соответствует «эконом-классу» предоставления жилищных благ, отражающему низкий социально-экономический статус большинства их жильцов. С учетом данных об общем нестабильном либо стабильно депрессивном экономическом состоянии регионов мы можем сделать вывод о негативном воздействии кризисных явлений экономики на жилищную стратификацию и ландшафт города. Результаты исследования рынка жилья Кирова и Нижнего Новгорода подтверждают вывод, сделанный в работе М. Пангалло, Ж.-П. Надаля и А. Винь, о том, что низкие доходы основной массы населения снижают цены в масштабе города, но подразумевают более сильную поляризацию [Pangallo, Nadal, Vignes, 2019].

Рынок жилья Казани демонстрирует противоположные тенденции. Отличительной особенностью жилищного фонда Казани является его «молодость», на карте города были выделены однородные районы новостроек.

2. В изучаемых городах имеется своя специфика жилой застройки. Большинство показателей качества жилья связаны с историческими условиями развития обследуемого города.

Территории городов имеют географическую специфику жилищного неравенства: в Кирове на севере города, в Нижнем Новгороде на западе и юго-западе, в Казани на севере и северо-западе выделяются промышленные микрорайоны, где в силу индустриального окружения жилье менее престижно.

Мы выявили такие тенденции развития жилищного пространства городов, как воспроизводство и некоторое усиление пространственного неравенства в Нижнем Новгороде (неравенство между верхней и нижней частями города) и Кирове (слабо развивающийся север города и развитый юг). Возникновение новой, технологичной и современной недвижимости в буквальном смысле обесценивает старую и относительно старую. Явления вроде джентрификации локаций, близких к центру городов, делают микрорайоны смешанными по типу жилья и на какое-то время замедляют тенденции устаревания и обесценивания.

3. Ожидаемо было выявлено, что чем ближе жилье к центру города, тем оно престижнее. Однако в каждом городе были отмечены благополучные и даже элитные микрорайоны, находящиеся вдали от центра, что свидетельствует о тенденции к переселению состоятельных людей в наиболее экологически чистые и спокойные районы города.

4. На основе собранных эмпирических данных мы проранжировали микрорайоны городов по степени благополучия и качества жилой застройки и визуализировали жилищно-пространственную дифференциацию на картах городов. Это позволило оценить наполненность микрорайонов жильем разного класса. Выделены четыре типа микрорайонов по показателям качества жилья: с элитными, высокими, средними и низкими показателями качества.

Мы выяснили, что в Казани самая большая доля благополучных микрорайонов, в связи с чем можно судить о развитии региона. В Нижнем Новгороде велика доля микрорайонов с жильем среднего качества, которые активно застраиваются и потенциально могут стать благополучными. В Кирове велика доля стагнирующих микрорайонов с доминированием старой малоэтажной застройки, отсутствием досуговой инфраструктуры, с небольшим метражом жилья.

5. Важно, что среди элитных районов городов не выявлено однородных по жилищным статусам объектов, за исключением нескольких коттеджных поселков на окраинах. Проведенное исследование рынка недвижимости показало, что в пространстве города часто соседствуют дома, полярные по жилищным показателям. Таким образом, профиль жилищной стратификации в разрезе микрорайонов отражает умеренную поляризацию без признаков явной сегрегации.

Повторные замеры и анализ предложений на рынке жилья раз в два-три года позволят формировать динамические карты жилищного благополучия микрорайонов, выявлять возможности и препятствия на пути жилищного развития территорий, отслеживать степень жилищного расслоения и проблемные зоны городов.

Список литературы (References)

Белкина Т. Д. Жилье в России: ситуация и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2013. Т. 24. № 3. С. 101—116.

Belkina T. D. (2013) Housing in Russia: Situation and Perspectives. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 24. No. 3. P. 265—275. (In Russian)

Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.

Bourdieu P. (2007) *Sociology of Social Space*. Saint Petersburg: Aletheia, 2007. (In Russ.)

Бурдяк А. Я. Доступность приобретения жилья в регионах России: динамика и факторы роста // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 4. С. 126—137.

Burdyak A. Ya. (2012) Housing Affordability in Russian Regions: Dynamics and Factors of Growth. *Living Standards of the Population of Russian Regions*. No. 4. P. 126—137. (In Russ.)

Бурдяк А. Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273—288.

Burdyak A. Ya. (2015) Housing in Post-Soviet Russia: Inequality and the Problem of Generation. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 273—288. (In Russ.)

Гуревич М. А. Радилловская Т. Ю. Жилищный вопрос молодых семей в Челябинске // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 85—89.

Gurevich M. A. Radilovskaya T. Yu. (2007) Housing Issue for Young Families in Chelyabinsk. *Sociological Studies*. No. 8. P. 85—89. (In Russ.)

Гусев А. Б. Имущественная дифференциация населения: методы оценки // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 4. С. 50—59.

Gusev A. B. (2007) Property Differentiation of the Population: Methods of Assessment. *Problems of Theory and Practice of Management*. No. 4. P. 50—59. (In Russ.)

Колесниченко М. Б. Современные процессы городского пространства // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 3. С. 109—114.

Kolesnichenko M. B. (2016) Modern Processes in Urban Space Development. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. No. 3. P. 109—114. (In Russ.)

Корнев Н. Р. Где живет элита в Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 1. С. 92—116.

Kornev N. R. (2008) Where Does the Elite Live in St. Petersburg. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 11. No. 1. P. 92—116. (In Russ.)

Корнев Н. Р. Жилищная стратификация в центре Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 77—85.

Kornev N. R. (2005) Housing Stratification in the Center of St. Petersburg. *Sociological Studies*. No. 6. P. 77—85. (In Russ.)

Кротов П. П., Буравой М., Лыткина Т. С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003.

Krotov P. P., Buravoy M., Lytkina T. S. (2003) *Housing Stratification of the City: Soviet Model's Market Evolution*. Syktyvkar: Komi Scientific Centre, Urals Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Полухина Е. В. Жилищная мобильность: направления социологического анализа // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 589—602. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602>.

Polukhina E. V. (2017) Housing Mobility: Approaches for Sociological Analysis. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No. 4. P. 589—602. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602>. (In Russ.)

Птичникова Г. А. «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3. С. 47—55.

Ptichnikova G. A. (2012) “Unfair City”: Urban Space as a Reflection of Public Relations. *Sociology of the City*. No. 3. P. 47—55. (In Russ.)

Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Культура господствующих классов: между знанием и достоянием // Вопросы социологии. 1996. № 7. С. 101—123.

Pinçon M., Pinçon-Charlot M. (1996) The Culture of the Ruling Classes: Between the Knowledge and the Property. *Issues of Sociology*. No. 7. P. 101—123. (In Russ.)

Сидорова О. С., Мосиенко Н. Л. Роль социально-пространственной сегрегации в формировании городских сообществ (на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска) // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. Материалы IX социологических чтений памяти Валерия Борисовича Голофаства (1941—2004). СПб.: Норма, 2017. С. 52—64.

Sidorova O. S., Mosienko N. L. (2017) The Role of Social and Spatial Segregation in the Formation of Urban Communities (on the Example of the Residential Real Estate Market in Novosibirsk). In: *Social and Spatial Dimensions of the Modern Megapolis. Proceedings of the IX Sociological Conference in Memory of Valery B. Golofast (1941—2004)*. Saint Petersburg: Norma. P. 52—64. (In Russ.)

Султанова Л. Р. Рынок жилья: спрос и платежеспособность. Социально-экономические противоречия на региональном рынке жилья // Российское предпринимательство. 2009. № 12. С. 86—90.

Sultanova L. R. (2009) Housing Market: Demand and Solvency. Socio-Economic Contradictions in the Regional Housing Market. *Russian Journal of Entrepreneurship*. No. 12. P. 86—90. (In Russ.)

Черкашина Т. Ю. Жилищная дифференциация в постсоветской России: институциональный и экономический контекст динамики жилищных групп // ЭКО. 2018. Т. 48. № 3. С. 60—81. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-3-60-81>.
Cherkashina T. Yu. (2018) Housing Differentiation in Post-Soviet Russia: The Institutional and Economic Context of the Dynamics of Housing Groups. *ECO Journal*. Vol. 48. No. 3. P. 60—81. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-3-60-81>. (In Russ.)

Чикагская школа социологии. Сборник переводов / под ред. Д. В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2015.
Efremenko D. V. (ed.) (2015) Chicago School of Sociology. Collection of Translations. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Clark W. A., Deurloo M. C., Dieleman F. M. (2003) Housing Careers in the United States, 1968—93: Modelling the Sequencing of Housing States. *Urban Studies*. Vol. 40. No. 1. P. 143—160. <https://doi.org/10.1080/00420980220080211>.

Pangallo M., Nadal J.-P., Vignes A. (2019) Residential Income Segregation: A Behavioral Model of the Housing Market. *Journal of Economic Behavior and Organization*. Vol. 159. P. 15—35. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2019.01.010>.

Stovel K., Bolan M. (2004) Residential Trajectories: The Use of Sequence Analysis in the Study of Residential Mobility. *Sociological Methods & Research*. Vol. 32. No. 4. P. 559—598. <https://doi.org/10.1177/0049124103262683>.

Verbeek T. (2019) Unequal Residential Exposure to Air Pollution and Noise: A Geospatial Environmental Justice Analysis for Ghent, Belgium. *SSM — Population Health*. Vol. 7. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2018.100340>.

Watt P. (1996) Social Stratification and Housing Mobility. *Sociology*. Vol. 30. No. 3. P. 533—550. <https://doi.org/10.1177/0038038596030003007>.

Wind B., Hedman L. (2018) The Uneven Distribution of Capital Gains in Times of Socio-Spatial Inequality: Evidence from Swedish Housing Pathways between 1995 and 2010. *Urban Studies*. Vol. 55. No. 12. P. 2721—2742. <https://doi.org/10.1177/0042098017730520>.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1666](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1666)

М. С. Соломин

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РИСК: «ИЗБЕЖАТЬ НЕЛЬЗЯ, ПРИНЯТЬ» (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НОВОКУЗНЕЦКА)

Правильная ссылка на статью:

Соломин М. С. Профессиональный риск: «избежать нельзя, принять» (на примере работников угольных предприятий Новокузнецка) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 430—448. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1666>.

For citation:

Solomin M. S. (2020) Professional Risk: “You Cannot Avoid it, You Have to Accept it” (A Case of Coal Mine Workers in Novokuznetsk). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 430—448. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1666>. (In Russ.)

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РИСК: «ИЗБЕЖАТЬ НЕЛЬЗЯ, ПРИНЯТЬ» (НА ПРИМЕРЕ РАБОТНИКОВ УГОЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ НОВОКУЗНЕЦКА)

СОЛОМИН Максим Сергеевич — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: maksim.solomin.90@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8649-9425*

Аннотация. В статье рассматриваются возможные варианты концептуализации понятия «профессиональный риск» в рамках социологии риска. На теоретическом уровне выделяются два подхода: реалистский и конструктивистский. По материалам социологических исследований демонстрируются перспективы каждого из них. Оба подхода имеют существенные ограничения. Реалистский подход предполагает «отсутствие субъекта», тогда как конструктивистские исследования в попытке учесть субъектную природу риска зачастую апеллируют к реалистским категориям (возможный ущерб, опасность и др.) при интерпретации данного феномена. Это приводит к тому, что профессиональный риск не соотносится с общим контекстом жизненного мира профессии и представляет собой лишь реакцию на различные опасности. В соответствии с идеей дуальности структуры утверждается, что профессиональный риск не может быть реакцией на что-то, поскольку формируется жизненным миром профессии и воспроизводит его же в процессе принятия решений и их реализации.

PROFESSIONAL RISK: “YOU CANNOT AVOID IT, YOU HAVE TO ACCEPT IT” (A CASE OF COAL MINE WORKERS IN NOVOKUZNETSK)

*Maxim S. SOLOMIN¹ — Post-graduate Student at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: maksim.solomin.90@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8649-9425*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to possible options for conceptualizing the notion of professional risk within sociology of risk. At the theoretical level, two approaches are distinguished: realism and constructivism. The author considers prospects of both approaches and point out that there are substantial limitations. The realist approach implies “the absence of the subject”, whereas constructivist studies, in an attempt to take into account the subjective nature of risk, often appeal to realistic categories (possible damage, danger, etc.) when interpreting the professional risk. This results in a separation of professional risks from the general context of the professional lifeworld. In accordance with the idea of the duality of structure, it is argued that professional risk cannot be a reaction to something, since it is formed by the life world of the profession and reproduces it in the process of making decisions and their implementation.

The author uses coal miners as an example to show how decisions are made in an environment where danger becomes routine. The study is based on 13 semi-structured interviews. According to the findings the author concludes that professional risk as a set of decisions

На примере работников угольных предприятий Новокузнецка демонстрируется, как, начиная с этапа выбора профессии, субъект вовлекается в процесс принятия решений в среде, где опасность — «нормальный» элемент трудового процесса. Эмпирическую базу исследования составляют 13 полуструктурированных интервью. На основании полученных данных делается вывод, что профессиональный риск как способность принимать решения является конституирующим основанием «профессионального Я». Формирование устойчивой модели принятия решений в конкретной ситуации включает в себя следующие стадии: нормализация опасности, интериоризация идеологии контроля, инструментализация ценности здоровья.

Ключевые слова: профессиональный риск, реализм, конструктивизм, дуальность структуры, социология риска, шахтеры

lies at the heart of the “professional Self”. The formation of a stable decision-making model includes the following stages: normalization of danger, internalization of the control ideology, and instrumentalization of the health value.

Keywords: professional risk, realism, constructivism, duality of structure, sociology of risk, coal miners

Постановка исследовательской задачи и теоретическая рамка исследования

Неоднозначность и широкое употребление понятия «риск» указывают на актуальность «рисковой» проблематики в научном сообществе. При этом ни в социологии риска, ни в социологии профессий не сформировалось единых представлений о профессиональном риске и способах его изучения. Следуя за традиционным делением подходов к изучению риска в социологии [Lupton, 1999], мы предлагаем два подхода к концептуализации профессионального риска: реалистский и конструктивистский. В общем смысле для реалистов профессиональный риск представляет собой измеряемую величину уровня опасности, которая существует объективно, независимо от самого работника. В конструктивистском подходе профессиональный риск является социальным конструктом, который обусловлен как объективными (специфика профессиональной деятельности, организация труда и др.), так и субъективными факторами и связан с сознательными действиями субъекта, исполняющего свои профессиональные обязанности.

На уровне декларации конструктивистская перспектива нередко встречается в исследованиях социологии медицины [Bury, 1986]. Однако даже когда ученые заявляют, что исходят из конструктивистской методологии, работы зачастую со-

средоточены на количественной оценке рискованных факторов, которым подвержен медицинский персонал [Lunn, 1987], что само по себе является реалистской задачей. Попытки учесть субъективное восприятие риска сводятся к тому, что субъекту приписывается цель минимизировать нежелательные последствия (речь, как правило, идет о возможном ущербе здоровью) при заданном наборе возможных угроз, который определяется исходя из специфики конкретной профессии. В подобном ключе исследуется не то, как индивид конструирует свое поведение в условиях опасности, а то, насколько его поведение отклоняется от предписанной модели восприятия риска [Гаврилов, 2009]. В итоге отсылка к конструктивизму выглядит не вполне убедительно по причине того, что исходный посыл остается реалистским: риск — это объективная опасность, исчисляемая как вероятность и ожидаемые значения ущерба [Aven, Renn, 2009].

Отдельно необходимо упомянуть подход С. Линга, именуемый в российской литературе концепцией «хождения по краю» (англ. — edgework) [Lyng, 2005]. Она была предложена как вариант социологического объяснения бурного роста экстремальных видов спорта, который наблюдался в западных странах примерно с 1960-х годов. По мнению С. Линга, это ответ на возрастающее отчуждение в трудовой сфере и рационализацию современной жизни. «Увлечение» риском позволяет людям выйти за рамки рутины, компенсировав тем самым недостаток личных переживаний [ibidem]. В дальнейшем этот подход использовался как самим С. Лингом, так и его последователями для анализа профессиональной деятельности, а точнее мотивов выбора экстремальных профессий, в основе которого лежит добровольное принятие риска [Roth, 2015].

В качестве примера отечественного исследования с использованием edgework можно привести работу А. М. Пивоварова и А. М. Хохловой, посвященную значению риска в жизни участников арт-сообществ [Пивоваров, Хохлова, 2014]. По мнению авторов, художники, как и экстремалы, делают выбор в пользу неопределенности и риска, с той разницей, что для экстремалов это способ на короткое время выйти «за пределы повседневного», тогда как для художников это необходимое условие, позволяющее сохранить творческую свободу и независимость. Данное исследование можно считать конструктивистским, ибо сама концепция С. Линга предполагает сочетание субъектно-объектной природы риска. Авторы уделяют значительное внимание не только объективным опасностям (статусная и карьерная неопределенность), но и рискованному поведению художника как осознанному способу реагировать на опасности: членство в арт-сообществах дает некоторые гарантии финансовой стабильности, но создает риск потери самобытности и «растворения» среди коллег. Тем не менее под риском и здесь понимается «возможность наступления событий, способных помешать индивиду или группе реализовывать свои цели и/или действовать в соответствии со значимыми ценностями» [там же: 141], то есть «ядром» этого определения является понятие возможного ущерба. Подобное определение представляется нам реалистским, с той оговоркой, что место исчисляемой вероятности занимает неопределенность (нежелательное событие может произойти, а может не произойти).

Широкое распространение реалистского взгляда на изучение профессионального риска можно объяснить, с одной стороны, стремлением перевести данное

понятие в измеряемые величины (вероятность наступления события, тяжесть последствий), с другой — тем, что сами работники при определении риска используют реалистские категории. Исследование субъективного восприятия рисков для здоровья среди шахтеров и работников пожарной службы показало, что несмотря на то, что профессия пожарного считается одной из самых опасных в обществе, шахтеры гораздо чаще склонны воспринимать свою профессию опасной [Anargul, Maria, 2013]. Данный вывод делается на основании того, что большинство шахтеров (51 %) признают наличие риска в своей работе, тогда как среди пожарных эта доля равна 23% [ibid.: 910]. Учитывая, что под риском понимается воздействие вредных факторов, мы не считаем подобные оценки парадоксальными (как это делают авторы). Шахта, являясь объектом с повышенной степенью риска, содержит в себе больше угроз [Perrow, 1994], поэтому нет ничего удивительного в том, что шахтеры чаще признают их наличие.

Теоретики «общества риска» не только указали на причину известности и множественности количественных оценок риска (хотя зачастую мы не *ощушаем* риски современности, мы *знаем* о них из различных экспертиз [Бек, 2000]), но и отметили их слабое место: полученные оценки невозможно сопоставить между собой, поскольку не существует универсального мерил риска [Short, 1990]. Несмотря на это, реалистский способ рассуждения о риске доминирует и в мышлении самих работников. Согласно исследованию М. Десмонда, организации с высоким потенциалом риска (куда можно отнести и шахты) мотивируют своих сотрудников принимать опасные для жизни решения, используя связку «риск = опасность» [Desmond, 2011]. Идеология таких организаций легитимирует опасность как «привычное» свойство профессиональной повседневности. Сотрудники интериоризируют идею, что они могут контролировать профессиональный риск, то есть сводить объективные угрозы жизни и здоровью к «маловероятному» событию, посредством собственных решений в потенциально опасных ситуациях. Именно благодаря такому мышлению работник чувствует себя в относительной безопасности [ibidem], хотя объективно решения, направленные на контроль одних рисков, могут порождать другие.

Как правило, с организационной точки зрения такой баланс между контролем и снижением вероятности опасных событий достигается путем соблюдения закрепленных норм безопасности. Нормы могут гарантировать возможность контроля, а могут и противоречить ей. Ранее нам удалось показать, в каких случаях закрепленные правила безопасности воплощаются в действиях шахтеров, а в каких ситуациях можно нарушить эти правила [Соломин, 2019]. В то же время нарушение — это действие, которое также имеет «правилообразный» характер и подчиняется следующим условиям: во-первых, работник уже оказывался в подобной ситуации и знает по собственному опыту, что совершаемое действие безопасно; во-вторых, действие несет потенциальную выгоду. При этом даже если действие безопасно, оно может и не стать типичным, если оно невыгодно, то есть эти условия должны выполняться одновременно. Так, в некоторых ситуациях использование средств индивидуальной защиты (СИЗ)¹ (регламентировано техникой безопасности) воспринимается как «издержки», поскольку затрудняет выполнение работы [ibidem].

¹ Обычно в них входят очки, самоспасатель, рукавицы, респираторы.

В решении следовать правилам или нарушить их в ходе выполнения рабочих задач конструируется допустимый порог риска, баланс между выгодами и опасными последствиями. Следуя выводам М. Десмонда, мы полагаем, что этот акт конструирования изначально содержит в себе реалистский взгляд на природу риска, который является базовым как на организационном, так и на индивидуальном уровне в рамках профессий, сопряженных с опасностями.

Исследователю, если он желает оставаться в конструктивистской логике анализа профессионального риска, необходимо не упускать связь последнего с категорией решения, ориентированного на «колонизацию будущего», то есть на некоторое желаемое положение вещей [Гидденс, 1994]. Решение неразрывно связано с активностью субъекта и зависит от его возможностей предотвратить опасность и/или достичь желаемого результата [Луман, 1994]. Последнее определяется объективными условиями, в которых существует жизненный мир профессий как специфический габитус, проявляющий себя в профессиональных интеракциях [Романов, Ярская-Смирнова, 2009].

Таким образом, можно заключить, что опасность выражает онтологическую объективность профессионального риска, а категория *решение* — его субъектные детерминанты [Зубков, 2003]. Мы предложили определять профессиональный риск как *совокупность возможных решений (действий) субъекта, обусловленных, с одной стороны, рамками жизненного мира профессии (знания, навыки, опыт, нормы), с другой — представлениями субъекта о возможных издержках/выгодах, получаемых в ходе осуществления профессиональной деятельности* [Соломин, 2019]. Подобная трактовка учитывает, с одной стороны, перспективу действующего субъекта, которую отстаивают представители конструктивистского подхода; с другой — то, что субъект ограничен в своих действиях условиями самой профессии.

Опираясь на феноменологическую позицию, мы исходим из предположения, что профессиональный риск, являясь частью жизненного мира профессии, воспринимается субъектом как должное и не рефлексивируется [Schütz, 1970]. В фокусе нашего внимания находятся шахтеры как профессиональная группа, в которой риск присутствует как постоянный элемент профессиональной деятельности, что позволяет нам обнаружить воплощение представлений о риске в конкретных действиях самих работников. При этом мы не разделяем феноменологические взгляды о том, что риск (и профессиональный риск в частности) — это реакция субъекта на кризисы, возникающие в процессе конструирования своей повседневности [Молчанов, 2007]. В соответствии с идеей дуальности структуры [Гидденс, 2005] мы утверждаем, что профессиональный риск — практика, которая инициируется профессией как объективной структурой и воспроизводит ее как систему в виде рутинных решений, реализуемых субъектом в пространстве и времени профессиональной деятельности. Исходя из этого, в данной работе на примере работников угольных предприятий мы ставим цель показать, каким образом происходит вовлечение субъекта в процесс принятия решений в среде, где опасность является «нормальным» элементом трудового процесса.

Эмпирическая база исследования

В январе — феврале 2020 г. мы провели 13 полуструктурированных интервью с работниками угольных предприятий Новокузнецка. Данный метод был выбран

по следующим причинам. Во-первых, мы ставим перед собой задачу выявить укоренившиеся установки о профессиональном риске [Tulloch, Lupton, 2003]². Во-вторых, с точки зрения эмпирической феноменологии именно этот тип интервью наилучшим образом решает задачу вывода «глубины смысловой структуры» жизненного мира на поверхность, доступную для анализа [Aspers, 2004]. В-третьих, представления о риске такой социальной группы, как шахтеры, малоизучены, что указывает на необходимость применения качественной методологии.

Опираясь на классификацию типов выборки для качественного исследования, разработанную М. Пэттоном [Patton, 2003], мы решили использовать критериальную выборку и отбирать информантов по двум критериям. Первый — наличие действующего подземного стажа (так, операторы службы автоматической газовой защиты³ формально являются сотрудниками шахты, но работают строго на поверхности). Второй критерий — опыт работы не менее трех лет⁴. Мы не берем во внимание различия, обусловленные иерархией должностей: важно, что все шахтеры находятся в одинаковой профессиональной среде и могут выступать субъектами принятия решений при осуществлении трудовой деятельности. Данные об информантах приведены в таблице 1. Имена сохранены с личного согласия информантов.

Таблица 1. Перечень информантов

Имя	Должность	Стаж работы
Александр	Горномонтажник	9 лет
Алексей	Механик участка	13 лет
Андрей	Электрослесарь	8 лет
Андрей	Главный специалист по дегазации	25 лет
Андрей	Горнорабочий подземный	3 года
Денис	Электрослесарь	7 лет
Дмитрий	Электрослесарь	10 лет
Евгений	Начальник участка	12 лет
Иван	Электрослесарь	9 лет
Максим	Машинист дизельно-гидравлического локомотива (ДГЛ)	13 лет
Сергей	Электрослесарь	32 года
Сергей	Помощник начальника участка	13 лет
Юрий	Проходчик	9 лет

² Дж. Таллок и Д. Лаптон в своей работе «Риск и повседневная жизнь» успешно показали целесообразность именно качественной методологии при изучении повседневных рисков, к которым они относили и «риски работы».

³ Служба, блокирующая производственную деятельность в опасных состояниях без участия человека.

⁴ Пилотные интервью показали, что информанты со стажем менее трех лет затрудняются «говорить о шахте» из-за недостатка опыта.

Гайд интервью можно условно разделить на следующие блоки, или сюжеты⁵:

1. *Выбор профессии.* Блок рассчитан на получение от информанта основных категорий и концептов, связанных с профессиональным выбором. Важен не только контекст, например, отношение референтной группы (семьи) к этому выбору, наличие альтернатив, но и мотивы информанта, исходя из которых он принимал решение стать шахтером, его первоначальные представления о профессиональном риске. Пример вопроса: «*При выборе профессии Вы обращали или не обращали внимание на то, что эта профессия опасна для жизни?*»

2. *Профессиональные качества.* Блок направлен на то, чтобы вычленил набор требуемых профессиональных качеств шахтера. Мы исходим из предпосылки, что образ идеального шахтера — это социальный конструкт, выполняющий интегративную (образ разделяется членами профессионального сообщества) и дифференцирующую функции (тот, кто не разделяет этот образ или явно ему не соответствует, не может быть членом профессионального сообщества). Дж. Зинн в одной из своих работ показал, что подобные образы неразрывно связаны (хотя и не всегда очевидно) с представлениями о риске как «допустимом ущербе» на мировоззренческом уровне [Zinn, 2012]. Пример вопроса: «*Есть ли у шахтеров какие-то исключительные качества, присущие только им, которые не встретишь у представителей иных профессий?*»

3. *Производственная среда и практики самосохранения.* Цель данного блока в том, чтобы подтвердить или опровергнуть тезис, что для работников шахта — это «пространство рутины», и его можно изменять своими действиями, чтобы обезопасить себя и/или облегчить выполнение производственных задач. Пример вопроса: «*Известно, что СИЗ необходимо использовать для того, чтобы снизить вероятность ущерба здоровью. Кроме использования СИЗ, Вы или Ваши коллеги предпринимаете что-либо для того, чтобы сберечь свое здоровье непосредственно во время работы?*»

4. *Наставничество и взаимодействие внутри трудового коллектива.* Т. Родс высказал мысль, что «рискованное поведение — это не просто индивидуальный выбор, а результат согласованных действий» [Rhodes, 1997]. Здесь наша цель состоит в том, чтобы проследить роль коллективных взаимодействий (к которым мы будем относить и наставничество) в формировании представлений о профессиональных рисках. Эти представления реализуются членами коллектива через принятие решений относительно тех или иных опасных ситуаций. Этим блоком мы стремимся показать, что правила субъективной оценки риска шахтером — это результат неформального коллективного опыта. Пример вопроса: «*Предположим, Вас закрепили наставником к новичку, на что Вы в первую очередь обратите его внимание?*»

Для анализа полученных данных использовалось выборочное кодирование, что сближает нас с аналитической традицией, именуемой *ground theory* [Страусс, Корбин, 2001]. Однако относить наше исследование полностью к этой традиции было бы неправильно. При интервьюировании заранее предполагалась некоторая структура, в которой роль субкатегории выполняло понятие «профессиональный

⁵ В данной статье мы уделяем мало внимания вопросу, какие именно ситуации признаются рискованными и как происходит определение их допустимости или недопустимости, поскольку этот анализ мы проделали в предыдущей работе [Соломин, 2019].

риск» как конструкт второго порядка. В нашем случае категориями являлись смысловые блоки гайда интервью. Мы фокусировались на тех участках текста, которые непосредственно относятся к рассматриваемым категориям. Именно в этом смысле наше кодирование является выборочным. На рисунке 1 изображена концептуальная схема, отражающая связь субкатегории «профессиональный риск» с другими категориями.

Рис. 1. Связь субкатегории «профессиональный риск» с другими категориями

Из диаграммы видно, что профессиональный риск неизбежен (ибо неизбежен процесс принятия решений), регионализован [Гидденс, 2005]: субъекты действуют в пределах некоторого пространства, которое в определенный момент становится частью повседневного мира вообще. Для шахтера таким пространством является шахта. Если говорить о темпоральных границах, то они соответствуют длительности рабочей смены. Стоит также отметить, что при выборе профессии субъект сам принимает решение, но он не оторван от социального контекста. Как мы покажем далее, многие шли в шахту по стопам дедов и отцов. Представления о допустимости или недопустимости действия складываются из таких категорий, как профессиональные качества шахтера и производственная среда. Эти факторы влияют друг на друга: с одной стороны, восприятие среды формирует представления об «опасных» и «безопасных» решениях, с другой — накопление опыта меняет восприятие среды, а также и представления о том, какими качествами нужно об-

ладать, чтобы быть шахтером. Все это в совокупности составляет «смысловое ядро» профессионального риска, которое является продуктом коллективного опыта.

Реализм + преемственность = шахта

Если бы нам было нужно показать механизм принятия решения о выборе профессии в виде математической формулы, то эта формула выглядела бы именно так, как указано в заголовке. Проиллюстрируем это цитатами информантов:

Самая первая причина, наверно, было то, что у меня отец шахтер, меня это и сподвигло, скорее всего. Вторая причина была заработная плата, все-таки заработная плата позволяет шахтеру жить, как бы нормально существовать, нежели, допустим... ммм... человеку, который работает, допустим, дворником, который за десятку семью не прокормит. Оплачиваемая работа и потому, что отец шахтер, было с кого брать пример. (Александр, горномонтажник, стаж 9 лет)

Как я к этой профессии пришел?! Потому что у нас, мы живем в шахтерском краю, у нас поголовно все шахтеры: отец шахтер, брат шахтер... ну и я для себя ничего нового изобретать не решился. В нашем краю это, можно сказать, самая высокая зарплата. (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года)

Если бы жил где-нибудь в Сочи, я бы сто пудов... шахты я бы и не знал. (Алексей, механик участка, стаж 13 лет)

В приведенных суждениях мы обнаруживаем реалистский способ мышления: происходит сопоставление издержек («безопасно, но низкооплачиваемо») и выгод («потенциально опасно, но выгодно с точки зрения заработной платы»), с одной стороны, и влияние социального контекста — с другой. Подобный выбор нельзя рассматривать как способ «ухода» от рутины, как это делает, например, С. Линг в упомянутой работе об экстремальных видах спорта. Здесь решение принимается с позиции «выгодно/невыгодно». Некоторые информанты рассказывали, что изначально «хотели быть медиками, полицейскими» и др., но затем меняли свое решение: объем затраченных усилий, чтобы стать, например, врачом, слишком велик по отношению к получаемой выгоде, тогда как зарплата шахтера даже низкой квалификации достаточно высокая. Их социальное окружение оценивало такое решение как нормальное («это никого не удивило», «никто не хвалил»), несмотря на объективное наличие множественных источников опасности, которыми сопровождается шахтерский труд. При этом на «первом шаге» трудовой социализации никто из информантов не считал, что шахта — это опасность⁶.

Знаешь, как получается: отец у меня отработал? Отработал! Да, у него были травмы, но он жив-здоров? Жив-здоров! Вот я на основе вот этих фактов, наверно, посчитал, что не такая уж она [работа шахтера] и опасная. (Александр, горномонтажник, стаж 9 лет)

⁶ Еще одним ответом на вопрос, считал ли информант профессию шахтера опасной на этапе выбора, были реакции удивления: «Кто вообще о таком задумывается!» Это подтверждает, что выбор социально обусловлен, а опыт выбора не рефлексировался, потому что воспринимался как вполне естественный для жизненного мира в целом.

Выше мы приводили пример исследования, в котором на основе количественных данных сравнивалось восприятие профессиональных рисков в двух группах: «угольщики» и пожарных. Авторы назвали вывод, что первая группа считает свою профессию более рискованной, парадоксальным. Мы объяснили это тем, что шахта — это среда с повышенным потенциалом риска [Perrow, 1994]. Комментарии информантов это подтверждают:

Там много всяких механизмов, то есть если не подумав там руку засунуть не туда, можно остаться без руки. Либо газ метан присутствует, ну то есть возможно такое, как бы, что может произойти авария⁷. (Юрий, проходчик, стаж 9 лет)

Полгода отработал и погиб. Ну, он электрослесарем работал. Встали ленты, он пришел, посмотрел пускатель. Залез на головки... Лента сработала, и его сразу с одной на другую ленту и под барабан. И его размолотило всего. (Андрей, главный специалист по дегазации, стаж 25 лет)

Тем не менее сам факт признания опасности ничего не говорит нам об отношении к ней.

Аварии на предприятиях реже случаются, чем ДТП, к примеру. На грузовых машинах, на разрезах постоянно какие-то аварии происходят. (Иван, электрослесарь, стаж 9 лет)

Опасность профессии оценивается по частоте случающихся аварий. С конструктивистской точки зрения можно заключить, что решение работать шахтером субъективно оценивается как более безопасное, нежели решение работать водителем, потому что аварии на шахте случаются реже. Это неудивительно в контексте жизни в «угольном регионе», где опасность «вкраплена» в ткань социальной жизни, а отношение к ней передается от поколения к поколению. Сравнивая угрозы «горного дела» и других видов деятельности, субъект, выбирающий работу в шахте, чувствует себя в относительной безопасности.

Субъект и среда — дуальность структуры

Сложно не согласиться с утверждением, что каждая деятельность требует от человека определенных качеств. Предполагается, что если индивид выбирает опасную профессию, он должен иметь хорошую физическую подготовку, склонность к риску, собранность [Зуева, 2008]. Если под последней понимать способность быстро оценивать обстановку и принимать решения, то это действительно необходимо:

Я думаю, голова должна быть холодная. Должен принимать решения молниеносно, потому что если что-то вот там происходит начинается... Прямо вот оно случается, ну вот как практически в аварии на машине. То есть для этого какой-то комплекс должен

⁷ Именно из-за превышения уровня метана 8—9 мая 2010 г. произошло два взрыва на шахте «Распадская», в результате которых пострадали 229 горняков и горноспасателей, из них 12 горняков пропали без вести, 91 человек погиб [Воробьев, Акимов, Соколов, 2012].

выработаться. Чтобы ты вот что-то сделал, чтобы для себя... Как бы защитить, ну и тех, кто рядом, не ломать. (Алексей, механик участка, стаж 13 лет)

Категорию «склонность к риску» мы считаем не совсем применимой по отношению к шахтерам, поскольку саму профессию они не считают экстремальной. С точки зрения информантов, существует две причины уйти из шахты: страх шахтового пространства (например, страх заблудиться) и нежелание принять тяжелые условия труда — говоря языком шахтеров, «*в шахте не сможет работать тот, кто любит филонить, а не работать*» (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года).

На этапе «вхождения в профессию» физическая подготовка действительно нужна, необходимо быть здоровым, чтобы быть допущенным к работе. В дальнейшем отношение к здоровью меняется, как и само здоровье:

Информант: В первые годы работы это вообще смех да грех. Тяжело было, дали мне наставничка деда, работал я тогда тоже на шахте «Заряновской» [шахта называется «Зырянская». — Прим. ред.], на участке ШТ [шахтный транспорт. — Прим. авт.]. Нам надо было вот, что я говорил, железобетонная затыжка 0,8 — весит она, по-моему, одна штучка четыре кг — и нам надо было перетаскать штук 200 затыжек с одного места на другое, потому что там не было доставки, ее выгрузили, и нам надо было перетаскать ее в то место, где нужно перекрепить горную выработку. Дали мне дедка, ну лет, наверное, 60. Старый, уже горбатенький, меньше меня ростом, скрюченный... Ну, короче, пришли мы на рабочее место и вот две затыжки — он берет, на плечо положил и пошел. Я так же, как он, глядя на него, хоп, две и пошел, раз, не знаю, ну пять я сходил, там расстояние метров 200 было, наверное, раз пять я сходил, все, я уже не могу, у меня уже плечо отнимается, я иду, они у меня сваливаются с плеча, я их подкидываю обратно, а он как ходил в одном темпе, так и ходит.

Интервьюер: И в чем секрет? Он потом рассказал?

Инф.: Да нет, я просто понимаю сам, что это уже натуральный горняк и он уже привык к этой работе, а я-то к этому не привык. Он уже, он выносливый, хоть он и старый, хоть ему 60 лет, хоть он и горбатенький, хоть он и маленький, но он ходит, и ходит, и ходит. Я это подкидывал, подкидывал — доподкидывался, что они, растяжки [затыжки. — Прим. ред.], раскрылись между собой, я себе мочку уха — шлеп, оно у меня такое опухло, и я думаю, да пошел ты, и я по одной затыжке. Он ни слова не говорил, он как ходил, так и ходил, как ходил, так и ходил, но я за ним старался, но только он по две уже таскал, а я уже по одной. (Андрей, главный специалист по дегазации, стаж 25 лет)

Из фрагмента видно, что наставник «нездоров», но это не мешает ему быть «выносливым» в глазах информанта. Как только решение работать в шахте принято, субъект уже вовлечен в практики профессионального риска (то есть в процесс принятия опасных решений). Далее под влиянием среды изменяется ценность здоровья: «здоровый» человек — это уже не тот, кто обладает хорошей физической подготовкой, а тот, «кто привык быть выносливым». Иными словами, здоровье утрачивает свою абсолютную ценность и становится инструментальным свойством, определяющим способность субъекта «функционировать [будучи] больным» [Фох,

1998]. Специфика среды определяет необходимость подобной трансформации. Тот, кто по каким-то причинам не принимает этого, уходит из профессии:

Пришел как-то один к нам. До этого в больнице он был хирургом, и вот он, может быть, хороший хирург, операции делал, но вот ему зарплата маленькая показалась, а у шахтеров типа большая. Ну, пришел, и день-два отработал, или он день даже отработал — и все, он пошел, рассчитался, и дальше стал своим делом заниматься. Потом я был у него на приеме, нужно было закрыть больничный. Так он, вспомнив, что я шахтер, еще на неделю мне продлил больничный. (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года)

Инструментализация здоровья приводит и к трансформации практик самосохранения в практики поддержания функциональности.

Сам я дополнительно ничего не использую. Молодой еще, хватает СИЗов. Бывалые горняки, видел, надевают наколенники, мазями трутся перед сменой. Рассказывали, что кто-то даже пьет обезбаливающие. Наверное, у них уже есть проблемы, кто-то даже на регресс⁸ идет, а у меня пока нет. (Дмитрий, электрослесарь, стаж 10 лет)

Мы также соглашаемся с идеей М. Десмонда, что организации сами создают идеологию, в основе которой лежит понимание опасности как просчитываемой и контролируемой величины.

Ну, эти признаки [опасности], они прописаны в этих, во всех бумажках, во всей документации по технике безопасности. Там признаки, допустим... Где-то начало что-то хрустеть, я тебе образно опять же говорю. Было у меня такое тоже. Работали мы, бурили. Слышу, захрустело. Слышу, хрустит-хрустит. И как пошел хруст, и видно было, вот так вот кровлю, вот так садилась, вот так вот пошла посадка. Ну, не полностью, не до почвы, а слегка. (Максим, машинист ДГЛ, стаж 13 лет)

Ну, отслоения всякие, то есть пощелкивания, потрескивания. По этим признакам ты более-менее уже представляешь, что может произойти в той или иной ситуации. Опять же, чтобы себя обезопасить от внезапного выброса, там буришь опережающие шпурь, снимаешь давление. (Денис, электрослесарь, стаж 7 лет)

В данном случае идеология контроля реализуется через нормы техники безопасности, а воспроизводится шахтерами в тех или иных решениях, основанных на визуальном наблюдении за состоянием среды. Интериоризация этой идеологии — протяженный во времени процесс:

Ну, как бы, между нами, горняками, мы уже все говорим о том, что осторожно работают люди те, которые отработали более года до трех лет, те люди работают осторожно, до года — это большой травматизм человека, потому что он неопытный, лезет туда,

⁸ Регресс — финансовая надбавка к трудовой пенсии. Выплачивается в том случае, если при выходе на пенсию обнаруживается заболевание, приобретенное на работе. Упоминание этого термина позволяет считать, что работники осознают угрозу профзаболеваний.

куда не положено, не предохраняет себя. Ну, в общем, до года это... травмоопасная профессия для этого человека считается. А потом от года до трех лет уже набираются люди опыта. Набрав опыта, люди дальше начинают нормально трудиться. (Андрей, главный специалист по дегазации, стаж 25 лет)

Завершается этот процесс тем, что на уровне дискурсивного сознания главной причиной травм признается сам человек, поскольку вместе с накоплением опыта укрепляется и уверенность, что можно контролировать происходящее и сводить опасности к минимуму:

Даже вот эти массовые там, взрыв, если посчитать, они чисто случаются... как бы ну... По нашей вине. А сам себя травмировать ты можешь как бы абсолютно везде... Ты можешь дома себя травмировать, на улице можешь себя травмировать. Ну, как бы, если у тебя есть талант травмировать себя, то ты и в шахте себя травмируешь, на любой должности. (Иван, электрослесарь, стаж 9 лет)

Активность шахтера направлена на достижение цели — выполнение плана или даже перевыполнение, потому что это повышает заработную плату. Статусом особо ценного ресурса наделяется время. Не только субъект меняется, становясь шахтером: своей активностью он видоизменяет среду для эффективного распределения времени в пределах рабочей смены. Для этого необходимо «модернизировать» условия труда: кто-то приносит в шахту свои инструменты, потому что они более удобны в использовании, кто-то перешивает рабочую одежду. Есть и более опасные ухищрения:

Допустим, надо кровлю рубить по метру. Через каждый метр вставлять анкер. Но бывало у нас — и по три метра рубили сразу. Три метра отрубят, а она может сесть, кого-то придавить. Надо аккуратненько. Если кровля стреляет, щелкает, лучше делать по правилам, а если нет, можно и больше рубануть. (Андрей, электрослесарь, стаж 8 лет)

Мы сами себе делаем сходные площадки, ну в плане том, что там цепи вешаем... То есть, ну, грубо, это безопасно. У нас в шахте собака жила одно время, она даже... Она могла с прогончика запрыгнуть на полотно и слезть. Как бы... Ну, это риск, ну... Я считаю, он как бы оправданный... И он не то что оправданный, он безопасный. Вот как ты с дорогой пример привел, то есть допустимый риск. Допустимый риск, и который... Облегчает тебе, скажем, жизнь капитально... То ли тебе идти километр пешком, причем ты же идешь не по асфальтированной дороге, это еще где больше риска, там из почвы анкера торчат и булыжники валяются всякие. Споткнешься — упадешь... (Иван, электрослесарь, стаж 9 лет)

Таким образом, жизненный мир профессии существует в логике дуальности структуры: субъект, действуя в шахте, реконфигурирует свое «профессиональное Я» в соответствии с поставленными целями и с учетом специфики пространства, в котором эти действия реализуются. С накоплением опыта меняется восприятие среды, опасности рутинизируются, что приводит к расширению набора воз-

можных действий. Затем этот набор приобретает характер «термостата риска», то есть становится относительно постоянным [Adams, 1999]. Вероятно, «термостат риска» теряет устойчивость в моменты катастроф — таких как взрывы на шахте «Распадская». По официальным данным, причина взрывов — нарушение пылегазового режима⁹, приведшее к выбросу метана [Воробьёв, Акимов, Соколов, 2012]. В конструктивистском ключе данное действие можно рассматривать как изменение среды, которое привело к трагедии — массовой гибели людей, практически полному разрушению шахты. Возможно, именно поэтому, выражаясь языком наших информантов, «*После Распада [взрыва на шахте „Распадская“]. — Прим. ред.] с газом вроде больше не шутят*».

Коллективность профессионального риска

Коллектив непосредственно влияет на формирование представлений о допустимых или недопустимых решениях через трансляцию формальных и неформальных моделей поведения. Новичкам практическое знание передает наставник. Причем на дискурсивном уровне это знание не включает в себя неформальные способы выполнения задач. Аргумент тех, кто был в роли наставников, прост и выглядит примерно так: «*Я несу за него ответственность, случись с ним чего, я же буду в ответе, поэтому я буду следить, чтобы он все делал безопасно, повторял за мной*» (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года). Стоит отметить, что и коллектив, если он достаточно сплоченный, может выполнять функцию наблюдения за безопасностью новичков. В таком случае, если кто-то видит, что новичок «*сует свой нос куда даже собака не совала*» (Андрей, электрослесарь, стаж 8 лет), начинающего работника останавливают.

Возникает вопрос: как вырабатывается, цитируя нормы техники безопасности, «привычка нарушать»? Наш ответ таков: через процесс подражания. Коллектив для новичка становится референтной группой даже в тех случаях, когда отношения внутри коллектива напряженные. «Чтобы он повторял за мной», — говорят наставники, нарушая нормы безопасности. Пожалуй, исключением является только езда на лентах: ей обучают целенаправленно. Приведем соответствующий отрывок из интервью:

Инт.: А как Вы, например, обучаете новичков передвижению по шахте?

Инф.: Так же ходи, как все, а вот по лентам выезжать — тут уже надо показывать.

Инт.: И как Вы это показываете?

Инф.: К примеру, показываешь, как надо на ленту запрыгивать. Потому что ты не с какой ноги захотел, с той и прыгнул. Ну, я, к примеру, тебе покажу. Ты вот подошел, лента у тебя вот здесь [показывает]. Какой надо ногой на ленту запрыгивать?

Инт.: Она идет прямо?

⁹ В шахте работают датчики, измеряющие уровень угольной пыли и газа. При нормальной работе, если датчик фиксирует превышение показателей, в шахте автоматически отключается электричество и продолжать работу невозможно. Соответственно, чтобы «нарушить пылегазовый режим», нужно вмешаться в работу датчиков, то есть изменить изначальные «настройки» среды. С точки зрения шахтеров, самый простой вариант изменить работу датчика — накрыть его какой-нибудь тряпкой или опустить на землю.

Инф.: Да, она идет туда.

Инт.: Ну, тут хоть вверх, хоть прямо.

*Инф.: Вот ты показываешь, если ты, ну, ближней ногой, короче, к ленте. Значит левой ногой. Если ты правой, тебя ж сразу понесет, и левой ногой ты захлестнешь себя и п**дец на**й [неизбежный летальный исход.— Прим. автора]. А когда ты на ленте едешь вперед, уже ближней ногой к площадке схода. Если тоже ты вот этой — тебя, опять же, вот так занесет и ты улетишь х*й знает куда. Вот это первым делом показываешь. И спрашиваешь, вот ты на лентах когда-нибудь ездил? Нет. Будешь? Ну, надо учиться! Вот ему показываешь, и едешь, вперед него прыгаешь, проезжаешь вперед, и он в метрах двадцати-тридцати от тебя прыгает, чтобы не дай Бог, если он не смог с ленты соскочить, чтобы ленту я мог остановить. А после него на ленту еще человек прыгает. Для подстраховки. И вот так, раз несколько покажешь — ну, смотришь, что он нормально прыгает, с ленты спрыгивает, тогда уже можешь ему, там, ну ладно, ехай сам. (Сергей, электрослесарь, стаж 32 года)*

Во всех остальных случаях не происходит какого-либо целенаправленного обучения или принуждения к опасным для жизни или здоровья практикам¹⁰. Новичок, попадая в коллектив, наблюдает за тем, как работают старшие товарищи, внедряя их неформальный опыт в свою практику.

Заключение

Статья посвящена концептуализации понятия «профессиональный риск». Исходя из теоретических оснований социологии риска, мы выделили два подхода: реалистский и конструктивистский. Фокус данной работы сосредоточен преимущественно на втором подходе, в рамках которого мы определяем профессиональный риск не только через категории вероятности нежелательного события и степени возможного ущерба (что характерно для реалистского подхода), но в первую очередь через категории «субъект» и «решение», которые являются базовыми для конструктивизма.

В то же время наш вариант конструктивистской логики несколько отличен от предшествующих. На примере рабочих угольных предприятий Новокузнецка мы продемонстрировали, что профессиональный риск — это не способ выйти за рамки трудовой рутины (концепция С. Линга) и не реакция на кризисы повседневного мира (феноменологическая концепция), а основание, конституирующее «профессиональное Я» субъекта. Прежде чем стать шахтером, человек проходит несколько стадий в процессе освоения профессиональной роли: нормализация опасности; интериоризация идеологии, утверждающей возможность контроля и минимизации возникающих угроз; а также инструментализация ценности здоровья. С течением времени влияние среды, локализованной во времени и пространстве, ослабевает. Работник становится субъектом, воспроизводящим жизненный мир профессии через принятие тех или иных решений, подстраивая не только себя под «нужды» угрожающей среды, но и меняя ее, исходя из собственных целей и до-

¹⁰ Еще одним исключением может служить подземная забастовка. Данный феномен изучался в 1990-х годах предшественниками Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО) в контексте проблем реструктуризации угольной промышленности в связи с распадом СССР. Подробнее см. в [Бизюков, 1995]. Данная проблематика заслуживает отдельного рассмотрения, что выходит за рамки нашего исследования.

ступных средств. Профессиональный риск — это результат коллективного опыта. В этом смысле «опасные» решения характеризуются устойчивостью, по крайней мере, до катастрофических происшествий.

Список литературы (References)

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)

Бизюков П. В. Подземная шахтерская забастовка (1994—1995) // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 44—53.

Bizyukov P. V. (1995) *Underground Miner's Strikes*. *Sociological Studies*. No. 10. P. 44—53. (In Russ.)

Воробьев Ю. Л., Акимов В. А., Соколов Ю. И. Аварии на угольных шахтах // Системные аварии и катастрофы в техносфере России. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2012. С. 283—286.

Vorobyov Yu. L., Akimov V. A., Sokolov Yu. I. (2012) *Accidents at Coal Mines. Systemic Accidents and Catastrophes in the Technosphere of Russia*. Moscow: Institute for Civil Defence and Emergencies (FSBI VNI GOChS). P. 283—286. (In Russ.)

Гаврилов К. А. Социология восприятия риска: опыт реконструкции ключевых подходов / отв. ред. А. В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2009.

Gavrilov K. A. (2009) *Sociology of Risk Perception: Experience of Reconstructing Key Approaches*. Ed. by Mozgovaya A. V. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107—134.

Giddens A. (1994) *Fate, Risk and Security*. *THESIS*. No. 5. P. 107—134. (In Russ.)

Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.

Giddens A. (2005) *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Moscow: Akademicheskiiy proekt. (In Russ.)

Зубков В. И. Социологическая теория риска. М.: Издательство РУДН, 2003.

Zubkov V. I. (2003) *Sociological Theory of Risk*. Moscow: The Peoples' Friendship University of Russia Publishing House. (In Russ.)

Зуева Е. Н. Опасные профессии: конструирование профессиональной реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1. С. 46—48.

Zueva E. N. (2008) *Dangerous Professions: The Construction of Professional Reality*. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. No. 1. P. 46—48. (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) *The Concept of Risk*. *THESIS*. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Молчанов А. В. Социальная феноменология риска: риск как социальный конструкт // Омский научный вестник. 2007. № 4. С. 105—108.

Molchanov A. V. (2007) Social Phenomenology of Risk: Risk as Social Construct. *Omsk Scientific Bulletin*. No. 4. P. 105—108. (In Russ.)

Пивоваров А. М., Хохлова А. М. Риски творческой деятельности художников: «за» и «против» участия в арт-сообществах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 1. С. 139—154.

Pivovarov A. M., Khokhlova A. M. (2014) The Risks of Being Creative: 'Pros' and 'Contras' of Participation in Art Community. *Journal of Sociology and Social Anthropology (JSSA)*. Vol. 17. No. 1. P. 139—154. (In Russ.)

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25—35.

Romanov P. V., Iarskaia-Smirnova E. R. (2009) The World of Professions: A Revision of Analytical Perspectives. *Sociological Studies*. No. 8. P. 25—35. (In Russ.)

Соломин М. С. Когда опасности становятся рутинной: конструктивистский подход в исследовании профессиональных рисков (на примере работников угольных предприятий г. Новокузнецка) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>.

Solomin M. S. (2019) Danger Becoming Routine: A Constructivist Approach to the Study of Occupational Risk (a Case of Coal Mine Workers in Novokuznetsk). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 187—203. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.10>. (In Russ.)

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Strauss A., Corbin J. (2001) Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Technique. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Adams J. (1999) Cars, Cholera, and Cows: The Management of Risk and Uncertainty. *Policy Analysis*. No. 335. P. 1—49.

Anargul K., Maria M. (2013) Subjective Study of Risk Assessment in Miners Work. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 82. P. 908—912. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.06.370>.

Aspers P. (2004) Papers in Social Research Methods: Qualitative Series. No. 9. London: London School of Economics and Political Science Methodology Institute. URL: https://www.alexandria.unisg.ch/260712/1/04_Empirical%20Phenomenology.pdf (accessed: 03.11.2020).

Aven T., Renn O. (2009) On Risk Defined as an Event Where the Outcome Is Uncertain. *Journal of Risk Research*. Vol. 12. No. 1. P. 1—11. <https://doi.org/10.1080/13669870802488883>.

- Bury M. R. (1986) Social Constructionism and the Development of Medical Sociology. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 8. No. 2. P. 137—169. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.ep11340129>.
- Desmond M. (2011) Making Firefighters Deployable. *Qualitative Sociology*. Vol. 34. No. 1. P. 59—77. <https://doi.org/10.1007/s11133-010-9176-7>.
- Fox N. (1998) 'Risks', 'Hazards' and Life Choices: Reflections on Health at Work. *Sociology*. Vol. 32. No. 4. P. 665—687. <https://doi.org/10.1177/0038038598032004003>.
- Lunn J. A. (1987) Occupational Health Problems in Health Care Workers. In: Ward Gardner A. (ed.) *Current Approaches to Occupational Health*. Vol. 3. Oxford: Butterworth-Heinemann. P. 215—236. <https://doi.org/10.1016/B978-0-7236-0739-7.50020-2>.
- Lupton D. (ed.) (1999) *Risk and Sociocultural Theory: New Directions and Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511520778>.
- Lyng S. (ed.) (2005) *Edgework: The Sociology of Risk-Taking*. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203005293>.
- Patton M. Q. (2003) *Qualitative Evaluation Checklist*. Kalamazoo, MI: The Evaluation Center at Western Michigan University. URL: <https://wmich.edu/sites/default/files/attachments/u350/2018/qual-eval-patton.pdf> (accessed: 03.11.2020).
- Perrow C. (1994) *Normal Accidents: Living with High Risk Technologies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rhodes T. (1997) Risk Theory in Epidemic Times: Sex, Drugs and the Social Organisation of 'Risk Behaviour'. *Sociology of Health & Illness*. Vol. 19. No. 2. P. 208—227. <https://doi.org/10.1111/1467-9566.ep10934410>.
- Roth S. (2015) Aid Work as Edgework — Voluntary Risk-Taking and Security in Humanitarian Assistance, Development and Human Rights Work. *Journal of Risk Research*. Vol. 18. No. 2. P. 139—155. <https://doi.org/10.1080/13669877.2013.875934>.
- Schütz A. (1970) *On Phenomenology and Social Relations: Selected Writings*. Ed. by Wagner H. R. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Short J. F. (1990) Hazards, Risks, and Enterprise: Approaches to Science, Law, and Social Policy. *Law & Society Review*. Vol. 24. No. 1. P. 179—198. <https://doi.org/10.2307/3053792>.
- Tulloch J., Lupton D. (2003) *Risk and Everyday Life*. London: Sage. <https://doi.org/10.4135/9781446216392>.
- Zinn J. O. (2012) Soldiers, Work and Emotions — Perspectives from the Sociology of Risk and Uncertainty. In: *Emerging and Enduring Inequalities (TASA 2012 Conference Proceedings)*. Parkville, VIC: The Australian Sociological Association. URL: https://www.researchgate.net/profile/Jens_Zinn/publication/281592166_Soldiers_Work_and_Emotions_-_Perspectives_from_the_Sociology_of_Risk_and_Uncertainty/links/55ef282d08aef559dc44bc68/Soldiers-Work-and-Emotions-Perspectives-from-the-Sociology-of-Risk-and-Uncertainty.pdf (accessed: 03.11.2020).

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.536](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536)

А. В. Аникиева

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МОНОГОРОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Правильная ссылка на статью:

Аникиева А. В. Трудовая мобильность населения моногородов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 449—465. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536>.

For citation:

Anikieva A. V. (2020) Labor Mobility of People from the Monotowns in Sverdlovsk oblast. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 449—465. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536>. (In Russ.)

ТРУДОВАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МОНОГОРОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

АНИКИЕВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, специалист по учебно-методической работе, ГАОУ ДПО СО «Институт развития образования», Екатеринбург, Россия
E-MAIL: anutadanilova@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8440-8163>

Аннотация. Постоянное снижение численности и отток трудоспособного населения — тенденции, которые часто ассоциируются с российскими моногородами. Вместе с тем социально-экономическая ситуация в таких поселениях совсем не одинакова. В статье выделяются типы моногородов в зависимости от направлений трудовой мобильности населения (отток местного населения, приток трудовых ресурсов из других населенных пунктов). Для исследования выбрана Свердловская область — регион, где высокая доля населения проживает в моногородах.

На основе анализа данных Всероссийской переписи населения 2010 г. и Сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2011 г. предлагается разделить все моногорода Свердловской области на четыре группы в зависимости от особенностей трудовой мобильности их населения. Первую группу составляют моногорода, для которых характерен отток трудовых ресурсов. Вторую группу — города, притягивающие трудовые ресурсы. В третью группу входят моногорода, в которых наблюдается трудовая мобильность в двух направлениях: часть собственного населения работает за пределами города, при этом жители других территорий приезжают

LABOR MOBILITY OF PEOPLE FROM THE MONOTOWNS IN SVERDLOVSK OBLAST

Anna V. ANIKIEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Teaching and Learning Specialist
E-MAIL: anutadanilova@ya.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8440-8163>

¹ Institute for the Development of Education of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia

Abstract. A constant population decline and an outflow of the working population are trends that are always associated with the Russian monotowns. However, socio-economic situation differs according to these towns. The article identifies types of monotowns depending on the directions of labor mobility (outflow of the local population; inflow of human resources from other localities). The Sverdlovsk oblast representing a region with a high share of people living in monocities is taken as a case study.

Based on the analysis of the data from 2010 Russian national population census and the 2011 Continuous statistical observation of small and medium businesses the Sverdlovsk monocities are divided into four groups depending on the labor mobility specifics. The first group comprises monotowns with an outflow of workers. The second group is represented by the monotowns where people come to work. The third group includes monotowns where labor mobility has two directions: some part of the city's working population works outside the city, but certain people from other locations come there to work.

The author also detects those monotowns where labor mobility is not intense.

в город для работы. Также выявлены моногорода, в которых трудовая мобильность населения не столь интенсивна. Автор приходит к выводу, что сложившееся представление об оттоке трудоспособного населения из моногородов не отражает ситуацию на их рынках труда. Проблема не только в нехватке трудовых ресурсов, но и в их несоответствии требованиям конкретного рынка труда, не принимаются во внимание барьеры для трудовой мобильности населения. Автор рассматривает мобильность в контексте как экономического производства, так и социальной инфраструктуры городов.

Ключевые слова: моногорода, трудовая мобильность, трудоспособное население, рынок труда, траектории мобильности, факторы притяжения и выталкивания

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля». Проект реализуется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-011-00457, 2018—2020 гг.

Введение

«Проблемный» дискурс российских моногородов возник в период кризиса 1990-х годов и актуализировался в связи с каждым последующим экономическим кризисом (2008, 2015 гг.). Во время кризисов выявляется неэффективная, избыточная занятость на градообразующих предприятиях, высвобождается рабочая сила, что для населения моногородов означает снижение уровня доходов и повышение уровня безработицы.

По мнению исследователей, проблемы моногородов усугубляются низкой мобильностью рабочей силы в России [Пятшева, 2012; Трифонов, Лобанов, 2006]. Это рассматривается, с одной стороны, как особенность монополистического рынка труда закрытого города, а с другой — как фактор, сдерживающий модернизацию

The author concludes that the existing representations of the worker outflow in the monotowns do not reflect the current situation in the labor market. This problem is not only due to workforce shortage but also due to failure to meet the requirements of a particular labor market, because barriers to labor mobility are not taken into consideration. The author considers mobility not only as part of economic production but also as part of social infrastructure of the cities.

Keywords: monotowns, labor mobility, working population, labor market, mobility trajectories, push and pull factors

Acknowledgments. The article is part of the ‘Trajectories of mobility of the working-age population of small and medium-sized monotowns of various profiles’ project supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), No. 18-011-00457, 2018—2020.

экономики моногородов [Ефимова, 2011]. Утверждается, что из-за ограниченного движения трудовых ресурсов в российских реалиях неприменим зарубежный опыт преодоления проблем развития моногородов [Крутиков, 2017]. Лишь немногие авторы отмечают, что низкая мобильность рабочей силы малых и средних российских городов (к которым относится и большинство моногородов) может быть использована как возможность для их развития [Лядова, 2012].

В то же время эксперты по вопросам миграции и трудовой мобильности отмечают, что представления о низкой пространственной мобильности трудоспособного населения России обусловлены особенностями сложившегося статистического учета, и в действительности показатели внутренней миграции в стране не настолько низкие [Население России..., 2016: 307]. По данным исследования Н. Ю. Микрюкова [Микрюков, 2016: 20], в 28% российских городских монопоселений более трети экономически активного населения работают вне территории проживания. В 15% моногородов распространена вахтовая занятость в отдаленных районах, а в 13% популярны маятниковые миграции в близлежащий более крупный город. В то время как государственные и муниципальные институции, а также бизнес-структуры определяют и реализуют стратегии развития территорий исходя из идеи низкой мобильности трудовых ресурсов, их население самостоятельно решает актуальные для себя проблемы занятости посредством различных стратегий мобильности.

В западных публикациях рассматриваются примеры малых городов, которые становятся центром притяжения ресурсов, центром территории, а не периферией, находящейся в тени крупного города [Courtney et al., 2007; Hinderink, Titus, 2002]. Отечественные исследования, посвященные мобильности населения малых и моногородов, как правило, фокусируются на одной из сторон мобильности — оттоке (отходничестве) населения моногородов в целом и молодежи в частности [Нефедова, Слепухина, Браде, 2016; Нефедова, Трейвиш, 2017; Плюснин и др., 2013]. Эти процессы рассматриваются в проблемном дискурсе. При этом мобильность трудоспособного населения в направлении моногородов практически не обсуждается. Важно также подчеркнуть, что работа за пределами места жительства не может однозначно оцениваться как негативное явление, поскольку муниципалитеты существуют не изолированно, а в контексте более обширных социально-территориальных общностей и систем расселения.

В соответствии с перечнем монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации, на территории Уральского федерального округа располагается 37 моногородов (11,6% от их общего числа)¹. При этом в моногородах живет 20% населения округа². Большинство (17) моногородов округа находятся в Свердловской области, поэтому доля проживающих в моногородах в этом регионе выше (28,9%)³.

Проблемы занятости и трудовой мобильности населения моногородов подвержены влиянию широкого круга факторов. Эти проблемы изучают в рамках

¹ Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)».

² Аналитический доклад ИКСИ «Обзор российских моногородов». М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2017. URL: http://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

³ Там же.

географии, истории, экономики, социологии и т. д. Одна из значительных трудностей, с которыми сталкиваются исследователи, — отсутствие полных данных, характеризующих ситуацию в моногородах. Это касается и социологических, и статистических материалов. Имеющиеся социологические данные фрагментарны: так, доклад «Модельные решения для развития моногородов и сценарии их реализации»⁴ апеллирует к данным социологических исследований, репрезентативных только для двух моногородов [Корюхина и др., 2012; Губина, 2008]. В отношении статистических данных исследователи фиксируют значительный недоучет внутренней миграции в результате распространения временных форм пространственной мобильности [Мкртчян, 2009].

Единственным документом, позволяющим увидеть подробную географию трудовых миграций, остается Всероссийская перепись населения 2010 г. (ВПН-2010) [Аверкиева и др., 2016: 193]. Ее результаты позволяют преодолеть ограничения, связанные с недоучетом внутренней и маятниковой миграции. Помимо этого, в ходе ВПН-2010 был проведен сплошной, а не выборочный опрос населения, в связи с чем получены данные, характеризующие все муниципальные образования.

Методология исследования

Чтобы определить типы моногородов в зависимости от направления трудовой мобильности их жителей, необходимо сопоставить два показателя: долю населения, занятого на территории проживания, а также соотношение емкости рынка труда и количества занятых в экономике.

Для анализа трудовой мобильности населения моногородов Свердловской области используются данные о занятости населения, полученные в ходе Всероссийской переписи населения 2010 г. и Сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2011 г.

В качестве основы предлагаемой типологии моногородов мы берем соотношение емкости рынка труда и числа занятых в экономике. Это соотношение показывает, достаточно ли рабочих мест в муниципальном образовании для экономически активного населения, и какая доля занятых может получить работу на рынке труда своего города. Если расчетный показатель меньше 100 %, значит, численность населения, занятого в экономике, превышает число рабочих мест. Другими словами, население муниципального образования ввиду нехватки рабочих мест выезжает за пределы города проживания. Города, для которых характерен отток трудовых ресурсов, мы называем «выталкивающими». Если рассчитанный показатель превышает 100 %, значит, численность населения моногорода, занятого в его экономике, меньше числа рабочих мест. Это указывает на наличие трудовой миграции в направлении моногорода, поселения такого рода мы называем «притягивающими». Возможен третий вариант: показатель соотношения емкости рынка труда и занятых в экономике меньше 100 %, однако превышает долю населения, занятого на территории проживания. Численность населения моногорода, занятого в экономике, меньше числа рабочих мест на рынке труда, при этом численность населения, работающего на территории муниципального

⁴ Меерович М. Г. Модельные решения для развития моногородов и сценарии их реализации. 2016. 15 ноября. URL: <http://www.ranepa.ru/images/News/2016-11/17-11-2016-meerovich-doklad-reshenia.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).

образования, оказывается ниже, чем численность занятых в экономике. Часть собственного населения города выезжает на работу за пределы города. В то же время существует и поток трудовой миграции в направлении моногорода.

Доля населения, занятого на территории проживания, рассчитывается как отношение показателей «Число участников ВПН-2010, работа которых находится на территории населенного пункта проживания» и «Численность населения муниципального образования, занятого в экономике».

Емкость рынка труда муниципального образования рассчитана на основе подхода, предложенного Е. В. Антоновым [Антонов, 2016: 57], как сумма среднегодовых рабочих мест по организациям, предприятиям малого и среднего бизнеса (то есть среднегодовая численность работников у юридических лиц и общая численность работников у индивидуальных предпринимателей), а также оценочной численности неформальных рабочих мест. В официальной статистике численность неформальных рабочих мест оценивается только по регионам. Как показано в аналитическом обзоре Сбербанка⁵, уровень неформальной занятости прямо пропорционален уровню безработицы. В связи с этим пропорционально уровню безработицы в монопрофильных муниципальных образованиях была рассчитана сначала доля занятых в неформальном секторе от общего числа занятого населения, а затем число населения, занятого в неформальном секторе, и число занятых в неформальном секторе на основной работе. Затем было рассчитано отношение емкости рынка труда и населения, занятого в экономике. Информация о численности населения, занятого в экономике, взята по данным ВПН-2010.

В качестве объяснительных факторов мы рассматриваем наличие в моногородах крупных промышленных предприятий, их экономическую успешность, размер муниципальных образований (как показатель потенциала социальной инфраструктуры и человеческого капитала), а также удаленность от областного центра. Об экономическом состоянии города и социальном обслуживании как факторах привлекательности упоминает, в частности, Т. Г. Нефедова⁶. С одной стороны, эти факторы зачастую коррелируют с местоположением и размером города, а с другой стороны, существующая система расселения обуславливает возможности мобильности населения [Зубаревич, 2017].

Эмпирической базой исследования также выступают документы, представленные муниципальными центрами занятости и Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области. Кроме того, использовались полевые материалы, собранные нами с июня 2018 г. по сентябрь 2019 г., — это порядка 70 полужурналистских интервью с различными категориями населения. Среди информантов есть как обычные горожане разного возраста и статуса (использовались выборка максимальной вариации и «снежный ком»), так и представители городской администрации, руководства градообразующих предприятий и ряда других учреждений, малого бизнеса.

⁵ Россия: неформальная занятость как новый феномен. Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. 2014. 24 февраля. С. 4. URL: https://www.nwab.ru/content/data/store/images/f_576_43527_1.pdf (дата обращения: 06.10.2020).

⁶ Нефедова Т. Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. География отходничества // Демоскоп Weekly. 2015. № 643—644. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/tema01.php> (дата обращения: 06.11.2020).

Основные результаты

Согласно имеющимся данным, во всех моногородах Свердловской области численность населения, занятого в экономике, превышает число тех, чья работа находится на территории населенного пункта проживания. Доля занятого населения, чья работа находится на территории населенного пункта проживания, варьируется от 62 % до 96 %.

Для моногородов, притягивающих трудовые ресурсы (см. табл. 1), характерна низкая мобильность собственного населения: более 90 % населения работают на территории проживания (исключение составляет город Североуральск). В этих моногородах действуют крупнейшие компании Свердловской области⁷.

Таблица 1. **Монопрофильные муниципальные образования, притягивающие трудовые ресурсы, %**

Монопрофильное муниципальное образование	Уровень безработицы	Доля населения, занятого на территории проживания	Соотношение емкости рынка труда и занятых в экономике
Городской округ Краснотурьинск	8	95	110
Городской округ город Каменск-Уральский	9	96	109
Североуральский городской округ	9	81	108
Городской округ Красноуральск	8	96	103
Верхнесалдинский городской округ	5	93	103
Городской округ город Нижний Тагил	6	96	102

В число «притягивающих» входят крупные города с населением более 100 тысяч человек (Городской округ город Нижний Тагил; Городской округ город Каменск-Уральский), а также города, расположенные относительно далеко от Екатеринбурга (более 100 км). Удаленность от областного центра вынуждает эти города быть более автономными, развивать собственную инфраструктуру:

Что значит нечем заняться? Вот смотрите: все в шаговой доступности реально в городе... Просто рассказываю: дворец спорта — один, есть дворец спорта «Газовик» — два, и еще один комплекс — три... Здесь вот через двор пройти — бассейн, пожалуйста, делай справку, иди. 170 рублей занятие — это не космические деньги, туда не надо ехать... Также медицина бесплатная... Потом Дворец, — Дворец БАЗовский, дворец городской... Этого мало, некуда пойти?! Вообще, в принципе все есть, да, то, что нужно: и фитнес, и танцы, пение, и спорт там любой... Ему [мужу] нравится, что здесь нету пробок — можно переделать кучу дел там за час-два, то, что ты не тратишь два часа на дорогу. (КЖ31)⁸

⁷ Рейтинг крупнейших компаний Свердловской области — 2011. URL: <https://ekb.dk.ru/wiki/rejting-kрупнейshikh-kompaniy#h2-3> (дата обращения: 06.10.2020). Используются данные за 2011 г., поскольку и данные о занятости населения относятся к 2010—2011 г.

⁸ Здесь и далее курсивом приведены цитаты из интервью с жителями моногородов. Цитаты из интервью кодируются следующим образом: первая буква в кодировке обозначает город (Ревда, Краснотурьинск, Первоуральск), вторая — пол, цифры — возраст.

Социальная инфраструктура рассматриваемых городов и развитость их экономики привлекают людей.

Здесь относительно высоки показатели безработицы среди собственного населения. Эти моногорода оказываются центрами притяжения трудовых мигрантов, однако квалификации собственного населения не всегда соответствуют потребностям рынка труда:

Вот рабочих рук просто физически не хватает. Все хотят занять рабочие места, вот офисными работниками они себя видят, они ничего не хотят слышать. Все думают, что они высокие интеллектуалы, и думают, будут востребованы на рынке труда. Это большая ошибка, конечно. (КЖ47)

В городских округах Верхнесалдинский, Красноуральск, Краснотурьинск и Каменск-Уральский, город Нижний Тагил существует потребность в специалистах высшего уровня квалификации и квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и т.д.⁹ На рынке труда Североуральского городского округа, напротив, не хватает неквалифицированных работников. Собственное население этого города ориентировано на внешние рынки труда, только 81 % жителей заняты на территории проживания.

Другую группу составляют моногорода, для которых характерен «отток» трудовых ресурсов (см. табл. 2). Эти муниципальные образования отличаются друг от друга по ряду рассматриваемых характеристик.

Таблица 2. **Монопрофильные муниципальные образования, «выталкивающие» трудовые ресурсы, %**

Монопрофильное муниципальное образование	Уровень безработицы	Доля населения, занятого на территории проживания	Соотношение емкости рынка труда и занятых в экономике
Городской округ Ревда	7	84	82
Малышевский городской округ	8	62	61

Городской округ Ревда можно отнести к средним городам с численностью населения до 100 тысяч человек. Расстояние до областного центра составляет менее 50 километров. Город входит в состав городов-спутников Екатеринбурга второго пояса.

Здесь относительно невысокие показатели безработицы при невысокой доле населения, занятого на территории проживания. Рабочих мест практически на 20 % меньше, чем экономически активного населения, однако местные жители адаптируются и выезжают для работы за пределы города. Между Екатеринбургом и Ревдой фиксируется высокий уровень маятниковой миграции [Жога и др., 2012]. Для жителей Ревды регулярные поездки на работу или учебу совершенно привычны, спонтанно сложилась практика «попутчиков»:

⁹ Согласно сведениям о заявленной работодателями потребности в работниках (на конец II квартала 2018 г.), предоставленным Департаментом по труду и занятости населения Свердловской области по запросу.

Если ты едешь в Екатеринбург [на своей машине], ты подъезжаешь к остановке... Набираешь людей, по цене автобуса... Я в принципе на автобусах, наверное, реже даже езжу, чем на попутках. То есть ты выходишь на остановку и просто ждешь, кто подъедет. (PM25)

Вытеснение рабочей силы происходит из-за ограниченности рынка труда. В городском округе Ревда действуют компании, входящие в перечень крупнейших по Свердловской области¹⁰. Однако их потребности в сотрудниках ограничены, отчасти в связи с модернизацией производства: они не нуждаются в том объеме рабочей силы, которую готов предложить город, кроме того, отмечается несоответствие предложения и спроса. Так, по информации Центра занятости в городском округе:

Востребованы рабочие профессии: электромонтер по ремонту электрооборудования, электрогазосварщик, токарь, кровельщик, слесарь по ремонту автомобилей, слесарь-сантехник... Востребована профессия повара, водители. Рабочие вакансии и врачи!.. Экономисты, бухгалтера, менеджеры — это идет переизбыток... особенно бухгалтера, экономисты, юристы. (РЖ—)

Сфера услуг и малый бизнес недостаточно развиты для того, чтобы стать важными субъектами рынка труда. Так, по мнению предпринимателя:

Предпринимательство тут не приветствуется... сетевики... ну и в принципе, те вот, которые у нас там... они сделали все возможное, чтобы малый бизнес, он умер! Его нету, можно сказать. (PM45)

Трудности малого бизнеса отмечают и молодые жители города:

Очень много закрывается у нас там всяких магазинчиков, кафешечек... И вот кафе-рестораны, я даже не скажу, которые прямо уже давно. Потому что все только так закрываются... Какие-то открываются... вроде есть популярность сначала, а потом вроде и все. Потому что видишь, многие — молодежь, которым это интересно... они — в Екатеринбурге [работают и пользуются досуговой инфраструктурой]. (РЖ20)

Жители города могут получить нужные услуги, удовлетворить культурные и материальные потребности в областном центре. Это касается не только молодежи, но и людей зрелого возраста. Так, в интервью молодой человек, студент, рассказывает о том, что его мама бывает в Екатеринбурге примерно раз в месяц, она ездит на концерты, в театр, а также за покупками:

Концерт у нас [в Екатеринбурге] бывает, какая-нибудь Кристина Орбакайте. Она [мама] с коллегами по работе, кто-то, если захочет с ней поехать. Периодически приезжаем, если что-то ей нужно купить, какую-нибудь шубу или, я не знаю, мебель какую-нибудь

¹⁰ Рейтинг крупнейших компаний Свердловской области — 2011.

посмотреть. Потому что некоторые вещи в Ревде все равно особо так не... не всего выбор большой. (РМ25)

Несмотря на численность населения, достаточную для развития города, население во многом ориентировано на рабочие места в столице региона.

Отмечается стереотип, согласно которому человек успешен настолько, насколько он включен в маятниковые миграции. Студенты говорят о своих сверстниках, продолжающих обучение в Ревде, как о «сдавшихся»:

Вот девочка, она поступила сюда в Екатеринбург. Но вот она сломалась: не смогла ездить. И как-то она, получилось, месяц так ездила. Потом она мне говорит, что она забрала документы. Ну, я не поняла. Я вообще не могла эту ситуацию понять. Как так быстро? Еще месяц прошел только. Вот она сдалась и пошла, у нас там есть [колледж] имени Ползунова. (РЖ20)

Схожие взгляды высказывают люди зрелого возраста. Работа в Ревде может рассматриваться как форма дауншифтинга, признание отсутствия карьерных притязаний и амбиций. Вот как информантка рассказывает о муже, который принял решение отказаться от хорошо оплачиваемой работы в областном центре ради работы по месту жительства:

Десять лет катался. «Не хочу», — говорит. Даже зарплата, даже зарплата не остановила. Пришел совершенно на мизерную зарплату. Вот я и говорю, что остаются на заводах те люди, которые уже пережили рубеж 40 лет. «Я буду на заводе, я уже отъездил». Уже что-то получилось, на что-то заработать. (РЖ43)

Таким образом, в представлениях самих жителей в маятниковую миграцию вовлекаются люди активные, целеустремленные. Согласно данным статистики, трудоспособное население вытесняется с городского рынка труда.

В Малышевском городском округе показатель отношения емкости рынка труда и занятого населения самый низкий среди рассматриваемых моногородов, притом что уровень безработицы не превышает среднее значение по области. Малышевский городской округ по численности населения относится к малым городам, при этом самостоятельным муниципальное образование стало только в 1996 г., а статус городского округа получило в 2004 г. До этого рабочий поселок Малышева входил в состав города Асбест. Эта взаимосвязанность территорий сохраняется: население Малышевского городского округа активно включается в маятниковую миграцию в направлении Асбестовского городского округа [Жога и др., 2012].

В городском округе нет компаний, входящих в перечень крупнейших по Свердловской области¹¹. На этой территории и социальные факторы (развитость социальной инфраструктуры), и экономические действуют как вытесняющие. Кроме того, отмечается отсутствие исторической самодостаточности территории, насе-

¹¹ Рейтинг крупнейших компаний Свердловской области — 2011.

ление оказывается включенным в более обширную социально-территориальную общность.

В третью группу входят моногорода, в которых часть населения выезжает на работу за пределы города, а невостребованные местным населением рабочие места занимают приезжими (см. табл. 3). В этих моногородах собственное население характеризуется высокой мобильностью: доля населения, занятого на территории проживания, составляет менее 90 % (за исключением города Асбест).

Таблица 3. **Монопрофильные муниципальные образования, для которых характерно и притяжение, и выталкивание трудовых ресурсов, %**

Монопрофильное муниципальное образование	Уровень безработицы	Доля населения, занятого на территории проживания	Соотношение емкости рынка труда и занятых в экономике
Асбестовский городской округ	7	92	97
Волчанский городской округ	9	86	94
Городской округ Первоуральск	7	84	90
Полевской городской округ	7	84	90
Городской округ Верхняя Пышма	7	66	85
Городской округ Карпинск	9	77	84

Третью группу моногородов преимущественно составляют города Свердловской агломерации [Анимица, 1975]: Верхняя Пышма, Первоуральск, Полевской, Асбестовский городской округ. Эти моногорода по численности населения относятся к средним, а городской округ Первоуральск — к большим (более 100 тыс. человек).

Местные компании входят в рейтинг крупнейших по Свердловской области¹². Наличие сильного «якорного» промышленного предприятия становится фактором привлекательности территории. Интенсивные маятниковые миграции фиксируются между Среднеуральском и Верхней Пышмой, Новоуральском и Верхней Пышмой [Жога и др., 2012].

В моногородах, для которых характерно и притяжение, и выталкивание трудовых ресурсов, есть потребность как в квалифицированных, так и в неквалифицированных рабочих. В города-спутники областного центра приезжают высококвалифицированные работники. Так, руководящие посты в крупных компаниях часто занимают жители Екатеринбурга: «Все руководство, генеральный директор и его ближайшие замы — это все люди из Екатеринбурга. Они сюда постоянно приезжают» (ПМ32).

В силу относительной близости и высокой транспортной доступности областного центра население включено в маятниковые миграции в его направлении. В этих городах складываются практики «попутчиков», жители говорят о предпочтительности зарплат и рабочих мест в областном центре по сравнению с местным рынком труда:

¹² Рейтинг крупнейших компаний Свердловской области — 2011.

В Екатеринбурге очень многие работают. Не только молодежь. Зарплата здесь [в Первоуральске] приближается тысячам к тридцати. Для того чтобы прожить одному — этого достаточно. Но если ты кормишь семью, то это достаточно маленькая сумма. Поэтому большинство народу работает там [в Екатеринбурге]. Если даже учитывать затраты на трансфер (туда-обратно), плюсом затраты на обед, все равно выходит больше, чем получаешь здесь, в городе. (ПМ32)

Еще одно преимущество городов-спутников — цены на недвижимость. Так, в стратегию развития Верхней Пышмы входит создание привлекательных условий для проживания людей, работающих в ближайших городах, включая Екатеринбург. Не случайно этот город называют «спальным районом» областного центра¹³.

Высокая трудовая мобильность экономически активного населения этих моногородов обусловлена не только спецификой рынка труда (в соответствии с профилем градообразующего предприятия), но и местоположением в наиболее урбанизированной части региона вообще и вблизи областного центра в частности. Связанность всех этих территорий находит отражение в идее совместного развития¹⁴.

В группу монопрофильных муниципальных образований, для которых характерно и притяжение, и выталкивание трудовых ресурсов, вошли два города, которые расположены на севере Свердловской области и значительно отличаются по ряду показателей от рассмотренных выше. Это городские округа Карпинск и Волчанский, входящие в состав Серовского куста расселения. По сравнению с другими моногородами третьей группы здесь несколько выше уровень безработицы, отсутствуют крупные предприятия, города значительно удалены от областного центра (более 300 км), а по численности населения являются малыми. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что более 10 % занятого населения трудоустроены за пределами территории проживания.

Население Волчанска может включаться в трудовую миграцию в направлении и Краснотурьинска, и Североуральска. Кроме того, по данным исследований [Жога и др., 2012], местные жители ориентированы на экономический комплекс ХМАО-Югры, работу вахтовым методом.

Из Карпинска работники, вероятно, едут в Краснотурьинск (согласно представленной типологии, это одна из территорий притяжения трудовых ресурсов): «*На черновой труд у нас приезжают с Карпинска*» (КЖ45).

Данные, представленные в таблице 3, также указывают, что порядка 10 % рабочих мест заняты населением, не проживающим на территории Карпинска и Волчанска:

Это в порядке вещей, да: то есть карпинские работают на Волчанке, волчанские работают в Карпинске. Тем более, менялась эта подчиненность неоднократно, Волчанка была и Карпинского района, а до этого Краснотурьинского, и также Туринской волости она была, а одно время она к Североуральскому району отношение имела. (КМ58)

¹³ См., например: Жога Г. О неравномерном распределении // Эксперт Урал. 2011. № 23. URL: <http://www.acexpert.ru/archive/23-469/o-neravnomernom-raspredelenii.html> (дата обращения: 06.11.2020).

¹⁴ Фортуна А. Профессор УрФУ объединяет генпланы Екатеринбурга и городов-спутников // 66.ru. Современный портал Екатеринбурга. 2019. 22 августа. URL: <https://66.ru/news/hitech/223973/> (дата обращения: 06.11.2020).

Стоит отметить, что между городами Серовского куста расселения всегда наблюдалась активная миграция:

Да, допустим, однодневная миграция, то есть утром уехал человек в Серов, вечером вернулся, она развита. В Карпинск также, карпинчане — к нам. Это у нас вплоть до Североуральска люди мигрируют. (КЖ45)

Сложно сказать, что именно выступает фактором притяжения трудовых ресурсов для Карпинска и Волчанска. Возможно, к третьей группе эти города относятся из-за переоцененного объема неформальных рабочих мест. Если это так, из третьей группы Карпинск и Волчанск должны перейти в группу выталкивающих трудовые ресурсы.

В то же время притяжение трудовых ресурсов на эти территории может быть обусловлено исторически сложившейся высокой мобильностью населения внутри Серовского куста расселения, о которой было сказано выше. Можно предположить, что для обеспечения государственных и социальных услуг в город привлекаются врачи, педагоги, государственные служащие. Такая практика озвучивалась в наших интервью: «В Карпинске у меня, допустим, работает друг, он там старший участковый. Живет здесь [в Краснотурьинске], и семья здесь... тут и на работу 15 минут на машине, вроде как недалеко» (КЖ31). В настоящий момент мы не располагаем данными, которые могли бы подтвердить или опровергнуть эти предположения.

В оставшихся муниципальных образованиях складываются такие условия, при которых мобильность трудоспособного населения значительно менее интенсивна (см. табл. 4).

Таблица 4. Монопрофильные муниципальные образования, для которых не характерна трудовая мобильность населения, %

Монопрофильное муниципальное образование	Уровень безработицы	Доля населения, занятого на территории проживания	Соотношение емкости рынка труда и занятых в экономике
Качканарский городской округ	7	96	93
Городской округ Верхняя Тура	11	80	81
Серовский городской округ	6	95	74

Города этой группы располагаются на значительном удалении от областного центра (расстояние более 100 км) и отличаются по сложившимся в них условиям. Городской округ Верхняя Тура и Качканарский городской округ по численности населения относятся к малым городам, Серовский городской округ — к средним. В Верхней Туре нет экономически успешных крупных предприятий, тогда как в Серове и Качканаре они функционируют.

Для городского округа Верхняя Тура характерно, что соотношение емкости рынка труда и занятых в экономике незначительно превышает долю населения, занятого на территории проживания. Представляется, что разница в 1 % не может служить основанием для отнесения муниципалитета к группе «притягивающих — выталкивающих» моногородов. Такая разница может быть обусловлена погрешностями в оценке емкости рынка труда. Подтверждает это относительно высокий уровень безработицы (выше среднего по области), указывающий на то, что население не занято на внешних рынках труда. Верхняя Тура удалена от областного центра и крупных городов. Помимо этого, городской округ Верхняя Тура — один из лидеров в Свердловской области по доле занятых в экономике, имеющих только начальное профессиональное образование. Трудовая мобильность жителей этого моногорода сдерживается его невысокой транспортной доступностью, а также низкой востребованностью населения на внешних рынках труда. Анализируемые показатели свидетельствуют о наличии факторов, провоцирующих выталкивание трудоспособного населения, однако, вероятно в силу действия барьеров для мобильности, оттока трудоспособного населения не происходит.

В Качканарском и Серовском городских округах проблема нехватки рабочих мест неактуальна для населения. Об этом свидетельствуют и низкий уровень безработицы, и высокая доля населения, занятого на территории проживания. В Качканарском городском округе рассматриваемые показатели занятости превышают 90 %. Число рабочих мест, имеющих на рынке труда, практически соответствует численности занятого населения.

Серовский городской округ — единственный, в котором емкость рынка труда значительно меньше численности занятого населения, притом что показатель населения, занятого на территории проживания, превышает 90 %. Объяснить такую ситуацию можно, наш взгляд, значительно недоучтенной неформальной занятостью населения. В частности, для северных городов характерны промыслы, связанные с собирательством, охотой и рыбалкой, садоводством.

Заключение

В настоящее время рынки труда моногородов не изолированы друг от друга. Изучая процессы трудовой мобильности населения моногородов, важно обращать внимание на связанность территорий различных муниципальных образований, учитывать близость к крупным городам, центрам регионов. Моногорода, имея ряд схожих черт, значительно различаются по специализации, включенности в системы расселения, человеческому капиталу. Все эти характеристики обуславливают возможности и ограничения трудовой мобильности населения. Благодаря миграции трудовых ресурсов жители адаптируются к условиям и ограничениям рынка труда моногородов.

Исследование особенностей рынка труда и трудовой мобильности населения моногородов Свердловской области позволяет определить «выталкивающие» и «притягивающие» города; города, для которых характерен и отток, и притяжение трудовых ресурсов; а также те, для которых не характерна трудовая мобильность населения. Об относительно высокой мобильности населения можно говорить в 9 из 17 рассмотренных муниципалитетов, где доля населения, работающего

на территории проживания, составляет менее 90 %. При этом высокой мобильностью (более 30 % занятого населения работают за пределами места проживания) населения характеризуются только два муниципальных образования. Наибольшая трудовая мобильность отмечается среди населения «выталкиваемых» и «притягиваемых» — выталкиваемых моногородов.

Универсальность данных ВПН-2010 и Сплошного статистического наблюдения малого и среднего бизнеса 2011 г. обуславливает применимость представленной модели анализа для изучения моногородов, расположенных в других регионах. Вместе с тем зависимость от существующей статистики является и ограничением предлагаемого подхода. Выйти за пределы сложившейся традиции изучения моногородов с настройками исследовательской оптики на «взгляд сверху» и понять, как сами жители моногородов определяют ситуацию, выявить мотивы миграции, позволяет использование собственных полевых материалов. Вместе с тем анализ состава мобильной рабочей силы требует дальнейшего исследования.

Список литературы (References)

Аверкиева К. В., Антонов Е. В., Кириллов П. Л., Махрова А. Г., Медведев А. А., Неретин А. С., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016. <https://doi.org/10.15356/ВНАН2016>.

Averkíeva K. V., Antonov E. V., Kirillov P. L., Makhrova A. G., Medvedev A. A., Neretin A. S., Nefedova T. G., Treivish A. I. (2016) Between Home and ... Home: Recurrent Spatial Mobility of the Russian Population. Moscow: New Chronograph. <https://doi.org/10.15356/ВНАН2016>. (In Russian).

Анимица Е. Г. Города Среднего Урала. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975.

Animitsa E. G. (1975) Cities of the Middle Urals. Sverdlovsk: Sredneural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Антонов Е. В. Социально-экономическое развитие и рынки труда городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1990—2010-х годах: дис. ... канд. геогр. н.: 25.00.24. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016.

Antonov E. V. (2016) Social-Economic Development and Labor Markets of the Ural, Siberia and Far East Cities in 1990—2010. PhD Dissertation in Geography. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Губина Н. Влияние качества жизни населения на социальный тонус монопрофильного города // Власть. 2008. № 7. С. 18—25.

Gubina N. (2008) Influence of Quality of Life on the Social Tone of a Single-Industry Town. *The Authority (Vlast)*. No. 7. P. 18—25. (In Russ.)

Ефимова Е. А. Рынок труда моногородов: состояние и перспективы // Пространственная экономика. 2011. № 1. С. 119—135. <https://doi.org/10.14530/se.2011.1.119-135>.

Efimova E. A. (2011) Labor Market in Single-Industry Towns: Current Situation and Prospects. *Spatial Economics*. No. 1. P. 119—135. <https://doi.org/10.14530/se.2011.1.119-135>. (In Russ.)

Жога Г. О неравномерном распределении // Эксперт Урал. 2011. № 23. URL: <http://www.acexpert.ru/archive/23-469/o-neravnomernom-raspredelenii.html> (дата обращения: 20.09.2020).

Zhoga G. (2011) About Unequal Allocation. *Expert Ural*. No. 23. URL: <http://www.acexpert.ru/archive/23-469/o-neravnomernom-raspredelenii.html> (accessed: 20.09.2020). (In Russ.)

Зубаревич Н. В. Трансформация рынков труда российских моногородов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2017. № 4. С. 38—44.

Zubarevich N. V. (2017) Transformation of Labor Markets in Russia's Single-Industry Cities. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. No. 4. P. 38—44. (In Russ.)

Корюхина И., Тимофеева Т., Гребенщикова Т., Абдулова И., Куклина В., Рожанский М. Город после комбината. Социально-экономические стратегии жителей Байкальска / под общ. ред. М. Рожанского. Иркутск: Центр независимых социальных исследований и образования, 2012.

Koryukhina I., Timofeeva T., Grebenshchikova T., Abdulova I., Kuklina V., Rozhansky M. (2012) The Town after the Factory. Socio-Economic Strategies of Residents of the Town of Baikal. Irkutsk: Center for Independent Social Research and Education. (In Russ.)

Крутиков В. К., Дорожкина Т. В., Тютин Д. В., Якунина М. В. Моногорода. Калуга: Издательство АКФ «Политоп», 2017.

Krutikov V. K., Dorozhkina T. V., Tyutin D. V., Yakunina M. V. (2017) Single-Industry Cities. Kaluga: Publishing House of the Analytical and Consulting Firm "Politop". (In Russ.)

Лядова В. А. К проблеме прогнозной оценки прироста демографических ресурсов и эффективности их трансформации в используемые трудовые ресурсы // Российское предпринимательство. 2012. № 3. С. 60—64.

Lyadova V. A. (2012) On Forecasting Population Growth and Efficiency of Its Transformation into Quality Human Resources. *Russian Journal of Entrepreneurship*. No. 3. P. 60—64. (In Russ.)

Микрюков Н. Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России: автореф. дис. ... канд. геогр. н.: 25.00.24. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016.

Mikryukov N. Yu. (2016) Factors, Problems and Models of Social Economic Transformation of the Russian Single-Industry Cities. Extended Abstract of PhD Dissertation in Geography. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2009. № 11. С. 149—164.

Mkrtychyan N. V. (2009) Migration Mobility in Russia: Assessment and Analysis Problems. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews*. No. 11. P. 149—164. (In Russ.)

Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Zakharov S. V. (ed.) (2016) *The Population of Russia 2014: Twenty-Second Annual Demographic Report*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Нефедова Т. Г., Слепухина И. Л., Браде И. Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 2. С. 27—38. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-27-38>.

Nefedova T. G., Slepukhina I. L., Brade I. (2016) Migration Attractiveness of Cities in the Post-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine and Belarus. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. No. 2. P. 27—38. <https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-2-27-38>. (In Russ.)

Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. № 2. С. 12—23.

Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2017) The Transformation of Settlement in Modern Russia: Urbanization or De-Urbanization? *Regional Studies*. No. 2. P. 12—23. (In Russ.)

Плюснин Ю. М., Заусаева Я. Д., Жидкевич Н. Н., Позаненко А. А. Отходники. М. : Новый Хронограф, 2013.

Plyusnin Yu. M., Zausaeva Ya. D., Zhidkevich N. N., Pozanenko A. A. (2013) *Wandering Workers*. Moscow: New Chronograph. (In Russ.)

Пятшева Е. Н. Устойчивое развитие моногородов как фактор стабилизации экономики России // Вестник РГГУ. Серия экономика, управление и право. 2012. № 12. С. 46—53.

Pyatsheva E. N. (2012) Sustainable Development of Single-Industry Towns as a Factor of the Russian Economy Stabilization. *RSUH/RGGU Bulletin. Series "Economics. Management. Law"*. No. 12. P. 46—53. (In Russ.)

Трифонов В. А., Лобанов М. М. Проблемы инновационного развития градообразующих предприятий в условиях монопрофильных городов // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2006. № 3. С. 198—202.

Trifonov V. A., Lobanov M. M. (2006) Problems of Innovation Development of Town-Forming Enterprises in Conditions of Mono-Profile Towns. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. No. 3. P. 198—202. (In Russ.)

Courtney P., Mayfield L., Tranter R., Jones Ph., Errington A. (2007) Small Towns as 'Sub-Poles' in English Rural Development: Investigating Rural-Urban Linkages Using Sub-Regional Social Accounting Matrices. *Geoforum*. Vol. 38. No. 6. P. 1219—1232. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2007.03.006>.

Hinderink J., Titus M. (2002) Small Towns and Regional Development: Major Findings and Policy Implications from Comparative Research. *Urban Studies*. Vol. 39. No. 3. P. 379—391. <https://doi.org/10.1080/00420980220112748>.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1671](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1671)

А. А. Подольская

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН-ИНЖЕНЕРОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Подольская А. А. Карьерные стратегии женщин-инженеров на предприятиях ракетно-космической отрасли: цели и возможности реализации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 467—489. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1671>.

For citation:

Podolskaya A. A. (2020) Career Strategies of Female Engineers Employed in Rocket and Space Industry: Goals and Implementation Opportunities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 467—489. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1671>. (In Russ.)

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН-ИНЖЕНЕРОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ: ЦЕЛИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

ПОДОЛЬСКАЯ Анна Александровна — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: annas.podolskaya@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7192-8231>

CAREER STRATEGIES OF FEMALE ENGINEERS EMPLOYED IN ROCKET AND SPACE INDUSTRY: GOALS AND IMPLEMENTATION OPPORTUNITIES

Anna A. PODOLSKAYA¹ — Post-graduate Student, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: annas.podolskaya@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-7192-8231>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия карьеры работницами предприятий ракетно-космической отрасли «советского» и «постсоветского» поколений. Основная цель исследования — описать карьерные стратегии женщин-инженеров и их элементы: карьерные цели, шаги к их достижению, оценку достижений. Эмпирическую базу исследования составляют 33 полуструктурированных глубинных интервью с женщинами-инженерами: специалистами «советского» поколения и теми, кто начал свой трудовой путь после распада СССР. Проведенный анализ показал, что для старшего поколения женщин характерно восприятие карьеры исходя из понимания коллективных целей и своей личной роли в общем деле. Карьера для них воспринимается как успешный результат коллективных достижений. Для молодых инженеров характерны целенаправленные действия для повышения профессионализма и административного роста: карьера воспринимается ими через личные достижения. В то же время представители обоих поколений считают, что в РКО существуют различные «неформальные» барьеры для женщин, и они проявляются сильнее для сотрудниц, мотивированных на должностное продвижение.

Abstract. The article examines how women from Soviet and post-Soviet generations employed in rocket and space industry perceive their career. The study aims to describe female engineer career strategies and their aspects such as career goals, steps to achieve them and assessment of achievements. The study is based on 33 semi-structured in-depth interviews with female engineers representing the Soviet generation and those who started their career after the collapse of the USSR. The analysis shows that older generation women tend to consider their careers in terms of collective goals and their personal contribution to the common cause. They perceive their career as a successful result of collective achievements. Young engineers are more likely to take purposeful action to improve their professionalism and to pursue career advancement: they perceive career through personal achievements. However both generations consider that there are a number of non-formal barriers for women employed in space industry, especially those women seeking career promotion.

Ключевые слова: карьерные стратегии, восприятие карьеры, гендерное равенство, карьерные цели женщин, STEM, ракетно-космическая отрасль

Keywords: career strategies, career perception, gender equality, career goals of women, STEM, rocket and space industry

Благодарность. Автор выражает благодарность, своему научному руководителю к. соц. наук, доценту НИУ ВШЭ Савинской Ольге Борисовне за ценные советы и комментарии в процессе подготовки статьи. Автор также благодарит всех респондентов, принявших участие в исследовании.

Acknowledgments. The author would like to express gratitude to the scientific advisor, Olga B. Savinskaya (Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Higher School of Economics) for her valuable comments. The author also thanks all the respondents who participated in the study.

Актуальность и постановка проблемы исследования

В условиях масштабной цифровизации экономики и общества значимость высокотехнологичных отраслей нельзя переоценить. Ведущую роль в их развитии играют высококвалифицированные кадры, способные отвечать на вызовы современного мира. При изучении занятости в STEM-отраслях¹ на первый план традиционно выходят вопросы отсутствия гендерного равенства — как в России, так и во всем мире. Так, в 2015 г. в среднем по миру женщины составляли менее трети (28,8%) тех, кто был занят в научных исследованиях и НИОКР. Наименьший гендерный разрыв наблюдался в Центральной Азии, где доля сотрудников-женщин составила 48,1%; в Латинской Америке и странах Карибского бассейна доля женщин, занятых в научных исследованиях и разработках, составила 45,4%, в арабских государствах — 39,8%, в странах Центральной и Восточной Европы — 39,5%, в странах Северной Америки и Западной Европы — 32,3%, а в странах Африки к югу от Сахары — 31,3%. Менее всего в научную работу были вовлечены женщины стран Восточной Азии и Тихого океана — 23,4%, а также Южной и Западной Азии — 18,5%². Приведенные данные говорят о том, что проблема меньшей представленности женщин в высокотехнологичных отраслях в той или иной степени присутствует во всем мире. В связи с этим одной из задач в этой сфере становится обеспечение мужчинам и женщинам равных возможностей и комфортных условий, необходимых для реализации профессионального потенциала. В первую очередь это затрагивает интересы женщин, которые в большинстве случаев сталкиваются с проблемой быть одновременно хорошей работницей, женой и матерью [Чернова, 2017: 94].

Если говорить о России, то, по данным Росстата, в 2018 г. в категории работников высшего уровня квалификации в возрасте от 15 лет и старше в составе специалистов в области науки и техники были заняты 2191 тыс. мужчин и 971 тыс.

¹ В зарубежных исследованиях для обозначения инженерно-технических наук часто используется английская аббревиатура STEM, которая расшифровывается как наука (S — science), технологии (T — technology), инжиниринг (E — engineering), математика (M — mathematics).

² UNESCO Institute for Statistics (2018) Fact Sheet No. 51: Women in Science. P. 2. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265402> (дата обращения: 02.10.2020).

женщин, что составляет приблизительно 69,3% и 30,7% соответственно. В сфере «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) в 2018 г. было занято 746 тыс. мужчин и 158 тыс. женщин, соответственно, доля женщин составляла 17,5% (среди специалистов высшего уровня квалификации)³. Приведенные данные иллюстрируют наличие гендерной сегрегации в STEM-отраслях.

Член Оргкомитета Евразийского женского форума О. А. Бессолова прогнозирует: «В будущем более 70% профессий, в том числе массовых, таких как медсестра и социальный работник, в которых сегодня в основном заняты женщины, будут основываться на четырех «китах» STEM. Это математика, необходимая для формирования логики и мышления; инженерные и технологические дисциплины; другие естественнонаучные знания; информатика и цифровые методы»⁴. Специалисты в области гендерных исследований фокусируют внимание на вовлеченности женщин в наукоемкие отрасли, позволяющей повысить эффективность использования человеческого капитала, в связи с чем проблема приобретает как научный, так и практический интерес [Хасбулатова, 2016: 4].

Для большей вовлеченности женщин в STEM-отрасли необходимо понять, какие аспекты для них являются значимыми в профессиональной сфере, какова в их понимании оптимальная карьерная стратегия и какие профессиональные цели ставят женщины, работающие в инженерно-технических отраслях. Отметим, что, помимо реализации в профессии, человек в большинстве случаев ориентирован на создание семьи. Соответственно, карьерная стратегия строится с учетом этого аспекта, и для женщин этот акцент, как правило, выражен сильнее, чем для мужчин.

Не менее значимым является выбор сферы трудовой деятельности: ее специфика во многом определяет вариативность развития карьеры. В фокусе настоящего исследования находится ракетно-космическая отрасль, которая относится к сектору самых приоритетных, прорывных высокотехнологичных сфер экономики XXI века. В последние годы в России был принят ряд важных документов, подтверждающих заинтересованность государства в развитии передовых отраслей. Так, в 2016 г. была принята Национальная технологическая инициатива (НТИ). Один из ее принципов: «С точки зрения развития и продвижения, НТИ включает новые глобальные высокотехнологичные рынки, борьба за лидерство на которых состоится на горизонте ближайших 20 лет в процессе цифровизации мировой экономики. Именно в этих направлениях у талантливых российских технологических предпринимателей есть наибольшие шансы на успех»⁵. Не менее важно и внимание государства к популяризации инженерно-технических специалистов. Согласно указу президента Российской Федерации В. В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития России на период до 2024 года», среди приоритетных целей — ускорение технологического развития; увеличение до 50% организаций, осуществляющих технологические инновации; создание в базовых

³ Занятое население по полу и группам занятий на основной работе (по данным выборочных обследований рабочей силы). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm (дата обращения: 02.10.2020).

⁴ Ежова В. Роль женщин в технологическом будущем // Global Women Media. 2018. 16 апреля. URL: <http://eawfpress.ru/press-tsentr/news/nauka/zhenshchiny-v-stem-rol-zhenshchin-v-tekhnologicheskom-budushchem/> (дата обращения: 02.10.2020).

⁵ Национальная технологическая инициатива. URL: <https://nti2035.ru/nti/> (дата обращения: 02.10.2020).

отраслях экономики высокопроизводительного сектора, использующего современные технологии и обеспеченного высококвалифицированными кадрами⁶.

Важность РКО для исследования объясняется и тем, что Россия является страной-основательницей ракетно-космической отрасли, а профессия инженера в этой сфере — одна из наиболее перспективных. Так, в 2014 г. Московская школа управления «Сколково» и Агентство стратегических инициатив (АСИ) провели масштабное исследование «Форсайт Компетенций 2030». В нем приняли участие свыше 2500 российских и международных экспертов, которые рассматривали задачу выявить востребованные профессии в 19 отраслях экономики, включая ракетно-космическую. По результатам исследования был создан Атлас перспективных отраслей и профессий на ближайшие 15—20 лет, согласно которому в космической отрасли после 2020 г. могут появиться новые профессии: проектировщик жизненного цикла космических сооружений, менеджер космотуризма, инженер-космодорожник, космобиолог, космогеолог⁷.

Каждый год в отрасль привлекаются все новые инженерные кадры, однако число женщин, занятых инженерной деятельностью в ракетно-космической отрасли, остается относительно низким. Об этом свидетельствуют данные выборочного обследования рабочей силы, согласно которым в 2018 г. доля российских женщин, занятых высокотехнологичными видами деятельности (среди которых, в том числе, производство летательных аппаратов, включая космические), составляет 33,8 %, а доля мужчин — 66,2 %. К сожалению, получение более детальных данных о соотношении женщин и мужчин, занимающихся именно инженерной деятельностью в РКО, затруднено: они отсутствуют в отчетах предприятий отрасли.

Из приведенных выше данных видно, что сегодня проблема гендерной диспропорции в STEM-отраслях, в том числе в РКО, сохраняется. Выявление причин подобного дисбаланса — одна из задач данного исследования. Для раскрытия этих аспектов необходимо изучить и проанализировать, как складывается реальная карьера женщин на предприятиях РКО, какую карьерную стратегию они предпочитают, какие из составляющих карьеры наиболее важны, каковы профессиональные цели женщин. Не менее важным является понимание сложностей и «барьеров», затрагивающих профессиональные интересы женщин-инженеров, какие из них наиболее ощутимы. Эти «барьеры» могут сыграть значительную роль как в выборе того или иного профессионального пути в инженерной сфере, так и в дальнейшей реализации карьерной стратегии женщин-инженеров. Понимание вышеперечисленных аспектов важно и для самих женщин, и для предприятий отрасли: это может позволить не только привлекать новых сотрудников, но и максимально эффективно использовать профессиональный потенциал женщин.

На сегодняшний день внимание исследователей сфокусировано на факте наличия гендерного дисбаланса в STEM-отраслях в условиях возрастающей важности вовлеченности женщин в отрасль. Несмотря на существующие в практике меры

⁶ Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России. 2018. 7 мая. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 02.10.2020).

⁷ Атлас новых профессий. Москва, 2014. С. 4, 70—71. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/седес/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 02.10.2020).

по привлечению женщин в STEM-отрасли [Малышева, 2016; Задворнова, 2018], неравенство возникает уже на этапе подготовки кадров и найма сотрудников. К примеру, описанный в литературе эффект «стеклянного потолка» и «стеклянных стен» возникает как следствие применения полоролевого подхода в воспитании молодежи, а впоследствии ограничивают доступ женщин к STEM-профессиям и STEM-карьере [Савостина, Смирнова, Хасбулатова, 2017: 36]. Так называемая холодная среда ('chilly' environment) — условия, которые создаются высокотехнологичными компаниями и могут ослабить интерес женщин к работе в STEM-отраслях, когда они начинают свою карьеру — также отрицательно сказывается на продвижении женщин в STEM-профессиях. Так, социологи А. Вьян и Ш. Коррел, используя оригинальные данные наблюдений за 84 рекрутинговыми сессиями, организованными технологическими компаниями США, показывают, что «холодная среда» проявляется, например, через преобладание среди представителей компаний и ведущих на рекрутинговых сессиях мужчин, в то время как женщины-рекрутеры практически не находятся в центре внимания аудитории, им отводится пассивная роль — например, раздача справочного материала, сбора резюме. Кроме того, ведущие используют техническую сложность как метод проверки или запугивания аудитории, а женщины, как правило, менее уверены в своих технических навыках. Еще одним проявлением холодной среды является отсылка к элементам мужской культуры, например, видеоиграм, комиксам, что также наблюдалось во время презентаций. Подобная ситуация может послужить сигналом женщинам, что они не принадлежат к этой среде [Wynn, Correll, 2018: 154, 158].

Несмотря на значительное внимание к проблеме, исследований проявлений неравенства непосредственно на предприятиях и в организациях наукоемких отраслей недостаточно. Ярким примером такой работы является труд М. Эмон, в котором автор на основании интервью с женщинами изучала их опыт работы в STEM-отраслях, а также сложности, с которыми они сталкиваются при построении карьеры. Так, женщины часто говорили ей о том, что межличностное взаимодействие ограничивает их профессиональные возможности, у них меньше свободы, чем у их коллег — мужчин [Amon, 2017].

Цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать, чем в понимании женщин-инженеров РКО является карьера, каковы их карьерные цели, какие критерии для них приоритетны в профессиональном плане. Интерес представляет то, с какими сложностями сталкиваются женщины-инженеры при работе на предприятиях отрасли, ощущают ли они гендерный дисбаланс, если да, то в каких проявлениях. Эти вопросы целесообразно рассмотреть на примере двух поколений женщин-инженеров РКО: на предприятиях РКО, преобладают люди старших возрастов, которые начинали свою деятельность еще до распада СССР, и их установки могут отличаться от принятых более молодыми коллегами⁸. Данное разделение на поколения респондентов условно. К «старшему» или «советскому поколению» относятся те, кто начал свою трудовую деятельность до распада СССР,

⁸ О значительном числе сотрудников старшего поколения на предприятиях РКО говорят данные из отчетов предприятий: например, в 2018 г. средняя численность персонала в РКК «Энергия» составила 7517 человек, а количество молодых работников до 30 лет составило 960 человек. При этом в основной численности преобладали возрастные группы 51—60 лет (2013 работников) и свыше 61 года (1 756 работников). Средний возраст работников РКК «Энергия» в течение последних лет остается стабильным: он составил 48 лет в 2018 г., 47,8 лет в 2017 г., 47,8 лет в 2016 г.

а к «молодому» или «постсоветскому» — те, кто пришел на предприятия РКО позже. В литературе есть интересные примеры изучения профессиональной культуры советского и постсоветского поколения инженерных кадров [Абрамов, 2015], также обращается внимание на различия в трудовых ценностях молодежи и старших поколений инженеров [Козина, Виноградова, 2016]. Такое деление позволит более наглядно показать, как менялось восприятие работы в отрасли и отношение к ней с годами.

Предположение исследования заключается в том, что, несмотря на перспективность отрасли и заинтересованность предприятий в новых инженерных кадрах в РКО, роль женщин-инженеров в развитии отрасли недооценена: при построении карьеры женщины сталкиваются с различными проявлениями гендерного неравенства, что замедляет их продвижение и ограничивает вариативность карьеры в РКО, в частности, в административном плане. В то же время меньшее количество женщин на руководящих позициях может быть обусловлено тем, что женщины при построении карьерной стратегии отдают предпочтение развитию профессиональных навыков, а не достижению высоких административных позиций. Это позволяет им применять знания на пользу отрасли и одновременно реализоваться в семейном плане.

На карьерную стратегию и карьерные цели женщин могут значительно влиять различные гендерные стереотипы о женщинах в профессиональной среде. Данный аспект находится в фокусе как зарубежных, так и российских исследователей. Так, Р. Анкер обращает внимание на взаимосвязь гендерной сегрегации и культурных стереотипов в отношении женщин и их профессиональных способностей. Все стереотипы условно разделены автором на три группы: «положительные», «отрицательные» и «прочие». К «отрицательным» относятся такие, как нежелание выполнять функции руководителя, меньшие способности к точным и естественным наукам [Анкер, 2002: 328—329]. Изучая проблему профессиональной сегрегации, И. М. Козина отмечала, что гендерные стереотипы действуют как субъективные ограничения возможностей работников, оказывая влияние на их мотивацию и уровень притязаний [Козина, 2002: 127]. Проблеме гендерных стереотипов в STEM-отраслях также уделяется значительное внимание в литературе. Так, И. Г. Малошонок и А. И. Щеглова, в одном из недавних исследований приходят к выводу, что наличие у девушек убеждений в том, что одноклассники считают юншей более способными к решению математических задач, увеличивает их шансы быть отчисленными из университета по результатам трех сессий [Малошонок, Щеглова, 2020: 286]. Немаловажную роль могут играть примеры старших коллег, среди которых значительно реже встречаются примеры женщин-руководителей даже в среднем звене, не говоря уже о высшем.

Исследование данной проблемы на примере РКО позволит обратить внимание на ряд аспектов в STEM-отраслях, которые могут быть актуальными для понимания специфики гендерного дисбаланса в высокотехнологичных отраслях.

Теоретическая рамка исследования

В рамках исследования основополагающим является понятие «карьерная стратегия». Это обусловлено тем, что она формируется в соответствии с теми целями,

которые актуальны для индивида в профессии. Следовательно, важно понять не только профессиональные цели женщин-инженеров, но и способ их достижения. Российский социолог В. В. Радаев отмечает, что социологический подход к понятию «стратегия» отражает внутренний смысл того или иного действия, которым руководствуется субъект. Под стратегией понимается устойчивая «совокупность осмысленных, рефлексивных действий» [Радаев, 2002: 10—11].

Понятие «карьерная стратегия» часто встречается в рамках субъективного подхода. В 1970-х годах Р. А. Стеббинс отметил, что значимость субъективного подхода состоит в том, что он позволяет дополнить объективные причины при построении карьеры: например, на изначальные предрасположенности человека могут повлиять различные ситуации в окружающей человека социальной среде. При этом автор отмечает, что не стоит отказываться от объективных показателей при изучении карьеры [Stebbins, 1970: 42]. Д. Т. Холл и Д. Е. Чандлер в своем исследовании показывают, что успешная карьера по объективным критериям не всегда воспринимается как успешная субъективно индивидом [Hall, Chandler, 2005: 156, 159—160].

Понятие «карьерная стратегия» часто используют при изучении карьеры различных групп специалистов: рабочих, врачей и т. д. По мнению В. К. Шаповалова, данный подход расширяет возможности исследователя при изучении карьеры и карьерных процессов [Шаповалов, 2018: 9]. Поскольку данное исследование основано преимущественно на качественных данных, а основным методом их сбора выступает глубинное полуструктурированное интервью, его автор также придерживается субъективного подхода.

Как было сказано выше, карьерная стратегия отражает то, чем руководствуется субъект в своей деятельности, то есть первостепенными здесь являются именно цели, которые ставят перед собой женщины: во многом исходя из этого они и формируют карьерную стратегию.

По оценкам О. Б. Савинской, 81,5% работающих женщин сочетают работу и материнство, 11,5% делают ставку на карьерный рост, 6,3% хотели бы быть домохозяйками, «хранительницами очага». Социолог отмечает, что желание женщин работать обусловлено причинами не только материального, но и социального характера (желание независимости, потребности в общении и общественном признании и пр.). Эти аспекты значимы вне зависимости от материального положения семьи [Работа и..., 2008: 97]. В то же время исследования показывают, что для женщин построение карьерной стратегии практически всегда имеет цель комфортно совмещать рабочую и семейную сферу. В современных реалиях проблема баланса работы и семьи актуальна для женщин в самых разных видах деятельности [Савинская, 2013; Исупова, 2016].

В российском сегменте исследований занятости женщин в STEM-областях значительно больше работ, посвященных проблеме равного доступа к STEM-образованию и его популяризации среди школьниц и студенток [Савинская, Мхитарян, 2018; Лебедева, Савинская, 2020]. Работ, касающихся изучения различных аспектов карьеры женщин-инженеров крайне мало. Например, Е. М. Колесникова рассматривала влияние принадлежности студентов к инженерной династии на выбор ими профессии после окончания инженерных вузов

[Колесникова, 2018]. Один из аспектов исследования В. А. Мансурова и его коллег был направлен на изучение различий в представлениях мужчин и женщин о развитии и карьерном росте в профессии инженера. При помощи количественного анкетного опроса, проведенного в 2016—2017 гг., авторы пришли к выводу о том, что повысить свою должность смогли 20 % женщин-инженеров и 45 % мужчин-инженеров за последние пять лет. При этом, возвращаясь в прошлое, 70 % мужчин выбрали бы ту же самую профессию, среди женщин доля ответивших таким образом составила 51 %. Интересно, что на выбор профессионального пути у женщин в наибольшей степени повлияли такие аспекты, как удобное расположение вуза и престиж профессии в обществе, в то время как для мужчин приоритетными были склонность к технической и изобретательной деятельности [Инженерные династии..., 2017: 185—187]. Приведенные данные подтверждают, что проблема гендерного неравенства отчетливо проявляется через «вертикальную сегрегацию».

Исследование М. П. Кюрегян и Т. Ю. Кирилиной, основанное на анкетировании 520 сотрудников двух крупных предприятий РКО, показало, что большинство сотрудников удовлетворены своей трудовой деятельностью, при этом среди женщин данный показатель выше: 81 % против 77 % среди мужчин. Успешной свою деятельность назвали 88 % женщин и 85 % мужчин. Говоря о развитии карьеры, авторы показывают, что возможность стать руководителем или занять вышестоящую руководящую должность видят 29,6 % респондентов — женщин и 30,5 % респондентов — мужчин. При этом отрицают такую возможность 51,8 % женщин и 16,3 % мужчин. Значимым является то, что около половины опрошенных женщин (48,1 %), выражают интерес к возможности возглавить собственный проект на предприятии. Авторы делают вывод о том, что женщины имеют более активную позицию, чем мужчины: почти в два раза больше женщин выразили желание участвовать в принятии критичных для предприятий решений на регулярной основе (41 %), в то время как среди мужчин эта доля составила чуть более четверти (26 %) [Кюрегян, Кирилина, 2019: 91—96].

Процитированное исследование отражает намерения респондентов относительно их карьеры, но не дает представления о возможностях их реализации. Желания респондентов по развитию своей карьеры существенно отличаются от реальных перспектив в карьерном продвижении, которые видят для себя как женщины, так и мужчины. Что же касается представленности женщин в высшем руководстве предприятий РКО, то, как отмечают авторы, среди высшего руководства женщины практически не представлены (в руководстве головного института Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» ФГУП «ЦНИИмаш» из 15 человек только одна женщина; аналогичная ситуация сложилась и в ПАО РКК «Энергия»: там среди руководителей также одна женщина — в должности главного бухгалтера) [Кюрегян, Кирилина, 2019: 68—69].

Эмпирическая база исследования и характеристика информантов

Для проведения исследования был выбран метод полуструктурированного глубинного интервью. Причинами для этого послужили следующие. Во-первых, исследований, посвященных карьере российских женщин-инженеров, занятых

в РКО, до настоящего времени практически не проводилось. В связи с этим было важно реализовать пилотное исследование — получить как можно более детальную и полную информацию от респондентов относительно их трудового пути и связанных с ним жизненных аспектов. В этом случае интервью является более предпочтительным, поскольку позволяет респондентам более полно раскрыть нюансы ответов на вопросы исследования. Во-вторых, проведение количественного опроса было затруднительно, так как для допуска на предприятия нужны соответствующие пропуска, а договориться с администрацией предприятий о проведении такого исследования автору не удалось.

Эмпирическая база исследования — 33 интервью с женщинами-инженерами, работающими на предприятиях РКО, проведенные в период с июля 2018 г. по май 2019 г. Согласно классификации типов выборки для качественного исследования М. К. Пэттона, была взята критериальная выборка, то есть отобраны респонденты, соответствующие ряду критериев [Patton, 2002: 243]. При отборе информанток использовались следующие критерии: наличие высшего инженерного образования⁹, опыт работы на предприятиях РКО от года и более, для всех информанток работа является основной. Место проведения исследования — г. Королёв, где сконцентрировано наибольшее количество предприятий отрасли. В работе представлены интервью с женщинами-инженерами предприятий АО «Композит», РКК «Энергия», АО ЦНИИмаш, АО Корпорация «Тактическое ракетное вооружение». Несколько респонденток старшего поколения на данный момент работают на предприятии АО «Газпром космические системы» г. Москвы, но начинали они свою деятельность на предприятиях г. Королёва, поэтому были включены в выборку. Респондентки были поделены на две группы: «постсоветское поколение» (в нее вошло 20 респонденток, работающих на предприятиях РКО) и «советское поколение» (13 респонденток). Точками входа в выборку стали знакомые автору женщины-инженеры предприятий РКО; впоследствии с их помощью были найдены остальные респондентки.

Гайд интервью состоял из нескольких тематических блоков: значение и составляющие желаемой карьеры для респонденток, их основные карьерные цели, оценка возможностей по достижению этих целей на предприятиях отрасли, «барьеры» при реализации себя в профессии, особенности взаимодействия респонденток старшего и более молодого поколений друг с другом, мнение респонденток о способах популяризации отрасли среди женщин.

Интервью проводились лично или по WhatsApp с использованием видеосвязи и были записаны на диктофон для последующего анализа. Анализ полученных данных производился при помощи метода открытого кодирования, что позволило выделить из текста и категоризировать различные феномены [Страусс, Корбин, 2001: 53]. В ходе анализа были выделены такие категории, как составляющие карьеры, карьерные цели, барьеры в карьере.

⁹ Критерий высшего образования был выбран, так как на предприятиях РКО преобладают работники с высшим образованием. См.: Годовой отчет публичного акционерного общества «Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королёва» за 2018 год. Королёв, 2018. С. 39. URL: https://www.energia.ru/ru/disclose/areports/areports_2018.pdf#page=39 (дата обращения: 02.10.2020).

Результаты исследования. Ключевые составляющие желаемой карьеры и карьерные цели женщин-инженеров

Желаемая карьера. Большинство респонденток старшего поколения говорят об удовольствии от своей работы, осознания причастности к развитию космоса, успешности проектов, в которых они принимали участие. При этом карьера как продвижение к более высоким должностным позициям практически не представляла для них интереса. Это можно объяснить тем, что для тех, кто начинал свою деятельность в СССР, «карьера ради карьеры» воспринималась равнозначно «карьеризму», характерному для буржуазного общества [Ильиных, Цегельникова, 2016: 256].

Для меня карьера — это успешный результат процесса, понимаете, это должно быть обязательно «живое дело», которое успешно завершено, когда ты проработал в профессии определенное число лет и можешь сказать: «Я в этом участвовал, это было успешно». Например, я участвовала в написании бортовых алгоритмов для спутника «Ямал-202», он до сих пор работает, уже 18 лет, при этом не было ни одной коррекции. Самое главное в космонавтике — результат! (Инженер-математик, 65 лет, замужем, один ребенок)

Еще одним аспектом при описании значимых особенностей своей карьеры для старшего поколения инженеров является ощущение пользы от своей деятельности общему делу, для многих именно эта сторона выступала одной из главных целей в профессии. Также для данной группы респондентов характерно при описании карьеры делать акцент не на индивидуальной, а на коллективной выгоде как наиболее важной. Исследователи часто отмечают, что одним из важнейших мотивов, пробуждающих к работе в STEM-отраслях, является не столько интерес к технологическим проблемам, а те проекты, участие в которых полезно для общества [Инженерные династии..., 2017: 191].

Когда я пришла после института, я не ставила карьерных целей вообще. Стремилась выполнять задания своего руководителя, не халтура. Такова была высокая планка ответственности. Был такой негласный закон: неважно, что о тебе подумают, главное, чтобы общее дело не страдало. (Начальник отдела планирования полетов, 58 лет, замужем, двое детей)

Среди молодых инженеров восприятие карьеры и ее составляющих заметно отличаются. Прежде всего, акцент делается на личных профессиональных достижениях. Важной особенностью для сотрудников в отрасли является отношение к административному повышению. Ответственность, с которой оно сопряжено ввиду специфики деятельности, часто связана с выбором в пользу отказа от более высокой должности [Кюрегян, Кирилина, 2019: 91]. В нашем исследовании это подтвердилось: женщины-инженеры стремятся к должностному росту, но не выше позиций среднего уровня. Помимо меньшей ответственности, это позволяет «не выпадать» из инженерной деятельности. Это воспринимается как вполне осуществимая цель.

Для меня идеальная карьера — это развитие как в профессиональном плане, так и в административном, я бы хотела быть начальником среднего звена, начальником группы, например: здесь ты уже набрался опыта, видишь задачу целиком, но в то же время получаешь меньше «шишек». Отвечая за небольшой коллектив, ты не теряешь инженерную составляющую, для меня настоящий инженер тот, кто создает что-то новое. (Инженер по обработке давления, 29 лет, замужем, один ребенок)

Среди молодого поколения женщин-инженеров одной из желаемых профессиональных целей часто является построение научной карьеры в ракетно-космической отрасли. Исследователи отмечают, что женщины в целом успешны в академической деятельности и практически не уступают мужчинам [Рождественская, 2019: 34]. В нашем исследовании около трети сотрудниц предпочитают реализацию в научном плане, отмечая, что на предприятиях это приветствуется.

Проработав на предприятии пять лет, я приняла решение поступить в аспирантуру. Сейчас у меня «вырисовываются» новые карьерные стратегии, происходит общение с новыми людьми, расширяется область интересов. У нас кандидатская степень дает возможность руководить персоналом; конечно, это должно подкрепляться статьями, все время идти в ногу со временем. (Инженер-материаловед 1 категории, 29 лет, замужем, двое детей)

Акцент на баланс работы и семьи. Восприятие карьеры и карьерных целей несколько меняется с появлением детей. На первый план выходят такие цели, как стабильность, возможность совмещать работу и материнство, возможность в случае необходимости «сместить» рабочий день. Это было характерно как для женщин старшего, так и более молодого поколений. Ранее автор статьи охарактеризовала особенности баланса между работой и семьей на примере женщин-инженеров в ракетно-космической отрасли как для респонденток, которые только собираются стать родителями, так и для тех, кто уже имеет детей. Было показано, что баланс между работой и семьей трудно достижим, особенно в случае наличия детей, тем не менее респондентки отметили, что одним из факторов, способствующих балансу, является «дружественная» социальная политика предприятий [Подольская, 2019].

Когда появились дети, для меня карьера «отодвинулась» на второй план. Может, еще потому, что я занималась туризмом. Активно. И сейчас занимаюсь. Мне хотелось реализоваться там, и устраивало, что работа позволяла совмещать материнство и состояться в других областях, карьерных амбиций у меня не было. (Инженер первой категории, замужем, двое детей)

Многие зарубежные и российские исследователи акцентируют внимание на том, что для успешной карьеры и реализации своих целей женщинам-инженерам необходимо ощущать поддержку со стороны руководства и иметь наглядный пример успешной женской ролевой модели, который бы позволил им думать: «если она может быть успешной, то и я могу» и «я хочу быть похожей на нее» [Dasgupta,

Stout, 2014: 24]. Этот аспект также повлиял на формирование отношения к работе и стремления сотрудников предприятий. Большинство респондентов отметили, что для них очень большую роль сыграло взаимодействие со старшими коллегами.

Когда только приходишь на предприятие, ты многого не знаешь. Мне очень повезло, у меня начальником была женщина, очень грамотно всегда мне помогала, подсаживала, атмосфера хорошая создавалась. (Инженер-проектировщик летательных аппаратов второй категории, 29 лет, не замужем, детей нет)

В целом можно сделать вывод, что в понимании карьеры и ее ключевых аспектов у инженеров старшего и молодого поколения есть как различия, так и сходства. Для старшего поколения первостепенным в профессии является понимание коллективных целей и своей роли в «общем деле». Для молодых инженеров, напротив, свойственно более «индивидуалистское» восприятие карьеры и целенаправленные действия для повышения профессионального статуса или административного повышения; при этом осознание важности работы в коллективе также характерно для молодежи.

Общими чертами для двух поколений выступает то, что их карьерная стратегия ориентирована на совмещение рабочей и семейной жизни, и одной из главных целей выступает минимизация ущерба от этого. Концентрация на профессиональном развитии, закреплении профессионального статуса характерна для ряда респонденток молодого поколения, у которых пока нет детей. Большинство респонденток говорят о том, что им в основном удастся успешно реализовать желаемые карьерные цели, в их деятельности в той или иной степени присутствуют оптимальные для них составляющие карьеры.

Барьеры при построении карьеры для женщин-инженеров

«Стекло́нный потолок». Большинство сотрудниц как старшего, так и молодого поколений отмечают, что неформальные ограничения складываются по ряду причин: помимо возможного декретного отпуска, существенным является стереотип о том, что сама сфера является «мужской», поэтому женщинам часто приходится доказывать свое право на повышение в должности или в заработной плате.

Я три года подряд была лучшим молодым специалистом, выступала на конференциях, но зарплату мне не повышали. Тогда на одной из аттестаций, где собрались начальники отделов, я прямо задала этот вопрос. И они ничего не смогли ответить. Было очень волнительно, в итоге назначили повторную аттестацию, после которой повысили зарплату и назначили младшим научным сотрудником. (Инженер-конструктор, 64 года, замужем, один ребенок)

«Мужские клубы». Феномен «мужского клуба» существует, по мнению сотрудников как старшего, так и младшего поколений: большинство сходятся в том, что в этой сфере ключевым является умение женщин отстаивать свою позицию, тогда как мужчинам изначально проще в мужском коллективе. В первую очередь это ощутимо для тех, кто стремится продвинуться по карьерной лестнице.

Думаю, мужчинам проще доказывать точку зрения в мужской среде. Договариваться. А женщине нужно еще доказать мужчине, что ее точка зрения чего-то стоит. Я сталкивалась с тем, как одной из сотрудниц прямо сказали, что категорию ей не повысят, так как у них есть молодые мальчики, и их нужно повышать. (Инженер-химик, 28 лет, не замужем, детей нет)

Интересно, что представители двух поколений отмечали, что женщины, занимающие высокие позиции, постепенно приобретают черты мужчин: строгость, жесткость собранность.

У нас есть девушка, ей 31 год, и она начальник сектора. Но она очень жесткая. Видно, что у нее железный характер. У нее в отделе мужчины, они рядом с ней как тряпки. Заходишь — она прямая вся, очень внимательный взгляд, никаких «хи-хи, ха-ха». (Инженер-проектировщик летательных аппаратов, 29 лет, не замужем, детей нет)

Гендерные стереотипы. Данный феномен, по мнению респонденток, проявляется в РКО как среди сотрудников предприятий, так и в общественном мнении. Наиболее популярный стереотип связан с восприятием профессии как «мужской», однако на отношении к профессии самих информанток это не отразилось. По мнению респонденток, вышеназванный стереотип преимущественно связан с недостаточной осведомленностью общества о функциях, которые выполняют инженеры в РКО.

Я сталкивалась с тем, что многие считают, будто инженер — это с молотком стоять, хотя на самом деле далеко не так. Многие сидят, как в офисе. (Инженер-конструктор, 29 лет, замужем, один ребенок)

Если говорить о стереотипах непосредственно на предприятиях, то в большинстве случаев они затрагивают женщин-инженеров на управленческих должностях, в первую очередь ставя под сомнение их навыки руководителя. Отметим, что данный стереотип укоренен в сознании и самих сотрудниц, что может выступать препятствием для их продвижения в профессии.

Я считаю, что к женщинам в отрасли относятся предвзято: то есть, если условно выбирать между женщиной и мужчиной с одинаковым опытом, квалификацией, то выберут мужчину. На уровне начальников отдела их [женщин] нет. При этом они чертят, строят, это руки, «рабочий материал», но они не руководят: видимо, считается, что мозг женщины не способен выработать верную стратегию в руководстве, думаю, это еще с начала отрасли пошло. (Инженер-конструктор, 29 лет, не замужем, детей нет)

В то же время ряд респонденток как старшего, так и молодого поколений полагают, что РКО — одна из тех сфер, где главными все же остаются знания и профессионализм работника. А отсутствие женщин в ряде сфер деятельности обусловлено не стереотипами, а природной склонностью женщин и мужчин к определенным видам работы, выполнение которых одинаково важно для предприятия.

Я думаю, тут работа найдется всем, только нужно распределение. Допустим: конструктора — это больше мужская сфера, а материаловеды — в основном, женщины. Это так, потому что это более кропотливый труд. Женщинам это лучше дается. Не любой мужчина выдержит. (Инженер-материаловед, 1 категория, 75 лет, замужем, двое детей)

Значение профессионализма. Несмотря на то, что большинство респондентов говорят о наличии тех или «препятствий» на работе, некоторые отмечают, что в настоящее время приоритетным в РКО все же являются способности и желание сотрудника работать.

Раньше у женщин было меньше возможностей проявить себя, в этом смысле РКК «Энергия» — консервативное предприятие, сейчас больше смотрят на способности сотрудника, не важно, мужчина или женщина, главное — знать свое дело. (Инженер вычислительной техники, 68 лет, замужем, трое детей)

Причины гендерной диспропорции в РКО. Большинство респонденток связывают гендерный дисбаланс в составе занятых в отрасли не с проявлениями какого-либо неравного отношения на работе, а скорее с низкой осведомленностью общества о профессии инженера в РКО, ее специфике и возможных направлениях в профессиональном развитии. Это, в свою очередь, приводит к укреплению в обществе стереотипа о «мужской» профессии. Интересно, что к такому мнению пришли преимущественно респондентки молодого поколения, тогда как старшие коллеги говорили о большей осведомленности о специфике работы уже на этапе выбора направления обучения. Это можно объяснить большей популярностью отрасли в стране, в том числе из-за достижений по освоению космоса СССР.

Я думаю, скорее всего, эта ситуация [меньшая популярность профессии у девушек] идет от неправильного представления женщин о работе инженера, проблема в ее позиционировании. Когда моя мама закончила институт, их наравне со всеми отправили на практику. В принципе, ты здесь точно так же сидишь за компьютером, как в офисе, если ты инженер-конструктор, например. (Инженер-технолог, 27 лет, замужем, детей нет)

В целом, можно говорить о том, что сегодня РКО, как и многие STEM-отрасли, не является гендерно нейтральной. Сохраняется ряд барьеров, которые ощутимы в большей степени для тех сотрудников, которые стремятся выстроить «вертикальную» карьеру. Такая ситуация, помимо избегания большей ответственности и желания самих респонденток развиваться в первую очередь в профессиональной и научной сфере, может объясняться и тем, что женщины-инженеры практически не видят вокруг себя примеров подобных успешных сценариев в отрасли. Тем не менее большинство респонденток обоих поколений удовлетворены своей работой.

Отличительные особенности двух поколений женщин-инженеров в профессиональной деятельности

Преимущества в работе сотрудников двух поколений. Сегодня на предприятиях РКО существенную часть сотрудников составляют люди старшего возраста.

Во многом это обусловлено спадом престижа профессии инженера в 1990-х годах в большинстве отраслей. Это приводит к возрастному разрыву между поколениями, что определяет специфику взаимодействия между сотрудниками, в том числе при передаче профессионального опыта. Взаимоотношения в коллективе играют значимую роль и могут повлиять на реализацию карьерной стратегии. Кроме того, опыт двух поколений во взаимодействии друг с другом помогает увидеть, в каких аспектах сотрудники проявляют себя лучше, а какого опыта им не хватает. Это, в свою очередь, необходимо для понимания того, как помочь женщинам-инженерам наиболее эффективно реализовывать себя в профессии.

У нас произошла резкая смена поколений: либо очень молодые сотрудники, либо уже пенсионеры, но нет практически среднего возраста, на ком могло бы держаться предприятие, кто мог бы подхватить опыт старшего поколения. Молодые еще «не въехали» во всю работу, недостаточно опыта. (Инженер-технолог по сварочному производству, 60 лет, замужем, один ребенок)

Важное преимущество молодого поколения сотрудников предприятия, по мнению их старших коллег, — это их высокая информированность о технических новинках и разработках, умение быстро находить и анализировать информацию, осваивать новые специализированные программы, необходимые в работе. Данная особенность является одной из характерных черт поколения миллениалов [Радаев, 2018: 21—22].

Лучше нас разбираются в компьютерных программах. Они умеют быстро схватывать, находить новое там, где нам бы потребовалось больше времени, подсказывают нам. (Инженер-конструктор по сварочному производству, 69 лет, замужем, двое детей)

Практически все респондентки — представительницы молодого поколения отметили опыт и хорошую техническую подготовку старших коллег, которые помогли им быстро влиться в работу. В ряде случаев молодые специалисты высказывали мнение, что их подготовка лучше, чем современная. В то же время молодые коллеги отметили, что, в отличие от старшего поколения, они более открыты новому, более готовы к качественным изменениям в работе. В целом, можно сказать, что на предприятиях сложилась ситуация взаимодополняемости сотрудников.

Интересным было мнение женщин-инженеров о том, что, исходя из их опыта, необходимо сделать, чтобы привлекать в отрасль новые высококвалифицированные кадры. Большинство информанток как старшего, так и молодого поколений обратили внимание на сравнительно невысокие зарплаты в отрасли — несмотря на то, что она считается одной из перспективных. Эту проблему связывают с неоправданной разницей в доходах у рядовых сотрудников и руководства¹⁰.

¹⁰ Реальные зарплаты на заводах Роскосмоса — «хлебные крошки» со стола топ-менеджеров // Новые известия. 2019. 16 августа. URL: <https://newiz.ru/article/general/16-08-2019/realnye-zarplaty-na-zavodah-roskosmosa-hlebnye-kroshki-so-stola-top-menedzherov> (дата обращения: 02.10.2020).

Я думаю, в первую очередь необходимо поднять зарплаты сотрудников, даже на стартовых позициях: у нас она отличается в разы от руководства даже среднего звена, не говоря уже о высшем. Ощутимая материальная поддержка инициативных сотрудников необходима, чтобы не пропадало желание что-то делать. (Ведущий инженер-конструктор, 35 лет, замужем, один ребенок)

Роль престижа профессии инженера в обществе. Еще одним значимым фактором оказалось наличие «весомых» передовых проектов, которые могли бы мотивировать молодых специалистов к созданию принципиально новых разработок в сфере космоса. По мнению ряда респондентов, сейчас их существенно меньше. Среди молодого поколения женщин-инженеров распространено мнение о необходимости поднятия престижа профессии инженера среди девушек через СМИ и повышения информированности девочек о профессии и способах реализации в ней уже в школе.

Мне кажется, больше всего не хватает поднятия престижа профессии: что работать инженером на заводе не «стремно». Многие не знают, что это за профессия, а это важно показать, например, через СМИ. (Инженер-химик, 28 лет, не замужем, детей нет)

В одном из последних исследований, посвященных популяризации инженерных профессий среди школьников, Е. М. Колесникова и И. А. Куденко отмечают, что, несмотря на различные мероприятия, направленные на популяризацию технических направлений, интерес к ним у молодого поколения невысок. Одной из причин, по мнению авторов, является недостаточная информированность школьников о будущих профессиях и возможностях применения своих знаний [Колесникова, Куденко, 2020: 130—131].

Подводя итог, можно сказать, что для привлечения женщин в РКО ключевыми аспектами являются повышение зарплаты, проведение мероприятий по популяризации профессии инженера, в том числе и на федеральном уровне и с активным использованием социальных медиа; при этом необходимо делать акцент на примерах успешной реализации женщин в профессии.

Карьерные стратегии женщин-инженеров в РКО включают в себя установки на материальную стабильность, возможность заниматься полезным для общества делом, реализуя свои профессиональные навыки, но имея при этом возможность сочетать профессиональную, семейную и другие социальные роли. Для молодых инженеров при реализации в профессии весомым является пример старших коллег.

Заключение

Основное предположение исследования подтвердилось при анализе эмпирических данных. При формировании карьерной стратегии большинство женщин ориентированы на возможность заниматься интересной работой, развивая свои профессиональные навыки и сохраняя баланс между работой и семьей. Женщины-инженеры заинтересованы в развитии своего профессионального потенциала, но не стремятся занимать высокие административные должности,

предпочитая «среднее звено». Это характерно и для «советского» поколения женщин-инженеров (представители поколения X), и для «постсоветского» поколения (среди которых преобладают представители поколения Y, в меньшей степени представлено поколение Z).

В то же время представительницы «советского поколения» женщин-инженеров успешность карьеры, в первую очередь, ассоциируют с их вкладом в общие проекты и их последующий успех. Для более молодого поколения женщин-инженеров карьера — это, прежде всего, их индивидуальные достижения, направленные как на улучшение профессиональных навыков, так и на получение более высокой зарплаты. При этом для них осознание значимости своей деятельности для предприятия, отрасли и страны в целом также является существенным.

Для молодых женщин-инженеров принципиально важной является возможность разнопланового развития. Респондентки часто отмечают, что вертикальный рост интересен им только до уровня должностей среднего звена, так как это подразумевает меньшую ответственность, возможность развиваться в профессии и совмещать работу и материнство. Такая позиция объясняется еще и тем, что на предприятиях РКО, как и в других STEM-сферах, существует гендерное неравенство, проявляющееся в ряде неформальных барьеров, в частности, в распространности стереотипичных взглядов на вертикальное продвижение женщин. Неформальным препятствием в развитии административной карьеры может являться стереотип о меньших способностях женщин на руководящих должностях: женщины-инженеры практически не видят возможностей успешной реализации такого карьерного пути. Проявление гендерных стереотипов, по мнению сотрудников, становится ощутимо для тех, кто ориентирован на должностное развитие. При этом для достижения карьерных целей приходится проявлять настойчивость и «отвоевывать место под солнцем».

Другой популярный стереотип, с которым сталкивались информантки, состоит во взгляде на профессию инженера как на «мужскую». По мнению большинства респонденток, он распространен преимущественно среди людей, не осведомленных о реальной работе инженера и ее аспектах. Некоторые респондентки отмечают, что специфика занятости женщин-инженеров в РКО обусловлена не стереотипами, а предрасположенностью мужчин и женщин к определенным видам деятельности. На отношении респонденток к профессии инженера в РКО стереотип о «мужской» профессии практически не повлиял — как в старшем, так и в более молодом поколении. Однако именно наличие данного стереотипа в общественном сознании является одной из причин неравного распределения мужчин и женщин в отрасли. Подчеркнем, что о наличии стереотипа говорили преимущественно инженеры молодого поколения, тогда как старшее поколение выражало большую осведомленность о работе в РКО. Это можно объяснить большей популярностью отрасли и достижениями советских инженеров.

Некоторые респондентки указали на существование «стеклянного потолка» для женщин, подчеркнув, что он ощутим уже с позиций начальника сектора, тогда как возглавить группу значительно легче. А для молодых сотрудников — мужчин наблюдается противоположная ситуация — существование «стеклянного лифта»: респондентки отметили, что мужчин продвигают намного чаще и быстрее. Тем

не менее большинство женщин-инженеров говорят, что своих целей в профессиональной сфере им удалось добиться, либо это реально и ожидаемо в перспективе.

Что касается характерных черт рассмотренных поколений, то старшие и младшие коллеги, как следует из высказываний респондентов, обладают взаимодополняющими конкурентными преимуществами, что позволяет сделать их взаимодействие гармоничным и эффективным. Для многих молодых инженеров старшие коллеги сыграли роль наставников, особенно на начальных этапах, что помогло быстро вникнуть в особенности работы на предприятии.

Ключевыми шагами для поднятия престижа инженерных профессий среди женщин респонденты считают активную популяризацию инженерной деятельности уже в школах: с использованием различных масс-медиа как на уровне предприятий, так и на уровне государства. Одновременно с этим требуется повышение заработных плат в отрасли, а также обеспечение материальной поддержки различных инженерных инициатив, независимо от пола их инициатора. Кроме того, сотрудницы предприятий считают важным разработку новых масштабных инновационных проектов в сфере космоса, которые могли бы заинтересовать будущих специалистов отрасли.

Для занятых в отрасли женщин важна атмосфера дружественного отношения к их запросам и интересам, отказ от существующих стереотипов, в особенности в отношении вертикального карьерного роста. В конечном итоге это выгодно как для развития и реализации самих сотрудников, так и предприятий, а значит, и отрасли в целом.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н. Профессиональные культуры и социальная память на примере дискурса о советских и постсоветских технических специалистах // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? / под ред. О. Б. Божкова. СПб.: Эйдос, 2015. С. 223—237.

Abramov R. N. (2015) Professional Cultures and Social Memory on the Example of a Discourse about Soviet and Post-Soviet Technical Specialists. In: Bozhkov O. B. (ed.) *Our Past: Nostalgic Memories or a Threat to the Future?* Saint Petersburg: Eidos. P. 223—237. (In Russian)

Анкер Р. Теории профессиональной сегрегации по признаку пола: аналитический обзор // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / отв. ред. Е. Б. Мезенцева. М.: Русская панорама, 2002. С. 299—328.

Anker R. (2002) Theories of Occupational Segregation Based on Gender: An Analytical Review. In: Mezentseva E. B. (ed.) *Gender and Economics: World Experience and Expertise of the Russian Practice*. Moscow: Russian Panorama. P. 299—328. (In Russ.)

Задворнова Ю. С. Анализ зарубежного опыта по вовлечению женщин в STEM-профессии (на примере США) // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 67—73. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.6>.

Zadvornova Yu.S. (2018) Analysis of Foreign Experience in Involving Women in STEM Professions (on the Example of the USA). *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 67—73. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.6>. (In Russ.)

Козина И. М., Виноградова Е. В. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 215—230. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08>.

Kozina I. M., Vinogradova E. V. (2016) Young Engineers: Work Values and Professional Identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. № 1. P. 215—230. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.08>. (In Russ.)

Козина И. М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 126—136.

Kozina I. M. (2002) Professional Segregation: Gender Stereotypes in the Labor Market. *Sociological Journal*. No. 3. P. 126—136. (In Russ.)

Колесникова Е. М. Инженерные династии и перспективы профессиональной биографии студентов инженерных вузов // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 55—72. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5713>.

Kolesnikova E. M. (2018) Engineering Dynasties and Professional Biography Prospects for Students at Technical Institutes and Universities. *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 1. P. 55—72. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.1.5713>. (In Russ.)

Колесникова Е. М., Куденко И. А. Интерес к STEM-профессиям в школе: проблемы профориентации // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 124—133. <https://doi.org/10.31857/S013216250009117-1>.

Kolesnikova E. M., Kudenko I. A. (2020) Interest in STEM Professions at School: Problems of Career Guidance. *Sociological Studies*. No. 4. P. 124—133. <https://doi.org/10.31857/S013216250009117-1>. (In Russ.)

Ильиных С. А., Цегельникова А. В. Понятие «карьера»: некоторые социологические подходы // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности. Уфа: Аэтерна, 2016. С. 256—258.

Ilyinykh S. A., Tsegelnikova A. V. (2016) The Concept of “Career”: Some Sociological Approaches. In: *Synthesis of Science and Society in Solving Global Problems of Modernity*. Ufa: Aeterna. P. 256—258. (In Russ.)

Инженерные династии России / под науч. ред. В. А. Мансурова. М.: РОС, 2017. Mansurov V. A. (ed.) (2017) *Engineering Dynasties of Russia*. Moscow: ROS. (In Russ.)

Исупова О. Г. Баланс жизни и работы у женщин-полицейских в Вологодской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 103—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.07>.

Isupova O. G. (2019) Work-Life Balance among Policewomen in Vologda Oblast. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 103—121. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.07>. (In Russ.)

Кюрегян М. П., Кирилина Т. Ю. Пути преодоления гендерного неравенства в сфере управления на предприятиях РКП. [б. м.]: Издательские решения, 2019.

Kyuregyan M. P., Kirilina T. Yu. (2019) Ways to Overcome Gender Inequality in Management at Rocket and Space Industry Enterprises. [s. l.]: Publishing Solutions. (In Russ.)

Лебедева Н. В., Савинская О. Б. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 62—75. <https://doi.org/WinRS.2020.2.6>.

Lebedeva N. V., Savinskaya O. B. (2020) Why Women Leave STEM: The Role of Stereotypes. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 62—75. <https://doi.org/WinRS.2020.2.6>. (In Russ.)

Малошонок Н. Г., Щеглова И. А. Роль гендерных стереотипов в отсеве студентов инженерно-технического профиля // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. No. 2. С. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.945>.

Maloshonok N. G., Shcheglova I. A. (2020) The Role of Gender Stereotypes in the Dropout of Engineering Students. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 273—292. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.945>. (In Russ.)

Малышева М. М. Естественные и технические науки для женщин в XXI веке // Народонаселение. 2016. № 3. С. 76—85.

Malysheva M. M. (2016) Natural and Technical Sciences for Women in the XXI Century. *Narodonaselenie (Population)*. No. 3. P. 76—85. (In Russ.)

Подольская А. А. Восприятие баланса жизни и работы женщинами, работающими в STEM-отраслях (на примере ракетно-космической отрасли) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 192—210.

Podolskaya A. A. (2019) Perceptions of Work-Life Balance by Women Working in STEM Industries (a Rocket-and-Space Industry Case Study). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 192—210. (In Russ.)

Работа и семья в жизни женщин с детьми-дошкольниками: опыт города Москвы / под ред. О. Б. Савинской. М.: Вариант, 2008.

Savinskaya O. B. (ed.) (2008) Work and Family in the Life of Women with Preschool Children: The Experience of the City of Moscow. Moscow: Variant. (In Russ.)

Радаев В. В. Еще раз о предмете экономической социологии // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 3—14.

Radaev V. V. (2002) Once Again about the Subject of Economic Sociology. *Sociological Studies*. No. 7. P. 3—14. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ. Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Radaev V. V. (2018) Millennials against the Background of Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Академическая женская карьера: балансы и дисбалансы жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. No. 3. С. 27—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.03>.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2019) Academic Women's Career: Balances and Imbalances of Life and Work. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 27—47. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.03>. (In Russ.)

Савинская О. Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16. № 2. С. 142—167.

Savinskaya O. B. (2013) Work-Family Balance: How Working Mothers in Moscow Reconcile their Work and Maternity. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 16. No. 2. P. 142—167. (In Russ.)

Савинская О. Б., Мхитарян Т. А. Технические дисциплины (STEM) как девичий профессиональный выбор: достижения, самооценка и скрытый учебный план // Женщина в российском обществе. 2018. № 3. С. 34—48. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.4>.

Savinskaya O. B., Mkhitaryan T. A. (2018) STEM as Girls' Professional Choice: Achievements, Self-Esteem, and Hidden Curriculum. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 34—48. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.4>. (In Russ.)

Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. STEM: профессиональные траектории молодежи (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 3. С. 33—44. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.3.3>.

Savostina E. A., Smirnova I. N., Khasbulatova O. A. (2017) STEM: Professional Trajectories of Youth (Gender Aspect). *Women in Russian Society*. No. 3. P. 33—44. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.3.3>. (In Russ.)

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Strauss A., Corbin J. (2001) Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Technique. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)

Хасбулатова О. А. Гендерные аспекты развития STEM-образования в России // Женщина в российском обществе. 2016. № 3. С. 3—15. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.1>.

Khasbulatova O. A. (2016) Gender Aspects of STEM Education Development in Russia. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 3—15. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.3.1>. (In Russ.)

Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. 20. № 1. С. 93—113. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.1.6>.

Chernova Zh.V. (2017) Family Friendly Workplace: Political Initiatives, Employer's Position and Types of Support for Workers with Family Responsibilities. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 20. No. 1. P. 93—113. <https://doi.org/10.31119/jssa.2017.20.1.6>. (In Russ.)

Шаповалов В. К. Карьерные процессы: социологические и психолого-педагогические интерпретации. М.: Дашков и К, 2018.

Shapovalov V. K. (2018) Career Processes: Sociological and Psychological-Pedagogical Interpretations. Moscow: Dashkov and K. (In Russ.)

Amon M. J. (2017) Looking through the Glass Ceiling: A Qualitative Study of STEM Women's Career Narratives. *Frontiers in Psychology*. Vol. 8. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.00236>.

Dasgupta N., Stout J. G. (2014) Girls and Women in Science, Technology, Engineering, and Mathematics: STEMing the Tide and Broadening Participation in STEM Careers. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 1. No. 1. P. 21—29. <https://doi.org/10.1177/2372732214549471>.

Hall D. T., Chandler D. E. (2005) Psychological Success: When the Career is a Calling. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 26. No. 2. P. 155—176. <https://doi.org/10.1002/job.301>.

Patton M. Q. (2002) Qualitative Research and Evaluation Methods. Thousand Oaks, CA: Sage.

Stebbins R. A. (1970) Career: The Subjective Approach. *The Sociological Quarterly*. Vol. 11. No. 1. P. 32—49. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1970.tb02074.x>.

Wynn A. T., Correll Sh.J. (2018) Puncturing the Pipeline: Do Technology Companies Alienate Women in Recruiting Sessions? *Social Studies of Science*. Vol. 48. No. 1. P. 149—164. <https://doi.org/10.1177/0306312718756766>.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1608](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608)

О. В. Вилкова

ГЕНДЕР КАК ДИСКРИМИНИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ РОССИЙСКИХ ФРИЛАНСЕРОВ-РАЗРАБОТЧИКОВ

Правильная ссылка на статью:

Вилкова О. В. Гендер как дискриминирующий признак профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 490—516. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>.

For citation:

Vilkova O. V. (2020) Gender as a Discriminatory Indicator of Professional Success among Russian IT Freelancers. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 490—516. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>. (In Russ.)

ГЕНДЕР КАК ДИСКРИМИНИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ РОССИЙСКИХ ФРИЛАНСЕРОВ-РАЗРАБОТЧИКОВ

ВИЛКОВА Ольга Владимировна — аспирантка кафедры экономической социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: olg.vilkova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1108-1390>

Аннотация. Несмотря на существование исследований гендерной дискриминации как на онлайн-биржах труда, так и в IT, комплексный анализ дискриминации женщин в IT на российских биржах фриланса отсутствует. Работа является попыткой восполнить пробел с использованием социологического подхода И. С. Кона к изучению предубеждений, когда анализируется не носитель предубеждений, а среда, в которой предубеждения могут существовать, — онлайн-биржа заказов. На основе данных одной из онлайн-бирж фриланса, извлеченных методом веб-скрейпинга, исследование доказывает существование дискриминации по гендерному признаку среди IT-специалистов на российских онлайн-биржах заказов. Вопреки динамичному развитию IT и практик удаленной работы, женщины-разработчики по сравнению с мужчинами за аналогичные проекты получают меньшее вознаграждение, худшие оценки и более низкий рейтинг. Низкие рейтинги, вознаграждение, меньшее количество проектов и отзывов пессимизируют положение женщины в органической выдаче портала. Дискриминирующее поведение заказчиков ухудшает позиции женщин

GENDER AS A DISCRIMINATORY INDICATOR OF PROFESSIONAL SUCCESS AMONG RUSSIAN IT FREELANCERS

*Olga V. VILKOVA¹ — PhD student at Department of Economic Sociology
E-MAIL: olg.vilkova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1108-1390>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Despite a large number of studies on gender discrimination both in online labor markets and in the IT industry, there is a lack of comprehensive analysis of discrimination against women in the IT industry on the Russian online freelancing platforms. The study is an attempt to fill the gap using I. S. Kon's sociological approach with a focus on the environment that causes prejudices (online freelancing platforms) and not the bearer of the prejudices. Based on the data extracted from a freelancing platform using web scraping the study proves that there is gender inequality among IT specialists in the Russian online freelancing platforms. Despite the dynamic development of the IT industry and remote work, female IT engineers are more likely to receive lower remuneration, poor reviews and lower ratings for the same work compared to their male counterparts. Due to low ratings, remuneration and fewer projects women are ranked lower in the organic search results. Discriminatory behavior by customers has a negative impact on women's position on the platform and reduces their chances to find another project: governed by search results customers are less likely to spot a female IT specialist as a potential contractor. To

на платформе и понижает шансы найти следующий проект — ориентируясь на топ выдачи, заказчик реже видит женщину в качестве исполнителя. Для решения проблемы женщины покупают баллы для продвижения профиля, в ФИО профиля указывает имя мужа, формируя фиктивный гендер, при выполнении заказа часто тратят время на неоговоренное в требованиях обучение клиента, перевыполняют план в ущерб себе, занижают цены.

Ключевые слова: гендерная дискриминация среди разработчиков, гендерная дискриминация на онлайн-биржах труда, женщины-фрилансеры, женщины-разработчики, платформенная экономика

solve the problem and to promote their profiles women buy scores, indicate husband's name in the profile, often spend time on clients' training not specified in the requirements, overfulfill the plan against their own interests or even cut prices.

Keywords: gender discrimination among developers, female freelancers, female developers, platform economy, gender discrimination in online labor market

Одним из драйверов роста онлайн-бирж заказов для самозанятых профессионалов является обещание равенства, невозможное для отдельных групп на традиционном рынке труда. Однако онлайн-биржи до сих пор поддерживают традиционные процессы найма: заказчик предлагает работу фрилансеру, выбранному из общего списка по совокупности признаков, описанных в профиле: рейтингу, воспринимаемым социально-демографическим характеристикам, отзывам других заказчиков. Воспринимаемый пол может повлиять на выбор заказчика через предубеждения — подведение сложных явлений под образ, верно или ложно характеризующий класс явлений [Кон, 1966].

Таким образом, онлайн-биржи не являются спасительной таблеткой в стремлении уйти от неравенства и дискриминации на рынке труда. Женщины менее склонны работать в gig economy (26 % женщин против 32 % мужчин¹), а часовая ставка их заработной платы составляет две трети от зарплаты мужчин [Barzilai, Ben-David, 2017].

Несмотря на существование исследований гендерной дискриминации на онлайн-биржах труда [Fielden, Tench, Fawkes, 2003; Hannák et al., 2017], в IT [Gill, 2002], комплексный анализ притеснения женщин в IT на российских биржах фриланса отсутствует. Присутствие женщин в программировании нетипично: IT (ICT), будучи изначально инженерным направлением, связывалось с маскулинностью, направление подготовки в вузах computer science традиционно считается мужским [Lagesen, 2007].

¹ Gallup's Perspective on the Gig Economy and Alternative Work Arrangements. (2018) *Gallup*. URL: https://www.gallup.com/file/workplace/240878/Gig_Economy_Paper_2018.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

Работа является попыткой восполнить пробел в исследованиях гендерной трудовой дискриминации в русскоязычной онлайн-среде с использованием социологического подхода И. Кона к изучению предубеждений — когда анализируется не носитель предубеждений (заказчик работ), а среда, в которой предубеждения могут существовать [Кон, 1966]; в нашем исследовании таковой выступает онлайн-биржа.

Цель исследования: определить, существует ли сегрегация на отечественных онлайн-биржах фриланса; является ли гендер дискриминирующим признаком профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков.

В работе приводятся краткий обзор проведенных эмпирических исследований дискриминации на онлайн-рынках, описание дизайна исследования и выборки, оценка индикаторов профессиональной успешности фрилансеров-разработчиков в разрезе пола и специализаций, выводы о присутствии дискриминации.

Обзор исследований неравенств и профессиональной успешности на онлайн-рынках

Несмотря на то что платформенная экономика предоставляет свободу в выборе проекта, уровня сложности и времени выполнения задачи, фрилансерам непросто преуспеть в условиях нерегулярности контрактов, барьеров к выходу на оплату труда по высоким ставкам, интенсивной конкуренции [Popiel, 2017]. Успех работы фрилансера определяется множеством факторов, которые выходят за пределы технической экспертизы и области знаний и включают построение социальных связей [Стребков, Шевчук, 2009], предприимчивость и понимание работы алгоритмов платформы [Kushner, 2013].

Немалую роль в определении успешности работы фрилансера играет соответствие ожиданиям заказчиков. По результатам опросов, заказчики чаще обращают внимание на качество работ в портфолио фрилансера, стоимость услуг, наличие положительных отзывов и отсутствие отрицательных, рейтинг [Маркин, Назарбаева, 2014]. Успех выполнения новых проектов зависит от статистики успешности прошлого опыта работы и является прогнозируемым. Например, исследователи построили модель предсказания успешности фрилансера по данным отзывов о выполненных проектах онлайн-биржи заказов oDesk [Kokkodis, Ipeiotis, 2016]. Исследователи утверждают, что репутация, хотя и остается весьма субъективным фактором, крайне важна не только при контактах между фрилансером и заказчиком, но и во взаимодействии фрилансера и платформы: репутационные модели онлайн-бирж регулируют транзакционную активность [Gandini, 2016].

Несмотря на простоту регистрации и интуитивно понятный интерфейс большинства онлайн-бирж труда, немногочисленные фрилансеры находят заказы и хорошо зарабатывают [Popiel, 2017]. Онлайн-рынки — частичная производная офлайн-рынков с их экономикой, включая существующие проблемы, к которым в том числе относится проблема неравенства [D’Cruz, Noronha, 2016].

Приведем примеры эмпирических исследований, целью которых было выявление неравенства в онлайн-среде. По утверждению авторов исследований, международным онлайн-биржам фриланса TaskRabbit и Fiverr свойственны расовая и гендерная дискриминация [Hannák et al., 2017]: по данным более

13 тыс. профилей фрилансеров (демографическим характеристикам, рейтингам, оценкам заказчиков), извлеченных методом веб-скрейпинга, было установлено, что афроамериканцы обладают низким рейтингом. Белые женщины-фрилансеры на 10 % реже положительно оцениваются заказчиками в сравнении с белыми мужчинами. Наибольший рейтинг на TaskRabbit и Fiverr у мужчин-азиатов. В то же время, по данным российской биржи FL.ru, в открытых состязаниях фрилансеров (конкурсах, в которых заказчик выбирает среди всех фрилансеров автора наилучшего решения задачи) социально-демографические признаки незначимы и не оказывают дискриминирующего влияния на выбор победителя [Стребков и др., 2019].

Категория IT-фрилансеров — высококвалифицированных специалистов в сфере компьютерных технологий — не столь часто встречается в научных источниках. Проводились исследования фрилансеров, доказывающие, что технические компетенции — ключ к успеху среди самозанятых IT-специалистов [Süß, Becker, 2013]. Преуспевающий фрилансер-айтишник должен постоянно переучиваться, поскольку требования к рынку быстро меняются. При этом часто у фрилансеров нет выбора, кроме как осваивать новую технологию «на лету», будучи исполнителем проекта. Например, по результатам глубинных интервью немецких фрилансеров-разработчиков, эффективна стратегия поиска свободной ниши, в которой уровень владения техническими навыками будет превосходить компетенции фрилансеров-конкурентов [ibidem]. Демонстрация достигнутого уровня — важная часть самопрезентации; портфолио значимо. Коммуникация для разработчиков особенно важна, поскольку множество проектов в IT завязано на командной работе, когда фрилансерам необходимо уметь быстро интегрироваться в проект с несколькими незнакомыми коллегами.

Широко цитируемые исследования гендерного неравенства среди IT-разработчиков отсутствуют, однако обзоры с аналогичным предметом распространены для других отраслей. На основе количественных опросов было доказано существование гендерного неравенства в пользу мужчин в медиасфере шести европейских стран [Gill, 2002]; в Великобритании в сферах PR и связей с общественностью, положение женщин лучше по сравнению с мужчинами — они испытывают большую удовлетворенность оплатой труда, работой и жизнью [Fielden, Tench, Fawkes, 2003].

Исследования российских фрилансеров в сфере IT не распространены. Знаковой работой является статья Е. Вязниковой, в которой по результатам глубинных интервью проведена попытка выявить особенности сотрудничества российских IT-фрилансеров с заказчиками. Несмотря на подробный анализ литературы по теме фриланса, описанное взаимодействие фрилансеров-айтишников не отличается от типичных схем общения фрилансеров других профессиональных областей: предварительная оценка фрилансера/заказчика на онлайн-бирже, согласование условий проекта при личном общении, работа над проектом, приемка задачи [Вязникова, 2008]. Категория IT-фрилансеров поверхностно упоминается в общих обзорах IT-рынка труда как одна из форм занятости, противопоставляемая штатным сотрудникам [Земнухова, 2013]. Также существуют эмпирические проекты, базирующиеся на теории игр, которые доказывают, что современным тех-

нологичным российским компаниям выгоднее нанимать штатных разработчиков либо отечественных фрилансеров, чем зарубежных фрилансеров-разработчиков из Индии и Пакистана [Фошин, 2016].

Изучение фрилансеров, работающих на онлайн-биржах в IT-сфере, представляется незанятой перспективной нишей, поскольку фриланс в сфере компьютерных технологий является одним из наиболее инновационных и динамичных секторов занятости [Вязникова, 2008; Süß, Becker, 2013]. В условиях трендов на ускоренную цифровизацию компаний и сокращения издержек онлайн-рынки должны развиваться с гарантией свободной конкуренции и равенства возможностей, не препятствовать профессиональному развитию и успеху каждого отдельного фрилансера, в том числе по гендерному признаку.

Проявления гендерной дискриминации на биржах фриланса

Поскольку программирование изначально не является типичным для женщин родом деятельности [Lagesen, 2007], в IT-разработке предполагается высокий уровень профессиональной сегрегации по гендерному признаку, который может быть значимым фактором диспропорций в оплате труда. Однако существование гендерной сегрегации при этом не приравнивается к дискриминации, тому, с чем необходимо бороться [Мальцева, Рошин, 2007]. По определению МОТ, дискриминация — различие, которое приводит к нарушению равенства возможностей. В работе мы имеем дело с дискриминацией, а не неравенством, поскольку социальное неравенство предполагает неравный доступ к ресурсам, закрепленный в обычаях, нормах, законах [Радаев, 2008: 393]. Онлайн-рынки, и особенно современная IT-разработка, основанная на стандартах open source, являются сферами с относительно низким порогом входа — необходимы интернет, ПК и знание технологий, освоение которых при растущих рынках онлайн-образования и многочисленных форумах IT-сообществ становится общедоступным и точно не зависит от пола/гендера.

Применительно к объекту текущего исследования — фрилансерам-разработчикам, работающим через онлайн-биржи, — дискриминация на рынке труда может проявляться при найме на работу, оплате труда, продвижении по службе². Женщинам могут реже, чем мужчинам, предлагать проекты, дешевле оплачивать выполнение аналогичных заданий, тем самым негативно влияя на рейтинг фрилансера на платформе и понижая шансы найти следующий проект. Дискриминирующее поведение со стороны заказчиков может проявляться в стиле общения с фрилансерами, обращении к гендерным стереотипам. О дискриминирующем поведении также могут свидетельствовать прецеденты, когда женщинам приходится предпринимать особые действия для того, чтобы конкурировать с мужчинами на равных.

Дизайн, методы исследования и описание массива данных

Дизайн исследования базируется на смешанной стратегии: сборе информации путем веб-скрейпинга и глубинного интервьюирования и на описательном анализе данных.

² Рошин С. Ю. Равны ли женщины мужчинам? Часть I // Демоскоп Weekly. 2005. № 219—220. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/tema05.php#12> (дата обращения: 19.10.2020).

Количественные данные о фрилансерах извлекались методом веб-скрейпинга³ с одной из крупнейших отечественных онлайн-бирж FL.ru. Безусловно, веб-скрейпинг предполагает ряд методологических и технических ограничений, главное из которых накладывается на стратегию исследования — социолог вынужден придерживаться data-driven подхода [Вилкова, 2020]. В отличие от стандартного инструментария статистических и социологических методов сбора данных, только веб-скрейпинг может обеспечить высокую полноту данных о фрилансерах-разработчиках, занятых на электронных рынках (e-markets). Государственная статистика не учитывает, что не все фрилансеры регистрируют себя как индивидуальные предприниматели или самозанятые, многие фрилансеры могли быть зарегистрированы как самозанятые за рубежом — там предоставляется больше возможностей для получения грантов и фондирования [Земнухова, 2013].

Выбор онлайн-биржи фрилансеров FL.ru неслучаен: по данным сервиса «Яндекс.Радар»⁴, порталы FL.ru и kwork.ru обладают наибольшими популярностью и охватом среди известных русскоязычных бирж для разработчиков. На момент, когда производилось извлечение основного массива данных (сентябрь — октябрь 2019 г.), портал FL.ru посещали чаще остальных (см. рис. 1⁵).

Несмотря на то что разработчики могут находить и исполнять заказы за пределами известных онлайн-порталов, изучать профессиональную успешность фрилансеров целесообразнее через анализ данных онлайн-бирж, которые содержат статистику откликов заказчиков и характеристики результативности фрилансеров. К последним могут относиться число завершенных фрилансером проектов, доля положительных оценок за проекты, наличие либо отсутствие отрицательных оценок [Маркин, Назарбаева, 2014], степень заполненности профиля и проч.: у заказчиков сейчас больше, чем когда-либо, показателей для выбора исполнителя [Стребков и др., 2019].

Хотя платформы не вводят обязательную процедуру верификации пола, возраста с использованием паспорта, перед исследованием не стоит проблема потенциально недостоверных данных: за основу принимается воспринимаемый гендер — то есть то, что видит заказчик при отборе исполнителя.

Извлеченные в результате веб-скрейпинга данные представляют собой социально-демографические характеристики фрилансеров-разработчиков (женщин и мужчин), зарегистрированных на портале с 2005 по 2019 гг., показатели результативности работы и активности на портале: позиция в органической выдаче списка работников, количество посещений персональной страницы фрилансера, частота участия в проектах, процент положительных отзывов. Данные дополнены списком проектов, выполненных участниками, с указанием стоимости услуг (за период 2014—2019 гг.), текстовыми отзывами.

³ Веб-скрейпинг — «практика сбора открытых данных с веб-страниц и форм, не предназначенных для этого (то есть в большинстве случаев в обход интерфейсных правил пользования вебсайтом, API и других ограничений)» [Вилкова, 2020: 164]. Сбор данных производится автоматической программой (парсером).

⁴ «Яндекс.Радар» — сервис, выявляющий крупные интернет-порталы по числу посетителей из России. На основе статистики посещения портала через сервисы «Яндекса» с использованием моделей машинного обучения определяется интервал, в котором с высокой вероятностью находится реальное количество посетителей портала.

⁵ В оценку популярности онлайн-бирж фриланса также включались порталы free-lancers.net, freelance.habr.com, freelancehunt.com, freelancejob.ru, pchel.net, rubrain.com, однако из-за низкой посещаемости и рейтинга на графике визуально не заметны.

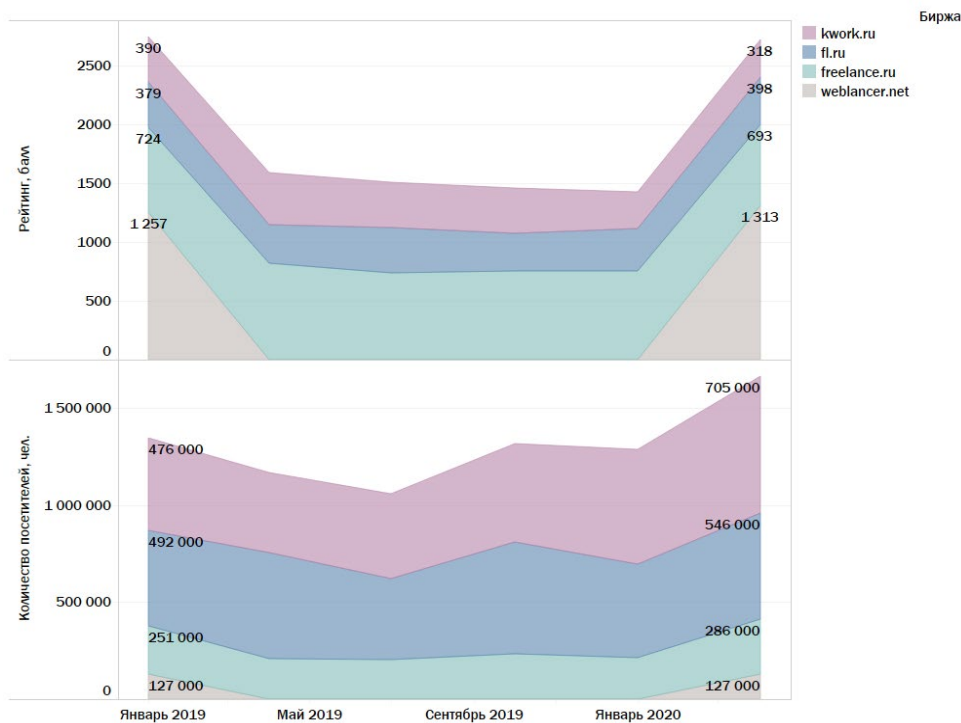

Рис. 1. Распределение русскоязычных онлайн-бирж фриланса по популярности

Для получения более полной картины о наличии дискриминирующих обстоятельств при работе фрилансеров было проведено 20 глубинных онлайн-интервью с женщинами-разработчиками — активными пользователями FL.ru, для которых портал является основным источником поиска заказов. Отбор информантов проводился в два этапа: на первом формировались стратифицированные выборки на основе имеющихся специализаций разработки, в которых присутствовали женщины, на втором методом снежного кома отбиралось два-три фрилансера-разработчика; response rate составил 30 %. У женщин интересовались о проявлениях дискриминирующего поведения на основании гендерного признака при первоначальной коммуникации с заказчиком, определении объема работ, подведении итогов (финальной оплате труда, оценки за проект, отзывах и комментариях). Также спрашивали о случаях, когда онлайн-биржи занижали параметры результативности в профиле после оставления негативных оценок на платформе заказчиком: пессимизировали в выдаче, снижали рейтинг — затрудняли возможности найти хороший проект.

Описание фрилансеров

Путем веб-скрейпинга была извлечена информация о 54 тыс. фрилансерах-разработчиках, принадлежащих к одной или нескольким специализациям в программировании. Доминируют фрилансеры, по основной специализации

осуществляющие веб-разработку (68,1 % человек): веб-программисты (32,6 %), верстальщики (15,3 %), разработчики сайтов «под ключ» (11,9 %) (см. рис. 2). Склонность интересоваться веб-разработкой коррелирует с трендом на освоение цифровых профессий, связанных с интернетом; кроме того, поиск заказов по реализации веб-проектов целесообразно осуществлять в интернет-среде. Значительно меньшая доля фрилансеров занята в общем программировании (10,5 % человек), мобильной разработке (5,8 %), разработке и поддержке бухгалтерских систем (3,3 %), игре (2,9 %).

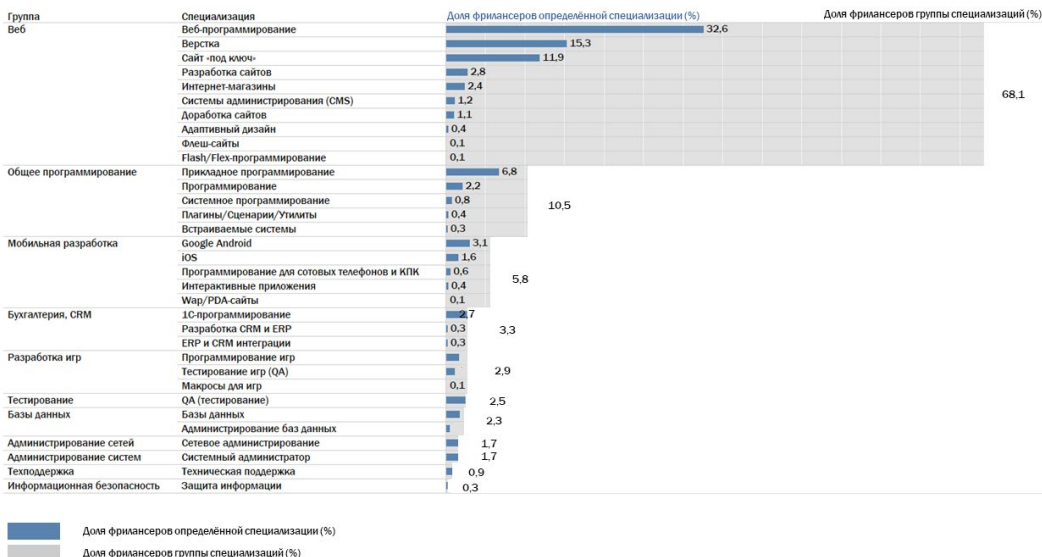

Рис. 2. Распределение фрилансеров-разработчиков в структуре специализаций и групп специализаций, %. N = 55138 аккаунтов фрилансеров⁶

Доля фрилансеров с несколькими специализациями в выдаче небольшая — 3,7 %; по медиане это три специализации на человека в этой группе. Среди дополнительных специализаций наиболее популярны разработка сайта под ключ (17 %), веб-программирование (15,4 %), верстка (11,5 %), разработка интернет-магазинов (9,7 %). На биржах фриланса чаще присутствуют занятые веб-разработкой.

Среди фрилансеров с опознанной половой принадлежностью существенно больше мужчин (75 %), чем женщин (14 %) (см. рис. 3), что в целом соответствует стереотипным представлениям о гендерном распределении в среде computer science [Lagesen, 2007].

Спектр специализаций у женщин существенно ниже, чем у мужчин: они заняты в 17 специализациях из 33, в то время как мужчины представлены во всех областях (см. рис. 4). Чаще женщины занимаются веб-программированием (4,4 % от числа всех фрилансеров), разработкой сайтов «под ключ» (2,2 %), версткой

⁶ Учитываются фрилансеры как с основными, так и дополнительными специализациями.

(1,9%), разработкой и поддержкой интернет-магазинов (0,8%), тестированием (0,7%), разработкой сайтов (0,5%) и приложений для Android (0,4%), прикладным программированием, разработкой на iOS и для 1С (0,3%). Меньше женщин, занятых в сетевом администрировании, технической поддержке, разработке и администрировании баз данных. Гендерную профессиональную сегрегацию выделить сложно: не очевидны специализации разработки, которые можно было бы считать «исконно женскими» или «мужскими».

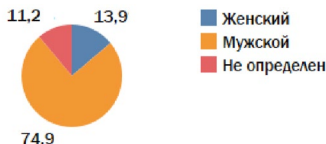

Рис. 3. Распределение фрилансеров по полу, %, N = 54 107 человек

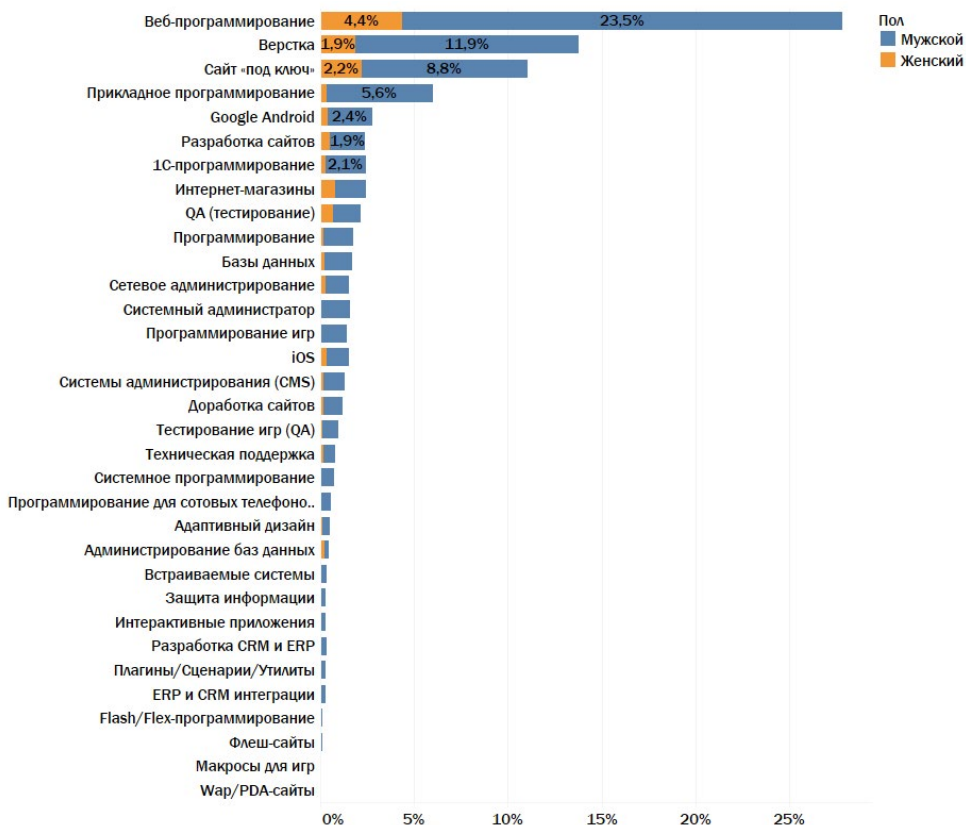

Рис. 4. Распределение фрилансеров по полу и специализациям⁷, доля от общего числа фрилансеров. N = 55 138 аккаунтов фрилансеров

⁷ В визуализации отсутствуют доли фрилансеров, чей пол не удалось установить, однако доли рассчитаны с их учетом.

Оценка индикаторов профессиональной успешности фрилансеров

Оценка профессиональной успешности фрилансера определяется взаимодействием с заказчиком и платформой, на которой размещается заказ. В связи с этим целесообразно выявлять показатели профессиональной успешности фрилансера, исходя из базовых сценариев взаимодействия заказчика с профилем и непосредственно самим фрилансером (см. рис. 5).

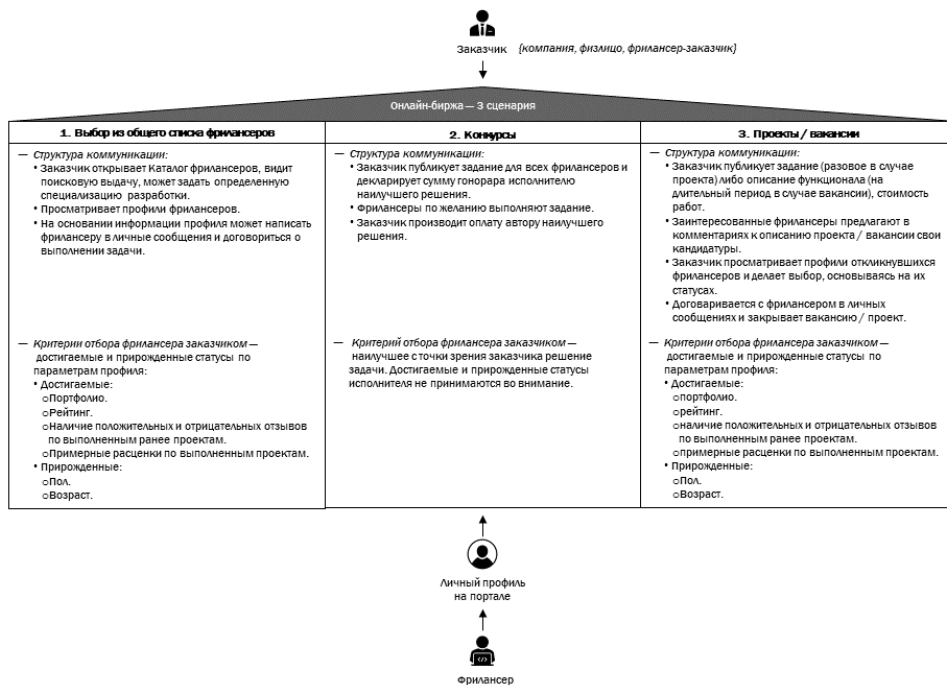

Рис. 5. Сценарии взаимодействия заказчика с фрилансером через онлайн-биржу (на примере FL.ru)

Поиск исполнителя заказа осуществляется по нескольким стандартным сценариям⁸: через выбор заказчиком конкретного фрилансера из общего списка фрилансеров, а также механизмы конкурсов, проектов и найма на вакансию — когда взаимодействие инициирует фрилансер. Механизм конкурсов подробно описан [Yang, Chen, Banker, 2011; Стребков и др., 2019] и представляет собой отбор с последующим вознаграждением фрилансера, предоставившего в открытом состязании наилучшее с точки зрения заказчика решение задачи. Проекты или вакансии объявляются заказчиком для выполнения разового задания либо реализации длительных проектов.

В исследовании рассмотрено взаимодействие, когда заказчик определяет исполнителя проекта по стандартному процессу через выбор из общего каталога фрилансеров — поисковой выдачи, которая является отправной точкой интерфейса портала, — а затем просматривает профили интересующих фрилансеров

⁸ Новичкам заказчиком // FL.ru. URL: <https://feedback.fl.ru/knowledge-bases/2/articles/17306-novichkam-zakazchikam> (дата обращения: 19.10.2020).

(соответствует сценарию 1 рис. 5). В поисковой выдаче заказчик видит отранжированный платформой поименный список фрилансеров с определенным процентом положительных отзывов, иногда портфолио (см. рис. 6). При этом финальный алгоритм ранжирования фрилансеров в общей выдаче является интеллектуальной собственностью владельцев портала и остается условно неизвестным — можно лишь догадываться, что на рейтинг в выдаче могут влиять заполненность профиля, общий рейтинг, количество выполненных проектов и проч.

Далее по предварительному списку фрилансеров заказчику легко перейти на страницы индивидуальных профилей, обратиться к достигнутым и приуроченным статусам фрилансера, выраженным через метрики профессиональной успешности — сопоставить количество посещений профиля, общий рейтинг, число проектов. Также можно ознакомиться с отзывами предыдущих работодателей, оценить сложность и стоимость проектов, в которых фрилансер принял участие.

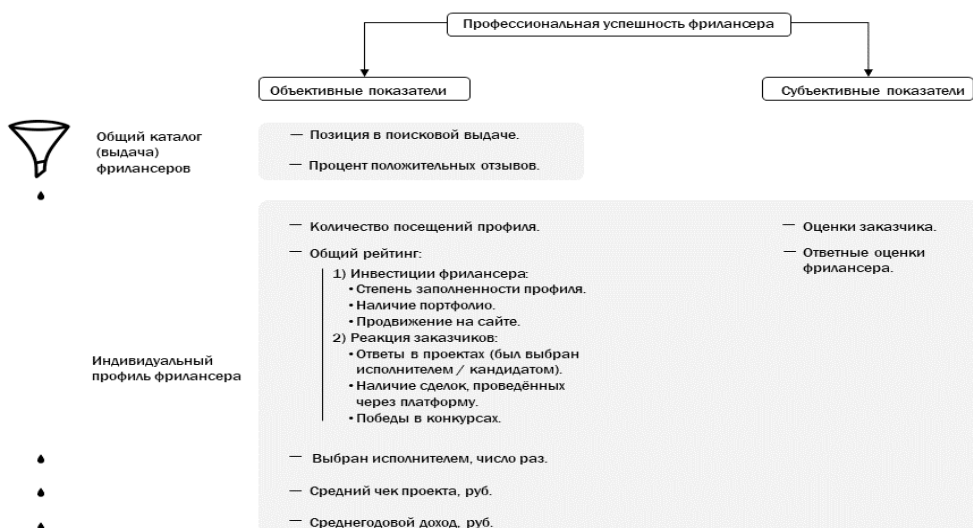

Рис. 6. Индикаторы оценки профессиональной успешности фрилансеров на онлайн-биржах на примере FL.ru в порядке навигации по portalу (customer journey map заказчика при выборе исполнителя)

В работе факт существования дискриминации будет установлен благодаря анализу объективных факторов профессиональной успешности (результативности) фрилансеров с дополнительным описанием оценок заказчиков по данным онлайн-биржи.

Далее рассмотрим распределения индивидуальных оценок профессиональной успешности по половому признаку в соответствии с рис. 6. Несмотря на то что неизвестен алгоритм расчета рейтинга в поисковой выдаче, все оценки независимы друг от друга.

Позиция в поисковой выдаче общего списка фрилансеров. В общей поисковой выдаче женщины появляются значительно ниже, чем мужчины — медианный

порядковый номер женщин на 78 % выше, чем у мужчин. Однако при исключении специализаций, в которых заняты только мужчины, наблюдаем, что женщины ненамного отстают от мужчин — всего на 15 %.

Более детальное рассмотрение позволяет судить, что позиция в поисковой выдаче общего списка фрилансеров выше у женщин, чем у мужчин в таких специализациях, как верстка, флеш-сайты, Flash-/Flex-программирование (см. рис. 7). Интересно, что последние проекты по созданию Flash-сайтов выполнялись женщинами относительно недавно, в 2018 г., в то время как мужчины выполняли подобные проекты в 2013 г. С учетом того, что флеш-технологии признаются на рынке морально устаревшими (в 2010 г. Стив Джобс написал открытое письмо с критикой флеша и объявляет об отсутствии поддержки флеша на iOS-платформах; в 2013 г. Adobe прекратил выпуск флеш-обновлений для Android; в 2017 г. компания Adobe объявила о планах прекратить поддержку в 2019 г.), представляется, что женщины чаще/лучше справляются с заданиями по хорошо описанным, но устаревающим технологиям. Мужчины теряют интерес к неактуальным технологиям и фреймворкам.

Несмотря на отсутствие жестких публичных высказываний, среди программистов существует мнение и об устаревании верстки, поскольку веб-страницы из статичного контента превращаются во все более динамичный и интерактивный.

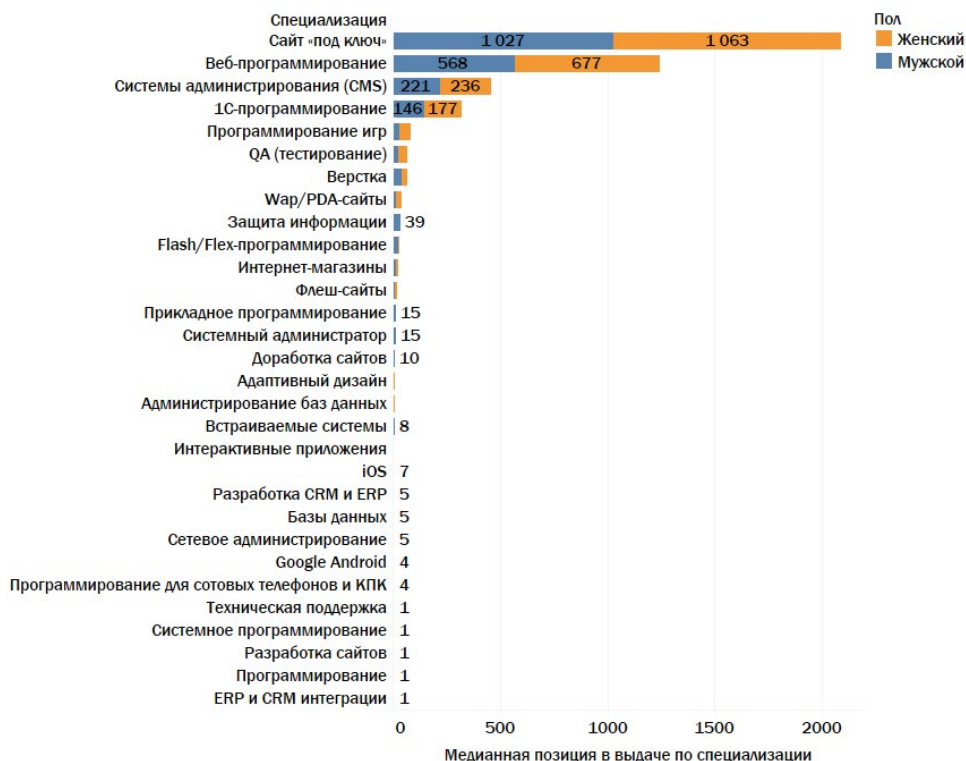

Рис. 7. Распределение фрилансеров определенной специализации и пола по положению в общей поисковой выдаче (от наиболее высоких к наиболее низким), N = 55 138 аккаунтов фрилансеров

Количество посещений профиля фрилансера. По общей статистике персональные страницы женщин посещают на 8% реже, чем мужчин. В разрезе специализаций можно отличить повышенный интерес к женщинам, занятым в разработке и поддержке интернет-магазинов и флеш-сайтов, верстке, программировании игр (см. рис. 8). При этом задачи, которые ставятся женщинам в категории интернет-магазинов, очень вариативные и творческие: могут попросить добавить к отображению пару полей на карточки товара, выгрузить список товаров с агрегаторов, настроить интернет-магазин на готовом решении 1С-Битрикс и т. п. Мужчины рассматривают задачи более технические и инфраструктурные, связанные с ускорением сайтов интернет-магазинов, оптимизацией серверов.

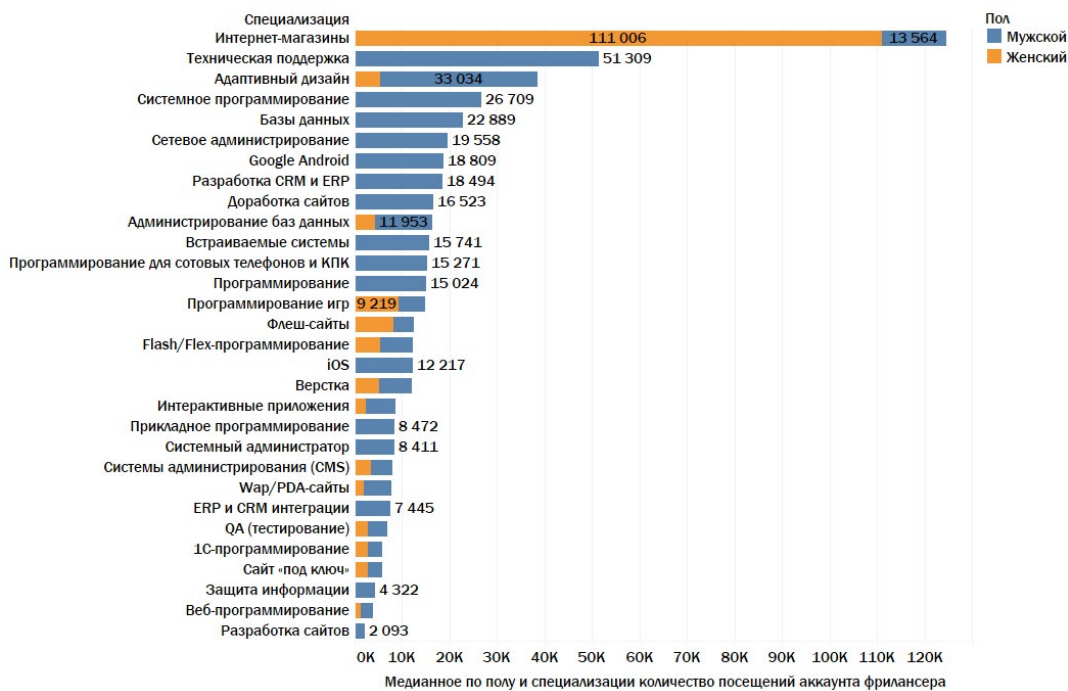

Рис. 8. Распределение суммарного количества посещений страниц фрилансеров определенной специализации и пола, $N = 54\,107$ человек

Общий рейтинг фрилансера. По общей выборке рейтинг мужчин, определяемый результатами работы фрилансера, на 69% выше рейтинга женщин. По специализациям, в которых заняты женщины, гендерный разрыв более ощутим, чем по статистике посещений: рейтинг мужчин выше рейтинга женщин на 19%.

Специализации, в которых женщины более успешны, чем мужчины, не отличаются от описанных выше тенденций — это разработка и поддержка интернет-магазинов, флеш-сайтов, игр, а также верстка (см. рис. 9). При этом программирование игр у женщин связано с использованием все тех же флеш-технологий. Мужчины, занятые в категории разработки игр, в отличие от женщин занимают-

ся более разнообразным стеком задач, не только флеш-программированием: созданием игр (тренажеров, калькуляторов, квизов, приложений для чтения, AR-приложений дополненной реальности, ботов для игр) для iOS, Android с использованием технологий Unity, HTML5, Assembler, Drupal. Мужчин также просят подготовить техническую документацию к играм (политику конфиденциальности), помочь с размещением игр на Google Play и AppStore. Несмотря на более низкий рейтинг, мужчины, занятые в программировании игр, имеют более высокий средний чек, нежели женщины в данной категории.

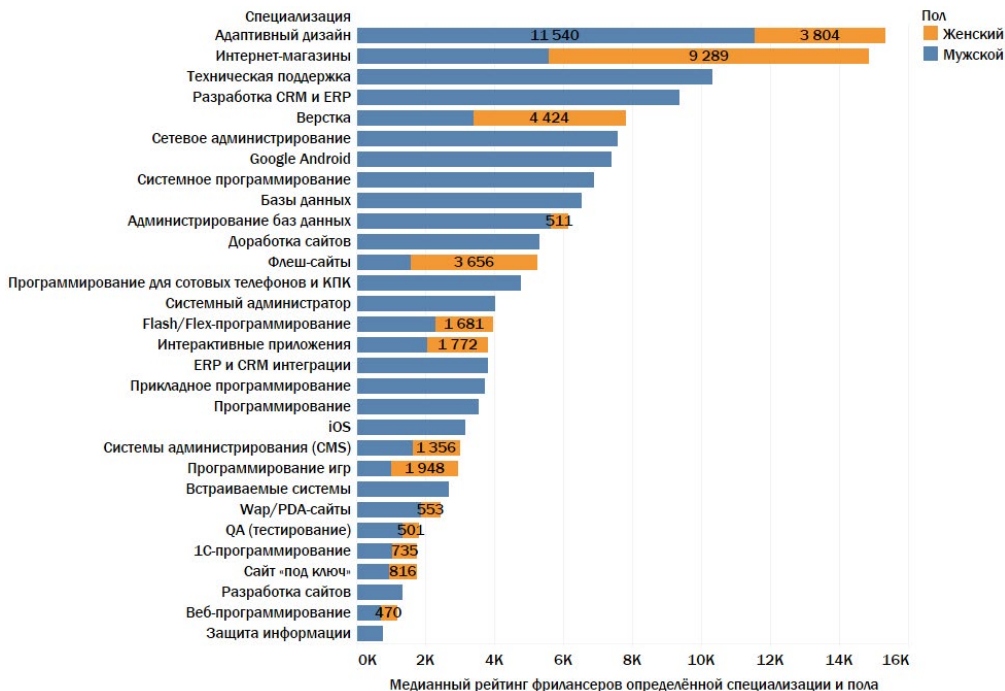

Рис. 9. Распределение медианного рейтинга фрилансеров в разрезе выбранной специализации и пола (чем рейтинг выше, тем более успешен фрилансер), N = 54 107 человек

Число проектов, в которых фрилансер был выбран исполнителем. Отметим, что данный показатель знаменует лишь факт выбора фрилансера в качестве исполнителя проекта, то есть не гарантирует факт финального выполнения выбранным специалистом. Из всех женщин только 7,6% предложили работу, а из мужчин — 20%. При этом в качестве исполнителя мужчину выбирают в 93% случаев (женщину — в 7%). Медианное число проектов не слишком различается между мужчинами и женщинами — 7 против 4 на человека.

Женщинам чаще поручают проекты по верстке, разработке флеш-сайтов, интернет-магазинов, что соответствует описанным выше тенденциям (см. рис. 10).

Очень мало женщин выполняют проекты в категориях администрирование баз данных, системы администрирования (CMS), интерактивные приложения. Задачи,

которые просят выполнить по специализации *администрирование баз данных*, часто носят срочный и неопределенный характер — встречаются формулировки «решить проблему с данными на сайте», «срочно сделать правки», «срочно внести правки на сайтах». Можно сделать предположение, что женщины редко берутся за задачи с неявными требованиями и коротким сроком выполнения. В содержании проектов по системам администрирования (CMS) значимых различий не наблюдается, однако средний чек по таким проектам у женщин выше. Более того, женщины этой специализации чаще стремятся к долгосрочному сотрудничеству с заказчиком — в описании выполненных ими проектов часто встречались комбинации слов «этап 1», ..., «этап n».

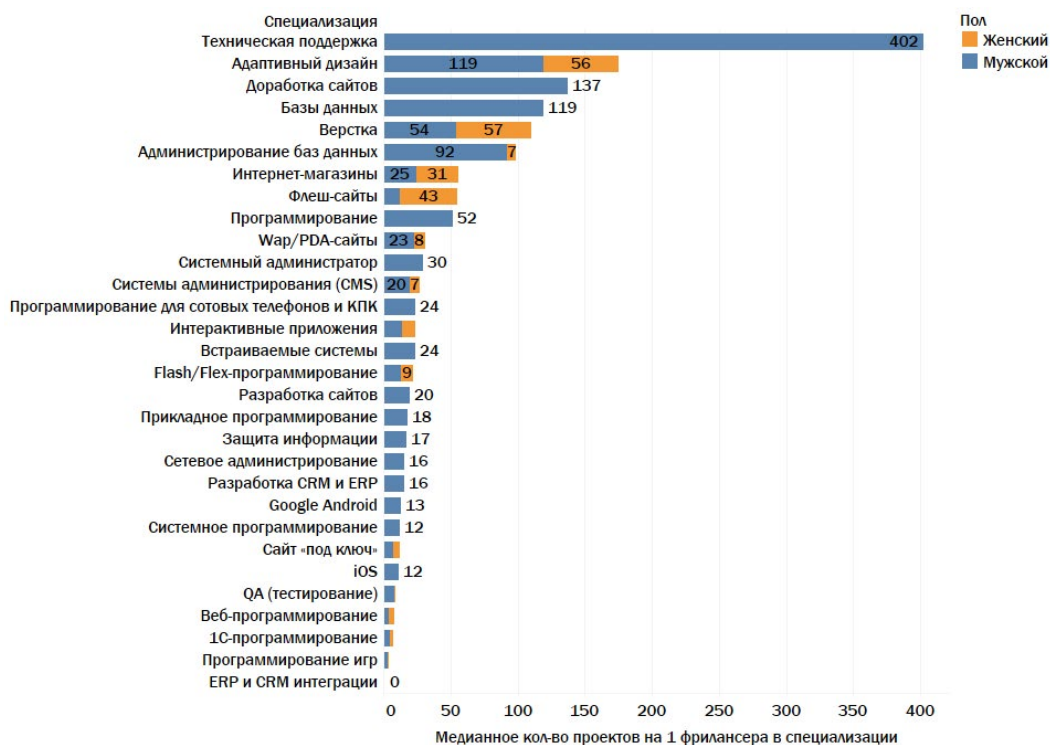

Рис. 10. Распределение медианного количества проектов на 1 фрилансера по специализации и полу, N = 54 107 человек

*Средний чек проекта и среднегодовой доход*⁹. Наиболее прибыльны для фрилансеров проекты, связанные с системным программированием (около 48 тыс. руб. за проект), базами данных (20 тыс. руб. за проект); наименее доходны решения задач интеграции ERP и CRM (до 500 руб. за проект), доработки сайтов и защиты информации (100 руб. за проект) (см. рис. 11).

⁹ Средний чек проекта и среднегодовой доход фрилансера были рассчитаны исходя из исторических данных о всех выполненных проектах фрилансера.

Средний чек проекта выше у мужчин, чем у женщин (5112 руб. против 2428 руб.), однако по медиане этот разрыв по специализациям, включающим фрилансеров обоих полов, менее заметный — 2500 руб. у мужчин против 2485 руб. у женщин.

Средний чек у женщин выше в 6 специализациях из 14, по которым известны данные о стоимости проектов: в создании интернет-магазинов (на 4 % больше, чем у мужчин), 1С-программировании (на 10 %), верстке (на 12 %), QA-тестировании (на 14 %), флеш-сайтах (26 %), системах администрирования CMS (на 33 %).

Задачи по 1С достаточно стандартизированные как у мужчин, так и у женщин. Разница средних чеков в тестировании связана с тем, что женщины чаще мужчин откликаются не на краткосрочные проекты, а на удаленную занятость на более продолжительный срок в должности QA Lead. Мужчины более склонны выполнять разовые задачи по тестированию приложений, сайтов, программ в рамках позиций QA Autotester, QA Engineer. При этом разброс уровня сложности задач и среднего чека у мужчин больше, чем у женщин: при медиане среднего чека в 1,5 тыс. руб. мужчины выполняют наиболее дорогостоящие разовые проекты: комплексные аудиты сайтов (до 12 тыс. руб.), тестирование CRM-систем (до 80 тыс. руб.), кросс-браузерное тестирование (до 15 тыс. руб.), нагрузочное тестирование сервера (до 27 тыс. руб.).

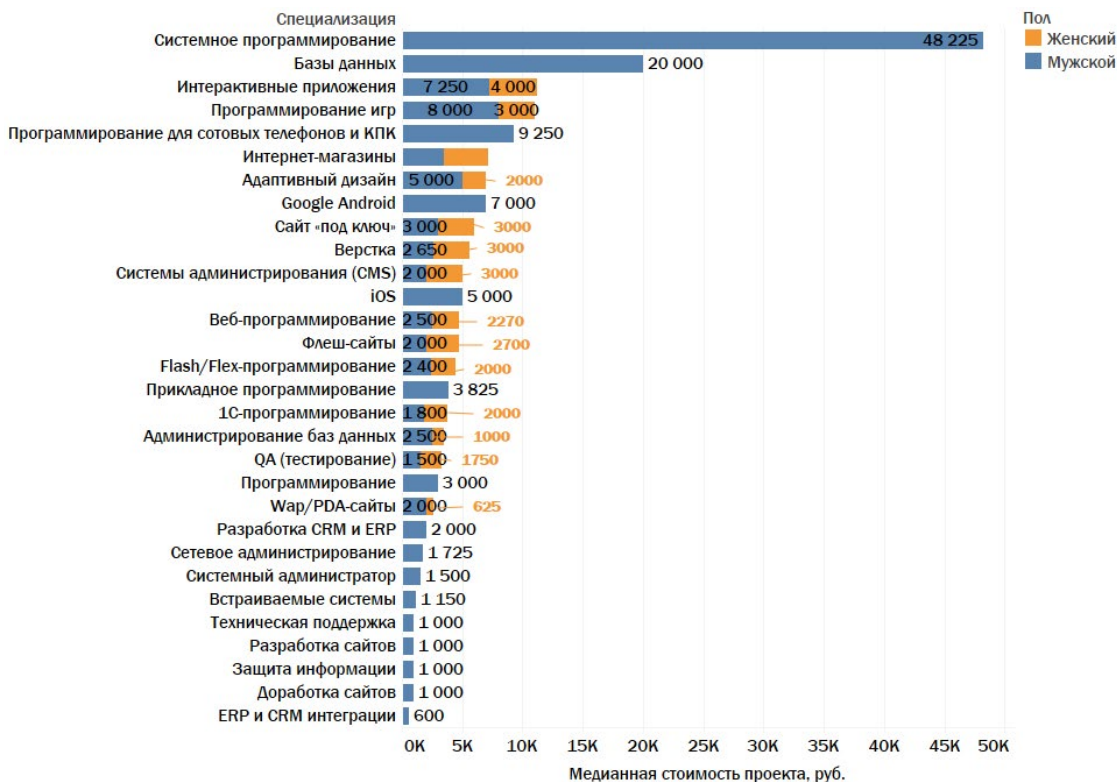

Рис. 11. Распределение медианной стоимости проекта на человека, руб., N = 54 107 человек

Несмотря на небольшую разницу в средних чеках по нескольким специализациям, в годовом выражении заработка женщин существенно ниже, чем доход мужчин (см. рис. 12). В целом в долгосрочном периоде наиболее доходным направлением выступает разработка адаптивного дизайна и верстка. При этом наиболее доходными для женщин остаются верстка, создание флеш-сайтов, интернет-магазинов, QA-тестирование. Наиболее прибыльные направления для мужчин — адаптивный дизайн, верстка, программирование для мобильных устройств. Мужчины вносят больший вклад в поддержание веб-экономики.

Мужчины — специалисты в адаптивном дизайне чаще занимаются сложными дорогостоящими комплексными задачами, которые включают многостраничную верстку с программированием динамических компонент (HTML5, CSS3, jQuery) в сочетании с конструктором WordPress. Кроме того, мужчин чаще выбирают исполнителями подобных задач, так как они справляются с большим числом проектов.

Интересно, что направления, в которых женщины лидируют по среднему чеку и числу раз, когда они были выбраны в качестве исполнителя, не лидируют по среднегодовому доходу. Например, среднегодовой доход среди верстальщиков и разработчиков интернет-магазинов выше у мужчин; доходы разработчиков флеш-сайтов примерно одинаковы как у мужчин, так и женщин. Вероятно, не все проекты (либо не в полном объеме) фрилансеры-женщины доводят до конца.

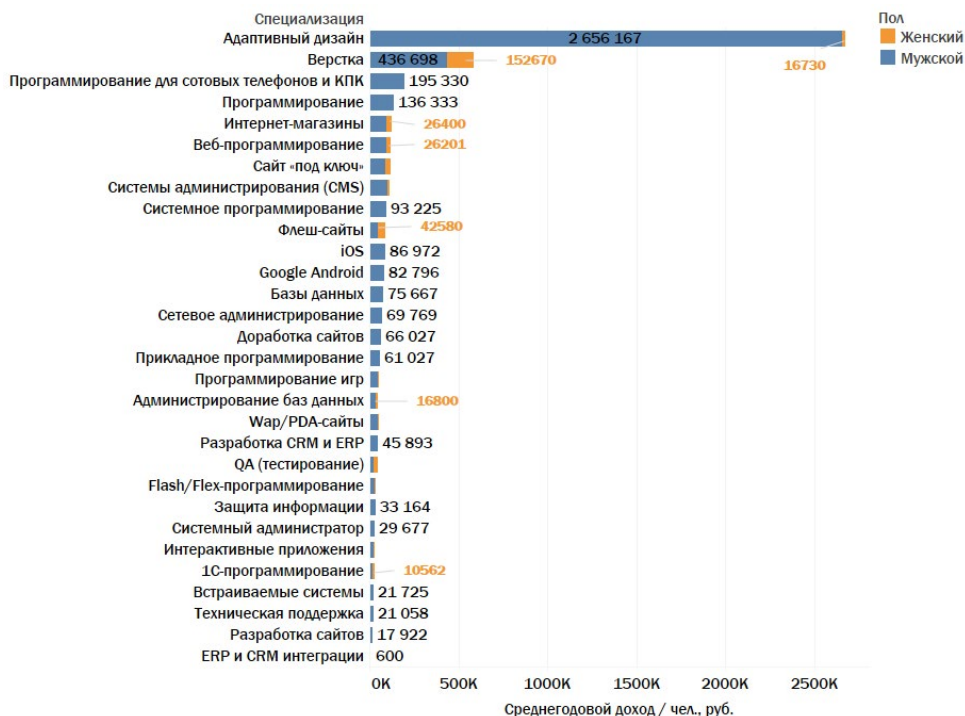

Рис. 12. Распределение среднегодового дохода на человека в разрезе пола и специализации, руб., N = 54 107 человек

Процент положительных, нейтральных и отрицательных отзывов. Мужчины получают ненамного больше положительных оценок, чем женщины (см. рис. 13). Однако доля женщин со 100% положительным фидбеком чуть выше доли мужчин (71,4% против 69,2%). Особенно много положительных отзывов получают разработчики сайтов «под ключ» (27,4% мужчин и 38,2% женщин), веб-программисты, разработчики систем администрирования CMS и верстальщики — что в целом соответствует численному распределению специалистов.

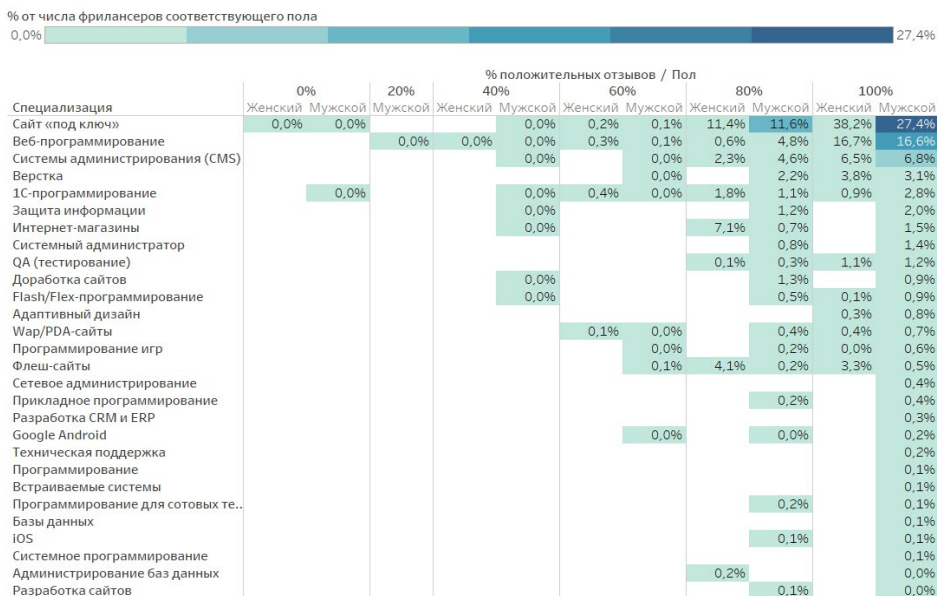

Рис. 13. Распределение доли положительных отзывов по всем фрилансерам в разрезе специализаций, N = 54 107 человек

Отдельный текстовый отзыв на свою работу получили 7% разработчиков-мужчин и 3% разработчиков-женщин. Исходя из того, что женщины представлены в гораздо меньшем числе специализаций, чем мужчины, отзывы на них составляют в меньшем числе профессиональных категорий. Несмотря на то, что сам по себе отзыв не является дискриминирующим фактором, факт того, что он оставляется ограниченной группе лиц, свидетельствует об избирательности работодателя. В среднем на одну женщину-разработчика приходится 20 отзывов, в то время как на мужчину — 25. Однако, ограничиваясь специализациями, в которых представлены фрилансеры обоих полов, видим, что внимание приблизительно равновелико как для женщин, так и мужчин.

Большинство отзывов поступает от заказчиков, нежели от коллег по бирже фриланса. Работодатели чуть чаще комментируют работу мужчин, чем женщин, особенно в специализациях сайт «под ключ» (в среднем, 9 отзывов на мужчину и 7 на женщину), веб-программирование (5 против 4), системы администрирования (CMS)» (3 против 2), верстка (2 против 1).

Положительных текстовых отзывов значительно больше, чем нейтральных или отрицательных и у мужчин, и у женщин. В среднем нейтральных и негативных отзывов значительно больше у мужчин практически во всех специализациях. В специализациях, где представлены женщины, распределение оценок практически совпадает, за некоторыми исключениями: работу мужчин, занятых в веб-программировании и администрировании CMS, оценивают выше, чем результаты женщин (в среднем 6 положительных отзывов на человека против 4 для веб-разработки и 3 против 2 для CMS).

Негативные и позитивные текстовые отзывы заказчиков и коллег-фрилансеров. Негативные комментарии были даны женщинам, осуществлявшим разработку сайтов «под ключ», флеш-сайтов и систем для 1С. Чаще описывались проблемы срыва сроков, мошенничества (нулевого результата при предоплате). В разработке сайтов главной проблемой женщин стал дизайн — не могли вписать объекты в существующий корпоративный стиль заказчика. Часто женщин критиковали за плохую коммуникацию: обрывали переписку, при приемке заказа давали нелепые оправдания («зачем брать заказ, если не можешь (не умеешь) сделать то, что указано в техническом задании?»).

Среди мужчин больше всего негативных текстовых комментариев было оставлено программистам 1С, разработчикам сайтов «под ключ» и специалистам в области защиты информации. Мужчин чаще, чем женщин, обвиняли в том, что те (в порядке частотности):

- многократно пропадают, перестают отвечать на сообщения и звонки;
- не соблюдают сроки сдачи проекта: очень распространена ситуация, когда при оговоренных сроках в три дня результат поступает к исходу второй-третьей недели;
- не возвращают предоплату при несогласии заказчика с результатом;
- предоставляют работы низкого качества;
- неправильно трактуют технические задания;
- не изъявляют желания заниматься отладкой установленного программного кода;
- используют плагиат, воровство идей;
- используют хамскую манеру речи при общении;
- иногда у мужчин-разработчиков наблюдается «ложная педантичность» — при знакомстве демонстрируется желание получить от заказчика как можно более точные требования («вплоть до пикселя»), а далее начинается оттягивание сроков;
- мужчины-фрилансеры демонстрируют более непостоянное поведение — несколько разных заказчиков описывали взаимодействие с разработчиками так: «они, видимо, считают, что их как профессионалов заказчик должен добиваться»; в связи с этим заказчики в отзывах не рекомендуют выплачивать большие авансы;
- мужчины проявляют большую заинтересованность в стоимости проекта. Могут взяться за проект, а потом его бросить при появлении более выгодных предложений. Могут растягивать сроки выполнения, мотивировав тем, что было лень сделать вовремя за небольшой бюджет.

Женщины крайне редко вступают в споры с заказчиками в секции «Отзывы» или пытаются оправдать свои действия — не стараются снизить репутационные риски, в том числе и для новых потенциальных заказчиков. Напротив, мужчины активнее отстаивают свою позицию и даже ведут себя агрессивно: отвечают на комментарии заказчиков, описывают причины своих поступков. Часто связывают «провалы» проектов с постоянно меняющимися со стороны заказчиков требованиями к проекту (вырастающий объем работы, отсутствие четкой постановки задачи), неконтактности. Отсутствие прогресса по задачам объясняют высокой загруженностью, внезапными болезнями и переездами.

Клиенты отмечают следующие положительные черты женщин:

- вдумчивость, терпеливость, большое количество разных проверок;
- клиентоориентированность и открытость в выполнении работы — заказчик может наблюдать за всем процессом и учиться самому;
- предлагают несколько вариантов реализации задачи, способны грамотно формулировать вопросы;
- выполняют задачи точно в срок и с надлежащим качеством/допустимым количеством багов;
- помогают решать бизнес-задачи с нестандартным подходом, не работают по схеме «дай тз, сделаю»; делают не «как проще», а «как лучше»; нацелены на результат;
- регулярно выходят на связь, сами первыми интересуются ходом проекта после завершения и оплаты;
- адекватно относятся к комментариям, умеют грамотно внести коррективы, чаще готовы вносить множество комментариев и правок;
- предоставляют рекомендации, рассказывают «больше, чем должны»;
- иногда женщины не берут предоплату, предпочитают получать оплату по фактически затраченному времени;
- результаты работы иногда дополняют отчетом с описанием выполненных работ, чтобы устранить возможные недопонимания со стороны заказчика.

Работодатели часто отмечали, что некоторые женщины не только справляются с оговоренным объемом работ, но и перевыполняют план, проводят консультации, при этом предлагая более низкую цену, чем их конкуренты. При заказе правок в отдельной области женщины могут переделать весь проект; также не требуют дополнительной платы при «затягивании» проекта по вине заказчика.

Мужчин, наоборот, чаще отличает высокое качество работы при минимальном количестве вопросов и общении с заказчиками. Также заказчики отмечали, что успешные исполнители-мужчины:

- выполняют задачи оперативно, в срок, с первого раза, без лишних уточнений;
- чаще сразу пишут код с комментариями, без дополнительных отчетов;
- доступны не только по почте и в мессенджерах, но и по мобильному телефону;
- помимо выполнения обязательных требований задачи предлагают разработку дополнительного функционала; как правило, заказчики соглашались с данными инициативами.

Выводы о наличии дискриминации по гендерному признаку через показатели профессиональной успешности фрилансеров-разработчиков

Описанные выше показатели успешности взаимосвязаны (см. рис. 14), при этом сила связи между выбранными дескрипторами значимо проявляется по мере продвижения к горлышку воронки — от поиска заказа к его выполнению. Так, при уровне значимости в 99% сильна корреляция между количеством посещений страницы профиля и общим рейтингом (0,74), общим рейтингом и числом раз, когда фрилансер был выбран исполнителем проекта (0,41), общим рейтингом и среднегодовым доходом (0,62). Данный факт позволяет предполагать, что переменные для анализа дискриминации подобраны правильно: характеристики активности на платформе напрямую определяют доход.

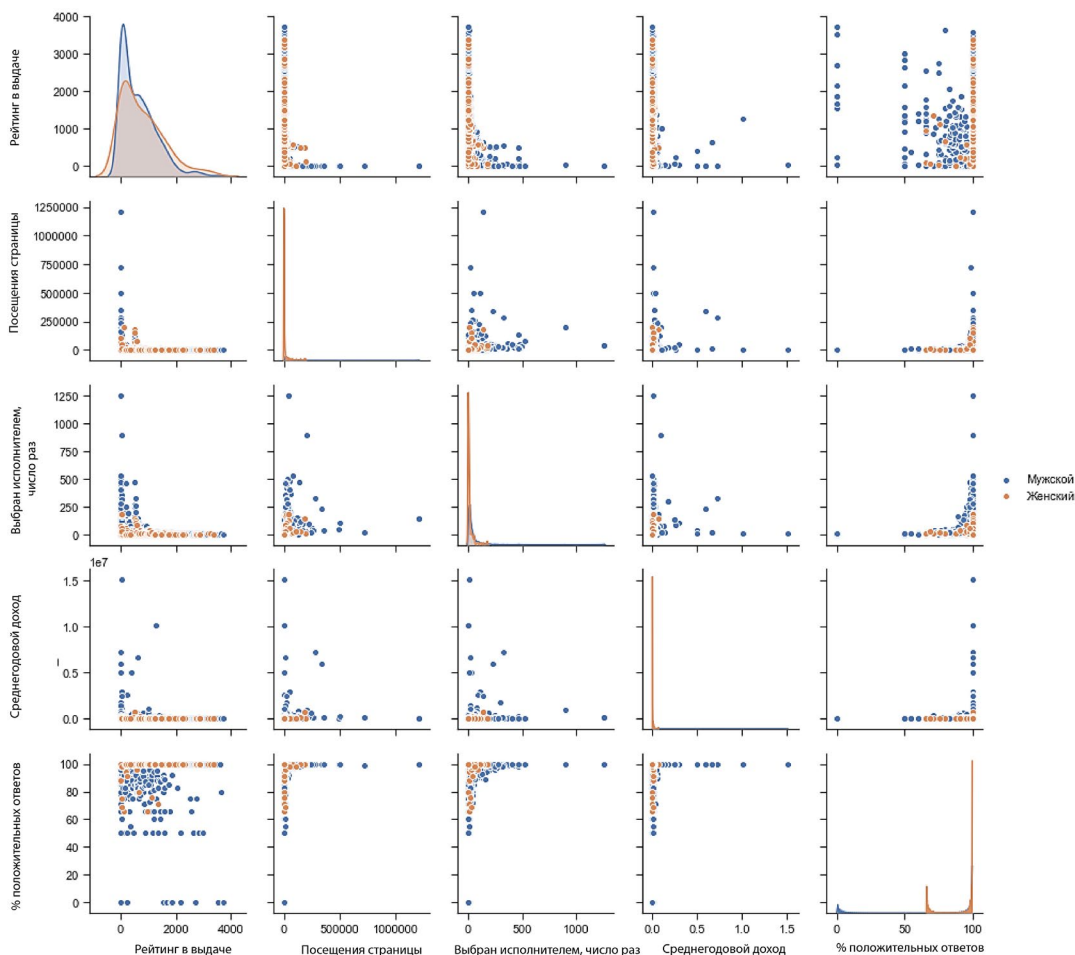

Рис. 14. Сила связи между количественными показателями профессиональной успешности фрилансеров по полу

Анализ количественных характеристик профессиональной успешности свидетельствует о том, что позиции женщин ниже позиций мужчин, за редкими исключениями (см. табл. 1). Большой вклад в этот тренд вносит отсутствие женщин в более чем половине существующих специализаций. Однако при рассмотрении категорий, где представлены специалисты обоего пола, женщины также занимают более низкие позиции, что отнимает у них возможность получать до 65 % дополнительных доходов в год.

Одним из наиболее важных проявлений дискриминирующих обстоятельств является то, что женщин на 43 % реже, чем мужчин выбирают в качестве исполнителей проекта, притом что при всей творческой составляющей разработки IT-задачи можно свести к стандартизации.

Несмотря на то что в отдельных специализациях женщин выбирают чаще в качестве исполнителей с большим средним чеком, не всегда это конвертируется в больший среднегодовой доход. Женщины могут тратить время, производя «двойную» работу себе в ущерб, не работая на установление выгодных длительных рабочих отношений. Кроме того, наиболее успешные женщины заняты в нишах, где технологии начинают морально устаревать; мужчины раньше распознают этот тренд и прекращают участие в подобных проектах. Интерес к определенному технологическому стеку женщины связывали с тем, что «много ресурсов, форумов — есть, что нагуглить, у кого спросить, и все по-русски, очень удобно», «еще в университете лабы такие выполняла», «не думаю, что верстка устареет», «просто интересно было, показалось несложно».

Таблица 1. **Позиции женщин по показателям профессиональной успешности по сравнению с мужчинами**

Показатель	По всем специализациям	По специализациям, где есть женщины	Исключения
Позиция в выдаче	На 78 % ниже	На 15 % ниже	Flash-/Flex-программирование, верстка
Количество посещений профиля	На 49 % меньше	На 8 % меньше	Интернет-магазины, верстка, Flash-/Flex-программирование
Общий рейтинг	На 69 % ниже	На 19 % ниже	Интернет-магазины, верстка, Flash-/Flex-программирование, программирование игр
Количество проектов, где фрилансер был выбран исполнителем	На 43 % меньше	На 43 % меньше	Интернет-магазины, флеш-сайты, верстка
Средний чек проекта	На 52 % меньше	На 0,6 % меньше	Системы администрирования CMS, флеш-сайты, QA-тестирование, верстка, 1С-программирование, интернет-магазины
Среднегодовой доход	На 83 % ниже	На 65 % ниже	—

При прямой постановке вопроса женщинам-разработчикам о наличии дискриминации на рынке фриланса большинство сошлось на том, что она существует. Информантки полагают, что заказчики с предубеждением относятся к женщинам на этапе выбора из списка исполнителей, однако эти предрассудки можно преодолеть при наличии качественного портфолио либо обсуждении тестовых вопросов по тематике при первичном контакте. Периодически сталкиваются с хамским поведением в общении, которое проявляется в «подколах», проверках с тестовыми вопросами для новичков: «По гендерному признаку гнобят. Не верят в то, что у женщины мозги тоже могут работать».

Предубеждения в отношении женщин встречаются и в отзывах заказчиков на платформе: «никогда с женщинами на портале не работал, приятно удивлен, компетентный специалист». Две информантки описали ситуации, когда заказчики звонят и уточняют, что в профиле указана женщина-разработчик, а не женщина, являющаяся менеджером разработчика. При анализе аккаунтов пользователей нередко встречается ситуация, когда в профиле указывается мужской пол и мужские ФИО, а отзывы заказчики пишут чаще женщине, чем мужчине по данным профиля: такая ситуация свойственна семейным парам, в которых часть проектов выполняется женщиной.

Немногочисленные информантки с дискриминирующим отношением заказчиков не сталкивались и полагают, что «это невозможно во фрилансе по определению», «если выражать свои мысли конструктивно, то пол неважен». Другие считают, что дискриминация существует, но есть ниши, в которых женщины выглядят предпочтительнее мужчин («если вы женщина, то дизайн будет лучше», «если темы про детей и цветочки, у женщины получится лучше»).

С безосновательной дискриминацией со стороны платформы информантки не сталкивались, однако отметили, что отсутствие вложений в продвижение профиля существенно снижает рейтинг фрилансера — «чтобы выжить в конкуренции, нужно повышать аккаунт до PRO».

Подведем итоги:

— В IT-разработке на онлайн-биржах женщин меньше, чем мужчин, профессиональная сегрегация отсутствует.

— Анализ проектов, выполненных мужчинами и женщинами, текстовых отзывов на фрилансеров, результаты интервью показали, что женщины и мужчины выполняют примерно одинаковые по трудоемкости и сложности проекты. При этом статус, достигаемый женщинами-разработчиками на онлайн-биржах, в целом ниже, чем у мужчин.

— Гендер остается дискриминирующим фактором со стороны заказчика и платформы. Исполнителями проектов выбираются 7,6% женщин от числа всех женщин и 20% мужчин от числа всех мужчин. Нечастое взаимодействие заказчиков с женщинами-фрилансерами влияет на их позицию в органической выдаче платформы и становится причиной того, что их доходы на бирже оказываются ниже, чем у мужчин. Низкий процент вовлеченности женщин в проекты отражается на ранжировании на платформе, понижает шансы найти следующий проект — ориентируясь на топ выдачи, заказчик реже видит женщину в качестве исполнителя.

— Женщины избегают задач с неявными требованиями и кратким сроком исполнения, менее склонны к риску и овладению новыми технологиями (по данным исследования, чаще предпочитают заниматься морально устаревающими Flash-, Flex-программированием, версткой).

— Проблемы при взаимодействии с мужчинами-исполнителями описаны более подробно: работодатели практически никогда не оставляют негативные отзывы о работе, выполненной женщинами. У женщин лучше получается вести коммуникацию, консультировать, перевыполнять план по задаче.

— Однако те женщины, которые столкнулись с проблемами при взаимодействии с заказчиками, редко пытаются отстоять свою позицию, не делают шагов для восстановления репутации.

— Успешные женщины более клиентоориентированы: бескорыстно предлагают консультации, обучение, часто жертвуя временем и занижая оплату труда. Мужчины более дальновидны, часто предлагают последующие оплачиваемые проекты с перспективой личного выполнения.

Список литературы (References)

Вилкова О. В. К вопросу о научной осмысленности применения веб-скрейпинга как метода сбора данных в социологических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 163—175. <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/54/16>.

Vilkova O. V. (2020) Web Scraping as a Method of Data Extraction in Sociological Studies: On Scientific Applicability. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 54. P. 163—175. <https://www.doi.org/10.17223/1998863X/54/16>. (In Russ.)

Вязникова В. В. Особенности трудовых взаимоотношений между российскими IT-фрилансерами и заказчиками их услуг // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 88—113.

Vyaznikova V. V. (2008) Features of Labor Relations between Russian IT-Freelancers and Their Clients. *Economic Sociology*. Vol. 9. No. 1. P. 88—113. (In Russ.)

Земнухова Л. В. IT-работники на рынке труда // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 2. С. 77—90.

Zemnukhova L. V. (2013) IT-Workers at the Labour Market. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 4. No. 2. P. 77—90.

Кон И. С. Психология предрассудка: о социально-психологических корнях этнических преубеждений // Новый Мир. 1966. Т. 9. № 10. С. 187—205. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Kon_pdf.pdf.

Kon I. S. (1966) The Psychology of Prejudice: On the Socio-Psychological Roots of Ethnic Prejudices. *New World*. Vol. 9. No. 10. P. 187—205. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Kon_pdf.pdf. (In Russ.)

Мальцева И. О., Рошин С. Ю. Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

Maltseva I. O., Roshchin S. Yu. (2007) Gender Segregation and Mobility on Russian Labor Market. Moscow: State University — Higher School of Economics. (In Russ.)

Маркин М. Е., Назарбаева Е. А. Как самозанятые ищут своих заказчиков, а компании подбирают себе фрилансеров: эмпирический анализ рынка удаленной работы в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2014. № 1—2. С. 96—105. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2014-00014>.

Markin M. E., Nazarbayeva E. A. (2014) How the Self-Employed Look for Their Clients, and Companies Choose Freelancers: An Empirical Analysis of Remote Work Market in Modern Russia. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*. Vol. 1—2. P. 96—105. <https://doi.org/10.24411/2070-5107-2014-00014>. (In Russ.)

Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 2008.

Radaev V. V. (2008) Economic Sociology. Moscow: State University — Higher School of Economics. (In Russ.)

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Фрилансеры на электронных рынках: роль социальных связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 11—32.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V. (2009) Freelancers at Electronic Markets: The Role of Social Connections. *Economic Sociology*. Vol. 10. No. 5. P. 11—32. (In Russ.)

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Лукина А. А., Мелианова Е. Г., Тюлюпо А. В. Социальные факторы выбора контрагентов на бирже удалённой работы: исследование конкурсов с помощью «больших данных» // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 25—65. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2019/05/30/1493874908/ecsoc_t20_n3.pdf#page=25.

Strebkov D. O., Shevchuk A. V., Lukina A. A., Melianova E. G., Tyulyupo A. V. (2019) Social Factors of Contractor Selection on Freelance Online Marketplace: Study of Contests Using “Big Data”. *Economic Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 25—65. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2019/05/30/1493874908/ecsoc_t20_n3.pdf#page=25. (In Russ.)

Фошин Д. В. Проблема оптимизации выбора инвестиционного проекта в IT-сфере в рамках синтетического обобщенного критерия Гурвица // Инновации и инвестиции. 2016. № 5. С. 122—127.

Foshin D. V. (2016) The Problem of Optimizing the Choice of Investment Project in IT Sphere within the Framework of the Synthetic Generalized Hurwitz Criterion. *Innovations and Investments*. No. 5. P. 122—127. (In Russ.)

Barzilay A., Ben-David A. (2017) Platform Inequality: Gender in the Gig-Economy. *Seton Hall Law Review*. Vol. 47. No. 2. P. 393—431. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2995906>.

D’Cruz P., Noronha E. (2016) Positives Outweighing Negatives: The Experiences of Indian Crowdsourced Workers. *Work Organisation, Labour and Globalisation*. Vol. 10. No. 1. P. 44—63. <https://doi.org/10.13169/workorgalaboglob.10.1.0044>.

Fielden S. L., Tench R., Fawkes J. (2003) Freelance Communications Workers in the UK: The Impact of Gender on Well-Being. *Corporate Communications*. Vol. 8. No. 3. P. 187—196. <https://doi.org/10.1108/13563280310487649>.

- Gandini A. (2016) Digital Work: Self-Branding and Social Capital in the Freelance Knowledge Economy. *Marketing Theory*. Vol. 16. No. 1. P. 123—141. <https://doi.org/10.1177/1470593115607942>.
- Gill R. (2002) Cool, Creative and Egalitarian? Exploring Gender in Project-Based New Media Work in Euro. *Information, Communication & Society*. Vol. 5. No. 1. P. 70—89. <https://doi.org/10.1080/13691180110117668>.
- Hannák A., Wagner C., Garcia D., Mislove A. E., Strohmaier M., Wilson C. (2017) Bias in Online Freelance Marketplaces: Evidence from TaskRabbit and Fiverr. In: CSCW '17: Proceedings of the 2017 ACM Conference on Computer Supported Cooperative Work and Social Computing. New York, NY: Association for Computing Machinery. P. 1914—1933. <https://doi.org/10.1145/2998181.2998327>.
- Kokkodis M., Ipeirotis P. (2016) Reputation Transferability in Online Labor Markets. *Management Science*. Vol. 62. No. 6. P. 1687—1706. <https://doi.org/10.1287/mnsc.2015.2217>.
- Kushner S. (2013) The Freelance Translation Machine: Algorithmic Culture and the Invisible Industry. *New Media & Society*. Vol. 15. No. 8. P. 1241—1258. <https://doi.org/10.1177/1461444812469597>.
- Lagesen V. A. (2007) The Strength of Numbers: Strategies to Include Women into Computer Science. *Social Studies of Science*. Vol. 37. No. 1. P. 67—92. <https://doi.org/10.1177/0306312706063788>.
- Popiel P. (2017) “Boundaryless” in the Creative Economy: Assessing Freelancing on Upwork. *Critical Studies in Media Communication*. Vol. 34. No. 3. P. 220—233. <https://doi.org/10.1080/15295036.2017.1282618>.
- Süß S., Becker J. (2013) Competences as the Foundation of Employability: A Qualitative Study of German Freelancers. *Personnel Review*. Vol. 42. No. 2. P. 223—240. <https://doi.org/10.1108/00483481311309393>.
- Yang Y., Chen P.-y., Banker R. (2011) Winner Determination of Open Innovation Contests in Online Markets. *Proceedings of the 32nd International Conference on Information Systems*. Shanghai, China, December 4—7, 2011. P. 1—16. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.661.4635&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 19.10.2020).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1271](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1271)

С. В. Коржук, Э. В. Коротких

«ВСЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В НАШЕЙ ГОЛОВЕ»: ОПЫТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Правильная ссылка на статью:

Коржук С. В., Коротких Э. В. «Все ограничения в нашей голове»: опыт профессиональных спортсменов с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 517—539. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1271>.

For citation:

Korzhuk S. V., Korotkikh E. V. (2020) “Our Only Limitations Are Those We Set up in Our Own Minds”: Experiences of Athletes with Disabilities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 517—539. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1271>. (In Russ.)

«ВСЕ ОГРАНИЧЕНИЯ В НАШЕЙ ГОЛОВЕ»: ОПЫТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

КОРЖУК Софья Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры экономической социологии, департамент социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: k-sofya-w@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0001-8914-0138>

КОРОТКИХ Эллина Вадимовна — бакалавр социологии, кафедра общей социологии, экономический факультет, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия

E-MAIL: ellina_korotkih@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7833-0534>

Аннотация. Люди с инвалидностью — социальная группа, подверженная повышенному риску бедности и социальной эксклюзии, что актуализирует изучение способов их интеграции в общество. Целью данного исследования было выявить возможности осуществления социальной мобильности и повышения пространственной подвижности людьми с инвалидностью через профессиональный спорт. Информационную базу исследования составили восемь биографических интервью с профессиональными спортсменами, имеющими серьезные нарушения здоровья. В статье описывается, как начиналась карьера спортсменов с инвалидностью, что их мотивировало и на чью поддержку они опирались, каких результатов в спорте достигли к настоящему моменту и с какими

“OUR ONLY LIMITATIONS ARE THOSE WE SET UP IN OUR OWN MINDS”: EXPERIENCES OF ATHLETES WITH DISABILITIES

Sofia V. KORZHUK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow at the Department of Economic Sociology, Faculty of Social Sciences, School of Sociology

E-MAIL: k-sofya-w@yandex.ru

<http://orcid.org/0000-0001-8914-0138>

Ellina V. KOROTKIKH² — Bachelor of Sociology at the Chair of General Sociology of the Faculty of Economy

E-MAIL: ellina_korotkih@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0001-7833-0534>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. People with disabilities are a social group highly exposed to risks of poverty and social exclusion. The present study aims to identify the opportunities for social and spatial mobility of the disabled people through professional sport. The study is based on eight biographical interviews with professional athletes with serious health issues. The article describes how the career of the disabled athletes started, what they were driven by, whose support they relied on, what they have achieved in sport so far, what difficulties they were facing, as well as how different types of capital and spatial mobility of the athletes were changing over time throughout their careers. Results suggest that high performance sport has contributed to athletes' professional realization, helped them to improve financial situation, to expand

сложностями столкнулись, а также как изменялись различные виды капитала и пространственная подвижность спортсменов по мере развития их спортивной карьеры. Результаты исследования свидетельствуют, что спорт высших достижений способствовал профессиональной реализации, улучшению материального положения, расширению сети социальных контактов, развитию ценных для спортивной карьеры и жизни в целом навыков и жизненных установок — то есть накоплению экономического, социального и культурного капитала спортсменами с инвалидностью. Кроме того, спорт стал стимулом и способом повысить пространственную подвижность спортсменов, что позитивно сказалось на их возможностях социального участия. Качественные изменения в жизни спортсменов, произошедшие благодаря большому спорту, показывают, что информанты повысили свой социальный статус и осуществили восходящую социальную мобильность.

Ключевые слова: инвалидность, профессиональный спорт, спортсмены с инвалидностью, формы капитала, пространственная подвижность, социальная мобильность

the network, to develop vital life skills and attitudes, i.e. it enabled the disabled athletes to accumulate economic, social and cultural capital. Besides that, sport has become a stimulus and a way to increase athlete spatial mobility which has had a positive impact on athletes' opportunities for social participation. Sport-induced qualitative changes in the athlete's life helped the athletes to improve their social status and facilitated upward social mobility.

Keywords: disability, professional sports, athletes with disabilities, forms of capital, spatial mobility, social mobility

В современной России 8% населения — люди, имеющие официально подтвержденную инвалидность¹. Результаты всероссийского репрезентативного опроса, проведенного «Левада-центром» весной 2019 г., свидетельствуют, что проблема инвалидности касается практически каждой четвертой (23%) семьи в нашей стране: в семьях 13% опрошенных есть взрослый человек с инвалидностью, в 3% — ребенок, 8% опрошенных сами имеют ограничения по здоровью [Караева, 2019b: 124]. Растущий объем эмпирических данных показывает, что люди с инвалидностью и их семьи с большей вероятностью находятся в более социально и экономически невыгодном положении, больше подвержены риску

¹ Уровень инвалидизации в Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru/folder/13964> (дата обращения: 15.10.2020).

бедности и социальной эксклюзии, чем те, кто инвалидности не имеет [World Report on Disability, 2011].

После вступления в силу Конвенции ООН о правах инвалидов в 2008 г. инвалидность все чаще понимается как проблема прав человека [там же] или социальная проблема, ответственность за которую возложена на общество, — а не как индивидуальные трудности, с которыми люди должны научиться справляться самостоятельно [Tregaskis, 2004]. Государства — участники Конвенции обязуются обеспечивать реализацию всех прав людей с инвалидностью и устранять или минимизировать барьеры на пути их социальной интеграции. На 2020 г. в Конвенции участвует 181 страна², в том числе Россия (с 2012 г.).

За последние годы в России многое было сделано, чтобы люди с инвалидностью могли участвовать в жизни общества наравне с другими. Так, с 2011 г. реализуется программа «Доступная среда» по созданию безбарьерной среды и повышению качества жизни людей с инвалидностью. В законы об образовании, социальной защите и социальном обслуживании и множество других законов внесены коррективы, направленные на снижение неравенства между людьми с инвалидностью и без. Создана правовая основа для пресечения дискриминации по признаку инвалидности и т. д. [Инвалидность и социальное положение..., 2017: 12—13]. Однако, как показывают официальная статистика и многочисленные исследования, неравенство по признаку инвалидности пока не снято с повестки дня.

Люди с инвалидностью, как правило, имеют более низкий уровень образования, и основные различия обнаруживаются в наличии высшего образования — в 2019 г. оно было у каждого шестого взрослого человека с инвалидностью, тогда как среди людей без ограничений по здоровью высшее образование получил каждый четвертый [Караева, 2019а: 5]. Лишь около 12 % людей с инвалидностью в возрасте от 15 до 72 лет официально трудоустроены, в то время как уровень занятости людей того же возраста без инвалидности достигает 65 %³. Наличие неработающего человека с инвалидностью в семье может ограничивать реализацию трудового потенциала и других ее членов [Ненахова, 2018: 97]. Семья, в которой есть человек с инвалидностью, как правило, имеет более низкий среднедушевой доход и чаще более негативно оценивает свое материальное положение. Каждая четвертая семья, имеющая в составе человека с инвалидностью, указывает на отсутствие доступной среды в своем населенном пункте, препятствующее самостоятельному передвижению людей с инвалидностью [Караева, 2019а: 6—9]. Барьеры окружающей среды могут серьезно ограничивать права и возможности людей с инвалидностью [Ярская-Смирнова, Ярская-Смирнова, 2018: 167]. Сохраняется социальная дистанция между людьми с инвалидностью и без, хотя открытое негативное отношение к людям с инвалидностью встречается редко [Караева, 2019b: 130—133].

Масштаб описанных проблем делает актуальным поиск способов преодоления людьми с инвалидностью сохраняющихся социальных и физических барьеров,

² Convention on the Rights of Persons with Disabilities. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtmsg_no=IV-15&chapter=4&clang=_en (дата обращения: 15.10.2020).

³ Уровень участия в рабочей силе, уровень занятости и уровень безработицы населения в возрасте 15—72 лет, имеющего инвалидность. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/tab4-7.htm (дата обращения: 15.10.2020).

препятствующих доступу к общезначимым благам. Каналами социальной мобильности людей с инвалидностью могут быть как традиционные — семья, образование [Сорокин, 1992], в особенности профессиональное [Богомолова, Коржук, 2017], — так и общественная [Коржук, 2016] и политическая деятельность и т. д. Мы рассмотрим такую возможность для людей с инвалидностью достичь социальной интеграции, как профессиональный спорт.

Роль спорта как средства адаптации и реабилитации, прежде всего медицинской, известна с XIX века. Во второй половине XX века физическая активность, предназначенная для людей с отклонениями в здоровье и направленная на их реабилитацию и социальную адаптацию, выделилась в отдельное направление и получила название «физическая адаптивная активность» [Sherrill, 2004: 3—4]. Появление спортивных соревнований для людей с инвалидностью связано с именем Людвиг Гуттмана, который на практике доказывал, что спорт не только полезен для поддержания здоровья людей с инвалидностью, но и создает условия для их успешной жизнедеятельности в более широком социальном плане. По его инициативе в 1948 г. состоялись первые Сток-Мандевилльские игры, совпавшие по времени с Олимпийскими играми в Лондоне и ставшие прототипом Паралимпийских игр. В 1960 г. прошли IX Сток-Мандевилльские игры, которые были признаны первыми летними Паралимпийскими играми, а первые зимние Паралимпийские игры состоялись в 1976 г. [DePauw, 2012: 21—22].

В настоящее время есть обоснованное мнение, что профессиональный спорт может повышать шансы людей с инвалидностью на социальную интеграцию несколькими путями — через изменение отношения общества к людям с инвалидностью, а также через повышение их самооценки и формирование позитивной самоидентификации [Harnessing the Power..., 2008: 171]. Кроме того, спорт помогает людям с инвалидностью преодолевать социальную изоляцию и положительно влияет на состояние здоровья, выносливость, координацию и т. д. [World Report on Disability, 2011].

Спорт для людей с инвалидностью все чаще становится объектом социологических исследований, прежде всего зарубежных. Выявленную роль параспорта для общества и людей с инвалидностью как социальной группы можно обозначить следующими положениями. Параспорт делает инвалидность «видимой» не только в спорте, но и для общества в целом [Purdue, Howe, 2012b], а также является площадкой для расширения прав и возможностей людей с инвалидностью [Purdue, Howe, 2012a; Braye, 2016]. К позитивным последствиям вовлеченности в профессиональный спорт для людей с инвалидностью относят: расширение жизненных перспектив спортсменов; возможность преодолеть негативную идентификацию, повышение уверенности спортсменов с инвалидностью в собственных возможностях; медицинские (улучшение здоровья и самочувствия) и социальные выгоды (улучшение материального положения, расширение круга общения, путешествия) [Ashton-Shaeffer et al., 2001; Dashper, 2010]. Чтобы избежать излишней идеализации спорта как способа расширения социальных и физических возможностей людей с инвалидностью, стоит также отметить, что преодоление барьеров и сложностей является неотъемлемой частью большого спорта [Purdue, Howe, 2012a]. К таким сложностям и барьерам

можно отнести и саму специфику спортивной деятельности, требующую высоких физических, временных и эмоциональных затрат на достижение результатов, и экономические сложности в виде высокой стоимости спортивного оборудования и инвентаря, а также проблемы физической доступности спортивных объектов и инфраструктуры между ними [Kean et al., 2017].

По данным Министерства спорта РФ, заинтересованность в спорте со стороны людей с инвалидностью в России ежегодно растет: если в 2013 г. систематически занимались физической культурой и спортом 4,4 %⁴ от общей численности людей с инвалидностью, то к 2019 г. этот показатель достиг 19,4 %⁵.

Несмотря на то что спорт для людей с инвалидностью в настоящий момент находится в поле зрения и государственной политики, и научного сообщества, отсутствуют статистические оценки вовлеченности людей с инвалидностью в профессиональный спорт, а эмпирические свидетельства об опыте спортсменов с инвалидностью носят достаточно фрагментарный характер. Недостаточно изучено, как люди с инвалидностью начинают карьеру спортсмена, с какими сложностями сталкиваются и как их преодолевают, каких результатов достигают в социальном плане благодаря вовлеченности в спортивную деятельность. Данная статья нацелена на выявление возможностей для людей с инвалидностью осуществить социальную мобильность и повысить пространственную подвижность через профессиональный спорт.

Мы исходим из традиционного понимания социальной мобильности как любого перемещения индивида в социальном пространстве или изменения им социальной позиции. Восходящая социальная мобильность подразумевает улучшение социального положения индивида [Сорокин, 1992: 292]. Перемещения и место индивида в социальном пространстве во многом зависят от ресурсов, имеющихся в его распоряжении. Поэтому в нашем исследовании особое внимание уделяется изменениям в объемах различных форм капитала, связанным с началом спортивной карьеры человека с инвалидностью и его профессиональным ростом в этой сфере. В фокусе нашего анализа — три формы капитала, выделенные П. Бурдьё: экономический, социальный и культурный, — которые могут конвертироваться друг в друга. Экономические ресурсы человека (имущество, доходы) составляют его экономический капитал, который напрямую может быть конвертирован в деньги и институционализируется в форме прав собственности [Бурдьё, 2002: 60]. Социальный капитал связан с членством в группе, его объем определяется размером сети связей индивида, которые можно мобилизовать для достижения коллективных и индивидуальных целей, и объемом капитала всех трех видов, которым располагает каждый из членов социальной сети [там же: 66]. Культурный капитал может выступать в трех состояниях. В инкорпорированном состоянии — «в форме длительных диспозиций ума и тела», которые становятся частью личности индивида. Процесс инкорпорирования знаний и навыков требует от индивида

⁴ Отчет о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» за 2014 год. URL: <https://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/fiz-ra-i-sport-skrty/26377/> (дата обращения: 15.10.2020).

⁵ Отчет о ходе реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» за 2019 год. URL: https://www.minsport.gov.ru/2019/doc/OtchetGP_RFKS_2019.pdf (дата обращения: 15.10.2020).

усилий и временных затрат. Также культурный капитал может быть объективирован в материальных средствах и предметах (объективированное состояние), не во всех, но тех, что наделены определенными культурными смыслами или ценностью. Институционализированное состояние предполагает объективацию ценности культурного капитала, которым наделен человек, в глазах общества (образовательные квалификации, награды, почетные звания и т. д.) [там же: 60—65].

Кроме того, социальная мобильность связана с мобильностью (подвижностью) пространственной. Согласно Дж. Урри, социальная включенность требует мобильности и предполагает, что в определенные моменты времени преодолеваются пространственные ограничения. Повышение пространственной подвижности способно открыть доступ к социальным благам, ранее недоступным индивиду [Урри, 2012: 356]. И наоборот, невозможность свободно перемещаться в пространстве может привести к социальной депривации и отчуждению [там же: 76]. Индивид может наращивать свою подвижность через активное освоение пространства и выработку способов преодоления пространственных ограничений, в том числе через использование различных технических средств (например, автомобилей, смартфонов, более технологичных инвалидных кресел или протезов и т. д.) или прибегая к помощи своего социального окружения.

В рамках данного исследования мы ставим следующие вопросы: как люди с инвалидностью начинают и развивают спортивную карьеру, на какую поддержку опираются при этом? Как изменяются различные виды капитала и пространственная подвижность спортсменов с инвалидностью благодаря вовлеченности в профессиональный спорт? Какие позитивные и негативные аспекты интеграции человека с инвалидностью в общество через профессиональный спорт можно выделить? Мы предполагаем, что профессиональный спорт может стать стимулом к повышению пространственной подвижности людей с инвалидностью, а также открывает возможности к накоплению экономического, социального и культурного капитала, что в итоге повышает шансы спортсменов с инвалидностью на восходящую социальную мобильность и социальную интеграцию.

Описание метода и эмпирической базы исследования

Чтобы уловить изменения, которые происходили в жизни информантов по мере развития их спортивной карьеры, был выбран биографический метод сбора данных. Мы разработали гайд интервью и обратились к профессиональным спортсменам из числа людей с инвалидностью. Критериями отбора информантов для нас были: наличие серьезных нарушений здоровья (1 или 2 группа инвалидности); спорт как профессия, то есть основной вид деятельности, за который информанты получают материальное вознаграждение; соревновательная деятельность спортсменов относится к спорту высших достижений (большому спорту), то есть нацелена на максимальные результаты на официальных всероссийских и международных соревнованиях, установление спортивных рекордов. Опыт спортсменов с подобными характеристиками, на наш взгляд, наиболее полно отражает потенциал профессионального спорта в процессе социальной мобильности и социальной интеграции людей с серьезными нарушениями здоровья, которые в современном российском обществе систематически сталкиваются

с комплексом барьеров, препятствующих их участию в жизни общества наравне с людьми без инвалидности.

Эмпирическую базу исследования составили восемь интервью (проведены в апреле 2019 г.) с профессиональными спортсменами с инвалидностью, которые занимаются плаванием, фехтованием и пауэрлифтингом. Среди наших информантов — чемпионы и призеры кубков и первенств России, Европы и мира, двое информантов установили несколько мировых рекордов, один информант — участник двух Паралимпийских игр. Характеристики информантов представлены в таблице 1.

Таблица 1. Список и характеристики информантов

Информант	Пол	Возраст	Город проживания	Вид спорта и стаж	Характеристики инвалидности	Спортивный разряд	Достижения в спорте
И1	муж.	22	Бийск	Плавание 5 лет	1 группа инв-ти, врожденная, ДЦП	Заслуженный мастер спорта России	Многочисленный чемпион России, Европы и мира; рекордсмен мира
И2	жен.	34	Москва	Фехтование 12 лет	1 группа инв-ти, врожденная, передвигается на инвалидном кресле	Мастер спорта международного класса	Дважды 4-е место на Паралимпийских играх; многократная чемпионка России, Европы и мира
И3	муж.	17	Бийск	Плавание 8 лет	1 группа инв-ти, врожденная, дефицит гормона роста	Мастер спорта России	Чемпион и призер Кубка России и Всемирных Игр IWAS*
И4	муж.	46	Новосибирск	Фехтование 10 лет	1 группа инв-ти (с 16 лет), передвигается на инвалидном кресле	Заслуженный мастер спорта России, мастер спорта международного класса	Многочисленный чемпион России, двукратный чемпион Европы, пятикратный чемпион мира
И5	муж.	20	Бийск	Плавание 6 лет	1 группа инв-ти (с 3 лет), передвигается на инвалидном кресле	Заслуженный мастер спорта России	Многочисленный чемпион России, Европы и мира; рекордсмен России, Европы и мира
И6	жен.	22	Краснодар	Пауэрлифтинг 8 лет	2 группа инв-ти, врожденная, дефицит гормона роста	Мастер спорта России	Шестикратная чемпионка России; чемпионка России, Европы и мира по юниорам
И7	муж.	36	Химки	Фехтование 12 лет	1 группа инв-ти (с 19 лет), передвигается на инвалидном кресле	Мастер спорта международного класса	Шестикратный чемпион России, чемпион мира
И8	муж.	20	Бийск	Плавание 5 лет	2 группа инв-ти, врожденная, отсутствует одна верхняя конечность	Мастер спорта России	Многочисленный чемпион России, двукратный призер Европы, двукратный призер Всемирных Игр IWAS

* International Wheelchair and Amputee Sports Federation — Международная спортивная федерация колясочников и ампутантов.

Тексты глубинных интервью анализировались при помощи метода аналитического сравнения [Готлиб, 2019: 192—193]. Схема анализа включала следующие основные элементы: (1) источник информации о возможности войти в профессиональный спорт, (2) мотивы и цели начала спортивной карьеры, (3) агенты и ресурсы, задействованные в достижении спортивных результатов, (4) сложности и барьеры, с которыми сталкиваются спортсмены с инвалидностью, (5) спортивные результаты и дальнейшие планы спортсменов, (6) изменения в объемах экономического, культурного и социального капиталов, произошедшие из-за включенности в профессиональный спорт, (7) изменения в пространственной подвижности, (8) изменения в самоидентификации и самоощущении спортсменов с инвалидностью. Анализ был направлен на выявление общих обстоятельств, сложностей и следствий участия людей с инвалидностью в профессиональном спорте.

«Из малого выходит великое»: с чего начинали и к чему пришли спортсмены с инвалидностью

Как правило, информанты изначально не планировали и не надеялись на те результаты в спорте, которых они достигли к настоящему времени. А также не ожидали, что спорт станет их основной деятельностью на профессиональном уровне и будет приносить доход:

Нет, не думала, что буду так долго в спорте, что будут такие результаты, что это станет моей какой-то профессиональной, основной деятельностью в жизни. (И2, жен., 34 года, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Изначально вообще не ориентировался на такие результаты. (И8, муж., 20 лет, 2 гр. инв-ти, плавание)

Для всех была характерна низкая информированность о возможностях людей с инвалидностью начать спортивную карьеру, хотя некоторые информанты до выхода на профессиональный уровень занимались любительским спортом. Информанты отмечали, что попали в свою сборную по «счастливой случайности», а инициаторами начала их спортивных тренировок были либо тренеры или другие представители спортивного сообщества, либо члены близкого социального окружения, которые узнали о возможностях организовать свободное время таким образом:

Даже не думал, что кто-то у нас преподает плавание для таких, как я. Тренер другой подошел и сказал, что есть возможность заниматься у нас в бассейне, что есть такой тренер, который работает с особенными детьми. (И8, муж., 20 лет, 2 гр. инв-ти, плавание)

Пошли в «Зарю» [бассейн] купаться, тренер заметил меня, узнал про меня, нашел мои контакты и связался со мной, предложил походить, я решил попробовать. (И3, муж., 17 лет, 1 гр. инв-ти, плавание)

Часть информантов также рассказывали, что вид спорта, которым они занимаются профессионально в настоящее время, — результат не осознанного выбора из нескольких вариантов, а реакции на представившуюся возможность:

В 14 лет появились проблемы с иммунитетом, и мама отдала меня на плавание. Там я занималась плаванием для себя. Получилось так, что были соревнования какого-то местного уровня, и [меня] пригласили поучаствовать. Понятно, что я не могла соревноваться с людьми, которые в два раза меня выше, — просто для участия. И там был тренер, который тренирует по пауэрлифтингу, и он пригласил меня попробовать, дальше все завязалось и получилось. (И6, жен., 22 года, 2 гр. инв-ти, пауэрлифтинг)

С одной стороны, зачастую люди с инвалидностью не владеют информацией о возможностях профессионально заняться спортом, о существовании специализированных групп по различным видам спорта, площадках, где проводятся тренировки, и возможностях, которые дает профессиональный спорт. С другой стороны, в ряде интервью звучали свидетельства того, что в параспорте «нехватка кадров», из-за чего тренеры вынуждены прибегать к «рекрутированию» будущих членов своих команд из различных мест: реабилитационных центров и санаториев для людей с инвалидностью, специализированных учебных заведений, бассейнов, где занимаются специализированные группы, и т. д.

В институте начала заниматься фехтованием: к нам пришла тренер и предложила заниматься фехтованием на колясках, так мы, несколько человек, пришли самые первые к ней и до сих пор занимаемся, уже 14 лет. Просто тренер пришел, мы пришли посмотреть, не выбирала [вид спорта]. Сама бы не пошла искать какие-то спортивные секции. (И2, жен., 34 года, 1 гр. инв-ти, фехтование)

В реабилитационный центр [во время прохождения реабилитационного курса] приехала Елена Борисовна Белкина — президент федерации фехтования на колясках — и предложила мне попробовать этим спортом заняться. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Родители и члены близкого социального окружения спортсменов часто не только подталкивали наших информантов к спортивной карьере, но и для всех спортсменов, особенно в начале их профессионального пути, были главными агентами физической и материальной помощи, моральной и психологической поддержки. Часто именно с этой помощи и поддержки начинались большие свершения информантов, когда у них не было ни материальных ресурсов, ни навыков, ни возможности самостоятельно добраться на тренировки:

Родители помогали всячески, и в финансовом плане, и в плане моральной поддержки. (И1, муж., 22 года, 1 гр. инв-ти, плавание)

Мама и папа, оба помогали, и сестренка помогала. Тренировки вначале были в другом городе, и мама меня возила, папа помогал материально. (И6, жен., 22 года, 2 гр. инв-ти, пауэрлифтинг)

Как правило, сейчас, когда многие трудности уже позади, спортсмены не акцентируют на них внимание. Однако при ближайшем рассмотрении фрагментов интервью, описывающих, в каких проблемных ситуациях поддерживали спортсменов их близкие, можно увидеть, что для информантов с нарушениями подвижности до активного развития их карьеры была свойственна достаточно низкая мобильность, вплоть до невозможности самостоятельно выйти за пределы квартиры:

Я жил на третьем этаже трехэтажного дома без лифта, без возможности [самостоятельного] выхода на улицу. На руках родителей меня нужно было каждый день на тренировку спустить с третьего этажа на коляске, увезти на тренировку, привезти и поднять, и так пять раз в неделю, если бы меня не таскали на себе, то я бы, естественно, не занимался бы, а просто дома продолжал адаптивной физкультурой заниматься. Спасибо родителям за это! (И4, муж., 46 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Таким образом, члены семьи и близкие друзья семьи были союзниками в преодолении барьеров для занятия спортом, а также источниками моральной и психологической поддержки для наших информантов. Некоторые информанты отмечали, что без этой помощи на старте карьеры у них бы не было возможности тренироваться.

Хотя информанты отмечали, что в спорт попали случайно, благодаря кому-то другому, неслучайно то, что все смогли воспользоваться этой возможностью. Основные мотивы в начале спортивной карьеры были разными: организация свободного времени: «*просто было свободное время после учебы*» (И2, жен., 34 года, фехтование); поиск увлечения, хобби: «*хотел научиться плавать, а сейчас хочу попасть на Паралимпийские игры*» (И3, муж., 17 лет, 1 гр. инв-ти, плавание); укрепление общего здоровья: «*для общего физического развития*» (И8, муж., 20 лет, 2 гр. инв-ти, плавание). Был и мотив улучшения материального благополучия:

Семья, жена, ребенок, пробовал диспетчерить на телефоне, копейки получал. А тут мне Полищук⁶ сказал: если начнешь активно фехтованием заниматься, будет все получаться, то тебя могут здесь на зарплату поставить. Поэтому основной целью было поддержание своего финансового состояния и благополучия семьи. (И4, муж., 46 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Информанты, которые до выхода на профессиональный уровень занимались любительским спортом, в основном стремились к саморазвитию и улучшению собственных спортивных результатов:

В начале, как у всех, начинает результат идти, и все интереснее становится. Например, сначала проплыл на тренировке 50 метров за 50 секунд, на следующей неделе на курсовке уже раз — и 48, и думаешь: вот интересно, что я могу дальше? А потом на соревнованиях съездил, занял третье место, и вот опять интерес просыпается. Потом

⁶ В. Полищук — инициатор создания отделения фехтования на колясках в Новосибирске, фехтовальщик, участник российских и международных соревнований по фехтованию на колясках.

хочется уже поездить посмотреть Россию, как-то реализоваться. (И1, муж., 22 года, 1 гр. инв-ти, плавание)

Практически каждого спортсмена мотивировали разные вещи, однако общим было желание чем-то заниматься с пользой для себя и своих близких, самореализация. И благодаря тому, что появилась возможность заняться спортом, он стал основной сферой приложения усилий наших информантов. Заслуга информантов — в том, что каждый из них смог воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет спорт, и улучшить свое социальное положение и положение своей семьи.

В настоящее время все без исключения информанты демонстрируют высокие спортивные достижения. Некоторые попали в большой спорт относительно недавно, но уже успешно выступают на национальном и международном уровнях. При этом спортивные притязания информантов не ограничены текущими достижениями. Сейчас каждый из них ставит себе амбициозные цели на будущее — чемпион нового уровня (России, Европы, мира), повторное лидерство на определенном уровне, участие в Паралимпийских играх:

Выиграть на Паралимпийских играх, сейчас⁷ отобраться на Чемпионат мира и выступить там достойно в августе. (И5, муж., 20 лет, 1 гр. инв-ти, плавание)

Первое место на Паралимпийских играх в 2020 году в Токио. (И6, жен., 22 года, 2 гр. инв-ти, пауэрлифтинг)

Важным следствием успешной самореализации наших информантов в спорте стало выстраивание позитивной самоидентификации. Как правило, в настоящий момент спортсмены не склонны идентифицировать себя исходя из ограничений здоровья, их самоопределение в основном связано со спортивными успехами и качественными изменениями в жизни, произошедшими благодаря спорту. Цитата ниже иллюстрирует, как с помощью спорта была преодолена стигма инвалидности:

Когда сел в коляску, на улицу выехать боялся, потому что думал, что все люди на меня смотрят, — это у многих людей с инвалидностью такая беда, особенно у тех, кто на коляске передвигается. В итоге благодаря спорту, тому, что я выиграл, люди начали тянуться, брать интервью, где-то на ТВ звали, газеты, журналы. Я понял, что и люди с инвалидностью могут приносить пользу своей стране, и стесняться этого нечего. Ограничений, в общем-то, нет, все ограничения в нашей голове. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Изменения в социальном самочувствии наших информантов, достигших таких высот в спорте, указывают на то, что самоэкслюзия (субъективная социальная экслюзия) им не свойственна. Все отмечают позитивные изменения в самооощущении, характере, мировосприятии и качестве жизни, которые произошли под воздействием спорта и личных спортивных достижений.

⁷ Интервью проводилось в 2019 г.

Вызовы и трудности в большом спорте

Спорту высших достижений часто сопутствуют личные вызовы и внешние препятствия. Перечислим основные сложности, с которыми сталкивались наши информанты.

Профессиональный спорт требует больших временных затрат и серьезных физических нагрузок. В обычном режиме спортсмены тренируются четыре-шесть раз в неделю по два-четыре часа, на этапе подготовки к соревнованиям интенсивность тренировок значительно увеличивается — до 10 тренировок в неделю. Во время спортивных сборов и соревнований, которые могут длиться до нескольких недель, спортсмены усиленно тренируются и живут, как правило, вдали от дома и близких. Спортсмены соблюдают строгий тренировочный режим, который предполагает четкое расписание дня, ранние подъемы, ограничения в питании и т. д. Спорт — это основной вид деятельности наших информантов, и такой режим тренировок, частых спортивных поездок физически и эмоционально сложен сам по себе, но также его сложно совмещать с другими занятиями (например, учебой в школе или вузе):

Совмещать учебу [со спортом], конечно, тяжело. Когда я поступила на факультет химии и высоких технологий, где практика и т. д., — конечно, когда уезжаешь на сборы и соревнования, это тяжело. Я вот уехала на сборы 5 апреля, сейчас Кубок мира, вернусь я домой только 15 мая, конечно, в такие моменты скучаешь. (И6, жен., 22 года, 2 гр. инв-ти, пауэрлифтинг)

Несколько информантов отметили, что одной из главных трудностей для них является высокий уровень стресса из-за соревнований, а также после неудачных выступлений:

Мандраж перед соревнованиями. Пряма не знаю, что с этим делать, колбасит иногда так, что аж слезы в глазах появляются, думаю, сейчас бы спрятать в песок голову, как страус. И вообще спрятаться куда-нибудь, чтобы никто тебя не видел и не слышал, и вообще никогда этим не заниматься. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Профессиональный спорт сопровождается риском получения травм. Серьезная травма может надолго выбить спортсмена из колеи — привести к приостановке спортивной деятельности на время восстановления, потере физической формы, падению спортивных показателей и необходимости наверстывать упущенное после окончания восстановительного периода, а в крайнем случае тяжелая травма может стать причиной завершения спортивной карьеры. Травмы не обошли стороной и наших информантов. Некоторые из них отмечали, что получали как мелкие, так и достаточно серьезные травмы, которые какое-то время влияли и на спортивную деятельность, и на качество жизни.

Еще одной возможной причиной завершения спортивной карьеры может стать отсутствие положительной динамики в результатах, из-за чего спортсмену могут не выделять финансирование на поездки на соревнования и даже снять со ставки, то есть лишить возможности получать за свою деятельность доход. Однако информанты рассказывали об этом безотносительно собственных спортивных

результатов, возможность ухудшения результатов они преимущественно связывали с риском травм, когда независимо от предыдущих достижений и затраченных сил приходится прерывать спортивную деятельность на восстановление:

Руки опускаются, когда получаешь травму, переживаешь, вдруг не восстановишься, тяжело потом войти в колею обратно. Была травма плеча на разминке перед дистанцией на соревнованиях, и я плыл с болью в плече, сейчас тоже иногда беспокоит. (И1, муж., 22 года, 1 гр. инв-ти, плавание)

Частые поездки на соревнования вызывают трудности с перемещениями. В некоторых видах спорта довольно много инвентаря, который спортсмен должен носить и перемещать во время соревнований и сборов самостоятельно. Тем более, не везде есть доступная среда, а о помощи членов близкого социального окружения на соревнованиях чаще всего речь не идет. Таким образом, спортсмены сталкиваются с внешними вызовами, исходящими от предметного окружения:

Много инвентаря в этом спорте [в фехтовании] — это чехол, спортивная коляска, своя коляска, и все эти перемещения со всем этим грузом доставляют некоторые неудобства. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Спортсмены также выражали обеспокоенность тем, что их возможности участия в международных соревнованиях зависят от объемов бюджетного финансирования спорта. В случае если участие в соревнованиях не покрывается из бюджета, спортсмены либо отказываются от участия, либо вынуждены искать спонсора или оплачивать участие (перелет, проживание, организационные сборы и т. д.) из личных средств:

Я уже три года не был на международных соревнованиях просто из-за того, что нет денег [на них]. Если до этого город мне постоянно давал, то в последние три года что-то изменилось. Урезают жутко бюджет, поэтому вообще ни на что нет денег. Поэтому я не езжу, сейчас буду стараться искать спонсоров к сентябрю. Или, может, из области денег дадут. Буду стараться искать. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Спорт высших достижений чувствителен к международной политической обстановке. Например, сразу несколько спортсменов упомянули о ситуации с отстранением паралимпийской сборной России от Паралимпийских игр и других международных соревнований в связи с допинговым скандалом в 2016 г. Вследствие этого отстранения все российские спортсмены лишились допуска на международные соревнования. А участие и победы в международных состязаниях являются неотъемлемым элементом большого спорта, спортивной карьеры и, кроме того, тесно связаны с уровнем доходов профессиональных спортсменов.

Проблемы с допингом когда были [допинговый скандал 2015 г.], со снятием с Паралимпийских игр, было неприятно, что все это очень долго решалось, по факту только сейчас начинается движение на международный уровень. (И5, муж., 20 лет, 1 гр. инв-ти, плавание)

Итак, спортсмены сталкиваются с различными специфичными сложностями в процессе выстраивания своей спортивной карьеры. Однако характерно, что информанты не уделяют им избыточного внимания, а в большей степени концентрируются на тех возможностях, которые им открыл спорт, на позитивных изменениях в жизни, характере, самовосприятии и мироощущении.

Социальные последствия включенности в профессиональный спорт: накопление капитала и пространственная подвижность

Основываясь на данных интервью, мы можем сказать, что профессиональный спорт благоприятно сказывается на возможностях накопления различных видов капитала спортсменами с инвалидностью и повышения их пространственной подвижности. В совокупности это способствует расширению доступа спортсменов с инвалидностью к различным социальным благам и повышению шансов на восходящую социальную мобильность. Рассмотрим, как изменялись различные виды капитала и пространственная подвижность наших информантов по мере развития их спортивной карьеры.

Экономический капитал

До начала спортивной карьеры все наши информанты проживали с родителями. Чаще всего при описании своей семьи спортсмены использовали фразу «обычная семья», что подразумевало полные семьи со средним или ниже среднего достатком. Все родители наших информантов имели работу на момент начала спортивной карьеры детей и, как правило, занимали должности, соответствующие их уровню образования, которое чаще всего было средним профессиональным или высшим. Пятеро из восьми спортсменов начали заниматься спортом в подростковом возрасте, сначала на любительском уровне, а позже уже профессионально, одна спортсменка попала в профессиональный спорт во время обучения в специализированном вузе, и двое получили инвалидность во взрослом возрасте, успев получить высшее образование, началу их спортивной карьеры предшествовали длительные периоды реабилитации и адаптации к новому состоянию. Поэтому полноценную карьеру все наши информанты начали именно в спорте.

На момент интервью участники исследования были профессиональными спортсменами, что подразумевает официальное трудоустройство и наличие стабильного дохода в виде заработной платы. Помимо этого, у спортсменов есть возможность получать дополнительный доход в виде премий за успешные выступления на соревнованиях, размер которого зависит от уровня спортивного мероприятия и занятого спортсменом призового места. Таким образом, при наличии определенного минимума в виде заработной платы объем экономического капитала зависит от достижений спортсменов:

Стою на ставке и за соревнования [получаю] премии в зависимости от места, кубок России никак не оплачивается, а более высокие [уровни соревнований] оплачиваются в зависимости от занятых мест. (И8, муж., 20 лет, 2 гр. инв-ти, плавание)

Благодаря наличию постоянного дохода и дополнительных материальных поощрений за высокие спортивные показатели некоторые спортсмены смогли приобрести или получить в качестве вознаграждения за спортивные достижения личный автомобиль, купить или получить субсидию на жилье в местах, где есть условия для людей с инвалидностью, пандусы и парковка. В комплексе это помогло им частично преодолеть проблемы с недоступностью среды для людей с инвалидностью и улучшить качество жизни. Помимо этого, спортсмены оказывают материальную поддержку родителям:

Начал помогать родителям материально, купил себе квартиру, машину, в жизни все хорошо. (И5, муж., 20 лет, 1 гр. инв-ти, плавание)

На тот доход, который получил от спорта, недавно машину приобрел, но в основном все деньги отдаю родителям, они распределяют на семью, квартиру отремонтировали, машину себе купили, на себя трачу минимум, помогаю семье. (И8, муж., 20 лет, 2 гр. инв-ти, плавание)

Вовлеченность в профессиональный спорт помогла улучшить материальное положение всех наших информантов. Это дает основания полагать, что профессиональный спорт для людей с инвалидностью способствует накоплению экономического капитала.

Культурный капитал

Культурный капитал в интериоризированном состоянии включает знания и навыки, модели поведения и действия, ценности и нормы, усваиваемые в процессе первичной и вторичной социализации и способные открыть доступ к влиятельным позициям и социальным сетям. Большой спорт стал для наших информантов пространством для личного развития и расширения собственных физических и социальных возможностей. Все информанты отмечали, что благодаря вовлеченности в большой спорт у них сформировались качества характера и жизненные установки, позитивно влияющие на различные сферы жизни и отношение к будущему, такие как целеустремленность, ответственность, трудолюбие, самостоятельность, сила воли и т. д.:

Сильно изменился, стал более общительный, терпеливый, сдержанный, более целеустремленный. Начал делать дело, доделал до конца. Сила воли очень сильно раскрывается, диеты соблюдаешь, где-то не сорваться на сладкое. (И1, муж., 22 года, 1 гр. инв-ти, плавание)

Появляется трудолюбие, психологическая устойчивость, которая потом применяется в жизни. Когда у меня случаются какие-то мелочи в жизни, быту, ты не обращаешь на это внимание. Я по себе сужу, раньше меня это расстраивало, а сейчас нет. Спорт закаляет характер, трудолюбие, усидчивость, усердие — эти качества, конечно, присутствуют. (И6, жен., 22 года, 2 гр. инв-ти, пауэрлифтинг)

Само по себе участие в спорте высших достижений подразумевает, что у спортсменов развиты физические, технические и стратегические спортивные навыки. Помимо этого, спортсмены хорошо знакомы со спецификой своего вида спорта и с тем, как в целом изнутри устроен большой спорт. Такой багаж опыта, навыков и знаний дает возможность нашим информантам реализовать себя в смежных профессиях — в роли спортивных судей или тренеров. Тренерская карьера часто рассматривается информантами как запасной вариант на случай окончания карьеры спортсмена, а судейская практика может совмещаться с текущей деятельностью:

Параллельно занимаюсь судейской практикой, мы являемся судьями первой категории. (И4, муж., 46 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Пока плаваю и постепенно себя подготавливаю к тренерской карьере. Хочу в Бийске детей поднимать, таких же, как я. (И1, муж., 22 года, 1 гр. инв-ти, плавание)

Спортивные звания наших информантов — мастер спорта России, заслуженный мастер спорта России, мастер спорта международного класса — и многочисленные победы на национальных и международных соревнованиях официально подтверждают их заслуги в спорте (институционализированный культурный капитал). Благодаря своим достижениям спортсмены не только достигли высокого статуса в спортивном сообществе, но и занимаются деятельностью, высоко ценимой в обществе в целом: защищают честь страны на международных соревнованиях.

Профессиональный спорт способствовал накоплению культурного капитала нашими информантами, особенно в части ценного опыта, повлиявшего на социальные установки и модели поведения в спорте и других сферах жизни, а также навыков и умений, позволивших добиться высот в своей деятельности и авторитета в более широком социальном контексте.

Социальный капитал

Накопление и поддержание социального капитала возможно при наличии доступа к социальным сетям, связанным с работой, досугом, дружеским кругом и т. д. Спорт стал для информантов источником новых знакомств по всей России и даже миру:

В плане знакомств, если все перечислять, то блокнота не хватит [смеется], друзей и знакомых очень много, вся сборная, по всей России от Владивостока до Калининграда. (И1, муж., 22 года, 1 гр. инв-ти, плавание)

Чем шире социальная сеть индивида, тем больше возможностей извлекать из этих отношений эмоциональные, практические и даже финансовые выгоды [Урри, 2012: 362]. Спортсмены высоко ценят друзей, появившихся благодаря спорту. Зачастую их отношения распространяются за пределы спортивной деятельности: спортсмены встречаются вне тренировок, совместно организуют досуг, имеют общие хобби.

С командой хорошо общаюсь, до этого было не много друзей, так, пообщались в школе и разошлись, а сейчас с ребятами собираемся вне тренировок, играем [в] игры, ходим в кафе. (ИЗ, муж., 17 лет, 1 гр. инв-ти, плавание)

Помимо эмоциональных выгод от отношений, сложившихся благодаря спорту, спортсмены, с их слов, могут обратиться к своим друзьям и знакомым в сложной ситуации или просто попросить о какой-либо помощи или услуге:

Хороших приятелей и знакомых, которые появились за все это время, их очень много. Если кому-то нужен я, то ко мне обращаются. Если кто-то нужен мне, я обращаюсь. Со всеми дружу. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Следствием значительных успехов в большом спорте для спортсменов с инвалидностью стали признание и известность. Это та часть социального капитала, которая функционирует как символический капитал. Символическую форму может принимать любой вид капитала, узнаваемый в определенных социальных кругах [Бурдые, 2002: 60], однако социальный капитал в наибольшей степени подчинен логике знания и признания, поэтому мы говорим о нем именно здесь. Символический капитал связан с именем, репутацией, престижем — тем, что открылось спортсменам через их известность широкой публике в связи с многочисленными победами на национальных и международных соревнованиях, мировыми рекордами, спортивными званиями:

А сейчас уже, за все эти годы, и звание есть, и медали, и имя, которое относительно знают люди, с этим уже можно куда-то идти и чем-то заниматься. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Известное в определенных кругах имя дает своему обладателю возможность превращать многие случайные знакомства в продолжительные связи, а это значит, что усилия по установлению социальных связей людьми «с именем» и положительной репутацией являются высокопродуктивными [Бурдые, 2002: 68].

Все наши информанты значительно расширили сеть социальных контактов благодаря профессиональному спорту. Спорт стал для них связующим звеном в установлении длительных и близких отношений, ставших источником эмоциональной и моральной поддержки, в случае необходимости — помощи, возможностью более разнообразно проводить досуг.

Пространственная подвижность

Физические перемещения индивида в пространстве могут стать выражением права на передвижение, а также источником статуса или власти: пространственная подвижность открывает больше альтернатив при выборе мест для получения образования, работы, досуга, встреч и т. д., благодаря чему индивид может руководствоваться собственными способностями и желаниями, а не выбирать исходя исключительно из приближенности различных мест к дому. И напротив, невозможность свободного движения может стать причиной социальной депривации,

отчуждения и социальной изоляции [Урри, 2012: 76]. Как мы уже отмечали, до начала спортивной карьеры для некоторых из наших информантов была характерна достаточно низкая пространственная подвижность, вплоть до невозможности самостоятельно выйти из дома. Важным вкладом в повышение пространственной подвижности наших информантов стала покупка или получение в качестве поощрения за крупные спортивные достижения личного автомобиля. Наличие в распоряжении автомобиля позволило тем спортсменам, кто испытывает трудности в передвижении, более гибко планировать время и маршруты, меньше зависеть в повседневных передвижениях от окружающих, перемещаться на более дальние расстояния, обходить такие пространственные ограничения, как недоступность общественного транспорта или других элементов инфраструктуры. Возможность получить в личное пользование автомобиль открылась информантам благодаря вовлеченности в профессиональный спорт:

Машину мне подарила администрация города за спортивные достижения. Сам бы я на такую не накопил никогда, поэтому все, что у меня есть, — это благодаря спорту и моему тренеру. Машина для колясочника — это ноги. Если коляска на небольших расстояниях мне помогает, в магазине где-то пробежаться или еще куда-то, то машина — я живу в Подмосковье, тут до электрички не добраться, до автобуса не добраться, поэтому машина — это мое все. Если куда-то надо по общественным делам, до магазина или с супругой в ресторан, без машины никуда. Машина — моя спасительница. (И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Благодаря тому, что практически все поездки на соревнования и сборы оплачиваются, спортсмены получили возможность путешествовать, знакомиться с новыми городами, странами и культурами (см. табл. 2). Некоторые из информантов не были за границей до начала занятий спортом, другие даже не выезжали за пределы своего города:

Путешествия [являются одним из преимуществ профессионального спорта], потому что спортсменам поездки оплачивают, редко когда спортсмены ездят за свой счет. Я бы за свой счет даже по городам России даже физически не попутешествовала на свою мизерную пенсию, 12 тысяч в месяц — это вообще ничего. (И6, жен., 22 года, 2 гр. инв-ти, пауэрлифтинг)

Освоение физического пространства людьми с инвалидностью может открывать им новые возможности для удовлетворения социальных потребностей и доступ к социальным благам. На связь между повышением пространственной подвижности и расширением социальных возможностей обращали внимание сами спортсмены:

Стал более мобильный со временем, это благодаря фехтованию. Поэтому у меня сейчас большая мобильность, подвижность и, соответственно, возможности. Физподготовка, дисциплина, ответственность, общение, коммуникабельность. Вообще по-другому жизнь складывается. (И4, муж., 46 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование)

Таблица 2. Список стран и городов России, где побывали спортсмены

Информант	Города России	Страны
И1, муж., 22 года, 1 гр. инв-ти, плавание	Омск, Тюмень, Москва, Дзержинск, Сочи	Голландия, Португалия, Шотландия, Испания
И2, жен., 34 года, 1 гр. инв-ти, фехтование	Новосибирск, Уфа	Польша, Франция, Венгрия, Бразилия, Италия, Канада, Китай, Южная Корея, Нидерланды, Япония, Германия
И3, муж., 17 лет, 1 гр. инв-ти, плавание	Раменское, Руза, Краснодар, Чебоксары, Омск, Тюмень, Москва	Чешская Республика
И4, муж., 46 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование	Уфа	Венгрия, Италия, Франция, Польша
И5, муж., 20 лет, 1 гр. инв-ти, плавание	Ейск, Раменское, Дзержинск, Омск, Руза, Краснодар	Голландия, Шотландия, Португалия
И6, жен., 22 года, 2 гр. инв-ти, пауэрлифтинг	Алексин, Курск, Суздаль, Сочи, Брянск	Польша, Арабские Эмираты
И7, муж., 36 лет, 1 гр. инв-ти, фехтование	Уфа, Новосибирск	Великобритания, Италия, Польша, Венгрия и др. страны Европы
И8, муж., 20 лет, 2 гр. инв-ти, плавание	Раменское, Дзержинск, Краснодар	Португалия

Профессия спортсмена предполагает необходимость быть мобильным — регулярно посещать тренировки, спортивные сборы, соревнования и т. д. Эта необходимость побуждает людей с инвалидностью искать способы преодолеть пространственные барьеры: осваивать различные способы передвижения в пространстве, изучать пространство с целью найти наиболее оптимальные и доступные маршруты, при необходимости прибегать к помощи окружающих. Таким образом, профессиональный спорт одновременно является стимулом и дает возможности для повышения пространственной подвижности через те «дивиденды» (улучшение материального положения, расширение сети социальных контактов и т. д.), которые получают информанты от профессиональных занятий спортом, а по мере освоения физического пространства спортсменам открываются новые социальные возможности.

Заключение

Профессиональный спорт для людей с инвалидностью — это специфический и трудоемкий способ социальной интеграции. У каждой медали профессионального спортсмена есть две стороны. С одной стороны, профессиональный спорт неизбежно сопровождается рядом вызовов и трудностей — он предполагает полную самоотдачу, зачастую в ущерб развитию в некоторых других видах деятельности и сферах жизни (нехватка времени на личную жизнь, образование и т. д.), огромные физические и эмоциональные нагрузки, риск получения серьезных травм.

Однако, как показывают результаты нашего исследования, другая сторона медали профессионального спорта ярче и ценнее для спортсменов с инвалидностью. Спорт высших достижений стал для информантов способом преодолеть или предотвратить социальную эксклюзию, как объективную, так и субъективную. Множество спортивных достижений, профессиональная самореализация и признание, улучшение материального положения, развитие сети социальных контактов, развитие ценных для своей профессии и жизни в целом навыков и жизненных установок, повышение пространственной подвижности и т. д. — все свидетельствует о том, что спортсменам удалось избежать целого комплекса дискриминаций в различных сферах жизни и улучшить социальное положение свое и своей семьи, то есть осуществить восходящую социальную мобильность. Это позитивно сказалось на самооощущении и самоидентификации спортсменов — как правило, спортсмены не идентифицируют себя с дискриминируемыми группами и не ощущают себя менее успешными, социально исключенными по сравнению с людьми без инвалидности. Они живут полной жизнью, защищая свою страну на международных соревнованиях, демонстрируя миллионам людей свои безграничные возможности.

С практической точки зрения данное исследование, во-первых, демонстрирует выгоды, которые может получить человек с инвалидностью через участие в профессиональном спорте, что может стать мотивом для других людей с инвалидностью преодолеть социальную эксклюзию и/или расширить участие в жизни общества через спорт. Во-вторых, низкая информированность о возможностях занятий профессиональным спортом, характерная для наших информантов до начала спортивной карьеры и на начальных ее этапах, а также тот факт, что некоторые тренеры прибегали к активному рекрутированию людей с инвалидностью в свои команды из-за наличия в них свободных мест, могут свидетельствовать о том, что потенциал профессионального спорта для людей с инвалидностью реализован не до конца. Также это обосновывает необходимость повышать информированность людей с инвалидностью о возможностях заниматься спортом, в том числе профессионально. Поэтому результаты исследования могут быть полезны при разработке и усовершенствовании программ развития спорта.

Список литературы (References)

Богомолова Т. Ю., Коржук С. В. Инклюзивное высшее образование как часть жизненной траектории: опыт выпускников НГУ, имеющих инвалидность // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 201—214.

Vogomolova T. Yu., Korzhuk S. V. (2017) Inclusive Higher Education as a part of the Life Trajectory: The Experience of NSU Graduates with Disabilities. *World of Economics and Management*. Vol. 17. No. 4. P. 201—214. (In Russian)

Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 5. С. 60—75.
Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Journal of Economic Sociology*. No. 5. P. 60—75. (In Russ.)

Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. М.: Флинта, 2019.

Gotlib A. (2019) *Qualitative Sociological Research: Cognitive and Existential Horizons*. Moscow: Flinta. (In Russ.)

Инвалидность и социальное положение инвалидов в России / под. ред. Т. М. Малевой. М.: Дело, 2017.

Maleva T. M. (ed.) (2017) *Disability and Social Status of Disabled People in Russia*. Moscow: Delo. (In Russ.)

Караева О. Отношение населения к лицам с ограниченными возможностями здоровья. Аналитический отчет. М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2019а. URL: <http://levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/10/Invalidnost.pdf> (дата обращения: 11.10.2020).

Karaeva O. (2019a) *The Attitude Towards People with Disabilities. Analytical Report*. Moscow: Yuri Levada Analytical Center. URL: <http://levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/10/Invalidnost.pdf> (accessed: 11.10.2020). (In Russ.)

Караева О. Стигматизированные: люди с ограниченными возможностями здоровья // Вестник общественного мнения. 2019b. № 1—2. С. 124—136.

Karaeva O. (2019b) *The Stigmatized: Public Attitudes towards People with Disabilities. The Russian Public Opinion Herald*. No. 1—2. P. 124—136. (In Russ.)

Коржук С. В. Социальная эксклюзия людей с инвалидностью: успешные стратегии преодоления // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 2. С. 145—155.

Korzhuik S. V. (2016) *Social Exclusion of People with Disabilities: Successful Strategies for Overcoming. World of Economics and Management*. Vol. 16. No. 2. P. 145—155. (In Russ.)

Ненахова Ю. С. Трудовой потенциал инвалидов: проблемы реализации // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 96—108.

Nenakhova Yu. S. (2018) *Labor Potential of People with Disabilities: Problems of Implementation. Narodonaselenie*. Vol. 21. No. 3. P. 96—108. (In Russ.)

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

Sorokin P. A. (1992) *Person. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

Urry J. (2012) *Mobilities*. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Ярская-Смирнова В. Н., Ярская-Смирнова Е. Р. Право на город в парадигме мобильности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 165—173. <https://doi.org/10.17223/1998863X/45/17>.

Yarskaya-Smirnova V. N., Yarskaya-Smirnova E. R. (2018) *The Right to the City in the Paradigm of Mobility. Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 45. P. 165—173. <https://doi.org/10.17223/1998863X/45/17>. (In Russ.)

Ashton-Shaeffer C., Gibson H., Holt M., Willming C. (2001) *Women's Resistance and Empowerment through Wheelchair Sport. World Leisure Journal*. Vol. 43. No. 4. P. 11—21. <https://doi.org/10.1080/04419057.2001.9674245>.

Braye S. (2016) 'I'm Not an Activist': An Exploratory Investigation into Retired British Paralympic Athletes' Views on the Relationship between the Paralympic Games and Disability Equality in the United Kingdom. *Disability & Society*. Vol. 31. No. 9. P. 1288—1300. <https://doi.org/10.1080/09687599.2016.1251392>.

Dashper K. (2010) 'It's a Form of Freedom': The Experiences of People with Disabilities within Equestrian Sport. *Annals of Leisure Research*. Vol. 13. No. 1—2. P. 86—101. <https://doi.org/10.1080/11745398.2010.9686839>.

DePauw K.P. (2012) A Historical Perspective of the Paralympic Games. *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*. Vol. 83. No. 3. P. 21—31. <https://doi.org/10.1080/07303084.2012.10598739>.

Harnessing the Power of Sport for Development and Peace: Recommendations to Governments. (2008) Toronto: Right to Play: Sport for Development & Peace International Working Group. URL: <https://www.sport-for-development.com/imglib/downloads/sdpiwg2008-harnessing-the-power-of-sport-for-development-and-peace-summary.pdf> (accessed: 11.10.2020).

Kean B., Gray M., Verdonck M., Burkett B., Oprescu F. (2017) The Impact of the Environment on Elite Wheelchair Basketball Athletes: A Cross-Case Comparison. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. Vol. 9. No. 4. P. 485—498. <https://doi.org/10.1080/2159676X.2017.1311278>.

Purdue D. E.J., Howe P. D. (2012a) Empower, Inspire, Achieve: (Dis)Empowerment and the Paralympic Games. *Disability & Society*. Vol. 27. No. 7. P. 903—916. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.695576>.

Purdue D. E.J., Howe P. D. (2012b) See the Sport, Not the Disability: Exploring the Paralympic Paradox. *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*. Vol. 4. No. 2. P. 189—205. <http://doi.org/10.1080/2159676X.2012.685102>.

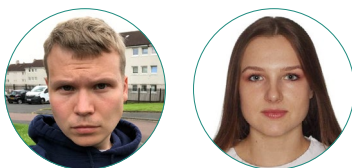
Sherrill C. (2004) Young People with Disability in Physical Education/Physical Activity/Sport in and Out of Schools: Technical Report for the World Health Organization. Berlin: International Council of Sport Science and Physical Education. URL: <https://www.icsspe.org/sites/default/files/YOUNGPEOPLE.pdf> (accessed: 11.10.2020).

Tregaskis C. (2004) Applying the Social Model in Practice: Some Lessons from Countryside Recreation. *Disability & Society*. Vol. 19. No. 6. P. 601—611. <https://doi.org/10.1080/0968759042000252524>.

World Report on Disability. (2011) Geneva: World Health Organization. URL: https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/report.pdf (accessed: 11.10.2020).

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1586](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1586)

Н. В. Большаков, А. С. Бабкина

«НОРМАЛЬНО МЫ БУДЕМ РАБОТАТЬ»: АДАПТАЦИЯ НЕЗРЯЧИХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ

Правильная ссылка на статью:

Большаков Н. В., Бабкина А. С. «Нормально мы будем работать»: адаптация незрячих студентов в вузах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 540—558. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1586>.

For citation:

Bolshakov N. V., Babkina A. S. (2020) Adaptation of Visually-Impaired Students in the Universities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 540—558. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1586>. (In Russ.)

«НОРМАЛЬНО МЫ БУДЕМ РАБОТАТЬ»: АДАПТАЦИЯ НЕЗРЯЧИХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ

БОЛЬШАКОВ Никита Викторович — старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nbolshakov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8976-7248>

БАБКИНА Алена Сергеевна — студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ale94492605@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7897-1833>

Аннотация. Формирование инклюзивного общества подразумевает создание системы, предоставляющей условия для реализации потенциала всех граждан, в том числе людей с инвалидностью. Особую роль при этом играют организации высшего образования, к которым предъявляются повышенные требования доступности, причем речь идет не только о преобразовании архитектурных и технических условий, но и о создании в целом инклюзивной образовательной и социальной среды, способствующей максимальной адаптации людей с инвалидностью, и в частности незрячих, для обучения которых необходима выработка уникального подхода. В представленном исследовании четыре формы адаптации незрячих студентов к процессу

ADAPTATION OF VISUALLY-IMPAIRED STUDENTS IN THE UNIVERSITIES

Nikita V. BOLSHAKOV¹ — Senior Lecturer at Department of Sociological Research Method; Junior Research Fellow at International Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: nbolshakov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8976-7248>

Alena S. BABKINA¹ — Student of 'Applied Methods of Social Analysis of Markets' Master's Programme
E-MAIL: ale94492605@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7897-1833>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. Creating an inclusive society means creating an environment that would help people, including people with disabilities, realize their potential. Higher education institutions play a special role: they are required to have higher availability standards; and it does not only involve architectural and technical requirements but also a totally inclusive education and social environment that would provide a better adaptation for people with disabilities, in particular the visually-impaired persons. The study presents four types of adaptation of visually-impaired students in the academic environment (formal, didactic, social and professional). These types are examined in terms of periods of time, namely 'preventive', 'time-urgent' and 'long-term' periods. Based on interviews with the visually-im-

обучения в высших учебных заведениях (формальная, дидактическая, общественная и профессиональная) рассматриваются в разрезе трех временных этапов: превентивного, срочного и долговременного. На основе анализа интервью с незрячими студентами московских вузов описаны практики адаптации, характерные для каждой из форм, а также специфика их реализации. Так, формальная и общественная адаптация начинаются еще на этапе превентивной адаптации к вузу, а профессиональная — только в момент долгосрочной адаптации, причем, как правило, в вузах отсутствуют инструменты системной поддержки адаптационных процессов, поэтому все вопросы решаются за счет индивидуальных договоренностей между незрячими студентами и одноклассниками, преподавателями и административным персоналом. Как правило, сами незрячие в данных условиях выполняют организационную функцию, транслируя правила коммуникации с людьми с нарушениями зрения внутри вуза, а также варьируя способы репрезентации себя при взаимодействии с разными агентами на указанных временных этапах.

Ключевые слова: адаптация, образовательные потребности, высшее образование, инвалидность, нарушение зрения

Благодарность. Статья подготовлена в результате проведения работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

paired students from Moscow universities the authors describe type-specific adaptation practices and their features. Formal and social adaptation take place at the preventive stage; professional adaptation starts only at the long-term stage. Besides that, universities lack mechanisms of adaptation support, so all the problems are tackled based on personal arrangements between the visually-impaired students and their fellow students, lecturers and administrative staff. As a rule, the visually-impaired students are responsible for organizational issues transmitting the rules of communication with people with visual impairment and also using a variety of forms of self-presentation when interacting with different agents at different stages.

Keywords: adaptation, disability, visual impairment, higher education, educational needs

Acknowledgments. The article is based on the findings from a project in the framework of HSE Academic Fund Programme and funded under '5-100' Russian Academic Excellence Project.

Введение

Проблема социального неравенства в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья остро стоит в современной России. Государство предпринимает попытки создания равных возможностей для всех членов общества не только с помощью медико-лечебных и реабилитационных мероприятий, но и через комплекс социальных мер (образование, трудоустройство, выплаты пенсий, пособий, обеспечение льгот и т. д.) [Больницкая, 2014]. Одним из основных направлений политики социальной поддержки людей с ограниченными возможностями здоровья является предоставление им возможности получения полноценного высшего образования посредством создания для них доступной, инклюзивной образовательной среды. Особое внимание при этом уделяется людям с сенсорными нарушениями, в частности незрячим, так как помимо архитектурной доступности среды незрячие и слабовидящие нуждаются в специальных учебных пособиях, вспомогательных средствах и каналах электронного обучения, то есть в особых адаптированных ресурсах информации.

Так, в рамках государственной программы «Доступная среда»¹ Правительством РФ в 2016—2018 гг. был реализован проект по созданию специальных условий для инклюзивного высшего профессионального образования людей с ограниченными возможностями, в том числе слепых². За время реализации проекта накоплен как опыт методического и технического обеспечения учебного процесса, так и социальный опыт включения молодых людей с инвалидностью в образовательную среду.

Инвалидность и, в частности, слепота, изначально относились к проблематике медицинских, психолого-педагогических и статистических исследований. В 1973 г. Всемирная организация здравоохранения [Assessment of the Carcinogenicity..., 1974] сформулировала международное определение данного заболевания посредством составления отдельной классификации, которая представляла собой континуум из пяти категорий, описывавших различные степени проявления симптоматических особенностей нарушений зрения. С течением времени типология зрительных нарушений претерпевала изменения, и на данный момент, согласно Международной классификации болезней [ICD-10..., 2004], слепота уже не разделяется на отдельные категории, а характеризуется в целом низкой остротой зрения. В переводе с медицинского языка слепота представляет собой серьезное повреждение зрения, которое проявляется в отсутствии восприятия света индивидом.

Сегодня инвалидность понимается как социальный конструкт, который подразумевает наличие особого социального контекста и представляется уже не статичным состоянием, а наделяется возможностью в зависимости от типа общества и социальных договоренностей менять отношение социума к индивиду и нивели-

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011—2020 гг.: Постановление Правительства РФ от 01 декабря 2015 г. № 1297. URL: <http://static.government.ru/media/files/6kKpQJTEgR1Bmijyqi6GWqpAoc60mnC.pdf> (дата обращения: 19.10.2020).

² Межведомственный комплексный план мероприятий по обеспечению доступности профессионального образования для инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья на 2016—2018 гг. (утв. Правительством РФ 23 мая 2016 г. № 3467п-П8) // ГАРАНТ.ру. 2016. 4 июля. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71322384/> (дата обращения: 19.10.2020).

ровать негативное значение закрепленной стигмы [Ярская-Смирнова, 1999], что характерно и для слепоты, которая является одной из форм инвалидности.

Вопросы обучения незрячих студентов в высших учебных заведениях в последнее время регулярно рассматриваются в исследованиях российских и зарубежных авторов, приобретая особую актуальность в контексте реализации в разных странах положений Международной конвенции о правах инвалидов [Convention on the Rights..., 2006]. Как правило, в фокус исследований попадают барьеры и проблемы, с которыми сталкиваются учащиеся. Среди таких барьеров выделяются недружелюбная физическая среда и отсутствие специальных условий во время занятий и экзаменов [Bualar, 2018], нехватка специальных ресурсов обучения и сопровождения [Selau, Damiani, Tonetto Costas, 2017], отсутствие финансовой поддержки и высокая стоимость обучения [Omede, 2015], конфликты во взаимоотношениях с родителями и социальным окружением [Bishop, Rhind, 2011], трудности усвоения отдельных дисциплин [McCarthy, Shevlin, 2017] и т. д.

Помимо очевидных проблем незрячих, выражающихся в трудностях пространственного ориентирования, архитектурных и транспортных барьерах, а также в сложности доступа ко всем необходимым информационным каналам, представители социальных наук также изучают психологические и социальные аспекты слепоты [Литвак, 1998]. Работая с речевыми характеристиками незрячих, Д. Бриланд [Brieland, 1950] установил наличие у них определенных дефектов, связанных с коммуникацией, которые выражаются в невысоком темпе речи и ограниченном использовании мимики и жестов. Н. Кемпом [Kemp, 1981] было доказано, что незрячие имеют меньше возможностей контролировать контекст коммуникации ввиду отсутствия невербального общения — им сложнее интерпретировать паузы в разговоре, эмоции других субъектов коммуникации в условиях полилога, для них, как правило, характерны неуверенность в распознавании говорящего и затруднительность отслеживания последовательности разговора, что вызывает трудности и у зрячих, коммуницирующих со слепыми. Кроме того, негативное восприятие слепоты членами общества, стигматизация и проблемы с коммуникацией приводят к ухудшению психологического состояния незрячих. В частности, слепые подвержены риску пребывать в состоянии беспокойства или депрессии — у них часто диагностируются низкая самооценка, одиночество и дистресс [Karlsson, 1998].

Исследования российских психологов и педагогов в целом указывают на аналогичные трудности и позволяют говорить о различных проблемах освоения незрячих студентов в вузовской среде и об их исходном социально-психологически маргинальном положении в структуре коллектива [Волкова, Кантор, 2014; Никулина, 2010], что требует создания специальных условий обучения [Конюхова, 2018].

Таким образом, если вопросы, относящиеся к успешности создания для незрячих специальных условий, были и являются в настоящий момент предметом широкого обсуждения в научном сообществе, то вопросы, связанные с адаптацией самих студентов к социальной среде, пока достаточно редко попадали в фокус внимания исследователей.

В связи с тем, что в логике конструктивистского подхода ментальное здоровье и самовосприятие незрячего индивида напрямую зависят от социального кон-

текста, в который он погружен, возникают вопросы: каким образом незрячие студенты приспосабливаются к условиям окружающей их среды? Как они репрезентируют себя и поддерживают коммуникацию с другими индивидами? Кроме того, представляется важным рассмотрение и обратной ситуации, когда сама среда, сообщество и его члены адаптируются под незрячих.

Изначально в социологии адаптация рассматривалась через призму усвоения и исполнения норм социальной среды, в которую погружен индивид [Дюркгейм, 1995]. Психологи же определяли адаптацию как двусторонний процесс: с одной стороны, адаптация предполагает соблюдение индивидами требований социальной среды, но, с другой, среда также должна удовлетворять потребности индивида [Encyclopedia of Psychology, 1972: 25]. Кроме того, адаптация может подразумевать не только приспособление к среде единичного индивида, но и определенных групп в целях оптимизации способа достижения общих целей [Philips, 1968]. В данной статье понятие адаптации мы рассматриваем междисциплинарно как приспособление индивида к среде, в котором важную роль играет и сама среда.

Учитывая вышесказанное, в ходе исследования, положенного в основу данной статьи, нас интересовали в первую очередь стратегии, используемые незрячими студентами для преодоления существующих барьеров и их реакция на внешние (в том числе создаваемые в рамках повышения доступности обучения) условия. Таким образом, целью исследования — охарактеризовать специфику разных форм и этапов адаптации незрячих студентов высших учебных заведений Москвы.

Методология исследования

Выборку исследования составили 15 студентов, имеющие опыт обучения в московских вузах свыше двух лет, а также медицинский диагноз «слепота». При отборе незрячих студентов был использован метод снежного кома с несколькими точками входа: через тифлопедагогов, а также с помощью обращения к социальной сети «ВКонтакте» путем публикации в сообществах незрячих информационных постов с приглашением к участию в интервью.

В итоговую выборку вошли учащиеся программ бакалавриата (9 человек), магистратуры (3 человека) и специалитета (3 человека) таких вузов, как МГППУ³ (6 человек), МПГУ⁴ (2 человека), МГПУ⁵ (1 человек), РЭУ им. Плеханова⁶ (1 человек), МГЛУ⁷ (1 человек), РГСАИ⁸ (4 человека).

Средняя продолжительность личных полуструктурированных интервью, составила 60—80 минут. Интервью включало в себя вопросы о восприятии информантами собственной слепоты с точки зрения медицинских, социальных и культурных аспектов, об обучении в школе, практиках подготовки к поступлению в вуз и дальнейшей учебе, об опыте первого знакомства со средой вуза и о роли различных агентов в адаптации, о специфических проблемах, с которыми сталкивались незрячие

³ Московский государственный психолого-педагогический университет.

⁴ Московский педагогический государственный университет.

⁵ Московский городской педагогический университет.

⁶ Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.

⁷ Московский государственный лингвистический университет.

⁸ Российская государственная специализированная академия искусств.

студенты и способах их решения, об отношениях учащегося с преподавателями и студентами, его успеваемости, дальнейших образовательных и профессиональных планах. Последующий анализ полученных данных был реализован с помощью метода тематического кодирования.

В связи с тем, что выборка в данном исследовании обладает методической спецификой, было необходимо учитывать особенности коммуникации с респондентами. В частности, интервьюер должен был обладать опытом общения с незрячими, их сопровождения, а также придерживаться специфических этических норм.

Среда вуза и особенности адаптации к ней незрячих студентов на разных этапах

Ввиду того, что адаптация незрячего существенно отличается от адаптации зрячего человека, необходимо в первую очередь сосредоточиться на одном из самых важных ее аспектов — практике освоения пространства и приспособления к нему. В целях компенсации ограничений способности к передвижению и пространственной ориентации слепого доступная среда вуза должна иметь определенные особенности: предполагать наличие лифтов, поручней по всему периметру лестниц, рельефное покрытие полов, дублирование названий аудиторий шрифтом Брайля и т. д., а также отвечать некоторым принципам универсального дизайна. Таким образом, адаптация начинается со среды высшего учебного заведения — первым делом ее саму адаптируют для обучения студентов с особыми потребностями, а затем уже студенты приспособляются к созданным в соответствии со спецификой их потребностей условиям.

В связи с тем, что информанты обучаются в разных учебных заведениях, условия обучения в них также различны, однако незрячие отметили, что вузы, действительно, пытаются адаптировать среду, но, несмотря на заявленную инклюзию, у них все еще остаются нерешенные проблемы, в том числе с архитектурной средой, которые затрудняют адаптацию незрячих. Информанты отмечают попытки администраций вузов обеспечить доступность, однако из-за отсутствия экспертизы и аудита со стороны людей с инвалидностью было совершено множество ошибок:

Сделали и бордюрки, и тактильную плитку, правда, неправильно прикрепили. (Жен., ГСАИ, 5 курс спец.)

Недоступными оказываются даже расписание или дидактические материалы, необходимые для обучения в вузе:

Вот ты говоришь: «Мне неудобно расписание в „Экселе“». <...> — «Ой, ну я не могу для каждого отдельно делать еще и в „Ворде“»⁹. (Жен., МГППУ, 4 курс бак.)

Информанты отмечали, что многие преподаватели не осведомлены относительно возможностей здоровья лиц с нарушением зрения. Непонимание особенностей здоровья может проявляться как в том, что преподаватель спрашивает

⁹ Для информантки программа Word является предпочтительной, так как она позволяет настраивать аудиотранскрипцию текста.

с незрячего больше, чем ему могут позволить его физические данные, иногда интерпретируя инклюзивное образование и равенство как отсутствие особого отношения к студентам с инвалидностью [Bualar, 2018: 474], так и в том, что он, наоборот, совсем не спрашивает, думая, что с заданием студенту справиться не получится. Некоторые преподаватели не желают адаптировать программу для лиц с нарушениями зрения, а потому вместо того, чтобы разрабатывать альтернативные задания, они позволяют незрячим ничего не делать, в связи с чем незрячие чувствуют, что получают меньше учебной информации по сравнению со зрячими студентами:

Наверно, в основной массе они либо не готовы что-то специально придумывать, либо просто не хотят, ленятся. Я не знаю. Но как я говорю, что я не мог делать какое-то задание, они говорили, что вообще не делай, нежели чем придумывали какое-то заменяющее. (Муж., МГПУ, 1 курс маг.)

Информанты говорили и о неготовности студентов вуза к взаимодействию с ними: в частности, при знакомстве с незрячими другие студенты испытывали смутение, страх, удивление, обязанность помочь, тем самым создавая трудности для незрячих во время их адаптации.

Стоит заметить, что сама адаптация, направленная в том числе на преодоление подобного рода барьеров, представляет собой продолжительный процесс, который подразделяется на несколько этапов. О необходимости выделения типов адаптации на основании временной последовательности писал О. Газенко, который выделил три ключевых этапа: срочную адаптацию, долговременную, а также фазу устойчивой адаптации [Газенко, 1986], однако на основании собранных интервью в контексте обучения незрячих студентов типология была несколько изменена. В частности, нами были выделены такие этапы, как превентивная, срочная и долговременная адаптация.

Рассмотрим их подробнее.

Превентивная адаптация представляет собой предварительное ознакомление с условиями обучения, организационной структурой вуза, архитектурной средой и социальным окружением и характерна не для всех учащихся. Еще будучи старшеклассниками, незрячие могут получать информацию от своих знакомых, имеющих опыт обучения в вузе, знакомиться с правилами учебного заведения, его организационной структурой, узнавать о созданных специальных условиях. Таким образом они приобретают начальное представление о будущем учебном заведении, посещают специальные мероприятия, организуемые вузом, в частности Дни открытых дверей и прослушивания. Это также является первой ступенью адаптации к условиям высшего учебного заведения, причем не только с точки зрения ознакомления с какими-либо формальными правилами поступления и дальнейшего обучения и организационной структурой, но и с точки зрения знакомства с социальной средой — преподавателями и абитуриентами, т. е. потенциальными студентами. Основные трудности при этом связаны с отсутствием соответствующей психологической подготовки студентов [Kim, Kim, 2015]. Наши информанты отмечали, что заранее знакомились с будущими одногруппниками, чтобы комфортнее

чувствовать себя при вхождении в новую для себя среду. Такие знакомства могут происходить при разных обстоятельствах — либо на вступительных испытаниях, либо в рамках онлайн-общения, причем инициаторами чаще всего выступают незрячие:

Что касается одногруппников, я с ними заранее стала наводить контакты. <...> В итоге я заочно как-то с ними перезнакомилась, и мне было, конечно, проще потом вживую с ними встретиться. <...> Да, психологически легче, чтобы не так просто впервые встретиться. (Жен., МГППУ, 4 курс бак.)

В то же время, в отличие от некоторых зарубежных исследований [Selau, Damiani, Tonetto Costas, 2017: 434], российские студенты в своих нарративах не акцентируют внимание на проблемах сдачи ЕГЭ или вступительных экзаменов, несмотря на то что фактор наличия особых условий при приеме является для них одним из решающих при выборе вуза.

Помимо вхождения в социальную среду, информанты отмечали и необходимость предварительного ознакомления с архитектурной средой вуза и маршрутом до него. В таком случае незрячие обращались за помощью к своему ближнему окружению — незрячим друзьям, которые обучались в данном вузе, знакомым знакомых, приходили в университет в сопровождении своих родителей или даже обращались к случайным людям. На стадии превентивной адаптации незрячие самопрезентуют себя как незрячих перед администрацией и работниками вуза. Кроме того, некоторые информанты заранее предупреждали руководителей своих образовательных программ и кураторов групп об особенностях своего здоровья, чтобы те оказали им сопровождение в первый день обучения и ознакомления со средой:

Да, руководителя я предупредил. Насколько я помню, он вообще всю группу оповестил, что с ними будет инвалид учиться. То есть не я каждому разъяснял, что я такой-то, такой-то, насколько я помню. Ну и все, я пришел, он меня встретил. (Муж., МГПУ, 1 курс маг.)

Второй этап — *срочная адаптация* — затрагивает всех незрячих, так как подразумевает непосредственное вступление индивида в новую среду. Данный тип адаптации отличается тем, что продолжается недолго (информанты упоминали временной промежуток от недели до нескольких месяцев) и ввиду резкой смены среды имеет стихийный характер. Как правило, срочная адаптация оказывается очень болезненным для незрячих:

Первый день был вообще ужасный. Во-первых, мне очень было страшно, потому что все незнакомое, надо куда-то идти, непонятно куда. (Жен., МГППУ, 4 курс бак.)

На данном этапе незрячие саморепрезентуют себя перед одногруппниками. В отличие от самоидентификации себя как незрячих при знакомстве с администрацией вуза, при коммуникации со студентами тема зрения, скорее, опускается,

потому что, со слов информантов, в роли опознавательного знака уже выступают очки и трость. Таким образом, помимо своего практического назначения, трость имеет и символическое значение. Будучи специфическим для определенной группы людей (незрячих) атрибутом, она является как сигналом, призванным обеспечить безопасность ее обладателя, так и своеобразным идентификатором незрячего:

Во-первых, лишний раз для ориентировки, потому что у нас в вузе могут в коридорах внезапно поставить столы, стулья, шкафы и т. д. <...> Во-вторых, чтобы все-таки люди видели и немножко сторонились. Потому что все равно для человека, для зрячего, это сигнал своего рода, трость. (Муж., ГСАИ, 3 курс спец.)

Несмотря на то, что в большинстве своем информанты утверждали, что не делают акцент на своих зрительных нарушениях, в нарративах встречается также паттерн предварительного специального оповещения одноклассников о наличии у информанта нарушения зрительной функции с целью обезопасить себя и избежать неловких ситуаций, а также исключить недопонимание со стороны других студентов и создать правильное представление об особенностях и возможностях здоровья незрячего:

В том, чтобы не ставить людей в неудобное положение. Чтобы им облегчить жизнь. <...> Чтобы они не чувствовали себя неловко, предлагая мне что-то сделать, что выше моего зрения. (Муж., РЭУ, 3 курс бак.)

Что касается других аспектов, связанных со срочной адаптацией, важно упомянуть приспособление к архитектурной и технической среде, к формальным нормам и взаимодействию с другими студентами и преподавателями. Незрячие стараются не привлекать внимание преподавателя и справляться с учебной деятельностью собственными силами и обращаться к преподавателям, упоминая свои зрительные нарушения, только в том случае, когда в этом возникла серьезная необходимость, то есть представление себя как незрячего происходило только в случае столкновения с проблемой при выполнении задания или же когда сам преподаватель, видя атрибуты слепого и его особенное поведение, напрямую спрашивал об этом у незрячих:

Преподаватели видят, что я не вижу. Если у них какие-то проблемы, они подходят, спрашивают: «А как мы будем работать?» Я говорю: «Нормально мы будем работать». (Жен., МГЛУ, 1 курс маг.)

Срочная адаптация имеет односторонний характер — незрячий приспосабливается к среде, однако условия среды под себя пока что не трансформирует: изначально он адаптируется к доступным ему условиям и предлагаемой помощи. Информанты отмечают, что формальные правила организации не требуют отдельного приспособления. Исключение составляет только расписание, причём трудности связаны не с большой нагрузкой, а с тем, что оно не адаптировано для

чтения незрячими. В этом контексте информантами были выделены следующие проблемы: расписание выкладывается на сайт в нечитаемых голосовым ассистентом форматах, размещается в распечатанном виде в здании университета, отсутствуют оповещения об отмене занятий. В таком случае незрячие обращаются за помощью к одногруппникам. На этапе срочной адаптации оптимизируются предсуществовавшие паттерны поведения и вырабатываются новые поведенческие практики, что ведет к переходу индивида со стадии срочной адаптации к долговременной.

Долговременная адаптация является заключительным этапом и продолжается на протяжении всего обучения в вузе. Данная фаза характеризуется тем, что индивид уже имеет собственные выработанные практики адаптации, базирующиеся на прошлом опыте незрячего, и пытается их каким-либо образом оптимизировать. Кроме того, на этом этапе происходит более глубокая интеграция индивида в среду и более активное взаимодействие с ней — незрячий не только приспосабливается к условиям среды, но и трансформирует их под себя.

Так, в первую очередь претерпевают изменения межличностные отношения. Некоторые информанты обращали внимание на то, что во время знакомства с другими студентами те испытывали такие чувства, как смятение, страх, неудобство. За время обучения незрячие, случайно или намеренно, меняют отношение общества к себе и слепоте в целом и таким образом интегрируются в среду не только для построения взаимоотношений, основанных на помощи, но и для неформальных межличностных взаимодействий, в частности дружеского общения. Кроме того, в процессе взаимодействия происходит ознакомление зрячих студентов с физическими особенностями незрячего — как с возможностями, так и с потребностями, — поэтому с течением времени студенты приобретают представления о том, когда и какая незрячему нужна помощь, а когда он может справиться с задачей самостоятельно.

Если говорить про архитектурную, дидактическую и техническую среды, то после первичного ознакомления с ними незрячие обращались к администрации вуза с просьбой о создании необходимых специальных условий. Изначально индивид сам сообщал о своих потребностях в том или ином оснащении, а в дальнейшем вуз, изучив специфику дизонтогенеза, адаптировал среду и создавал специальные условия. За дидактическое обеспечение учебной деятельности отвечают также и преподаватели. Посредством коммуникации с незрячими они узнают об их возможностях здоровья, а также особенностях восприятия и в дальнейшем адаптируют программу, способы представления информации и необходимые для усвоения дисциплины материалы. При этом педагогические исследования указывают на эффективность подобной практики [Quirke, McCarthy, Mc Guckin, 2018]. Кроме того, некоторые преподаватели используют и внеучебную коммуникацию с целью более глубокого ознакомления со спецификой взаимодействия с человеком, имеющим нарушения зрительного восприятия:

Кто-то, например, приносил специальные вещи, например, изгибал проволоку и показывал, каков вообще график, как увеличивается, изменяется математическая функция. (Муж., МГППУ, 1 курс маг.)

Таким образом, долговременная адаптация имеет преобразовательный характер: индивид продолжает приспосабливаться к условиям среды, используя уже собственные устоявшиеся практики адаптации, и в то же время приспосабливает среду к себе. На данной стадии нормализуются межличностные взаимодействия, фокус которых смещается с оказания помощи на неформальные отношения.

Формы адаптации незрячих студентов в вузе

Помимо анализа содержания этапов адаптации, представляется необходимым рассмотрение и других аспектов адаптации. В социальной психологии принято выделять три формы адаптации студентов к условиям высшего учебного заведения [Ткачева, 2003: 240]: формальную, общественную и дидактическую, которые будут охарактеризованы далее. Дополнительно к ним представляется необходимым говорить о еще одной форме адаптации — профессиональной [Елгина, 2010].

Формальная адаптация подразумевает познавательное-информационное приспособление слепого к новой для него среде, а потому учитывает такие важные аспекты, как освоение пространства, которое мы обсуждали выше, ознакомление со структурными и организационными особенностями и нормами, официально регламентированными в среде высшего учебного заведения.

В рамках формальной адаптации незрячий в первую очередь приспособляется к архитектурной среде вуза, взаимодействуя с различными агентами: прибегает к помощи близких знакомых и родственников при изучении маршрута до вуза и его архитектурной среды, использует других студентов в качестве агентов адаптации к архитектурной среде, причем если агентом является староста, инициатива в оказании помощи, как правило, исходит от него, а если другие студенты, то незрячий просит о помощи первым. В случае отсутствия поблизости одногруппников в качестве агента адаптации может выступать и «случайный прохожий». Представляется интересным опыт возмездного оказания помощи, когда незрячий платит деньги своему одногруппнику за сопровождение до дома или в стенах вуза. Такая практика продиктована либо отсутствием дружеских отношений между незрячим и другими студентами, либо проявлением со стороны незрячего чувства долга — обязанности за оказанную ему услугу:

Ребята меня возили. Я тогда сама не перемещалась — они меня возили домой. Провожали за денежку домой. (Жен., МГППУ, 4 курс бак.)

Обращение за помощью к формальным агентам (тьюторам, кураторам, социальным работникам и другим представителям вуза) происходит довольно редко и скорее не для приспособления к архитектуре, а для решения формальных вопросов и оформления документов. Налаженная работа всех агентов образовательного процесса — администрации вузов, учебных офисов, педагогов и самих студентов является одним их ключевых требований для обеспечения беспрепятственной адаптации учащихся с инвалидностью [Brandt, 2011].

Информацию относительно организации учебной деятельности, в частности расписания занятий, сессий и собраний, незрячие студенты узнают на сайте, на стендах в вузе или же путем групповой рассылки. В том случае, когда файл

не адаптирован для незрячего, студенты обращаются за помощью либо к одногруппникам, либо в учебную часть, причем помощь в решении данных вопросов в ряде случаев также оказывается на возмездной основе:

Одногруппников просил, они мне прочитывали, я им потом пиво ставил. Просто на диктофон они мне зачитывали, что там было, и все — с меня пиво. (Муж., МГППУ, 4 курс бак.)

Дидактическая адаптация включает в себя адаптацию к новым методам и формам учебной работы, которая подразумевает получение индивидом академического знания: индивид использует адаптированные для его восприятия материалы, предоставляемые вузом, библиотекой для незрячих или найденные им самостоятельно в интернете, если таковые там имеются. В том случае, когда материала в доступном для незрячего формате нет, он обращается за помощью в первую очередь к одногруппникам или непосредственно к преподавателю, благодаря чему устанавливается неформальная договоренность о доступных для выполнения незрячим типов заданий. Таким образом, если у преподавателя нет опыта взаимодействия с инвалидами, незрячий выступает в роли учителя, после чего сам преподаватель адаптирует материалы и методики преподавания для индивидов с нарушениями зрения. Понимая особенности восприятия незрячих, преподаватели используют особые способы представления информации — специально подготавливают трехмерные осязаемые модели, озвучивают то, что пишут на доске, описывают графические изображения и комментируют слайды презентаций и видеофрагменты. В то же время данная форма адаптации подразумевает возникновение конфликтов, связанных с неготовностью преподавателей идти навстречу незрячим студентам:

Преподаватель не готов этим заниматься, не готов показывать по три — пять раз, чтобы поняли. А я требую, чтобы показали, потому что я плохо очень вижу, и мне нужно показывать, пока я не сделаю. (Жен., МК № 6, 2 курс)

Незрячие отмечают особое отношение к ним со стороны преподавателей. Для таких студентов не только адаптируются дидактические материалы и методы преподавания, но и делаются различные, не всегда обоснованные поправки:

Типа «ты же незрячий, тебе сложно, давай я тебе поменьше задание дам», — и к этому я тоже отношусь по-разному. Если мне предмет интересен, я наравне со всеми — я делаю, а если я понимаю, что это абсолютно мне не надо... <...> Просто, если человек предложил, чего я буду отказываться — сделаю поменьше. (Жен., МПГУ, 3 курс бак.)

Стоит отметить, что незрячие не всегда обращаются за помощью — они также самостоятельно пытаются адаптироваться к дидактическим материалам, пользуются специальным техническим обеспечением, в том числе программами для распознавания текста, брайлевским дисплеем, диктофоном и т. д.

Если дидактическая адаптация, наряду с формальной, предполагает приспособление индивида к условиям обучения, то *общественная адаптация* включает в себя

особый социальный контекст, в который погружен индивид. Первым аспектом общественной адаптации выступают социальные взаимоотношения незрячего с другими участниками образовательного процесса.

При адаптации студентов к образовательной среде помимо взаимоотношений создаются также микрогруппы. Информанты отмечали, что иногда было необходимо провести вместе с другими студентами какое-то продолжительное время, чтобы привыкнуть друг к другу и перейти на стадию неформального общения. В других случаях самому незрячему было целесообразно проявить инициативу и предпринять какие-то попытки интеграции в социальную среду:

Чтобы уже более познакомиться, это было 17 октября 2017 года, я пришел в университет и понял, что хватит уже отлынивать и пора бы и детальнее подойти к общению. И мы купили, собственно, то, что нужно было купить, отправились туда, куда нужно было идти, и там уже познакомилась. (Муж., МГППУ, 3 курс бак.)

Профессиональная адаптация представляет собой приспособление индивида к дальнейшей трудовой деятельности и выражается в овладении необходимыми для этого умениями и навыками, то есть речь идет не столько о процессе адаптации, сколько о его результате — адаптированности незрячего к профессиональной деятельности. Как правило, университет обеспечивал незрячих необходимой для работы по специальности информацией и развивал в студентах универсальные компетенции, важные для дальнейшей трудовой деятельности. Основные же проблемы учащихся оказывались связаны с ограниченными возможностями трудоустройства, в решении которых на первый план выходит личная (а не институциональная) помощь и поддержка. Информанты выделяли преподавателей как особых агентов профессиональной адаптации и рассказывали, что они помогают в вопросах трудоустройства:

Ну, если спросишь — да, могут помочь. Просто это в принципе всех касается, не то что именно незрячих — также и зрячих. Подходят, говорят: «Вот, Андрей Викторович, я хочу работать». Хорошо, говорят, поищем, ладно. Приходит, говорит: «Вот, в школу пойдешь?» — «Пойду». (Муж., ГСАИ, 3 курс бак.)

Интересно также, что незрячие проявляют желание работать также с незрячими или на благо незрячих. Данное явление может быть обусловлено несколькими причинами: знакомой средой и понятной спецификой взаимодействия с незрячими, желанием предпринять попытку оптимизировать жизнь незрячих, а также боязнью стигматизации по физиологическому признаку на рабочем месте.

Заключение

Понимание инвалидности как социального конструкта требует от общества обеспечения равного доступа всех индивидов к институту высшего образования и обращает внимание исследователей на потребности людей с инвалидностью в процессе обучения, а также специфику протекания их адаптации к обучению в вузе. До настоящего момента адаптация студентов с ограниченными возмож-

ностями здоровья, в частности незрячих, рассматривалась преимущественно в контексте успешности их адаптации к технической среде, причем в основном в рамках психолого-педагогических и статистических исследований.

Модель адаптации, описанная в данной статье, включила в себя четыре формы, обладающие специфическими особенностями и проявляющиеся на трех этапах, что позволяет перейти от анализа отдельных проблем, с которыми сталкиваются незрячие, как это было описано в предыдущих исследованиях, к способам их преодоления, используемым учащимися в процессе адаптации. Соотнесение разных форм и этапов адаптации незрячих в высших учебных заведениях представлено в таблице 1.

Формальная адаптация начинается до поступления в вуз и продолжается на протяжении всего обучения. На этапе срочной адаптации индивид знакомится с формально-организационной структурой вуза и стихийно приспосабливается к архитектурной среде. Затем — во время долговременной адаптации — незрячий оптимизирует свои практики приспособления и не только сам адаптируется к архитектуре и организации учебной деятельности, но и трансформирует среду под себя посредством обращения к формальным агентам адаптации.

Дидактическая адаптация начинается уже после непосредственного вхождения индивида в среду, поэтому не является выраженной на превентивном этапе. Она проявляет себя на этапе срочной адаптации, когда индивид самостоятельно пытается приспособиться к дидактическому обеспечению и методикам преподавания, и распространяется на этап долговременной адаптации, когда незрячий начинает непосредственно взаимодействовать с преподавателем и обучать его на своем примере специфике работы с такими студентами.

Общественная адаптация может начаться на превентивном этапе, если незрячий начинает процесс коммуникации с будущими одногруппниками еще до начала обучения — на вступительных испытаниях или онлайн. Также общественная адаптация проходит на срочном этапе, когда незрячий в начале своего обучения взаимодействует с другими индивидами на основании оказания ему помощи, и в дальнейшем — на долговременном этапе, когда незрячий глубже интегрируется в социальную среду и налаживает неформальные, дружеские отношения с другими студентами.

Профессиональная адаптация, которая должна рассматриваться с точки зрения результата, а не процесса, сильнее проявляется на долговременном этапе и выражается в освоении обязательных для дальнейшей работы по специальности дисциплин, а также в формировании универсальных компетенций.

Результаты исследования показывают, что обеспечение доступности высшего образования в настоящий момент организовано не оптимальным образом, что требует от незрячих студентов задействования дополнительных ресурсов. Адаптация таких студентов в вузах проходит, как правило, за счет индивидуальных договоренностей между учащимся с инвалидностью и его одногруппниками, преподавателями и администрацией учебного заведения, так как указанные агенты не обладают достаточными знаниями и навыками для организации необходимых условий, а инструменты системного обеспечения успешной адаптации практически отсутствуют, что заставляет незрячих тратить дополнительное время

на получение поддержки и доступа к учебным материалам, а также координацию всех агентов образовательного процесса. Исключение составляет архитектурная и техническая среда, которая, как правило, уже трансформирована в соответствии с формальными требованиями обучения людей с инвалидностью, однако, за отсутствием адекватного аудита со стороны самих студентов, данные изменения не всегда достигают желаемого результата и во многом не способствуют адаптации, а лишь усложняют ее.

Таблица 1. Соотнесение форм и этапов адаптации

		Формы адаптации			
		Формальная	Дидактическая	Общественная	Профессиональная
Этапы адаптации	Превентивная	Первичное ознакомление с организационной структурой; Первичное знакомство с архитектурной средой; Знакомство с представителями вуза	—	Первичная коммуникация с будущими одногруппниками на вступительных экзаменах, прослушиваниях; Предварительные знакомства с будущими одногруппниками в соцсетях	—
	Срочная	Стихийное приспособление к архитектурной среде; Ознакомление с организационными правилами; Знакомство с представителями вуза	Использование доступных дидактических материалов; Коммуникация с преподавателем без упоминания своего диагноза	Коммуникация с одногруппниками и другими студентами — отношения основываются на оказании помощи	—
	Долговременная	Адаптация к архитектурной среде; Трансформация архитектурной среды под особые потребности незрячего	Адаптация к дидактическим материалам; Адаптация дидактических материалов; Обучение преподавателей специфике взаимодействия с незрячими	Глубокая интеграция в социальную среду; Трансформация межличностных отношений — налаживание социальных связей, дружеское общение	Освоение обязательных для работы по специальности дисциплин; Формирование универсальных компетенций

В настоящий момент незрячие студенты вынуждены брать на себя инициативу в обеспечении (как правило, неформально) процессов адаптации, при этом ее успешность во многом зависит от того, как будет позиционировать себя учащийся, а также от того, насколько активную роль он будет играть в координации действий разных акторов (администрация вуза, учебный офис, тьюторы, педагоги) и трансляции собственных потребностей и норм общения с данной группой. Понимание специфики протекания адаптации на разных этапах обучения в вузе позволяет создать должным образом условия для инклюзивного высшего образования незрячих. По итогам исследования можно заключить, что вузам необходимо развивать методическое и техническое обеспечение учебного процесса. Разные

формы адаптации требуют поддержки взаимодействия незрячего с самим вузом (формальная), педагогами (дидактическая), потенциальными работодателями (профессиональная) и другими студентами (общественная), что должно способствовать развитию инклюзивной культуры и оптимизировать социальный опыт включения молодых людей с инвалидностью в образовательную среду.

Список литературы (References)

Больницкая А. Н. Инвалиды и общество // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 4. С. 119—127. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.07>.

Bolnitskaya A. N. (2014) The Disabled Persons and Society. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 4. P. 119—127. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.4.07>. (In Russian).

Волкова И. П., Кантор В. З. Общество и инвалиды по зрению: проблемы толерантности. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2014.

Volkova I. P., Kantor V. Z. (2014) Society and the Visually Impaired: Problems of Tolerance. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publishing House. (In Russ.)

Газенко О. Г. Физиология адаптационных процессов. М.: Наука, 1986.

Gazenko O. G. (1986) Physiology of Adaptation Processes. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.

Durkheim É. (1995) Sociology. Its Subject, Method, and Purpose. Moscow: Kanon. (In Russ.)

Елгина Л. С. Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 5. С. 162—166.

Elgina L. S. (2010) Social Adaptation of Students at the University. *Dorji Banzarov Buryat State University Bulletin*. No. 5. P. 162—166. (In Russ.)

Конюхова Е. Ю. Создание специальных условий для получения высшего образования незрячими обучающимися // Специальное образование. 2018. № 2. С. 32—39. <http://dx.doi.org/10.26170/sp18-02-03>.

Konyukhova E. Yu. (2018) To the Issue of Creation of Special Conditions for Receiving Higher Education by Blind Students. *Special Education*. No. 2. P. 32—39. <http://dx.doi.org/10.26170/sp18-02-03>. (In Russ.)

Литвак А. Г. Психология слепых и слабовидящих. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.

Litvak A. G. (1998) Psychology of the Blind and Visually Impaired. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publishing House. (In Russ.)

Никулина Г. В. Развитие коммуникативной культуры студентов-инвалидов по зрению как условие их включения в образовательное пространство вуза // Инклюзивное образование лиц с нарушениями в развитии: взгляд из Европы и России. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2010. С. 164—175.

Nikulina G. V. (2010) Development of the Communicative Culture of Visually Impaired Students as a Condition for their Inclusion in the Educational Space of the University. In: *Inclusive Education of Persons with Developmental Disabilities: A View from Europe and Russia*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publishing House. P. 164—175. (In Russ.)

Ткачева Г. В. Научно-дидактические условия учебной адаптации студентов на начальном этапе обучения. Современное образование: преемственность и непрерывность образовательной системы «школа — вуз». М.: Прогресс, 2003.
Tkacheva G. V. (2003) Scientific and Didactic Conditions of Educational Adaptation of Students at the Initial Stage of Training. *Modern Education: Succession and Continuity of the Educational System "School — University"*. Moscow: Progress. (In Russ.)

Ярская-Смирнова Е. Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38—45.

Jarskaia-Smirnova E. R. (1999) Social Construction of Disability. *Sociological Studies*. No. 4. P. 38—45. (In Russ.)

Assessment of the Carcinogenicity and Mutagenicity of Chemicals. Report of a WHO Scientific Group. (1974) Geneva: World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/41083> (accessed: 19.10.2020).

Bishop D., Rhind D. J. A. (2011) Barriers and Enablers for Visually Impaired Students at a UK Higher Education Institution. *British Journal of Visual Impairment*. Vol. 29. No. 3. P. 177—195. <https://doi.org/10.1177/0264619611415329>.

Brandt S. (2011) From Policy to Practice in Higher Education: The Experiences of Disabled Students in Norway. *International Journal of Disability, Development and Education*. Vol. 58. No. 2. P. 107—120. <https://doi.org/10.1080/1034912X.2011.570494>.

Brieland D. M. (1950) A Comparative Study of the Speech of Blind and Sighted Children. *Speech Monographs*. Vol. 17. No. 1. P. 99—103. <https://doi.org/10.1080/03637755009375002>.

Bualar T. (2018) Barriers to Inclusive Higher Education in Thailand: Voices of Blind Students. *Asia Pacific Education Review*. Vol. 19. No. 4. P. 469—477. <https://doi.org/10.1007/s12564-017-9512-7>.

Convention on the Rights of Persons with Disabilities. (2006) New York, NY: The United Nations. URL: <https://www.un.org/disabilities/documents/convention/convoptprot-e.pdf> (accessed: 19.10.2020).

Eysenck H. J., Arnold W., Meili R. (eds.) (1972) *Encyclopedia of Psychology*. New York, NY: Herder and Herder. Vol. 1.

ICD-10: International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems: 10th Revision. (2004) Geneva: World Health Organization. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/42980> (accessed: 19.10.2020).

Karlsson J. S. (1998) Self-Reports of Psychological Distress in Connection with Various Degrees of Visual Impairment. *Journal of Visual Impairment & Blindness*. Vol. 92. No. 7. P. 483—490. <https://doi.org/10.1177/0145482X9809200708>.

Kemp N. J. (1981) Social Psychological Aspects of Blindness: A Review. *Current Psychological Reviews*. Vol. 1. No. 1. P. 69—89. <https://doi.org/10.1007/BF02979255>.

Kim K.-H., Kim J. (2015) Perceptions of Korean Students with Impaired Vision about Preparation for College in High School. *Social Behavior and Personality*. Vol. 43. No. 6. P. 967—975. <https://doi.org/10.2224/sbp.2015.43.6.967>.

McCarthy P., Shevlin M. (2017) Opportunities and Challenges in Secondary Education for Blind/Vision-Impaired People in the Republic of Ireland. *Disability & Society*. Vol. 32. No. 7. P. 1007—1026. <https://doi.org/10.1080/09687599.2017.1337564>.

Omede A. A. (2015) The Challenges of Educating the Visually Impaired and Quality Assurance in Tertiary Institutions of Learning in Nigeria. *International Journal of Educational Administration and Policy Studies*. Vol. 7. No. 7. P. 129—133. <https://doi.org/10.5897/IJEAPS2015.0407>.

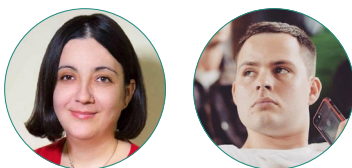
Philips L. (1968) *Human Adaptation and His Failures*. New York, NY: Academic Press.

Quirke M., McCarthy P., Mc Guckin C. (2018) “I Can See What You Mean”: Encouraging Higher Education Educators to Seek Support from “Outside Agencies” to Aid Their Work with Visually Impaired Learners. *The All Ireland Journal of Teaching and Learning in Higher Education*. Vol. 10. No. 1. URL: <https://ojs.aishe.org/index.php/aishe-j/article/view/337> (accessed: 19.10.2020).

Selau B., Damiani M. F., Tonetto Costas F. A. (2017) Blind Students in Higher Education: What to Do with Possible Obstacles? *Acta Scientiarum: Education*. Vol. 39. No. 4. P. 431—440. <https://doi.org/10.4025/actascieduc.v39i4.28915>.

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1579](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1579)

И. К. Зангиева, К. А. Лесных

МЕЖГРУППОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСТАНОВКАХ К ЛЮДЯМ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА (РАС)

Правильная ссылка на статью:

Зангиева И. К., Лесных К. А. Межгрупповые различия в установках к людям с расстройствами аутистического спектра (РАС) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 559—577. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1579>.

For citation:

Zangieva I. K., Lesnykh K. A. (2020) Intergroup Differences in Attitudes Towards People with ASD (Autism Spectrum Disorder). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 559—577. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1579>. (In Russ.)

МЕЖГРУППОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСТАНОВКАХ К ЛЮДЯМ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА (РАС)**INTERGROUP DIFFERENCES IN ATTITUDES TOWARDS PEOPLE WITH ASD (AUTISM SPECTRUM DISORDER)**

ЗАНГИЕВА Ирина Казбековна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: izangieva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5302-8101>

Irina K. ZANGIEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow at International Laboratory for Applied Network Research; Associate Professor at Department of Sociological Research Methods, School of Sociology, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: izangieva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5302-8101>

ЛЕСНЫХ Кирилл Анатольевич — стажер-исследователь Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: lesnykh.k@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-8136-8533>

Kirill A. LESNYKH¹ — Research Assistant at International Laboratory for Applied Network Research
E-MAIL: lesnykh.k@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-8136-8533>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Аннотация. Исследование посвящено определению социальных установок по отношению к людям с РАС и оценке различий в установках людей в зависимости от их социально-демографических характеристик и степени вовлеченности в тематику РАС. Работа основана на данных специально организованного количественного онлайн-опроса выборки из 1297 респондентов, состоящих в сообществах смежной с РАС тематики (психология, доказательная медицина, родительство и воспитание детей). На основе кластерного анализа массива данных были выделены пять социальных установок по отношению к людям с РАС, получившие следующие названия: «интерес и сочувствие», «помощь без сочув-

Abstract. The study is focused on the attitudes towards people diagnosed with an autism spectrum disorder (ASD) and the assessment of differences in public attitudes depending on individual's social and demographic characteristics and engagement with this topic. The study is based on the data of a quantitative online survey with a sample of 1,297 respondents from communities concerned with the ASD (psychology, evidence-based medicine, parenthood and child rearing). The following five types of attitudes were identified using cluster analysis: (1) 'interest and compassion', (2) 'help without compassion', (3) 'neutrality', (4) 'compassionate rejection', (5) 'aggression and rejection'. Regression analysis shows that positive

ствия», «нейтралитет», «сочувствующее отторжение», «агрессия и отторжение». Последующий регрессионный анализ показал, что положительные установки чаще встречаются среди женщин, а также статистически связаны с наличием детей, относительно высокой самооценкой материального положения, декларацией личной заинтересованности в тематике РАС и наличием родственников с РАС. Агрессивная установка у респондентов связана с отсутствием людей с РАС в ближайшем окружении, отсутствием опыта общения с ними при наличии только опыта наблюдения носителей РАС.

Ключевые слова: Аутизм, Расстройства аутистического спектра (РАС), Социальные установки, Россия, психические расстройства, социология инклюзии

Благодарность. Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Введение

Первые упоминания о расстройствах типа РАС относятся к 1747 г., а первые попытки их научного изучения — к началу XX века [Wolff, 2004; Houston, Frith, 2000; Григоренко, 2018]. Сам термин «аутизм» был впервые использован психиатром Эйгеном Блейром в 1911 г. С его точки зрения, «аутизм» — это симптом другого заболевания, «шизофрении», который характеризует собой склонность к одиночеству, замкнутость в собственных мыслях, чувствах, эмоциях и отстраненность от внешней окружающей реальности [Kuhn, Cahn, 2004]. Однако с тех пор сущность аутистического расстройства была несколько раз пересмотрена, в частности, было показано, что шизофрения и РАС — это разные расстройства.

Исследования аутизма и РАС получили развитие в 1940-х годах. Одними из основных исследователей в этой области считаются психиатры Ганс Аспергер и Лео Каннер. Независимо друг от друга Аспергер и Каннер использовали термин «аутизм» в более современном значении, понимая под ним нарушения социального контакта с окружающими и стремление к одиночеству и постоянству [Asperger, 1944; Kanner, 1943].

attitudes are typical of women and statistically related to having children, relatively high financial self-assessment, manifestation of personal interest in the ASD topic and having family members with ASD. Respondents who do not have anyone with ASD in their immediate circle, those who only have an experience of observing but not directly communicating with them are more likely to have aggressive attitudes.

Keywords: Autism, Autism Spectrum Disorder(ASD), Social attitudes, Russia, mental disorders, sociology of inclusion

Acknowledgments. The study has been funded by the Russian Academic Excellence Project '5-100'.

В 1960—1980-х годах было показано, что аутизм не является следствием неблагоприятного образа жизни родителей ребенка в период беременности, а возникает из-за генетических нарушений. Более того, было доказано, что это заболевание не является настолько редким, как считалось ранее [Wing, Gould, 1979; Fombonne, 2009; Halladay et al., 2015]. В этот период работы Аспергера и Канера были пересмотрены, и аутизм был разделен на высокофункциональный и низкофункциональный, что привело к увеличению показателей распространенности РАС [Макушкин, Макаров, Пашковский, 2019].

На сегодняшний день определение и диагностика симптомов РАС происходит на основе последних изданий двух международных классификаций: МКБ (Международная классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем) 2018 г. и DSM (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) 2013 г., основанных на симптомах аутизма, выделенных Аспергером и Канером:

- нарушения и дефициты в проявлении социальной и коммуникативной сфер, сложности проявления социального взаимодействия;
- проявление в поведении ограниченных интересов и повторяющихся паттернов.

Существующие статистические оценки свидетельствуют о росте распространенности РАС в последние десятилетия. К примеру, в 1980-е годы в США, которые были в это время одной из немногих стран, собирающих статистику РАС и занимающейся исследованиями таких расстройств, распространенность РАС оценивалась в 5 человек на 10 000 населения, а уже в 2018 г. на 60 здоровых людей приходился один человек с расстройством аутистического спектра [Newschaffer et al., 2007; Baio et al., 2018]. Однако фактически рост статистических показателей обусловлен не столько ростом распространенности РАС, сколько совершенствованием диагностики, ростом числа исследований в этой области и углублением понимания того, что представляют собой РАС и как они проявляются у человека — не только в профессиональном сообществе, но и в обществе в целом. Так, согласно обследованию Northern Ireland LIFE & TIMES (NILT), проведенному в 2012 г. в Северной Ирландии, около 82 % опрошенных были осведомлены о том, что такое РАС [Dillenburger et al., 2013]. Более того, около 66 % респондентов лично знакомы с человеком, имеющим РАС [Obeid et al., 2015].

В России официальная статистика распространении аутизма и РАС довольно скудна, а методики диагностики не всегда эффективны. Согласно оценкам Министерства здравоохранения РФ, в 2018 г. в России было зарегистрировано 31 415 людей с аутизмом, что в несколько раз больше, чем в предыдущие годы¹. На сегодняшний день нет открытых источников данных по статистике РАС в России, эксперты располагают лишь сведениями из заявлений Министерства здравоохранения РФ или благотворительных фондов, например, фонда «Выход». При этом не представляется возможным более подробно ознакомиться с тем, как эти инстанции собирают и обрабатывают данные, и сравнить российскую методологию оценки показателей с зарубежной. Предположительно, российская статистика по РАС основывается только на количестве людей, которым постав-

¹ См.: В России за несколько лет вдвое выросло число людей с аутизмом // РИА Новости. 2019. 2 апреля. URL: <https://ria.ru/20190402/1552305150.html> (дата обращения: 08.10.2020).

лен диагноз «аутизм». Однако даже при таком подходе доля зарегистрированных в России диагнозов «аутизм» от общей численности населения в разы меньше аналогичных показателей в других странах. Такое расхождение может говорить о том, что статистика по аутизму в России неточна и несовершенна.

Одна из основных проблем состоит в том, что врачи и другие специалисты не обладают всеми необходимыми знаниями для постановки корректного диагноза². Это приводит к заниженным оценкам распространенности РАС даже в таких передовых регионах, как Москва: к примеру, по оценкам Е. Л. Григоренко, в столице диагностировано только 10% от реальной численности жителей с аутизмом или РАС [Григоренко, 2018].

Отсутствие достоверных данных о распространенности РАС в нашей стране не позволяет увидеть масштабы данного явления, а следовательно — разрабатывать и реализовывать адекватную политику по улучшению ситуации: совершенствовать методики диагностирования РАС, повышать квалификацию медицинских работников и осведомленность общества об этом феномене, разрабатывать систему лечения и поддержки людей с РАС. Кроме того, низкая осведомленность о РАС и их носителях, отсутствие полного понимания этого явления приводят к возникновению в обществе многочисленных стереотипов [Hilton, 1996; Gilmour, 2015]. Одними из самых распространенных стереотипов являются следующие³:

- расстройства аутистического спектра встречались гораздо реже в прошлом, чем сегодня;
- обязательная вакцинация в детском возрасте и прививки от кори могут повлиять на развитие у ребенка РАС;
- все люди с РАС обладают необычными умственными способностями в определенных областях;
- люди с РАС не чувствуют эмоций и лишены эмпатии.

Эти стереотипы, некоторые из которых имеют негативный окрас, приводят к стигматизации аутизма и РАС, что не способствует позитивному решению проблем.

Неполнота данных официальной статистики не отменяет существования самого явления, которое остается невидимым в обществе даже тогда, когда его члены сталкиваются с носителями РАС на собственном опыте или получают представление о РАС из художественных произведений (Рэймонд Бэббит из кинофильма «Человек Дождя», Форрест Гамп из одноименного фильма, Ризван Кхан из фильма «Меня зовут Кхан»). Более того, люди склонны не только не замечать РАС, но и сознательно скрывать диагноз от остальных. Это находит подтверждение и в научной литературе: согласно исследованию 2017 г., среди жителей Москвы более половины опрошенных были намерены скрывать факт наличия РАС у себя или у кого-то из близких [Бородина, Фисунова, 2017].

² См.: Морозова Т., Довбня С. Аутизм встречается у каждого 54-го ребенка // Фонд «Обнаженные сердца». 2020. 25 апреля. URL: <https://nakedheart.online/articles/autizm-vstrechaetsya-u-kazhdogo-54-go-rebyonka> (дата обращения: 08.10.2020).

³ См.: 11 Myths About Autism // Autism Speaks. 2018. 6 сентября. URL: <https://www.autismspeaks.org/blog/11-myths-about-autism> (дата обращения: 09.10.2020), Myths & Facts about Autism Spectrum Disorder // Kennedy Krieger Institute. URL: <https://www.kennedykrieger.org/stories/myths-facts-about-autism-spectrum-disorder> (дата обращения: 09.10.2020)

В результате, конкретные характеристики данной группы расстройств и особенности поведения и жизни их носителей в обыденном сознании не всегда понимаются корректно. Очевидно, что носители РАС испытывают сложности в коммуникации и социальном взаимодействии, необходимых для социализации. Одним из основных способов им помочь является их интеграция в общество — создание инклюзивной среды, комфортной для ведения обыденной жизни среди остальных людей. Такого рода интеграция возможна, только если усилия государства (например, по созданию ресурсных классов) и различных негосударственных организаций⁴ будут эффективными и будут направлены в том числе на информирование людей о РАС, то есть будут формировать конструктивные установки по отношению к их носителям [Staniland, Byrne, 2013]. В таком случае люди с РАС будут сталкиваться с меньшей степенью непонимания и негатива со стороны остальной части общества.

Однако если об актуальности и сути существующих просветительских программ о РАС в различных источниках сказано довольно много, то исследований эффективности и результативности этих программ — того, каковы представления о людях с РАС и какие социальные установки по отношению к ним формируются, — до сих в России проведено не было. Анализ обыденных представлений о людях с РАС и социальных установок по отношению к ним в различных социально-демографических группах может поспособствовать как проведению политики инклюзии, так и улучшению качества жизни этих людей в современном обществе.

Данное исследование представляет собой первую попытку восполнить указанный пробел. Его основная цель — выявить актуальную структуру социальных установок по отношению к людям с РАС, а также изучить связь установок с социально-демографическими характеристиками населения и вовлеченностью людей в тематику РАС.

Статья имеет следующую структуру. В первом параграфе описана методика измерения установки по отношению к людям с РАС, выборка и использованные методы анализа данных. Второй параграф посвящен результатам исследования: в нем последовательно описаны выявленные социальные установки по отношению к людям с РАС, проанализирована связь различий в проявлениях социальных установок с вовлеченностью в РАС и социально-демографическими характеристиками респондентов. В заключении представлены основные выводы и их обсуждение.

Методология исследования: измерение и выборка

Методика измерения установки по отношению к людям с РАС

Основной концепт в исследовании — **социальная установка** по отношению к людям с РАС. Авторы интерпретируют и операционализируют социальную установку, опираясь на классическое разбиение на три компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Разделение структуры социальной установки

⁴ В России среди инициатив негосударственных организаций, работающих с РАС, можно назвать «Программу комплексной поддержки взрослых людей с РАС в Санкт-Петербурге» от фонда «Антон тут рядом», мероприятия, посвященные проблеме РАС, организованные фондом «Выход», региональную общественную организацию помощи детям с РАС «Контакт» и другие.

на три отдельных компонента представляет собой теоретическую модель ABC model of attitudes. Одними из первых данную модель предложили М. Розенберг и К. Ховланд в 1960 г. [Rosenberg, Hovland, 1960]. Большинство исследователей определяют эту модель как наиболее оптимальную при рассмотрении социальной установки [Майерс, 1997; Hogg, Vaughan, 2010; McLeod, 2018].

Когнитивный компонент установки по отношению к людям с РАС в рамках настоящего исследования — это совокупность субъективных убеждений, знаний и смыслов касательно того, что представляет собой РАС, независимо от того, соответствуют они действительности или нет. Он измеряется через субъективную оценку осведомленности респондента о РАС (по семибалльной шкале), количество правильно выбранных из предложенного перечня характеристик РАС (так называемая объективная грамотность РАС; в списке содержатся в том числе ошибочные утверждения) и собственное понимание того, что представляет собой РАС (открытый вопрос).

Эмоциональный компонент установки по отношению к людям с РАС — это субъективное и, как правило, бессознательное оценочное восприятие чего-либо, имеющего в субъективном понимании индивида отношение к РАС. Он измеряется через оценку склонности проявления ряда эмоций по отношению к людям с РАС.

Поведенческий компонент установки — это субъективная оценка респондента того, к проявлению какого типа поведения по отношению к людям с РАС он склонен.

Для измерения проявлений эмоционального и поведенческого компонентов предложено шесть эмоциональных состояний (интерес и любопытство, жалость и сочувствие, отторжение, страх, злость и агрессия, нейтральное отношение) и три поведенческих реакции (стремление оказать поддержку, стремление избегать, стремление к нейтральному поведению). Данное распределение было выбрано с целью измерить каждое из основных проявлений эмоций по отношению к людям с РАС и получить оценку готовности респондентов проявить одно из трех возможных поведений по отношению к ним. Респондентам предлагается оценить собственное эмоциональное отношение или возможное поведение в шести гипотетических ситуациях. Ситуации различаются по двум признакам: кем является человек с РАС (взрослый или ребенок) и какое поведение он проявляет (просто человек с РАС, необычное нетипичное поведение, агрессивное нетипичное поведение). Шкала представленных суждений является семибалльной, она сочетает в себе признаки шкалы Терстоуна и семантического дифференциала. Данные параметры были выбраны, поскольку они являются наиболее подходящими для построения факторного анализа и поиска латентных переменных (социальных установок).

Выборка

Исследование основано на данных анкетирования, собранных методом самозаполнения через социальные сети Facebook и «ВКонтакте», а также через каналы мессенджера Telegram в сообществах, посвященных тематике РАС (центральная популяция), и в сообществах, напрямую не специализирующихся на данной тематике (смежная популяция). В качестве неспециализированных были выбраны

сообщества, посвященные психологии, доказательной медицине, родительству и воспитанию детей.

Достоинства и недостатки реализованной выборки следует оценивать с учетом того, что стандартные поквартирные, телефонные или смешанные опросы, используемые известными опросными организациями для репрезентации популяций политико-географических общностей, для цели настоящего исследования не применим. Поскольку феномен, установки к которому мы изучаем, пользуется в России *общественным невниманием*, мы получили бы множество пропущенных данных при отборе респондентов, обладающих минимальной компетентностью и опытом общения с носителями РАС. Большое количество пропущенных данных, как известно, подобно отказам от участия в опросе, перечеркивает намерения исследователя получить репрезентирующую структуру всего населения выборку. Поэтому, по существу, наша генеральная совокупность (целевая группа) не совпадает ни с наличным офлайн населением России, ни с имеющимся «населением» социальных сетей в Рунете: нас интересует популяция таких «жителей» Рунета, которые обладают хотя бы минимальной компетентностью и опытом общения с носителями РАС.

Члены выбранных для сбора данных групп могут не иметь прямого отношения к РАС, но предположительно интересуются связанными с ними темами, и поэтому имеют, скорее всего, более информированное отношение к людям с аутизмом. Кроме того, авторы полагали, что и вероятность участия в опросе рассматриваемой тематики в этих группах выше, чем в каких-то иных. Выбор максимально широкого круга смежных сообществ обусловлен тем, что при ограниченности временных ресурсов важно было добиться относительной гомогенности выборки с точки зрения погруженности в тематику РАС. Авторы ставили перед собой задачу избежать охвата узких профессиональных сообществ в данной области — это привело бы к получению информации не об обыденных, а о профессиональных представлениях и установках. С другой стороны, обращение в сообщества без ограничения тематики привело бы к включению в выборку значительного числа людей, совершенно не представляющих себе, что такое аутизм и РАС, как они проявляются. Ответы таких респондентов могут быть нерелевантными, поскольку они будут включать представления и установки относительно широкого круга различных расстройств и отклонений, с которыми может перепутать РАС человек, ни разу не сталкивавшийся с данной темой. Использование скрининговых вопросов, касающихся наличия у потенциального респондента хотя бы минимальной информированности о тематике РАС, при охвате сообществ принципиально другой тематики существенно бы увеличило временные затраты на получение необходимого для надежного межгруппового сравнения объема выборки.

Общая численность опрошенных составила 1 622 человека. В информационную базу исследования были включены 1 297 респондентов, ответивших на все анкетные вопросы.

Среди опрошенных респондентов значительно преобладают женщины: было опрошено 354 мужчины (27 %) и 943 женщины (73 %).

В связи с использованием метода онлайн-опроса выборка оказалась ожидаемо смещенной в сторону более молодых людей: в России люди более старшей

возрастной категории менее активно пользуются социальными сетями и мессенджерами. В структуре выборки на долю респондентов в возрасте 18—25 лет приходится 25 %, в возрасте 26—39 лет — 57 %, в возрасте старше 40 лет — 17 %.

По статусу города проживания выборка наполнена приблизительно равномерно: около половины респондентов проживает в Москве и Санкт-Петербурге (54 %), а 46 % респондентов проживают в других населенных пунктах. Около половины опрошенных не имеют детей (52 %), одного ребенка имеют 27 %, нескольких детей — 21 %. Около половины респондентов (49 %) имеют опыт наблюдения РАС (без общения), 35 % — опыт общения, и только 11 % имеют человека с РАС среди своих родственников.

Поскольку опрашивались респонденты, состоящие в сообществах смежной с РАС тематики, а 51 % опрошенных имеют осознанный опыт наблюдения или общения с людьми с РАС, результаты исследования могут быть распространены не на всех россиян, а скорее на россиян, проявляющих интерес к темам, смежным с тематикой РАС. Они и составляют, таким образом, генеральную совокупность представленного исследования.

Результаты исследования

Для выявления социальных установок по отношению к людям с РАС последовательно использованы кластерный и факторный анализ, а для определения связи найденных установок с социально-демографическими характеристиками — мультиномиальная логистическая регрессия.

Структура установок по отношению к людям РАС

Для выявления социальных установок по отношению к людям с РАС авторы определили отдельные проявления установок с помощью метода главных компонент (МГК), а затем выделили группы с одинаковыми сочетаниями этих проявлений — определенными социальными установками — с помощью кластерного анализа.

По итогам применения метода МГК к 57 наблюдаемым переменным была выбрана модель с десятью факторами⁵, объясняющая 70 % дисперсии наблюдаемых переменных. В число факторов вошли следующие:

1. *Стремление оградить своего ребенка*, то есть желание отстраниться от ребенка с РАС и стремление оградить от ребенка с РАС своего ребенка в целях безопасности; характеризуется высокой степенью отторжения, страха и боязни ребенка с РАС независимо от того, какое поведение характерно для этого ребенка.
2. *Желание помочь, стремление оказать поддержку* — положительное отношение к человеку с РАС, выраженное в интересе к этому человеку, проявлении жалости и желании поддержать человека с расстройством — как ребенка, так и взрослого.
3. *Проявление жалости и сочувствия* к человеку с РАС без какого-либо выраженного намеренного специфического поведения по отношению к нему (ней).

⁵ Значимость теста Бартлетта 0,000, статистика Кайзера-Меира-Олкина равна 0,935. Лучшая интерпретация факторов была получена при использовании косоугольного вращения Promax (параметр Карра = 0,4).

4. *Проявление интереса и любопытства* к человеку с РАС без какого-либо выраженного намеренного специфического поведения по отношению к нему (ней).
5. *Стремление активно обезопасить себя от агрессивного человека с РАС*, желание исключить его (ее) из собственного окружения.
6. *Стремление к нейтральному поведению* по отношению к человеку с РАС в окружении без каких-либо выраженных эмоций или выраженного поведения по отношению к нему (ней).
7. *Стремление к нейтральному отношению* представляет собой нейтральное отношение на эмоциональном уровне, стремление ничего не испытывать и не ощущать по отношению к человеку с РАС.
8. *Стремление избегать взрослого человека с РАС*, но не ребенка, стремление избегать и сторониться этого человека.
9. *Чувство злости и агрессии* — наличие негативных эмоций (злости, агрессии и отторжения) к людям с РАС без стремления как-то особенно вести себя.
10. *Осведомленность* — отдельный фактор корректной и верной осведомленности о РАС, никак не связанный с иными проявлениями установки к людям с РАС.

Далее для выявления конкретных установок по отношению к людям с РАС была построена классификация респондентов по выраженности у них найденных отдельных проявлений установки. Здесь каждый полученный кластер показывает группу людей с отдельной установкой (сочетанием проявлений установки) по отношению к людям с РАС.

В результате была построена пятикластерная модель (табл. 1)⁶. Каждый кластер показывает группу респондентов с определенной установкой по отношению к людям с РАС. Полученные социальные установки упорядочены от наиболее положительной к наиболее отрицательной.

⁶ Лучший результат классификации был получен методом иерархического кластерного анализа с использованием метрики Варда и квадрата Евклидова расстояния. Полученные кластеры имеют значимые различия по степени выраженности всех десяти проявлений установки.

Таблица 1. Средние значения выраженности проявлений установки по отношению к людям с РАС в полученных кластерах (N = 1297)⁷

Установка по отношению к людям с РАС	Стремление оградить своего ребенка	Желание помочь, стремление оказать поддержку	Проявление жалости и сочувствия	Проявление интереса и любопытства	Стремление активно обезопасить себя от агрессивного человека с РАС	Стремление к нейтральному поведению	Стремление к нейтральному отношению	Стремление избегать взрослого человека с РАС	Чувство злости и агрессии	Осведомленность о РАС	Доля респондентов, %
1. Интерес и сочувствие	-0,32	0,57	0,63	0,52	-0,17	0,07	-0,14	-0,28	-0,28	0,01	32,3
2. Помощь без сочувствия	-0,58	0,27	-0,84	-0,41	-0,89	0,26	-0,72	-0,60	-0,45	0,06	22,3
3. Нейтралитет	-0,22	-0,64	-0,55	-0,47	0,23	0,15	0,67	-0,20	-0,23	-0,31	20,5
4. Сочувствующее отторжение	0,89	-0,36	0,42	0,10	0,79	-0,38	0,28	0,84	0,50	0,22	20,5
5. Агрессия и отторжение	2,15	-0,90	0,20	-0,03	0,99	-0,75	0,26	2,12	3,08	0,03	4,4

«**Интерес и сочувствие**» можно считать самой положительной из выявленных установок. Ее разделяют люди, которые проявляют интерес к этой теме, испытывают сочувствие, готовы оказать поддержку и помочь, не стремятся избегать контактов с людьми с РАС. Установка «**Агрессия и отторжение**» является ее полной противоположностью.

«**Помощь без сочувствия**» отражает желание помогать и оказывать поддержку без проявления каких-либо эмоций по отношению к людям с РАС. Можно предположить, что, с одной стороны, эти люди могут иметь особое понимание людей с РАС, в соответствии с которым они не являются предметом жалости и интереса. С другой стороны, это может быть следствием некоего желания держать дистанцию, но вызванного не негативным отторжением, а скорее стремлением не нарушать личное пространство другого человека или нежеланием вызвать дискомфорт или доставить неудобство людям с РАС и их близким.

⁷ Представленные в таблице 1 значения являются средними значениями выраженности каждого из полученных факторов в полученных кластерах социальных установок.

«Нейтралитет» выражен у тех, кто нейтрально относится к людям с РАС и не проявляет ярко выраженных эмоций. Их можно охарактеризовать как респондентов, стремящихся никак не реагировать на этих людей. Такого рода поведение, предположительно, может быть вызвано отсутствием опыта общения с человеком с аутизмом и непониманием, что собой представляет РАС.

«Сочувствующее отторжение» свойственно людям, которые склонны избегать людей с РАС, не могут относиться к ним нейтрально. При этом они могут испытывать жалость и сочувствие к этим людям. Вероятно, представители этого кластера осознают, что РАС представляет собой определенные трудности для жизни человека и его близких, но при этом также ощущают потенциальную опасность, исходящую от людей с РАС.

«Агрессия и отторжение» представляет собой резко отрицательную установку по отношению к людям с РАС. Приверженцы данной установки испытывают сильный страх, злобу и агрессию. Для агрессивно отторгающих характерно стремление любым способом оградиться от носителей РАС. Важно отметить, что данная установка наименее распространена среди опрошенных респондентов.

Связь между проявлениями установок с вовлеченностью в тему РАС и социально-демографическими характеристиками

Для анализа указанной связи были использованы модели мультиномиальной логистической регрессии с фиктивными переменными. Выбор метода регрессионного анализа обусловлен тем, что зависимая переменная в обеих моделях — установки по отношению к людям с РАС — измерена по номинальной шкале, то есть по принадлежности респондента к одному из пяти кластеров, а все независимые переменные — по порядковой или номинальной шкалам.

Ввиду большого количества независимых переменных и возможности их строгой содержательной классификации оценивались две модели. В обеих моделях в качестве контрольной группы по зависимой переменной рассматриваются люди, которым свойственна установка «Нейтралитет».

В первой модели в качестве независимых переменных выступают индикаторы вовлеченности в РАС, то есть степени того, насколько близко человек знаком с темой РАС. Ее компонентами стали опыт взаимодействия с человеком с РАС и характер этого опыта, а также наличие и тип личной заинтересованности человека в теме РАС. Опыт взаимодействия с человеком с РАС измерялся на основе ответов на четыре вопроса: о наличии у респондента опыта наблюдения человека с РАС, опыта общения с человеком с РАС, человека с РАС среди друзей и знакомых, а также среди родственников. Во всех вопросах ответы собирались в отношении взрослых людей и детей с РАС. Характер личной заинтересованности измерялся с помощью следующих вопросов: самооценка собственной заинтересованности по семибалльной шкале, искал ли респондент самостоятельно информацию о РАС, из каких источников респондент узнавал, что такое аутизм (среди вариантов: специализированные литература и Интернет-порталы, специалисты по РАС, художественные фильмы, неспециализированные литература и Интернет-порталы). Контрольную группу по независимым переменным составляют те, кто не имеют

никакого опыта взаимодействия с людьми с РАС, совершенно не заинтересованы в данной теме и специально никогда не искали информацию, касающуюся РАС.

Во второй модели в качестве независимых переменных использованы основные социально-демографические характеристики: пол, возраст, место жительства и наличие у респондента детей. Контрольную группу во второй модели составляют женщины 18—25 лет, проживающие в Москве или Санкт-Петербурге и не имеющие детей.

Выбор указанных контрольных групп обусловлен необходимостью определить, что способствует наличию положительных или негативных установок по отношению к людям с РАС (контрольная группа — люди с предположительно нейтральной установкой), увеличению степени вовлеченности в РАС (контрольная группа — люди с предположительно нулевой вовлеченностью).

Результаты моделирования представлены в таблице 2.

Таблица 2. Связь между проявлениями установок по отношению к людям с РАС с вовлеченностью в тему РАС и социально-демографическими характеристиками респондентов: результаты оценки моделей мультиномиальной логистической регрессии⁸

Социальные установки	Модель 1. Вовлеченность в РАС****	Экр. (В)	Дов. интервалы 95% для Экр. (В)		Модель 2. Социально-демографические характеристики *****	Экр. (В)	Дов. интервалы 95% для Экр. (В)	
			Нижняя граница	Верхняя граница			Нижняя граница	Верхняя граница
Интерес и сочувствие	Константа	0			Константа	0,017		
	Оценка собственной заинтересованности в РАС	1,376***	1,236	1,532	Есть дети	1,611**	1,082	2,399
	Есть опыт наблюдения	0,876	0,558	1,374	Нет детей	.	.	.
	Нет опыта наблюдения	.	.	.	Денег хватает на крупные покупки	1,371*	0,981	1,916
	Есть опыт общения	1,11	0,654	1,886	Денег хватает на еду и одежду, но не на крупные покупки	.	.	.
	Нет опыта общения	.	.	.	Не Москва/Не СПб	0,944	0,676	1,319
	Есть друзья и знакомые с РАС	1,201	0,765	1,884	Москва/СПб	.	.	.
	Нет друзей и знакомых с РАС	.	.	.	Мужской пол	0,561***	0,388	0,812
	Есть близкие родственники с РАС	1,719	0,739	4,001	Женский пол	.	.	.
	Нет близких родственников с РАС	.	.	.	40+	0,684	0,37	1,266
	Целенаправленно искал(-а) информацию про РАС	0,894	0,626	1,278	26—39	0,803	0,524	1,232
	Не искал(-а) информацию про РАС	.	.	.	18—25	.	.	.

⁸ Символами *, **, *** обозначены независимые переменные, для которых регрессионные коэффициенты значимы на уровне 0,1, 0,05 и 0,01 соответственно.

**** Общий для модели критерий «Хи-квадрат» равен 162,662, значимость – 0,000.

***** Общий для модели критерий «Хи-квадрат» равен 62,171, значимость – 0,000.

Социальные установки	Модель 1. Вовлеченность в РАС****	Екр. (В)	Дов. интервалы 95% для Екр. (В)		Модель 2. Социально-демографические характеристики *****	Екр. (В)	Дов. интервалы 95% для Екр. (В)	
			Нижняя граница	Верхняя граница			Нижняя граница	Верхняя граница
Помощь без сочувствия	Константа	0			Константа	0,078		
	Оценка собственной заинтересованности в РАС	1,418***	1,258	1,597	Есть дети	1,807***	1,164	2,803
	Есть опыт наблюдения	0,93	0,559	1,546	Нет детей	.	.	.
	Нет опыта наблюдения	.	.	.	Денег хватает на крупные покупки	1,54**	1,07	2,217
	Есть опыт общения	1,258	0,7	2,264	Денег хватает на еду и одежду, но не на крупные покупки	.	.	.
	Нет опыта общения	.	.	.	Не Москва/ Не СПб	1,359	0,946	1,953
	Есть друзья и знакомые с РАС	0,961	0,584	1,582	Москва/СПб	.	.	.
	Нет друзей и знакомых с РАС	.	.	.	Мужской пол	0,908	0,617	1,336
	Есть близкие родственники с РАС	2,806**	1,197	6,578	Женский пол	.	.	.
	Нет близких родственников с РАС	.	.	.	40+	0,908	0,468	1,759
	Целенаправленно искал(-а) информацию про РАС	1,194	0,804	1,775	26—39	0,813	0,503	1,314
	Не искал(-а) информацию про РАС	.	.	.	18—25	.	.	.
Сочувствующее отторжение	Константа	0,792			Константа	0,986		
	Оценка собственной заинтересованности в РАС	1,022	0,91	1,146	Есть дети	1,221	0,796	1,874
	Есть опыт наблюдения	0,855	0,527	1,388	Нет детей	.	.	.
	Нет опыта наблюдения	.	.	.	Денег хватает на крупные покупки	1,049	0,726	1,514
	Есть опыт общения	1,159	0,643	2,09	Денег хватает на еду и одежду, но не на крупные покупки	.	.	.
	Нет опыта общения	.	.	.	Не Москва/ Не СПб	0,903	0,626	1,301
	Есть друзья и знакомые с РАС	0,787	0,471	1,316	Москва/СПб	.	.	.
	Нет друзей и знакомых с РАС	.	.	.	Мужской пол	0,809	0,548	1,193
	Есть близкие родственники с РАС	4,428***	1,811	10,826	Женский пол	.	.	.
	Нет близких родственников с РАС	.	.	.	40+	0,886	0,449	1,75
	Целенаправленно искал(-а) информацию про РАС	0,963	0,652	1,421	26—39	1,122	0,703	1,79
	Не искал(-а) информацию про РАС	.	.	.	18—25	.	.	.

Социальные установки	Модель 1. Вовлеченность в РАС****	Екр. (В)	Дов. интервалы 95% для Екр. (В)		Модель 2. Социально-демографические характеристики *****	Екр. (В)	Дов. интервалы 95% для Екр. (В)	
			Нижняя граница	Верхняя граница			Нижняя граница	Верхняя граница
Агрессия и отторжение	Константа	0			Константа	0		
	Оценка собственной заинтересованности в РАС	0,822*	0,673	1,004	Есть дети	1,596	0,765	3,331
	Есть опыт наблюдения	2,212**	1,095	4,47	Нет детей	.	.	.
	Нет опыта наблюдения	.	.	.	Денег хватает на крупные покупки	0,875	0,461	1,659
	Есть опыт общения	0,784	0,324	1,895	Денег хватает на еду и одежду, но не на крупные покупки	.	.	.
	Нет опыта общения	.	.	.	Не Москва/ Не СПб	0,447 **	0,228	0,878
	Есть друзья и знакомые с РАС	0,714	0,309	1,651	Москва/СПб	.	.	.
	Нет друзей и знакомых с РАС	.	.	.	Мужской пол	1,398	0,749	2,608
	Есть близкие родственники с РАС	1,708	0,314	9,288	Женский пол	.	.	.
	Нет близких родственников с РАС	.	.	.	Возраст 40+	1,456	0,469	4,514
	Целенаправленно искал(-а) информацию про РАС	0,996	0,514	1,929	Возраст 26—39	1,167	0,492	2,767
	Не искал(-а) информацию про РАС	.	.	.	Возраст 18—25	.	.	.

Согласно модели 1, статистически значимая на уровне доверительной вероятности 95 % связь установок по отношению к людям с РАС наблюдается с оценкой собственной заинтересованности в РАС, наличием близких родственников с РАС и опытом наблюдения за носителем РАС (без общения). Те, кто оценивают себя как очень заинтересованных в тематике РАС, с большей вероятностью позитивно относятся к этим людям: вероятность попасть в кластеры «Интерес и сочувствие» и «Помощь без сочувствия» растет с увеличением интереса к теме РАС. То есть, с большей уверенностью в своей осведомленности о РАС может формироваться позитивное отношение к этому явлению. Предположительно, высокая осведомленность о РАС снижает вероятность следования упрощенно-стереотипным представлениям об их носителях.

Наличие родственника с РАС в большей степени способствует формированию противоположных установок: «Помощь без сочувствия» и «Сочувствующее отторжение». Так, под влиянием опыта близкого общения с носителем РАС, можно, с одной стороны, преодолеть стигматизацию и унижающую жалость, считать родственника с РАС равным себе, но особенным, нуждающимся в некоторой помощи; а с другой стороны, проникнуться сочувствием и одновременно желанием дистанцироваться, исключить из своего непосредственного окружения. Нельзя исключать, что такая амбивалентность установок, формируемых наличием родственника с РАС, сопряжена с различиями в эмоциональном фоне, порождаемом конкрет-

ными конфигурациями коммуникационных дисфункций в общении. Похоже, что в соответствии с полученной моделью, даже в критическом случае родственник воспринимается как неотъемлемая часть ближайшего окружения: его принимают, понимают, но эмоционально не обязательно готовы интенсивно с ним общаться.

Если общение с близким человеком, сопряженное с его *общим принятием*, способствует адекватному (корректному и без прикрас) восприятию нетипичности, то наблюдение людей с РАС без *общения с ними*, напротив, повышает вероятность наиболее негативной установки на «Агрессию и отторжение».

Если учесть принципиальные ограничения на внешнюю валидность каузальных выводов из регрессионных моделей, то модель *реального* взаимодействия можно переформатировать: в качестве первоначальной *причины* положить общую установку на принятие или непринятие нетипичного человека, которая детерминирует выбор предпочтительного контакта — только наблюдение или с взаимодействием (возможно, родственные связи повышают шансы на взаимодействие, но не обязательно), после чего выбранное поведение для контакта закрепляется в остальных компонентах установки. Такая интерпретация перекликается с некоторыми наблюдениями за процессом «опривычивания» в процессе взаимодействия с нетипичными социальными объектами [Бергер, Лукман, 1995: 89—113].

С помощью модели 2 была показана связь между полом респондентов и типами проявления социальной установки: мужчины менее склонны проявлять «Интерес и сочувствие» по отношению к людям с РАС, чем женщины, но более склонны придерживаться нейтралитета. Это логично, так как заинтересованность и вовлеченность в тематику, смежные с РАС, которая должна приводить к появлению не нейтральных, а более направленных, в первую очередь положительных установок к таким темам, выше именно у женщин. Утверждение, что отношение к людям с РАС со стороны женщин более положительное, может показаться стереотипным, однако оно подтверждается результатами других эмпирических исследований [Tonnsen, Hahn, 2016; Kuzminski et al., 2019].

Другой важной социально-демографической детерминантой рассматриваемых установок является наличие детей. Оно, скорее всего, повышает общий уровень эмпатии, и поэтому положительно связано с установками на «Интерес и сочувствие» и «Помощь и сочувствие» по отношению к людям с РАС.

Таким образом, на основе полученных результатов можно сделать вывод о наличии значимой связи между степенью вовлеченности в РАС и типами установок. Респонденты, которые считают себя очень заинтересованными в тематике РАС, чаще других оказываются позитивно настроенными к этим людям, то есть демонстрируют установку «Интерес и сочувствие» и «Помощь без сочувствия». Предположительно, более высокая осведомленность о РАС способствуют неприятию стереотипов и ложных представлений о РАС — соответственно, чем больше люди будут осведомлены о РАС, тем более положительно они будут относиться к этому явлению.

Заключение

На основе проведенного в рамках данного исследования анализа авторы выявили следующие социальные установки по отношению к людям с РАС: интерес

и сочувствие; помощь без сочувствия; нейтралитет; сочувствующее отторжение; агрессия и отторжение. При измерении установок упор делался прежде всего на эмоциональном и поведенческом компонентах, поскольку надежное измерение когнитивного компонента (представлений респондентов) в ситуации массового опроса сопряжено с большими сложностями.

Регрессионный анализ данных показал положительную связь между вовлеченностью в РАС и характером социальной установки: чем более человек заинтересован в тематике РАС, тем больше вероятность, что он будет обладать положительной установкой. Исследование связи между опытом взаимодействия с людьми с РАС и типом установки выявило, что наличие родственников с РАС, общение с которыми, скорее всего, формирует корректное восприятие этого явления и отношение к нему, связано с большей распространенностью положительных или, по крайней мере, не агрессивных установок. Однако роль наличия родственника с РАС, скорее всего, зависит от возможности и качества коммуникации с ним со стороны окружения. Данную гипотезу необходимо проверить в последующих исследованиях, поскольку, судя по полученным результатам, наличие родственника с РАС формирует у окружающих противоречивые установки, то есть не является гарантом полного принятия носителей РАС и желания общаться с ними.

Данное исследование может стать основой для дальнейшего изучения социальных установок по отношению к людям с РАС в России. Прежде всего, выводы данного исследования могут лечь в основу качественного исследования, в рамках которого можно более подробно изучить характер социальных установок у разных людей. Такое исследование может объяснить выявленные в текущей работе различия в установках и их межгрупповой дифференциации. Другим направлением дальнейших исследований может стать анализ различий в установках по отношению к людям с РАС в зависимости от поведенческих и эмоциональных характеристик носителя РАС.

Список литературы (References)

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

Berger P., Luckmann T. (1995) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russian).

Бородина Л. Г., Фисунова А. С. Проблема толерантности к лицам с психическими расстройствами в современном российском мегаполисе // Аутизм и нарушения развития. 2017. Т. 15. № 1. С. 49—53. <https://doi.org/10.17759/autdd.2017150105>.

Borodina L. G., Fisunova A. S. (2017) *The Problem of Tolerance to Persons with Mental Disorders in the Modern Russian Megapolis*. *Autism and Developmental Disorders*. Vol. 15. No. 1. P. 49—53. <https://doi.org/10.17759/autdd.2017150105>. (In Russ.)

Григоренко Е. Л. Расстройства аутистического спектра. Вводный курс. М.: Практика, 2018.

Grigorenko E. L. (2018) Autism Spectrum Disorders. An Introductory Course. Moscow: Praktika. (In Russ.)

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.

Myers D. (1997) Social Psychology. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)

Макушкин Е. В., Макаров И. В., Пашковский В. Э. Распространенность аутизма: подлинная и мнимая // Журнал неврологии и психиатрии. 2019. Т. 119. № 2. С. 80—86. <http://dx.doi.org/10.17116/jnevro201911902180>.

Makushkin E. V., Makarov I. V., Pashkovskiy V. E. (2019) The Prevalence of Autism: Genuine and Imaginary. Journal of Neurology and Psychiatry. Vol. 119. No. 2. P. 80—86. <http://dx.doi.org/10.17116/jnevro201911902180>. (In Russ.)

Asperger H. (1944) Die «Autistischen Psychopathen» im Kindesalter. *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten*. Vol. 117. P. 76—136. <https://dx.doi.org/10.1007%2FBF01837709>.

Baio J., Wiggins L., Christensen D. L., Maenner, M.J., Daniels J., Warren Z., Kurzius-Spencer M., Zahorodny W., Robinson Rosenberg C., White T., Durkin M. S., Imm P., Nikolaou L., Yeargin-Allsopp M., Lee L.-C., Harrington R., Lopez M., Fitzgerald R. T., Hewitt A., Pettygrove S., Constantino J. N., Vehorn A., Shenouda J., Hall-Lande J., van Naarden Braun K., Dowling N. F. (2018) Prevalence of Autism Spectrum Disorder Among Children Aged 8 Years — Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 11 Sites, United States, 2014. *Surveillance Summaries*. Vol. 67. No. 6. P. 1—23. <http://dx.doi.org/10.15585/mmwr.ss6706a1>.

Dillenburger K., Jordan J. A., McKerr L., Devine P., Keenan M. (2013) Awareness and Knowledge of Autism and Autism Interventions: A General Population Survey. *Research in Autism Spectrum Disorders*. Vol. 7. No. 12. P. 1558—1567. <https://doi.org/10.1016/j.rasd.2013.09.004>.

Fombonne E. (2009) Epidemiology of Pervasive Developmental Disorders. *Pediatric Research*. Vol. 65. No. 6. P. 591—598. <https://doi.org/10.1203/PDR.0b013e31819e7203>.

Gilmour J. (2015) Formation of Stereotypes. *Behavioural Sciences Undergraduate Journal*. Vol. 2. No. 1. P. 67—73. <https://doi.org/10.29173/bsuj307>.

Halladay A., Bishop S., Constantino J. N., Daniels A. M., Koenig K., Palmer K., Messinger D., Pelphrey K., Sanders S. J., Singer A. T., Taylor J. L., Szatmari P. (2015) Sex and Gender Differences in Autism Spectrum Disorder: Summarizing Evidence Gaps and Identifying Emerging Areas of Priority. *Molecular Autism*. Vol. 6. <https://doi.org/10.1186/s13229-015-0019-y>.

Hilton J. L. (1996) Stereotypes. *Annual Review of Psychology*. Vol. 47. P. 237—271. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.47.1.237>.

Hogg M. A., Vaughan G. M. (2010) *Essentials of Social Psychology*. Harlow: Pearson.

Houston R., Frith U. (2000) *Autism in History: The Case of Hugh Blair of Borgue*. Oxford: Wiley-Blackwell.

- Kanner L. (1943) Autistic disturbances of affective contact. *The Nervous Child*. Vol. 2. P. 217—250.
- Kuhn R., Cahn C. H. (2004) Eugen Bleuler's Concepts of Psychopathology. *History of Psychiatry*. Vol. 15. No. 3. P. 361—366. <https://doi.org/10.1177/0957154X04044603>.
- Kuzminski R., Netto J., Wilson J., Falkmer T., Chamberlain A., Falkmer M. (2019) Linking Knowledge and Attitudes: Determining Neurotypical Knowledge about and Attitudes towards Autism. *PLoS ONE*. Vol. 14. No. 7. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0220197>.
- McLeod S.A. (2018) Attitudes and Behavior. *Simply Psychology*. URL: <https://www.simplypsychology.org/attitudes.html> (accessed: 07.10.2020).
- Newschaffer C. J., Croen L. A., Daniels J., Giarelli E., Grether J. K., Levy S. E., Mandell D. S., Miller L. A., Pinto-Martin J., Reaven J., Reynolds A. M., Rice C. E., Schendel D., Windham G. C. (2007) The Epidemiology of Autism Spectrum Disorders. *Annual Review of Public Health*. Vol. 28. P. 235—258. <https://doi.org/10.1146/annurev.publhealth.28.021406.144007>.
- Obeid R., Daou N., DeNigris D., Shane-Simpson C., Brooks P.J., Gillespie-Lynch K. (2015) A Cross-Cultural Comparison of Knowledge and Stigma Associated with Autism Spectrum Disorder among College Students in Lebanon and the United States. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. Vol. 45. No. 11. P. 3520—3536. <https://doi.org/10.1007/s10803-015-2499-1>.
- Rosenberg M.J., Hovland C. I. (1960) Cognitive, Affective and Behavioral Components of Attitudes. In: Rosenberg M. J., Hovland C. I. (eds.) *Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency among Attitude Components*. New Haven, CT: Yale University Press. P. 1—14.
- Staniland J. J., Byrne M. K. (2013) The Effects of a Multi-Component Higher-Functioning Autism Anti-Stigma Program on Adolescent Boys. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. Vol. 43. No. 12. P. 2816—2829. <https://doi.org/10.1007/s10803-013-1829-4>
- Tonnsen B. L., Hahn E. R. (2016) Middle School Students' Attitudes Toward a Peer with Autism Spectrum Disorder: Effects of Social Acceptance and Physical Inclusion. *Focus on Autism and Other Developmental Disabilities*. Vol. 31. No. 4. P. 262—274. <https://doi.org/10.1177%2F1088357614559213>.
- Wing L., Gould J. (1979) Severe Impairments of Social Interaction and Associated Abnormalities in Children: Epidemiology and Classification. *Journal of Autism and Developmental Disorders*. Vol. 9. No. 1. P. 11—29. <https://doi.org/10.1007/BF01531288>.
- Wolff S. (2004) The History of Autism. *European Child & Adolescent Psychiatry*. Vol. 13. No. 4. P. 201—208. <https://doi.org/10.1007/s00787-004-0363-5>.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1578](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1578)

M. G. Kolosnitsyna, N. A. Khorkina, M. V. Lopatina

FACTORS AFFECTING YOUTH PHYSICAL ACTIVITIES: EVIDENCE FROM RUSSIA

For citation:

Kolosnitsyna M. G., Khorkina N. A., Lopatina M. V. (2020) Factors Affecting Youth Physical Activities: Evidence from Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 578—601. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1578>.

Правильная ссылка на статью:

Колосницyna М. Г., Хоркина Н. А., Лопатина М. В. Факторы физической активности российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 578—601. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1578>. (In Eng.)

FACTORS AFFECTING YOUTH PHYSICAL ACTIVITIES: EVIDENCE FROM RUSSIA

Marina G. KOLOSNITSYNA¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Professor*

E-MAIL: mkolosnitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-6986>

Natalia A. KHORKINA¹ — *Cand. Sci. (Education), Associate Professor*

E-MAIL: khorkina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9838-8554>

Marina V. LOPATINA^{1,2} — *Junior Research Fellow; Junior Research Fellow*

E-MAIL: lopatina.marina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article provides an assessment of the factors that may affect the probability and intensity of physical activity among young Russians aged 15–24. The analysis is based on the data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS), 2000–2016 ($N = 21,703$). Econometric analysis shows that there is a positive relationship between the physical activity probability and the indicators such as educational level, household per capita income, and living in capital cities. There is also a negative relationship between the probability of

ФАКТОРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

КОЛОСНИЦЫНА Марина Григорьевна — кандидат экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mkolosnitsyna@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6556-6986>

ХОРКИНА Наталья Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: khorkina@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9838-8554>

ЛОПАТИНА Марина Валерьевна — младший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; младший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: lopatina.marina@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Аннотация. В статье проводится оценка факторов, способных оказать влияние на вероятность занятий физической активностью и их интенсивность в группе молодых россиян в возрасте от 15 до 24 лет. Эмпирический анализ основан на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ ВШЭ за период 2000—2016 годов. Панельная выборка включала 21 703 наблюдения. В ходе эконометрического анализа была установлена положительная взаимосвязь между вероятностью

physical activity and individual's characteristics such as smoking, family status (marriage), employment status (having a job). Relationship between the probability and intensity of physical activity and such features as alcohol consumption, body mass index and subjective health assessment is inconclusive. Implementation of measures aimed at increasing the physical activity of young Russians taking into account the stimulating or restraining factors may increase the productivity of physical exercise and further improve health condition and contribute to a longer lifespan in Russia.

Keywords: probability of physical activity, intensity of physical activity, healthy lifestyle, young people, RLMS-HSE

Acknowledgments. The project was funded by the HSE Basic Research Program (2018).

стью занятий физической активностью молодых россиян и такими показателями как уровень образования, среднедушевой доход домохозяйства, проживание в столичных городах. Также была выявлена отрицательная взаимосвязь между вероятностью занятий физической активностью и такими индивидуальными характеристиками респондентов как курение, семейный статус (проживание в браке), трудовой статус (наличие работы). В то же время не установлено однозначной зависимости вероятности физической активности и ее интенсивности от таких характеристик как потребление алкоголя, индекс массы тела и субъективная оценка здоровья. Реализация мероприятий по активизации образа жизни молодых жителей нашей страны с учетом факторов, способных оказать как стимулирующее, так и сдерживающее влияние на их физическую активность, поможет повысить их результативность и в дальнейшем будет способствовать как улучшению здоровья российского населения, так и росту продолжительности жизни в нашей стране.

Ключевые слова: вероятность занятий физической активностью, интенсивность физической активности, здоровый образ жизни, молодежь, РМЭЗ НИУ ВШЭ

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (2018).

Introduction

In most developed countries, one observes declining trends in alcohol and tobacco consumption, especially evident among younger groups of the population. However, people exercise less, use automobiles or public transport instead of walking, and their jobs are mostly sedentary. Within the WHO European policy framework for health and well-being, Russia, among other countries, has adopted the Physical Activity Strategy for the WHO European Region 2016–2025¹. One of its guiding principles is to promote a life-course approach. Governmental policies to enhance physical activity (PA) should be aimed at all age groups, starting with the younger members of society. Research has addressed certain aspects of the lifestyles of Russian youth [Levin et al., 1999; Zasimova, Kolosnitsyna, 2011; Varlamova, Goncharova, Sokolova, 2015; Khorkina et al., 2018]. However, the evidence on factors related to the physical activity within this age group in Russia is still quite limited.

Considering the determinants of physical activity in youth, many authors emphasize age and gender [Sallis, Prochaska, Taylor, 2000; Sagatun et al., 2008; Uijtdewilligen et al., 2011; Lämmle, Worth, Bös, 2012; Al-Hazzaa et al., 2014]. Studies based on Russian data demonstrate that PA of young people diminishes with age, and males are more active than females of the same age [Levin et al., 1999; Khorkina et al., 2018]. The authors name body mass index (BMI) and self-assessed health (SAH) among the variables related to PA [Sallis, Prochaska, Taylor, 2000; Trost et al., 2002; Uijtdewilligen et al., 2011; Micklesfield et al., 2017; Khorkina et al., 2018]. An ambiguous relationship was found between PA and bad habits such as tobacco and alcohol consumption [Sallis, Prochaska, Taylor, 2000; Dunn, Wang, 2003; Higgins et al., 2003; Biddle et al., 2005; Buscemi et al., 2011]. Education level as a correlate for PA is less widespread in the literature devoted to youth. However, in Russia, the maximum share of physically active young men belongs to the group with higher education [Khorkina et al., 2018]. The relationship between paid work and PA seems inconsistent [Vilhjalmsson, Thorlindsson, 1998; Ferreira et al., 2007; Khorkina et al., 2018], as well as the connection between household income and physical activity of its young members [Sallis, Prochaska, Taylor, 2000; Ferreira et al., 2007; Sagatun et al., 2008; El-Ammari et al., 2017; Khorkina et al., 2018]. Numerous studies on the determinants of PA in youth also stress that environmental conditions such as the availability of sports facilities should also be taken into account [Sallis et al., 1992; Spence, Lee, 2003; Zasimova, Kolosnitsyna, 2011; Peer et al., 2013; Micklesfield et al., 2017].

This paper aims to investigate the factors of probability and intensity of physical activity in Russian youth. Based on previous, somewhat inconclusive research results, we hypothesized that the following five groups of factors affect PA:

- 1) demographic and physical characteristics (*sex, age, and BMI*);
- 2) health status and lifestyle (*SAH, smoking, alcohol consumption*);
- 3) socioeconomic factors (*education, employment status, and household per capita income*);

¹ Physical Activity Strategy for the WHO European Region 2016–2025. (2016) Copenhagen: World Health Organization. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/282961/65wd09e_PhysicalActivityStrategy_150474.pdf (accessed: 15.10.2020).

- 4) household characteristics (*marital status of the respondent*);
- 5) environmental factors (*place of residence*).

Methods

Data and variables

To test the hypotheses, we used micro-data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), years 2000–2016. RLMS-HSE is a household-based, nationally representative survey, conducted annually by the Higher School of Economics and OOO “Demoscope” together with the Carolina Population Center, the University of North Carolina at Chapel Hill, and the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences². The survey has a longitudinal design and repeated samples. Its questionnaires provide rich information on individuals’ health, well-being, and other characteristics.

Our sample consisted of respondents aged 15–24, falling under the UN classification into the youth group. In 2007–2008, the RLMS-HSE questionnaires did not include information on physical activity, so the sample for our analysis was reduced ($N = 32,499$). For the regression modelling, we used pooled data on only those respondents who gave answers to all the relevant questions. The total number of observations was 21,703 (10,317 observations on men and 11,386 on women).

Two dependent variables were constructed³:

1) *The probability of physical activity (PPA)* describes the fact of being involved in physical activity. It is based on the response to the question: “Please choose the types of activity you practiced at least 12 times in the last 12 months. Possible options: jogging, skating, skiing; using exercise machines; etc.” (11 options including “other activity”). The variable was assigned 1 if the respondent had done at least one of the listed activities in the past 12 months, and 0 otherwise.

2) *The intensity of physical activity (IPA)* is defined as the total number of hours per month that the respondent spends on physical exercise and was calculated in the following way:

$$IPA = \sum_i (\text{number of training sessions per month} \times \text{duration of one session (min)}) / 60,$$

where i is one of the selected types of physical activity.

Data on the hours of physical exercises were analysed for the respondents who had been involved in at least one type of physical activity.

Modelling

Estimating the main factors influencing the probability and intensity of physical activity, we observe two different groups: those who are physically active and those who are not. Therefore, we face a self-selection process. To correct for possible selection bias, we use the two-stage method suggested by Heckman [Heckman, 1979]. In the first step, we estimate a model of PPA, with the binary dependent variable: the “participation equation”. The marginal effects estimated for this mod-

² Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE). URL: <https://www.hse.ru/en/rlms/> (accessed: 15.10.2020).

³ RLMS HSE questions are presented in Appendix A.

el reveal the directions and magnitudes of correlations between the dependent and independent variables. In the second step, we estimate an OLS model for IPA measured in hours (in natural logarithms): the “intensity equation”. This reveals connections between the continuous variable of the IPA and various factors. According to Heckman [ibid.], the number of independent variables in the intensity equation should be one less than in the participation equation. The Heckman model controls for the interrelation of two processes: an individual chooses whether to exercise or not and how many hours to spend on the PA. The proposed methodology is applied to the pooled panel data, which enables us to account for unobserved individual-related effects since these effects could influence the decisions on the participation in and intensity of physical activity. Dummies for the years of observation have been included in the models to take into account unobserved time-related effects. The models for men and women were estimated separately since we assume possible gender differences in the factors of physical activity. All the analyses were carried out using Stata for Windows version 13.

Results

Descriptive statistics

Based on the data collected, we find that the share of young Russians involved in physical exercises was growing in 2000–2016. In 2016, it reached 62% for men and 49% for women; compared to 2000, it was 1.4 and 1.6 times higher for men and women, respectively (Figure 1). Besides, men were more physically active than women throughout the period.

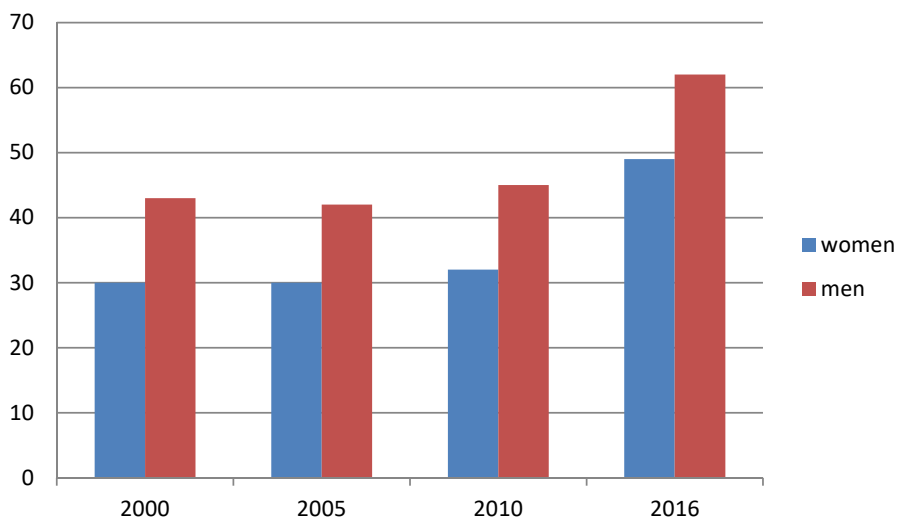

Figure 1. Shares of young men and women in the 15–24 age range involved in any type of physical activity, out of the total number of youth in this age range, %

Dynamics for age and sex groups demonstrates that in the period 2000–2016, the share of physically active youth has grown in all the age groups under consideration (Figures 2–3). Young people in the 15–17 age range were the most active; those in the “senior” group aged 22–24 were the least active.

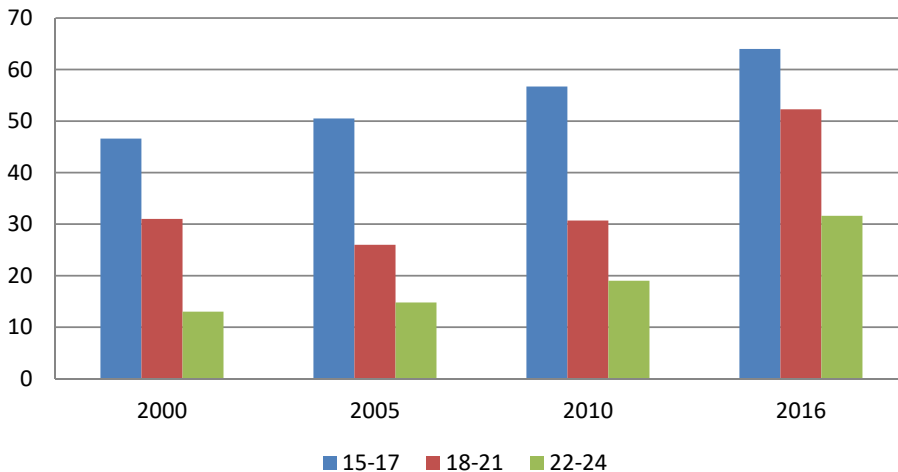

Figure 2. Share of physically active young women by age groups, out of the total number of women in the respective age groups, %

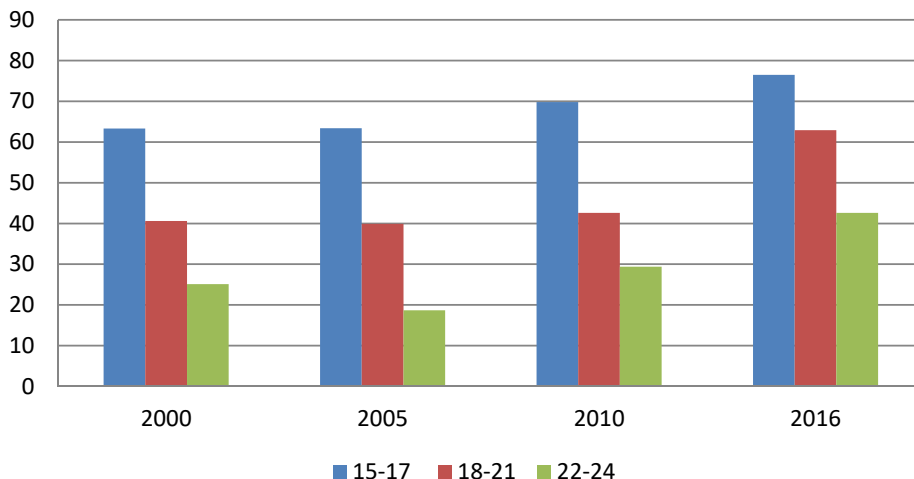

Figure 3. Share of physically active young men by age groups, out of the total number of men in the respective age groups, %

Physical activity was gender-dependent. In 2016, young men in the 15–24 age range were more active in basketball, volleyball, football, hockey; and exercise machine training. The share of men practicing these activities was 26 % and 25 %, respectively. Overall, men were twice more active than women. Women preferred walking (15%),

jogging, skating, or skiing (14%). The share of women practicing dancing, aerobics, shaping, and yoga was ten times higher than that of men, which could be explained by the traditionally high popularity of these activities among women (Table 1).

Table 1. Types of physical activity among men and women in the 15–24 age range, 2016 (probability of physical activity of a certain type, %)

Types of physical activity	Men	Women
jogging, skating, skiing	18	14
training with exercise machines	25	13
walking	11	15
power walking	0.6	0.6
cycling	11	9
swimming	10	8
dancing, aerobics, shaping, yoga	1	10
basketball, volleyball, football, hockey	26	13
badminton, lawn or table tennis	2	1
wrestling, boxing, karate	6	0.4
other physical activity	8	10

The descriptive data on the probability of physical activity among men and women in the aggregated sample (2000–2016) are given in Table 2.

Table 2. Probability of physical activity among men and women in the 15–24 age range, depending on different characteristics, 2000–2016, aggregated sample (N = 32,499)

	Men		Women	
	Physically active, %	Physically inactive, %	Physically active, %	Physically inactive, %
Total sample	48.9	51.1	35.3	64.7
Demographic and physical characteristics				
Age:				
15–19 years*	63.8	36.2	48.9	51.1
20–24 years	34.6	65.4	23.7	76.3
BMI:				
Underweight (BMI < 18,5)**	54.7	45.3	41.0	59.0
Normal weight (18,5 ≤ BMI < 25)	51.0	49.0	37.0	63.0
Pre-obesity (25 ≤ BMI < 30)	43.0	57.0	25.0	75.0
Obesity (BMI ≥ 30)	38.7	61.3	25.5	74.5

	Men		Women	
	Physically active, %	Physically inactive, %	Physically active, %	Physically inactive, %
Health and lifestyle				
<i>Self-assessed health (SAH):</i>				
Good, very good	52.3	47.7	36.5	63.5
Average, not bad and not good	42.9	57.1	33.7	66.3
Bad and very bad	34.2	65.8	35.0	65.0
<i>Regular meals:</i>				
Yes	57.3	42.7	38.5	61.5
Rather regular	50.5	49.5	40.9	59.1
Rather irregular and irregular	46.9	53.1	41.2	58.8
<i>Smoking:</i>				
Smokes	34.0	66.0	23.0	77.0
Does not smoke	60.0	40.0	37.7	62.3
<i>Alcohol:</i>				
Consumes	38.6	61.4	31.4	68.6
Does not consume	50.7	49.3	33.5	66.5
Socioeconomic factors				
<i>Education:</i>				
No secondary education certificate	56.9	43.1	45.7	54.3
Complete secondary or vocational education	41.4	58.6	30.6	69.3
Technical/Incomplete higher education	46.8	53.2	30.4	69.6
Complete higher education (including scientific degree)	46.8	53.2	31.0	69.0
<i>Employment status***:</i>				
Secondary school student	71.6	28.4	58.6	41.4
University student	65.9	34.1	50.2	49.8
Employed	30.4	69.6	23.0	77.0
Non-employed	29.4	70.6	14.3	85.7
<i>Household monthly income per capita in 2000 prices (in roubles):</i>				
Up to 4300	44.0	56.0	28.6	71.4
4301 – 7700	46.4	53.6	33.0	67.0

	Men		Women	
	Physically active, %	Physically inactive, %	Physically active, %	Physically inactive, %
7701–12800	49.8	50.2	38.4	61.6
Over 12801	54.0	46.0	40.8	59.2
Household characteristics				
<i>Family status:</i>				
Not married	53.4	46.6	43.2	56.8
Married (registered marriage)	24.0	76.0	16.6	83.4
Cohabitation	35.0	65.0	22.7	77.3
<i>Household size:</i>				
One person	59.6	40.4	43.2	56.8
Two people	46.9	53.1	34.9	65.1
Three people	47.6	52.4	34.0	66.0
Four people	54.0	46.0	38.9	61.1
Five and more people	44.7	55.3	32.3	67.7
Environmental factors				
<i>Place of residence:</i>				
Capitals (Moscow and St. Petersburg)	56.7	43.3	47.8	52.2
Regional centres (apart from Moscow and St. Petersburg)	52.9	47.1	39.2	60.8
Cities, towns (apart from regional centres)	49.5	50.5	32.0	68.0
Rural settlements	42.4	57.6	29.5	70.5
<i>Infrastructure:</i>				
Available sports facilities	50.3	49.7	35.9	64.1
Unavailable sports facilities	39.9	60.1	31.2	68.8

* It means that 63.8% of men aged 15–19 are physically active; 36.2% of men aged 15–19 are physically inactive.

** BMI classification based on WHO definitions. See: Obesity and Overweight. (2020) *World Health Organization*. April 1st. URL: <http://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight> (accessed: 15.10.2020).

*** Employment status is the main occupation according to the respondent's answer to the open-ended question. The four groups are mutually exclusive: non-employed are not students; students are not employed, even if they have part-time jobs, and so on.

Descriptive data show also that intensity, as well as the probability of physical activity, diminishes with age. Young Russians aged 15–19 allocate more time to different types of physical activity than those aged 20–24; this is true for both men and women. Young respondents with insufficient BMI have maximum probability of physical activity. As BMI grows, the probability of physical activity tends to diminish in both gender

groups. The PPA is consistently related to SAH — it is higher in the group with better health, and this trend is more pronounced in the case of young men.

Respondents doing sports are more prone to a healthy lifestyle: smokers and consumers of alcohol are less physically active. The relation between the probability of physical activity and nutrition is ambiguous — young men who eat regular meals are more physically active, while the probability of physical activity of girls is unrelated to the regularity of meals.

The descriptive statistics do not show any relationship between the probability of PA of the respondents and their education level. While both males and females who did not graduate from secondary school were more physically active, in other educational subgroups the share of physically active people was smaller.

Employment status is an important correlate of the probability of physical activity of young Russians. School students were the most active, probably due to compulsory physical training classes. The share of physically active men and women in the employed and non-employed groups was smaller than among school and university students.

The probability of physical activity grows with per capita household income. Young respondents living in wealthier families presumably use paid sports facilities; they also have more leisure time.

The share of physically active young people among those not legally married is more than twice that of those officially married. Young men and women living alone have a higher probability of physical activity than respondents living in larger households.

The availability of sports facilities is an important determinant of the probability of PA. The share of physically active youth with access to sports facilities is higher in comparison to the fraction of respondents doing activities in areas lacking such infrastructure. The availability of sports facilities is strongly correlated with the place of residence — in large cities, it is higher than in small settlements.

Finally, the descriptive analysis shows that the share of physically active males and females is higher in Moscow and St. Petersburg in comparison to those living outside the capitals. The smaller the place of residence, the less the probability of physical activity of its young inhabitants.

Econometric models estimates

We estimated the Heckman models for young men and women separately. The descriptive data on the sample used in the regression analysis are given in Appendices B and C.

The Chow test confirmed the appropriateness of separate estimations for gender groups (LR $\chi^2 = 249$, Prob > $\chi^2 = 0.000$). The regression estimates for young men and women gave similar results. However, several coefficients were statistically different. The correlation matrices of the variables chosen did not show multicollinearity. The values of *Wald χ^2* and *rho* confirm the significance of the estimated models. The values of λ are -0.772 for males and -0.603 for females and are significant, which means that the participation and intensity equations are interrelated. Hence, the Heckman model is an adequate instrument for our analysis.

Table 3. *Regression analysis results: Heckman model*

Variable	PPA (marginal effects)	IPA (ln)	PPA (marginal effects)	IPA (ln)
	Men		Women	
Demographic and physical characteristics				
Age	0.036*** (0.003)	-0.014 (0.011)	-0.020*** (0.003)	0.006 (0.011)
<i>Body mass index:</i>				
Underweight (BMI < 18,5)	reference group			
Normal weight (18,5 ≤ BMI < 25)	0.086*** (0.02)	-0.175*** (0.058)	0.014 (0.013)	-0.035 (0.043)
Pre-obesity (25 ≤ BMI < 30)	0.090*** (0.024)	-0.121* (0.071)	-0.010 (0.019)	0.066 (0.069)
Obesity (BMI ≥ 30)	0.010 (0.024)	-0.048 (0.072)	-0.032* (0.018)	0.009 (0.064)
Health and lifestyle				
<i>Self-assessed health:</i>				
Bad, very bad	reference group			
Average, not bad and not good	0.019 (0.038)	-0.146 (0.120)	0.002 (0.025)	-0.001 (0.087)
Good, very good	0.096*** (0.037)	-0.188 (0.119)	-0.014 (0.026)	-0.003 (0.087)
<i>Smoking:</i>				
Smokes	-0.111*** (0.011)	0.093*** (0.035)	-0.071*** (0.013)	0.198*** (0.046)
<i>Alcohol:</i>				
Consumes	0.001 (0.011)	0.074** (0.034)	0.043*** (0.009)	0.035 (0.034)
Socioeconomic factors				
<i>Education:</i>				
No secondary education certificate	reference group			
Complete secondary or vocational education	0.048*** (0.011)	0.073 (0.044)	0.033** (0.014)	0.009 (0.053)
Technical/Incomplete higher education	0.119*** (0.017)	-0.030 (0.055)	0.075*** (0.016)	0.030 (0.063)
Complete higher education (including scientific degree)	0.227*** (0.024)	-0.036 (0.081)	0.194*** (0.022)	-0.128 (0.085)
Income (household income per capita in 2000 prices in roubles, ln)	0.041*** (0.006)	0.152 (0.159)	0.031*** (0.005)	0.038 (0.164)
Income square (household monthly income per capita in 2000 prices in roubles, ln)		-0.012 (0.009)		-0.004 (0.010)

Variable	PPA (marginal effects)	IPA (ln)	PPA (marginal effects)	IPA (ln)
	Men		Women	
<i>Employment status:</i>				
Secondary school student	reference group			
University student	-0.044** (0.019)	0.093* (0.051)	-0.074*** (0.020)	-0.004 (0.058)
Employed	-0.278*** (0.022)	0.313*** (0.072)	-0.296*** (0.023)	0.102 (0.084)
Non-employed	-0.267*** (0.022)	0.466*** (0.074)	-0.33*** (0.022)	0.318*** (0.093)
Household characteristics				
<i>Family status:</i>				
Not married	reference group			
Registered marriage	-0.048*** (0.018)	-0.002 (0.062)	-0.074*** (0.020)	0.045 (0.056)
Cohabitation	0.022 (0.019)	0.013 (0.059)	-0.04*** (0.022)	-0.067 (0.054)
Environmental factors				
<i>Place of residence:</i>				
Capitals (Moscow and St. Petersburg)	reference group			
Regional center (apart from Moscow and St. Petersburg)	-0.015 (0.018)		-0.084*** (0.016)	
Cities, towns (apart from regional centers)	-0.061*** (0.017)		-0.179*** (0.017)	
Rural settlements	-0.116*** (0.017)		-0.178*** (0.017)	
<i>Wald chi²</i>	146.83***	258.29***		
<i>rho</i>	45.71***	36.66***		
Number of observations	10317	10317	11386	11386

* $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$. Standard errors in parentheses.

Table 3 presents the results of the Heckman model estimates.

1. The probability of physical activity decreases with age for both males and females; for males, the decrease is more pronounced. Respondent's age does not relate to the intensity of PA.

2. The correlation of BMI and the probability of physical activity depends upon gender. An increase of BMI from 18.5 to 30 increases the probability of PA for males but does not increase it for females. An increase in BMI for males is linked to the reduction of the intensity of PA. For females with BMI over 30, the probability of PA decreases relative to those underweight. For females, BMI is not consistently related to the intensity of physical activity.

3. For males with "good" or "very good" health, the probability of physical activity is higher than for those who assess their health as "bad"/"very bad". For females, no

consistent relationship was established between SAH and the probability of PA. SAH does not influence the intensity of PA for males or females.

4. Smoking reduces the probability of physical activity for both males and females. However, the intensity of PA is higher for both male and female smokers.

5. Alcohol consumption for females increases the probability of physical activity and does not influence its intensity. For males, alcohol consumption is correlated with the intensity of PA, while it does not influence the probability of physical activity.

6. Education is a factor positively correlated with the probability of physical activity for both genders, but unrelated to the intensity of PA.

7. Per capita family income is positively correlated with the probability of physical activity for both genders.

8. Employment status consistently relates to the probability of physical activity of young respondents, both men and women: for university students, it is lower than for school students. For fully employed respondents, the probability of PA decreases even further, as well as for the non-employed. The intensity of PA of young men who graduated from secondary school is higher than for school students. The intensity of PA of non-employed females is higher than for female school students.

9. The probability of physical activity of officially married men and women is lower in comparison with those who are not married. This is also true for females in cohabitation, while for young men cohabitation is not a significant factor for the reduction in the probability of PA.

10. Residence outside of capitals reduces the probability of physical activity for both males and females — the smaller the settlement, the lower the probability. The only exception was young men residing in regional centres — the difference with men residing in capitals was insignificant. A decrease in probability is more pronounced among rural dwellers.

Discussion

Based on the results of the analysis, all five groups of chosen factors are in some way related to the probability and intensity of physical activity of young Russians in the 15–24 age range. These results, in general, agree with the conclusions of earlier studies [Levin et al., 1999; Sallis, Prochaska, Taylor, 2000; Trost et al., 2002; Ferreira et al., 2007; Sagatun et al., 2008; Zasimova, Kolosnitsyna, 2011; Micklesfield et al., 2017; Khorkina et al., 2018]. However, we identified certain discrepancies in the degree of influence of some factors on the probability and intensity of PA of Russian youth and young inhabitants of other countries.

Among *demographic and physical characteristics*, age and weight are negatively related to the PPA. While numerous studies confirm gender variations in the PA probability and intensity [Sallis, Prochaska, Taylor, 2000; Sagatun et al., 2008; Uijtdewilligen et al., 2011; Lämmlle, Worth, Bös, 2012; Al-Hazzaa et al., 2014], we also reveal that certain factors associated with the PPA and IPA are subject to gender differences. For girls, alcohol consumption is positively related to the PPA, while for boys, it correlates with the IPA. Cohabitation does not influence the PPA and IPA of young men; for young women, both cohabitation and registered marriage decrease PPA. Age proved to be a stronger predictor of the PPA for boys than for girls. Conversely, in the case of girls, the

reduction of the PPA is more pronounced as we move from a group of schoolchildren to the groups of university students, employed or non-employed, compared with the same difference for boys. Higher education is more strongly correlated with the PPA for boys than for girls.

Concerning *health status and lifestyle*, we note the positive correlation between alcohol consumption and the PPA for females (and the IPA for males). Similarly, being a smoker, while associated with a reduction in the PPA, is positively associated with the IPA. Most international studies had either established no consistent relationship between these factors [Sallis, Prochaska, Taylor, 2000] or found a reverse relationship [Biddle et al., 2005; Higgins et al., 2014]. Several research papers indicate a positive relation between PA and unhealthy habits among youth in different countries: for drinking alcohol [Dunn, Wang, 2003; Buscemi et al., 2011] and for smoking [Verkooijen, Nielsen, Kremers, 2008]. The correlation of bad habits and the PA could be explained by the specificity of the age category of respondents — young people in their leisure time are combining training sessions, bar and night club visits, sports events, and dancing. Verkooijen, Nielsen, and Kremers also mention motivational considerations: for young males, sports activities and smoking are connected with a feeling of friendship; for young females, smoking is associated with losing weight [ibid.]. Our study also shows that, while SAH of the young remains high, “bad” habits do not come into conflict with “good” ones.

Socioeconomic factors — education level and per capita household income — are both positively related to the PPA. This result is quite predictable: well-educated people are normally better informed about the gains of healthy lifestyles; higher incomes make it possible to spend money on paid sports activities. Besides, education and income are interrelated. However, most international studies do not consider paid work as a possible factor of the youth’s PA. The authors tend to study homogenous age groups (schoolchildren, university students) and assume that the vast majority of respondents do not work. In our sample, apart from schoolchildren and students, we encounter a significant share of employed and non-employed but not studying respondents — 35% of respondents in the age range 15–24 have reported that they were employed. Once an indicator for the employment status had been introduced into the analysis, we noticed that the PPA tended to decrease for all the groups (student, employed, non-employed) compared with schoolchildren. This result can be explained by both compulsory physical training classes in the Russian school curriculum and more leisure time for physical culture and sports in the case of schoolchildren.

Household characteristics. Authors normally do not find any correlation between the family status of the respondents and their PA [Bauman et al., 2012]. However, we arrived at different results. Officially married young Russians of both genders are less physically active than those not married. The difference in the PPA can be attributed to more leisure time in the case of unmarried respondents. Besides, we got an additional unexpected result concerning the difference between official marriage and cohabitation. For young women, cohabitation decreases the PPA as well as the official marriage, but for young men, cohabitation has no connection with the PPA.

Among the *environmental factors*, the negative correlation with the PPA was found for the residence in small towns/rural settlements. The higher PPA of youth living in

the capital cities is evident in comparison with the residents of other areas. This result might be attributed to the better availability of the PA facilities for young men living in the capitals (more stadiums, sports grounds, fitness centres, gyms, swimming pools, skating rings, etc.).

Strengths and Limitations

This study adds to the literature on the factors of physical activity in Russian youth. Existing studies are not numerous. They address either young children and teenagers (6–18 years old) [Levin et al., 1999] or groups of students including those who are not officially classified as “young” (15–30 years old) [Zasimova, Kolosnitsyna, 2011]. Some of the studies are based on the data from one-time population surveys with rather limited samples [Levin et al., 1999; Khorkina et al., 2018] or provide the results of descriptive analysis only, not using econometric instruments [Khorkina et al., 2018]. The strength of this study is the use of a large sample from the nation-wide longitudinal survey. Our sample represents the group of people in the age range 15–24, falling under the UN classification into the youth group. We use rich and the most recent data from 2000 to 2016, which allow to reveal the changes in Russian society’s attitudes towards a healthy lifestyle. Another strength is the method of econometric modelling. It gives us a possibility to control for self-selection processes since we can estimate the factors of physical activity intensity for those respondents only who have chosen to exercise. The econometric estimates also allow us to compare the roles of different factors, other things being equal.

Our study has some limitations. Research on the determinants of the youth’s physical activity stresses that nutrition is essential [Sallis, Prochaska, Taylor, 2000]. However, the questions on the respondent’s nutrition were included in the RLMS-HSE questionnaire only in 2010. Therefore, attempts to include nutrition into the econometric model would cut the surveyed period and the research time frame. Some authors stress that another important factor is household size [Ferreira et al., 2007; Khorkina et al., 2018], assuming that the immediate family might strongly influence the respondent’s predisposition for physical activity. However, once the factor of per capita household income (calculated as the total household income divided by the number of persons living in the household) and the variable of household size were simultaneously used in the model, we predictably recorded the multicollinearity of these indicators. Therefore, in the final version of the model, we kept only the per capita income variable. Some authors also take into account the availability of sports facilities assuming their possible influence upon youth’s proclivity for physical activity [Sallis et al., 1992; Spence, Lee, 2003]. The vast majority of respondents in our sample (around 90%) live in the areas with good sports infrastructure. That was the reason not to include the variable “availability of infrastructure” into the regression analysis, since it does not demonstrate sufficient variation and closely correlates with the type of settlement.

Conclusions and Policy Implications

Our research shows that while the majority of young Russians live in the settlements with well-developed sports facilities, only half of the young men and about one-third of young women are physically active. This means that special mechanisms should be

applied to motivate young people to exercise. In particular, sociological polls could help to reveal the preferred types of activities in this age group and to adjust the existing infrastructure correspondingly.

According to our results, even in the presence of free outdoor facilities, young people with low incomes exercise less. To motivate members of low- and moderate-income households to do regular physical activity, a mechanism of tax deductions could be introduced, by analogy with healthcare and education spending.

The probability of physical activity of young people halves when they move from school/university to employment. To enhance the physical activity of young employees, companies providing sports facilities/training at the workplace or subsidizing fitness centre memberships should get governmental grants or tax advantages.

Our findings show that marital status is a factor of a lower probability of physical activity for both spouses. For married couples and cohabitants, sports programmes should be developed to promote exercising for men and women together in the same type of activities, or different activities at the same time.

The results of this study do not suggest a one-to-one dependence between the probability/intensity of physical activity among young people and unhealthy habits, such as drinking alcohol and smoking. Our findings give reasons for separate public policies addressing different types of youth behaviours — physical activity, smoking, and alcohol consumption. Overall, better-targeted policy measures motivating young people to be physically active will have a long-term effect.

References (Список литературы)

- Al-Hazzaa H. M., Alahmadi M. A., Al-Sobayel H. I., Abahussain N. A., Qahwaji D. M., Musaiger A. O. (2014) Patterns and Determinants of Physical Activity among Saudi Adolescents. *Journal of Physical Activity and Health*. Vol. 11. No. 6. P. 1202–1211. <https://doi.org/10.1123/jpah.2012-0427>.
- Bauman A. E., Reis R. S., Sallis J. F., Wells J. C., Loos R. J. F., Martin B. W. (2012) Correlates of Physical Activity: Why Are Some People Physically Active and Others Not? *Lancet*. Vol. 380. No. 9838. P. 258–271. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(12\)60735-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(12)60735-1).
- Biddle S. J. H., Whitehead S. H., O'Donovan T. M., Nevill M. E. (2005) Correlates of Participation in Physical Activity for Adolescent Girls: A Systematic Review of Recent Literature. *Journal of Physical Activity and Health*. Vol. 2. No. 4. P. 423–434. <https://doi.org/10.1123/jpah.2.4.423>.
- Buscemi J., Martens M. P., Murphy J. G., Yurasek A. M., Smith A. E. (2011) Moderators of the Relationship between Physical Activity and Alcohol Consumption in College Students. *Journal of American College Health*. Vol. 59. No. 6. P. 503–509. <https://doi.org/10.1080/07448481.2010.518326>.
- Dunn M. S., Wang M. Q. (2003) Effects of Physical Activity on Substance Use among College Students. *American Journal of Health Studies*. Vol. 18. No. 2/3. P. 126–132.
- El-Ammari A., El Kazdough H., Bouftini S., El Fakir S., El Achhab Y. (2017) Level and Potential Social-Ecological Factors Associated with Physical Inactivity and Sedentary

Behavior among Moroccan School-Age Adolescents: A Cross-Sectional Study. *Environmental Health and Preventive Medicine*. Vol. 22. No. 1. P. 1–9. <https://doi.org/10.1186/s12199-017-0657-0>.

Ferreira I., van der Horst K., Wendel-Vos W., Kremers S., van Lenthe F.J., Brug J. (2007) Environmental Correlates of Physical Activity in Youth — A Review and Update. *Obesity Reviews*. Vol. 8. No 2. P. 129–154. <https://doi.org/10.1111/j.1467-789X.2006.00264.x>.

Heckman J. (1979) Sample Selection Bias as a Specification Error. *Econometrica*. Vol. 47. No. 1. P. 153–161. <https://doi.org/10.2307/1912352>.

Higgins J. W., Gaul C., Gibbons S., Van Gyn G. (2003) Factors Influencing Physical Activity Levels among Canadian Youth. *Canadian Journal of Public Health*. Vol. 94. No. 1. P. 45–51. <https://doi.org/10.1007/BF03405052>.

Khorkina N. A., Lopatina M. V., Kostina Y. V. (2018) Russian Youth Physical Activity and Public Policy. *Public Administration Issues*. No. 2. P. 177–200. (In Russ.)

Хоркина Н. А., Лопатина М. В., Костина Ю. В. Физическая активность российской молодежи и возможности государственной политики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 2. С. 177–200.

Lämmle L., Worth A., Bös K. (2012) Socio-Demographic Correlates of Physical Activity and Physical Fitness of German Children and Adolescents. *European Journal of Public Health*. Vol. 22. No. 6. P. 880–884. <https://doi.org/10.1093/eurpub/ckr191>.

Levin S., Ainsworth B. E., Kwok C. W., Addy C. L., Popkin B. M. (1999) Patterns of Physical Activity among Russian Youth: The Russian Longitudinal Monitoring Survey. *European Journal of Public Health*. Vol. 9. No. 3. P. 166–173. <https://doi.org/10.1093/eurpub/9.3.166>.

Micklesfield L. K., Munthali R. J., Prioreshi A., Said-Mohamed R., van Heerden A., Tollman S., Kahn K., Dunger D., Norris S. A. (2017) Understanding the Relationship between Socio-Economic Status, Physical Activity and Sedentary Behaviour, and Adiposity in Young Adult South African Women Using Structural Equation Modelling. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 14. No. 10. P. 1271–1283. <https://doi.org/10.3390/ijerph14101271>.

Peer N., Bradshaw D., Laubscher R., Steyn N., Steyn K. (2013) Urban — Rural and Gender Differences in Tobacco and Alcohol Use, Diet and Physical Activity among Young Black South Africans between 1998 and 2003. *Global Health Action*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.3402/gha.v6i0.19216>.

Sagatun Å., Kolle E., Anderssen S. A., Thoresen M., Sjøgaard A. J. (2008) Three-Year Follow-Up of Physical Activity in Norwegian Youth from Two Ethnic Groups: Associations with Socio-Demographic Factors. *BMC Public Health*. Vol. 8. No. 1. P. 1–9. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-8-419>.

Sallis J. F., Prochaska J. J., Taylor W. C. (2000) A Review of Correlates of Physical Activity of Children and Adolescents. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. Vol. 32. No. 5. P. 963–975. <https://doi.org/10.1097/00005768-200005000-00014>.

Sallis J. F., Simons-Morton B. G., Stone E. J., Corbin C. B., Epstein L. H., Faucette N., Iannotti R. J., Killen J. D., Klesges R. C., Petray C. K., Rowland T. W., Taylor W. C. (1992) Determinants of Physical Activity and Interventions in Youth. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. Vol. 24. No. 6. P. 248–257. <https://doi.org/10.1249/00005768-199206001-00007>.

Spence J. C., Lee R. E. (2003) Toward a Comprehensive Model of Physical Activity. *Psychology of Sport and Exercise*. Vol. 4. No. 1. P. 7–24. [https://doi.org/10.1016/S1469-0292\(02\)00014-6](https://doi.org/10.1016/S1469-0292(02)00014-6).

Trost S. G., Owen N., Bauman A. E., Sallis J. F., Brown W. J. (2002) Correlates of Adults' Participation in Physical Activity: Review and Update. *Medicine & Science in Sports & Exercise*. Vol. 34. No. 12. P. 1996–2001. <https://doi.org/10.1097/00005768-200212000-00020>.

Uijtdewilligen L., Nauta J., Singh A. S., van Mechelen W., Twisk J. W. R., van der Horst K., Chinapaw M. J. M. (2011) Determinants of Physical Activity and Sedentary Behavior in Young People: A Review and Quality Synthesis of Prospective Studies. *British Journal of Sports Medicine*. Vol. 45. No. 11. P. 896–905. <https://doi.org/10.1136/bjsports-2011-090197>.

Varlamova S., Goncharova E., Sokolova I. (2015) Internet Addiction among Young People Living in Metropolitan Cities: Criteria and Typology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 2. P. 165–182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>. (In Russ.)

Варламова С., Гончарова Е., Соколова И. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 165–182. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.11>.

Verkooijen K. T., Nielsen G. A., Kremers S. P. J. (2008) The Association between Leisure Time Physical Activity and Smoking in Adolescence: An Examination of Potential Mediating and Moderating Factors. *International Journal of Behavioral Medicine*. Vol. 15. No. 2. P. 157–163. <https://doi.org/10.1080/10705500801929833>.

Vilhjalmsson R., Thorlindsson T. (1998) Factors Related to Physical Activity: A Study of Adolescents. *Social Science & Medicine*. Vol. 47. No. 5. P. 665–675. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(98\)00143-9](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(98)00143-9).

Zasimova L. S., Kolosnitsyna M. G. (2011) Creation of the Healthy Lifestyle for Russian Young People: Possibilities and Limitations of the State Policy (from the Materials of the Optional Analysis). *Public Administration Issues*. No. 4. P. 116–129. (In Russ.)

Засимова Л. С., Колосницына М. Г. Формирование здорового образа жизни у российской молодежи: возможности и ограничения государственной политики (по материалам выборочных исследований) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С. 116–129.

Appendices

Appendix A. RLMS-HSE questions used to construct the variables

Variable	Question(s)	Answers
PPA, IPA	I will now list various kinds of physical activities. Will you please tell me in which of them you engaged in the last 12 months at least 12 times? For each activity you engaged in, during how many months, how many times per month, and how many minutes per time did the activity last?	Jogging, ice skating, skiing Using exercise equipment Pleasure walking Heel-and-toe walk Bicycling Swimming Dancing, aerobics Basketball, volleyball, soccer, hockey Badminton, tennis (including table tennis) Fighting, boxing, karate Something else
BMI	1) What is your height in centimetres? 2) How many kilograms do you weigh?	
SAH	How would you evaluate your health? It is:	Very good Good Average — not good, but not bad Bad Very bad
Alcohol	In the last 30 days, have you consumed alcoholic beverages?	Yes/No
Smoking	Do you now smoke?	Yes/No
Nutrition	Is it possible for you to eat always regularly but no rarely than three times a day?	Yes Yes more than no No more than yes Never manage
Education	What is your highest education level which is confirmed by a certificate or diploma?	General or incomplete secondary school Complete secondary school Vocational training school without secondary education Vocational training school with secondary education, technical trade school Technical community college, medical, music, pedagogical, art training school Institute, university, academy including specialist diploma, bachelor's degree, master's degree Post-graduate course, residency PhD degree Doctoral degree

Variable	Question(s)	Answers
Employment status	Which answer best describes your primary occupation at present? Choose only one answer.	A high school or vocational school student A university or technical school student Unable to work for health reasons, disabled Retired and not working On maternity leave On official leave for looking after a child A housewife Temporarily not employed for other reasons and looking for a job Temporarily not employed for other reasons and not looking for a job A farmer An entrepreneur Working at an enterprise, organization, etc.
Income	What was the monetary income of your entire family in the last 30 days? Include here all the money received by all members of the family.	
Marital status	1) What is your marital status? 2) Do you live with a partner to whom you are not officially married?	Never married First marriage Second marriage Divorced Widower/widow Married, but don't live together Yes, you live with a partner and consider yourself husband and wife Yes, you live with a partner but don't consider yourself husband and wife No, you do not live with a partner
Infrastructure	In this population center, are there any parks or sports complexes where residents can engage in sports: play soccer or hockey, ice skate, ski, swim, etc.?	Yes/No

Appendix B.
Descriptive statistics of the continuous variables
in regression models (mean values)

Variable	Men (N=10,317)	Women (N=11,386)
Age (years)	20.1 (2.8)*	20.2 (2.7)
Average household income per capita per month in 2000 prices (roubles)	2710.6 (2698.1)	2694.7 (2515.8)
Intensity of physical activity (hours per month)	10.5 (19.6)	5.8 (13.6)

* Standard deviations in parentheses.

Appendix C.**Descriptive statistics of the categorical variables in regression models**

Variable	Number of observations	Share of total (%)	Number of observations	Share of total (%)
	Men		Women	
Total	10317	100	11386	100
<i>Body mass index (BMI):</i>				
Underweight (BMI < 18,5)	742	7	1521	13
Normal weight (18,5 ≤ BMI < 25)	6877	67	7388	65
Pre-obesity (25 ≤ BMI < 30)	1465	14	1103	10
Overweight (BMI ≥ 30)	1233	12	1374	12
<i>Self-assessed health (SAH):</i>				
Bad or very bad	196	2	357	3
Average, not good and not bad	3416	33	5039	44
Good or very good	6705	65	5990	53
<i>Smoking:</i>				
Smoker	5559	54	2371	21
Non-smoker	4758	46	9015	79
<i>Alcohol:</i>				
Consumes alcohol	5252	51	4359	38
Does not consume alcohol	5065	49	7027	62
<i>Education:</i>				
No secondary education certificate	3426	33	2707	24
Complete secondary or vocational education	3978	38	4172	37
Technical/incomplete higher education	2227	22	3221	28
Complete higher education (including scientific degree)	686	7	1286	11
<i>Employment status:</i>				
Secondary school student	1775	17	1638	14
Higher education student	2415	24	2908	26
Employed	4437	43	4074	36

Variable	Number of observations	Share of total (%)	Number of observations	Share of total (%)
	Men		Women	
Non-employed	1690	16	2766	24
<i>Family status:</i>				
Not married	7901	77	7111	62
Married (registered marriage)	1388	13	2687	24
Cohabitation	1028	10	1588	14
<i>Place of residence:</i>				
Capitals (Moscow and St. Petersburg)	1233	12	1279	11
Regional centers (apart from Moscow and St. Petersburg)	3388	33	4014	35
Cities, towns (apart from regional centers)	2430	23	3006	27
Rural settlements	3266	32	3087	27
<i>Physical activity:</i>				
Yes	4568	44	3692	32
No	5749	56	7694	68

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1715](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1715)

О. Г. Исупова

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ МОЛОДЕЖИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Исупова О. Г. Гендерная специфика жизненных планов молодежи Дальнего Востока России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 602—628. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1715>.

For citation:

Isupova O. G. (2020) Gender Specifics of Youth Life Planning in the Russian Far East. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 602—628. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1715>. (In Russ.)

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ МОЛОДЕЖИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

ИСУПОВА Ольга Генриховна — PhD, доцент, старший научный сотрудник, Институт демографии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oisupova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

Аннотация. Данная статья посвящена жизненным планам студентов и школьников Дальнего Востока, сформулированным ими в ходе фокус-групп по изучению миграции в сентябре — октябре 2019 г. Этим планам свойственна разная степень конкретности, реалистичности или, наоборот, идеалистичности, что не всегда связано с возрастом (самым младшим участникам было 14 лет, самым старшим — чуть более 20). В жизненных планах прослеживается определенная гендерная специфика, ставшая основным предметом рассмотрения в данной статье. Наш исследовательский вопрос состоит в том, насколько эта гендерная специфика воспроизводит традиционные гендерные нормы и идеалы и в какой степени ее коснулись модернизационные представления. Исследование показало, что школьники и студенты Приморского края демонстрируют сложную совокупность традиционных и модернизированных характеристик жизненных планов, причем гендерная составляющая этих особенностей проявляется достаточно ярко и в традиционной, и в «современной» части. У юношей и девушек растет стремление к индивидуализированному жизненному пути и готовность гибко адаптироваться к изменениям всю жизнь.

GENDER SPECIFICS OF YOUTH LIFE PLANNING IN THE RUSSIAN FAR EAST

Olga G. ISUPOVA¹ — PhD, Associate Professor, Senior Research Fellow at the Institute of Demography
E-MAIL: oisupova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4189-2063>

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on life plans of the Far-Eastern students and schoolchildren which they stated during the focus groups aimed to study migration and conducted in September — October 2019. The youth life plans were characterized by varying degrees of detail, realism, or vice versa, idealism, which was not necessarily dependent on age (the youngest participants were 14 y. o.; the oldest ones were 20 and over). The article highlights that certain gender specifics can be traced in the life plans. The author puts forward the following questions: How do that gender specifics reproduce traditional gender norms and ideals? To what extent do modernization representations affect gender differences? The study shows that the life plans of the Primorsky Krai students and schoolchildren have a complex combination of traditional and modern characteristics, with pronounced gender specifics in both parts. Young girls and boys tend to strive to follow an individualized life path and to be ready to adapt to changes throughout their life

Ключевые слова: молодежь, жизненные планы, гендерные роли, миграция

Keywords: youth, life plans, gender roles, migration

Теоретические подходы к исследованиям молодежи и гендерных особенностей жизненных планов ее представителей

По определению из Большого энциклопедического словаря, *молодежь* — это «социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества; современные возрастные границы от 14—16 до 25—30 лет»¹. Это достаточно широкое определение, но мы в нашей работе будем придерживаться именно его.

Жизненные планы молодежи важно изучать потому, что они представляют собой весьма вероятный образ ближайшего будущего, и прежде всего — социальных изменений, которые могут скоро произойти. Еще в 1966 г. было опубликовано первое исследование жизненных планов молодежи в СССР — на региональном уровне, в Свердловске [Жизненные планы молодежи, 1966]. В те времена представления молодых людей о своем будущем понимались именно как планы, так как экономика была плановой, а ситуация в обществе — достаточно стабильной; эти планы рассматривались прежде всего с точки зрения общественных потребностей, которым в идеале надо было подчинять индивидуальные цели. Понятием *жизненные планы*² исследователи в то время называли самопрогноз, ориентации, сформировавшиеся в сознании молодого человека в момент выбора дальнейшего пути, желание (ожидание) определенной направленности своей социальной мобильности [Руткевич, 2008].

В 1963 г. было проведено исследование этой темы В. Лисовским [Лисовский, 1969], где респонденты отвечали на прямо поставленный закрытый вопрос количественной анкеты: «Каковы ваши жизненные планы?» В то время для большинства юношей и девушек важнее всего было «иметь интересную, любимую работу» и «получить высшее образование», что во многом совпадало с декларируемыми целями общества. Почти так же были важны индивидуальные цели: «побывать в других странах», «добиться материального благополучия» и «создать хорошие жилищные условия», — все эти альтернативы ответов набрали примерно по 55 %—60 % голосов респондентов. Друзья, семья и дети также были важны, но набрали только около 40 % [там же: 34].

С середины 1980-х годов российская социология молодежи перестала рассматривать эту возрастную группу исключительно как объект социально-политического воздействия, за молодыми признали субъектность, право на выбор,

¹ Молодежь // Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/201474/%D0%9C%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%96%D0%AC> (дата обращения: 14.09.2020).

² «Планы жизненные — определяемая человеком совокупность и последовательность своих целей на жизненном пути и способов их достижения, индивидуализированное отражение в сознании людей конкретной социальности-историч[еской] ситуации, складывающейся в общест[ве] объективно, независимо от воли и сознания отдельного человека» [Филиппов, 1998: 380].

что привело к изучению уже не жизненных планов, а стратегий жизни молодежи, предполагающих наличие долгосрочной системы целей и осознанного представления о путях их реализации [Абульханова-Славская, 1991]. Предполагалось, что на человека воздействует среда, но присутствует и элемент активного и ответственного формирования планов.

Тем временем в западной научной традиции взросление и планы начали рассматривать в рамках концепции перехода ко взрослой жизни. Неопределенность общественного устройства все время росла, и такой переход становился все более гибким: все сложнее становилось встроиться в постоянно меняющиеся, «текущие» структуры. Ситуация, когда молодые люди постепенно заполняли «приготовленные» для них обществом «ниши», постепенно менялась, и теперь молодежь должна была создавать такие «ниши» для себя. Это путь, на котором далеко не всегда удается остановиться, и, как правило, приходится часто перестраивать маршрут и перестраиваться самому [Furlong, Stalder, Azzopardi, 2000; Walther et al., 2002; Wyn et al., 2020].

По мнению Ю. Зубок и В. Чупрова, «глобальным признаком взросления молодежи и ее жизненных стратегий как в европейских странах, так и в российском обществе становились дестандартизация и индивидуализация жизненных стратегий молодежи на фоне возрастающего кризиса» [Зубок, Чупров, 2020: 19]. Институты все меньше регулировали жизнь молодежи, но все меньшей становилась и помощь от них. Напротив, более значительную роль в жизненных планах молодежи и их осуществлении начала играть специфика стартовых позиций каждого: социально-экономический статус семьи происхождения, гендер, этничность, место проживания. Все это — при растущем разнообразии возможностей в области образования и рынка труда, которые, однако, далеко не всем оказались в равной степени доступны. Переход во взрослую жизнь стал более длительным и индивидуальным, появилось новое неравенство, связанное с прекаризацией труда и другими факторами [Kelly, Kamp, 2015; Bessant, Farthing, Watts, 2017; Zaremohzzabieh et al., 2020; Касаткина, Шумкова 2020; Павленко, Якубовская, 2020].

Появилась «новая взрослость» с ненадежной работой, учебой в течение всей жизни, необходимостью гибкости и мобильности, принятием отсутствия безопасности как нормы [Crofts et al., 2015; Wyn et al., 2020]. В этой ситуации снова правильнее говорить о планах, а не о стратегиях, так как осознанные долгосрочные стратегии в таких условиях становятся нерелевантными. Однако основные жизненные цели остаются похожими на те, что были и в 1960-е годы: для молодых по-прежнему важны личные отношения и работа, меняется лишь соотношение разных сторон жизни, например, для нынешней молодежи в Австралии относительно важнее стали этические аспекты [Crofts et al., 2015].

Как пишут Ю. Зубок и В. Чупров, «молодежь через систему индивидуальных выборов воссоздает или по-новому конструирует общество как собственную реальность» [Зубок, Чупров 2017: 14]. С другой стороны, жизненные траектории молодых людей определяются изменяющейся общественной реальностью. Есть разные подходы к определению понятия «молодежь»: это возрастная группа; это период в рамках жизненного цикла; люди с определенным социальным положением; люди с особенными возрастными субкультурами; люди, имеющие определенное место и играющие некую роль в воспроизводстве общества [Семенова, 2003;

Луков, 2012; Омельченко, 2013; Зубок, Чупров, 2017, и др.]. Молодежи во всех обществах свойственны переходность социального статуса, подвижность ценностных ориентиров, склонность к экстремальности, трансгрессивность, то есть стремление переосмыслить существующие рамки социальной организации и изобрести новые [Зубок, Чупров, 2017].

Современные теории молодежи отражают обострение ее социальных проблем, неопределенность перспектив, сложности перевода своего человеческого капитала в достойные социальные позиции, особенно в периоды общественных кризисов. Теоретические представления также отражают существующие барьеры на пути принятия обществом амбиций молодежи, вытеснение некоторых молодежных групп в антиобщественные сегменты, исключение и подавление молодежи, недооценку того нового, что молодежь каждого поколения привносит в переосмысление социальной жизни.

Некоторые исследователи изучают молодежь в контексте неопределенности и рассматривают склонность к риску как основное свойство, присущее данной группе [Зубок, Чупров, 2017, 2020]. Этот подход основан на теориях неопределенности и риска в целом [Бек, 2000; Гидденс, 1994; Луман, 1994, и др.], социокультурного разрыва как нормы развития [Штомпка, 2012], приспособления к постоянно изменяющейся реальности, ее символизации [Арчер, 1999; Бодрийяр, 2000; Гидденс, 2004; Бауман, 2008]. Е. Омельченко [Омельченко, 2013] исследует молодых людей прежде всего с точки зрения множественности стилей жизни, индивидуальных и групповых стратегий их реализации.

По У. Беку, в современную эпоху наряду с производством материальных и социальных благ систематически воспроизводится риск. В то же время именно молодые люди наиболее склонны к риску, меньше думают о его возможных негативных последствиях. Это может считаться одним из важных группообразующих признаков. По мнению многих авторов, при интеграции молодежи в общество в результате разрыва между стремлениями и ориентирами, с одной стороны, и тем, что общество может предложить, — с другой, возникает несоответствие между включением в структуры и идентификацией с ними. Интеграция становится вынужденной, механической, а сами молодежные идентичности — гибкими, часто меняющимися. В результате представления о собственном будущем имеют некие гибридные черты, сочетая идеальные планы «хорошей жизни» с готовностью пока временно воспользоваться почти любыми путями обеспечения жизни повседневной — за исключением таких путей, которые предполагают высокую приверженность существующим организациям или предприятиям. Лучше всего такое сочетание обеспечивается работой за зарплату на сервисных рабочих местах: именно они дают достаточно денег «на сейчас» и позволяют «не умирать за телефонную компанию» [MacIntyre, 1981], то есть не разделять цели организации как собственные и не быть готовым отдавать ей больше определенного количества усилий и времени. Особое значение приобретают собственные представления молодежи о том, что нужно делать и как думать о жизни, «собственное понимание целесообразности, рациональности, эффективности и привлекательности» [Зубок, Чупров, 2017: 29]. Происходит как выход из-под общественного давления, так и отчуждение от общества.

При этом сохраняется преемственность некоторых традиционных форм и ориентиров поведения: в разной степени для разных групп и отдельных представителей молодежи. В частности, это очень заметно в сфере гендерных норм и идеалов³, например, касающихся распределения сфер деятельности между мужчиной и женщиной. Они не только сохраняются, но и воспроизводятся молодежью. Однако такое их воспроизводство имеет гибридный характер, происходит путем сочетания, с разной степенью согласованности, традиционных и современных норм и идеалов женственности и мужественности. Одним из вариантов может стать реинтерпретация и традиционного, и современного, наделение прошлого и настоящего другим смыслом, часто — модернизированным («перетолкование» прошлого так, чтобы оно соответствовало современности).

В настоящее время представление о социальной детерминации пола (и формировании таким образом гендера) доминирует [Штылева, Ключко, 2019]. Различия между мужчинами и женщинами в социальном поведении и во многом другом проявляются в существовании многочисленных моделей «маскулинности» и «феминности». Традиционная модель маскулинности связана с нормами патриархальной культуры, предполагает доминантность, стремление к иерархии, отрицание «женского», в том числе в себе самом, низкую эмоциональность, агрессивность. Женщины в этой модели воспринимаются как менее достойные существа, которые должны занимать подчиненное положение в обществе и семье [Плеск, 1981; Костерина, 2011; Хитрук, 2018].

Современная модель маскулинности связана с эгалитарными нормами, установками на равноправие, партнерство, эмоциональную чувствительность и открытость [Kimmel, 2008; Кон, 2011; Коннелл, 2015; Хитрук, 2018; Munsch, Gruys, 2018].

Традиционная феминность связана с установкой на материнство и замужество, значимость внешней привлекательности, хозяйственность, заботливость, чувствительность, уступчивость, беззащитность [Клецина, Иоффе, 2017]. Эта модель предполагает прежде всего зависимость и подчиненность [Коннелл, 2015]. Эгалитарная феминность соответствует представлениям о выравнивании социальных ролей и статусов мужчин и женщин в разных сферах жизни и предполагает сочетание маскулинных и феминных характеристик, способствующее лучшей адаптации к современной жизни. К замужеству и материнству добавляется ориентация на успех в профессиональной деятельности [Клецина, Иоффе, 2017].

С другой стороны, исследования показывают, что более устойчивым и традиционным остается набор характеристик «настоящего мужчины», а модель «настоящей женщины» уже давно противоречива и предполагает и феминные качества (доброту, заботу, важные для семьи), и маскулинные (настойчивость, целеустремленность и т. д., необходимые для работы, — при этом работать должны все, с точки зрения и юношей, и девушек [Тихомиров, Новицкая, 2018; Сухарева, 2018; Ерофеева, 2018]).

³ Гендерные нормы — это разновидность социальных норм, основных правил, которые определяют поведение человека в обществе в соответствии с его гендерной принадлежностью. Гендерные роли — наборы норм, определяющих, как должны вести себя мужчины и женщины. Гендерные идеалы воплощают культурные представления о мужском и женском поведении [Смелзер, 1998].

Наша основная задача в данном исследовании — выявить гендерные особенности жизненных планов (в их тесной связи с миграционными планами) молодежи разного пола и возраста в ситуации социально-экономической неопределенности и несогласованности стремлений молодых людей и девушек с теми позициями в системе, которые им готовы предоставить существующие общественные структуры. Наши первоначальные гипотетические представления состоят в том, что планы и стремления, вероятно, будут носить гибридный характер, в представлениях индивидов будут сочетаться традиционное и современное как по форме, так и по содержанию, и это будет касаться в том числе и гендерной стороны жизненных планов. Качественная методология исследования позволит выяснить, какие конкретные сочетания традиционного и современного существуют у молодежи и какими смыслами юноши и девушки наделяют традиционные и современные образцы поведения, переопределяя их. Метод фокус-групп был выбран в связи с тем, что он позволяет выявить представления участников в ситуации, предполагающей развитие групповой динамики в дискуссии с модератором. Благодаря этому можно лучше понять или почувствовать нормативную сторону формируемой этими участниками социальной среды. Для того чтобы изучать гендерные особенности миграционных планов и того, что лежит в их основе, такой метод весьма подходит. Наши выводы и построение типологии планов основаны на самообъяснениях участников в ходе дискуссий. Это инсайты, полученные в ходе фокус-групп. Пользуясь ими, мы можем выносить некоторые суждения о причинах поведения и намерений, но не делать обобщающие выводы обо всем населении региона и/или обо всех юношах или девушках, поскольку выборка не была репрезентативной. Однако такие возможные основания миграционных планов, в сопоставлении с приводимой нами статистикой по реальному поведению молодежи региона, могли бы стать базой для формирования количественного репрезентативного исследования.

Миграционные особенности Дальнего Востока как региона

Ученые считают, что молодежь — наиболее миграционно подвижная группа [напр., Efendic, 2016; van Dalen, Henkens, 2013; Bjarnason, 2014; Chort, 2014; Мкртчян, 2017; Рочева, Варшавер, 2020, и др.]. Миграционные намерения молодежи достаточно определенно связаны с фактическим миграционным поведением [van Dalen, Henkens, 2013; Bjarnason, 2014]. Разные группы осуществляют миграционные планы по-разному: чаще такие намерения реализуют мужчины [Chort, 2014], люди с высшим образованием [Docquier, Peri, Ruysen, 2014]. Обычно сами потенциальные мигранты говорят о лучших социально-экономических условиях в месте, куда они стремятся переехать, но в реальности часто оказывается важнее их удовлетворенность жизнью в месте проживания, индивидуальные характеристики, социальные связи в месте притяжения, наличие «культуры миграции» в месте притяжения и месте исхода [Kandel, Massey, 2002; Otrachshenko, Popova, 2014]. В России миграционные намерения молодежи исследовались часто [Флоринская, Рощина, 2005; Варшавская, Чудиновских, 2014; Карачурина, Флоринская, 2019]. Данные и наблюдения показывают, что в последние десятилетия для нашей страны

характерна массовая миграция молодежи из периферии в центр [напр., Мкртчян, 2017; Рочева, Варшава, 2020; Недосека, Шарова, 2020; Одинцов, Шипицин, Марченко, 2020].

Вероятно, можно говорить, что в регионах России сформирована «культура миграции», которая включает переезд как почти неотъемлемый составной элемент любых жизненных планов молодежи. Конечно, эти планы могут и не осуществляться, но поскольку именно они, а не фактическое поведение, являются предметом нашего интереса, миграционная составляющая настолько важна для нас.

Трансформационные изменения в России при переходе к рыночной экономике привели к усилению пространственного неравенства, что активизировало миграцию внутри страны. В последнее время правительство уделяет особое внимание социально-экономическому развитию Дальневосточного региона, но миграционный «западный дрейф» (переселение больших масс людей из восточных регионов России в западные) остается заметной тенденцией. В 2012 г. на острове Русский во Владивостоке проведен саммит АТЭС-2012, затем Восточный экономический форум, — для этого были построены современные дорогостоящие объекты инфраструктуры на Юге Дальнего Востока. Функционируют федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» до 2018 г. и госпрограмма «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» до 2025 г., цель которых — сделать регион конкурентоспособным.

Несмотря на инвестиции и программы развития, численность населения Дальнего Востока продолжает сокращаться (например, в 2016 г. на каждые 100 выбывших из региона в другие федеральные округа приходилось 69 прибывших), что делает данный регион особенно интересным с точки зрения изучения миграции и миграционных намерений. Уникальна ситуация в Приморском крае, поскольку там достаточно благоприятный климат и природные ресурсы, тем не менее миграция из региона остается интенсивной. Чаще всего переезжают в Южный, Центральный, Северо-Западный федеральные округа [Мотрич, Изотов, 2018]. Только в 2016 г. отток населения с Дальнего Востока, по сравнению с Сибирским ФО, замедлился. По мнению Е. Мотрич и Д. Изотова [там же], одним из факторов, способствующих относительной легкости миграции из региона, может быть продолжительность проживания в нем. Существенная часть населения Дальнего Востока — приезжие: по данным переписей населения, менее половины людей живут на Дальнем Востоке с рождения (в 2002 г. таких было 48,7 %, в 2010 г. — лишь 40,3 % [Итоги..., 2005; Итоги..., 2013]).

По реальному среднему доходу на душу населения (см. табл. 1) регион отстает от Центрального федерального округа, а Приморский край, являющийся объектом нашего изучения, отстает и от Северо-Западного и Уральского федеральных округов. По мнению ряда авторов [напр., Мотрич, Изотов, 2018], подтвержденному неоднократно высказываниями наших респондентов в ходе фокус-групповых дискуссий, существенной проблемой региона также является плохая транспортная связанность, создающая барьеры для развития сбалансированной внутрирегиональной экономики и снижающая качество жизни населения.

Таблица 1. Среднемесячные среднедушевые доходы по федеральным округам России и отдельно в Приморском крае в 2018 г., руб.⁴

СКФО	23370
СФО	24825
ПФО	26572
ЮФО	28161
Приморский край	33993
СЗФО	34900
УФО	34900
ДФО	39030
ЦФО	42893

Интересны данные по миграции молодежи от 15 до 30 лет из региона внутри России⁵ (см. рис. 1, 2 и 3).

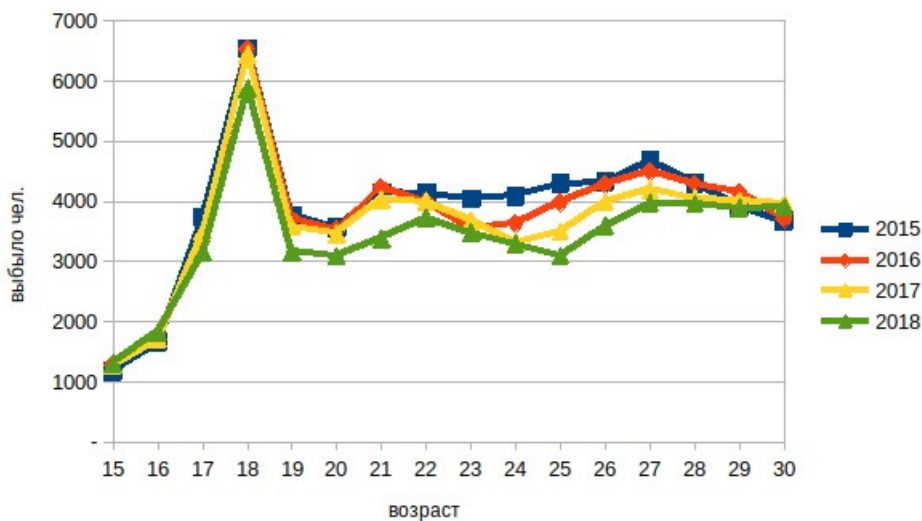

Рис. 1. Число выбывших из Дальневосточного федерального округа в другие регионы России, по годам и возрасту мигрантов, оба пола

⁴ Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. 2019. 26 июня. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm (дата обращения: 14.09.2020).

⁵ Расчеты произведены автором. Источник данных: Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Федеральная служба государственной статистики: Витрина статистических данных. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278004/> (дата обращения: 14.09.2020).

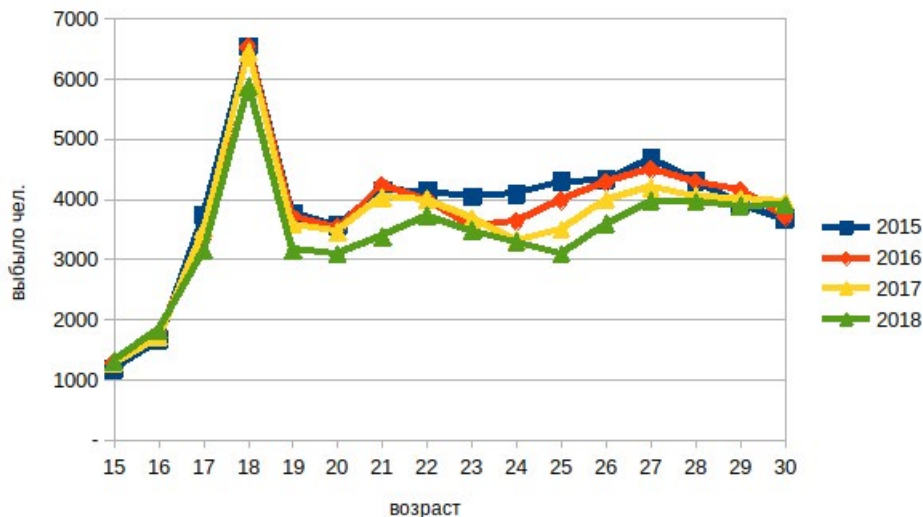

Рис. 2. Число выбывших из Дальневосточного федерального округа в другие регионы России, по годам и возрасту мигрантов, женщины

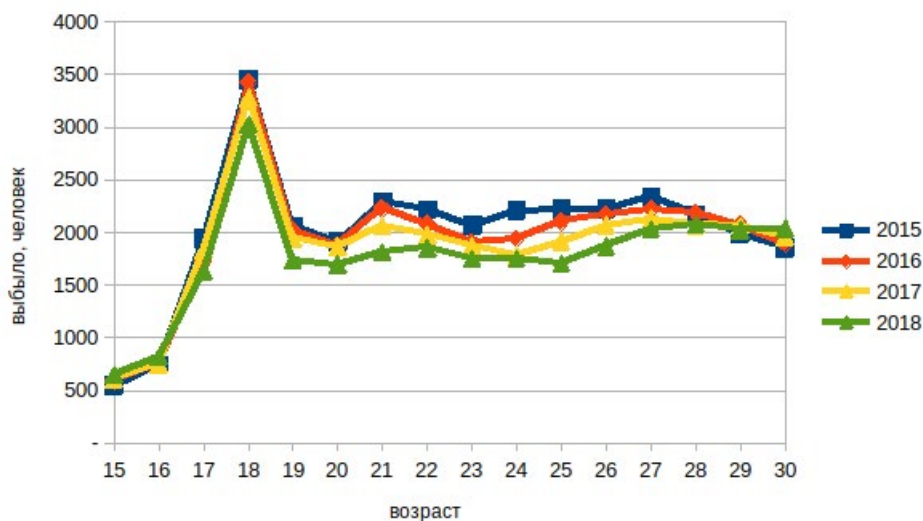

Рис. 3. Число выбывших из Дальневосточного федерального округа в другие регионы России, по годам и возрасту мигрантов, мужчины

Можно видеть, что наиболее интенсивна миграция в возрасте 18 лет, что связано с переездом в другой город для получения образования. Несколько чаще в этом возрасте переезжают женщины, к 2018 г. такая миграция у представите-

лей обоих полов сокращается, что может быть связано с улучшением образовательных возможностей внутри региона. Ситуация после окончания образования, в возрасте около 25 лет, характеризуется наибольшими изменениями трендов от года к году: эти изменения более заметны у мужчин, но проявляются и у женщин. С каждым годом в этом возрасте все меньше уезжают из региона — предположительно, благодаря открывающимся возможностям на Дальнем Востоке или из-за растущих барьеров для переезда на привлекательные территории. Динамика более заметна для юношей, возможно, потому, что они чувствуют себя менее привязанными к родственным сетям и/или в большей степени готовы рисковать ради карьеры: от них выше ожидания в отношении заработка, что заставляет их быстрее реагировать на изменения экономической привлекательности различных регионов. Однако к возрасту 30 лет различия между мигрирующими мужчинами и женщинами практически стираются, нет и изменений по годам. Все это может свидетельствовать о пока непрочном, несмотря на все инвестиции в развитие региона, тренде на удержание молодежи на территории Дальнего Востока. Возможно, описанная ситуация складывается в связи с появлением некоторого числа рабочих мест, достаточно привлекательных именно для вчерашних выпускников, но менее привлекательных для людей несколько более старшего возраста.

Материалы и методы

Данная статья основана на материалах фокус-групп (по шесть-восемь человек в каждой) со школьниками и студентами, проведенных в городах и селах Приморского края в сентябре и октябре 2019 г. При рекрутировании участников мы старались обеспечить примерно равное соотношение полов в каждой группе, в целом это получилось. Основной темой исследования были миграционные планы и намерения молодежи, но в их контексте участники часто затрагивали такие аспекты этих планов, которые можно связать с гендерными идеалами. Анализ именно этой части планов стал предметом настоящего исследования.

Всего мы провели 13 фокус-групп. Во Владивостоке было проведено две фокус-группы со студентами ДВФУ и одна группа со студентами ВГУЭС (Университет экономики и сервиса). В Арсеньеве — фактически моногороде, созданном вокруг известного вертолетного завода, — состоялась одна группа со школьниками; в селе Анучино (около 4000 жителей), недалеко от Арсеньева, — также одна группа со школьниками. В Дальнегорске, шахтерском поселении, характеризующемся сложной экологической обстановкой, прошла одна группа со школьниками и одна со студентами колледжа. Одна группа со школьниками состоялась в селе Рудная Пристань недалеко от Дальнегорска. В Уссурийске, ближе всего расположенном к китайской границе и озеру Ханка, живущему местной торговлей с Китаем, — по одной группе со школьниками в городе и близлежащем прибрежном селе Камень-Рыболов. В Находке состоялась одна группа со школьниками и одна со студентами местного отделения ДВФУ, а также одна в селе недалеко от города (Владимира-Александровском). Важно отметить, что все исследованные села — большие, в них по несколько тысяч жителей. Возраст участников групп со школьниками был 14—16 лет, студенты колледжей и вузов были в возрасте 15—20 лет.

Исследование полностью выполнено в рамках качественной методологии. Для данной статьи использовался гендерный подход и интерпретивистская парадигма, то есть акцент на воссоздании исследуемыми их собственных общих смыслов, конструируемых в процессе обсуждения жизненных планов. На материале фокус-групп был выполнен качественный анализ текстов транскриптов.

Результаты: описание и анализ

Анализ текстов групповых интервью позволил выявить некоторые особенности мужских и женских планов на будущее. Методология позволяет выделить их скорее как отдельные специфические характеристики, связанные с гендером, чем как сформированные многокомпонентные стратегии. В каких соотношениях они присутствуют в индивидуальных решениях, мы сказать не можем, однако заметны нижеследующие «мужские» и «женские» особенности, а также общие черты, характеризующие картину будущего у школьников и студентов разных полов.

Особенности мужских планов на будущее

Первая особенность, чаще более однозначно высказываемая юношами в небольших городах и селах, связана с рано — уже в подростковом возрасте — появляющейся ответственностью за семью, в этот момент еще родительскую. Речь идет об ответственности за принятие решений, за то, чтобы в будущем содержать детей и уже сейчас знать, сколько для этого нужно денег, за то, чтобы семейный дом не разрушался, для этого в нем все время надо что-то чинить и достраивать:

Отца у меня нет, и в семье я принимаю довольно важные решения, с мамой мы всегда решаем, где мы будем отдыхать на море, и где, допустим, я буду работать, как правильно распределить бюджет, ну... я играю довольно важную роль, не ключевую, может быть. (Арсеньев, школьник)

Инф. 1: В семье с двумя детьми достаточно тысяч 100.

Инф. 2: Но достаточно с ограничениями.

Инф. 1: Но никаких отпусков, конечно. Это платить за коммунальные услуги, за квартиру и содержать детей. (Владивосток, студенты ДВФУ, муж.)

Инф.: А я батя. [все смеются] Я главный в семье.

Инт.: Хорошо. Расскажи тогда, как это проявляется, какие вопросы с тобой обсуждают, кто тебя слушает.

Инф.: Например, вчера я колотил... Ну, крыльцо. Пристройка такая.

Инт.: Тебе комфортно в этой ситуации? Ты любишь принимать такие решения важные?

Инф.: Да. (Владими́ро-Александровское, школьник)

Чаще это проявляется у юношей в семьях, где нет отца, с отцом проблемы, или, наоборот, в очень благополучных, обеспеченных семьях, где есть хорошая связь с отцом, в том числе и в отношении разговоров о будущей жизни, советов и жизненных ориентиров.

Вторая особенность мужского отношения к жизни, влияющая на жизненные планы, чаще проявляется у более обеспеченных молодых людей, прежде всего студентов коммерческого вуза. Она связана с тем, что свое будущее эти студенты видят там, где можно будет «делать деньги», причем как можно больше. Хотя пока неясно, где и как это будет получаться, но присутствует нацеленность прежде всего на поиск таких возможностей:

Почему я выбрал Питер, потому что в СПбГУ крутятся большие деньги. (Владивосток, студент ВГУЭС)

Этот регион очень привлекателен именно для бизнесменов, тут очень легко развить свое дело и получать с него очень хорошие деньги. Если брать в сравнении с Москвой, то там очень большая конкуренция, а в Приморском крае ты можешь построить свою, допустим, корпорацию, и ты будешь получать большую прибыль, так как у тебя не будет конкуренции, здесь ничего нет почти. (Дальнегорск, школьник)

Вариант этого же стремления, но в ограниченном жизненными условиями виде встречается гораздо чаще — это ориентация на поиск хорошо оплачиваемых рабочих мест, причем их делает «мужскими» именно особенно высокая оплата, а не, например, тяжелые условия труда, опасность или сложность деятельности, требующая специального или высшего образования. Это характерно для юношей, чьи семьи занимают средние позиции в обществе, не являясь ни крайне бедными, ни живущими выше среднего уровня. При этом о том, чтобы развить свое дело и самому создать хорошие рабочие места, респонденты думать не осмеливаются, считая, что при ограниченных ресурсах их семей и/или из-за особенностей социально-политической ситуации в их местности это не получится — нужна просто работа:

Моряки приходят с такими огромными деньгами... (Находка, школьник)

Никто не даст здесь сделать свое дело просто так, мы все задавлены. (Уссурийск, школьник)

На данный момент в нашем крае есть одна очень важная проблема — безработица. Она имеет больше всего место быть в Дальнегорске, насколько я помню. Так как уже много раз слышал, что «работы нет». Поэтому и недвижимость стоит дешевле, чем в других городах. (Арсеньев, школьник)

Что меня могло бы мотивировать остаться в своем городе? Нужда города в высококвалифицированном специалисте, которому дают высокую зарплату. (Арсеньев, школьник)

У нас в селе работы нет, отсюда мужчины в основном вахтовым методом уезжают все работать, в море. (Анучино, школьник)

В Корею заработать деньги, если ты какой-то иностранец, намного легче, потому что для мужчин там есть определенные стройки, где ты можешь работать и получать хорошие деньги даже без языка. (Дальнегорск, студент колледжа)

Третья характеристика мужских планов, наиболее часто встречающаяся у студентов, — это стремление связать свою будущую работу с тем, чтобы «что-то делать в интернете», удаленная работа, при которой становится неважно, где ты живешь. Эта ориентация предполагает определенный уровень образования и наличие навыков, поэтому такие планы высказывают студенты и школьники, ориентированные прежде всего на учебу:

Я хочу быть социальным предпринимателем, есть такое онлайн-предпринимательство, используя социальные сети. При этом, кстати, не важно, где жить, можно выбрать приятный регион с дешевой жизнью. (Владивосток, студент ДВФУ)

Четвертая особенность мужских планов — то, что они часто строятся исходя из ориентации на неких сверстников или сообщество сверстников того же пола. Это все те же социальные сети, которые определяли трудовые стратегии многих молодых людей в прежние годы. Только теперь в них участвуют люди, с которыми участники фокус-групп знакомы лишь виртуально — но доверия к ним больше, чем к людям других поколений, знакомым в реальности:

Все профессии, которые реально востребованы, в области IT. Тот же менеджмент, политика, бизнес. Только с применением технологий блокчейна. Как друг из интернета мне объяснил, а я ему доверяю, что за блокчейном будущее. (Владивосток, студент ДВФУ)

Я раньше очень много времени проводил за компьютером, и основной круг лиц, с которыми я общаюсь, — это люди из-за границы, англоговорящие или русскоговорящие. И вот у меня есть друг, который живет в Финляндии, но, так как у него родители русские, он говорит по-русски. Он дает мне очень много советов, куда лучше поступить, как, вообще, что делать, и отчасти он мне дал идею насчет Чешской Республики, то, что туда можно очень легко поступить. (Дальнегорск, школьник)

Пятая «мужская» особенность, встречающаяся наиболее редко в нашей исследуемой совокупности, — это уже сформированная идентификация с будущей профессией, движение именно в этом направлении. Отношения с девушками, место проживания и деньги вторичны, но все же с профессией они должны быть связаны. Например, о доходе такие юноши не забывают:

В Арсеньев я не планирую возвращаться, потому что, скорее всего, моя профессия в этом городе будет не нужна заводу «Прогресс», а значит, в целом всему городу. (Арсеньев, школьник)

Ну, многие, в том числе моя семья, отговаривают меня от выбора этой профессии. Но я поставил цель и приложу немало усилий, чтобы добиться ее. Это журналистика. (Арсеньев, школьник)

В моем случае я еще с детства определился, кем я хочу быть, сразу захотел быть переводчиком, но, когда я уже подросток, захотел пойти, попробовать пойти в ДВФУ на международные отношения. Это достаточно трудное направление, нужны достаточно высокие баллы, поэтому надо сейчас очень хорошо трудиться, чтобы получить высокий балл. (Дальнегорск, школьник)

Если меня попросят сделать в школе какой-то, допустим, конкурс, в котором я смогу выиграть или достичь каких-то результатов для моей будущей профессии — типа рисование или какое-то видео сделать на компьютере, — я сделаю, мне несложно. (Рудная Пристань, школьник)

У этих юношей практически всегда образованные матери.

Один раз, но в очень определенной форме и степени, была выражена шестая характеристика планов на будущее, свойственная только юношам, — ориентация на силу как мужское, и в связи с этим намерение работать в силовых структурах, пока не важно, каких именно:

Инф.: Увлекаюсь спортом, играю на гитаре. Свою судьбу хочу связать либо с военным делом, либо с МЧС.

Инт.: Каким спортом занимаешься?

Инф.: Да любым. Волейболом, например, хожу в спортзал — в «качалку». (Рудная пристань, школьник)

Особенности женских планов на будущее

Среди особенностей женских планов на будущую жизнь тоже в первую очередь отметим рано проявляющуюся ориентацию на помощь людям: в семье, в школе, в дружеском коллективе. Это связано с тем, как девушки видят свою будущую жизнь, — в частности, они и профессии нередко выбирают именно связанные с помощью людям, например медицину:

Я часто стараюсь помогать и участвовать в жизни класса. В школе, если нужна будет помощь, то я обязательно помогу, и если учителя обращаются с какой-то просьбой — то они знают, что на меня можно положиться. (Арсеньев, школьница)

Я бы хотела еще больше в школе помогать. Нужно больше дежурных. Да, вот сейчас пока дежурные не справляются у нас. Малыши пока бегают, не слушаются. Всех сбивают. Неудобно. Ты идешь, и на пол падают дети, и ты боишься на них наступить. (Владими́ро-Александровское, школьница)

Учителя относятся ко мне хорошо, я участвую почти во всех школьных мероприятиях. Меня могут что-то попросить сделать. Я всегда помогаю в школе и так далее: пою, обычно я ведущая, могу спеть, рассказать стихотворение, участвую в сценках. Был, допустим, День учителя или 9 Мая. К нам могут подойти наши завучи и дать 50 открыток на 50 ветеранов, и мы, не все, конечно, ходили. Кто-то не мог, кто-то не хотел. Я вот с одноклассницей, которая уже выпустилась, мы вдвоем ходили по всему поселку,

по всем квартирам, часа два-три, поздравляли бабушек и дедушек. Они были рады, круто было. Жалко их всех. (Рудная Пристань, школьница)

Я бы хотела уехать во Владивосток во время обучения, я хочу поступить в мед[ицинский институт], на лечебное дело. (Дальнегорск, школьница)

Вторая особенность планов девушек на жизнь, как правило, высказываемая не теми, кто ориентирован на помощь людям, — это мнение, что главное — найти мужчину и устроиться в жизни через отношения с ним, причем эти отношения будут осознанно выбираться исходя из ресурсов мужчины. И те, и другие взгляды свойственны девушкам из разных семей по уровню дохода и образования, но стремление устроиться за счет мужчины чаще артикулируется самыми бедными и самыми богатыми:

Инт.: А в Казани оставаться жить не хочешь?

Инф.: Нет, почему? Если я кого-то себе найду, если будет будущее, то останусь там. (Владивосток, студентка ВГУЭС)

Инт.: На какую вы заработную плату рассчитываете после обучения?

Инф.: [шепотом] Да я не хочу работать. (Находка, студентка колледжа)

Третья характеристика женских планов на жизнь связана со стремлением некоторых состояться в профессии или бизнесе, стать «уважаемым человеком», имеющим достаточно высокие личные статус и доход. Выбор профессии или рода деятельности очень зависит от ориентации на реальные жизненные примеры знакомых женщин, которые смогли стать успешными через такую профессию или бизнес, что «можно женщине так работать и зарабатывать»:

В том же самом Дальнегорске у нас очень мало мест и вообще чего-то, что могло бы привлекать подростков, ты можешь построить кафе интересное, и основная часть населения будет ходить в это кафе. У нас очень мало мест для детей, если создать детское место, где можно будет проводить праздники и все остальное, место будет точно популярным. Какие-то там занятия развивающие, детские центры, как во Владивостоке, вот у меня сестра во Владивостоке, она знает женщину, у которой такой свой детский центр. (Дальнегорск, школьница)

Она в аспирантуре по маркетингу, она достаточно зарабатывает, себя обеспечивает, живет этой профессией, я думаю так же попробовать. (Владивосток, студентка ДВФУ)

Для меня важны примеры — например, тетя у меня учитель, — кем можно женщине работать, сколько при этом будешь зарабатывать. (Владивосток, студентка ДВФУ)

Бизнес — это интересно [говорят все одновременно] есть примеры у нас, именно у женщин бизнес, деньги неплохие. Раньше это была деревня, там даже школа есть. А теперь это, типа, база отдыха, они додумались отдавать свои дачные домики для

отдыха. Там классно. У каждого бюджет разный, сразу видно кардинальное расслоение общества. (Усурийск, школьницы)

Четвертой особенностью жизненных планов у некоторых девушек можно назвать стремление учитывать мнение родственников, «слушаться родителей», что очень традиционно. Например, при выборе вуза и профессии девушка полагается на родителей, не принимает решений сама:

Инф.: Мою профессию выбирал папа.

Инт.: А папа почему выбрал такую?

Инф.: Потому что международное. Так как я не сдавала английский, я не пошла на международные отношения. Он сказал, тогда международный менеджмент. Я сказала, хорошо. (Владивосток, студентка ВГУЭС)

С этим же связана ориентация на не виртуальные, а на «живые» социальные сети, семью, ближайшее знакомое социальное окружение, в котором все всегда друг другу помогут, и мало что придется самой решать. При этом мало работать не придется, надо будет оказывать помощь в ответ, но зато все будет спокойно и ожидаемо:

Инф. 1: Мне нравится, что Арсеньев — это тихий, спокойный город, и люди никуда не спешат. То есть они могут кому-то помочь. Ну вот так.

Инф. 2: Люди, которые мне знакомы, могли бы меня здесь удержать. То есть это общество мне знакомо, привычно, и я привыкла жить в этом городе. (Арсеньев, школьницы)

Инт.: А когда закончится учеба, считаете, что будут какие-то «якоря», которые будут вас держать здесь?

Инф.: Семья.

Инт.: То есть мама, она как бы не пускает, или вам самим не хочется уезжать?

Инф.: Не хочется уезжать далеко от родителей. Ну тут вся родня. (Находка, студентка колледжа)

Пятая особенность женских планов связана с неопределенными, неинструментализированными мечтами о «другой жизни», о том, чтобы как-то вырваться в другую среду, с помощью переезда решить сразу все вопросы, изменить жизнь, которая автоматически при этом станет лучше:

Я вообще хочу уехать либо в какой-нибудь центр России, куда-нибудь подальше от Приморского края, либо вообще из России уехать, непатриотично, конечно, но не суть. Я в принципе не привязана ни к какому месту, то есть я могу в принципе уехать куда угодно и я могу существовать сама по себе, для меня это не составит трудности. (Дальнегорск, школьница)

В моем случае, куда я хочу — это даже не регионы, а города, которые не похожи на наши, где люди... все хотят развиваться, многие хотят развиваться в какой-то сфере, становиться лучше, а есть города, где люди, которые живут... как типичные россияне, просто работают, плюс дом, выпивают. (Дальнегорск, школьница)

Я пыталась пообщаться с кем-то из Америки, в сетях. Я хотела, чтобы у меня был друг по переписке из другой страны. (Рудная Пристань, школьница)

Общие черты жизненных планов мужчин и женщин

В планах студентов и школьников на будущее устройство в жизни есть и общее, не зависящее от гендера. Для многих юношей и девушек характерны реалистичные планы продвижения в жизни через членов семьи, кого-то, кто уже переехал в более привлекательный регион и устроился там или имеет профессию, дающую преимущества в жизни. Наличие такого человека в сетях взаимопомощи может влиять на выбор города для обучения и даже профессии:

У меня брат пашет в ДМУ [морское училище], и уже учится на третьем курсе, уже пошел на практику, в плавание. У него, в принципе, все очень хорошо. Он зарабатывает деньги неплохие. И будет переходить на четвертый курс. Я для себя вывожу пару городов: либо уже пойти по стопам брата, уже по натопанному, либо переехать в Хабаровск или Владивосток, может даже в Питер. Я еще толком не определился. (Находка, школьник)

Вторая общая черта жизненных планов и у юношей, и у девушек может быть связана с нестабильностью современного социально-экономического устройства, ранним осознанием необходимости гибкости в приспособлении к жизни. Это осознание первой профессии при обучении лишь как ступени в поисках себя, наличие планов дальше учиться по другой профессии и вообще пробовать себя в разных направлениях:

Инт.: Вы планируете работать по специальности, по которой учитесь, или для вас это какой-то формальный этап в жизни? Какие планы у вас?

Инф. 1: Ну как получится.

Инф. 2: Точно не по профессии. (Находка, студенты колледжа)

Заключение

Мы не можем судить о том, поступят ли молодые люди в соответствии с высказанными ими планами и намерениями: формат исследования этого не позволяет, мы говорили с этими студентами и школьниками только один раз. Но мы можем сопоставить наши выводы с приводившейся статистикой. Данные статистического агентства показывают несколько более быстрые изменения миграционных трендов для мужчин в возрасте после получения образования, возможно, в связи с более быстрой реакцией на конъюнктурные изменения, поскольку от мужчин ожидается более высокий доход, содержание семьи. Также мы можем видеть, что миграция остается достаточно интенсивной, это отражено в наличии

миграционных намерений и планов у большей части опрошенных нами студентов и школьников.

Две чаще всего встречающиеся характеристики жизненных планов юношей — это ориентация на разнообразную ответственность, материально-хозяйственную (за дом, за семью) и финансовую («делать» деньги или просто как можно больше зарабатывать, без уточнения, что траты будут направлены на семью). То есть это традиционная роль добытчика, кормильца, но в постсоветской российской трактовке; та маскулинность, образцы которой молодые люди, вероятно, могут видеть в поколении своих родителей.

У девушек две основные характеристики жизненных планов также, видимо, традиционные в постсоветской российской версии: это стремление помогать, быть всегда готовой откликнуться на просьбу и считать основой жизни брак или отношения с успешным мужчиной. Как и соответствующие у юношей, эти две черты планов у девушек могут пересекаться в одном человеке, но чаще встречаются по отдельности у разных людей.

На наш взгляд, эти черты, в терминологии Ю. Зубок и В. Чупрова [Зубок, Чупров, 2017], можно счесть «гибридными», «новым вином в старых мехах», ибо они соответствуют реальности современной российской жизни, а не архаике русской деревни, домоустройству российских дворян или традиционно-советским образцам. В новой реальности от мужчины в семье ожидается прежде всего доход, а умение поддержать и все сделать своими руками ценится только в ситуации, когда понятно, что окружающая обстановка не способствует извлечению сверхдоходов любой ценой, как ни старайся. Женский же вариант жизни очень редко связан с возможностью полностью «расслабиться» и жить за счет мужчины, хотя эти идеи и остаются привлекательными для многих. Чаще он предполагает вспомогательную работу, обычно очень интенсивную, времязатратную, как на рынке труда, так и в семье, готовность заниматься широким кругом видов деятельности, всем, с чем столкнет жизнь, быть высокоадаптивной.

Сложно сказать, можно ли эти варианты счесть традиционными или модернизированными с точки зрения маскулинности и феминности. По О. Ключко и Л. Штылевой [Штылева, Ключко, 2019], и первые, и вторые предполагают довольно эгалитарный подход с точки зрения общего объема ответственности за семью: либо она велика у обоих, либо оба скорее индивидуалистичны. Жизнь нового поколения, видимо, будет выходить за границы этих, уже родительских, образцов, в связи с чем интересно рассмотреть и другие, новые характеристики жизненных планов молодежи, ведь обновление сценариев жизни, по Ю. Зубок и В. Чупрову [Зубок, Чупров, 2017], присуще молодежи в любую эпоху.

Среди таких особенностей планов у юношей прежде всего обращает на себя внимание ориентация на виртуальное — работу в интернете и виртуальных друзей, советы которых по поводу устройства в жизни становятся чуть ли не более весомы, чем мнения «реальных» друзей или старшего поколения. Работа становится удаленной, степень физической свободы от нее, с одной стороны, растет, так как не надо сидеть в офисе и можно жить сколь угодно далеко от «места» работы, — но режим труда может оказаться интенсивным, о полной свободе говорить все равно не приходится.

Для девушек новой для России чертой жизненных планов является ориентация на работу без привязки к семье. Это становится все более привлекательным, но очень важны образцы успешных женщин, показывающие, как именно женщина может добиться успеха, в каких областях это получается. Довольно сильно стремление следовать таким образцам, не стремясь ни жить за счет мужчины, ни исполнять в семье многофункциональную помогающую роль.

Остальные гендерно-специфические варианты жизненных планов являются более редкими, дополнительными, отражающими еще более раннюю эпоху модерна. Для юношей это ориентация на профессию или на силу, стремление чего-то целеустремленно добиваться на избранном пути, притом что как деньги, так и долг перед семьей вторичны. Для девушек аналогичным «пережитком» прежних норм можно до некоторой степени считать «мечтательность», отсутствие четких инструментальных планов, как именно изменить свою жизнь, стремление «вырваться» из среды, а там все как-нибудь само устроится, — или, наоборот, привязанность к родительской семье, местным социальным сетям, отсутствие желания дерзать и что-то менять, что-то самостоятельно решать.

Есть черты молодежных жизненных планов, общие для юношей и для девушек. Продвижение в профессию и город, уже «освоенные» кем-то из родственников, можно считать традиционной чертой, а восприятие образования как ступенчатого, возможности менять профессию несколько раз в жизни как неотъемлемого права (и, возможно, необходимости) — новой особенностью.

Впрочем, можно интерпретировать результаты и иначе. И женские, и мужские, и общие для обоих полов варианты можно разделить на такие, для которых характерна ориентация на встраивание в коллективность — это и стремление много зарабатывать на семью и/или самостоятельно чинить и поддерживать дом у юношей, и стремление ориентироваться на родственные (у девушек) или дружеские (у юношей) связи, и ориентация на помощь людям у девушек; и те варианты, которые связаны с индивидуализацией жизненного пути: у девушек это карьера без привязки к семье, у юношей — интересная профессия без размышлений о том, какой доход она будет приносить. С точки зрения миграции у юношей планы уехать могут быть связаны с коллективностью, с друзьями, которые помогут в месте притяжения. Девушки говорят о коллективности, наоборот, удерживающей дома, а уехать хотят в случае, когда им важнее индивидуальные цели, иногда неясные им самим, но связанные с поиском лучшего, ощущением, что они достойны лучшего. Индивидуалистические цели у юношей, наоборот, не обязательно предполагают переезд, они могут быть связаны с отказом от «чрезмерной» жизненной борьбы.

В целом школьники и студенты Приморского края демонстрируют сложную совокупность традиционных и очень модернизированных особенностей жизненных планов в разнообразных сочетаниях. Гендерная составляющая проявляется достаточно ярко и в разных «пластах» традиционного, и в новом. Но и у юношей, и у девушек растет стремление к индивидуализированному жизненному пути, а также понимание, что необходимо быть гибкими, адаптивными и непрерывно учиться всю жизнь.

Список литературы (References)

- Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
Abulkhanova-Slavskaya K. A. (1991) *Life Strategy*. Moscow: Mysl. (In Russian.)
- Арчер М. Реализм и морфогенез // Теория общества. Сборник / вступ. статья, сост. и общ. ред. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. С. 63—78.
Archer M. (1999) *Realism and Morphogenesis*. In: Filippov A. F. (ed.) (1999) *Theory of Society. A Collection of Works*. Moscow: Kanon-Press-C. P. 63—78. (In Russ.)
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
Beck U. (2000) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
Baudrillard J. (2000) *L'Échange Symbolique et la Mort*. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
- Варшавская Е. Я., Чудиновских О. С. Миграционные планы выпускников региональных ВУЗов России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 36—58.
Varshvskaya E. Ya., Chudinovskikh O. S. (2014) *Migration Intentions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions*. *Moscow University Economics Bulletin*. No. 3. P. 36—58. (In Russ.)
- Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107—134.
Giddens A. (1994) *Fate, Risk and Security*. *THESIS*. No. 5. P. 107—134. (In Russ.)
- Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
Giddens A. (2004) *The Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies*. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Ерофеева М. А. Гендерные образы учащейся молодежи в социальной сети «ВКонтакте» // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи. Сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О. И. Ключко, А. А. Чекалиной. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2018. С. 35—40.
Erofeeva M. A. (2018) *Student Youth's Gender Images in «VKontakte» Social Network*. In: Klyuchko O. I., Chekalina A. A. (eds.) *Gender Transformations in the Mentality and Socialization of Student Youth*. Saint Petersburg: NITS ART. P. 35—40. (In Russ.)
- Жизненные планы молодежи / отв. ред. М. Н. Руткевич. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1966.
Rutkevich M. N. (ed.) *The Life Plans of Youth*. Sverdlovsk: Ural University Press, 1966. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность, новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2017. Вып. 15. С. 12—48.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2017) Contemporary Sociology of Youth: Changing Reality, New Theoretical Approaches. In: Gorshkov M. K. (ed.) *Russia is Reforming. A Yearbook*. Moscow: New Chronograph. No. 7. P. 12—48. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.

Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года : в 14 т. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2005. Т. 10: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

Results of the Russian Census 2002: in 14 vols. (2005) Moscow: Federal State Statistic Service. Vol. 10: Duration of Residence in the Place of Permanent Residence. (In Russ.)

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года : в 11 т. М.: Информационно-издательский центр «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства.

Results of the Russian Census 2010: in 11 vols. (2013) Moscow: Center for Information and Publishing «Statistics of Russia». Vol. 8: Duration of Residence in the Place of Permanent Residence. (In Russ.)

Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2019. № 6. С. 82—89.

Karachurina L. B., Florinskaya Yu. F. (2019) Migration Intentions of School Graduates in Small and Midsize Towns of Russia. *Moscow University Bulletin. Series 5. Geography*. No. 6. P. 82—89. (In Russ.)

Касаткина Н. П., Шумкова Н. В. От самообразования к самозанятости: непарадный вход молодежи на рынок труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>.

Kasatkina N. P., Shumkova N. V. (2020) From Self-Education to Self-Employment: Back Entrance for Youth to the Labor Market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 201—223. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1600>. (In Russ.)

Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2017.

Kletsina I. S., Ioffe E. V. (2017) Gender Norms as a Socio-Psychological Phenomenon. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Кон И. С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Постклассические гендерные исследования / отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2011. С. 8—32.

Kon I. S. (2011) Three in One: Sexual, Gender and Family Revolution. In: Orlova N. Kh. (ed.) *Postclassic Gender Studies*. Saint Petersburg: St. Petersburg University Press. P. 8—32. (In Russ.)

Коннелл Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / пер. с англ. Т. В. Барчуновой; под науч. ред. И. Н. Тартаковской. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Connell R. (2015) *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Костерина И. В. Жизненно-стилевые особенности практик маскулинности в молодежной среде: дис. ... канд. социол. н.: 22.00.06. Саратов, 2011.

Kosterina I. V. (2011) *Life-Style Features of Masculinity Practices among Youth*. PhD Thesis in Sociology. Saratov. (In Russ.)

Лисовский В. Т. Эскиз к портрету: Жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М.: Молодая гвардия, 1969.

Lisovsky V. T. (1969) *Sketch for the Portrait: Life Plans, Interests and Aspirations of the Soviet Youth*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.)

Луков В. А. Теории молодежи. Междисциплинарный анализ. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012.

Lukov V. A. (2012) *Theories of Youth. Interdisciplinary Analysis*. Moscow: Kanon + ROOI "Rehabilitation". (In Russ.)

Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135—160.

Luhmann N. (1994) *Der Begriff Risiko*. THESIS. No. 5. P. 135—160. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 225—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>.

Mkrtchyan N. V. (2017) The Youth Migration from Small Towns in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 225—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.1.15>. (In Russ.)

Мотрич Е. Л., Изотов Д. А. Современные тенденции и проблемы миграции в приграничном регионе: Дальний Восток // Проблемы прогнозирования. 2018. № 3. С. 28—37.

Motrich E. L., Izotov D. A. (2018) Modern Trends and Problems of Migration in a Russian Border Region: The Far East. *Studies on Russian Economic Development*. No. 3. P. 28—37. (In Russ.)

Недосека Е. В., Шарова Е. Н. Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>.

Nedoseka E. V., Sharova E. N. (2020) Features of Youth's Life Strategies in the Arctic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 355—375. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1611>. (In Russ.)

Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центроостремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>.

Odintsov A., Shipitsin A., Marchenko A. Yu. (2020) Centripetal Migration of Young People from the Russian Province: Causes and Trends (Example of Volgograd Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52—61.

Omelchenko E. L. (2013) Solidarities and Cultural Practices of Russian Youth at the Beginning of the 21st Century: A Theoretical Aspect. *Sociological Studies*. No. 10. P. 52—61. (In Russ.)

Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

Pavlenko E. S., Yakubovskaya A. A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>. (In Russ.)

Рочева А. Л., Варшавер Е. А. Миграционные намерения молодежи с миграционным бэкграундом и без: российский случай // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A. (2020) Migration Intentions of Youth with and without Migrant Backgrounds: A Russian Case. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 295—334. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1632>. (In Russ.)

Руткевич М. Н. Жизненные планы молодежи // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 118—119.

Rutkevich M. N. (2008) Youth Life Plans. In: Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (eds.) *Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Academia. P. 118—119. (In Russ.)

Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. Л. М. Дробизи́ева. М.: Институт социологии РАН, 2003. Вып. 3. С. 213—237.

Semenova V. V. (2003) Contemporary Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of «Generation». In: Drobizheva L. M. (ed.) *Russia is Reforming. A Yearbook*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. No. 3. P. 213—237. (In Russ.)

Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1998.

Smelser N. (1998) *Sociology*. Moscow: Phoenix. (In Russ.)

Сухарева Н. Ф. Трансформации представлений о семье и родительстве провинциальной молодежи // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи. Сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О. И. Ключко, А. А. Чекалиной. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2018. С. 83—92.

Sukhareva N. F. (2018) Transformations of Provincial Youth's Ideas about Family and Parenting. In: Klyuchko O. I., Chekalina A. A. (eds.) *Gender Transformations in the Mentality and Socialization of Student Youth*. Saint Petersburg: NITS ART. P. 83—92. (In Russ.)

Тихомиров Д. А., Новицкая К. В. Представления молодежи Москвы о гендерных ролях и характеристиках современной женщины // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 90—102. <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.3.6>.

Tikhomirov D. A., Novitskaya K. V. (2018) Moscow Youth's Representations of Gender Roles and Characteristics of a Modern Woman. *Gorizonty Gumanitarnogo Znaniia*. No. 3. P. 90—102. <http://dx.doi.org/10.17805/ggz.2018.3.6>. (In Russ.)

Филиппов Ф. Р. Планы жизненные // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА-М, 1998. С. 380—381.

Filippov F. R. Life Plans. In: Osipov G. V. (ed.) (1998) *Russian Sociological Encyclopedia*. Moscow: NORMA — INFRA-M. P. 380—381. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Рощина Т. Г. Миграционные намерения выпускников школ малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 2. С. 77—87.

Florinskaya Yu. F., Roshchina T. G. (2005) Migration Intentions of the School Graduates in Small Towns. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 77—87. (In Russ.)

Хитрук Е. Б. Мужественность и «мужские проблемы» в представлениях современных юношей // Гендерные трансформации в ментальности и социализации учащейся молодежи. Сборник материалов тематической секции Всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. О. И. Ключко, А. А. Чекалиной. Санкт-Петербург: ООО «НИЦ АРТ», 2018. С. 103—112.

Khitruk E. B. (2018) Contemporary Young Men's Vision of Masculinity and «Problems of Men». In: Klyuchko O. I., Chekalina A. A. (eds.) *Gender Transformations in the Mentality and Socialization of Student Youth*. Saint Petersburg: NITS ART. P. 103—112. (In Russ.)

Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.

Sztompka P. (2012) *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Moscow: Logos. (In Russ.)

- Штылева Л. В., Ключко О. И. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьниц // *Перспективы науки и образования*. 2019. No. 2. С. 240—255. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.18>.
- Shtyleva L. V., Klyuchko O. I. (2019) Gender Transformation in the Mentality of the Modern Russian School Girls. *Perspectives of Science and Education*. No. 2. P. 240—255. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.2.18>. (In Russ.)
- Bjarnason T. (2014) Adolescent Migration Intentions and Population Change: A 20-Year Follow-Up of Icelandic Communities. *Sociologia Ruralis*. Vol. 54. No. 4. P. 500—515. <https://doi.org/10.1111/soru.12050>.
- Bessant J., Farthing R., Watts R. (2017) *The Precarious Generation: A Political Economy of Young People*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315644493>.
- Chort I. (2014) Mexican Migrants to the US: What Do Unrealized Migration Intentions Tell Us about Gender Inequalities? *World Development*. Vol. 59. P. 535—552. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.01.036>.
- Crofts J., Cuervo H., Wyn J., Smith G., Woodman D. (2015) *Life Patterns: Ten Years Following Generation Y*. Melbourne: Youth Research Centre, University of Melbourne.
- Docquier F., Peri G., Ruysen I. (2014) The Cross-Country Determinants of Potential and Actual Migration. *International Migration Review*. Vol. 48. No. 1_suppl. P. 37—99. <https://doi.org/10.1111/imre.12137>.
- Efendic A. (2016) Emigration Intentions in a Post-Conflict Environment: Evidence from Bosnia and Herzegovina. *Post-Communist Economies*. Vol. 28. No. 3. P. 335—352. <https://doi.org/10.1080/14631377.2016.1166800>.
- Furlong A., Stalder B., Azzopardi A. (2000) *Vulnerable Youth: Perspectives on Vulnerability in Education, Employment and Leisure*. Strasbourg: Council of Europe Publications.
- Kandel W., Massey D. S. (2002) The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 80. No. 3. P. 981—1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>.
- Kelly P., Kamp A. (eds.) (2015) *A Critical Youth Studies for the 21st Century*. Leiden: Brill. <https://doi.org/10.1163/9789004284036>.
- Kimmel M. (2008) *Guyland: The Perilous World Where Boys Become Men*. New York, NY: Harper.
- MacIntyre A. (1981) *After Virtue*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.
- Munsch C. L., Gruys K. (2018) What Threatens, Defines: Tracing the Symbolic Boundaries of Contemporary Masculinity. *Sex Roles*. Vol. 79. No. 7—8. P. 375—392. <https://doi.org/10.1007/s11199-017-0878-0>.
- Otrachshenko V., Popova O. (2014) Life (Dis)Satisfaction and the Intention to Migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *Journal of Socio-Economics*. Vol. 48. P. 40—49. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2013.09.008>.

Pleck J. H. (1981) *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press.

van Dalen H. P., Henkens K. (2013) Explaining Emigration Intentions and Behavior in the Netherlands, 2005—2010. *Population Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 225—241. <https://doi.org/10.1080/00324728.2012.725135>.

Walther A., Stauber B., Biggart A., du Bois-Reymond M., Furlong A., López Blasco A., Mørch A., Machado Pais J. (eds.) *Misleading Trajectories: Integration Policies for Young Adults in Europe? Wiesbaden: Springer: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002.* <https://doi.org/10.1007/978-3-663-10808-5>.

Wyn J., Cahill H., Woodman D., Cuervo H., Leccardi C., Chesters J. (eds.) (2020) *Youth and the New Adulthood: Generations of Change*. Singapore: Springer Nature. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5>.

Zaremohzzabieh Z., Ahrari S., Krauss S. E., Samah A. A., Omar S. Z. (eds.) (2020) *The Handbook of Research on Youth Work in a Digital Society*. Hershey, PA: IGI Global.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

DOI: [10.14515/monitoring.2020.5.1638](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1638)

И. Е. Дискин

КРАХ И РОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ИЗ ВЗРЫВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Правильная ссылка на статью:

Дискин И. Е. Крах и рождение института из взрыва повседневности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 5. С. 629—648. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1638>.

For citation:

Diskin J. E. (2020) Institution's Failure and Birth Coming from Everyday Life Explosion. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 629—648. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1638>. (In Russ.)

КРАХ И РОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ИЗ ВЗРЫВА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*ДИСКИН Иосиф Евгеньевич — доктор экономических наук, ведущий эксперт Института прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; зам. председателя Научного совета, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия
E-MAIL: idiskin9@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5002-7867>*

Аннотация. Задача — проследить влияние актуальных социальных процессов на формирование глобального экономического кризиса, на подрыв сложившейся институциональной системы. Пандемия подрывает устои повседневности и выступает акселератором обострения социальных противоречий. Важный фактор разрушения институциональной системы — взрыв идеологически накаченных «пузырей доверия», подрыв ее легитимности. Это результат разрушения системы социальных статусов, основанных на компетенциях и достижениях; дезинтеграции ценностей и интересов. Снижается регулятивная роль рефлекслируемых интересов, растёт влияние эмоций и социального аффекта. Преодоление кризиса требует его теоретического осмысления и формирования субъекта — ответственного класса.

Ключевые слова: глобальный кризис, социальные институты, гражданская религия, ответственный класс

INSTITUTION'S FAILURE AND BIRTH COMING FROM EVERYDAY LIFE EXPLOSION

*Joseph E. DISKIN^{1,2} — Dr.Sci. (Econ.), Leading Expert at the Institute for Applied Political Studies; Scientific Council Deputy Chairman
E-MAIL: idiskin9@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5002-7867>*

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

² Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The aim of the study is to trace the impact of today's social processes on the origin of global economic crisis, on the disruption of the existing institutional system. Pandemic undermines the pillars of daily life and acts as an accelerator of aggravating social antagonisms. An important factor of the institutional system destruction is an explosion of ideologically inflated 'bubbles of trust', erosion of its legitimacy. This results from a break-up of a system of social status based on competencies and achievements, as well as from disintegration of values and interests. A regulative role of interests under reflexion is down, whereas the impact of emotions and social affect is up. Overcoming the crisis requires a theoretical conceptualization and a formation of a subject associated with the responsible class.

Keywords: global crisis, social institutions, civil religion, responsible class

Всем хорошо памятна формула Ф. Ницше: трагедия рождается из духа музыки [Ницше, 1912]. Но вопрос: из чего рождаются кризисы?

Современная ситуация в России, да и в мире, потрясающая основы, многим казавшиеся незыблемыми, открывает уникальную возможность понять сущность многих фундаментальных социальных процессов, включая кризисы. Конечно, такое понимание сегодня дается непросто, когда на душу давит сопереживание миллионам человеческих трагедий. Но сама миссия исследователя диктует определенную дистанцированность. Да и знания, извлеченные из трагического опыта, все же какая-то компенсация за невзгоды.

Мир на пороге глобального кризиса

Масштабные, если не грандиозные общественные перемены, запущенные пандемией коронавируса, инициировали поток прогнозов. Представляется, что это только начало переосмысления самых оснований практически всех сторон социальной жизни. Импульс — все более отчетливая перспектива грандиозного по своим масштабам глобального экономического кризиса. Пандемия — лишь триггер, ускоряющий его приход, увеличивающий его масштабы.

Для того чтобы кризис приобрел, по В. Зомбарту и Й. Шумпетеру, характер созидающего разрушения, необходимо попытаться понять его существо. Без этого в результате неуместного вмешательства он станет разрушением без какого-либо созидания. Для примера можно вспомнить разрушение нашей золотодобывающей промышленности в 1990-х.

В профессиональных кругах формируется консенсус: грядущий кризис по своим масштабам и последствиям явно превзойдет кризисы 1990-х годов и начала нашего века и сопоставим с Великой депрессией.

Для этого есть серьезные основания. Прежде всего, объем взрывчатки — беспрецедентный рост задолженности в мире. Так, по данным Международного института финансов (IIF), общая задолженность населения, компаний, финансовых организаций и правительств всех стран в очередной раз обновила абсолютный рекорд — 255 трлн долл. США¹. Речь идет о 322 % глобального ВВП. Это на 40 % больше, чем перед кризисом 2008 г. В условиях пандемии многие страны, сталкиваясь с финансовыми трудностями, безоглядно пользуются кредитами МВФ.

Среди мировых финансовых экспертов консенсус: эти долги *никогда* не будут оплачены. Дискуссия лишь о форме кризиса, который их спишет. Неслучайно в сенате США появляются инициативы по избирательному дефолту бондов казначейства, принадлежащих КНР.

Спад экономик в условиях пандемии существенно снизил иммунитет многих государств, возможности их сопротивления одновременным требованиям обслуживания долгов, с одной стороны, и преодоления резко обострившихся социально-экономических проблем, с другой. К этому следует добавить и ухудшившуюся в связи с эпидемией социально-психологическую атмосферу во многих странах. Обыденность, являвшаяся оплотом привычной стабильности и, отчасти,

¹ Дембинская Н. Пороховая бочка: глобальный долг достиг 255 триллионов долларов // РИА Новости. 2020. 10 апреля. URL: <https://ria.ru/20200410/1569802973.html> (дата обращения: 18.10.2020).

радостей нескончаемого карнавала, быстро проблематизируется, пронизывается тревогой и катастрофизмом.

Но важнее то, что весь этот трясущийся социально-экономический и социально-психологический студень опирается на финансовую систему, которая сама готова рухнуть при серьезном тектоническом толчке.

Много десятилетий развитие глобальной экономики шло под диктовку инвестиционных корпораций, создававших сложную систему финансовых инструментов, все более отрывавшихся от фундаментальных процессов реальной экономики. Инструменты, призванные регулировать и стимулировать реальные социально-экономические процессы, как шварцевская тень, обрели собственную логику и превратились в источник рисков и катастроф для глобальной и национальных экономик.

Лопнувший пузырь ипотечных облигаций в США в 2007 г. (subprime mortgage crisis), приведший к глобальному финансовому кризису, — просто праздничные детские шарики по сравнению с надувшимися сейчас пузырящами. Сегодня национальный (даже крупный корпоративный) дефолт по неподъемным долгам может оказаться детонатором гигантского взрыва.

Осознание опасности уже побуждает национальных лидеров к неординарным действиям. Так, смена курса Д. Трампа, повернувшегося к регулированию глобального производства нефти, обусловлена не столько заботой о судьбе независимых производителей сланцевой нефти, сколько тревогой об устойчивости щедро кредитовавших их региональных банков. Сегодня крах нескольких таких банков способен запустить домино национального, а затем и мирового банковского кризиса.

Учитывая, что из всех глобальных долгов почти треть приходится на Америку, любое потрясение ее финансового сектора неизбежно ведет к скатыванию мира в глубокую катастрофу, потрясающую самые основы сложившейся системы. В Китае, долгое время двигавшем глобальный экономический рост, на региональном и корпоративном уровне также накопилось немало взрывоопасных долгов. На КНР и США приходится 60% прироста глобального долга.

Это подтверждает тезис, что грядущий кризис можно сопоставлять лишь с Великой депрессией прошлого века. Совсем не только коммунисты писали тогда, что мир стоит на пороге краха капитализма как такового. Целые государства окажутся банкротами и не смогут поддерживать свою социальную инфраструктуру. Это — как сильно гипертрофированные наши 1990-е. Сотни миллионов лишатся работы и окажутся на грани голода.

Сходство прошлого и грядущего кризисов не только в их разрушительной глубине, но и в том, что оба они рубежные, завершающие целый этап мирового экономического, более того, цивилизационного развития. Тот кризис покончил с диким капитализмом, с наплевательским отношением к социальным правам. Послевоенное строительство социальных государств в Европе — результат того, что призрак Великой депрессии, как призрак отца Гамлета, все время напоминал о себе.

Вероятнее всего, грядущий кризис приведет к краху казино-капитализма с его отрывом финансов от реальной экономики. Но важно понять, что рушит грядущий кризис и что может стать опорой восстановления.

Такое понимание — необходимое (к сожалению, недостаточное) условие для того, чтобы кризис не приобрел необратимо разрушительного характера. Важным

стимулом для понимания является еще живая память об издержках тотального кризиса 1990-х.

Пузыри идеологизированного доверия — взрывчатка под институтами

Для того чтобы проложить дорогу к лучшему, посткризисному миру, важно понять подлинные причины грядущего кризиса и создать инструменты для ее проектирования.

Среди исследователей проблем социально-экономического развития сложился концептуальный консенсус относительно ключевой проблемы, решение которой обуславливает качество и темпы этого развития (см. подробнее [Дискин, 2016]). Это социальные институты: есть институты — появятся и технологии, и финансовые ресурсы.

Дуглас Норт рассматривает институты как совокупность «правил, механизмов, обеспечивающих выполнение социальных, экономических и политических взаимодействий и норм поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [North, 1990: 239].

Только в плохих учебниках кризис — это про деньги и интересы. На деле кризис — прежде всего про институты и еще больше про ценности. Впрочем, процесс взаимный. Великий историк Уильям Мак-Нил в своих книгах «Восхождение Запада» и «Эпидемии и народы» показал эти взаимосвязи [McNeill, 1976; Мак-Нил, 2004]. Сэр Артур Конан Дойл в «Белом отряде» также рассказал о том, как эпидемия чумы, выкосившая треть Англии, повысила стоимость рабочей силы и тем самым изменила всю систему общественных отношений, включая экономику, Англии. Уместно отметить, что так был запущен процесс рационализации всех сторон жизни, получивший завершение в период Реформации.

Сегодня же, по вполне объяснимым методологическим и теоретическим причинам, даже не обсуждается связь между неустойчивостью современной финансовой системы и фундаментальными дефектами институтов, лежащих в основе этой системы.

Вроде бы все согласны, что в основе современной финансовой системы лежит высокий уровень доверия к существующим финансовым институтам, ко всей глобальной финансово-экономической системе. Более того, вся институциональная система обобщенного Запада, ее легитимность и функциональность покоятся на всеобщем убеждении в том, что эта система пользуется хотя бы пассивным, но устойчивым доверием большинства.

Пока это доверие не подвергается испытаниям, граждане соблюдают законы и платят налоги, покупают ценные бумаги, обеспеченные, по существу, лишь этим самым убеждением.

Предпринимаются теоретические и пропагандистские усилия по упрочению этого терминального доверия. Например, перед самым кризисом доткомов признанные гуру также уверяли, что Америка вошла в новую экономику, избавленную от кризисов.

Система действительно устойчива и функциональна, пока против нее выступают лишь маргиналы. Более того, маргинальный статус оппонентов системы только укрепляет ее устойчивость.

Но взрыв повседневной убежденности в надежности системы запускает финансовые кризисы: изъятие депозитов, продажи бондов и акций, обрушение цен активов, неплатежи, крах бизнесов, безработица и нищета. Проблематизация устоев повседневности — триггер тектонических институциональных толчков. **В этом смысле экономический кризис — лишь проекция институциональных потрясений и базовых ценностных сдвигов.** Соответственно, анализ противоречий, лежащих в основе глобального кризиса, — предмет прежде всего институциональной социологии.

Сегодня, в условиях пандемии, мы ясно видим, что повседневная устойчивость институтов подвергается атакам. Налицо противоречие между сложившимися за десятилетия нормами повседневности и противоинфекционными требованиями государственных институтов, исходящих из иной, кажущейся чужеродной, рациональности. На это указывает, прежде всего, массовое во многих странах игнорирование требований карантина.

Оказывается, провален тест устойчивости всей системы западных институтов. Проблематизация основ повседневности обнажила также ее базовые ценности — свободу и индивидуализм. Повседневность оказалась тесно связанной с ее структурными предпосылками: историей, культурой и, конечно же, идеологией. Оказывается, что ее трудно вырвать из «больших нарративов», можно лишь замаскировать их связь.

Проблемы доверия совершенно не случайно вышли в последние десятилетия на авансцену социального дискурса². Но при этом вне анализа оказалась проблема связи сложившейся системы доверия к наличной финансово-экономической системе, с одной стороны, и парадигмальных ценностных ориентиров, доминирующих и в обществе, и в мейнстримной социальной науке, с другой.

Главная методологическая причина такого положения, как представляется, кроется в том, что мейнстримная социология категорически не хочет выявления своей имманентной связи с априорным признанием ценностей либерализма в качестве основания для своих методологических и теоретических построений. Какая-либо проблематизация соответствующих оснований просто блокирована самой системой мейнстримного дискурса. Например, в структуре Международной социологической ассоциации не находится места для социологии институтов и социологии государства (социология организации, конечно, есть).

По свидетельству Б. Эггера, в мейнстримной исследовательской практике как бы незримо присутствует основной принцип позитивизма, согласно которому «можно рефлексировать мир без предпосылок, без вторжения философских и теоретических положений» [цит. по: Алиева, 1995: 111].

Такое положение совершенно не случайно. Любые попытки соответствующей методологической рефлексии привели бы к вопросу о том, в какой мере априорно принимаемые исследователями ценностные конструкции реально соответствуют ценностным основаниям индивидов и их сообществ. Долгое время эта методологическая проблема не вела к существенным последствиям в плане релевантности результатов социологических исследований. И исследователи, и респонденты

² Доверие, например, было в центре обсуждения Гайдаровского форума 2020 г.

находились в рамках стандарта примерно схожих представлений. Стандарты социально одобряемого поведения, задаваемого всей системой социализации Запада (от школы до истеблишментных СМИ), обуславливали формирование их общих рамок.

Фундамент этого стандарта был заложен в ходе Великой демократической революции, начавшейся во Франции в 1968 г. Эта революция разрушила многие обветшавшие нормы и представления, поставила в качестве фундамента общества обновленные ценности либерализма, индивидуализма и демократии.

Но затем в течение полувека в западном обществе шел процесс радикализации этих ценностей, превращения их в «гражданскую религию». Нужно оговориться, автор здесь не критикует подлинных либералов и демократов, страдающими, часто даже своей жизнью плативших за приверженность высоким идеалам свободы и народовластия. Мы оппонируем «псевдолиберализму», извратившему изначально высокие и сохраняющие свое значение ценности.

Примечательно, что в разработке и продвижении по миру догматов этой «религии» приняли активное участие бывшие троцкисты, сменившие лозунги мировой пролетарской революции на мировую «либеральную».

Религиозный статус «псевдолиберализма» обусловил запрет на какую-либо критику его ценностных оснований. Были делегитимированы и дегуманизированы ценности консерватизма. Под сомнение — как антигуманные — были поставлены даже прежние вполне истеблишментные ценности рационализма и эффективности. Один из признанных гуру социологии повседневности М. Маффесоли противопоставляет дионисийской культуре (подлинно человеческой в его понимании) собственную метафору культуры «прометеевской». Для нее типичны ценности прилежной работы, изобретения, прогресса, универсального продуктивизма, столь соответствовавшего духу эпохи великих открытий [цит. по: Алиева, 1995: 115]. И это притом, что именно эти ценности и самый дух эпохи великих открытий обеспечили «восхождение Запада», его победу в глобальной конкуренции институтов.

Более того, в рамках борьбы с «большими нарративами» были поставлены под сомнение не только марксизм, но и структурализм. Так, даже Талкотт Парсонс был подвергнут критике как теоретик — сторонник *status quo*.

Ценности «псевдолиберализма» были противопоставлены любым структурам, ориентированным на социальную интеграцию. Само понятие *социальная интеграция* оказалось выброшено из лексикона мейнстримной социологии. Пандемия же властно напомнила о проблемах обществ с ослабленной социальной интеграцией и дефицитом институционального регулятивного воздействия. Другим измерением этого же процесса стал кризис социальной интеграции значимой части афроамериканских сообществ, преодоление которого адепты гражданской религии предлагают через всеобщее покаяние белых за создание общества системного расизма.

Религиозно-идеологическая атака на массовое сознание Запада привела к хорошо известному нам двойному сознанию. На поверхности все (или почти все) придерживаются официальной «либеральной» идеологии. Этот феномен, основанный на нормативном статусе вполне определенного социально одобряемого поведения, обеспечивал самоподдержку доминирующим социальным теориям. Ну как здесь не вспомнить о концепции А. Грамши, что культурная гегемония

буржуазии — залог ее политического господства. «Государство — это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добываясь при этом активного согласия руководимых» [Грамши, 1980: 128]. Но я сам был свидетелем, как в Америке в барах и на задних дворах при жарке барбекю многие клянут эти самые ценности, которые оскорбляют их нравственные чувства, религиозные и культурные традиции.

Победа Д. Трампа и его единомышленников в Европе — триумф тех, кто восстал против этого идеологического гнета. По своему накалу и методам борьбы это уже религиозные войны, а не политическая конкуренция.

Еще одним фактором, подрывающим фундамент западных институтов, стал слом традиционной системы статусов. Тотальная атака на эту систему была одной из задач Великой демократической революции. Это было не созидательное разрушение, не формирование новых, эффективных оснований системы статусов, а ее тотальное разрушение. Популярность стала важнее профессионализма и ответственности. Речения звезд и прочих селебритис важнее компетенций. Социальные сети лишь расширили и закрепили этот процесс. Политика сегодня — всего лишь разновидность шоу-бизнеса.

В результате разрушения признаваемой системы профессиональных статусов ослабляется легитимность системы институтов Запада, да отчасти и наша собственная. Заметно стремление заполнить этот вакуум легитимности путем отвлечения людей от рациональной рефлексии характера институционального функционирования.

Заметим, тотальное недоверие к каким-либо авторитетам — важная причина краха движения «оранжевых жилетов». Это, конечно, хороший знак для тех, кто опасается спонтанных, идущих снизу революций, но он же плох для сторонников эффективного институционального функционирования. Доверие к институтам лишилось своей прежде прочной основы — рациональной оценки практикой и ответственности интересам. Результат — сужение возможности принятия рациональных, но не всегда популярных решений. Доверие все больше основывается на сложившейся инерции эмоционального климата. Этот климат может и не устоять перед взрывом устоев повседневности.

Еще одна причина разрушения институционального фундамента — слом действовавшей много столетий системы интеграции ценностей и социальных интересов. Собственно, наличие такой интеграции и стало причиной выдвижения монистических социологических конструкций. Практика убедительно показывала прочную склейку ценностей и интересов. Марксисты отстаивали примат интересов и указывали на то, что они задавали вполне определенные идеологические ориентиры. Веберианцы же, напротив, указывали, что определенные религиозные и в целом ценностные ориентиры задавали рамки интерпретации интересов.

Были попытки преодолеть этот теоретический раскол. Так, Эдуард Бернштейн первый указал, что признание роли интересов — важнейший вклад марксизма в социальную теорию. Он же показал, что ценностные и нравственные аргументы буквально пронизывают все работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса [Бернштейн, 1902: 61]. Но все его попытки интегрировать обе магистрали соци-

альной мысли были отброшены, прежде всего, его «родными» марксистами. Как представляется, дело было не столько в примиренчестве Бернштейна с идеализмом Макса Вебера, сколько в декларированном им выводе о возможности не революционного, а эволюционного преобразования общества. В первую очередь — выводе о значении духовно-нравственного воспитания общества, на котором настаивали авторы «Вех», ряд из которых прошли серьезную марксистскую теоретическую выучку.

Следует обратить внимание, что процессы интеграции ценностей и интересов не ограничивались доктринальными и теоретическими усилиями. В течение длительного времени в Европе и в Америке действовали специализированные институты, обеспечивавшие такую интеграцию. Здесь примечательно то внимание, с каким изучал Америку («страну ассоциаций») Алексис де Токвиль [Токвиль, 1992]. Он показал значение сети разного рода ассоциаций, которые стали инфраструктурой американского гражданского общества и обеспечивали функционирование демократии. Здесь важно подчеркнуть, что эти ассоциации, прежде всего религиозные сообщества, обеспечивали не только этическую ориентацию своих членов, но, что не менее важно, служили институтами социальной интеграции.

Так, сначала церковь, а в Новое время салоны, политические клубы, позже — уже и политические партии обеспечивали систематическую интеграцию ценностей и интересов. Но затем в массовых партиях хвост стал вертеть собакой. Характер массового сознания низов, электоральные нужды все время снижали роль рациональных, связанных с интересами аргументов и, напротив, повышали эмоционально-аффективную составляющую агитации.

Апофеозом этого процесса стали политические течения, основанные на обращении к обостренным чувствам низов, прежде всего к их неприязни, если не к ненависти к истеблишменту. Примеров несть числа. Самый известный — призыв Д. Трампа «осушить вашингтонское болото».

Феномен отрыва в массовом сознании значимых ценностей от социально-экономических интересов хорошо знаком россиянам. Научно-техническая интеллигенция была тараном, сокрушившим советскую систему, но она же стала жертвой своей победы, лишившись своего статуса, гарантированных доходов и возможности заниматься любимым делом. Ценности подмяли жизненные интересы.

Институциональная система Запада, да и наша собственная, лишились прежде прочной опоры — рефлекслируемых социально-экономических интересов, подкрепленных живыми ценностями и традициями.

В результате всех этих процессов пузырь доверия к институтам все более истончался. В результате сложилась гетерогенная по своим основаниям социальная структура. В ее рамках одни слои и группы ориентируются преимущественно на интересы. При этом влияние ценностей на их позиции либо слабо, либо они носят циничный, нигилистический характер. При их характеристике уместна веберовская критика целерационального поведения.

Другие слои и группы ориентированы преимущественно на традиции и ценности, зачастую в их аффектированном и, соответственно, радикализованном виде. Здесь налицо модели традиционного или аффектированного социального действия, в которых рациональность играет ограниченную роль.

Эта гипотеза об основаниях социальной структуры, безусловно, требует эмпирической верификации в рамках целой программы социологических исследований.

Рассмотренные выше социальные процессы существенным образом подточили институциональную систему обобщенного Запада. **Главный ее дефект — идеологически надутые пузыри доверия к его основным экономическим, политическим и социальным институтам.**

Идеологически надутые пузыри доверия, лишенные прочных оснований в виде интегрированных ценностей и интересов, устойчивой системы социальных авторитетов, могут оказаться прорванными в результате атаки на них в виде взрыва системы повседневности. Люди, лишенные привычных ориентиров в результате проблематизации всех компонентов повседневности, при отсутствии более глубоких опор в виде прочно интериоризованных ценностей и рефлекслируемых интересов, легко превращаются в массу.

Важным свойством этого процесса является схлопывание массового сознания до одной доминирующей ценности первого порядка. Характеризующий признак таких ценностей (патриотизм, свобода, справедливость и т. п.) — невозможность какого-либо сомнения в их абсолютном статусе. Эти ценности из нравственно-этических ориентиров превращаются в источник массового социального аффекта, в предмет псевдорелигиозного поклонения. Здесь оказываются отброшены любые рациональные калькуляции выгод и потерь, вопреки замечательным теоретическим построениям Ч. Тилли [Тилли, 2019].

Революционные эксцессы — результат взрыва привычной повседневности. Участвующие в них люди, вырванные из этой своей повседневности — до того, как они оказались втянутыми в водоворот страстей, даже помыслить не могли о подобного рода действиях.

Эти соображения важны для рассмотрения процессов, которые могут возникнуть, когда лопнут идеологически надутые пузыри доверия ко всей институциональной системе Запада. Да и нам, пусть и специфической, но все же части западной цивилизации, есть над чем задуматься.

Разломы институтов, опоры и ловушки их созидания

При обсуждении процессов разрушения и условий созидания институтов важно, прежде всего, понимание существа разломов, по которым идет такое разрушение.

Обрушение институтов всегда связано с утратой легитимности норм и правил, способных реально регулировать отношения в обществе. Одновременно (или даже прежде того) утрачивают легитимность инстанции, обладающие правом устанавливать эти нормы и правила. Именно поэтому так значимо разрушение системы авторитетов и статусов, основанной на компетенциях и реальных достижениях в областях, значимых для функционирования системы институтов.

Значимый риск этого процесса обрушения связан с тем, что зачастую он становится самоподдерживающим, по аналогии с цепной реакцией, и неоднородным — как в пространственном, так и структурном измерении. Здесь сказывается влияние отмеченного выше массового социального аффекта. Собственно, два краха великого государства в XX веке — хорошая иллюстрация такого процесса.

Условие — утрата значения, точнее регулятивного влияния тех ценностей, которые лежали в основании легитимности. Обрушение институтов идет до их фундамента. Многим памятна времена, когда у нас обрушение дошло до того, что главными регуляторами стали приснопамятные «понятия».

Важно не только брезгливо отбрасывать «понятия» как возможность приемлемого регулирования, но и понять, что это была устойчивая институциональная система, вполне адекватная нравственному кризису того времени. Именно такой кризис породил ситуацию, когда снижение роли (или вовсе отсутствие) санкций за нарушение норм ведет к тому, что в выигрыше оказываются акторы, не обремененные нравственно-этическими ограничениями.

Соответственно, в условиях кризиса радикальная проблематизация всех оснований повседневной жизни снижает регулятивные возможности прежде значимых ценностей и, соответственно, основанных на этих ценностях институтов. Но анализ этого процесса может открыть дорогу к пониманию тех ценностей, которые способны стать фундаментом новой институциональной системы.

Для того чтобы открыть такую дорогу, важно избежать доктринальных ловушек, которые уводят в тупики. Такой ловушкой в свое время стала всеобщая убежденность в том, что процессы социальной трансформации обязательно ведут к формированию эффективной системы либеральных институтов. Даже не обсуждался вопрос о взаимном соответствии ценностей, необходимых для функционирования таких институтов, с одной стороны, и ценностей и норм, выступающих регуляторами социальной жизни, с другой. Здесь сказалась наивная вера как в неизбежные благие плоды общественного прогресса, так и в не менее наивный либеральный догматизм, в то, что «все мы разумные люди и будем вести себя, как требует закон».

Жизнь выступила жестким критиком этих заблуждений, заставив заплатить за них высокую цену разгула коррупции и nepотизма. Генезис постсоветской системы институтов пошел по пути использования не универсальных, но партикулярных ценностей и норм. На основе традиционных, высокозначимых для нашего общества ценностей родственных связей, прочных дружеских отношений, сложившихся во время совместной учебы, работы и тем более службы, складывались прочные цепочки доверия, которые становились опорой новой институциональной среды³. В рамках подготовки монографии «Институты: загадка и судьба» ВЦИОМ провел целую серию фокус-групп, которые подтверждают гипотезу о высоком регулятивном влиянии партикулярных ценностей [Дискин, 2016].

Другой линией разлома институциональной среды является «двоемыслие» — разрывы между социально одобряемыми ценностями и представлениями, с одной стороны, и укоренными, высокозначимыми массовыми ценностями и представлениями, выступающими основаниями для мотивов и стимулов социального действия, с другой. Так, академик Т. И. Заславская указывала на эту проблему: «эффективность общественных институтов во многом зависит, во-первых, от степени соответствия формально-правовых норм неформальным социокультурным нормам, во-вторых, насколько реальные практики соответствуют формальным и неформальным нормам» [Заславская, 2004: 116].

³ Подробнее об адекватной модели социальной трансформации и институциональном генезисе см. [Дискин, 2019].

Проблема здесь в том, что инерция повседневности делает эти ценности и представления латентными, дремлющими. Кризис, обрушение привычной институциональной среды, срывающее оболочку повседневности, жестко проблематизирует эти ценности и представления, ставит под вопрос сами смыслы жизненного существования. Замечательным примером такой проблематизации стали лозунги митингов в ряде городов США против норм коронавирусной изоляции: «Give me freedom, or give me death!»⁴.

Эта линия разлома ставит целый ряд ловушек.

Первая, методологическая, связанная с уже отмеченной выше попыткой строить систему институтов, опираясь на доктринально сформированную систему ценностей, норм и представлений. Это путь идеологического надувания пузырей доверия. Доверия, лишенного прочной опоры на укорененные ценности и традиции.

Выход из нее, как ни парадоксально это звучит, в возвращении к истокам либерализма, с его толерантным признанием как религиозного, так и в целом ценностного плюрализма. Необходим отказ от «псевдолиберальной» гражданской религии, переход к признанию возможности строить институты с опорой на ценности, характерные для конкретных социальных акторов, вовлеченных во взаимодействие с этими институтами.

Соответственно, финансово-экономические институты будут социальной средой для рациональных активистов. Институты, связанные с гуманитарными сторонами социальной жизни, будут базироваться на ценностях, традиционно связываемых с «человеческим измерением», с ценностями, изучаемыми в рамках социологии повседневности.

Это предполагает изучение не только социально одобряемых, парадных ценностей, но и выявление латентных ценностей и норм, способных стать опорой обновляемых социальных институтов.

Вторая ловушка — прочная историческая традиция «революционности», связывающая институциональные преобразования с фундаментальными, чаще всего радикальными политическими преобразованиями. В основании этой традиции, широко распространенной в мире, но еще больше укорененной в нашем социально-политическом сознании, лежит тезис, что глубокие преобразования институтов просто невозможны без кардинальных политических преобразований. Эта логика делала революционные преобразования не только легитимными, но и просто необходимыми.

Следует оговориться, что иногда глупость властвующих элит, их неспособность оценить социально-политические реалии, ответить на насущные запросы наиболее активных и влиятельных групп, их попытки заменить назревшие реформы ретроградными заклинаниями не оставляют другого пути ухода от национальной катастрофы, кроме революции. Но чаще идеологически вмененный синдром революционности толкает дезориентированные активные массы к радикальным действиям даже тогда, когда еще остаются реальные возможности диалога между властью и обществом, для проведения реформ.

⁴ Дай мне свободу или дай мне смерть! (пер. с англ. авт.)

При этом, как это всегда бывает с масштабными социальными процессами, реальные проблемы, порождающие исходное недовольство, оказываются отброшены. В массовом сознании начинают доминировать ценности первого порядка, специфика которых как раз и связана с невозможностью любых дискуссий относительно их статуса. Любые прагматические резоны отбрасываются ради воплощения здесь и сейчас норм, порождаемых этой ценностью. Кризис становится тотальным, угрожающим самому существованию общества.

Собственно, в силу этого «термидор» является терминальной стадией практически всех революций. Он жестко завершает их аффектированную манифестацию, возвращает в повестку дня создание рамок повседневности. Возрождение массового покоя ослабляет питательную среду революционного натиска, и он угасает. Пример — кардинальная смена общественного климата в период НЭПа, ставшая трагедией для многих революционеров.

Для нас эта ловушка значима потому, что длительное время революция имела преимущественно позитивную коннотацию. В нашем массовом сознании революция не менее, если не более легитимна, чем реформирование.

Сегодня, в условиях надвигающегося кризиса, все слышнее голоса «буревестников революции». Их призывы могут получить отклик в средах, где ослаблены тормоза рефлексии собственных интересов, где кризис усиливает аффект — реакцию на взрыв повседневности.

Чаще всего ряды этих «буревестников» пополняются теми, кто не нашел своего места в системе власти или уже покинул ее (чаще всего не по своей воле). Для них характерен недостаток профессионализма и ответственности, способности практически участвовать в созидании. Но желание сохранить свой статус, накачанный медийной популярностью, толкает их к радикализму, к заигрыванию с популистскими инстинктами масс.

«Буревестники революции» — часть более широкой коалиции «пораженцев» — «торговцев страхом», намеренно преувеличивающих наши проблемы и трудности, завышающих риски преобразований. Их усилия, подкрепленные активностью в СМИ, оказывают большое влияние на массовое сознание. **Поражение «пораженцев» — необходимое условие поддержания основ действующей институциональной системы.**

Обывателям, бездумно рассчитывающим посмотреть со стороны за разрушением «отвратительной системы воров и жуликов», уместно напомнить об издержках такого разрушения в 1990-х, вполне соизмеримых с потерями в результате большой войны.

Третья ловушка, теоретическая, тесно связанная с первой, основана на жестком противопоставлении социологии институтов и социологии повседневности. В рамках мейнстримной социологии возникла конвенция: «социологичен тот тезис, в котором артикулируется его принадлежность к одной из двух социологий и не делается попыток конфляции»⁵ (от лат. conflatio — сплавление). Исходная позиция сторонников этого тезиса вполне понятна: нельзя смешивать нормативные представления о должностовании, на которых сфокусированы исследователи

⁵ Бумагин Р. Вирус и институты. Часть 1 // коронаФОМ: Фонд «Общественное мнение». 2020. 21 апреля. URL: <https://covid19.fom.ru/post/virus-i-instituty-chast-1> (дата обращения: 18.10.2020).

институтов, и «то, как люди ведут себя в повседневности. Здесь уже реальные живые люди, обладающие телом, находящиеся здесь и сейчас, и движимые смыслом, определением ситуации, как-то себя ведут. И это их реальное действие может сильно отличаться от того, что предписывается плакатами или классической литературой»⁶.

Но сторонники такого противопоставления закрывают дорогу для социологического изучения отмеченного выше институционального разлома, расхождения между нормами социально одобряемого поведения, с одной стороны, и реальными регулятивными условиями, с другой. Табуировать предмет изучения, вместо того чтобы создать теоретические основы этого изучения, — сомнительная позиция.

В чем же причина такого табуирования? Исследования рассогласований между социально одобряемыми ценностями, с одной стороны, и ценностными основаниями, формирующими среду «реального действия», с другой, как представляется, могут привести к сомнениям в релевантности оснований, на которых покоится вся социология повседневности. Но забота о теоретическом целомудрии сторонников обсуждаемого противопоставления — вряд ли достаточное основание для того, чтобы оказаться в ловушке, препятствующей институциональному генезису.

Уход от этой ловушки требует адекватного теоретического и эмпирического ответа. Нужна программа социологических исследований, сфокусированных на проблеме взаимодействия и противоречий между нормами социального действия, обусловленными регулятивными требованиями определенных институтов и практиками повседневности.

Еще одна ловушка для обновления институтов — популизм. Популизм в условиях пандемии цветет пышным цветом. Отрицания самой пандемии или рекомендации чудодейственных лекарств создали не лучший фон для рационального и ответственного поведения людей.

Расцвет популизма вполне объясним в условиях доминирования «бессердечной» бюрократии, замороженной доктринально сформированными представлениями об эффективности институтов. К этому добавляется необходимость оперативного принятия решений, просто взрывающих нормы повседневности. Но ситуация усугубляется тем, что слишком многие представители бюрократии зачастую лишены даже самого элементарного сочувствия людям, их страданиям и переживаниям. В результате формируется отчуждение многих людей от институциональной системы в целом. Они становятся легкой добычей «буревестников революции». И это притом, что реформы требуют легитимации институциональных норм.

В такой ситуации популизм, с его обращением к остро проблематизированным ценностям, с простыми, но ложными ответами на насущные проблемы — высокий барьер на пути институционального обновления. Так, например, высокое значение социальной справедливости обуславливает распространение популизма, эксплуатирующего эту ценность. Чаще всего это какие-либо изводы левых доктрин. Но следует также иметь в виду и риски популизма, эксплуатирующего ретроградные заклинания, выдаваемые за консерватизм. Подлинных консерваторов, в отличие от ретроградов, заботит обращение к глубоко укорененным и живым традициям

⁶ Бумагин Р. Вирус и институты. Часть 1 // коронаФОМ: Фонд «Общественное мнение». 2020. 21 апреля. URL: <https://covid19.fom.ru/post/virus-i-instituty-chast-1> (дата обращения: 18.10.2020).

для решения проблем на деле, а не к иллюзиям, якобы ведущим к национальному величию России. К решению наших реальных проблем ведет, как уже отмечалось, рост эффективности социальных институтов, способных на адекватный ответ реальным вызовам, на победу во все более жесткой глобальной конкуренции.

Ориентиром, позволяющим избежать обсуждаемые ловушки, является проблемный подход. В его основе предназначение института — решение вполне определенной социальной проблемы. Ясное осознание стоящей проблемы, связь между постановкой проблемы и институциональными средствами ее решения — залог успеха.

Пока цель попечения детей, лишенных родителей, — одеть, обуть, накормить, дать минимальный уход, решением были детские дома. Как только цель сменилась и в фокусе оказалась социализация детей, сразу появились такие средства, как семейные детские дома, расширение возможностей усыновления и т. п.

Другой пример — ЕГЭ. Можно его сколько угодно критиковать, но трудно придумать иные механизмы, когда для независимой оценки знаний невозможно задействовать педагогический персонал, непосредственно взаимодействующий с проверяемыми. Честное признание существования проблемы — необходимое условие ее институционального решения.

О субъекте искомого генезиса

Главный вопрос в этой связи: кто все это будет делать, кто способен справиться со всеми этими ловушками, сменить административно-бюрократический подход на проблемный, придать «человеческое» измерение всему процессу институционального генезиса?

Прежде всего, необходимо сформулировать требования к субъекту этого генезиса, рамки которых задаются как характером кризисных разломов, так и рассмотренными выше ловушками. В качестве такого субъекта вряд ли может выступить государство в его сегодняшнем, неизменном виде. Сложившиеся процедуры государственного управления обуславливают административно-бюрократические стереотипы, кардинально расходящиеся с требованиями проблемного подхода.

Здесь важно, что рассмотрение проблемы, предшествующее проектированию института, требует анализа комплекса позиций, мотивов, ценностей и интересов всех вовлеченных в нее акторов. Это — критерий подлинно проблемного подхода. Тогда понятно, что проблемный подход — профилактика и «бессердечного технократизма», и популизма. Он также — против надувания пузырей доверия. Вопрос — кто способен его реализовать?

Технократически ориентированная бюрократия совсем не готова к такому широко социальному подходу. Такой постановки нет даже при подготовке новых лидеров. И это притом, что сам факт такой подготовки — гигантский шаг вперед по сравнению с прежними номенклатурными и лоялистскими подходами.

В прежние времена проблемный подход формировался у части политиков, которые обладали стратегическим видением, и экспертов, призванных подкреплять такое видение. Существовали соответствующие теоретические и методические средства. Но охарактеризованные выше процессы размыли спрос на подобное видение. Попытки отдельных политиков не только встречали сопротивление

в бюрократической среде, для которой такой подход был «не по уму», но и не получали отклика в средах, вроде бы ориентированных на стратегическое планирование. Происходило самоподдерживаемое затухание проблемного видения. И это не только у нас.

Иллюстрация — история программно-целевого планирования в США. Д. Макнамара, обладавший в 1960-х годах огромным авторитетом, немислимыми усилиями протолкнул систему программно-целевого планирования PPBM (programming, planning, budgeting, management) в качестве стандарта для бюджетирования сначала в Министерстве обороны, а затем и в государственной системе в целом. Но постепенно, шаг за шагом, бюрократия, крайне недовольная сокращением своих лоббистских возможностей и ограничением манипуляций, оставила от нее лишь оболочку.

Ровно это же произошло и с нашими попытками программно-целевого планирования. Разница лишь в том, что в отличие от американцев в наших бюджетных программах даже не пытались формировать цели на основе проблемного подхода. Исполнители просто брали их из головы. Автор не раз указывал на декоративный характер наших бюджетных программ. То, что это секрет Полишинеля, подтверждается высказыванием на заседании Общественного совета при Министерстве экономического развития РФ⁷ его председателя В. А. Мау: «бюджетные программы — это фикция».

Предшествующее обсуждение обуславливает еще одно требование к субъекту — отстаивание общественных интересов. Следует обратить внимание, что проблема общественных интересов, выстраивание системы их интегрального и инструментального выражения сегодня даже не предмет постановки и обсуждения в «верхах».

В результате на деле главный их выразитель — Минфин, готовящий федеральный бюджет, призванный быть инструментом выражения этих интересов. Это совсем не случайно при доминировании бюрократии. Парламент, призванный представлять и обобщать такого рода интересы, лишь лоббист регионов и корпораций, слегка корректирующий показатели второго или третьего уровня.

Такая система обладает ограниченной целевой ориентацией, насущной в условиях кризиса. Мы видим, как нужда кардинально модифицировала иерархию институтов в условиях борьбы с инфекцией. Содержательные проблемы и показатели вышли на первый план. Минфину вернули его законный функционал. Президент продемонстрировал субстанционально присущую ему роль выразителя фундаментальных государственных и общественных интересов⁸.

Так, уже сегодня наметились ориентиры институциональной подготовки к грядущему кризису. Они связаны в первую очередь с более широким анализом общественных интересов, с активизацией общественно-политического диалога в отношении их инструментального определения.

⁷ Автор — член Общественного совета при Министерстве экономического развития РФ.

⁸ В ходе «нулевого чтения» в Общественной палате РФ по поправкам к Конституции автор предлагал внести в нее субстанциональное определение: «Президент РФ выражает фундаментальные интересы государства и общества». Более того, академик Т. Я. Хабриева поддержала эту идею с комментарием, что «было бы желательным протянуть идею общественных интересов через всю Конституцию».

Представляется вполне обоснованным, чтобы президент в своем ежегодном Послании формулировал бюджетные приоритеты и соответствующие целевые параметры. Это стало бы продолжением линии, заложенной в Указе Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. Такая логика выражения общественных интересов закрепила бы также роль президента в рамках системы стратегического планирования.

Можно полагать, что крайняя нужда, угрозы и риски грядущего кризиса станут стимулом для высшего руководства страны к продолжению поисков адекватных средств институционального генезиса.

Но здесь новый барьер — их легитимация. Поддержки элитных группировок явно недостаточно, так как они не слишком влияют на регулятивную роль создаваемых институтов. Для легитимации также недостаточно пассивного «одобрямса» большинства, который легко может смениться эмоциональным недовольством и даже протестами. Для легитимации институтов в условиях кризиса нужна более устойчивая опора.

В качестве отправной точки можно использовать концепцию «ответственного класса»⁹. Здесь следует обратить внимание на легкость, с которой ряд аналитиков обращается с понятием «класс». Появляются концепции, когда определенные слои и группы называются классами, хотя они не только не «класс для себя, но даже и не класс в себе». Яркий пример — «креативный класс». Можно согласиться с гипотезой о наличии у соответствующих слоев общего функционала, но они не обладают общностью социально-экономических интересов, ценностей, норм и представлений.

Чтобы отграничиться от такого рода построений, было предложено определение: «ответственный класс» — сообщество активных и ответственных граждан, осознающих свою гражданскую миссию, ответственность за судьбы страны, государства и общества. Сообщество граждан, делом доказавших свою профессиональную и нравственную состоятельность, готовых принять на себя ответственность и за собственные активные действия, и за положение дел в стране и в обществе¹⁰.

«Ответственный класс» призван формировать интегрированную систему общественных интересов, выявлять возникающие коллизии и противоречия, совместно с государством вырабатывать адекватные решения, продвигающие к успеху.

Из приведенного определения «ответственного класса» видно, что этот субъект вполне отвечает сформулированным выше критериям и требованиям обеспечения регулятивной роли институтов. Он способен также стать ориентиром социально одобряемого поведения большинства, с одной стороны, и опорой легитимности санкций за их нарушение — с другой.

Следующий уровень проблем — наличие ресурсов формирования «ответственного класса». Основой этого формирования является консолидация «субэлитных»

⁹ Концепция «ответственного класса» была разработана в рамках Специального доклада ОП РФ, подготовленного возглавляемой автором Рабочей группой. См.: Специальный доклад Общественной палаты РФ «Российский прорыв и задачи гражданского общества» // Общественная палата Российской Федерации. 2019. 4 ноября. URL: <https://www.oprf.ru/documents/2705/newsitem/52411> (дата обращения: 18.10.2020).

¹⁰ Там же.

групп. Эти группы не наделены прямыми властными полномочиями, но обладают определенным социальным статусом и характеризуются способностью к рациональному и ответственному анализу ситуации. В этом смысле они отвечают требованиям совмещения рациональной рефлексии своих социально-экономических интересов и значимости для них нравственно-этических ориентиров.

Значение консолидации «субэлитных групп» кардинально возрастает в условиях кризиса. Мировой, да и отечественный опыт показывает, что в период острых социально-политических напряжений в «субэлитных» группах распространяются брожения, панические настроения, которые зачастую выступают триггером утраты уверенности даже позитивно настроенными элитами — уверенности в прочности как своего положения, так и своего влияния. Как показывает наша история, здесь таится угроза последующей деморализации всей социально-политической системы, утраты ее способности противостоять даже относительно слабому натиску.

В свою очередь, мнения и позиции этих групп, как правило, значимы для элит, влияют на принимаемые ими решения. По известному выражению Дж. Хигли, элиты могут делать лишь то, что им позволяют «субэлитные» группы. Они также авторитет и для более массовых групп и сообществ. В определенном смысле «субэлитные группы» — фундамент любых серьезных преобразований. Прочная поддержка преобразований «субэлитными группами» снижает вероятность того, что неизбежные временные недовольства и брожения в локальных средах перерастут в серьезные социально-политические риски.

«Субэлитные» группы — основа для формирования «ответственного класса» — достаточно широко представлены в институтах организованного гражданского общества. Соответственно, процесс консолидации «субэлитных групп» предполагает два измерения диалога в рамках гражданского общества.

Вертикальный диалог с высшими органами государственной власти по приоритетам стратегии и тактики преобразований, по адекватности проектов преобразований требованиям общественных интересов, запросам активных и влиятельных групп общества. Соответственно, условие успеха — участие в диалоге национального лидера. Этот диалог направлен на ограждение преобразований от обсужденных выше ловушек, на придание преобразованиям «человеческого измерения». Этот диалог позволяет существенно повысить самооценку его гражданских участников, стать значимым стимулом их консолидации. Его успех зависит от «респонсивности власти», без которой ее глухота обернется отчуждением от ее главной опоры [Дискин, Федоров, 2010]. Но решение этой проблемы требует соответствующего социологического мониторинга.

Горизонтальный диалог направлен на формирование «ответственного класса» как класса в себе, консолидированного рефлексией общих социально-экономических интересов и нравственно-этических представлений. Главный социологический критерий — социальная интеграция. Это означает, что в средах гражданского общества должны существенно повыситься принципиальность и взаимная нравственно-этическая требовательность. Возросшая социальная интеграция активной и ответственной части гражданского общества — необходимая предпосылка для того, чтобы сформированный на ее основе «ответственный класс» смог справиться со своей миссией — субъекта институциональных преобразований.

Позитивный характер процессов социальной интеграции активной и ответственной части гражданского общества требует также создания соответствующей системы мониторинга. Без социологического наблюдения и анализа трудно рассчитывать на успех этого жизненно важного процесса.

Специфика роли «ответственного класса» обуславливает и его организацию. Здесь вряд ли возможны партийные формы: сработает «закрытие Чернобырдина», будет пародия на КПСС. Скорее, успех может быть достигнут в рамках целенаправленного взаимодействия институтов и структур гражданского общества.

Главное условие — осознание миссии и ответственности за судьбы страны, принципиальность, активность и ответственность.

Предложенные посильные суждения призваны стать стимулом для заинтересованного диалога.

Список литературы (References)

Алиева Д. Я. Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 110—121.

Alieva D. Ya. (1995) Paradigmatic Shifts in the Sociology of Everyday Life: The Conception of Michel Maffesoli. *Sociological Journal*. No. 1. P. 110—121. (In Russian).

Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб.: Издание Б. Н. Звонарева, 1902.

Bernstein E. (1902) Zur Geschichte und Theorie des Socialismus gesammelte Abhandlungen. Saint Petersburg: Izdaniye B. N. Zvonareva. (In Russ.)

Грамши А. Избранные произведения / под общ. ред. И. В. Григорьевой и др. М.: Политиздат, 1980. Т. 3.

Gramsci A. (1980) Selected Works. Moscow: Politizdat. Vol. 3. (In Russ.)

Дискин И. Е. Институты: загадка и судьбы. М.: РОССПЭН, 2016.

Diskin I. E. (2016) Institutions: Mystery and Fate. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Дискин И. Е. Альтернативы «российского прорыва». М.: РОССПЭН, 2019.

Diskin I. E. (2019) Alternatives to the “Russian Breakthrough”. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Дискин И. Е., Федоров В. В. Респонсивность современной российской политической системы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 4—11.

Diskin I. E., Fedorov V. V. (2010) Responsiveness of Modern Russian Political System. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4—11. (In Russ.)

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004.

Zaslavskaya T. I. (2004) Contemporary Russian Society: Social Transformation Mechanism. Moscow: Delo. (In Russ.)

Мак-Нил У. Восхождение Запада: история человеческого сообщества. Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004.

McNeill W. H. (2004) *The Rise of the West: A History of the Human Community*. Kiev: Nika-Tsentr; Moscow: Starklight. (In Russ.)

Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм / пер. Г. А. Рачинского. СПб., 1912.

Nietzsche F. (1912) *Die Geburt der Tragödie: Oder: Griechentum und Pessimismus*. Saint Petersburg. (In Russ.)

Тилли Ч. От мобилизации к революции. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Tilly Ch. (2019) *From Mobilization to Revolution*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992.

Tocqueville A. (1992) *De la Démocratie en Amérique*. Moscow: Progress. (In Russ.)

McNeill W. H. (1976) *Plagues and Peoples*. Garden City, NY: Anchor Press/Doubleday.

North D. C. (1990) *Institution, Institutional Change and Economic Performance*. New York, NY: Cambridge University Press.

